

ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Паламарчук, Евгений Александрович

Социальная политика Третьего рейха

Москва

Российская государственная библиотека

Паламарчук, Евгений Александрович.

Социальная политика Третьего рейха [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. - М.: РГБ, 2006. - (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).

Полный текст:

<http://diss.rsl.ru/diss/07/0314/070314030.pdf>

**Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в
фонде РГБ:**

Паламарчук, Евгений Александрович

Социальная политика Третьего рейха

71:07-7/55

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Паламарчук Евгений Александрович

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

Специальность: 07.00.03 – всеобщая история
(новая и новейшая история)

Диссертация

на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ростов-на-Дону
2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Раздел I. Регулирование трудовых отношений	40
1.1. Нацистское трудовое законодательство.....	40
1.2. Создание и деятельность Германского трудового фронта.....	63
1.3. Меры по ликвидации безработицы.....	107
Раздел II. Средние слои в Третьем рейхе	152
2.1. Положение мелких и средних предпринимателей и торговцев.....	152
2.2. Политика в отношении крестьянства.....	210
2.3. Чиновничество в социальной структуре рейха.....	286
Раздел III. Демографическая политика и социальная мобильность	343
3.1. Молодежная политика нацизма.....	343
3.2. Положение женщины и семьи в Третьем рейхе.....	428
3.3. Социальное обеспечение и благотворительность.....	505
Заключение	555
Примечания	567
Список источников и литературы	637

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В пестром калейдоскопе многовековой истории человечества бесспорные достижения цивилизации тесно переплетены с многочисленными уродливыми явлениями – «побочными детьми» прогресса, являющимися платой за стремление к совершенству. Каждый переход в следующее столетие и тем более смена тысячелетий порождают у землян новые надежды, идущие рука об руку с заложенными на генетическом уровне старыми страхами по поводу цены, который потребует очередной виток человеческого развития. В этом отношении двадцатый век - один из самых противоречивых. Открыв людям дорогу в космос и «подарив» им компьютер, он одновременно пополнил «ящик Пандоры» такими напастями, как мировые войны и тоталитаризм. Одним из классических вариантов последнего является национал-социализм.

Несмотря на то, что прошли десятилетия с момента, когда под сводами Нюрнбергского Дворца правосудия прозвучали слова приговоров Международного Военного Трибунала ведущим нацистам, чья деятельность в годы существования Третьего рейха квалифицировалась как преступления против человечности, идеи, вскормившие национал-социализм, не только не стали достоянием прошлого, но, напротив, набирают силу в последние годы, в том числе в развитых, благополучных в экономическом и социальном отношении странах. Неоспоримым свидетельством последнего служит резкая активизация неонацизма и неофашизма в Германии, Франции и других государствах Западной Европы.

Тоталитарный менталитет еще не изжит из общественного сознания западноевропейского общества. Более того, на Западе получает широкое распространение точка зрения, согласно которой «национал-социализм – это не что иное, как форма политики государства благоденствия». Нацизму припи-

сываются модернизаторские свойства, а гитлеровское государство представляется как «самая импозантная и солидно устроенная система социального вспомоществования и солидарности»¹.

Те же тенденции наблюдаются сегодня в государствах Прибалтики, в которых на смену культу героев-антифашистов пришло почитание не только на бытовом, но и на государственном уровне лиц, активно сотрудничавших с нацистами и даже принимавших участие в военных действиях на их стороне, включая эсэсовские части, при одновременном ущемлении прав ветеранов Великой Отечественной войны.

Не менее тревожным симптомом является проникновение нацистской и экстремистской идеологии в Россию, где она нашла своих, пусть пока еще не столь многочисленных, адептов.

В современных условиях некоторым политикам и общественным движениям фашизм видится как некий искус человечества, обрекающий на немислимые издержки и манящий (по меньшей мере, изначально) фантастическими перспективами с точки зрения решения внутри – и внешнеполитических проблем государства. В чем же суть нацизма как искушения в истории? Несмотря на разгром гитлеризма в 1945 г., возможно прав известный американский ученый А. Джоуз, предрекавший в 1974 г., что последняя четверть XX столетия «может стать золотым веком фашизма»².

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что актуальность исследования истории национал-социализма и его социальной политики в настоящее время не только не утрачена, но лишь возросла. Ведь, с одной стороны, именно провал социальной политики, осуществлявшейся последними кабинетами Веймарской республики, резко сократившими расходы на социальную сферу, в значительной степени дискредитировал их, облегчив Гитлеру приход к власти; с другой стороны, активная социальная политика, проводившаяся гитлеровским движением, наряду с пропагандистским и организа-

ционным воздействием, стала решающим фактором формирования массовой базы нацизма и обеспечения внутривластной стабильности режима Третьего рейха. Изучение этого исторического феномена, основных принципов и механизмов нацистской социальной политики позволит современным демократическим государствам не допустить усиления влияния экстремистских политических кругов.

Новые методологические подходы современной исторической науки позволяют углубить проблематику исследования истории Третьего рейха, в частности его социальной истории. Ранее доминировали исследования, посвященные политической и военной истории нацизма. Социальная же история охватывает повседневную жизнь людей, социальную политику, экономические связи различных социальных групп, условия труда и отдыха человека. Изучение этих аспектов истории позволяет проникнуть в глубь социального бытия и дать во многом новую картину действительности нацистской Германии.

Объектом данного диссертационного исследования является история Третьего рейха, в частности его внутренняя политика, как инструмент создания массовой базы нацистского движения и национал-социалистического политического режима.

Предметом исследования выступает социальная политика нацизма как система мер, направленная на управление и эффективное функционирование политической системы страны, формирование определенной социальной структуры общества и определение мотивов поведения различных социальных слоев.

Хронологические рамки работы охватывают 1933-1945 гг., т.е. весь период существования нацистского рейха. В этих хронологических рамках можно выделить два периода: первый – с 1933 по 1939 гг., когда социальная политика использовалась для укрепления нацистского режима в стране. Второй период – с 1939 по 1945 гг. – время Второй мировой войны, потребовав-

шее мобилизации всех военных и социально-экономических сил Третьего рейха на подготовку и проведение военной агрессии за установление мирового господства.

Территориальные рамки диссертационного исследования включают Германию в границах 1937 г. Вместе с тем, в ряде случаев используется материал о нацистской оккупационной политике в годы Второй мировой войны.

Историография проблемы. Вот уже на протяжении 60 лет, прошедших с момента падения нацистского режима, различные аспекты национал-социализма неизменно относятся к числу наиболее рейтинговых научных проблем. И это вполне объяснимо, если учесть тот отпечаток, который феномен нацизма, как одной из крайних разновидностей тоталитаризма, оставил на челе двадцатого века, а также поразительную живучесть породивших и переживших его идей, которые перекочевали и в новое столетие. За указанный период возникла обширнейшая историография, посвященная нацизму вообще, социальной политике гитлеровского режима в частности. Историография фашизма и нацизма возникает практически одновременно с самим объектом исследования. «Теории фашизма так же стары, как и сам фашизм», - отмечал Эрнст Нольте³.

На протяжении многих лет положение в исторической науке, посвященной проблемам национал-социализма, характеризовалось ее общим делением на «марксистскую» и «немарксистскую» и их противостоянием.

В развитии марксистской историографии национал-социализма и его социальной политики можно выделить **два этапа**: *первый* – с начала 30-х до середины 50-х гг.; *второй* этап – с середины 50-х до начала - 90-х гг. В основе этой периодизации лежит социально-политическая обстановка в СССР, развитие методологических основ изучения темы, состояние источниковой базы и проблематика исследований.

На первом этапе в марксистской историографии в условиях становле-

ния авторитарно-бюрократической системы господствовало определение нацизма, данное XIII пленумом Исполкома Коминтерна, согласно которому он являлся «открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»⁴. Это породило упрощенный подход к определению причин установления фашистских режимов и специфики их социальной базы. Составлявшие последнюю представители социальных слоев объявлялись жертвами фашистской пропаганды, носившей демагогический характер. «Маскировка социальной демагогией, – отмечал Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна, – дала возможность фашизму увлечь за собой в ряде стран выбитые из колеи массы мелкой буржуазии и даже некоторые части наиболее отсталых слоев пролетариата»⁵.

Марксистская концепция фашизма сложилась не сразу. Сам объект изучения находился в состоянии эволюции. Антикапиталистическая демагогия, пропаганда, непрямая связь между социальным базисом и политической практикой – все это маскировало истинный характер фашизма. Неудивительно, что при анализе национал-социализма порой допускались поспешные, недостаточно обоснованные суждения о тех или иных его аспектах, в частности вывод ряда марксистских авторов о мелкобуржуазном характере движения Гитлера.

Тем не менее в этот период вышли первые работы, наполненные интересным конкретно-историческим материалом. Среди них следует отметить публикации Германикуса, Э. Отвальда, в которых рассказывается о ходе политической борьбы в годы Веймарской республики, о мерах Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) по созданию социальной и массовой базы своего движения⁶.

Социально-экономическую программу национал-социализма исследовал И. Дворкин. Он показал, что главными элементами программных устано-

вок НСДАП являлись преодоление наступившего в результате кризиса экономического спада, ликвидация безработицы и подготовка страны к войне с целью захвата жизненного пространства⁷.

В 30-е гг. существенное внимание марксистские авторы уделяли аграрно-крестьянской тематике в идеологии и практике нацизма, т.к. крестьянство было провозглашено главным антропологическим источником немецкой нации. Роль аграрно-крестьянского вопроса в идеологии гитлеризма проанализировал И. Гольдштейн⁸. Немецкий ученый – антифашист Н. Штайнбергер проанализировал некоторые аграрные мероприятия правительства Гитлера после прихода к власти⁹.

В 1938 г. вышла в свет работа Н.М. Сегалья «Аграрная политика германского фашизма», в которой автор уделяет большое внимание политике «наследственных дворов», т.е. созданию в немецкой деревне средних и крупных хозяйств, которым предоставлялись определенные финансовые и законодательные льготы. Автор первым среди марксистских исследователей заметил одну из существенных черт аграрной политики нацизма, направленной на формирование определенной социальной структуры деревни¹⁰.

Большой вклад в изучение национал-социалистической аграрно-крестьянской политики внес немецкий антифашист Э. Гернле, который, используя документы, личные впечатления и рассказы очевидцев, показал положение различных социальных групп крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата в условиях национал-социализма, обрисовал специфику политических и социальных отношений в деревне¹¹.

В 30-е годы перед марксистской историографией стояла задача показать, что несет нацизм тем социальным слоям, среди которых ему удалось найти главный контингент приверженцев. В работе советского ученого А. Сидорова на обширном статистическом материале исследовано положение городских средних слоев в Германии. Автор отметил, что уже в первые годы существо-

вания нацистского режима «произошли огромные сдвиги в перераспределении народного дохода Германии в пользу монополистического капитала за счет рабочего класса, служащих, мелкой буржуазии города и деревни»¹².

Очевидно, что в своих выводах А.Н. Сидоров исходил из марксистской концепции фашизма и недооценивал значение социальной политики гитлеровского правительства, направленной на создание своей социальной массовой базы в стране.

Роль и место социальной политики в государственно-административном механизме Третьего рейха изучил И.П. Трайнин. Его книга посвящена комплексному анализу государственного аппарата нацистской Германии. Автор приходит к выводу, что в Германии было создано тоталитарное государство, в котором все области общественной жизни «огосударствуются» и воплощаются в руководстве вождя¹³. Основное внимание он акцентирует на террористической сущности нацистского режима. Вместе с тем роль социальной политики, как одного из инструментов этого механизма, И.П. Трайниным не раскрывалась.

Марксистской исторической науке и публицистике были чужды германофобские тенденции, весьма широко распространенные на Западе. Многие англо-американские исследователи практически отождествляли немецкий народ с нацистами, а всю германскую историю изображали как прямой путь к гитлеровскому рейху. Советские ученые и публицисты всегда проводили грань между немецким народом и нацизмом, подчеркивали прогрессивные и гуманистические традиции германской истории и культуры. Это было характерно как для довоенного времени, так и для исследований периода Второй мировой войны, когда в центре внимания отечественных ученых оставались не только военно-политические, но и социальные аспекты нацистской диктатуры. В изучении аграрной политики нацизма одной из главных являлась проблема социально-экономических сдвигов, происшедших в немецкой де-

ревне накануне и в годы Второй мировой войны. Крупным вкладом в исследование этой проблемы явилась работа А. М. Петрушова, который провел обширный анализ аграрных отношений в Германии в указанный период и на основе изучения положения крестьянских хозяйств установил, что аграрная политика правительства Гитлера способствовала концентрации основных средств производства (земли, скота, машин) в крупных хозяйствах, с одной стороны, и быстрому обнищанию мелких крестьянских хозяйств, - с другой¹⁴.

Начавшийся после Второй мировой войны период «холодной войны» самым негативным образом сказался на исследовании проблем фашизма и его социальной политики в СССР. В 1947 г. под редакцией директора Института мирового хозяйства и мировой политики Е.С. Варги вышла монография «Германский империализм», написанная сотрудниками этого института И.И. Гольдштейном и Р.С. Левиной. Наряду с военно-экономическими и политическими аспектами темы авторы коснулись и социальной политики германского империализма, показав ее преемственность от Бисмарка до Гитлера¹⁵. Однако книга попала под каток сталинских репрессий и подверглась жесточайшей критике. В связи со схожестью политических режимов Сталина и Гитлера, а также некоторых направлений их социальной политики, тема фашизма для научного изучения была закрыта.

С середины 50-х гг. в связи с хрущевской «Оттепелью» начинается второй этап в развитии марксистской историографии национал-социализма, который характеризовался публикацией документов, в частности семитомного сборника материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, и частичным пересмотром концепции фашизма как диктатуры наиболее крупных слоев финансового капитала. Для него характерно усиление внимания к изучению проблем идеологии и социальной политики национал-социализма.

Важным событием этого периода стало создание в 1957 г. Комиссии

историков СССР и ГДР, которая на протяжении своего существования немало внимания уделяла именно изучению национал-социализма. Тогда же, в 1957 г. при Институте истории АН СССР начала работать группа по изучению истории Германии под руководством А.С. Ерусалимского. Отныне советские исследователи получили доступ к архивам ГДР¹⁶.

Вскоре Комиссия историков СССР и ГДР совместно с Институтом всеобщей истории АН СССР начала выпускать Ежегодник германской истории (ЕГИ), который благодаря усилиям Б.Г. Вебера, Л.И. Гинцберга, Г.Н. Горошковой, Д.С. Давидовича, П.А. Жилина, Б.М. Туполева и др. на протяжении многих лет служил координирующим органом германских исследований не только в СССР, но и в других социалистических странах¹⁷.

В этот период в марксистской историографии вновь был поставлен вопрос о сущности нацистского режима и его социальной политики. Так, например, Л.И. Гинцберг, В.В. Размеров, Г.Л. Розанов, В.Т. Фомин, основываясь на новых источниках, включая материалы Нюрнбергского процесса, показали, что фашизм являлся порождением государственно-монополистических тенденций государственного империализма, что его социальная функция состояла в том, чтобы не только оградить позиции монополистических групп, пошатнувшиеся во время мирового экономического кризиса и войны, но и путем политического вмешательства в экономику ускорить процесс становления государственно-монополистических отношений в промышленности, банковском деле, сельском хозяйстве и других областях народного хозяйства¹⁸.

Существенные изменения в изучении нацизма вообще, его социальной политики в частности, исследователями марксистской ориентации произошли в 60-е гг. Прежде всего, новый период ознаменован появлением целого ряда фундаментальных исследований. Одним из них стала монография А.А. Галкина «Германский фашизм», написанная на основе междисциплинарного подхода – на стыке истории и социологии. Изданная дважды¹⁹, она и сегодня

остаётся непревзойденной в отечественной историографии обобщающей работой о германском фашизме. Структура книги обусловлена социологическим подходом: автор исследует феномен германского фашизма сквозь призму структуры немецкого общества. Галкин рассмотрел такие проблемы, как «фашизм и монополии», «нацизм и милитаризм», идеология национал-социализма. Часть монографии А.А. Галкина посвящена анализу отношений национал-социалистов с рабочим классом и средними слоями, где автор осветил основные направления социальной политики нацизма. Однако в этом исследовании не затронуты проблемы социальной политики правительства Гитлера в отношении женщин, молодежи и других социальных слоев. Кроме того, работа строится в основном на литературных источниках.

В этой книге, а также в другой монографии А.А. Галкина «Социология неофашизма» (1971г.) содержится ряд принципиально новых для отечественной историографии положений – о фашизме как «политической альтернативе ... буржуазно-демократической форме реализации власти правящих классов капиталистического общества»²⁰, о том, что фашизм являлся «попыткой правящего класса дать в условиях кризиса системы социальный и политический ответ на потребности развития производительных сил, представляющий собой альтернативу социализму, или ... превентивной контрреволюцией, маскируемой под революцию»²¹ (определение, расходившееся со ставшим каноническим определением XIII пленума ИККИ), а также идея о том, что, способствуя установлению нацистского режима, монополии вынуждены были смириться с собственным подчиненным положением в Третьем рейхе²².

В 1978 г. был опубликован коллективный труд советских ученых – «История фашизма в Западной Европе», носивший обобщающий характер. В нем были рассмотрены особенности основных фашистских режимов, затронуты проблемы антифашистской борьбы, неофашизма и неонацизма. В то же время в основу этой работы был также положен классовый подход. Фашизм в

ней рассматривался как социально-политическое явление, сопутствующее общему кризису капитализма, как одно из средств, использовавшихся буржуазией в качестве заслона на пути социального прогресса, в связи с чем политический подход здесь зачастую преобладает над научным. Однако компаративный подход к анализу различных форм фашизма позволил авторскому коллективу, в который входили Г.С. Филатов, В.Д. Ежов, Б.Р. Лопухов, Д.С. Давидович, Л.И. Гинцберг, Г.Н. Горошкова, С.П. Пожарская, П.Ю. Рахшмир и др., существенно расширить рамки предмета исследования и углубить анализ причин происхождения, классовой сущности фашизма, его отношений с различными социальными слоями. Один из главных выводов авторов гласит, что « в различных странах фашизм обладал определенной спецификой», что различие в уровнях социально-экономического и политического развития отдельных государств обусловили разнообразие типов и форм фашистских движений и режимов²³. Авторы собрали большой фактический материал, который свидетельствовал о том, что фашизм представлял собой многогранный феномен, имевший политический, экономический и социально-психологический аспекты. В политической и социально-экономической сферах его сущность проявлялась в отстаивании своеобразного варианта государственно-монополистического капитализма. Через социально-психологическую сферу реализовывалась непрямая связь между преимущественно мелкобуржуазным социальным базисом фашистских движений и их политической функцией, противоречащей интересам тех слоев, которые фашисты мобилизуют под свои знамена²⁴.

К числу заметных достижений отечественной историографии нацизма следует отнести две монографии А.А. Анিকেева²⁵, в которых был представлен комплексный анализ отношений германского фашизма и крестьянства с 1933 по 1945 гг. На основе широкого круга документов, включая немецкие архивы, автор показал основные направления аграрно-экономической и со-

циальной политики нацистов на селе.

Существенный вклад в изучение нацистской социальной политики и факторов, влиявших на нее, внесли историки Восточной Германии. Особенно плодотворными в этом отношении были 80-е гг. В это время вышел коллективный труд «Исследование фашизма. Позиции. Проблемы. Полемика»²⁶, в котором восточногерманские исследователи предприняли попытку обобщить утвердившиеся к тому моменту в ГДР подходы к изучению нацистской идеологии, массовой базы национал-социалистического движения и гитлеровского режима, отдельных направлений проводившейся в Третьем рейхе социальной политики. В то же время и здесь нашел отражение традиционный для марксистской историографии подход, согласно которому основной акцент делался на связи нацизма с крупным капиталом. И в дальнейшем проблема увязывания прихода Гитлера к власти с поддержкой монополий, на которые таким образом возлагалась ответственность и за все социально-политические программы, осуществлявшиеся в Германии в 1933-1945 гг., неизменно остается в поле зрения восточногерманских историков²⁷.

Современный этап развития отечественной историографии нацизма берет начало в 90-х гг., когда под влиянием событий августа 1991г. в стране произошла смена общественно-политического строя, была снята цензура, наступило время методологического плюрализма, были широко распахнуты двери архивов, произошло концептуальное обновление отечественной германистики. В это время повышается интерес к проблемам тоталитаризма. В 1996 г. Институтом всеобщей истории РАН был опубликован объемный коллективный труд, посвященный этому феномену²⁸. Он стал плодом деятельности научного семинара «Проблема соотношения демократии и тоталитаризма в истории Европы XX века», организованного Я.С. Драбкиным и функционирующего под его руководством²⁹. В нем анализируются сущностные характеристики тоталитарных режимов правого и левого толков, включая их

социальную политику.

Вышедшие в начале 90-х гг. монографии В. А. Буханова, отличавшиеся новаторским для отечественной историографии характером, позволили по-новому взглянуть на сущностные аспекты «немецкого социализма». В них автор значительное место отводит социальным программам нацизма³⁰.

В 1993 г. группа ученых Томского университета под руководством Н.С. Черкасова подготовила монографию, в которой впервые в отечественной историографии была проанализирована молодежная политика национал-социалистического режима, а также распространение неонацистских идей среди молодежи ФРГ, убедительно показано, что нацистам удалось привлечь значительную часть молодежи на свою сторону³¹ (правда, на наш взгляд, в ней не нашли должного освещения проблемы студенчества).

Важный аспект социальной политики Третьего рейха исследовали в своей монографии М.Е. Ерин и А.М. Ермаков. Речь идет об истории «Имперской трудовой повинности»: от истоков ее возникновения в начале 30-х гг. и до крушения вместе с гибелью нацизма в 1945г. На широком фактическом материале показывается процесс ее становления, движущие мотивы, методы и место в системе воспитания молодежи нацистской Германии³².

К числу событий в российской германистике можно отнести выход в 2000г. монографии А.А. Аникеева, Г.И. Кольги, Н.Е. Пуховской, которая представляет собой первое в отечественной историографии исследование истории Национал-социалистической германской рабочей партии – ее возникновения, становления, структуры, социального состава, электората, положения в политической системе Третьего рейха³³. Обширный статистический материал о социальном составе НСДАП, приведенный в монографии, позволяет судить о главных направлениях социальных мероприятий нацистского режима на различных этапах его существования.

Оригинальное исследование об истории нацизма и путях преодоления

его влияния в современной Германии написал А.И. Борозняк³⁴. Описывая сложные процессы динамичного развития немецкого общества, особенно его самосознания, автор существенное внимание уделяет причинам живучести нацистской идеологии в современной Германии. На наш взгляд, одна из главных причин этого явления кроется в социальной политике национал-социализма, которая оставила глубокий след в сознании немцев.

В последние несколько лет российскими авторами опубликовано немало книг по истории нацизма, многие из которых, на наш взгляд, не заслуживают специального упоминания ввиду их легковесности, крайне узкой источниковой базы (что представляется особенно недопустимым в связи с возросшими возможностями доступа к архивным источникам) и скорее популяризаторского, нежели научного характера. В то же время среди обобщающих работ хотелось бы выделить пятитомник Санкт-Петербургского исследователя О.Ю. Пленкова, который задался целью представить социальную историю Третьего рейха³⁵. Оценивая результаты нацистской социальной политики, автор пишет, что «нацисты умело использовали тягу немцев к преемственности и одновременно к социальным изменениям, преисполнившую огромные массы населения Германии. По большому счету, – отмечает он, – обманчивость социальных обещаний и перспектив национал-социализма несколько не обесценивают социальную динамику, которая лежит в основе успеха Гитлера, и эта динамика требует своего истолкования»³⁶. Вместе с тем, социальную историю нацистской Германии автор рассматривает весьма обширно. В его интерпретации она включает не только собственно социальную сферу, но и такие области, как внешняя политика, военная политика, экономическая политика, идеология и др. Бесспорно, такой подход представляется интересным для читателя, но делает крайне затруднительным анализ проблем социальной политики.

В последние годы активное изучение проблем тоталитаризма, включая

его германскую разновидность – национал-социализм, ведут ученые Западно-Сибирского центра германистских исследований. Центр провел несколько международных научных конференций, посвященных этой теме. Одна из последних – «Тоталитарный менталитет: проблемы изучения и пути преодоления» – состоялась в сентябре 2001 г. и продемонстрировала разнообразные подходы к вопросам теории тоталитаризма и тоталитарного менталитета. В выступлениях участников конференции с новых методологических позиций были поставлены многие проблемы истории национал-социализма, включая его социальную политику. Так, В.И. Михайленко подчеркнул: «Все тоталитарные государства рушились мгновенно и быстротечно и ни одно из них не восстановило свою державность на основе новой тоталитарной модели. Известные исторические примеры свидетельствуют, что процесс «выхода» из тоталитаризма был сложным, многолетним и имел своей конечной целью приближение к одному из либеральных проектов»³⁷.

Таким образом, несмотря на вышеуказанные недостатки, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами, вклад отечественной историографии в разработку вопросов, связанных с различными аспектами национал-социализма, неоспорим.

Проблемам нацизма серьезное внимание уделяет немарксистская историография. В ней развернулась острая полемика с марксистскими историками, одной из болевых точек которой стала «теория агента» - такое клише в ней получил марксистский тезис об ответственности крупных монополий за приход Гитлера к власти. На излишние «схематизм и свехупрощенчество» подобного подхода обращали внимание Д. Хиден и Д. Фаргухарзон³⁸.

По мнению Н. О'Сулливана, «лучшие усилия марксистских ученых рафинировать первоначальную коминтерновскую доктрину привели в конце концов не более чем к набору обобщений о предполагаемых социально-экономических условиях, породивших фашизм», перечисление которых «не

вылилось в создание логически последовательной марксистской теории фашизма»³⁹.

Приписывая марксистским исследователям стремление «доказать, что массы были одурачены капиталистами, боявшимися надвигавшейся коммунистической революции», О'Сулливан пишет, что постулируемая марксистской историографией «тесная связь между фашизмом и капитализмом... делает невозможным объяснение, почему экстремистские движения, основанные на националистических настроениях, появились в некапиталистических или экономически отсталых странах, таких как Италия (на наш взгляд, она не относится ни к тем, ни к другим.), Венгрия, Польша и Румыния, равно как «теория, рассматривающая появление фашизма в развитом индустриальном обществе, как в Германии, не может объяснить, почему он не появился в Великобритании и США»⁴⁰. В этом же усматривает слабость «ортодоксально-марксистской интерпретации» Т. Ниппердей, считающий, что «объяснение 1933 года нужно выводить не из структуры капитализма, но из последовательности германской истории»⁴¹.

С самого начала в немарксистской историографии обозначился плюрализм подходов к проблемам нацизма. В 50-е - 70-е гг. в ней широкое распространение получила теория тоталитаризма. Важнейшим научным трудом в этом отношении было и остается фундаментальное исследование Х. Арндт, которая подчеркивает, что тоталитаризм основывается на трех китах: идеологии, карательных органах и экономике. Идеология использует упрощенные псевдонаучные формы, карательные органы в своих действиях руководствуются не законами, а «высшими интересами» класса, расы или партии, формируя народный консенсус, а в экономике режим не допускает неконтролируемой активности⁴².

Как видим, одна из основоположников концепции тоталитаризма достаточно глубоко вскрывает ее суть. Вместе с тем, она не учитывает роль со-

циальной политики как составной части внутренней политики государства, воплощенной в его социальных программах и практике, и регулирующей отношения в обществе в интересах и посредством интересов основных социальных групп населения.

Правда, среди приверженцев этой теории не было единства мнений по поводу степени тоталитарности, достигнутой гитлеровским режимом. К.Д. Брахер пришел к мнению, что нацистский режим «лучше, чем любая другая диктаторская система, отвечает идее тоталитарной организации, концентрации власти и моноидеологии»⁴³. В. Хофер не согласен с такой оценкой, считая, что она в большей степени относится к «советской системе, причем, не только в ее сталинской форме, но также к существующей сегодня» (речь шла о первой половине 80-х гг. - Е.П.)⁴⁴.

Постепенно у теории тоталитаризма появляется немало противников. Хиден и Фаргухарзон в своем обобщающем историографическом исследовании пишут об «общем упадке» данной «модели».

Широкий резонанс в западном научном мире вызвала книга Д. Шенбаума: «Гитлеровская социальная революция: класс и статус в нацистской Германии. 1933-1939», в которой на основе широкого статистического материала автор показывает нацистские преобразования в экономике и социальной структуре Третьего рейха. При этом ученый преувеличивает глубину нацистских социальных реформ, полагая, что они изменили социальную сущность общественного строя в Германии⁴⁵.

Эта точка зрения получила широкое распространение в зарубежной историографии. Так, по мнению Дж. Эллуса, «нацизм был великой революцией против бюрократии, ... старости в пользу молодежи; против сильных иерархий, против капитализма, против мелкобуржуазной ментальности, против комфорта и безопасности, против современного общества, против традиционной морали, за высвобождение инстинкта, желания, страстей, не-

нависти к копам (да, именно так!), воли к власти и создания более высокого уровня свободы»⁴⁶. Х. Тревор-Ропер характеризовал Гитлера и Муссолини как «революционеров, которые ... наслаждались возможностью радикальной власти»⁴⁷. С. Пейн, полемизируя с историками левой ориентации, считающими возможным применение определения «революционный» «только к позитивной или созидательной революции», обращает внимание на «деструктивный характер» многих революций и делает вывод о том, что «национал-социализм в действительности представлял уникальный и радикальный вид современной революционности»⁴⁸. Его поддержал Хофер. «Лишь те, кто видит что-либо по существу позитивное в идее революции», отвергают использование этого понятия применительно к нацизму. Но ... «не следует забывать, - пишет он, - ... что революции в смысле социально-политических сдвигов могут приносить как добро, так и зло»⁴⁹. По этой же причине, – традиционного позитивного восприятия термина «революция», – Е. Вебер высказал мнение о необходимости признания самих понятий «революция» и «контрреволюция» «анахронистическими стереотипами», хотя и он определяет фашизм не как «контрреволюцию», а как «альтернативную революцию по отношению к революции коммунистической»⁵⁰, нацеленную «прежде всего, на преобразование человека»⁵¹. Уместно привести и мнение Дж. Ноукса. «Нацистской революцией, – отмечает он, – была война – не просто потому, что война ускорила политические, экономические и социальные изменения в такой степени, которая не имела места в мирное время, но в более глубоком смысле, потому, что в войну нацизм находился в своей стихии. В этом смысле нацизм был действительно «революцией разрушения – себя самого и других на беспримерной основе»⁵². М. Катер же, исходя из недостаточной представленности рабочего класса в НСДАП, отстаивает тезис о незавершенном характере нацистской революции⁵³.

Но у данного тезиса имелось и немало противников. А. Швейтцер от-

мечал, что и в законодательном смысле, и фактически Германия прошла через политическую контрреволюцию. Впрочем, последнюю он связывал лишь с заменой многопартийной системы однопартийной⁵⁴. Основываясь на результатах собственного исследования общественного мнения и социального поведения в Третьем рейхе, И. Кершо категорически отвергает тезис о том, что нацисты совершили социальную революцию⁵⁵.

В 60-х-70-х гг. в США и западноевропейских странах появляется группа ученых, анализирующая природу национал-социализма и его социальной политики с позиций теории модернизации, сочетание которой с изучением нацизма представляет собой одно из проявлений структурно-исторического метода. Ее сторонники оценивают нацизм по его отношению к процессу модернизации в рамках индустриального общества. Одни, как североамериканский ученый А. Грегор и английский исследователь Н.О 'Сулливан, наделяют фашизм вообще и нацизм в частности модернизаторскими свойствами⁵⁶. Другие акцентируют внимание на его антимодернизме, «интерпретируют его как выражение сопротивления «модернизации» ..., рассматривают фашистские движения, как, главным образом, противостоящие центральным чертам западного либерального общества, таким как урбанизация, индустриализация, либеральное образование, рационалистический материализм, индивидуализм, социальная дифференциация и плюралистическая автономия и, таким образом, классифицируют фашизм как изначально оппозиционный самой модернизации»⁵⁷. Видным представителем последних является Г. Тернер, считающий нацизм, в первую очередь, консервативной реакцией протеста на негативные стороны современного промышленного развития⁵⁸. По мнению П. Стахуры (Шотландия), идеология НСДАП носила «антимодернистский» характер⁵⁹. Д. Херф пишет о реакционном модернизме национал-социалистов, заключавшемся, как он считает, в комбинации прогрессивной технологии и политического иррационализма⁶⁰. А. Кассельз же (Канада) счи-

тает, что в ряде слаборазвитых стран фашизм являлся модернизаторской силой, но в таких индустриально развитых государствах, как Германия, был фактором, противостоявшим процессу модернизации⁶¹.

Общим для работ вышеперечисленных исследователей является то, что они рассматривают фашизм как линию развития «индустриального общества» XX века. Некоторые ученые, поначалу воспринимавшие теорию модернизации в штыки, позднее сами начинают использовать ее методологический потенциал. Это, в частности, характерно для второго издания монографии крупного западногерманского историка В. Випперманна⁶² (в издании 1972 г. он подвергал сомнению уместность применения теории модернизации в конкретно-исторических исследованиях, сравнивая ее с игрой в бисер из одноименного романа Г. Гессе)⁶³.

В свое время широкий резонанс получила феноменологическая теория фашизма, предложенная Э. Нольте. По мнению ученого, фашизм является феноменом, присущим лишь одной эпохе в современной истории, ограниченной 1919-1945 гг. Нольте определяет фашизм, как «антимарксизм, стремящийся уничтожить противника путем разработки радикально противоположной и все же сходной идеологии и путем применения почти тождественных, но характерным образом видоизмененных методов, действующих всегда в замкнутых рамках национального самоопределения и автономии»⁶⁴. Однако уже в первой половине 70-х гг. ряд историков обращал внимание на то, что концепция фашизма, разработанная Нольте в 60-х гг. и делавшая основной акцент на идеологических аспектах феномена, устарела. Так, М. Китчен (Канада), обращая внимание на недопустимость свойственной Нольте недооценки социальных аспектов фашизма, отмечал, что «фашизм нельзя понять с точки зрения феноменологических, идеологических форм, а только с точки зрения фундаментальных объективных причин. Корни фашизма, как и любого другого социального движения, находятся не в сознании или в

идеологической сфере, а в социальной структуре общества»⁶⁵.

Кроме вышеперечисленных, широкое распространение в немарксистской историографии получили теории, рассматривавшие фашизм как движение средних слоев города и деревни, как проявление бунта мелкой буржуазии против связанных с развитием капиталистического общества модернизации и индустриализации. Впервые подобный взгляд нашел отражение в работе Л. Сальваторелли «Национал-фашизм», опубликованной еще в 1923 г.⁶⁶. «Экстремизм среднего сословия» видит в фашизме известный американский политолог С. Липсет⁶⁷. Профессор Калифорнийского университета В. Зауэр считает, что низы средних слоев действительно пострадали или боялись, что могут пострадать от индустриализации. Социальная политика Гитлера была направлена на смягчение последствий этого влияния⁶⁸. В то же время ряд известных ученых, таких как М. Китчен, отвергли подобную интерпретацию фашизма⁶⁹.

С. Пейн указывал на ограниченность теории фашизма как выражения уникального радикализма средних слоев, поскольку она не принимает во внимание значительное число сторонников фашизма, не принадлежавших к среднему сословию в таких разных странах, как Германия, Венгрия и Румыния⁷⁰. Сходная точка зрения была выражена В. Шидером в резюме к сборнику статей ученых ФРГ «Фашизм как социальное движение», изданному в 1976г.⁷¹.

Западноевропейской и американской немарксистской историографии присуща национальная специфика. Историографию ФРГ в особенности отличало наличие полярных трактовок национал-социализма и его социальной политики, поскольку эти проблемы непосредственно связаны с прошлым Германии. Таким образом, у западногерманской историографии нацизма, с одной стороны, сложился своеобразный комплекс вины, с другой – стремление преодолеть его. Это нашло свое отражение в «споре историков» – раз-

вернувшейся в 80-е гг. среди ученых ФРГ дискуссии, в фокусе которой в основном оказались два вопроса: считать ли преступления нацистского режима уникальными и беспрецедентными в мировой истории и на кого следует возложить ответственность за возникновение Второй мировой войны⁷². Одним из ее инициаторов стал Нольте, заявивший, что геноцид еврейского населения, осуществлявшийся нацистами, в своей основе ... был не просто «геноцидом», но извращенной реакцией на «зверства русской революции», которая, таким образом, послужила для национал-социалистов образцом. Отсюда делался вывод о том, что именно революция, происшедшая в октябре 1917 г. в России, является «наиболее важной предпосылкой» возникновения Третьего рейха⁷³. Эта точка зрения была поддержана К. Хильдебрандом и редактором «Франкфуртер Алгемайне Цайтунг», видным ученым И. Фестом, по мнению которого, еще в 1919г. под влиянием грешивших преувеличениями сообщений из России о зверствах большевистского режима у Гитлера начал складываться «комплекс уничтожения», нашедший впоследствии свой выход в холокосте⁷⁴. В отечественной историографии несостоятельность подобного подхода была вскрыта Н.С. Черкасовым⁷⁵.

В американской и английской историографии нацизма прослеживалось их тесное взаимовлияние, выражавшееся в сходстве методологических установок и теоретических принципов. Наблюдалась широкая координация исследований нацизма, осуществлявшаяся учеными США, ФРГ, Англии, Канады и других государств. В последние годы данная тенденция лишь укрепилась. Важную роль в этом процессе играют коллективные труды, включающие, как правило, публикации исследователей, придерживающихся различных методологических подходов⁷⁶. Сохраняется и определенный интерес зарубежных ученых к различным проблемам социальной политики Третьего рейха. Этому посвятили свои последние работы П. Эйкоберри, М. Бурлей, Д. Кру⁷⁷.

На сегодняшний день историография национал-социализма насчитыва-

ет в своем арсенале тысячи монографий и статей. Например, в «Библиографии» национал-социализма», опубликованной в Германии в 1995г., значится 20356 наименований книг и публикаций в периодической печати, принадлежащих перу ученых из США и европейских стран. Отечественная же историография нацизма периода второй половины 40-х – первой половины 90-х гг., по подсчетам Ю.В. Галактионова, насчитывает около 200 книг и тысячи статей⁷⁸. За последнее десятилетие их количество значительно возросло. Несмотря на это, ни в отечественной, ни даже в зарубежной историографии национал-социализма, комплексного исследования, в котором бы детально рассматривались все аспекты нацистской социальной политики, нет. Раздел в коллективной монографии «Национал-социалистическая диктатура. 1933-1945», написанный Х. Лампертом и озаглавленный «Государственная социальная политика в Третьем рейхе»⁷⁹, на подобную роль претендовать не может. Все это еще больше повышает актуальность темы данной диссертации.

Изучение социальной политики национал-социализма, как главного фактора повседневной жизни Третьего рейха, конечно, требует анализа антифашистских выступлений, фактов социальной конфронтации в стране. Однако эта тема достаточно широко и глубоко исследована отечественной и зарубежной историографией⁸⁰. Поэтому данный аспект в историографическом обзоре не затрагивается.

Таким образом, наиболее слабо изученной проблемой в отечественной и зарубежной историографии является социальная политика нацизма. Оценки Д. Шенбаума и других авторов, считающих фашизм социальной революцией, не содержат достаточно веских оснований для таких выводов. Эти исследователи неточно трактуют понятие социального государства, как государства демократического типа с относительно стабильной и развитой экономикой, которое способно проводить активную социальную политику: заботиться о трудоустройстве населения, обеспечивать права человека, создавать эффек-

тивные системы здравоохранения и образования, осуществлять широкие программы социального обеспечения, решать проблемы демографии и социальной мобильности. Кроме того, в современных условиях требуется уточнить основные направления, формы и результаты социальной политики национал-социализма.

Учитывая вышесказанное, автор диссертации видит **цель** своей работы в комплексном исследовании социальной политики Третьего рейха, которая предполагает решение следующих **задач**:

- исходя из современных методологических позиций, сформулировать концепцию нацистского государства и его социальной политики;
- выявить роль социальной политики в теории и практике Третьего рейха;
- проанализировать основные направления нацистской социальной политики;
- изучить формы социальной политики, проводившейся в гитлеровской Германии в отношении различных социальных слоев;
- изучить демографическую политику и социальную мобильность в Третьем рейхе;
- рассмотреть и проанализировать результаты социальной политики нацизма.

Источниковая база исследования.

Выделяют множество видов источников, но в принципе лишь сочетание различных их типов позволяет составить всестороннее представление о социальной политике нацистской Германии на том или ином этапе ее развития. В этой связи, при написании диссертации нами использовались различные виды источников: архивные документы, опубликованные материалы, законодательные акты, работы и выступления лидеров Третьего рейха, статистические материалы, мемуарная литература и периодика.

Многообразные источники, использованные в диссертации, отвечают замыслу исследования. Они могут быть подразделены на семь основных категорий. По степени значимости на первое место следует поставить архивные документы. Среди них первостепенное значение имеют материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного военного архива (РГВА).

Важное значение для анализа социальной политики Третьего рейха, полноты представлений о широком диапазоне средств, применявшихся нацистами в сфере регулирования трудовых отношений, имеют документы из фонда Имперской канцелярии – Указ Гитлера «О борьбе за производительность немецких предприятий», положивший начало ежегодному проведению между коллективами германских заводов и фабрик соревнования за достижение наиболее высоких трудовых показателей, и Предписание о реализации этого указа на практике⁸¹.

Для понимания сути нацистской социальной политики немалый интерес представляют обнаруженные в фонде МВД Германии документы, касающиеся решения жилищной проблемы многодетных семей⁸². Ценные для раскрытия анализируемых автором проблем документы содержатся в фонде Имперского министерства экономики. В частности, для выявления степени эффективности национал-социалистической аграрной политики в довоенный период и в годы войны важное значение имеют богатейший статистический материал и его анализ, содержащиеся в составленной аналитиками Генерального штаба США в 1944г. брошюре «Сельское хозяйство Германии»⁸³.

Автором диссертации подробно проанализирован ряд относящихся к периоду Второй мировой войны, в частности к 1942 г., документов, касающихся использования в экономике «Великогерманского рейха» и в оккупированных Германией областях «всех имеющихся в распоряжении трудовых сил» - Указ фюрера о генеральном уполномоченном по использованию рабочей силы от 21 марта, Предписание генерального уполномоченного по ис-

пользованию рабочей силы Ф. Заукеля от 11 апреля, касавшееся резкого увеличения притока в Германию иностранных гражданских трудовых ресурсов, Программа генерального уполномоченного по использованию рабочей силы от 20 апреля 1942г.

Эти документы, хранящиеся в фонде Имперского министерства внутренних дел, проливают дополнительный свет на то, как за счет населения оккупированных территорий решались социальные проблемы в самой Германии⁸⁴.

Особый интерес представляют стенограммы ежедневных планерок, проводившихся в Рейхсминистерстве народного просвещения и пропаганды Й. Геббельсом в течение 1939-1945 гг. Поскольку данное министерство занимало особое место в Третьем рейхе, в них нашли отражение практически все мероприятия, направленные на идеологическую поддержку социальной политики нацистского режима. Более того, они позволяют получить полное представление о многообразных методах и формах пропагандистского обеспечения последней, формирования общественного мнения в нужном для режима направлении⁸⁵.

В фонде управления гестапо автором были найдены интересные статистические данные о половом, возрастном и социальном составе лиц, путешествовавших по линии организации «Сила через радость», туристическая деятельность которой в немалой степени способствовала формированию у значительной части немецкого населения позитивного отношения к национал-социалистическому режиму⁸⁶.

Для уточнения характера политики, проводившейся нацистами на временно оккупированных территориях и ее взаимосвязи с социальной политикой Третьего рейха немалый интерес представляют документы из фондов Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (ТФ ГА-РО). Это – печатавшиеся в издававшейся в Таганроге в период немецкой оккупации газете «Новое слово» пропагандистские материалы о жизни рабочих

в Германии, цель которых заключалась в том, чтобы заинтересовать определенные категории трудоспособного гражданского населения «радужными» перспективами работы в Германии, и распоряжения оккупационных властей г. Таганрога, касавшиеся принудительной отправки рабочей силы в Третий рейх⁸⁷.

Вторую группу источников составляют опубликованные документы, среди них как сборники универсального характера, содержащие материалы, касающиеся различных аспектов нацистской социальной политики, – Хофер В. Национал-социализм. Документы 1933-1945гг.; Любаш Г. Фашизм. Три главных режима; Ноукс Д., Придхам Г. Документы по нацизму, 1919-1945 гг. и др.⁸⁸, так и посвященные конкретным ее направлениям – молодежной политике: Янке К., Буддрус М. Немецкая молодежь 1933-1945. Документация; Клозе В. Молодежь, шагающая в ногу⁸⁹, мерам социального обеспечения и благотворительности⁹⁰ и др.

Третьим видом источников являются законодательные акты, принятые в нацистской Германии, отражавшие различные направления социальной политики Третьего рейха. В сфере трудовых отношений важнейшее значение имел «Закон о регулировании национального труда» от 20 января 1934г.⁹¹; в области мелкого и среднего предпринимательства – законы «О защите розничной торговли» от 12 мая 1933г., «О проведении четырехлетнего плана - назначении рейхкомиссара по вопросам ценообразования» от 29 октября 1936г., «Второе предписание о запрете на повышение цен» от 26 ноября 1936г., «Предписание об устранении перегруженности в розничной торговле» от 16 марта 1939г.⁹²; в сфере государственной службы – «Закон о немецком чиновничестве» от 26 января 1937г. – объемнейший документ, состоящий из 14 разделов и 184 параграфов, имевший определяющее значение для правового регулирования всех вопросов, касавшихся чиновничества⁹³, и обоснование к этому закону, опубликованное 28 января 1937 г.⁹⁴. Также ис-

пользован ряд законов, определенные положения которых имеют отношение к демографической политике⁹⁵

Законодательные акты, как известно, в концентрированном виде отражают социальную направленность политики того или иного режима. Изучение вышеуказанных документов свидетельствует о тоталитарно-социальном характере нацистского государства.

Четвертую группу источников составляют речи, труды, работы руководителей и функционеров НСДАП. Среди них особую ценность, с точки зрения изучаемой проблемы, представляют «Майн Кампф» и речи Гитлера, включая его застольные рассуждения⁹⁶, работы главного идеолога Третьего рейха А. Розенберга⁹⁷, имперского фюрера молодежи Б. фон Шираха⁹⁸, руководительницы нацистского женского движения Г. Шольтц-Клинк⁹⁹, чиновника – национал-социалиста В. Лотца¹⁰⁰, экспертов по расовым проблемам, поставивших свою научную деятельность на службу национал-социализму¹⁰¹.

Данная категория источников требует критического использования, так как в них зачастую содержатся элементы социальной демагогии, которые искажают направленность социальной политики режима Гитлера.

Пятая группа источников охватывает статистические материалы, содержащиеся в фондах РГВА и в специализированных статистических изданиях, таких, как «Статистический ежегодник германского рейха» и «Статистический справочник Германии (1928-1944)»¹⁰².

Статистика, как известно, является важнейшим видом социального познания. Германия же была европейской страной с наиболее развитой статистической службой. Поэтому использование вышеназванных статистических материалов позволяет установить тенденции в области трудовой занятости, доходов, безработицы и т.п.

Важной и весьма пестрой по составу группой источников являются мемуары и дневники, оставленные видными нацистами и современниками со-

бытий. Они, как правило, содержат интересные наблюдения, богатый фактический материал, позволяющие лучше понять эпоху, уточнить обстановку, в которой принимались важнейшие решения, касавшиеся тех или иных социально-политических мер режима. В то же время, обращаясь к этому виду источников, следует помнить о том, что мемуарная литература часто используется для сведения личных счетов и оправдания собственных действий.

Перечислять здесь все издания подобного рода не представляется возможным, поэтому назовем лишь наиболее важные из них.

Особый интерес представляют мемуары рейхминистра вооружений и боеприпасов, личного архитектора фюрера А. Шпеера¹⁰³, вице-канцлера в первом, коалиционном правительстве Гитлера, позднее находившегося на дипломатической работе Ф. фон Папена¹⁰⁴, друга и личного фотографа фюрера Г. Гофмана¹⁰⁵, секретаря Гитлера Т. Юнге¹⁰⁶, адъютантов Гитлера¹⁰⁷, невестки фюрера¹⁰⁸, личного массажиста Гимmlера¹⁰⁹, известного американского журналиста У. Ширера, работавшего в течение нескольких лет в нацистской Германии¹¹⁰, далеких от политики очевидцев событий, происходивших в Третьем рейхе¹¹¹, иностранцев, посетивших нацистскую Германию и оставивших свои впечатления об этих поездках¹¹². Не менее интересны дневниковые записки И. Геббельса¹¹³, одного из врачей Гитлера Т. Морелля¹¹⁴, посла США в Германии У. Додда¹¹⁵, Б. Фромм, известной немецкой журналистки, работавшей в «Фоссише Цайтунг»¹¹⁶, М. Васильчиковой¹¹⁷, а также переписка между рейхсляйтером М. Борманом и его женой¹¹⁸ и др.

В этих и других изданиях подобного рода содержится ценнейший материал практически обо всех направлениях социальной политики Третьего рейха.

И наконец, к седьмой категории источников данного диссертационного исследования относятся периодические издания Третьего рейха. Наиболее важными из них, с учетом специфики данной диссертации, являются: «Archiv Ras-

sen – und Gesellschaft Hygiene», «Familie, Sippe, Volk», «Nationalsozialistisches Jahrbuch. 1941», «Reichsplanung», «Volk und Rasse», «Volk im Werden», «Völkischer Beobachter» и др.

Методологическая основа исследования.

Работа написана с позиций историзма, научности, диалектики, как главных методологических принципов, позволяющих всесторонне раскрывать исторические объекты, включая социальную политику нацизма.

Широкое развитие в конце XX в. постмодернистских подходов к истории породило новые направления в исторических исследованиях: новую социальную, антропологическую, психологическую, гендерную историю, которые широко использовались при написании диссертации. В основе неоклассической модели исторического исследования лежит принцип номинализма, ориентирующий автора на изучение, прежде всего, повседневной жизни человека. В рамках этой модели личность, этнос, социум рассматриваются как разные исторические реальности, механизм воздействия которых включает в себя как момент адаптации и компенсации, так и моменты конфронтации и трансформации.

Теоретической моделью послужила теория тоталитаризма. Тоталитаризм (от лат. *totalis* – целый, полный) – это общественно-политический строй, который характеризуется всеобъемлющим, «командным» вмешательством авторитарного государства во все сферы жизни и деятельности общества и отдельных личностей. Тоталитарный характер носят абсолютистские, бонапартистские, фашистские, некоторые социалистические режимы. Им свойственны огосударствление всех легальных организаций, неограниченные полномочия властей, запрещение демократических институтов, ликвидация прав и свобод граждан, существование, как правило, однопартийной системы, милитаризация экономики, репрессии в отношении оппозиции и инакомыслящих¹¹⁹.

При написании диссертации автором использовались следующие методы:

Историко-генетический, позволивший показать социальную политику нацизма в динамике – с 1933 по 1945 гг.;

Историко-сравнительный, давший возможность выявить специфику социальной политики, проводившейся по отношению к отдельным группам населения Третьего рейха;

Историко-системный, который позволил рассмотреть национал-социалистическую социальную политику, как систему мероприятий, проведенных гитлеровским режимом для достижения своих целей в довоенный и военный периоды¹²⁰.

Исследование социальной политики Третьего рейха ставит прежде всего вопрос о сущности социальной политики, ее возможностях и итогах. Одной из основных сфер жизнедеятельности общества является социальная, под которой понимается целостное социальное (в узком смысле слова) бытие, где взаимодействуют социальные группы, индивиды, институты власти, общественные организации по поводу и в связи с социальным статусом человека, его ролью в общественной жизни, условиями жизнедеятельности, материальным благосостоянием и образом жизни. Социальную политику можно представить как управление социальным развитием общества, удовлетворение материальных и духовных потребностей его членов и регулирование процессов общественной дифференциации.

Однако такого взгляда на предмет недостаточно. Социальная политика, включая в себя перечисленное, ответственна и за другое: достижение эффективности функционирования социальной системы; разрешение противоречий между индивидуальными и общественными потребностями, текущими и перспективными интересами государства; обеспечение социальной гармонии через согласование интересов различных групп населения и т.д.¹²¹

Изучение вышеназванных проблем позволяет выяснить суть социальной политики Третьего рейха, ее типологию и функции.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что в ней впервые в отечественной, а в значительной степени и в зарубежной историографии на основе обширной и разнообразной источниковой базы: архивных материалов, данных статистики и важнейших правовых актов, мемуарной литературы сформулирована концепция тоталитарно-социального государства и его социальной политики. В работе проведено комплексное исследование основных ее направлений, форм и методов, выявлена степень ее эффективности.

– Социальная политика рассматривается в диссертации как систематическая деятельность нацистского режима, направленная на формирование устойчивых социальных институтов, таких как собственность, семья, социальное обеспечение, создание среднеклассовой структуры общества и массовой базы режима.

– В диссертации комплексно рассмотрены демографическая политика и социальная мобильность в Третьем рейхе, в частности исследованы молодежная политика нацизма, с учетом половой и возрастной специфики молодежи, положение семьи и женщины, благотворительность.

– Детально рассмотрены проекты, осуществлявшиеся в рамках программы «общественных работ», в частности модернизация системы скоростных шоссейных дорог Германии, приводятся подробные статистические данные относительно источников их финансирования, анализируется их социально-политическое, экономическое и военное значение.

– Впервые введены в научный оборот архивные материалы из фондов Российского государственного военного архива – РГВА («Протоколы утренних конференций Министерства пропаганды Германии» с 1939 по 1945 гг.; Отчеты чиновников гестапо различных городов Германии о поездках по территории Германии и за границей членов организации «Сила через радость» за 1937-1938 гг.; «Циркуляры окружного руководства Зорау – Форст о применении женской рабочей силы на производстве, о пожертвованиях»;

«Переписка с подразделениями войск СС об участии в кампании зимней помощи» за 1937-1939 гг.; «Обзор немецкого Института исследования конъюнктуры: «Сельское хозяйство и промышленность Германии перед войной и в начале войны»; «Переписка между участками СД, руководителями имперского ведомства здравоохранения, руководством НСДАП о порядке обеспечения продуктами питания детей в возрасте от 3 до 6 лет» за 1943 г. и др.) и Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области – ТФ ГАРО («Распоряжение отдела труда г. Таганрога» от 29 апреля 1942 г.; «Распоряжение коменданта Таганрога и отдела труда» от 21 мая 1942 г. и др.).

– Привлечен новый статистический материал о средних слоях и женском вопросе, а также касающийся деятельности организации «Сила через радость».

– Проведен детальный анализ оригинальных текстов «Закона о регулировании национального труда» от 20 января 1934 г., «Закона о немецком чиновничестве» от 26 января 1937 г., правовых актов, касавшихся ремесла и розничной торговли («Первое предписание по осуществлению предписания об устранении перегруженности в розничной торговле» от 16 марта 1939 г., «Предписание об изменении и дополнении предписаний в области торгового права» от 24 января 1940 г., «Предписание о рыночной перспективе в ремесленной экономике и об упрощении организационной сущности в области регулирования рынка» от 20 октября 1942 г. и др.), которые имеют огромное значение для понимания нацистской социальной политики. Ранее в советских и российских научных публикациях они цитировались лишь фрагментарно.

Выводы и положения, выносимые на защиту.

Исследование социальной политики нацистского режима приводит автора диссертации к следующим выводам:

1. Основные направления социальной политики национал-социализма в период с 1933 по 1945 гг. показывают, что в Третьем рейхе была сформиро-

вана государственно-патерналистская модель социальной политики. В отличие от существующих в отечественной науке представлений о нацизме, как режиме политической власти, основанной на насилии, пропаганде и организационном воздействии, автор обосновывает концепцию тоталитарно-социального государства, в основе которого лежала, кроме названных факторов, активная социальная политика.

2. Социальная политика стала тем инструментом, который позволил национал-социалистическому режиму, сохранив частную собственность и юридическую основу германского государства, направить усилия немецкой нации (через систему социальных мер, законов, предписаний, идеологическое воздействие и террор) на создание «народного сообщества», «немецкого народного государства», основанного на принципе патернализма и расовой доктрине, государства, способного проводить активную социальную политику в области трудоустройства безработных, поддержки многодетных семей, создания молодежных военизированных формирований и т.д., а также на подготовку к захватнической войне.

3. Социальная политика нацизма реализовывалась через государственные программы и одномоментные кампании: «Зимняя помощь», «Сила через радость», «Народная благотворительность» и др. Государственные социальные программы, осуществлявшиеся в Третьем рейхе, были направлены на решение той или иной социальной проблемы: подъем рождаемости, расовая чистота немецкой нации, программа «общественных работ», трудовая повинность и др.

4. Анализ отношений между трудом и капиталом в Третьем рейхе показывает, что национал-социалистическое трудовое право трансформировало трудовые отношения, регулируемые гражданским правом, в квази-принудительные отношения, навязываемые государством. Именно нацистское трудовое законодательство, наряду с тотальными пропагандой и терро-

ром, позволило нацистам закрепить приоритет государства в сфере экономики.

5. В основу социальной политики в отношении средних слоев нацистским режимом были положены расовые барьеры, которые допускали к наследственному владению землей (гроссбауэры) и в чиновничий корпус лишь лиц немецкой или родственной крови. Такой же принцип был распространен на торговцев и ремесленников. Этой мерой национал-социалисты пытались привязать к своему режиму средний класс немецкой нации, который, по мнению нацистских фюреров, должен был составить опору Третьего рейха как во внутренней, так и в сфере внешней политики.

6. Национал-социалистическая германская рабочая партия практически с первых дней своего существования сделала ставку на привлечение под знамена национал-социализма немецкой молодежи, справедливо полагая, что в силу особой восприимчивости к новым идеям ее представители, вне зависимости от социальной принадлежности, смогут составить важный резервуар сторонников нацистского движения.

Следует также признать, что нацистам удалось путем активной демографической политики интегрировать значительную часть женщин в созданные ими организации, убедив многих фольксгеноссиен в общенациональной значимости выполняемой ими «миссии». Осуществлявшиеся в Третьем рейхе меры социального обеспечения и благотворительности позволяли снимать социальные напряжения в обществе, способствовали проникновению в трудовые слои населения национал-социалистических ценностей и вовлечению их в реализацию планов военной экспансии.

7. Социальная политика нацистов позволила укрепить отношения между социальными группами и слоями по поводу завоевания, сохранения и упрочения своей власти; создать определенную систему социальных отношений; осуществить практическую деятельность по реализации определенного внутри- и внешнеполитического курса, по достижению «конечных целей»

Третьего рейха. Центральным субъектом социальной политики национал-социализма являлось государство, которое посредством своей внутренней политики, воплощенной в различных социальных программах и практике, регулировала отношения в обществе и мобилизовывала различные слои населения на достижение своих целей.

8. Социальная политика Третьего рейха являлась важнейшим инструментом модернизации, построения общества «немецкого социализма». Однако в силу тоталитарной сущности гитлеровского режима эти цели не были достигнуты. В социальной политике нацизма модернизация не завершилась. В стране не было построено государство всеобщего благоденствия. Более того, в результате агрессивной внешней политики гитлеровский режим потерпел сокрушительное поражение и принес неисчислимые страдания немецкому народу.

9. Накануне и в годы Второй мировой войны социальная политика использовалась национал-социалистами как инструмент мобилизации населения путем смещения приоритетов с материальных ценностей на идеологические: «народ без пространства», «сражающееся народное сообщество», строительство Третьего «тысячелетнего» рейха.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы при рассмотрении проблем, связанных с германской и европейской историей, в частности, при изучении внутренней политики нацистской Германии, социального базиса национал-социалистической диктатуры и причин лояльности немецкого общества к гитлеровскому режиму в период Второй мировой войны.

Результаты работы могут применяться при разработке общих и специальных учебных курсов по новейшей истории стран Европы и Америки.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре Новой и новейшей истории Ростовского государственного

университета. Материалы работы использованы в докладах на восьми межвузовских, трех всероссийских, четырех международных конференциях.

Основные положения диссертации опубликованы в трех монографиях и 20 статьях, включая 5 статей в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион» – издании, рекомендованном ВАК для публикации материалов докторской диссертации.

Структура работы вытекает из целей и задач исследования и включает в себя «Введение», три раздела, состоящие из девяти глав, «Заключение», «Примечания», «Список источников и литературы».

Диссертация строится по проблемному принципу.

РАЗДЕЛ I

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Нацистское трудовое законодательство

Главной предпосылкой возникновения фашизма как одной из разновидностей тоталитаризма является индустриальная стадия развития общества. Она усложнила общественные связи и организации, сделала технически возможной систематическую индоктринацию широких слоев населения, тотальное «промывание мозгов» и всеобщий социальный контроль над личностью.

Фашизм является специфической попыткой разрешения обострившегося в ходе общественного развития реального противоречия между усложнением социальной организации и индивидуальной свободой. Как отмечает в своей последней авторской гипотезе А.А. Галкин, «фашизм представляет собой иррациональную неадекватную реакцию общества XX века на острые кризисные процессы, разрушающие устоявшиеся экономические, социальные, политические и идеологические структуры. Иными словами, фашизм, – это правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь с жертвами, социальной ценой, снять реальные противоречия общества, разрушив все то, что воспринимается им как препоны к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия»¹.

Очевидно, что становление нацизма обусловлено всей предшествующей историей Германии, включая специфику ее социального, социально-экономического, культурного и идеологического развития. Выполняя модернизаторскую функцию, своей задачей он ставил крупные социально-экономические преобразования. Как подчеркивал Гитлер, «...наше государство в интересах всех своих граждан позаботится прежде всего о том, чтобы

роль личности была признана во всех без исключения областях. Только так дадим мы возможность каждому сделать как можно больше для общества и получить как можно больше для самого себя»².

Так нацистские фюреры понимали суть «немецкого социализма», и вся система их социальной политики была призвана реализовать это требование. Решающую роль в создании «народного сообщества» в Германии они отводили своей рабочей политике.

Подобные оценки и программы нацистских руководителей вводили в заблуждение не только широкие слои германского населения, но и представителей интеллектуальной элиты. Так, Томас Манн, наблюдая события в Германии начала 30-х гг., писал: «Нельзя забывать и нельзя никак оправдать того факта, что национал-социализм был искрометной революцией энтузиастов, настоящим немецким народным движением, которому были свойственные неведомые ранее масштабы духовного подъема, веры и громадного всеобщего воодушевления»³.

Анализ конкретно-исторических фактов из социальной истории Третьего рейха приводит к несколько иным оценкам нацистского режима и его политики.

Обладая среди части своих сторонников ореолом «революционной партии», НСДАП после прихода к власти поспешила избавиться от элементов показной революционности, очистила свои ряды от лиц, тяготевших к крайнему радикализму левого толка, и приложила немало усилий к тому, чтобы в сфере трудовых отношений покончить с классовой борьбой.

Формально придя к власти легальным путем и сохранив Веймарскую конституцию, нацисты, казалось бы, дали соотечественникам основание рассчитывать на относительную умеренность нового режима и его социальной политики. Однако, приступив к созданию тоталитарно-социального государства, они развеяли эти надежды. Не сумев на этапе движения завоевать сим-

птии и поддержку большинства организованного рабочего класса, в основном «поделенного» между собой социал-демократами и коммунистами, национал-социалисты рассматривали рабочую политику своего режима как важнейшее направление социальной политики, поставив целью наведение жесткого «порядка» на производстве. Важнейшую роль в реализации тотального государственного контроля за всем спектром производственных отношений призвано было сыграть новое трудовое законодательство, подводившее прочную правовую базу под лишение коллективов предприятий какой бы то ни было самостоятельности во взаимоотношениях с работодателями.

Несмотря на определенное внимание, уделенное анализируемой проблеме советскими авторами, комплексного исследования ее в отечественной науке до сих пор нет.

Уже Законом от 19 мая 1933 г. в Германии был учрежден институт «попечителей труда», которые, как чиновники Имперского министерства труда, подчинялись непосредственно главе этого ведомства. Согласно § 2 Закона, их основная задача сводилась к регулированию условий заключения трудовых договоров и к заботе о сохранении «трудового мира»⁴. Одновременно этих функций были лишены «объединения лиц наемного труда, отдельные предприниматели и союзы предпринимателей»⁵. Однако краеугольным камнем трудового законодательства в Третьем рейхе, своего рода *principio et fons*⁶ его, стал «Закон о регулировании национального труда», принятый 20 января 1934 г. Главным автором этого обширного документа, состоявшего из 73 параграфов, был В. Мансфельд, который с мая 1933 по 1942 год, как заместитель министра и шеф III управления Рейхсминистерства труда, курировал вопросы трудового права, экономической политики (в частности, заработной платы), безопасности на производстве, профессионального контроля и социального порядка⁷. При обсуждении проекта Закона на заседании правительства, состоявшемся 12 января 1934г., имперский ми-

нистр экономики заявил, что видит суть Закона во внедрении также и в экономическую сферу, в качестве основополагающего, принципа фюрерства, который устраняет классовую борьбу, заменяя ее «идеей единения»⁸.

В соответствии с Законом предприниматель объявлялся «фюрером предприятия», обязанным совместно с находящимися под его началом рабочими и служащими (так называемой свитой. - Е.П.) обеспечивать функционирование предприятия к «общей пользе народа и государства» (§ 1). § 2 определял распределение задач между «фюрером предприятия» и свитой. За первым закреплялось право принимать решения, касающиеся всех аспектов производственного процесса на данном предприятии (§ 2, п. 1), ему вменялось в обязанность проявлять заботу о свите, которой, в свою очередь, следовало неукоснительно хранить ему верность, обусловленную «сообществом предприятия» (§ 2, п. 2). Причем к свите Закон относил и лиц, работавших на дому, самостоятельно или вместе с членами своих семей, на данное предприятие (§ 5, п. 2)⁹.

Поскольку указанный «долг» «фюрера предприятия» не был конкретизирован, это давало ему широкие возможности для его субъективного толкования. При этом слово работодателя имело несравненно больший вес, чем мнение его работников, что недвусмысленно разъяснялось в комментарии к Закону: «В своих решениях по социальным вопросам «фюрер предприятия» в принципе не ограничивается какими-либо правами совместного определения со стороны его свиты»¹⁰. Над рабочим же бремя необходимости соблюдения верности своему предприятию и его «вождю» довлело и в неурочное время. Это, в частности, проявлялось в необходимости принимать участие в первомайских шествиях, демонстрируя маршем в колонне своего предприятия неразрывную связь с ним, а также в иных мероприятиях подобного рода. Игнорирование этих обязанностей могло послужить основанием для бессрочного увольнения¹¹.

На производствах с числом занятых не менее 20 человек учреждались советы доверенных, действовавшие под председательством «фюрера предприятия» (§ 5, п. 1). Их миссия заключалась в том, чтобы «углублять взаимное доверие внутри коллектива предприятия» (§ 6, п. 1); «обсуждать все мероприятия», направленные на достижение повышения производительности труда, поддержание порядка на предприятии, сплочение его коллектива, недопущение конфликтов в нем, укрепление связи каждого работника с предприятием и обеспечение «благополучия всех членов коллектива» (§ 6, п. 2)¹². Количество доверенных лиц, которых предстояло отбирать из числа служащих, рабочих и ремесленников - надомников, регламентировалось в зависимости от численности производственного коллектива. Если последний насчитывал 20-49 человек, их должно было быть двое, при штате в 50-99 человек - трое, на предприятиях с числом занятых 100-199 человек - четверо и, наконец, при занятости в 200-399 человек - пятеро, а на каждые дополнительные 300 работающих сверх указанного числа полагался один доверенный. Но при этом общее число членов совета доверенных, каждому из которых полагался заместитель, не должно было превышать десяти (§ 7). Членом совета доверенных могло стать лицо старше 25 лет, проработавшее по меньшей мере год на данном предприятии (впрочем, здесь же была сделана оговорка, позволявшая проигнорировать это требование при первом назначении доверенного) и два года «в той же или родственной производственной сфере или ремесле». Другими условиями являлись принадлежность к Германскому трудовому фронту (ДАФ) и наличие «образцовых человеческих качеств» (§ 8).

Списки доверенных и их заместителей составлялись «фюрером предприятия» совместно с руководителем фабричной ячейки национал-социалистической партийной организации, а свите предстояло тайным голосованием выразить свое мнение о них (§ 9, п. 1). Если же между указанными

сторонами возникали разногласия, решение по данному вопросу передавалось на усмотрение попечителя труда (§ 9, п. 2)¹³, институт которых вновь учреждался для крупных хозяйственных областей. Границы последних определялись имперскими министрами экономики и внутренних дел (§ 18, п. 1)¹⁴. (Соответственно, согласно § 65, п. 8 данного закона, «Закон о попечителях труда» от 19 мая 1933 г., а также предписание о его реализации от 13 июня 1933 г. и «Закон о передаче остаточных задач третейских судей попечителям труда» от 20 июля 1933 г. отменялись)¹⁵. Вступление доверенных в должность начиналось 1 мая, в День национального труда, с принесения в присутствии свиты торжественной клятвы действовать «на благо предприятия и общества всех фольксгеноссен», жертвуя ради этого собственными интересами, и служить для персонала предприятия примером, как в личном поведении, так и в выполнении своих служебных обязанностей (§ 10). Истекал же срок их полномочий, как правило, 30 апреля (§ 11).

Совет доверенных должен был созываться «фюрером предприятия» по мере необходимости и при наличии «кворума» - как минимум, половины его членов (§ 12). В то же время, доверенное лицо могло быть отозвано попечителем труда по причинам профессионального или личного несоответствия (в этом случае попечитель письменно уведомлял совет доверенных о принятом им решении) (§ 14, п. 2). Исполнение доверенным его обязанностей прекращалось также в том случае, если он предстал перед судом чести, который выносил один из вердиктов, указанных в пунктах 2-5 § 38 Закона¹⁶: выговор; дисциплинарное денежное взыскание в сумме до 10 тыс. рейхсмарок; лишение права быть «фюрером предприятия» ... или осуществлять службу доверенного лица; увольнение с работы (причем в последнем случае суд чести мог нарушать обусловленный законом или согласованный срок увольнения)¹⁷. На место выбывших доверенных заступали их заместители, согласно списку, а если резерв был исчерпан, замену осуществлял попечитель труда

по своему личному усмотрению (§ 15)¹⁸.

Помимо высокой степени зависимости советов доверенных от попечителя труда, насаждаемый национал-социалистами вариант господства на производстве проявлялся, в частности, в правовом механизме разбора жалоб доверенных на фюрера предприятия, председательствовавшего в их совете. Если они считали решения последнего, касающиеся общих условий организации труда, в первую очередь, порядка на фабрике или заводе, «несовместимыми с социальными условиями предприятия», § 16 Закона позволял им безотлагательно письменно уведомить об этом попечителя труда, которому предстояло выступить в роли третейского судьи. Однако обращение, само по себе, не освобождало их от обязанности выполнять распоряжение «фюрера предприятия», если только оно не было отменено в соответствии с п. 1 § 19 Закона попечителем труда, который должен был в этом случае «произвести требуемое урегулирование»¹⁹. В то же время в подобных ситуациях доверенным запрещалось придавать своим действиям характер коллективных акций. Иными словами, они не могли обращаться к попечителю труда как группа, но должны были нести персональную ответственность за такого рода жалобы, рискуя в случае негативной реакции на них попечителя быть обвиненными в нарушении мира на предприятии²⁰ со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если же «повторно направленную» ему жалобу попечитель объявлял безосновательной, над членом совета доверенных нависала угроза предстать перед «социальным судом чести» за «грубые нарушения социальных прав, установленных сообществом предприятия» (§ 36)²¹.

Несмотря на то, что Закон обязывал работодателя предоставлять доверенным любую необходимую для их деятельности информацию (§ 13)²², на практике советы доверенных, пришедшие на смену производственным советам («Законом о регулировании национального труда» отменялся «Закон о советах предприятия», принятый в 1920 г.) (§ 65, п. 1)²³ и, в отличие от них,

обладавшие лишь правом совещательного голоса²⁴, не могли играть роль органов представительства интересов рабочих. После же того, как выборы в советы доверенных, проводившиеся в 1934 и 1935 гг., продемонстрировали крайне низкий авторитет их в рабочем классе, доверенные больше не выбирались, а назначались по предложению «фюрера предприятия», что еще больше усилило их зависимость от последнего²⁵. В особой степени этому способствовали именно неудачи 1935 г., представлявшие разительный контраст с победными реляциями главы Трудового фронта Р. Лея. В апреле 1935 г. он провозгласил: «Эти выборы - самые свободные и некоррупцированные в мире. ... И если, тем не менее, намного более 80 процентов промышленных рабочих Германии высказываются в пользу идеи сообщества, это является беспрецедентным свидетельством успешности нашей работы»²⁶.

Однако известия с мест, поступающие в партийную канцелярию, складывались в не столь благостную картину. Так, на одном из гамбургских заводов участие в выборах приняло менее половины рабочих. Причем, поскольку испорченные бюллетени при подведении итогов голосования не учитывались, реальное число сторонников совета было еще меньше, чем по официальным данным. Из 3125 промышленных и беловоротничковых рабочих, занятых на другом предприятии, проголосовало лишь 1200 человек. Следствием всего этого стали направленная Борманом Гитлеру рекомендация воздержаться от использования завышенных цифр результатов выборов в речи 1 мая и перенос очередных выборов на неопределенный срок, в связи с чем продолжали функционировать советы, сформированные в 1935 г. Позднее, в мае 1937 г., вступило в силу распоряжение, согласно которому смещение доверенного со своего поста стало возможным лишь с разрешения попечителя труда. Были также созданы коллективные советы для многоотраслевых производств, в которые вводились члены советов соответствующих предприятий. Другая директива уполномочивала попечителя труда принимать реше-

ния об участии в работе такого совета «фюрера» производства²⁷.

«Закон о регулировании национального труда» существенно расширял полномочия попечителей труда, которым посвящен весь его второй раздел. В нем определено, что попечители труда являются имперскими чиновниками, подотчетными рейхсминистру труда, действующими по директивам и указаниям имперского правительства (§ 18), обязанными обеспечивать «сохранение трудового мира» на предприятии (§ 19, п. 1). С этой целью, помимо уже упоминавшихся возможных их действий для разрешения конфликта между доверенными лицами и «фюрером предприятия», они должны были контролировать формирование и деятельность советов доверенных, принимая решения в спорных случаях (§ 19, п. 1, пп. 1); «созывать и отзывать доверенных лиц предприятий, согласно §§ 9, п. 2, 14, п. 2 и 15» (§ 19, п. 1, пп. 2); выносить вердикт в отношении преднамеренных увольнений в случаях, указанных в § 20 (в нем говорится, что при намечаемых руководителем предприятия массовых увольнениях тот должен известить об этом попечителя труда. Решение об увольнении вступало в силу спустя четыре недели с момента получения санкции последнего. Причем, если предприниматель был не в состоянии обеспечивать предназначенных к увольнению работой на весь четырехнедельный период в течение полного рабочего дня, попечитель мог разрешить ему перевести указанных лиц на сокращенный рабочий день с соответствующим уменьшением их заработной платы, при условии, что их трудовая нагрузка будет составлять не менее 24 час. в неделю); следить за выполнением распоряжений об обеспечении порядка на предприятии. Наказанием для тех, кто «постоянно преднамеренно противодействовал» распоряжениям попечителя труда, служили либо денежный штраф, либо, при отягчающих обстоятельствах, тюремное заключение, либо и то, и другое одновременно.

Необходимым условием для начала уголовного преследования являлось наличие ходатайства попечителя труда (§ 22)²⁸. Правда, его вмешатель-

ство требовалось не всегда. При нарушении дисциплины или наличии «угрозы безопасности предприятия» со стороны кого-либо из рабочих § 28 Закона разрешал налагать на виновного денежное взыскание в размере, не превышающем половины среднего дневного заработка, или, если проступок квалифицировался как «значительный», - в сумме полного среднего дневного заработка. Как в том, так и в другом случае наказание определялось «фюрером предприятия» или уполномоченным им лицом после совещания с членами совета доверенных и утверждалось рейхсминистром труда²⁹.

При рассмотрении тех или иных принципиальных вопросов попечитель труда мог прибегать к помощи совета экспертов, который работал на безвозмездной основе и на три четверти выбирался из лиц, фигурировавших в списках Германского трудового фронта, в первую очередь, представителей советов доверенных предприятий, относящихся к округу, курируемому данным попечителем труда (§ 23)³⁰. Однако мнение такого совета носило лишь рекомендательный характер. В соответствии с принципом фюрерства попечитель принимал решения самостоятельно³¹. § 24 Закона обязывал экспертов давать клятву не преследовать какого-либо личного интереса и действовать только на благо народного сообщества³².

Фюрер каждого предприятия с числом занятых не менее 20 человек должен был издать устав предприятия (§ 26), в котором, согласно пункту 1 § 27 Закона, регламентировались время ежедневного начала и окончания работы, а также перерывов (пп. 1), сроки и формы выплаты вознаграждений за труд (пп. 2), принципы оплаты сдельной работы (пп. 3), характер и суммы штрафов за нарушения производственной дисциплины (пп. 4), условия увольнений в чрезвычайных ситуациях (пп. 5), выплата компенсации за незаконное прекращение трудовых отношений (пп. 6). Впрочем, и здесь попечитель труда был наделен правом утверждать тарифные условия для конкретного предприятия и издавать директивы по содержанию его устава³³, а также

по собственному усмотрению лишать силы отдельные положения тарифных порядков и разрешать осуществлять оплату труда по ставкам ниже тарифных³⁴.

В то же время, несмотря на официальный характер этих директив, публиковавшихся в Имперском трудовом бюллетене, и необходимость принимать их во внимание при издании фабричных и заводских уставов, они, как правило, содержали общие рекомендации предпринимателям, которые в случае необходимости могли смягчить их, приспособив к конкретным условиям своего предприятия³⁵.

На практике степень использования указанных полномочий в каждом конкретном случае зависела от личности соответствующего попечителя труда. Некоторые из них старались не злоупотреблять ими. Так, попечитель труда Саксонии Э. Штилер ограничился просьбой к работодателям присылать ему копии уставов их предприятий, а его коллега из Бранденбурга Л. Дешлер разъяснил «фюрерам предприятий», что видит свою задачу в осуществлении контроля за изданием, но не содержанием уставов и порекомендовал им воздерживаться от присылки ему уставов³⁶. Гамбургский же попечитель труда, напротив, настаивал на том, что право издания директив, касающихся условий работы или размеров заработной платы, предоставленное попечителям, служит «гарантией того, что новое самоуправление (промышленности) избежит риска усиления интересов какой-либо определенной группы»³⁷.

Законом создавались в качестве дополнения к трудовым судам «социальные суды чести», которым был подсуден любой член «производственного сообщества» (§ 35), совершивший преступление против «социальной чести». Для «фюрера предприятия» таковыми являлись злоупотребление властью и оскорбление чести представителей свиты; для последних, помимо уже упоминавшихся «необоснованных» жалоб попечителю труда и противодействия его письменным распоряжениям, – «злостные подстрекательства», нару-

шающие «трудовой мир» на предприятии и наносящие вред «духу сообщества внутри сообщества предприятия», а для членов совета доверенных – разглашение конфиденциальной информации, касающейся деятельности предприятия (§ 36). Суды чести, в которых председательствовали судейские чиновники, назначавшиеся рейхсминистром юстиции по согласованию с имперским министром труда, создавались в каждом округе, курировавшемся попечителем труда, по ходатайству которого такой суд и приступал к рассмотрению того или иного дела (§ 41)³⁸. Кроме вышеперечисленных наказаний суд чести мог ограничиться предупреждением (§ 38, п. 1).

Если за последние 5 месяцев 1934 г. суды чести вынесли 65 обвинительных приговоров, из них 60 против рабочих и 3 против представителей управленческого персонала, то в 1935 г. среди 223 человек, осужденных ими, было 164 работодателя, 8 помощников предпринимателей, 33 управленца и 18 рабочих, причем в девяти случаях суд лишил «фюреров предприятий» их статуса, отобрав у них право руководить своим собственным бизнесом³⁹.

Подобные приговоры предавались широкой огласке и должны были свидетельствовать в пользу реальности существования «производственного сообщества». Тем не менее в целом количество рассматриваемых этими судами дел было относительно невелико и крупные работодатели редко выступали фигурантами подобных процессов⁴⁰, зачастую подчеркнуто игнорируя авторитет данных судебных органов. Так, хотя социальный суд чести или имперский суд чести налагал наказание в виде уплаты штрафа в сумме от 300 до 1000 рейхсмарок на предпринимателя, не опубликовавшего устав предприятия и не предоставлявшего своим работникам отпуск, ряд производств долгое время продолжал функционировать без устава. В одном случае, например, устав был опубликован в 1939 г., а в другом - лишь в 1940 г.⁴¹.

Служащий или рабочий, проработавший не менее года на предприятии, коллектив которого насчитывал 10 и более человек, имел право, получив

уведомление об увольнении, обратиться в суд с ходатайством об его отмене (§ 56, п. 1). В этом случае решение суда могло касаться либо восстановления уволенного на работе, либо выплаты ему соответствующей компенсации (§ 57), при определении суммы которой следовало принимать во внимание как материальное положение уволенного, так и экономические возможности самого предприятия. Но при всех условиях компенсация не могла превышать одной трети «трудового заработка за последний год» (§ 58). Признание увольнения неправомерным влекло за собой обязанность предпринимателя восстановить уволенного на работе, выплатив ему компенсацию за вынужденный период бездействия в размере причитающихся работнику заработной платы или жалования, согласно § 615 Второго гражданского кодекса. В то же время выплаты, «которые подлежащий увольнению получил из средств помощи безработным или общественного социального обеспечения», могли быть в дальнейшем вычтены работодателем из заработка указанного лица и возвращены соответствующей службе (§ 59)⁴².

При этом членство в НСДАП или в Германском трудовом фронте повышало шансы рабочего на принятие судом благоприятного для него решения. Когда один из предпринимателей уволил представителя ДАФ на своем предприятии, мотивируя это решение отсутствием у того квалификации, необходимой для выполняемой им работы, трудовой суд объявил его действия незаконными, приняв следующее постановление: «Работодатель определяет квалификацию своих рабочих, но ответственность за квалификацию рабочего – представителя Трудового фронта – лежит только на Трудовом фронте»⁴³.

Широкие полномочия были предоставлены председателю суда чести. Если он признавал ходатайство попечителя труда обоснованным, он мог, не проводя судебного заседания, лично принять решение о вынесении виновному предупреждения, выговора или о взыскании с него штрафа в размере до 100 рейхсмарок (§ 46, п. 1). Если же он не хотел принимать на себя персо-

нальную ответственность, он должен был определить дату устного слушания дела перед судом чести (§ 47, п. 1), в том числе, в случае необходимости, и при закрытых дверях. Попечителю же предоставлялось право не только присутствовать на основном судебном заседании, но и влиять на его ход, внося свои предложения (§48, п. 1), либо отозвать свое ходатайство в суд чести до принятия решения его председателем или до обнародования приговора первой инстанции (§ 52).

Приговор, вынесенный судом чести, мог быть обжалован при дисциплинарном взыскании в форме штрафа на сумму свыше 100 рейхсмарок либо в случаях, предусмотренных пунктами 4 и 5 § 38. Апелляция должна была подаваться в течение двух недель с момента вручения письменного текста приговора в суде чести или запротоколирования его по месту службы осужденного и позволяла отсрочить вступление приговора в силу. Решение же по апелляционной жалобе принимала Имперская судебная палата чести (§ 49)⁴⁴.

Именно этот закон, под текстом которого стоят подписи Гитлера, а также рейхсминистров труда (Зельдте), экономики (Шмитта), юстиции (Гюртнера), финансов (Крозигка) и внутренних дел (Фрика), что свидетельствует об особом значении, которое придавали ему имперские власти, во многом заложил основы правового регулирования трудовых отношений в Германии на весь период нацистского правления. Его принятие закрепило устранение профсоюзов как представителей интересов наемных рабочих на трудовом рынке и отдельных предприятиях⁴⁵. Уже § 1 Закона имел серьезные негативные последствия для рабочих: по мере возрастания дефицита рабочей силы те из них, чей вклад в повышение эффективности производственного процесса на предприятии признавался недостаточным, могли быть обвинены в причинении ущерба «народу и государству». В распоряжении «фюрера предприятия» оказался широкий арсенал средств наказания таких рабочих: от перевода их на более низкооплачиваемую работу, лишения премий и со-

циальных льгот, вычетов из заработной платы до увольнения и даже (в целях поддержания «трудовой дисциплины») обращений за помощью в государственные инстанции.

Одна из важнейших целей Закона заключалась в том, чтобы юридически закрепить идею, согласно которой каждое отдельно взятое «производственное сообщество» являлось составной частью «народного сообщества всех немцев», создание которого в Третьем рейхе было официально провозглашено национал-социалистами. После 1933 г. термины «сообщество» и «народное сообщество» все чаще встречались в германском законодательстве, в директивных документах различных ведомств и даже в транспортных правилах, которые, по мысли их составителей, призваны были способствовать возникновению «подлинного сообщества всех водителей и пешеходов»⁴⁶.

Согласно официальным установкам, предприятие в национал-социалистическом государстве больше не являлось «лишь частной организацией». Оно рассматривалось как «живой член социального и экономического порядка» и, как таковое, как «часть всего организма народа и государства»⁴⁷. В § 10 «Закона о регулировании национального труда» говорится о «сообществе всех товарищей по нации»⁴⁸.

На практике, однако, как идея общенационального «народного сообщества», так и идея «сообщества предприятия», носили не столько реальный социально-политический, сколько ярко выраженный пропагандистский характер, поскольку «не являлись основой для изменения социальных структур, но были символом трансформированного сознания»⁴⁹. Как показывают исследования И. Кершо, посвященные изучению общественного мнения различных групп населения гитлеровской Германии, несмотря на все усилия нацистской пропаганды, ей так и не удалось «устранить объективные классовые и социальные различия», равно как и «осознание этих различий» рабочими⁵⁰, поскольку роскошь бонз НСДАП и Германского трудового фронта

постоянно напоминала им о пустоте концепции бесклассового «народного сообщества»⁵¹.

Что же касается «сообщества предприятия», то, по признанию некоего высокопоставленного функционера ДАФ, его реализация как теоретически, так и фактически предъявляла большие требования к свите, нежели к «фюреру предприятия»⁵². Предприниматель мог обязать своих рабочих трудиться сверхурочно, даже сверх максимума продолжительности рабочего времени, установленного законом, поскольку работа понималась как «само собой разумеющаяся ответная услуга за ... долг заботы, взятый на себя фюрером предприятия»⁵³. Фактически «сообщество предприятия» представляло собой жестко иерархизированную структуру, в которой доминировало государство с его интересами, далее шел «фюрер предприятия», рабочие же занимали низшую ступень. Тем не менее главным несомненным бенефициарием нового Закона стал именно работодатель, который сохранил лидирующие позиции в производстве, был освобожден от давления снизу и отвечал лишь перед властями и своим «чувством ответственности».

Именно попечители труда изначально были призваны играть роль агентов режима в секторе экономики, отвечавших, не в последнюю очередь, за решение социально-политических задач. Как уже указывалось, согласно § 19 Закона, рейхсминистры труда и экономики могли в случае необходимости передавать попечителям труда дополнительные полномочия. Однако в действительности лишь с 1938-1939 гг. эти чиновники, ставшие с 1937 г. именоваться имперскими попечителями труда⁵⁴, обрели более широкие возможности для оказания непосредственного влияния на определение условий труда в целом и заработной платы, в частности⁵⁵.

В дальнейшем же их власть еще более возросла. В ответ на дефицит рабочей силы и его очевидные последствия попечители труда, к этому времени уже наделенные правом устанавливать минимум заработной платы, в

1938 г. были уполномочены определять ее максимум и впоследствии контролировать меры (дополнительные выплаты, премиальные, фиктивное повышение в должности, предоставление дополнительных оплачиваемых отпусков, налоговых и страховых льгот, создание сберегательных фондов), к которым прибегали работодатели, стремясь в обострившейся борьбе за квалифицированные рабочие кадры обойти последнее ограничение. С этой целью им даже разрешалось непосредственно вносить изменения в производственные уставы («Предписание об оформлении заработной платы» от 25 июля 1938 г.)⁵⁶. Декретом от 28 июня 1939 г. руководители региональных и местных бирж труда назначались специальными уполномоченными имперских попечителей труда⁵⁷ (отмечая, что, по мнению Т. Мейсона, такое положение было введено лишь после 1 августа 1939 г., Т. Зигель поясняет, что дата декрета взята ею из письма генерального уполномоченного по распределению рабочей силы от 18 марта 1943 г.)⁵⁸. В декабре 1939 г. попечители труда получили право передавать дела против рабочих в уголовные суды (с мая их компетенция в этой области была еще более расширена)⁵⁹ и уже в феврале 1940 г. в связи с тем, что последние не успевали справляться с возросшим потоком поступающих в них дел о нарушении представителями свиты условий трудового контракта, для указанных случаев была введена так называемая «ускоренная процедура» судопроизводства⁶⁰.

Начиная с 1939 г. рабочие, которые «противно долгу» отлынивали от работы, прогуливали или умышленно тормозили ее, зачастую наказывались тюремным заключением. Еще более резкое ужесточение производственной дисциплины произошло на заключительном этапе войны. Наглядное представление о мерах, предпринимавшихся работодателями в указанных случаях, дает служебная записка сталелитейного завода Фрида - Круппа, датированная январем 1944 г.: если «фюрер предприятия» считал, что возможности наказания, имевшиеся в его распоряжении, неадекватны тяжести совершен-

ного проступка, он сообщал о происшедшем имперскому попечителю труда, а тот либо сам инициировал процесс против виновного, либо передавал дело в суд или гестапо. Помимо административных и денежных наказаний «правонарушитель» мог быть направлен в трудовой воспитательный или даже в концентрационный лагерь⁶¹ (табл. 1).

Таблица 1

Данные о дисциплинарных мерах, принятых против немецких рабочих попечителем труда области Вестфалия - Нижний Рейн в 1940-1943гг.⁶²

	1940	1941	1942	1943 (только до июня)
Предупреждения	17960	24057	19611	8726
Требования:				
- о превентивном заключении	2452	1771	584	228
- о направлении в трудовой воспитательный лагерь	608	1693	1361	417
- о направлении в концентрационный лагерь	29	50	64	48
- о начале судебного преследования	562	1485	1733	1268

Эти цифры, сами по себе, являются достаточно красноречивыми. С ухудшением положения на фронтах и, как следствие этого, экономической ситуации в стране возрастает количество обращений попечителей в суд и определений в качестве меры наказания заключения в концентрационный лагерь. Такая же картина была характерна для большинства регионов Германии.

Серьезной проблемой, с которой все больше сталкивались имперские и местные власти, а также частный капитал по мере ликвидации безработицы, стала текучесть кадров на предприятиях. Поначалу наиболее остро она стояла в отношении сельскохозяйственных рабочих, но с форсированием перевооружения в полной мере заявила о себе среди квалифицированных «синих воротничков». С целью ее решения был принят ряд законодательных актов.

Опираясь на статьи «Закона о регулировании использования рабочей силы» от 15 мая 1934 г., президент Имперского учреждения по трудовому посредничеству и страхованию безработных (в дальнейшем – Имперское учреждение) Зируп распорядился, чтобы в районах массовой безработицы прибывшие туда из других мест наемные рабочие принимались на работу лишь с санкции его ведомства. Таким образом, Зируп пытался добиться ограничения притока искателей лучшей доли в Берлин, Бремен, Гамбург, а в марте 1935 г. и в Саарскую область, где уровень безработицы был выше среднего. Уже 17 мая 1934 г. он подписал распоряжение, разрешавшее трудоустройство сельскохозяйственных рабочих на железоделательные и сталелитейные предприятия, а также на заводы по выплавке цветных металлов и переработке сырья только с согласия компетентной трудовой службы⁶³.

Предписание от 10 августа 1934 г. наделяло руководителя Имперского учреждения полномочиями по принципиальному «регулированию распределения и обмена рабочей силы и издания требуемых постановлений для реализации этих задач». Изданное на основе его 29 декабря того же года «Предписание о месте работы квалифицированных рабочих-металлистов» отдало и представителей этой категории рабочих, желавших поработать за пределами района своего проживания, во власть чиновников Имперского учреждения, монопольное положение которого в сфере трудового посредничества было окончательно закреплено законом в конце 1935г.⁶⁴. Наряду с августовским предписанием 1934 г., ноябрьский указ 1935 г. предоставлял ему исключительное право направления на работу, осуществления профориентационной деятельности, распределения учеников⁶⁵.

Согласно предписаниям Зирупа от 11 февраля 1937 г. для металлообрабатывающей промышленности и от 30 мая 1938 г. для строительной отрасли, вышеуказанные ограничения на смену рабочего места были распространены на предприятия, расположенные в одном районе. В то же время в приказе,

датированном 27 апреля 1937 г., Зируп предостерегал от слишком жесткого применения на практике запретительных мер из опасения, чтобы это не породило у рабочих-металлистов впечатления, будто бы трудовыми службами учитывались лишь интересы предприятия. Одновременно он был озабочен и тем, чтобы лишний раз не раздражать предпринимателей. На страницах издаваемого Герингом журнала «Четырехлетний план» Зируп разъяснял, что предписания являются «не столько запретами, сколько, в значительно большей степени, требованиями» и «этим представляют, в первую очередь, настойчивый призыв к чувству долга и сознанию ответственности» отдельного работодателя. Помимо всего прочего, неукоснительному выполнению упомянутых предписаний мешала перегруженность «компетентных учреждений» работой⁶⁶.

Законом, принятым 26 февраля 1935 г., была введена трудовая книжка, которую биржи труда выдавали всем категориям рабочих и служащих. В ней содержались сведения о квалификации, продвижении по службе, смене мест работы ее владельца, что должно было превратить ее в важнейшее средство контроля за распределением рабочей силы в соответствии с потребностями режима, а в случае начала военных действий - облегчить экономическую мобилизацию. Однако, если ее выдача всем занятым в таких сферах, как металлическая промышленность и строительство, завершилась, возможно, уже к 1 сентября 1936 г. (именно с этого дня принятие на работу лиц, не имевших такой книжки, было официально запрещено), то в других отраслях этот процесс затянулся. По одним данным, весной 1939 г. обладателями новых книжек стали 22 млн. немцев⁶⁷, по другим – к 1939 г. их получило около 36 млн. человек⁶⁸. Зигель же утверждает, что даже на 15 августа 1941 г. было зарегистрировано лишь 24641000 трудовых книжек⁶⁹. В то же время на тех служащих, чье ежемесячное жалованье составляло свыше 1000 рейхсмарок, обязанность иметь такую книжку была распространена лишь после вступления в

силу Декрета о трудовой книжке от 22 апреля 1939 г.⁷⁰.

Фактически уже с конца 1936 г. работодатели, согласно «Седьмому предписанию о проведении четырехлетнего плана», имели право не выдавать своим работникам трудовые книжки, лишая их, таким образом, возможности покинуть предприятие⁷¹.

Однако этим правовые меры по решению кадровых проблем производства не ограничивались. Герингом, как «генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану», был издан ряд предписаний, в которых им отводилось важное место. «Первое предписание о проведении четырехлетнего плана» от 7 ноября 1936 г. обязывало руководство частных и государственных железоделательных, металлообрабатывающих предприятий и строительных фирм с числом занятых не менее 10 человек обеспечить обучение учеников: каждый квалифицированный рабочий должен был взять шефство над одним «подмастерьем» и в перспективе подготовить из него работника такой же квалификации. Третье предписание требовало вернуть в профильную сферу деятельности всех рабочих-металлистов и строителей, работающих не по специальности. Четвертое и пятое предписания были посвящены «обеспечению рабочих сил и потребностей в стройматериалах» для реализации строительных планов, имеющих важное государственное и экономико-политическое значение, а также трудовой деятельности пожилых служащих. И, наконец, шестое предписание запрещало при найме квалифицированных строительных рабочих и металлистов вербовать их посредством газетных объявлений⁷².

Широко использовалось и прямое принуждение. Еще в «Воззвании имперского правительства к немецкому народу» от 1 февраля 1933 г. «одним из краеугольных камней» правительственной программы провозглашалась «идея обязательной трудовой повинности»⁷³. Принятый 26 июня 1935 г. «Закон об «Имперской трудовой повинности» (РАД) обязывал отбывать ее всех

немецких «расово полноценных» юношей в возрасте 18-25 лет, а указ Гитлера «О продолжительности службы в силах РАД», подписанный им на следующий день, устанавливал шестимесячный срок ее прохождения. Распоряжением же фюрера от 4 сентября 1939 г. обязательная трудовая повинность была распространена и на девушек⁷⁴. Однако под этот пресс попала не только молодежь. Поскольку для задуманного нацистами и начатого в 1938 г. сооружения Западного вала, по расчетам экспертов, требовалось около 400 тыс. человек, а «свободный рынок труда» не мог предоставить такого количества рабочих, 22 июня 1938 г. последовало издание «Предписания об обеспечении потребностей в рабочей силе для задач особого государственно-политического значения», согласно которому трудовые службы могли обязать любого германского гражданина в течение определенного времени «работать на указанном ему рабочем месте» или же пройти ту или иную профессиональную подготовку. С вступлением в силу предписания от 13 февраля 1939 г. предприятия и учреждения были обложены новой данью: теперь компетентные трудовые службы получили право в случае необходимости принуждать их, вне зависимости от их собственных потребностей, направлять как отдельных лиц, так порой и целые группы своих работников в сектор производства вооружений или на строительство новых фабрик и заводов. Причем срок подобных «командировок» не лимитировался⁷⁵.

Фактически речь шла о введении в производственном секторе экономики неограниченной трудовой повинности. Знаковым в этом отношении стало «Предписание об ограничениях на смену места работы» от 1 сентября 1939 г. Оно устанавливало непререкаемость авторитета Имперского учреждения Зирупа в решении всего круга соответствующих вопросов⁷⁶. Это предписание знаменовало собой переход от довоенного к военному времени, принесшему с собой узаконение еще более жесткого контроля за трудовой мобильностью. За ним последовало издание первого (6 сентября 1939 г.), второ-

го (7 марта 1941 г.), третьего (10 июля 1941 г.), четвертого (28 октября 1941 г.), пятого (10 апреля 1942 г.), шестого (29 сентября 1942 г.) и седьмого (23 февраля 1943 г.) исполнительных декретов⁷⁷.

Общая картина была бы неполной без упоминания указов, касавшихся распределения рабочей силы (от 22 сентября 1939 г., 7 марта 1942 г., 27 января 1943 г.) и ликвидации «не имеющих существенного значения» рабочих мест (от 29 января 1943 г.)⁷⁸.

В целом в годы войны происходит дальнейшая, невиданная ранее, концентрация управления экономикой в руках государственных структур. Одним из важнейших шагов в этом направлении стало произведенное Гитлером в 1942 г. по инициативе М. Бормана⁷⁹ назначение гауляйтера Тюрингии Ф. Заукеля генеральным уполномоченным по найму и распределению рабочей силы с возложением на него ответственности за все аспекты этого направления социальной политики. Его положение было узаконено декретом фюрера от 21 марта 1942 г., исполнительным указом «уполномоченного по четырехлетнему плану» от 27 марта и указом от 25 мая того же года⁸⁰. Логическим следствием такого развития событий стало произошедшее 27 июля 1943 г. слияние бирж труда земель с управлениями имперских попечителей труда⁸¹.

Таким образом, следует подчеркнуть, что «национал-социалистическое трудовое право трансформировало трудовые отношения, регулируемые гражданским правом, в квази-принудительные отношения, навязываемые государством». В значительной степени именно новое трудовое законодательство (наряду с широким спектром возможностей, предоставляемых тотальными пропагандой и террором) позволило нацистам закрепить приоритет государства в сфере экономики. Поставив «фюрера предприятия» в привилегированное положение по отношению к «свите», режим одновременно возложил на него обязанность неукоснительно проводить официальный экономико-политический курс. Если в том или ином конкретном случае частные и госу-

дарственные интересы приходили в столкновение, первые должны были быть принесены в жертву вторым.

В то же время, сохранив за крупным капиталом сильные позиции в рамках системы, в создании которой монополистические круги приняли самое непосредственное участие, нацисты тем самым заложили определенные ограничения своего влияния на мир крупного бизнеса. Это в полной мере проявилось на заключительном этапе войны, когда неотвратимость поражения Германии стала очевидной. Отданный Гитлером 19 марта 1945 г. приказ о проведении тактики «выжженной земли», предписывавший при приближении войск противника уничтожать «все предприятия связи, транспорта, снабжения и промышленности военного характера, равно как и все имущество, которое может использовать враг в ближайшем времени или в будущем»⁸², успешно саботировался промышленниками при поддержке министра вооружений и боеприпасов А. Шпеера. Этим было наглядно продемонстрировано, что даже в государстве, где высшим источником права официально считалась «воля фюрера», деловая элита проявляла готовность идти на жертвы лишь до тех пор, пока они не превращались в по-настоящему серьезную угрозу их благополучию.

1.2. Создание и деятельность Германского трудового фронта

Важная роль в решении задачи воцарения классового мира на производстве отводилась Германскому трудовому фронту – корпоративной организации, пришедшей на смену прежним профсоюзам (сам ДАФ национал-социалисты профсоюзом никогда не называли⁸³). Помимо Центрального бюро ДАФ, включавшего 11 профессиональных отделов, было образовано 13 окружных объединений, которые, в свою очередь, руководили районными и местными отделениями⁸⁴. Официально Германский трудовой фронт был учрежден 10 мая 1933 г.⁸⁵. Однако и здания и иное имущество, ранее являвшее-

ся профсоюзной собственностью – все это поступило в его распоряжение уже 2 мая 1933 г. Тогда же, чтобы успокоить рабочих, рейхсляйтер Роберт Лей, возглавлявший новую организацию, заявил: «Рабочий! Твои институты для нас, национал-социалистов, священны. Я сам сын бедного крестьянина и познал нищету... Я знаю эксплуатацию анонимного капитализма. Рабочие! Я клянусь вам, что мы не только сохраним все, что существует, мы будем дальше расширять... права рабочих»⁸⁶.

Подчеркнув, что до сих пор нацистам, несмотря на их приход к власти, не удалось приобрести стопроцентную поддержку немецких рабочих (в целом, в 30-е гг. последние составляли около 46% населения, среди же членов НСДАП их насчитывалось от 28 до 32%⁸⁷), поскольку те еще не полностью сбросили с себя «путы марксизма», он провозгласил: «Трех месяцев национал-социалистического правления достаточно, чтобы доказать вам: Адольф Гитлер – ваш друг! Адольф Гитлер борется за вашу свободу! Адольф Гитлер дает вам средства к существованию»⁸⁸.

По требованию Гитлера, чтобы подчеркнуть бесклассовый характер организации в Германском трудовом фронте должны были состоять как рабочие (их сюда входило более 20 млн.⁸⁹), так и предприниматели. 27 ноября 1933 г. Лей, министры экономики и труда, а также Кеплер – эксперт Гитлера по экономическим вопросам, подписали совместную декларацию. «Германский трудовой фронт, – говорилось в ней, – это организация всех работающих людей, вне зависимости от их экономического и социального положения. В рамках его рабочие будут находиться бок о бок с работодателями, не разделяясь больше на группы и ассоциации, которые служат сохранению особенных экономических или социальных различий или интересов. Ценность личности, неважно рабочего или работодателя, станет определяющим фактором в Германском трудовом фронте». Здесь же отмечалось, что «в соответствии с волей ... Гитлера Германский трудовой фронт не является ме-

стом для решения материальных вопросов повседневной жизни рабочих или гармонизации естественных различий в интересах между отдельными рабочими... Главная задача трудового фронта заключается в том, чтобы воспитывать всех работающих немцев в духе поддержки национал-социалистического государства» и прививать им националистическое мировоззрение⁹⁰. «Сегодня в Германии каждый человек – рабочий, независимо от того ... является ли он министром, директором, ремесленником, художником, механиком или упаковщиком», – подчеркивалось в одной из пропагандистских публикаций⁹¹. Создание Германского трудового фронта как «одной общей организации, объединяющей в равной мере как рабочих, так и работодателей», представляет собой новое слово в социальной политике, – утверждалось в другой⁹².

Подобное «единство» должно было подчеркиваться и голубой униформой, обязательной для всех членов ДАФ, вне зависимости от их реального социального статуса⁹³. «Одинаковый шаг, одинаковая выправка и одинаковый марш: тогда я больше не различаю по виду, кто предприниматель и кто рабочий», – заявил Лей на съезде Трудового фронта в 1937 г.⁹⁴.

В соответствии с декретом фюрера «О характере и задачах Германского трудового фронта» от 24 октября 1934 г. целью ДАФ провозглашалось создание «подлинного национального и производственного сообщества всех немцев», а его основной задачей – «забота о том, чтобы каждый отдельный индивидуум мог занять свое место в экономической жизни нации», работая «настолько эффективно, насколько позволяют ему его физическое или интеллектуальное состояние», и «обеспечивая, таким образом, максимум пользы для народного сообщества»⁹⁵.

Кроме «синих воротничков» – «рабочих кулака» в Германский трудовой фронт были включены и получающие жалованье служащие – «рабочие ума». К 1935 г. членство в организации для тех и других фактически стало

обязательным. (Они должны были демонстрировать свой «союз» совместным участием на подчеркнута равных условиях в различных пропагандистских акциях. 1 мая 1934 г., например, ректор Гейдельбергского университета и представитель промышленных рабочих вместе ехали по улицам на празднично украшенном пивном фургоне с натянутым над ними плакатом. Крупная, бросающаяся в глаза надпись гласила: «Рабочий ума и кулака»⁹⁶).

В то же время нацистские лидеры понимали, что задачу «мировоззренческого обучения» не удастся реализовать на практике, если рабочие не почувствуют реальной отдачи от деятельности ДАФ в социально-политической сфере. Выступая в том же году на партийном съезде, Лей докладывал о сокращении расходов на управленческий аппарат Трудового фронта. Если при прежних профсоюзах, отмечал он, они составляли ежемесячно 2 рейхсмарки на каждого члена управления, то теперь они уменьшены и одновременно произошло снижение средней суммы членского взноса с 3,60 до 1,52 рейхсмарки (рейхсляйтер умалчивал о том, что ДАФ располагал штатом в 45 тыс. сотрудников, а его бюджет в три раза превышал партийный⁹⁷). Согласно данным Лея, за отчетный год нуждающимся было выплачено пособий по безработице, инвалидности, по случаю вступления в брак или смерти на общую сумму около 100 млн. рейхсмарок. Кроме того, 2640000 человек обратилось за советом в юридические консультации ДАФ⁹⁸.

Лей с самого начала с большим или меньшим успехом пытался обеспечить своей организации реальное влияние на все аспекты производственных отношений. Уже 16 мая 1933 г. его распоряжением из числа членов ДАФ, а точнее НСБО (Национал-социалистическая организация производственных ячеек), было назначено 13 «начальников районов экономики и труда», которые, по мысли их шефа, должны были составить конкуренцию попечителям труда. В их задачу входило «привести в порядок» тарифные отношения и следить за производственными условиями на том или ином предприятии.

Однако с изданием «Закона о попечителях труда» 19 мая 1933 г. это распоряжение утратило силу⁹⁹. Лей добился того, что каждое лицо, входившее в состав «совета доверенных», должно было состоять в Германском трудовом фронте¹⁰⁰. Перед созданным по его инициативе в 1935 г. Научным институтом труда была поставлена задача заниматься перспективным планированием мер по совершенствованию производственных отношений, представляя соответствующие рекомендации политическому руководству рейха¹⁰¹. ДАФ частично курировал и решение довольно острой проблемы обеспечения рабочих жильем, которое рассматривалось в качестве важной предпосылки осуществления национал-социалистической политики народонаселения, с одной стороны («Мы даем немецкому народу новые квартиры, чтобы немецкий человек мог воспитывать детей», – провозглашал Лей¹⁰²), и как стимулирования роста производственных показателей рабочих – с другой. Как отмечалось в статье «Социально-политическая хроника», опубликованной в 1935 г. в журнале «Народ в становлении», ДАФ в этом вопросе исходил, в первую очередь, из социально-политической точки зрения, заключавшейся в необходимости устранения дефицита жилья в рабочих кварталах крупных промышленных городов. В статье указывалось, что на данный момент Германским трудовым фронтом было завершено строительство 21301 единиц жилья (в том числе им был построен рабочий поселок Вурмревир в угольном районе близ бельгийской границы) и еще 59000 строились¹⁰³. В целом, однако, результаты нацистской политики в этой сфере были значительно скромнее достижений периода Веймарской республики: лишь в 1924-1925 гг. в рамках программы социального жилищного строительства представители малообеспеченных слоев населения получили около 2,5 млн. новых квартир¹⁰⁴. В последние же предвоенные годы объем жилищного строительства сократился¹⁰⁵.

В то же время на практике влияние ДАФ было не столь велико. С це-

лью ограничения его пропагандистской деятельности областью социальной политики в 1936 г. статс-секретарь Имперского министерства труда Крон договорился с адъютантом Лея Зельцнером о проведении между двумя ведомствами регулярных консультаций с целью координации их усилий по проведению социально-политических мер¹⁰⁶. Однако предпринимаемые Трудовым фронтом попытки вмешательства в социальную политику предприятий встречали активное противодействие предпринимателей, использовавших для отстаивания своих прерогатив положения «Закона о регулировании национального труда»¹⁰⁷. Предоставление ДАФ сколько-нибудь широких полномочий в этой сфере не входило в планы политического руководства страны.

Важнейшей задачей, поставленной последним перед ДАФ, было обеспечение роста производительности труда на предприятиях. Одним из путей достижения этого являлось повышение квалификации рабочих. В этой связи особая роль отводилась функционировавшей под патронажем ДАФ системе профессионального обучения, неотделимого от нацистской идеологии. Уже в 20-е гг. ряд предпринимателей (А. Фёглер – наиболее влиятельный среди них) спонсировал внедрение на своих предприятиях курсов по повышению квалификации рабочих, видя в них один из возможных аргументов в борьбе с распространением идей социализма¹⁰⁸. Однако главным творцом системы переобучения рабочих стал К. Арнольд, основавший в 1925 г. Немецкий институт технического трудового обучения. Сформированная им команда рабочих-инженеров в период с 1925 по 1930 год энергично работала над претворением его идей в рурских концернах (общее количество организованных ими учебных курсов перевалило за 30 тыс.). Арнольд исходил из необходимости органичного сочетания повышения профессионализма рабочих, максимально интегрированного в производственный процесс (это должно было дисциплинировать их и облегчить им понимание позиции руководства предприятия), и

политического обучения, с тем, чтобы оказывать влияние «на самый образ жизни человека». Однажды настанет время, предрекал он, когда на смену школе придет цех, место профсоюза как ядра социальной и политической организации займет фабрика, а работодатель в качестве морального руководителя сменит политического лидера¹⁰⁹.

В 1933 г. Арнольд, зарекомендовавший себя как ярый сторонник образования на предприятиях «заводского сообщества», которое должно было прийти на смену классовому сознанию рабочих, получил членский билет НСДАП. Созданный им институт был включен в структуру Германского трудового фронта в качестве службы профессионального обучения и управления производством. Уже в конце 1936 г. ДАФ располагал по всей Германии сотнями пунктов обучения. Общая численность занятого в них преподавательского состава доходила до 25 тыс. человек. К этому моменту в роли слушателей читавшихся там курсов побывало более 2,5 млн. рабочих¹¹⁰. Тогда же деловые круги были наделены полномочиями, необходимыми для создания общегосударственной системы профессионального обучения. В частности, 7 ноября 1936 г. вступило в силу «Предписание об обеспечении молодого поколения специалистов», расширившее права отдельных предприятий по обучению молодых рабочих¹¹¹. В течение 18 месяцев подавляющее большинство мелких фирм приступило к осуществлению соответствующих обучающих программ. В целом, в период с 1937 г. до конца войны почти все выпускники и значительная часть выпускниц средней классической школы прошли соответствующее обучение. Однако у этого явления оказалось две стороны. При избыточном количестве квалифицированных кадров, подготовленных в рамках данной системы, обозначился дефицит неквалифицированных рабочих и полуквалифицированных механиков, потребность в которых остро ощущалась в сфере производства вооружений¹¹².

В качестве одного из средств повышения квалификации рабочих и

производительности труда рассматривалось внедрение в производственный процесс разнообразных форм соревнования. Начиная с 1934 г., ежегодно на местном, областном и общегосударственном уровнях проводилось Имперское профессиональное соревнование, поначалу имевшее форму профессиональной олимпиады для молодежи – учеников рабочих. Позднее его возрастные рамки были раздвинуты, что привело к распространению его на рабочих в целом. Победители соревнования приглашались в Берлин, где им предоставлялась возможность сфотографироваться с Леем и даже с самим фюрером. Кроме того, 63% отличившихся в ходе его мужчин и 47% девушек получали от местных властей льготы в виде субсидий и создания благоприятных условий для повышения образовательного уровня и, как следствие этого, – профессионального и социального продвижения¹¹³. В 1939 г. общее число его участников составило 3,5 млн. человек. Лишь с началом войны осуществление этой программы было приостановлено¹¹⁴.

В конечном итоге, соревнование не ограничилось уровнем отдельных работников. 29 августа 1936 г. был обнародован указ Гитлера «О борьбе за производительность немецких предприятий». Он предусматривал проведение среди заводов и фабрик ежегодных соревнований, победители которых поощрялись следующим образом: «предприятиям, в которых в полной мере осуществляется идея национал-социалистического производственного сообщества предприятия в духе закона о регулировании национального труда и традиций Германского трудового фронта, – говорилось в указе, – фюрером предприятия и его свитой может быть в качестве награды присвоено звание «Национал-социалистическое образцовое предприятие». При этом именно от ДАФ исходили предложения по награждению, которое было действительно в течение года и заключалось во вручении фюреру предприятия соответствующей грамоты, дававшей предприятию «право владеть знаменем Германского трудового фронта с золотым вороном и золотой бахромой» (церемония

происходила в день национального праздника немецкого народа)¹¹⁵. В распоряжении Лея за номером 18/37, озаглавленном «Борьба за повышение производительности немецких предприятий», говорилось об учреждении «Знаков за труд», вручавшихся за образцовую заботу о народном здоровье; образцовые жилища и квартиры; образцовый подъем «Силы через радость» в том случае, «если образцовым является сообщество предприятия». Здесь же разъяснялось, что «награждение происходит по предложению областного старосты Германского трудового фронта после ходатайства компетентного сообщества имперского предприятия и компетентной профессиональной службы Германского трудового фронта», и подчеркивалось, что «идея о неразрывной связи всех работающих на предприятии является ядром национал-социалистической трудовой ... и тем самым ... социальной и экономической политики». «Образцовое предприятие, – продолжал Лей, – должно служить образцом и лидером для других предприятий и надежным практическим инструментом Германского трудового фронта и тем самым политического руководства НСДАП»¹¹⁶. Фюреры «арийских» предприятий, претендовавших на получение подобной награды, должны были до 1 августа текущего года обращаться к областному старосте ДАФ с ходатайством, которое подписывалось также старостой предприятия. После этого областной староста ДАФ присылал фюреру предприятия анкету, которую тот заполнял, подробно обосновывая свое ходатайство, и подписывал вместе со старостой предприятия. Затем областным старостой ДАФ проводилась проверка заявленных предприятий, о результатах которой он составлял отчет, представляя свои рекомендации по награждению гауляйтеру. Последний выносил окончательное решение и присуждал предприятиям, которые считал заслуживающими этого, «диплом гау за выдающиеся достижения». Следующим шагом был доклад областного старосты ДАФ имперскому организационному руководителю НСДАП и рейхсляйтеру ДАФ о заводах и фабриках, получивших по-

добный диплом, а среди них уже выбиралось предприятие, заслуживающее высшей награды¹¹⁷.

В Предписании о реализации указа подчеркивалось, что предприятие, претендовавшее на столь высокое отличие, «должно через постоянное тесное общение с национал-социалистическим движением доказать, что оно делает цели фюрера и его движения своими собственными целями». В связи с этим обращалось особое внимание на удачный подбор фюрером предприятия соответствующих кадров – свиты, которая должна была «в любой ситуации чувствовать себя связанной с предприятием и разделять ответственность», сделав «дело предприятия своим делом». «Фюрер здорового предприятия, – говорилось далее, – будет проникнут основным принципом: «Хорошая социальная политика – лучшая хозяйственная политика»¹¹⁸. В этом же предписании говорилось о мерах, осуществлявшихся в рамках программы «Красота труда», как об обязательных условиях получения отличия. В заводских помещениях должны были быть хорошая вентиляция и освещение, комфортабельные места отдыха, умывальники, зеленые насаждения в целях заботы о «физическом оздоровлении свиты».

В этой связи рассматривались следующие вопросы: «Имеются ли собственные спортивные сооружения? Существует ли возможность содержания свиты? Происходит ли постоянный контроль за физическими достижениями через назначенного врача, предотвращение перенапряжений? Как регулируются отпуск и отдых? Использует ли руководство предприятия возможности, создаваемые ему национал-социалистическим обществом «Сила через радость»? ...Предоставляются ли пособия на проведение операций? Существует ли собственная производственная больничная касса?» «Достижения и меры этого вида, – утверждалось в предписании далее, – ...сделают для руководства предприятия и свиты работу радостью, а предприятие – родиной»¹¹⁹. Со ссылкой на призыв фюрера к проведению «соревнования в достижениях ме-

жду всеми немецкими предприятиями» в предписании подчеркивалось необходимость «для каждого ответственного сознательного фюрера предприятия ...принять участие в соревновании, даже если он в настоящее время еще не может продемонстрировать видимых успехов по указанным пунктам»¹²⁰.

Несмотря на противодействие рейхсминистра экономики Я. Шахта, увидевшего в «борьбе за производительность» опасность перерасхода сырья, «неправильного использования капиталов» и «подкоп» под проводившуюся имперским правительством политику в области заработной платы, церемония награждения первых 30 отличившихся предприятий состоялась уже 30 апреля 1937 г.¹²¹. По мнению руководства Трудового фронта, число «национал-социалистических образцовых предприятий» должно было быть ограниченным, чтобы не допустить девальвации значимости подобного отличия. В то же время для тех предприятий, чьи возможности не позволяли им рассчитывать на получение этой награды, была предусмотрена система поощрений за достижения в отдельных сферах в виде различных «знаков отличия» и «областных дипломов»¹²², позволявшая и им участвовать в «турнирной гонке».

Хотя Лею не только не удалось отстоять монопольное право ДАФ на оценку предприятий, принимавших участие в соревновании, но, напротив, пришлось уступить эти функции промышленным и торговым палатам¹²³, его роль в организации соревнования способствовала определенному укреплению позиций ДАФ на производстве. В 1938 г. заявки на участие в соревновании подали 164 тыс. предприятий¹²⁴.

К числу важнейших социально-политических мероприятий Германского трудового фронта и режима вообще относились те, которые осуществлялись по линии организации «Сила через радость» («Крафт дурх Фройде» – КдФ), поначалу названной «После работы» – по аналогии с «Дополаворо», действовавшей в фашистской Италии. Ей отводилась особая роль в решении указанных задач. Основанная 27 ноября 1933 г. в рамках Германского трудо-

вого фронта и обладавшая мощной финансовой базой, обеспечиваемой за счет членских взносов и субсидий из фондов ДАФ (в среднем в 1933-1942 гг. ежегодные расходы КдФ доходили до 26,7 млн. рейхсмарок¹²⁵), она занималась организацией досуга, отдыха и развлечений рабочих: предоставляла им льготные путевки, развивая туризм как форму проведения ими отпуска, проводила пешеходные экскурсии, уикенды, распространяла дешевые билеты в театры и кино, культивировала занятия спортом на предприятиях, занималась просветительской деятельностью в духе идей национал-социализма. Считалось, что, участвуя в программах КдФ, рабочие должны были черпать новые силы на каждый трудовой день.

Широкий размах приобрела туристическая деятельность организации, начало которой было положено 3 мая 1934 г. В этот день из порта Бремена в море вышел пароход «Дрезден» с 969 пассажирами на борту, а лайнер «Монте Оливия», курсировавший на линии «Гамбург – Южная Америка», покинул порт приписки, разместив в своих каютах 2000 фольксгеноссен и фольксгеноссинен. За время путешествия, продолжавшегося 8 дней, обе группы посетили остров Гельголанд в Северном море и побережье Англии. Правда, не обошлось без «ложки дегтя». В июне 1934 г. «Дрезден» затонул, налетев на рифы у берегов Норвегии. Все пассажиры были спасены. Корабль «Штутгарт», также принадлежавший организации, доставил их обратно в Германию. Но две женщины не вынесли пережитых волнений и скончались от сердечной недостаточности¹²⁶.

Осенью того же года фаза создания КдФ завершилась. Выступая 27 ноября 1934 г. по случаю годовщины ее существования, Лей отчитывался о первых успехах. Согласно сообщениям гауляйтеров и данным центральной службы, заявил он, в путешествиях приняли участие 2168032 рабочих. Стремясь поразить воображение своих слушателей, рейхсляйтер не удержался от эффектных сравнений: для перевозки всех путешествовавших поездами, под-

черкнул он, потребовалось 36000 железнодорожных вагонов. «Если эти вагоны соединить друг с другом, получился бы огромный особый поезд КдФ, локомотив которого располагался бы в Берлине, а последний вагон – в Бреслау. Стоящему у последнего вагона начальнику состава пришлось бы в течение четырех - пяти часов ехать поездом, чтобы подать машинисту сигнал к старту. Общий километраж, пройденный поездами КдФ, равен девятнадцатикратному пути вокруг Земли»¹²⁷. Не менее 80000 фольксгеноссен из всех частей Германии, отметил он далее, совершили плавания на пароходах к фьордам или к английскому побережью. Стоимость такого круиза из Берлина и обратно, включая шестидневное обслуживание, составила 42 рейхсмарки¹²⁸. Отчитываясь о деятельности ДАФ на партийном съезде 1935 г., Лей особо выделил достижения КдФ. Отметив, что за непродолжительный период своего существования она отправила в различные путешествия 5 млн. человек, из них 3 млн. – в длительные поездки, он пообещал, что в будущем ежегодное количество отдыхающих по линии «Силы через радость» будет увеличено до 7 млн. человек за счет снижения на одну треть расходов по их размещению. Этого предполагалось достигнуть, в частности, путем создания трех собственных морских курортов ДАФ, рассчитанных на 20 тыс. коек каждый, домов отдыха с общим количеством кроватей в 50 тыс., строительства нескольких кораблей, рассчитанных, каждый, на 1500 мест (полное осуществление этого проекта было рассчитано на 10 лет). Лей также отметил, что 90% всех принявших участие в подобном туризме имели ежемесячный доход менее 150 рейхсмарок, поэтому «во многих случаях путешествие было возможным лишь благодаря дотации со стороны фюрера предприятия»¹²⁹.

Подчеркнув, таким образом, реальность концепции «производственного сообщества», Лей одновременно дал ответ на многочисленные жалобы со стороны работников предприятий, имевших невысокий заработок, по поводу того, что, хотя организуемые «Крафт дурх Фройде» путешествия были на-

много дешевле, чем индивидуальные туры, лишь высокооплачиваемые квалифицированные рабочие и более обеспеченные средние слои населения могли позволить себе участие в них. В качестве опровержения подобных обвинений он привел проведенный в июне 1935 г. семидневный тур из Курмарка в курортную зону Тюрингии. Если верить Лею, 70% отпускников, принявших в нем участие, составляли рабочие, остальные были служащими, мелкими торговцами и пенсионерами. Здесь же указывалось, что 85% тех, кто путешествовал в 1935 г., жили на доход менее 150 марок в месяц, и никто из них не зарабатывал более 285 марок ежемесячно. Особой популярностью у среднего немецкого рабочего пользовались двухнедельные экскурсии из Берлина на озеро Констанц, обходившиеся им в 65,50 марки, и восьмидневные туры на Балтику, стоившие всего лишь 32 марки. К 1938 г. обширная экскурсионная программа КдФ включала посещение норвежских фьордов, Канарских и Азорских островов, Копенгагена, Гибралтара, Триполи, Италии, Греции и других мест. Побывать в Норвегии, например, можно было всего лишь за 40 марок, включая стоимость железнодорожного проезда от Берлина до Гамбурга. Длительный же Мадейрский круиз стоил 155 марок¹³⁰.

К 1938 г. флот «Силы через радость» насчитывал уже 12 кораблей, наиболее фешиенебельными из которых являлись «Вильгельм Густлов», рассчитанный на 1500 пассажиров¹³¹ и «Роберт Лей», имевший палубу площадью около 5 тыс. кв. м., на которой размещались просторные холлы, клубные и банкетная комнаты, театр, оранжерея, спортивный зал¹³². Пропаганда окрестила их «бесклассовыми судами», т.к. все их каюты, включая предназначенные для команды, были одинаковыми, демонстрируя «реальность» существования в рейхе «народного сообщества». «Не только рабочий должен освободиться от своего чувства неполноценности, – провозгласил Лей, – работодатель должен претерпеть такую же трансформацию взглядов. В качестве примера он привел предпринимателя из Западной Германии и его жену, ко-

торым плавание на таком корабле в компании с рабочими помогло преодолеть буржуазные предрассудки по отношению к последним. «Теперь молодая женщина с гордостью и удовлетворением заявила, что ей никогда прежде не доводилось бывать в таком превосходном и счастливом путешествии», – подчеркнул рейхсляйтер¹³³.

Количество желавших путешествовать по линии «Силы через радость» с каждым годом росло. Полностью удовлетворить этот спрос КдФ была не в состоянии, что стало еще одной причиной для недовольства части рабочих. Некий ветеран труда, имевший 40 лет производственного стажа, в письме к Лею от 22 апреля 1938 г. сетовал на то, что, несмотря на обещания последнего направлять в поездки, организуемые «Крафт дурх Фройде», ветеранов производства, в них, «судя по фотографиям в журналах, ...чувствуют не столько старые заслуженные деятели, сколько молодежь, и создается впечатление, что партийные бюро направляют в них своих людей». Он же «хотел бы принимать участие в морских путешествиях КдФ, но ему этого не предлагают на том основании, что его заработная плата превышает 300 марок в месяц», хотя, будучи многосемейным, он на эти деньги самостоятельно поехать никуда не может. Письмо заканчивалось упреком: «Ваши слова остаются пустым звуком»¹³⁴.

Справедливости ради, следует отметить, что для подобных упреков не имелось достаточных оснований. О социальном, половом и возрастном составе, а также о материальном положении путешествовавших свидетельствуют сохранившиеся списки пассажиров круизных теплоходов (табл. 2-3).

Таблица 2

Состав 896 участников морского круиза вокруг Италии, проходившего с 19 по 30 ноября 1938 г. на теплоходе «Сьерра Кордова»¹³⁵

	Мужчины	Женщины
Рабочие	97	10
Ремесленники	46	-
Служащие	282	156

Продолжение таблицы 2

Чиновники	16	-	
Представители сельского хозяйства	10	1	
Лица свободных профессий	60	10	
Вермахт, СА, СС, Гитлерюгенд	3	-	
Лица без профессий, замужние женщины	6	199	
Итого:	520	376	
Возрастной состав путешественников:			
	мужчины	женщины	
до 20 лет	11	16	
до 30 лет	80	75	
до 40 лет	165	96	
до 50 лет	117	113	
до 60 лет	106	63	
свыше 60 лет	41	13	
Их доход составлял:			
мужчины		женщины	
до 100 марок	10	до 100 марок	47
до 150 марок	55	до 115 марок	44
до 200 марок	95	до 120 марок	82
до 250 марок	121	до 125 марок	68
до 300 марок	69	до 130 марок	38
свыше 300 марок	170	свыше 130 марок	97

Таблица 3

Социальный, половой и возрастной состав группы из 899 КдФ - туристов, совершивших путешествие на теплоходе «Немец»¹³⁶

Профессии	Мужчины	Женщины
Рабочие	186	39
Ремесленники	51	1
Служащие	243	127
Чиновники	35	1
Представители сельского хозяйства	5	2
Лица свободных профессий	42	5
Вермахт, СА, СС, Гитлерюгенд	2	-
Без профессий	5	155
Итого:	569	330

Продолжение таблицы 3

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
До 20 лет	3	8
30	68	78
40	210	118
50	163	95
60	86	29
свыше 60 лет	39	2
Доходы (в марках)	Мужчины	Женщины
До 100	13	195
150	49	57
200	168	45
250	124	20
300	86	10
Свыше 300	129	3

Второй из вышеприведенных документов опровергает утверждение П. Эйкоберри о том, что среди участников подобных круизов «рабочие никогда не составляли ... более 17%»¹³⁷, хотя, безусловно, далеко не всем из них эти путешествия были доступны.

Согласно нацистской статистике, всего в путешествиях приняли участие 2 млн. немцев в 1934 г., 6 млн. в 1936 г.¹³⁸ и свыше 9 млн. чел. в 1938 г.¹³⁹. В морских круизах в 1934 г. побывало 61151, а в 1938 г. – уже 131623 чел.¹⁴⁰.

Постепенно все более массовый характер приобретают спортивные мероприятия, предлагавшиеся КДФ. Число их участников уже в 1935 г. перевалило за 3 млн., в 1937 г. возросло до 9401494 и в 1938 г. – до 22379631 чел. Члены организации могли приобретать спортивное снаряжение по льготным ценам. Те же, кто не состоял в ней, должны были за пользование принадлежавшими ей спортивными сооружениями уплачивать сумму, вдвое превышавшую членский взнос. Немало внимания уделялось организации занятий физкультурой на предприятиях. В 1936 г. они стали обязательными для всех рабочих. Последние должны были регулярно проходить тест на проверку их

физического состояния. Нацисты считали, что такая практика заставит всех, занятых на производстве, следить за своим здоровьем и поддерживать высокую работоспособность¹⁴¹.

Специальные «передвижные театры» и «театральные поезда», созданные «Силой через радость», впервые познакомили население многих районов Германии с театральными постановками. Причем поначалу потребовались не только организационные, но и определенные пропагандистские усилия для того, чтобы привить рабочим вкус к театру. В одном лишь Берлине 7 трупп давали представления исключительно для аудиторий КдФ¹⁴². В таблице 4 указаны данные о количестве лиц, посетивших подобные мероприятия в 1934 и 1938 гг.

Таблица 4

Статистика культурных мероприятий, проведенных КдФ в 1934 и 1938 гг., и немцев принявших в них участие¹⁴³

	1934 год		1938 год	
	Число	Участники	Число	Участники
Концерты	1020	576594	5291	2515598
Массовые зрелища	725	285037	54813	13666015
Оперы, оперетты	959	540841	12407	6639067
Театр	2839	1581573	19523	7478633
Варьете, кабаре	1315	481855	7921	3518833
Вечерние эстрадные концерты	3189	1228457	10989	4462140
Фильмы	3372	316968	3586	857402
Выставки	72	237632	555	1595516
Поездки с гидом	1528	90242	676	58472
Прочие мероприятия	9653	3772464	15084	11118636
Мероприятия для рабочих, занятых на строительстве автобанов	-	-	13589	2658155
Всего	24672	9111663	144434	54568467

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что за 4 года общее число перечисленных мероприятий возросло на 119762, а их участников – на 45456804 человек.

Одной из форм приобщения рабочих к культурной жизни стала организация для них рассчитанных на неделю посещений Байройта в период проведения там вагнеровского фестиваля. Предлагавшаяся им программа включала три концерта. Общая стоимость такой поездки с учетом гостиничных услуг и питания составляла 65 имперских марок¹⁴⁴.

Впрочем, придание подобным мероприятиям массового характера было продиктовано не столько реальной заботой о повышении культурного уровня немецких рабочих, сколько иными соображениями. В основе перечисленных направлений деятельности КдФ лежал явный пропагандистский расчет. Ставя задачу интегрировать рабочих в «народное сообщество» и убедить их, что в рамках этого сообщества рухнули социальные барьеры, сохранявшиеся в Веймарской республике, национал-социалисты стремились продемонстрировать им, что в Третьем рейхе для них стали доступны развлечения, ранее являвшиеся достоянием лишь интеллигенции и буржуазии. «Лучшее – вот то, что достаточно хорошо для немецкого рабочего», – провозглашал Лей¹⁴⁵. «Рабочий видит серьезность наших намерений поднять его социальный статус, – заявлял рейхсляйтер в другом выступлении. – Он видит, что мы посылаем за пределы страны в качестве представителей новой Германии не так называемые «образованные классы», но именно его, немецкого рабочего». Наконец, на состоявшемся в 1938 г. в Гамбурге съезде «Силы через радость» он официально провозгласил: «В Германии больше нет классов. В грядущие годы рабочий избавится от последних остатков чувства неполноценности, которое он, возможно, унаследовал от прошлого»¹⁴⁶.

В значительной степени цели, которые преследовались нацистами, были достигнуты. Когда один из нацистских авторов, В. Лотц, выделял в качестве «глубинной сути» деятельности КдФ то, что «рабочий человек гордится теми вещами, которые народное сообщество может дать ему, и той ролью, которую он играет в их производстве»¹⁴⁷, это не было лишь пропагандист-

ской бравадой. Сохранилось множество свидетельств того, какое впечатление мероприятия КдФ оказывали на простых немцев. Так, старый мастер из Вюртемберга был крайне растроган концертом, данным имперским симфоническим оркестром на предприятии, где он работал: «Кто бы мог осмелиться помыслить о том, чтобы кайзер послал свой оркестр к нам сюда, на фабрику, – заявил он со слезами на глазах. – Теперь сам фюрер прислал к нам свой оркестр. Мы никогда не сможем в полной мере отблагодарить его»¹⁴⁸. В одном из писем, направленных в лейпцигское отделение «Крафт дурх Фройде» 12 сентября 1934 г. и процитированных Леем, говорилось: «Это письмо пишет очень бедный рабочий. Раньше я в течение 18 лет состоял в СДПГ. Очень долго ничего не хотел знать о Гитлере. Сегодня я задаю себе вопрос: «Почему?» Я побывал на экскурсии в Клингентале, организованной КдФ. Я благодарен Вам, что смог совершить такую прекрасную поездку. Это было первое путешествие в моей жизни, так как за сумму в 17,20 рейхсмарки СДПГ ничего подобного нам не предлагала. Теперь я искренне крикну свое первое: «Хайль Гитлер!». Подписано: «старый, 53-летний рабочий (имя я не хочу называть)»¹⁴⁹.

Понятное в данных обстоятельствах стремление автора послания сохранить инкогнито, в то же время, могло бы поставить под сомнение подлинность самого приведенного письма. Однако даже в отчетах, пересылавшихся находившемуся в эмиграции руководству Социал-демократической партии Германии его агентами, подчеркивалась популярность «Силы через радость» в рабочей среде¹⁵⁰.

«Сила через радость» снискала себе широкую известность и за рубежом. На жителей стран, которые посещали немецкие туристы, так же, как и на гостей Германии, большое впечатление производил общий энтузиазм рабочих рейха. В октябре 1937 г. герцог и герцогиня Виндзорские прибыли в Берлин с трехдневным визитом. На границе сиятельная гостья высыпала все

содержимое своего кошелька в руки штурмовиков со словами: «В фонды КдФ»¹⁵¹. Профессор Сиднейского университета С. Робертс, специалист в области европейской истории, более года провел в нацистской Германии, исколесив ее вдоль и поперек. Он пришел к выводу, что, невзирая на пропагандистский аспект, «Сила через радость» была наиболее привлекательной из нацистских организаций. «Бетховен за шесть пенсов, Бавария за восемнадцать пенсов и Норвегия за шесть шиллингов в день, море для жителя гор и горы для моряка – предлагаемые ею перспективы являются невероятно заманчивыми, и я сожалею о том, что не смог принять приглашение доктора Лея отправиться в круиз к норвежским фьордам – восемь дней за двадцать две марки, – если бы я настоял на том, чтобы заплатить самому»¹⁵². Любопытный рабочий, пишет он дальше, который намеревается совершить путешествие, связывается с членом совета доверенных на своем предприятии и получает карточку, в которую наклеиваются марки с его еженедельными взносами. Скопив достаточно денег, он отправляется в одну из экскурсий. Уже в первый год подобные путешествия совершили 3 млн. рабочих¹⁵³. «Океанские круизы, организованные КдФ, были удивительно недорогими, – вспоминает известный американский репортер У. Ширер. – Круиз на Мадейру на десять дней стоил 25 долларов. Отдых летом на курортах и лыжные походы в Альпы зимой обходились 11 долларов в неделю. Сотни морских и озерных курортов предназначались исключительно для проведения отпусков рабочими... Я нашел жизнь на курортах и особенно на круизных кораблях организованной. Но немецкие рабочие и их семьи, казалось, прекрасно проводили время – немцы всегда были великими организаторами, даже своего отдыха. Отдельные люди, с которыми я разговаривал, выказывали гордость тем, что впервые рабочий человек и его семья могли позволить себе такое... Возможно, в Америке, – сказал мне один шахтер, – рабочий зарабатывает достаточно, чтобы позволить себе провести отпуск подобным образом, но никогда в

Европе, никогда в Германии»¹⁵⁴.

Сравнительная дешевизна осуществлявшихся КдФ мероприятий в значительной степени обеспечивалась за счет страхового и пенсионного фондов, многомиллионных дотаций ДАФ, вычетов из заработной платы, а также части капиталов разгромленной нацистами профсоюзной организации АДГБ.

По одним данным, КдФ получала огромные субсидии от правительства: 24 млн. марок в 1933-1934 гг., 17 млн. – в 1935 г. и 15 млн. марок в 1936 г.¹⁵⁵. По другим, финансовые субсидии поступали на ее счет не от государства, а исключительно от ДАФ, который ежегодно передавал ей 10% от общей суммы членских взносов¹⁵⁶. За период с 1934 по 1942 г. Трудовой фронт выделил на нужды КдФ 240 млн. рейхсмарок – 5,7% от своих общих доходов, составивших за тот же период 4,15 млрд. рейхсмарок. Ежегодно на каждого члена КдФ выделялось: в 1935 г. – 0,84; в 1936 г. – 1,61; в 1937г. – 1,64; в 1938 г. – 1,75; в 1939 г. – 1,69; и, наконец, в 1940 г. – 1,48 рейхсмарки¹⁵⁷.

В то же время не всеми вольными и невольными участниками указанных мероприятий они воспринимались позитивно. Об этом говорят несколько интервью, взятых известной немецкой журналисткой Б. Фромм. «Конечно же, было здорово посмотреть Норвегию, – рассказывала ей знакомая прачка, – но я не чувствовала себя отдохнувшей. Ни на одно мгновение нельзя было остаться наедине с самим собой. Всегда кто-нибудь следил за тем, что ты говоришь или делаешь. Никто не мог заговорить с иностранцем или купить газету. И они, не прекращая, дули в свою пропагандистскую дуду. Поездка также потребовала большого физического напряжения. Мы все были стиснуты в помещении третьего класса. Нет, я бы лучше путешествовала одна. Возможно, я не смогла бы позволить себе такую дальнюю поездку, но, по крайней мере, была бы сама себе хозяйкой». Бакалейщик, швея, сапожник – все отвечали в том же духе. Мероприятия КдФ, которые проводились в самой Германии, были, по мнению Фромм, «не менее тяжелым испытанием» в силу

их обязательного характера¹⁵⁸.

Та же картина представлена и в некоторых официальных источниках. Согласно опросу, проведенному в 1936 г. среди работающих женщин А. Рильке, занимавшей высокое положение в иерархии женского бюро Трудового фронта, они предпочитали неорганизованные и спонтанные экскурсии организованному отдыху, предлагаемому КдФ¹⁵⁹. Туристы, отправлявшиеся в путешествия по линии «Крафт дурх Фройде», находились под постоянным наблюдением. Лица, ответственные за это, после каждой поездки составляли подробные отчеты о поведении КдФ-туристов. Приведем несколько характерных примеров, относящихся к 1938 г. В одном из донесений, касавшемся группы туристов, совершавшей морское путешествие из Берлина в Италию на пароходе «Немец» (24 января-5 февраля 1938г.), говорилось о двух отпускниках КдФ с другого лайнера, которые в Генуе обменяли несколько рейхсмарок на итальянские лиры. Слежка, установленная за ними, отмечалось далее, результатов не принесла, т. к. нарушители «в связи с оживленным движением на этой улице и на набережной незаметно исчезли»¹⁶⁰. Во время поездки по железной дороге группы туристов из Палермо в Венецию были отмечены следующие нарушения: кое-кто из путешественников расплачивался за итальянские товары немецкими табачными изделиями, хотя это было строжайше запрещено; несколько молодых людей смеялись над итальянскими таможенниками, производившими досмотр, что «действовало провоцирующе» на тех из них, кто владел немецким языком; один молодой человек из этой же группы купил небольшую бутылочку «Чинзано», уплатив итальянскому буфетчику вместо положенных 35 пфеннигов 30. Оставшиеся 5 пфеннигов, во избежание конфликта, были уплачены руководителем группы¹⁶¹.

Германию, в свою очередь, часто посещали итальянские туристы, путешествовавшие по линии «Дополаворо». Несмотря на то, что Италия являлась союзницей Германии, нацистские власти следили за тем, чтобы между

гражданами обоих государств не возникало неформальных отношений. В донесении, направленном в центральное управление службы безопасности 5 июля 1938 г. из Штутгарта, сообщалось о неподобающем поведении тамошних женщин и девушек, «вешавшихся на шею» итальянским туристам. Сами же итальянцы, отмечалось в этом документе, в разговорах между собой обозначали половые связи с подобными жительницами Штутгарта как «ось «Берлин-Рим»¹⁶². Особое возмущение у автора донесения вызвало то, что во время прощальной церемонии на штутгартском вокзале «девицы и замужние женщины обнимали и целовали итальянцев и плакали». Попытки руководителей «Силы через радость» пресечь это недостойное поведение успеха не имели, а члены Германского трудового фронта порывались избить их прямо на вокзале после отъезда иностранцев¹⁶³. Поощрялись и взаимные доносы «КдФ-отпускников» друг на друга. Некая М. Вестер, путешествовавшая на пароходе «Немец», сообщала, что она и ее подруга фройляйн Т. Эверн, находясь в каюте 313, слышали из соседней каюты 314 мужской и женский голоса. «Мы удивились, – писала она, – что в этой каюте находился мужчина, хотя мы знали, что в ней жили только женщины. Так как мы слышали шепот, а также поцелуи парочки, мы посмотрели через вентиляционное отверстие, которое находилось как раз на стене указанной каюты. Мы увидели, что парочка целуется. Через 15 минут в каюте 314 был погашен свет. Шорохи утихли. Мы могли предположить, что мужчина и женщина легли в постель, так как мы не слышали, чтобы открывалась дверь в каюту. Наше предположение подтвердилось тем, что через короткое время стал раздаваться скрип кровати. Примерно через три четверти часа (в каюте 314. – Е.П.) снова зажгли свет. Через вентиляционное отверстие мы могли вторично наблюдать за ласками обоих. После того, как свет горел 5 минут, появилась вторая обительница каюты 314 и сказала обоим: «Вы достаточно долго находитесь в каюте. Теперь наша очередь. Через несколько минут появился мужчина и

тоже вошел в каюту». Следившие за каютой 314 соседки узнали в первой женщине отпускницу Йози Геббельс¹⁶⁴. После объяснений, данных последней и ее спутницей по каюте Милли Эмде, а также отпускником А. Хартом, оказавшимся в числе «обвиняемых», первый офицер пришел к выводу, что «жалобы фройляйн Вестер основаны только на предположениях и не могут быть доказаны. Было бы правильно, – подытожил он, – если бы жалобщица сообщила сразу же вместо того, чтобы подслушивать»¹⁶⁵.

Помимо всего прочего, использование или неиспользование отпуска перестало быть личным делом рабочего. «Каждый рабочий, – отмечалось в статье о ДАФ, опубликованной в газете «Новое слово» (издавалась в период оккупации в Таганроге) 17 октября 1942 г. (№92), – не только имеет право получить свой ежегодный, законом установленный отпуск, но и обязан его использовать в видах сохранения здоровья. Он не может заявить: «Я не желаю воспользоваться своим отпуском»¹⁶⁶. Вопреки утверждению О.Ю. Пленкова¹⁶⁷, участие в программах КдФ далеко не всегда носило добровольный характер. Встречались и проявления открытого произвола. В одном документально подтвержденном случае рабочий каменоломни из Восточной Пруссии получил от местного руководства ДАФ указание принять участие в экскурсии в Силезию, о которой он не просил. В ответ на его протесты власти заявили, что в любом случае срок, на который рассчитана поездка, будет вычтен из его отпуска, а денежную компенсацию за часть заработной платы, потерянную в связи с его вынужденным отсутствием на рабочем месте, он не получит¹⁶⁸.

Многие мероприятия КдФ, будь то принудительное посещение во время уикендов замка, в котором располагался учебный центр СС, или обязательная отработка упражнений по стрельбе, санкционированные режимом, по существу представляли собой открытую идеологическую обработку в пронацистском духе. Возникали и моральные проблемы, особенно в тех случаях, когда в поездки по линии КдФ направлялись группы молодежи. Немцы

острили по поводу того, что во время этих путешествий девушки ежедневно «теряли силу через радость»¹⁶⁹.

Одним из наиболее интересных популистских мероприятий «Крафт дурх Фройде» стала разработка широко разрекламированного пропагандой проекта создания так называемого «народного автомобиля», который был бы доступен практически любому трудящемуся Третьего рейха. Он поначалу и был известен как «КдФ-ваген». Его создание являлось одной из любимых идей Гитлера, который считал необходимым покончить с прежним «классовым» характером автомобиля и живо интересовался достижениями Генри Форда. Еще в 1932 г. он беседовал по поводу возможности производства небольшой автомашины с Я. Берлином, мюнхенским торговым агентом концерна «Мерседес-Бенц», и просил его передать компании соответствующее предложение. Тогда монополисты категорически отвергли эту идею.

По удачному совпадению мечта о создании «дешевого» автомобиля обуревала известного австрийского автомобильного конструктора и инженера Ф. Порше, «заболевшего» ею еще с момента окончания Первой мировой войны. Но если для Гитлера этот проект имел, прежде всего, политическое значение, то Порше видел в нем возможность лишний раз удовлетворить свои творческие амбиции и подтвердить прочно закрепившуюся за ним репутацию высококлассного специалиста. В мае 1934 г. разработки Порше попали на глаза фюреру, который захотел встретиться с их автором и лично обсудить проблему. Последний был вызван из Штутгарта в Берлин и, будучи удостоен высочайшей аудиенции в отеле Кайзер-хоф, изложил свои соображения. Предполагаемые параметры автомобиля должны были составить: мощность – 26 лошадиных сил, скорость – 100 км. в час, объем двигателя – один литр, вес – 1430 фунтов. Одобрив услышанное, Гитлер добавил несколько собственных идей, позднее посчитав это основанием утверждать, что он приложил руку к разработке дизайна машины. По его мнению, автомо-

билль должен был быть четырехместным для того, чтобы в нем могла разместиться вся семья, расходовать 7 литров бензина на 100 км – на один литр меньше, чем предлагал Порше, обладать воздушным охлаждением, чтобы защитить машину в холодную погоду (частных гаражей было немного). Когда встал вопрос о стоимости машины, Порше назвал цифру в 1550 марок, считая, что она позволит покрыть расходы. Гитлер же настаивал на ее снижении до 900 марок. К 1 августа 1938 г. предполагаемая цена все же подскочила до 990 марок¹⁷⁰.

Как вспоминает личный архитектор фюрера А. Шпеер, сменивший Ф. Тодта на посту министра вооружений и боеприпасов, Гитлер в годы войны часто показывал своим приближенным наброски, содержавшие расчеты времени, которое потребуется немецкому крестьянину, живущему в наследственном поместье в Южной Украине, для того, чтобы доехать до Берлина. В этих расчетах фигурировал фольксваген. Он хотел построить миллион этих машин уже на следующий год после окончания войны. Порше на их последнем совещании по танкам вновь заверил его, что машина сможет развивать постоянную скорость 60 миль в час, говорил Гитлер Шпееру. – Это означало, что фермеру из Киева или Одессы потребовалось бы около 30 часов, чтобы попасть в столицу рейха¹⁷¹. 26 мая 1938 г. Гитлер принял участие в торжественной церемонии закладки фундамента завода по производству фольксвагенов в Фаллерслебене близ Брауншвейга (финансирование проекта взял на себя «Банк германского труда», принадлежавший ДАФ)¹⁷². Автомобиль был запущен в производство в начале 1939 г. Предполагалось, начав с выпуска 150 тыс. автомашин в год, довести их ежегодное производство до 1,5 млн. – «больше, чем Форд».

Начальный капитал предприятия был определен в 50 млн. марок, а к первому июля 1939 г. возрос до 150 млн. марок. Но не они составляли главные средства. Согласно остроумному плану Лея, рабочий должен был делать

еженедельные взносы в размере 5 или, если он мог себе это позволить, 10, 15 марок. После выплаты 750 марок потенциальный покупатель получал ордер с порядковым номером, дававший ему право на очередное приобретение автомобиля после того, как он сойдет с конвейера¹⁷³. С этой целью властями была введена специальная фольксвагенская сберегательная книжка¹⁷⁴.

Тем не менее даже при таких условиях большинству низкооплачиваемых рабочих приобретение Фольксвагена оказалось не по карману. Когда в июле 1939 г. было официально объявлено, что 59% всех вкладчиков «Силы через радость» зарабатывали менее 300 имперских марок в месяц, средняя по стране ежемесячная заработная плата рабочих составляла 156,96 рейхсмарки¹⁷⁵.

Еще одним важным аспектом деятельности КдФ были меры, осуществлявшиеся ее отделом, получившим звучное наименование «Красота труда». С первого же дня его существования (30 января 1934 г.) его возглавил А. Шпеер. Он сообщал позднее в своих воспоминаниях, что идея образования этой структуры КдФ пришла в голову Лея, когда тот «немногим ранее, проезжая через голландскую провинцию Лимбург, ...увидел здания заводских цехов, которые отличались невероятной чистотой и профессиональной ухоженностью зеленых насаждений вокруг», и отмечал, что само название отдела «вызывало не меньше насмешек, чем «Сила через радость»¹⁷⁶. Сам Шпеер усматривал миссию «Красоты труда» в том, чтобы трансформировать работу, устранив «безрадостное принуждение», которым «капиталистическое рабство заработной платы до сих пор заражало ее»¹⁷⁷. Нацистская пропаганда целью деятельности «Красоты труда» провозглашала улучшение условий работы на производстве. Проблема заключалась в том, чтобы убедить предпринимателей в необходимости этого. Натолкнувшись поначалу на определенное непонимание со стороны последних, нацисты развернули в ноябре 1934 г. агитационную кампанию под лозунгами: «Чистые люди на чистом предприятии»!, «Теплицы на фабриках»!, «Борьба с шумом»!, «Хорошее освещение – хоро-

шая работа»!, «Горячая пища на предприятии»!, «Хорошая вентиляция на рабочем месте»!. (В одном из отчетов за 1935-1936 гг. упоминались типографские предприятия, оборудованные ярким, равномерным освещением, «направленным непосредственно на движущиеся детали машин», но при этом подчеркивалось, что предстоит еще провести серьезную разъяснительную работу, особенно на небольших предприятиях, с тем, чтобы убедить их владельцев осуществить у себя соответствующие меры¹⁷⁸). Работодателям внушалось, что затраты, которых потребуют от них указанные меры, уже в самом скором времени обернутся солидными дивидендами в виде повышения производительности труда. (Не менее веским аргументом стало предоставление фискальных льгот фирмам, изъявившим готовность к сотрудничеству в данном направлении. Если в 1935 г. таковых оказалось 12 тыс., то к 1939 г. их численность возросла до 67 тыс.¹⁷⁹). «Сперва мы постарались воздействовать на фабрикантов, – писал Шпеер, – чтобы те заново переоборудовали фабричные корпуса, а в цехах повсюду расставили цветочные горшки. Тщеславие наше на этом не успокоилось: мы предложили увеличить площадь окон, учредить столовые, и не один замусоренный угол превратился в место, где можно посидеть и отдохнуть во время перерыва; там, где лежал асфальт, разбили газоны, потом мы спроектировали простую, хорошей формы стандартную столовую посуду; спроектировали простую мебель, которую начали в больших количествах выпускать по образцам, мы постарались даже, чтобы по вопросам искусственного освещения и вентиляции рабочего места предприниматели консультировались у специалистов либо просматривали научно-просветительные фильмы»¹⁸⁰.

Благодаря предпринятым усилиям в течение нескольких лет удалось добиться впечатляющих результатов. Согласно официальной статистике, уже к 1939 г. было проинспектировано 67000 заводов и фабрик, благоустроено 26000 рабочих помещений, улучшено фабричных дворики и разбито лужаек

– 17000, сооружено умывальных комнат и раздевалок – 24000, оборудовано столовых и комнат отдыха – 18000, оснащено спортивных сооружений – 3000. Общая стоимость этих работ составила 900 млн. рейхсмарок¹⁸¹.

Многие национал-социалистические авторы, такие, как В. Лотц, который опубликовал в 1941 г. имевшую ярко выраженный пропагандистский характер брошюру «Красота труда в Германии», стремились подчеркнуть, что в основе перечисленных улучшений лежал отнюдь не «простой прагматизм, расчет на получение большей прибыли», свойственной донацистскому периоду, а стремление сделать жизнь каждого индивидуума максимально «красивой и приятной». Отмечая необходимость «улучшения и украшения самой работы», Лотц подчеркивал: «Невелика отдача от красиво организованного времени отдыха, если гораздо более продолжительное время, проводимое на работе, превращается в мучение в недостойных условиях»¹⁸². Организация «Красота труда», утверждал он, была создана «не по экономическим причинам, но исключительно для того, чтобы помочь немецкому рабочему человеку»¹⁸³, который «сегодня ...имеет возможность слушать лучшую музыку в большом актовом зале на предприятиях, ... принимает пищу в со вкусом обставленных помещениях и за удобно расположенными столами..., играет в игры на спортивных площадках, принадлежащих фабрике..., читает книги в фабричной библиотеке..., посещает лекции, посвященные предметам, представляющим как технический, так и общий интерес», посещает художественные выставки, которые проводятся на фабриках, что позволяет превратить в реальность «великую цель – создание нового стиля жизни для немецкого рабочего, который начинает в цехе, где он работает, производить ценные вещи на благо сообщества»¹⁸⁴. «Гармоничное единство жизни и работы, сообщества и индивидуума – гарантия реализации новой формы жизни в Германии», – подчеркивал Лотц¹⁸⁵.

Отношение значительной части рабочих к этим нововведениям было, в

лучшем случае, сдержанным, а зачастую критическим. Согласно отчетам фабричных инспекторов, они нередко демонстрировали нежелание пользоваться новыми сооружениями, недвусмысленно высказываясь по поводу того, что деньги, израсходованные «на строительство туалетов», следовало бы распределить между ними¹⁸⁶. Сильное раздражение «синих воротничков» вызвала и ощущавшаяся ими определенная дискриминация, выражавшаяся в ином отношении к ним работодателей, нежели к занятым на предприятиях служащих. В частности, это проявлялось в различной степени комфортабельности вышеуказанных помещений, в зависимости от того, предназначались они для первых или для вторых. Предпринимались определенные попытки устранить это противоречие. Так, Шпеер, потребовал унифицировать оборудование фабрично-заводских столовых, ликвидировав существовавшие до этого различия между условиями приема пищи рабочих и служащих. Отметив недопустимость наличия на предприятиях столовых второго и четвертого классов (в первом случае – «накрытые столы с фарфоровыми чашками и цветами для служащих», во втором – «голые деревянные столы с оловянными тарелками для рабочих»), он подчеркнул: «Так же, как раньше мастер ел за одним столом со своими подмастерьями, так и сегодня для всех вольнонаемных должны быть созданы одинаковые условия приема пищи»¹⁸⁷. Советы доверенных на предприятиях Сименса, видимо в 1935 г., настояли на том, чтобы впервые в столовых, предназначенных для рабочих, столы стали накрывать скатертями, а в 1937г. в одном из филиалов предприятия была создана общая столовая для рабочих и управленческого персонала. В то же время полного решения этой проблемы в довоенные годы Трудовому фронту добиться так и не удалось.

С одной стороны, дом отдыха в Зайне, поначалу предназначавшийся лишь для чиновников крупповских предприятий, теперь был открыт для всех занятых там наемных работников, а сам глава стальной империи Г. Крупп

стал допускать к личному рукопожатию рабочих-юбиляров (раньше подобной чести удостоивались лишь служащие). С другой – рабочие его предприятий в 1938 г. жаловались на то, что в предназначенных для них ваннных комнатах «не имелось даже крана для воды», тогда как те же помещения для служащих были оборудованы «по первому классу»¹⁸⁸. О конфликтной ситуации, сложившейся на другом предприятии, сообщалось в донесении агентства СДПГ своему находившемуся в эмиграции руководству. Там проходило одновременное чествование четырех юбиляров – инженера и трех рабочих. Первому от имени дирекции был вручен ордер на получение Фольксвагена. В отношении остальных директор завода ограничился поздравительной речью. По окончании ее, отмечалось в донесении, на сцену «выступили трое рабочих и передали трем старикам по большому пакету», предложив тут же вскрыть их. Из каждого была извлечена игрушечная модель автомобиля, что вызвало бурный восторг зала, взорвавшегося аплодисментами и криками «браво»¹⁸⁹. Неравноправие отмечалось и в том, что зачастую вахтеры, дежурившие на проходных заводов Сименса, демонстративно требуя от рабочих предъявления удостоверений личности, в то же время беспрепятственно пропускали инженеров, нарушая, таким образом, соответствующие положения уставов предприятий¹⁹⁰.

Подведем итог деятельности ДАФ, являвшегося в определенной степени барометром настроений в фабрично-заводских коллективах, в довоенный период. Фактически с момента образования этой организации рабочие относились к ней настороженно и даже с подозрительностью. Об этом, в частности, свидетельствовало игнорирование ими выборов цеховых старост, проведение которых было инициировано ведомством Лея¹⁹¹. Многие были недовольны различными поборами в фонды ДАФ¹⁹². Тем не менее в условиях высокоэффективной системы тотального контроля и террора, созданной в Третьем рейхе, даже та, весьма значительная часть рабочих, которая внут-

ренне так и не приняла национал-социализма, в большинстве своем не отважилась или была не способна на какие-либо направленные против него действия. В отчете агентов СДПГ за 1935 г. признавалось: «Национал-социалисты не завоевали фабрик. Авторитет национал-социалистических «цеховых старост» постоянно падает... Но национал-социалисты разрушили уверенность рабочих в себе, они сломали силы солидарности и подавили их волю к сопротивлению»¹⁹³. С другой стороны, осуществлявшееся ДАФ жилищное строительство для рабочих (пусть и в недостаточных масштабах) и, в особенности, деятельность КдФ позволили в значительной степени переломить тенденцию негативного отношения «синих воротничков» к режиму.

На главные задачи «Силы через радость» недвусмысленно указывалось в официальных документах и публичных выступлениях нацистских лидеров. В распоряжении Гитлера о Германском трудовом фронте отмечалось, что функции КдФ заключались в том, чтобы служить инструментом создания «народного сообщества всех немцев», распространять в массах национал-социалистическое мировоззрение¹⁹⁴. Г. Старке, пресс-секретарь Трудового фронта, писал: «Мы направляем наших рабочих в путешествия, сооружаем для них плавательные бассейны не только в целях развлечения, но и для того, чтобы рабочий вернулся на производство окрепшим и посвежевшим»¹⁹⁵. Приоритет отдавался идеологическим соображениям. По мнению нацистов, население должно было оставаться под контролем властей даже в часы досуга, которые можно было эффективно использовать для сплочения нации. В одном из предназначенных для служебного пользования документов ДАФ приводятся следующие весьма любопытные подсчеты: «Из 8760 час. в год, лишь 2100 час. (28%) занимает работа, и 6660 час. – свободное время. Даже если мы из этого свободного времени вычтем 8 час. в день на сон, фактически все еще останется 3740 ничем не занятых часов свободного времени»¹⁹⁶.

Организуя поездки на уикенды и пешие походы во все части страны,

Лей поощрял знакомство горожан с сельскими районами Германии, программа же посещения крестьянами городов была составлена так, чтобы они могли воочию увидеть, что представляет собой обычный рабочий день на производстве. Приобщая рабочих к участию в мероприятиях, которые раньше были доступны лишь для привилегированных слоев населения, «Сила через радость» должна была внушать им чувство благодарности и долга по отношению к режиму, поднявшему их социальный статус (как уже отмечалось, не всем рабочим были по карману заграничные туры «Крафт дурх Фройде», но по сравнению с периодом Веймарской республики, когда даже более высокооплачиваемые квалифицированные «синие воротнички» не могли себе позволить их, нацистами был сделан значительный прорыв в этом направлении).

Рассмотренные нами аспекты деятельности КдФ явились своего рода компенсацией «синим воротничкам», лишенным права на образование свободных профсоюзов и заключение коллективных договоров. Помимо прочего, «Крафт дурх Фройде» вносила вклад в подъем немецкой экономики: благодаря ее туристической деятельности в оборот было введено 45 млн. марок в 1934 г. и 68 млн. марок в 1935 г.¹⁹⁷. От этого выгадало не только государство, но и дельцы из сферы обслуживания, в первую очередь, владельцы отелей. В одном из своих выступлений в 1938 г. Лей привел предоставленные ему владельцами предприятий статистические сведения, из которых следовало, что «эстетизация труда» не являлась предметом роскоши, но способствовала повышению эффективности производства¹⁹⁸.

Таким образом, нацисты в числе первых осознали огромную значимость использования средств инженерной психологии и технической эстетики для повышения производительности труда на производстве. Впрочем, подобные тенденции наблюдались в то время почти во всех индустриально развитых странах.

Общая численность тех, кто к 1939 г. принял участие во всех акциях

«Силы через радость», составила около 55 млн. человек¹⁹⁹ («неарийцы» исключались).

В то же время по мере приближения войны отношение нацистских лидеров к деятельности «Крафт дурх Фройде» претерпевало вполне определенные изменения. Так, уже в 1938 г. Геринг саркастически заметил: «Трудовому фронту следовало бы производить побольше силы и поменьше радости»²⁰⁰.

Очень скоро радости у немецких рабочих действительно поубавилось: разразившаяся в сентябре 1939 г. Вторая мировая война поставила крест на планах продажи фольксвагена гражданскому населению. Было изготовлено всего лишь 60 опытных образцов (одну из машин Порше подарил Еве Браун). Более 300 тыс. немцев, уже представлявших себя за рулем «маленького чуда» и выплативших в виде взносов 280 млн. марок, лишились и денег и надежды²⁰¹. (Таким образом, несмотря на то, что в истории имя Гитлера оказалось неразрывно связано с фольксвагеном, стать немецким Фордом ему так и не удалось). Тем не менее, деятельность КдФ способствовала формированию у значительной части рабочих Германии позитивного отношения к Трудовому фронту и к нацистскому режиму в целом. На некоторых рабочих производил впечатление показательный демократизм не чуждого популизма Лея, который при посещении многочисленных предприятий демонстрировал подчеркнутый отказ от соблюдения дистанции, пожимая руки простым рабочим и беседуя с ними об их заботах²⁰². Посетив однажды фабрично-заводскую столовую, он со словами: «Я такой же рабочий, как и вы», съел порцию колбасы и квашеной капусты, вызвав восторг присутствовавших²⁰³. Однако в большинстве социально-политических программ, осуществлявшихся ДАФ в указанный период, пропагандистские аспекты превалировали над реальными достижениями.

После 1 сентября 1939 г. Германскому трудовому фронту пришлось уделять внимание не столько проблемам улучшения условий труда рабочих,

сколько поддержанию дисциплины на предприятиях, особенно в сфере военного производства²⁰⁴. На него, среди прочих, легла обязанность обеспечивать проведение непопулярных социально-политических мер, вызванных к жизни условиями военного времени. Окружное руководство ДАФ в Бадене уже в конце 1940 – начале 1941 гг. было поставлено перед необходимостью защищать введение 72-часовой рабочей недели на местных предприятиях. В ответ на связанные с этим многочисленные жалобы рабочих гаубман (староста. – Е.П.) баденского отделения Трудового фронта заявил, что обязанностью ДАФ являлась не борьба за сокращение трудовой нагрузки, а «обеспечение политической рационализации» этих тягот, так же как ему пришлось взять на себя ответственность за нормирование распределения продуктов питания в апреле 1942 г.²⁰⁵.

Все это предопределило снижение значения Трудового фронта в военные годы. Он оказался как бы между двух огней. Как сообщалось в одном из донесений СД, датированном мартом 1941 г., рабочие отказывались видеть в нем представителя своих интересов, а рассматривали его как организацию, извлекавшую деньги из их заработной платы и действовавшую лишь на благо работодателей. В отчетах службы безопасности за май 1943г. отмечалось сильное недовольство многих рабочих по поводу нового контроля за заработной платой при одновременной «определенной индифферентности» их по отношению к ходу военных действий. Один из них, имевший за плечами многолетний стаж штурмовика, сетовал на необходимость «производить больше, чтобы зарабатывать столько же, сколько зарабатывали прежде», что, по его мнению, шло вразрез с обещаниями национал-социалистов. Он отказывался верить утверждениям пропаганды о чрезвычайном характере этой меры, которая будет отменена с окончанием войны. Другой рабочий в разговоре обратил внимание собеседников на то, что, если раньше «в фабричной умывальной комнате, являвшейся лучшим барометром морали, рабочие

обычно пели после окончания работы», то теперь они либо молчали, либо сквернословили²⁰⁶. Предприниматели, в свою очередь, разочаровались в ДАФ как инструменте поддержания трудовой дисциплины на производстве. Так, промышленники Гамбурга жаловались в 1941 г. на то, что Трудовой фронт вместо реальных дел ограничивается «зажигательными речами и призывами к рабочим» и требовали предоставить им самим полномочия наказывать прогульщиков²⁰⁷.

Последняя проблема в период войны воспринималась миром бизнеса и властями особенно болезненно. По сообщениям фрайбургского отделения Трудового фронта, в октябре 1941 г. там на подавляющем большинстве предприятий ежедневно прогуливали работу по неуважительным причинам 30% рабочих²⁰⁸. (На самом деле ДАФ также доводилось прибегать к репрессиям. Выступая 6 октября 1943 г. в Позене на съезде рейхсляйтеров и гауляйтеров, Шпеер выразил благодарность руководству Трудового фронта за то, что по его инициативе «именно в эти дни несколько тысяч летунов из предприятий было арестовано и отправлено в концлагеря»²⁰⁹).

С усилением бомбардировок немецких городов союзнической авиацией остро встал вопрос о бегстве «синих воротничков» с предприятий во время авианалетов (бомбоубежища, спешно оборудованные на заводах и фабриках, зачастую не могли предоставить им надежной защиты). В этой связи появившиеся на проходных предприятий посты солдат породили в рабочей среде слухи о том, что по каждому, кто попытается покинуть фабрику со звуками воздушной тревоги, будет открыт огонь. Это оказывало на многих из них угнетающее воздействие²¹⁰.

В 1942 г. Лей был назначен «имперским жилищным комиссаром». Он теперь непосредственно отвечал и за создание замены квартирам, разрушенным авиацией союзников²¹¹. Однако это прибавило ему не столько влияния, сколько проблем.

В годы войны власти Третьего рейха связывали большие надежды с активизацией деятельности «Силы через радость». Ей предстояло демонстрировать заботу, в первую очередь, о малообеспеченных слоях населения, по возможности, облегчить для них трудности военного времени. На этот счет в фонде «Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды» Российского государственного военного архива автором обнаружено большое количество документов, которые раскрывают идеологическую составляющую социальной политики нацизма. Стенограммы совещаний, проводимых Геббельсом в период с 1939 по 1945 г., освещают практически все проводившиеся этим министерством кампании по идеологической поддержке основных социальных мероприятий правительства. Документы, впервые вводимые в научный оборот, свидетельствуют, что Геббельс взял эти кампании под личный контроль. Он неоднократно обращал внимание руководства Трудового фронта на недопустимо высокие, по его мнению, цены, по которым распространялись билеты на мероприятия, организовывавшиеся КдФ. Проводя планерку 13 декабря 1940г., он выразил возмущение тем, что стоимость билетов на музыкальные представления доходила до 5 марок. Это, подчеркнул министр, «не имеет уже более ничего общего с КдФ, а равняется ценам, взимаемым за обыкновенный концерт». Отметив далее, что «Сила через радость» «является организацией, устроенной для тех кругов народа, которые не могут себе позволить купить билет на концерт или в театр за обычную цену», он поручил Гуттереру (в то время управляющий делами министерства. – Е.П.) договориться с КдФ о «предельно допустимых ценах», а если добиться этого путем согласования не удастся – урегулировать проблему в приказном порядке²¹². 19 декабря того же года, получив отчет о деятельности «Силы через радость», Геббельс вновь подчеркнул, что она, « в первую очередь, должна работать для рабочего» и «поэтому совершенно неправильно, если плата за вход на представление КдФ лишь на 10% ниже обычной», т.к. «это приво-

дит к излишнему удешевлению театральных постановок для буржуазных кругов, которые в театрах уже бывали». Выполнить свою культурную миссию, отметил министр, эта организация могла лишь «позволив рабочему и крестьянину посещать ...представления за самую низкую плату»²¹³. Однако тогда эту проблему так и не удалось решить. Спустя год, 3 декабря 1941 г., Геббельс вновь вернулся к вопросу о жалобах населения по поводу дороговизны представлений КдФ. По его распоряжению Гуттерер должен был выяснить, имелась ли возможность установить единую цену на все представления «Силы через радость» и подать соответствующие предложения министру, не ставя в известность об этом руководство КдФ²¹⁴.

Более строгой цензуре теперь подвергался театральный репертуар «Силы через радость». Коснувшись этого вопроса на совещании 1 апреля 1940 г., Геббельс поручил Гуттереру провести переговоры с руководством КдФ с целью обеспечения высокого уровня осуществляемых этой организацией культурных программ, не позволяя ей скатываться к «устройству дешевых представлений». Речь, в частности, шла о поведении конферансье. Им следовало «вновь напомнить» приказ министра, запрещающий рассказывать со сцены политические анекдоты, и о необходимости «придерживаться более серьезных тем». Была также упомянута пьеса «Клеопатра Вторая», содержащая «неприемлемые в политическом отношении» высказывания²¹⁵. На планерке 15 июня 1940 г. Геббельс дал указание своим сотрудникам проследить за тем, чтобы принадлежавший КдФ театр в Ютербоге ставил «простые увлекательные пьесы», но ни в коем случае не «тяжелые драмы»²¹⁶.

Под эгидой КдФ организовывались выступления артистов государственных опер Гамбурга, Штутгарта, Веймара, Франкфурта-на-Майне перед немецкими войсками, в частности, на оккупированных вермахтом территориях – в Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Норвегии, а также в Польше и СССР²¹⁷. (В этой связи Геббельс 2 января 1940 г. потребовал, «чтобы на Вос-

токе не показывались никакие малоценные культурные программы», подчеркнув, что «Сила через радость» «должна допускать в Польшу только первоклассные силы») ²¹⁸. Всего, согласно данным официальной статистики службы «Свободный вечер», организованной при КдФ, в пределах рейха и на оккупированных землях с сентября до конца декабря 1939г. было проведено около 12400 мероприятий, которые посетило 7 млн. военнослужащих. В 1940 г. эти показатели составляли соответственно 137602 и 51530000, в 1941 г. – 187196 и 67789569, в 1942 г. – 565000 и 150000000 ²¹⁹. При этом, 40% всех представлений, данных в войсках до 1941 г., составляли оперные и театральные спектакли, постановки оперетт, 15% – выступления варьете, 30% – искусство малых форм и 15% – концерты ²²⁰.

Заграничный же туризм уже в начальный период войны был сведен к минимуму. Помимо путешествий в Италию, желающие могли посетить оккупированную Польшу (в связи с появившимися на этот счет слухами Геббельс потребовал 15 января 1940 г. «опровергнуть сообщения о том, что немецкое бюро путешествий устраивает общественные поездки в Варшаву для осмотра там развалин» ²²¹). Любителям «экзотики» предлагались автобусные экскурсии в варшавское гетто ²²².

Определенную роль в военной экономике сыграли предприятия по производству «Фольксвагена». Вопреки утверждению Р. Оувери о том, что они практически не принимали участия в выпуске военной продукции ²²³, статистические данные, приводимые Зигфридом, свидетельствуют об обратном. Завод «Фольксваген», располагавшийся в Фарлесслебене, производил военные автомобили (в 1943 г. они составляли 28% всей выпускаемой продукции), запчасти к бомбардировщику «Юнкерс-88» (в 1942г. – около 40%, в 1944 г. – 8% готовой продукции), а также мины, базуки, амуницию и танковые траки. Кроме того, в 1944 г. он стал крупнейшим производителем самолетов-снарядов «фау-1», изготовив до конца войны от 13 до 14 тыс. их ²²⁴.

Еще одним направлением деятельности Германского трудового фронта в годы войны стала разработка проектов, касавшихся создания немецкого социального государства, которые предполагалось осуществить в послевоенное время. Этим занимался Научный институт труда ДАФ²²⁵. В частности, в апреле 1941 г. Лей поручил ему планирование политики зарплат на послевоенный период. Эксперты института пришли к выводу о том, что отмечавшийся «беспорядок» в сфере заработков представлял собой «одно из величайших препятствий» как на пути достижения «социального мира», так и для решения «неотложных экономических задач». Их рекомендации сводились к необходимости осуществления трех принципиальных положений: введения «одинаковой оплаты за одинаковую работу» (во всех отраслях промышленности. – Е.П.); обеспечения «одинакового жизненного уровня при одинаковой работе»; стимулирования «социального подъема» посредством «дополнительной оплаты за лучшие трудовые достижения»²²⁶. Однако рядовых рабочих, ежедневно ощущавших на себе возросшую трудовую нагрузку и снижение уровня жизни, нелегко было заставить жить мечтами о лучшем завтрашнем дне, абстрагировавшись от сиюминутных проблем. Кроме того, слухи о коррупционности чиновников Трудового фронта, циркулировавшие, согласно многочисленным донесениям агентов СД, в среде рабочих приводили многих из них к выводу о том, что «народное сообщество» представляло собой не более чем «пустой лозунг»²²⁷, и крайне негативно сказывались на и без того ограниченных возможностях ДАФ в решении стоящих перед ним производственных задач.

Имеющиеся на сегодняшний день в науке оценки роли ДАФ, его места в политической системе Третьего рейха характеризуются крайней полярностью. С одной стороны, большинство исследователей обращают внимание на незначительность имевшихся в распоряжении Германского трудового фронта рычагов давления на высшее политическое руководство при решении таких

первостепенных для рабочих вопросов, как установление определенных уровней заработной платы, цен, налогообложения, а также иных условий труда на производстве. По мнению В. Бергана, успехи руководства ДАФ в этом отношении носили локальный характер и не шли дальше отдельных улучшений, осуществлявшихся под его нажимом на тех или иных предприятиях²²⁸. А. Мерсон считает, что предпринимавшиеся ДАФ «повторявшиеся» попытки выступить в амплуа защитника требований рабочих были продиктованы стремлением добиться определенного доверия с их стороны и не допустить роста подпольных организаций в их среде²²⁹. Те же мысли развивает и Т. Зигель²³⁰. М. Китчен подчеркивает, что организация Лея была почти целиком озабочена установлением «классового мира», игнорируя «фундаментальные интересы рабочих»²³¹. О.Ю. Пленков в своей новой, весьма интересной, работе впадает в иную крайность, категорически настаивая на том, что ДАФ «формировал и нес ответственность за социальную политику Третьего Рейха» и в этом смысле «сыграл даже более значительную, чем прежние профсоюзы, роль»²³².

На наш взгляд, ни одна из вышеприведенных точек зрения не может быть безоговорочно принята. Конечно было бы неправильно видеть в деятельности Германского трудового фронта лишь пропагандистский аспект. Его руководством предпринимались некоторые попытки добиться повышения социального статуса немецких рабочих. Однако в виду ограниченности имевшихся в его распоряжении ресурсов, в частности, в связи с тем, что ДАФ не было позволено играть здесь какую бы то ни было самостоятельную роль, его достижения в этой сфере были незначительны. Так, система профессионального обучения и Имперское профессиональное соревнование, патронируемые Трудовым фронтом, открывали перед частью «синих воротничков» перспективы продвижения, в том числе и социального. Однако в подавляющем большинстве случаев подобная мобильность все же не выходила за

профессиональные рамки. Не произошло и существенных изменений в квалификационной структуре немецкого рабочего класса, хотя определенная тенденция к этому наметилась.

Как уже отмечалось, производственная политика ДАФ, включая различные конструктивные изменения и новшества в организации труда (среди них и те, которые объективно способствовали улучшению условий работы на производстве), неоднозначно воспринимались рабочими (впрочем, на наш взгляд, это объяснялось, главным образом, недопониманием последними их значимости). В то же время в тех случаях, когда Трудовой фронт оказывал давление на работодателей с целью побудить их к проведению социальных улучшений и добивался в этой области тех или иных успехов, «синие воротнички» готовы были «рукоплескать» ему. Деятельность «Силы через радость» стала одной из тех козырных карт, разыграв которую, ДАФ сумел проложить тропку к их сердцам. Несмотря на то, что морские круизы, например, на Мадейру, для большинства из них оставались недоступными, прав, на наш взгляд, У. Херберт, отмечающий, что они самим своим существованием «свидетельствовали о появлении новых возможностей, символизируя не реальные, но, по меньшей мере, перспективные, возможности социальной мобильности и доказательство реальности надежды на будущие улучшения»²³³.

Перед ДАФ политическим руководством рейха была поставлена задача интегрировать рабочих в «народное сообщество». Но последнее так и осталось мифом вопреки заявлениям геббельсовской пропаганды (обращенным, в том числе, и к населению оккупированных территорий) о том, что в Третьем рейхе «был положен конец классовому антагонизму, заглушающему голос общей крови и ослабляющему в человеке сознание общности его судьбы с судьбами народа» («Новое слово», г. Таганрог, 10 октября 1942 г.)²³⁴.

И. Кершо, написавший фундаментальную монографию об обществен-

ном мнении в национал-социалистической Германии, отмечает, что на практике общество в Третьем рейхе было «удивительно разьединенным». «Под пропагандистским глянцем «народного сообщества», – пишет он, – старые антагонизмы продолжали существовать и даже были усилены нацистской социальной и экономической политикой, и новые антагонизмы добавлялись к ним»²³⁵.

Таким образом, если говорить об одной из главных целей Трудового фронта – «воспитании у всех немцев, вступающих в экономическую жизнь, преданности национал-социалистическому государству и национал-социалистического образа мыслей»²³⁶, следует констатировать, что она оказалась недостижимой. Трудовому фронту не удалось превратить подавляющее большинство немецких рабочих в убежденных национал-социалистов. В то же время, исходя из важного значения, которое имела субъективная оценка представителями различных групп населения Германии их собственного социально-экономического положения в период нацистской диктатуры, нельзя не признать: часть рабочего населения страны уверовала в то, что их социальный статус повысился. Это, в свою очередь, работало на создание положительного имиджа ДАФ, а следовательно, и режима в их среде.

В целом же, отношение рабочих к ДАФ было неоднозначным. С одной стороны, обязательное для них членство в Трудовом фронте, сопряженное с принуждением, раздражало многих из них, (в период Веймарской республики 60% германских рабочих вообще не состояло в профсоюзах²³⁷), с другой – привычка немцев к дисциплине облегчала им адаптацию к этому принуждению. Недовольство же отдельных групп рабочих, как реальное, так и потенциальное, было поставлено под жесткий контроль властей и, за редким исключением, не носило политического характера (в конце мая 1944 г., например, служба безопасности, сообщая об «очень плохом» настроении швайнфуртских рабочих, подчеркивала при этом, что «их прежняя лояльность» не

претерпела принципиальных изменений²³⁸).

В то же время в условиях отсутствия профсоюзов рабочим, вольно или невольно, приходилось признать, что ДАФ, при всех его минусах, являлся единственным представителем их интересов, хотя и не вполне отвечавшим тем требованиям, которые они ему предъявляли. Трудности же, принесенные войной, в сознании многих из них носили временный, преходящий характер. Кроме того, сама обстановка военного времени, особенно на заключительном этапе войны, побуждала их, как и другие слои населения, сплачиваться вокруг режима. (Г.Б. Гизевиус, немецкий дипломат, вспоминает в своих мемуарах, что на заданный им Гельдорфу – полицай-президенту Берлина, бывшему, как и он, участником антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., – вопрос о настроении немецкого населения получил ответ: «Никто ради нацистов на баррикады не пойдет. Всеобщая усталость огромна. Тем не менее о каких бы то ни было признаках фанатических повстанческих стремлений говорить не приходится. Террористические бомбежки вражеской авиации сплачивают людей. Общая безысходность порождает единую фанатическую волю...»²³⁹).

Таким образом, Трудовой фронт, на наш взгляд, оказался достаточно эффективным инструментом проводившейся режимом социальной политики, а осуществлявшиеся созданными при нем организациями мероприятия социального характера превратились в важный фактор повседневной жизни Третьего рейха.

1.3. Меры по ликвидации безработицы

Система мер, направленных на ликвидацию безработицы в первые годы Третьего рейха, и политика занятости в целом являлись одним из важнейших направлений социальной политики, проводившейся нацистами.

Придя к власти на волне «великой депрессии» 1929-1933 гг. с порожденными ею проблемами, решение которых оказалось не по зубам последним

веймарским кабинетам, понимая, что прочность и стабильность нового режима во многом зависят от того, насколько успешно и оперативно им удастся справиться с безработицей, принявшей массовый характер, национал-социалисты поспешили осуществить с указанной целью ряд широкомасштабных мер. Одной из наиболее значимых среди них стало расширение программы «общественных работ», претворение которой в жизнь было начато уже их предшественниками.

Собственно говоря, соответствующие планы разрабатывались и реализовывались на местном уровне еще в начале 20-х гг. (за точку отсчета здесь может быть взято создание в 1920 г. системы социального обеспечения лиц, потерявших работу). С образованием в 1927 г. Имперского учреждения по трудовому посредничеству и страхованию безработных их финансирование осуществлялось частично посредством государственных субсидий, отчасти же - за счет отчислений в фонд страхования по безработице. Особую остроту этот вопрос приобрел в кризисные годы. Если в канцлерство Брюнинга дело не пошло дальше обсуждения проектов создания работ, то правительство фон Папена выделило 302 млн. марок на дорожные и мелиорационные работы, строительство жилья в пригородах. Особые надежды при этом возлагались на системы специальных ваучеров, которые не только гарантировали их владельцам - предпринимателям налоговые льготы, но также служили им компенсацией за предоставление безработным работы²⁴⁰. Фон Шляйхер, сменивший Папена на посту канцлера 2 декабря 1932 г., попытался ускорить реализацию «программы общественных работ». Он назначил Г. Гереке членом кабинета в ранге имперского комиссара по трудоустройству. Именно к последнему со всех концов Германии поступали подготовленные сельскими общинами и местными властями проекты обеспечения безработных рабочими местами, касавшиеся, главным образом, «расширения сети дорог, особенно в мелких общинах, которые еще не имели прочных коммуникаций с рай-

онными центрами, проведения мелиорационных работ, постройки дамб, устройства канализации, расширения электрической сети»²⁴¹. (Характерно, что принятая в том же году текущая экономическая программа НСДАП, разработанная Г. Штрассером, также отводила особое место организации кредитования строительных, землеустроительных, мелиорационных и иных работ, что, в значительной степени, способствовало успеху национал-социалистов на выборах в рейхстаг в июле 1932 г.)²⁴².

Финансовая база «программы создания работ», доставшейся в наследство Гитлеру, в целом составляла 1098 млн. марок, из которых в фонд «экстренной программы Гереке» (в дальнейшем также - «программа первоочередных мер». – Е.П.) было передано лишь 500 млн. марок, а из них, в свою очередь, 400 млн. предназначались для осуществления проектов, инициированных на местном уровне²⁴³. Нацисты отвели на реализацию последней 4 месяца²⁴⁴, а в июне 1933 г. решением имперского правительства с целью практического воплощения планов, имевших «общенациональное политическое значение», бюджет «программы первоочередных мер» пополнился еще 100 млн. рейхсмарок²⁴⁵.

Новый импульс этой политике был придан 1 июля 1933 г., когда вступил в силу (также несший на себе печать плагиата) «Первый закон о сокращении безработицы», за первым разделом которого, посвященным созданию работ, закрепилось название «плана» или «программы Рейнхардта», по имени статс-секретаря Имперского министерства финансов, официально считавшегося его автором. К числу принципиальных различий между программами Гереке и Рейнхардта относились не только возросшее во втором случае финансирование «общественных работ», но и изменившееся приоритетное использование этих средств. Если из 600 млн. рейхсмарок, выделенных Гереке, две трети поступило в отдельные земли и общины в форме займов на дорожное строительство, мелиорацию сельского хозяйства, различные муници-

пальные проекты²⁴⁶ (хотя административные органы многих земель без энтузиазма отнеслись к возникшим в связи с этим перспективам, считая условия предоставления кредитов излишне обременительными, а глава экономического ведомства Вюртемберга Р. Майер на совещании министров земель 7 февраля 1933 г. назвал эту программу «надувательством»)²⁴⁷, то внимание нацистов было сконцентрировано, в первую очередь, на объектах общегосударственного масштаба, что объяснялось приоритетом, отдававшимся перевооружению. 9 февраля 1933 г. Гитлер внял совету рейхсминистра финансов фон Крозигка увеличить имперскую долю фондов «экстренной программы» до 140 млн. рейхсмарок за счет сокращения доли местных общин на 10%²⁴⁸. И хотя «программа Рейнхардта» предусматривала выделение одного миллиарда имперских марок на ремонт и перестройку административных зданий, жилья, реконструкцию крестьянских хозяйств, земляные работы и т.п.²⁴⁹, на практике поддержка отдельным общинам, районам, муниципалитетам была значительно урезана. Так, Гамбург, помимо денег, предназначенных для выплаты пособий безработным, до конца 1934 финансового года получил из имперской казны 6,3 млн. рейхсмарок на осуществление «экстренной программы», до 31 марта 1935 г. – дополнительно 1,37 млн. марок в рамках реализации «программы Рейнхардта», и еще 5,4 млн. рейхсмарок, поступившие в гамбургский ипотечный фонд, были предоставлены в распоряжение домохозяев. Общая же стоимость проектов, которые намечалось осуществить грядущей зимой, если бы «программа Рейнхардта» была выполнена, составляла 85,6 млн. рейхсмарок²⁵⁰.

В «меню» «программы создания работ» одним из наиболее «изысканных блюд» являлось сооружение общеимперской сети скоростных автострад. Сигнал к этому был дан самим Гитлером. Проводя заседание правительства 8 февраля 1933 г., он распорядился привести в порядок и расширить всю транспортную сеть рейха. Начавшаяся в 1934 г. прокладка хайвеев стала са-

мым масштабным проектом строительной программы 30-х гг.²⁵¹.

Поначалу при определении приоритетов дорожного строительства в нацистском руководстве и близких к нему кругах развернулась борьба между сторонниками расширения и модернизации германской железнодорожной системы и теми, кто отдавал пальму первенства суперавтодорогам. С изданием специального закона об автобанах и созданием общества «Рейхсавтобаны», последовавшими 27 июня 1933 г., и назначением 30 июня Ф. Тодта генеральным инспектором германских дорог, вторые одержали верх. Не последнюю роль здесь сыграло и мнение Гитлера, брошенное на ту же чашу весов.

Если первоначальный вариант «программы Рейнхардта» не предусматривал ассигнования средств на эти цели, то, в конце концов, Крозигк уступил давлению со стороны Тодта и военного министра В. Бломберга, требовавших включить скоростные автомагистрали в список проектов, финансируемых из ее фондов. В конечном итоге, сошлись на сумме в 55 млн. имперских марок (по другим данным, в ноябре 1933 г. Крозигк санкционировал выделение 106 млн. рейхмарок на строительство дорог, причем 65 млн. должно было поступить из средств собственно «программы Рейнхардта», выделенных под проекты земляных работ, а 41 млн. рейхсмарок предстояло получить за счет возросших поступлений от налогов на автомобили; в материалах же Германского объединения общественных работ содержится цифра в 58,6 млн. рейхмарок, будто бы составивших вклад «программы Рейнхардта» в превращение фатерланда в страну автобанов)²⁵². В соответствии со «Вторым законом о сокращении безработицы» от 21 сентября 1933 г. предусматривалось выделение дополнительных 500 млн. рейхсмарок на ремонтные работы и освобождение от налогов сельского хозяйства и жилищного строительства. Инвестиционные расходы на имперские автострады здесь уже составляли 1 млрд. рейхмарок²⁵³.

Среди ученых нет единства мнений по поводу того, в какой степени

модернизация немецкой шоссейной системы являлась откликом на потребности гражданской экономики, а в какой преследовала военные цели. Так, А. Милуард, признавая наличие последних, видит все же ее главную задачу в обеспечении занятости и ускорении развития германской автомобильной индустрии²⁵⁴. Р. Оувери, один из наиболее известных исследователей этой проблемы, задает вопрос, располагала ли Германия к 1939 г. широкой сетью стратегических дорог, пригодных для использования армией и военной экономикой, и дает на него отрицательный ответ. На наш взгляд, уместно вкратце привести цепь его рассуждений: к сентябрю 1939г. было проложено лишь 3077 км автотрасс из планировавшихся более чем 14 тыс. км, причем на части участков работы так и не были завершены, что позволяло осуществлять по ним лишь одностороннее движение; верховное командование германскими вооруженными силами, оценивая различные виды транспортных магистралей с точки зрения их стратегического значения, отдавало предпочтение железным дорогам, по которым к началу боевых действий перевозилось подавляющее большинство всех грузов; участники состоявшегося в июне 1939 г. заседания Совета обороны, сетуя по поводу неготовности государственной транспортной системы к надвигающейся войне, особые претензии предъявляли к автобанам, что, по мнению Оувери, является главным аргументом в пользу гражданского использования последних; поскольку же второй и третий годы войны ознаменовались резко возросшим спросом на строительные материалы, министр вооружений и боеприпасов А. Шпеер счел нужным ввести в 1942 г. тотальный запрет на все работы по дальнейшему сооружению имперских автострад²⁵⁵.

Фактически, в более широком плане, все эти рассуждения выводят нас на дискуссию (бесплодную по мнению Д. Силвермена)²⁵⁶ о роли перевооружения и доле гражданских проектов в посткризисном экономическом возрождении Германии и, в конечном итоге, упирается в вопрос о том, когда нача-

лась подготовка к войне и какова была степень ее интенсивности на разных этапах.

Конечно, в сравнении с последующем периодом, 1933-1935 гг. - ключевые для оздоровления экономики - были временем более скромных военных расходов. В письме к имперскому министру труда Ф. Зельдте от 8 июля 1933г. Бломберг, жалуясь на то, что при ассигновании с 1 июня 1933 г. 1млрд. марок на создание работ в рамках «программы Рейнхардта» не учитывались потребности вермахта, просил о выделении последнему 13,5 млн. рейхсмарок, предлагая взять их из «добровольных» взносов немцев в фонды поддержки национального труда, которые предполагалось использовать для железнодорожного строительства в областях со слабо развитой транспортной системой. Глава имперского финансового ведомства в личном послании рейхсминистру труда поддержал военного министра²⁵⁷. С 1932/33 по 1934/35 гг. сумма секретных бюджетных расходов на вооружения (3,4 млрд. марок), с учетом еще 2,1 млрд. марок, находившихся на специальных военных счетах, составляла 17 % общих расходов имперского правительства (31 млрд. марок) и 1,3% валового национального продукта²⁵⁸. Кроме того, с 1934 по 1937 гг. президентом Рейхсбанка Я. Шахтом были выпущены «Мефовекселя» на сумму в 12 млрд. рейхсмарок, которые полностью пошли на финансирование перевооружения, составив 33-38% общих военных затрат того времени²⁵⁹. При этом Г.Б. Гизевиус обращает внимание на то, что «в первые три года нацистского режима военные заказы вынужденно оставались в рамках... оборонительной программы», поскольку «на большее не хватало производственных мощностей»²⁶⁰.

Подготовка к войне была резко ускорена принятием в 1936 г. «второго четырехлетнего плана» и назначением Геринга ответственным за его выполнение. Однако уже в начале канцлерства Гитлера наблюдается рост военного производства, о чем свидетельствуют следующие данные. За безобидным на-

званием: «Сельскохозяйственная программа Круппа» скрывалось начавшееся в июле 1933 г., в обход требований Версальского мирного договора, производство танков. Усилиями Автомобильного союза производителей моторов с конвейеров сходили грузовики, являвшиеся военным автотранспортным средством. Руководство пороховой фабрики в Рейнсдорфе, производившей взрывчатые вещества, уже в первой половине 1933г. увеличило численность занятого на ней персонала с 2000 до 5200 человек. Сумма заказов на строительство новых военных кораблей, размещенных командованием военно-морского флота, составила 70 млн. рейхсмарок. К 1934 г. 840 из 1968 произведенных самолетов предназначалось для Люфтваффе²⁶¹. И, наконец, если за период с 1932 по 1938 год сектор тяжелой промышленности возрос почти на 200%, то отрасли, производившие потребительские товары, увеличили объем производства лишь на 38%²⁶².

Таким образом, происходившие в стране восстановление и модернизация экономики не могут рассматриваться вне контекста милитаризации последней. Программа «общественных работ» не являлась исключением из этого ряда, чего не скрывал и сам Гитлер. На уже упоминавшемся правительственном заседании 8 февраля 1933 г. он провозгласил в качестве важнейшей национальной задачи на ближайшие годы возвращение немецкому народу способности носить оружие. «Каждая финансируемая государством мера должна рассматриваться с точки зрения того, способствует ли она выполнению данной задачи, - подчеркнул он. - Это соображение должно доминировать всегда и везде²⁶³... В течение следующих пяти лет руководящим должен быть принцип: все для вермахта»²⁶⁴ (ввиду неполноты текста речи, помещенного в сборнике документов Ноукса и Придхама, последнее высказывание приводится по публикации Силвермена). Правда, на том же заседании Ф. Зельдте бросил фразу о наличии, «кроме чисто военных потребностей... других проектов, значимых для национальной экономики, которыми не следует

пренебрегать»²⁶⁵, но на общую тональность совещания это не повлияло.

При этом лидеры Третьего рейха принимали во внимание возможность замаскировать военную направленность планов, осуществлявшихся под эгидой программы «общественных работ», т.к., не фигурируя в официальном бюджете Министерства обороны, они не попадали бы непосредственно в поле зрения держав Антанты. Хотя, по некоторым данным, в 1933г. военное ведомство было не в состоянии израсходовать более 50 млн. имперских марок в дополнение к выделенным ему бюджетным ассигнованиям, до 1936 г. из средств, направленных на финансирование «общественных работ», военные проекты поглотили 200 млн. рейхсмарок²⁶⁶. В целях указанной маскировки вермахт стал размещать заказы на военное снаряжение в 2800 фирмах, получивших статус оборонных предприятий²⁶⁷. (Если верить столь информированному мемуаристу, как Гизевиус, степень подобной маскировки и в последующем, в частности в 1937 г., была такова, что даже генерал Томас, начальник Военно-экономического управления Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии, «не знал всего объема военных заказов», поскольку «один вид вооруженных сил скрывал свое вооружение от другого». Впрочем, нельзя не согласиться с автором мемуаров, что такое трудно себе представить)²⁶⁸. Необходимость учета стратегических интересов при осуществлении строительных работ в указанной сфере недвусмысленно подчеркнул Геринг в разговоре с Гереке, состоявшемся в феврале 1933 г.²⁶⁹. О том, что в своей идее моторизации страны, которая была настолько близка ему, что он даже «предпочел генерала фон Рейхенау генерал-полковнику Бекку, поскольку первый с воодушевлением выступал за моторизацию, а второй, на взгляд фюрера, ее тормозил», Гитлер «разумеется» руководствовался военными соображениями, сообщает и Ф. Видеман, адъютант вождя в 1933-1938 гг.²⁷⁰. Военное и пропагандистское значение суперавтострад отмечала и Б. Фромм, описывая в дневнике 20 сентября 1934 г. свою поездку в Бад

Брамбах. «Приехала в эту деревушку близ чешской границы для короткого отдыха, – сообщает она. – Поездка была не из веселых. Германские хайвеи – это кутерьма ремонтных и строительных работ. Везде объезды. Все - для гитлеровских военных дорог. Отводя взгляд от разрытых и неровных дорог, вы натыкались на многочисленные и эффектно выполненные плакаты и знамена, пересекающие и окаймляющие хайвей: «Гитлер – работа – хлеб!», «Спасибо нашему фюреру», «Спасибо нашему фюреру за 415673 часа работы!»²⁷¹. Помимо прочего, в отличие от уже существовавшей в Германии дорожной системы, суперхайвеи имели «4 семиметровых полосы в каждом направлении, обеспечивавшие перемещение моторизованных частей со скоростью не менее 50 км в час»²⁷². Это еще один аргумент в пользу сказанного.

Поэтому, если нельзя не согласиться с мнением Д. Шенда о наличии целого ряда причин невоенного характера для строительства автобанов, то его утверждение о превалировании географических, демографических и экономических соображений при определении маршрутов их пролегания, поскольку де они соответствовали схемам, разработанным независимыми специалистами в донацистский период, и вывод, к которому он приходит: «любые возможные возникавшие в результате этого военные выгоды, хотя и не игнорировались, были случайными, пусть и желанными, побочными продуктами» этого строительства²⁷³, – выглядят в высшей степени неубедительно. В то же время, на наш взгляд, было бы излишним упрощением связывать прокладку автомагистралей (как и программу «общественных работ» в целом) только с милитаризацией всех сфер общественной и государственной жизни, недооценивая ее общеэкономического, равно как социально-политического и пропагандистского значения.

Благодаря политике налоговых льгот, субсидий и прямых капиталовложений в автомобильное производство и строительство (если в 1932 г. на различные строительные проекты предполагалось истратить 2 млрд. рейхс-

марок, то к 1934 г. соответствующая сумма составила 5,7 млрд., а к 1936 г. – 9 млрд. рейхсмарок, причем 28% работ приходилось на жилищное и 21% - на дорожное строительство) рост в этих экономических секторах опережал подъем экономики в целом. В результате уже в 1934 г. количество сходящихся с конвейера автомобилей на 50% превысило пик, достигнутый в 1929 г., а расходы на прокладку дорог (как местного, так и общенационального значения) были на 100% выше, чем в пиковые 20-е гг.²⁷⁴.

Из 5,4 млрд. имперских марок, выделенных в конечном итоге под программу «общественных работ», около 2 млрд. было истрачено на новые суперавтострады²⁷⁵. Указанные меры привели к резкому возрастанию спроса на строительные материалы и оборудование тяжелого машиностроения, а в автомобилестроении - на более специализированные промышленные сырьевые материалы, к изменению ситуации на рынке труда. К 1938 г. свыше 1,1 млн. рабочих мест, в большей или меньшей степени, зависели от автомобилей или дорог. Общее число занятых в строительных отраслях выросло с 666 тыс. чел. в 1933 г. до 2 млн. чел. в 1936 г.²⁷⁶. Что же касается непосредственного «вклада» шоссейных магистралей в процесс рассасывания безработицы, то здесь, по разным источникам, цифры сильно рознятся, что во многом следует отнести на счет запутанности нацистской бухгалтерии. По одним данным, уже к концу 1934 г. на их строительстве, прямо или косвенно, было занято около 350 тыс.²⁷⁷, по другим – 210 тыс. человек, не считая тех, кто занимался обеспечением материалами и снаряжением²⁷⁸. Оувери приводит ту же цифру для дорожных работ в целом, отмечая, что к 1936 г. 124 тыс. человек трудилось только на прокладке скоростных автотрасс²⁷⁹. Советник Тодта по вопросам социальной политики, доктор Биркенхольц, в июле 1934 г. определял занятость в дорожном строительстве в 143 тыс. человек. Отчет о состоянии дел объединения «Имперские автострады» содержит следующие данные, отражающие рост занятости на строительстве автобанов: с 5 тыс. в январе до

83863 человек в ноябре 1934 г.; с 35421 в январе до 113139 человек в июле 1935г.; с 61044 в феврале до 121668 человек в июне 1936 г. Если же принять за основу заявления Гитлера и Гесса о том, что в конце 1934-начале 1935 гг. около 400 тыс. человек были в той или иной форме вовлечены в дорожное строительство и еще 600 тыс. человек заняты в германской автомобильной промышленности, включая фирмы-поставщики комплектующих деталей и предприятия по ремонту автомобилей, можно сделать вывод, что моторизация, уже по-видимому в начале 1935 г. позволила трудоустроить около 1 млн. немцев²⁸⁰.

Помимо экономических преимуществ, в социально-политическом плане создание автострад, безусловно, имело важный психологический эффект, порождая у части германского населения иллюзию единения, использовавшуюся нацистами для пропаганды идеи бесклассового, монолитного «народного сообщества», которому по плечу решение любых политических, экономических, технических и прочих задач, сколь бы масштабными и сложными они ни были. Выступления многих высокопоставленных чиновников, посвященные данному вопросу, были проникнуты духом романтизма. Министр вооружений и боеприпасов Тодт, избранный в 1939г. председателем Ассоциации германских инженеров, призывал видеть в строительстве хайвеев свидетельство того, что национал-социалисты перестали относиться к технологии как к бездушному объекту. В Третьем рейхе, заявлял он, эстетический критерий вытеснил мотив извлечения прибыли. «Автотрассы являются наглядной демонстрацией творческих и технических возможностей созидательной мысли. Дорога, как таковая, становится произведением искусства, радующим своей красотой и гармонией с окружающей средой!» - восклицал он²⁸¹.

Помимо перечисленных мер борьбы с безработицей использовались и другие. Разгрузке трудового рынка способствовало преобразование добро-

вольной трудовой службы в Имперскую трудовую повинность, обязательную для молодежи обоих полов и служившую одновременно для осуществления мелиорационных работ и проведения начальной военной подготовки²⁸². Свою роль сыграло и предоставление беспроцентных брачных ссуд тем женщинам, которые соглашались поступиться своими профессиональными амбициями и расстаться с работой ради статуса домохозяйки (этот вопрос рассматривается в третьей главе). Вынашивались также планы переселения части рабочих в сельскую местность, под которые была подведена «теоретическая» база. Президент торгово-промышленной палаты администрации Ахена в октябре 1933 г., ссылаясь на экономических экспертов НСДАП, следующим образом выразил точку зрения партии на проблему массовой безработицы: поскольку в национал-социалистическом государстве «будет невозможно реинтегрировать всех промышленных рабочих из-за чрезвычайного снижения экспорта», значительную часть их придется переселить в сельскую местность. Завершение же проектов восстановления, «которые, в свою очередь, вернут людей на работу», приведет к появлению «обширного пространства для сельских поселений в южной части Западной марки». Широкомасштабное переселение предполагало, что ранее неиспользовавшиеся или непригодные для обработки земли будут приспособлены для возделывания через проекты восстановления почвы (еще в соответствии с «программой Герекке» на агрикультурные работы планировалось израсходовать 200 млн. рейхсмарок)²⁸³.

Сокращение безработицы происходило дифференцированно в зависимости от региона и отрасли производства. В Восточной Пруссии, например, уже к 26 июля 1933 г., то есть еще до того как «программа Рейнхардта» смогла оказать какое-либо воздействие на экономику, безработица была устранена в 30 районах, а 16 августа окружной партийный руководитель Э. Кох отрапортовал фюреру о достижении полной занятости на территории всей зем-

ли, за что удостоился особой похвалы вождя, отметившего его как «образцового гауляйтера и оберпрезидента»²⁸⁴. В Гамбурге же, крупнейшем морском порте, втором по величине городе Германии, 70% всех работающих горожан было занято в судоходстве, торговле, кораблестроении и связанных с ними отраслях городской промышленности, существовавших за счет переработки иностранного сырья или отечественных материалов, идущих на экспорт. Поскольку эти отрасли напрямую зависели от мировой экономики, все еще находившейся в состоянии глубокой депрессии, темпы ликвидации безработицы здесь отставали от большинства остальных частей рейха. Так, в конце января 1933 г., когда пик кризиса в Германии в основном миновал, в Гамбурге насчитывалось 145509 безработных, или 167207 лиц, искавших работу в пределах гамбургской территории, общее население которой составляло 1,2 млн. человек. Таким образом, если по стране в целом доля безработных, без учета лиц свободных профессий, составляла 22%, то в Гамбурге этот показатель равнялся 30%²⁸⁵ (следует иметь в виду, что здесь не отражены данные о скрытой безработице)²⁸⁶, а в транспортном секторе Гамбурга – 20% в сравнении с общеимперскими 6 %. На 30 сентября 1934 г. по уровню безработицы Гамбург лидировал в рейхе, обойдя другие крупные города, в том числе Берлин и Лейпциг, где он также был высоким. В период с января 1933 г. по декабрь 1934 г. численность получающих пособие безработных в городских центрах с населением свыше 500 тыс. человек снизилась, в среднем, на 60,4%, тогда как в Гамбурге – лишь на 42,4%²⁸⁷.

Наиболее быстрыми темпами рассасывание безработицы происходило в отраслях, в той или иной степени связанных с производством вооружений. Прямая занятость в авиационной промышленности, например, возросла с 4000 человек в январе 1933 г. до 53865 человек в январе 1935 г. и до 205000 человек в октябре 1938 г.²⁸⁸. При общем увеличении занятости в период с 1925 по 1939 год наблюдалось ее снижение в сельском хозяйстве²⁸⁹.

Характерно, что при предоставлении работы также соблюдался возрастной принцип и учитывались заслуги перед национал-социалистическим движением. Согласно подписанному рейхсминистром труда «Предписанию о распределении трудовых ресурсов» от 28 августа 1934 г., службам по трудоустройству вменялось в обязанность воздействовать на «правильное в экономическом и социальном отношении распределение трудовых ресурсов по предприятиям и учреждениям». Приоритет в предоставлении места работы следовало отдавать «безработным пожилым рабочим и служащим, в первую очередь, отцам многодетных семей», которые имели преимущество «по отношению к рабочим и служащим моложе 25 лет». До октября 1935 г. жертвами этого Предписания стало более 100 тыс. молодых людей, потерявших работу²⁹⁰. В соответствии с еще ранее опубликованным распоряжением заместителя фюрера от 24 июля 1933 г. правом на первоочередное трудоустройство обладали члены СА, СС, «Стального шлема», вступившие в них до 30 января 1933 г., члены НСДАП с номерами партийных билетов до 300 тыс., партийные функционеры, лица, состоявшие в примкнувших к нацистской партии организациях, а также инвалиды войны²⁹¹.

Все вышеперечисленные меры позволили имперскому правительству в считанные годы покончить с безработицей. Однако попытки исследователей увязать между собой официальные данные и косвенные свидетельства дают довольно пеструю картину динамики роста занятости. По одним расчетам, согласно которым пиковые показатели 20-х гг. в промышленном производстве были достигнуты к 1936 г., а в занятости – к 1937 г., она была следующей (в млн. человек):

1928	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
1,4	5,6	4,8	2,7	2,2	1,6	0,9	0,4

(цифры, касающиеся 1933 и 1934 годов даются на март месяц)²⁹². По другим, за один лишь 1933 год безработица сократилась более, чем на треть, а в тече-

ние первых 18 месяцев существования гитлеровского режима - на 60%: с 34% (6013612 безработных и 11487211 занятых в январе 1933 г.) до 13,5% (2426014 безработных и 15532793 имеющих работу в июле 1934г.)²⁹³. Некоторые ученые обращают внимание на то, что столь стремительное восстановление трудового рынка в указанный период являлось не столько реальным, сколько показным. Мейсон видит в реклассификации как «трудоустроенных» сотен тысяч временных рабочих, занятых на «общественных работах», неправомерную «статистическую манипуляцию», триумф нацистской пропаганды²⁹⁴ (подобным образом было реклассифицировано около 619 тыс. человек)²⁹⁵. Хачтман обращает внимание на то, что если исключить из статистических показателей занятости таких «квазитрудоустроенных», станет очевидным: существенное сокращение безработицы началось лишь с середины 1934 г.²⁹⁶.

Несмотря на наличие определенной фальсификации нацистами цифр статистики (впрочем, степень ее по понятным причинам определить сложно; Силвермен, например, утверждает, что его работа в 11 германских архивах не позволила ему выявить умышленную подтасовку властями Третьего рейха статистического материала, касающегося положения на рынке труда²⁹⁷), согласно современным данным, к лету 1937 г. в стране оставалось менее полу-миллиона безработных²⁹⁸. Причем в этом отношении Германия обогнала другие развитые европейские государства. Если в ней в 1938 году доля безработных составляла 1,3%, то в США – 18,9%, в Канаде – 11,4%, в Нидерландах - 9,9%, в Бельгии - 8,7% и в Великобритании – 8,1%²⁹⁹.

Однако ускоренная милитаризация экономики (вкуче с общим улучшением экономической конъюнктуры, элементы которого проявились еще до того, как нацистская партия стала правящей), записав на свой счет значительную долю ответственности за достигнутый успех, породила новую проблему, ставшую оборотной стороной медали. Уже спустя 3 года после начала

осуществления программы «общественных работ» возникла серьезная нехватка рабочей силы, в первую очередь квалифицированной³⁰⁰. В конце 1938г. рейхсминистр труда официально сообщил о наличии в германской экономике свыше миллиона вакансий³⁰¹. Вследствие этого на трудовом рынке отмечалась значительная текучесть. Согласно оценкам Имперского учреждения, в период с 1936 по 1938 год около 1,5 млн. человек ежемесячно меняло свое рабочее место³⁰². Многие рабочие «кочевали» в пределах той же промышленной отрасли в поисках более высоких заработков. В 1938-1939 гг. это явление приняло такие масштабы, что все лица, имевшие постоянную работу, меняли рабочее место в среднем не реже одного раза в год³⁰³. Наибольшую активность здесь проявляли определенные группы рабочих. В частности, металлисты Шлезии неоднократно уходили в поисках «лучшей доли» в Саксонию и Бранденбург, где предприниматели отличались большей «щедростью». Особую остроту эта проблема приобрела в приграничных областях. Отдельные общины «структурно слабых» регионов, располагавшихся вблизи границы, потеряли до 10% своего трудоспособного населения. При этом отмечалась следующая тенденция: если занятые на производстве женщины и подсобные рабочие-мужчины нередко проявляли склонность к смене места работы, то квалифицированные рабочие, как правило, хранили «верность заводу»³⁰⁴.

Для решения проблемы власти прибегли к жестким мерам правового характера. Уже «Закон о регулировании использования рабочей силы» от 15 мая 1934 г. разрешал в районах с высоким уровнем безработицы наем лиц из других местностей только при наличии согласия служб, подчиненных Зирупу³⁰⁵. За введением новых трудовых книжек последовал ряд предписаний – от 11 февраля 1937 г., 30 мая 1938 г.³⁰⁶, 22 июня 1938г., 13 февраля 1939 г., 1 сентября 1939 г.,³⁰⁷ которые окончательно лишили рабочих права на свободу передвижения и выбора места работы даже в рамках своего региона.

Впрочем, указанные меры не принесли того эффекта, на который рассчитывали нацисты. Хотя еще в конце 1936 г. агитация среди металлистов и квалифицированных строителей и оказание им посреднических услуг через объявления в прессе были запрещены, в середине 1939 г. в одной из югославских газет обращалось внимание на то, что Германия – «в настоящее время единственная во всем мире страна, в которой, воскресенье за воскресеньем, во всех крупных ежедневных газетах 6 или более страниц из отведенных под объявления заполнены предложениями рабочих мест всех видов»³⁰⁸.

Результатом происшедших изменений, помноженных на нехватку сырья и запасных частей, не всегда удовлетворительное планирование производства, изнашивание оборудования, стало в 30-е гг. снижение производительности труда в большинстве индустриальных отраслей, что зафиксировал индекс Гофмана. (В Саксонии, например, глава администрации констатировал соответствующее падение на 15-30%). Наиболее сложная в этом отношении ситуация сложилась в горной промышленности и строительстве. В последнем физическая нагрузка была такова, что в 1938 г. спад производительности труда здесь составил почти 20% (помимо причин, указанных выше, это стало следствием замены части квалифицированных строительных рабочих на неквалифицированных, интенсификации производственного процесса и увеличения продолжительности рабочего времени, что негативно сказывалось на моральном духе строителей). В различных строительных фирмах снижение производительности труда в 1935-1938 гг. колебалось в пределах от 9 до 60%. В горной промышленности с 1935/36 по 1938 год средняя производительность за смену упала на 10-12%. Руководство угольной компании Гельзенкирхен, терявшей в связи с этим по 10 т. угля ежедневно, жаловалось на привычку шахтеров бегать от шахты к шахте в погоне за «длинной маркой», а также на конкуренцию со стороны автомобильной промышленности, работа в которой была более прибыльной и требовала меньших усилий³⁰⁹.

Возникает вопрос, сопровождалось ли достижение полной занятости и появление дефицита рабочей силы повышением уровня жизни немецких рабочих. Поскольку режиму приходилось ограничивать потребности гражданского населения в потребительских товарах, увеличение зарплаток было поставлено под контроль партийных и государственных структур. Уже на правительственном заседании, состоявшемся 4 апреля 1933 г., рейхсминистр финансов получил указание обеспечить определенное перераспределение национального дохода за счет заработной платы и жалованья с целью высвобождения средств, необходимых для перевооружения³¹⁰. А. Милуард, однако, констатирует рост реальных зарплаток рабочих, ставший следствием решения проблемы безработицы и продолжавшийся вплоть до 1941 г., в то же время признавая, что он был незначительным вследствие «сельскохозяйственного протекционизма..., высоких цен на продукты питания» и отсутствия «обычных методов политического давления», использовавшихся, как правило, рабочими в борьбе за повышение заработной платы³¹¹. Между тем, согласно более аргументированному, на наш взгляд, исследованию Р. Оувери, уже в довоенные годы в Третьем рейхе происходит неуклонное снижение реальной заработной платы со 119 пунктов (за основу для сравнения взяты показатели 1913-1914 гг.) в пиковом кризисном 1933 г. до 116 в 1934, 114 в 1935, 112 – в 1936 – 1938 гг. Причем если в 1933 г. заработная плата составляла 63%, а личное потребление – 81% национального дохода, то в последующие годы эти показатели выглядели следующим образом: в 1934 г. – 62 и 76, 1935 – 61 и 71, 1936 – 59 и 64, 1937 – 58 и 62, 1938 – 57 и 59%³¹².

Недовольные таким положением дел рабочие периодически прибегали к традиционному средству оказания давления на работодателей – забастовкам, несмотря на то, что в нацистской Германии последние были объявлены вне закона. По официальным данным информационного отдела ДАФ за период с февраля 1936 по июль 1937 года было зафиксировано 192 подобных

акции³¹³. Согласно же исследованию П. Эйкоберри, общее число стачек составило 179 в 1936 и 72 в 1937 году, при этом продолжительность большинства из них не превышала одного дня, а число участников – ста человек, лишь треть которых в своих действиях руководствовалась политическими мотивами³¹⁴. Большинство указанных мероприятий носило экономический характер и нередко являлось следствием переутомления рабочих, вызванного интенсификацией производства³¹⁵. Впрочем, начиная с 1938 г., количество забастовок пошло на убыль³¹⁶.

Для изменения заработной платы или условий труда требовалось получение специального разрешения властей. В соответствии с декретом от 25 июня 1938 г. и предписанием от 25 апреля 1941 г. дополнительные материальные поощрения рабочего должны были быть санкционированы попечителем труда. Произвольная выплата специальных премий отныне квалифицировалась как правонарушение. Практика улучшения материального положения рабочего путем перевода его на предприятие или в отрасль с более высокой оплатой труда была сведена к минимуму. Причем, согласно предписаниям от 29 декабря 1934 г., 11 февраля 1937 г. и 1 сентября 1939 г., для подобных изменений было необходимо заручиться согласием бирж труда. Власти вначале попытались отменить, а позднее снизить суммы премиальных выплат за сверхурочную, ночную работу и труд в выходные дни, но необходимость поддержания удовлетворительного морального климата в трудовых коллективах вынудила их, в конце концов, реинституировать эти выплаты в прежних размерах (предписания от 4 сентября 1939 г., 6 ноября 1939 г., 17 ноября 1939 г., 12 декабря 1939 г., 3 сентября 1940 г.)³¹⁷.

Имеющееся в науке мнение о том, что «от перевооружения и широко-масштабных общественных работ выгадали промышленные магнаты»³¹⁸, хотя во многом и справедливо, но все же представляется излишне категорическим. Конечно прибыли монополий уже в довоенный период достигли астро-

номических сумм. Если доля всех немецких рабочих в национальном доходе сократилась с 59,6% в 1932, кризисном, году до 53,6% в 1938г., то прибыли капиталистов и бизнесменов за то же время подскочили с 17,4% до 26,6% национального дохода. В связи со значительно возросшей занятостью общая сумма зарплат и жалованья выросла с 25 млрд. до 42 млрд. рейхсмарок (рост в 66%), тогда как доходы делового мира увеличились на 146%³¹⁹.

Однако следует учитывать, что гитлеровский режим при проведении политики заработной платы осуществлял дифференцированный подход к вознаграждению различных групп рабочих. Те из них, кто был занят в производстве вооружений или связанных с ним отраслях, находились в привилегированном положении. В течение трех предвоенных лет их еженедельные заработки выросли в среднем на 17%³²⁰, хотя реальная заработная плата, вычисленная на базе индекса стоимости жизни, лишь в 1938 г. несколько превысила уровень 1929 г.³²¹. Участь других была незавидной. Старейшие работники фабрики по производству хрусталя в баварском Терезиентале, жалуясь на мизерную оплату их труда, отмечали, что более ужасных времен не припомнят³²². Значительно возросла и продолжительность рабочей недели: с 42,9 час. в 1933 г. до 47-49 час. в 1939 г., достигнув на некоторых предприятиях уже в довоенный период 60 час.³²³ (на практике это обернулось дальнейшим снижением производительности труда)³²⁴.

Если исходить из того, что при оценке уровня жизни одним из важнейших показателей является именно потребление продовольствия, то следует констатировать, что расходы на питание в Третьем рейхе, по разным подсчетам, поглощали от 45 до 50-55% среднего заработка рабочего³²⁵. В частности, потребление пшеничной муки в 1938 г. возросло в 6 раз по сравнению с 1932 г. при одновременном ухудшении качества хлеба: в соответствии с новыми правилами, предусматривавшими пятипроцентное повышение интенсивности перемалывания пшеницы, в нем возросло содержание кукурузной и

картофельной муки³²⁶.

В целом, если сравнивать мирные годы Третьего рейха с докризисным временем, вырисовывается следующая картина: в период с 1927 по 1937 гг. происходит сокращение потребления немецкими рабочими семьями ряда важных продуктов питания, уступивших место на их столах низкокачественным суррогатам, таким, как картофель и ржаной хлеб³²⁷ (табл. 5).

Таблица 5

Ежегодное потребление основных продуктов питания в семьях рабочего класса в 1927 и 1937 гг.³²⁸

	1927	1937	% изменения
Ржаной хлеб (кг)	262,9	316,1	+20,2
Пшеничный хлеб (кг)	55,2	30,8	-44,2
Мясо и мясные продукты (кг)	133,7	109,2	-18,3
Бекон (кг)	9,5	8,5	-10,5
Молоко (л)	427,8	367,2	-14,2
Сыр (кг)	13,0	14,5	+11,5
Яйца (штук)	404	237	-41,3
Рыба (кг)	21,3	20,4	-6,4
Овощи (кг)	117,2	109,6	-6,5
Картофель (кг)	499,5	519,8	+4,1
Сахар (кг)	47,2	45,0	-4,7
Тропические фрукты (кг)	9,7	6,1	-37,1
Пиво (л)	76,5	31,6	-58,7

Таким образом, потребление рабочими наиболее важных продуктов питания – пшеничного хлеба, мяса, молока и, что особенно существенно для Германии, пива, за указанный период значительно сократилось

В то же время с точки зрения осознания рабочими своего положения в нацистском государстве, наряду с материальными, важную роль играли политические и идеологические факторы. И здесь приходится констатировать, что в условиях однопартийной системы властям удалось добиться деполитизации значительной части рабочего населения Германии, хотя это и не означало ее нацификации. Скорее, можно говорить о «браке по расчету». Даже те

рабочие, которые были недовольны режимом, в основном воздерживались от конфронтации с ним. Конечно же, при оценке этого феномена нельзя сбрасывать со счетов такие факторы, как террористический характер режима, а также традиционно развитое у немцев чувство дисциплины (отдельные, упоминавшиеся выше, забастовки не меняли общей картины). Однако не меньшее значение имело то, что, хотя уровень жизни многих «синих воротничков» объективно был ниже, чем в докризисной Германии (в частности, «общественные работы» относились в число наиболее низкооплачиваемых), именно обретение ими после ряда лет вынужденного бездействия работы и гарантированной заработной платы примиряло их с национал-социализмом. Даже высказывая критические замечания в адрес тех или иных шагов имперского правительства, партийного руководства, большинство их продолжало делать свое дело, вольно или невольно способствуя упрочению режима.

С началом войны, когда значительная часть мужской рабочей силы была поставлена под ружье, проблема дефицита трудовых ресурсов решалась путем более широкого использования на производстве и в конторах женщин, привлечения к труду пожилых фольксгеноссен, лиц, имевших физические недостатки, предоставления специальных отпусков военнослужащим для работы на производстве или в сельском хозяйстве³²⁹, а также использования иностранцев.

Собственно, уже в 1935-1939 гг., когда в связи с набиравшей обороты подготовкой Германии к войне и ускоренной милитаризацией германской экономики на смену порожденной кризисом 1929-1933 гг. массовой безработице пришла нехватка рабочей силы в важнейших промышленных отраслях, в Третьем рейхе по контракту работали тысячи голландцев, французов, поляков. Начавшаяся Вторая мировая война внесла существенные изменения как в контингенты задействованных в экономике рейха иностранцев, так и в отношение к ним на официальном и бытовом уровнях. По мере возрастания с

каждым военным годом мобилизации в ряды вооруженных сил немецкого трудоспособного населения в период с мая 1940 по май 1941 г. дефицит рабочей силы в Германии достиг цифры в 2,6 млн. чел., в том числе полмиллиона – в аграрном секторе, 300 тыс. – в металлопромышленной отрасли, 140 тыс. – в строительстве, 50 тыс. – в горнодобывающей промышленности³³⁰. Кроме того, произошло снижение ее качества: доля квалифицированных рабочих, включая иностранцев, сначала увеличилась с 31,6% в июле 1936 до 32,4% в марте 1940 г., но затем сократилась до 31,8% в декабре 1940 г. и 31,5% в марте 1941 г.³³¹, хотя, в целом, до 1941-1942 гг. на большинство немцев соответствующей квалификации распространялась бронь³³². В этих условиях все большая роль в «латании дыр» германской экономики отводилась военнопленным и иностранным гражданским рабочим, которых доставляли в Германию, главным образом, с оккупированных вермахтом территорий. Часть последних отправлялась в чужой фатерланд добровольно, в расчете на приличные заработки, вняв призывам нацистской пропаганды, подавляющее же большинство становилось жертвами насильственного рекрутирования. Основные контингенты иностранцев, работавших в Германии к лету 1941 г., были представлены поляками и французами³³³, причем из них лишь 644028 чел. относилось к числу добровольцев³³⁴. Провал планов блицкрига против Советского Союза и не оправдавшиеся в связи с этим расчеты нацистского руководства на демобилизацию и возвращение в национальную экономику занятых на Восточном фронте солдат вынудили имперские власти в конце октября 1941г. отказаться от первоначального, провозглашенного по идеологическим соображениям, табу на использование в экономике Германии гражданского населения подвергшихся немецкой оккупации районов СССР и советских военнопленных.

Что касается последних, то поначалу, согласно секретной директиве ОКВ от 8 июня 1941 г., подписанной Кейтелем, их предполагалось использо-

вать, главным образом, на строительных работах «в первую очередь... на русской территории»³³⁵. Однако уже 19 февраля 1942 г. министерский директор Мансфельд констатировал: «Настоящие трудности во вводе в работу не возникли бы, если бы своевременно решились на широкий ввод русских военнопленных». Он сетовал на то, что из 3350000 советских военнопленных, имевшихся в наличии в 1941 г., в общей сложности до конца марта 1942 г. к принудительным работам было привлечено лишь 166881 человек, или – 5%³³⁶.

В Указе фюрера о генеральном уполномоченном по использованию рабочей силы (на этот пост был назначен Ф. Заукель. – Е.П.) от 21 марта 1942 г. говорилось о необходимости использования в соответствии с потребностями военной экономики «всех имеющихся в распоряжении трудовых сил, включая завербованных иностранцев и военнопленных», и «мобилизации всех, еще не задействованных рабочих сил в Великогерманском рейхе и в оккупированных областях»³³⁷. В соответствии с этими установками в Программе Заукеля, опубликованной 20 апреля того же года, определялось в качестве «самой насущной необходимости» в плане решения задач вооружения и продовольственного снабжения, «наряду с тотальным охватом всех немецких трудовых сил, включение иностранных рабочих». «Все военнопленные, находящиеся уже в Германии, как из западных, так и из восточных областей, – разъяснялось в документе – должны, если это еще не произошло, также без остатка быть введены в германскую экономику вооружений и питания, их производительность должна быть доведена до максимально возможного уровня»³³⁸. При этом отмечалось, что до тех пор, пока состояние германской экономики позволяло это, «при всех обстоятельствах от приема как советских военнопленных, так и гражданских рабочих и ... работниц из советских областей следовало отказаться», но теперь, поскольку «прием рабочих сил из дружественных или нейтральных стран дает возможность покрыть лишь

часть общей потребности»³³⁹, рабочая сила этих людей в значительной мере должна быть использована, причем «от них можно требовать оптимальных трудовых достижений и выжать из них все»³⁴⁰ (правда, Геббельс еще 14 января 1942 г. подчеркнул, что проблема дефицита в 1 млн. рабочих рук, обозначившаяся на тот момент в германской промышленности, не могла быть решена за счет использования советских военнопленных, т.к. по всей Германии лишь 160 тыс. их было включено в производственный процесс. Последнее, подчеркнул он, объяснялось как большой смертностью среди них, так и тем, что «все лагеря в оккупированных областях пришлось эвакуировать вследствие возникших там эпидемий»). К тому же, добавил министр, они в основном были задействованы на фронтовых работах)³⁴¹.

Таким образом, если «работающие в Германии представители народов родственной крови, а также союзнических и дружественных народов» подлежали «особенно тщательным обслуживанию и заботе»³⁴², то положение бойцов и офицеров Красной Армии, попавших в плен (им на левой ягодице вытатуировывали знак в форме треугольника³⁴³), было чрезвычайно тяжелым (формальным основанием для оправдания беспрецедентно жестокого обращения немецких властей с ними послужил отказ политического руководства СССР присоединиться к Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г. и ратифицировать Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г.). В соответствии с тезисом об «уничтожении через труд» представителей «неполноценных рас» в Рейхсминистерстве продовольствия для них были разработаны специальные рационы питания, значительно уступающие соответствующим нормам других заключенных концлагерей и лагерей для военнопленных, за исключением евреев, от положения которых их статус мало чем отличался³⁴⁴. Попытки же отдельных предпринимателей, озабоченных решением проблемы повышения производительности труда, добиться улучшения их питания не находили

поддержки у властей. Когда руководитель одного из эссенских предприятий Круппа заявил функционеру ДАФ о необходимости увеличения пайков для занятых там советских военнопленных, он получил ответ: «Большевики – бездушные люди. Если сотни тысяч этих людей погибнут, то их место займут новые сотни тысяч»³⁴⁵. Нормы оплаты труда последних (40 пфеннигов в день) были намного ниже предусмотренных для военнопленных других национальностей (даже поляки получали 70, все остальные – 90 пфеннигов). При проведении срочных работ по устранению последствий воздушных налетов заработок «русских» составлял 30, в то время как у польских военнослужащих он доходил до 60 пфеннигов. Для остальных размер оплаты оставался прежним. Кроме того работодатели выплачивали компенсацию концлагерям, из которых поступали к ним военнопленные³⁴⁶.

Правда, в середине 1943 г. военнопленных разных национальностей, занятых на работах в Верхней Силезии, разделили на группы, согласно их производительности, поощряя «передовиков» дополнительными денежными выплатами (ежедневная оплата их труда, в зависимости от результатов последнего, колебалась в пределах от 20 пфеннигов до одной рейхсмарки), а также продовольственными (суп, хлеб, пиво) и табачными добавками. Последние высвобождались за счет уменьшения рационов тех, чьи трудовые достижения не устраивали администрацию предприятий³⁴⁷. Однако и в этих условиях режим содержания советских военнопленных оставался наиболее суровым. Так, среди тех из них, которые работали в угольной шахте, принадлежавшей имперскому металлургическому концерну «Герман Геринг», почти каждый десятый умирал от истощения³⁴⁸.

В качестве еще более перспективного резервуара столь необходимой Третьему рейху рабочей силы его лидеры теперь рассматривали трудоспособное гражданское население СССР. Среди той его части, которая проживала на оказавшихся под их контролем советских территориях, нацистские ок-

купационные власти развернули агитационную кампанию по вербовке добровольцев, желавших отправиться на работу в Германию. Приведем несколько характерных примеров последней. В номере распространявшейся в Таганроге газеты «Новое слово» от 10 января 1942 г. была помещена заметка «Иностранцы рабочие в Германии», перепечатанная из «Мюнхенер Н. Нахрихтен» за 9 декабря того же года. В ней сообщалось, что, согласно данным главного статистика Рейхминистра труда доктора Тимма, в период с начала войны до осени 1941 г. численность занятых в германской экономике иностранцев возросла с более чем полумиллиона до 2,1 млн. человек, и подчеркивалось, что их вербовка «лишь тогда может быть выгодна для хозяйства страны, если эти рабочие приезжают на работу в Германию совершенно добровольно»³⁴⁹. 29 апреля 1942 г. отдел труда города Таганрога издал распоряжение, текст которого считаем целесообразным привести полностью, сохранив стилистику документа. «Имеющиеся еще в г. Таганроге безработные, – говорилось в нем, – не смогут получить в ближайшее время здесь работу, так как большая часть заводских предприятий разрушена коммунистами.

Поэтому все холостые безработные в возрасте от 17 до 45 лет и все незамужние женщины в возрасте от 17 до 35 лет призываются еще раз для получения работы в Германии явиться в отдел труда г. Таганрога. При этом отмечается следующее:

1. Прибывшие на работу в Германию обеспечиваются хорошим и бесплатным жилищем.
2. Продовольствие для прибывших хорошее и достаточное, ничем не отличается от получаемого всем населением Германии.
3. Врачебная помощь при всех заболеваниях и несчастных случаях обеспечивается.
4. Для личных расходов выплачивается вознаграждение также наличными деньгами.

Все другие слухи, распространяемые большевистскими элементами, являются наглой ложью. Рабочие и работницы! Регистрируйтесь немедленно в отделе труда. Отправляясь на работу в «Великое Германское государство, вы избавляетесь от вашей нужды и несчастья, принесенных вам большевизмом»³⁵⁰.

При этом предпринимались попытки разыграть и «национальную карту». В статье «Украинские рабочие в Германии», опубликованной во «Франкфуртер Цайтунг» и перепечатанной в «Новом слове» от 27 июня 1942 г. рассказывалось о посещении рейхкомиссариата Украины Ф. Заукелем. В ходе бесед с рейхкомиссаром Э. Кохом и другими видными национал-социалистами, говорилось в публикации, он подчеркнул, что «лично заботится о том, чтобы каждый добровольно прибывавший на работу в Германию не только встречал приличное обращение, но и всегда был окружен особым обеспечением и поддержкой.... В противоположность жесткой большевистской политике угнетения, – утверждал он далее, – украинские рабочие используются по строго утвержденному плану и пользуются столь же строго регламентированными правами». Так, например, рабочие-добровольцы могут пользоваться немецкой служебной почтой, их близкие, оставшиеся на родине, будут обеспечены. Им самим будет предоставлено по возможности привычное национальное питание... в пределах норм, действующих для германского населения, с особыми дополнениями для рабочих, занятых тяжелым трудом. Большое значение придается предоставлению украинцам безукоризненных жилищных условий, достаточной врачебной помощи и соответственного культурного обслуживания»³⁵¹.

Однако принцип добровольности, на котором якобы должна была основываться вербовка, на практике оказался не более чем пропагандистским плацебо, рассчитанным на население «восточных территорий». Тот же Заукель в кругу своих сотрудников заявлял: «Я получил свое поручение от

Адольфа Гитлера и я доставлю миллионы остарбайтеров (этот термин, которым немцы обозначали работников угнанных с территорий, бывших советскими до 17 сентября 1939 г.³⁵², впервые встречается в датированном 20 февраля 1942 г. приказе Гимmlера об условиях, в которых должны были содержаться восточные рабочие³⁵³) в Германию, не обращая внимания на их чувства, независимо от того хотят они этого, или нет»³⁵⁴, а в цитируемой выше Программе генерального уполномоченного по использованию рабочей силы говорилось: «Если не удастся приобрести необходимые рабочие силы на добровольной основе, то нужно немедленно приступить к их аресту, а именно к принудительному обзаванию»³⁵⁵. Несмотря на «щедрые» посулы, призывы нацистской администрации не принесли ожидаемых результатов. Кроме того, зачастую выдержанные в мрачных тонах письма к родным тех, кто зимой 1941-1942 г. рискнул добровольно или под нажимом отправиться в рейх, как правило, избавляли колеблющихся от последних сомнений³⁵⁶. Не менее тягостное впечатление на население оккупированных областей Советского Союза производили транспорты с возвращающимися на родину соотечественниками, подорвавшими в Германии здоровье. Среди них было немало стариков и даже слепых, направленных в свое время вербовщиками в рейх и теперь, как ненужный балласт, отосланных назад³⁵⁷.

Согласно транспортным спискам, содержащим данные на весну 1942г., лишь около 10% всех «завербованных» составляли добровольцы³⁵⁸.

Поэтому, начиная с весны 1942 г., оккупационные власти все чаще прибегают к угрозам, организации облав и насильственному угону в Германию советских граждан. 21 мая 1942 г. было обнародовано очередное распоряжение коменданта Таганрога и таганрогского отдела труда, выдержанное в совершенно иных тонах, нежели документ, цитировавшийся выше. «До 23 мая, - указывалось в нем, - должны явиться в отдел труда для отправки в Германию: 1. Все мужчины и женщины, регистрировавшиеся, прошедшие

медицинский осмотр и признанные годными для работы в Германии.

2. Все холостые мужчины в возрасте от 17 до 45 лет и незамужние женщины в возрасте от 17 до 35 лет, не имеющие до сих пор постоянной работы.

К тем, кто не подчинится вышеуказанным требованиям, будут применены строжайшие меры; в частности, такие лодыри не будут в будущем получать никаких продуктов.

Контроль и проверка работоспособных мужчин и женщин будут производиться с 25 мая в усиленной мере с помощью всех немецких учреждений. Могущие возникнуть последствия каждый должен будет приписать себе самому»³⁵⁹.

В предписании Заукеля от 11 апреля 1942 г. отмечалось, что для выполнения программы вооружений и обеспечения немецкого населения продуктами питания, по поводу которых фюрером был отдан соответствующий приказ, требовалось троекратное увеличение «до сих пор запланированного применения иностранных гражданских рабочих и работниц». С этой целью, подчеркивал генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, предусмотрено осуществление следующих мер: «а) увеличение в 3 раза транспортов... б) обеспечение питанием трудовых резервов, которые должны быть введены в рейх, таким образом, чтобы от них можно было потребовать оптимальной производительности труда...»³⁶⁰.

В период с апреля до конца 1942 г. из СССР в рейх было угнано 1,4 млн. гражданских лиц (в среднем вывозилось по 40 тыс. человек в неделю), значительную часть которых составляли подростки в возрасте до 16 лет и около половины - женщины не старше 20 лет. К концу же сентября или, по другим данным, к 30 июня 1944 г. их численность достигла 2,8 млн. человек. (Например, в письме З. Никеля, сотрудника Рейхсминистерства по делам оккупированных восточных территорий, доктору Штраубе от 19 октября 1944 г. сообщалось о том, что лишь с 27 мая по 20 сентября 1944 г. в Германию из

захваченных вермахтом районов Советского Союза было введено 18917 юношей и 2500 девушек³⁶¹). При этом судьба более чем 600 тыс. из них была, по выражению Р. Мюллера, «неопределенной», а фактически они либо погибли, либо пополнили ряды узников концлагерей, либо, заработав инвалидность, были отпущены домой. Из остальных 2,2 млн. человек 34% было задействовано в сельском хозяйстве, 30% - в металлообрабатывающей промышленности, а 50 тыс. женщин была уготована участь прислуги³⁶².

Среди иностранных рабочих, оказавшихся в рейхе, была установлена строгая иерархия, находившаяся в прямой зависимости от их национальной и расовой принадлежности. Помимо существовавшего общего разграничения между западными и восточными рабочими, последние подразделялись на три подгруппы, условия существования которых различались. Рабочим из Прибалтики не полагались премиальные за труд в ночную смену и праздничные дни; им приходилось уплачивать специальный пятнадцатипроцентный налог с заработка, превышавшего 9 марок. Однако по сравнению с двумя другими категориями восточных рабочих их жизненные условия были более или менее сносными. Далее шли поляки. Специальная инструкция разъясняла, что их следует использовать на самой низкооплачиваемой работе. На них не распространялись положения о выплате пособий многодетным семьям, по случаю рождения ребенка и т.п. Максимальная оплата их труда составляла не более 70% от зарплаток немцев, занятых на такой же работе. В наихудшем положении находились представители третьей подгруппы, в которую входили граждане СССР, угнанные в Германию. Руководством фирмы Круппа, например, была издана инструкция, согласно которой полицейские должны были следить за тем, чтобы русских, работавших на крупповских предприятиях, «строжайшим образом отделяли от немецкого населения, от других иностранных рабочих и от всех военнопленных» и содержали «в изолированных лагерях, которые они будут покидать только уходя на работу под

вооруженным конвоем»³⁶³.

Согласно изданному 20 января 1942 г. декрету об оплате труда рабочих с «вновь приобретенных восточных территорий», всем нанимателям таких рабочих полагалось удерживать из их заработной платы прогрессирующий налог. Максимальный заработок, остававшийся после этого, не превышал 17 марок в неделю. В среднем же еженедельная заработная плата квалифицированного рабочего из Советского Союза составляла 15,05, неквалифицированного – 8,75 рейхсмарки, тогда как для немецких рабочих эти показатели равнялись соответственно 42,35 и 24,50 имперской марки. Из своего заработка «остарбайтер» должен был ежедневно уплачивать 1,50 марки за питание и жилье. Официально последняя сумма могла быть уменьшена, если после всех вычетов у такого рабочего оставалось менее 40 (а в большинстве случаев, вплоть до сентября 1943 г., менее 20) пфеннигов в день³⁶⁴.

В директивах, касавшихся содержания восточных рабочих, изданных Германским трудовым фронтом в начале 1943 г., давались подробные указания по приготовлению специально предназначавшихся для них щей и борща. С этой целью должны были использоваться овощные очистки, брюква и свекловица. При наличии костей их предлагалось варить три-четыре раза по три часа. В датированном летом 1943 г. служебном сообщении о положении, сложившемся в одном из лагерей восточных рабочих, отмечалось, что вследствие истощения у содержавшихся там женщин в течение более чем полутора лет не было менструаций и у всех тамошних обитателей констатировалось «ослабление мускулов мочевого пузыря», вызванное употреблением водяных супов и дефицитом витаминов³⁶⁵.

К физическому истощению рассматривавшихся как представители «низшей расы» остарбайтеров и поляков, вынужденных работать по 10-12 час. в день, добавлялись повседневные моральные унижения. Они должны были носить на своих робах нашивки с обозначениями «Ост», «СР» («Совет-

ская Россия») и «П». Особенно тяжело приходилось женщинам. Тех из них, кто имел несчастье забеременеть, уже спустя две недели после родов возвращали в цеха, отбирая у них детей, направляемых затем в «детские дома простейшего типа», где значительная часть новорожденных погибала от отсутствия элементарных гигиенических условий. Такая судьба постигла, в частности, всех младенцев, которых с осени 1944 г. переправили в детский дом в Рюхене, принадлежавший предприятию «Фольксваген»³⁶⁶.

По некоторым данным, отношение к присутствию на немецких предприятиях «восточных» рабочих со стороны германского населения в целом и «синих воротничков», в частности, характеризовалось равнодушием, крепшим по мере продолжения войны и погружения немцев в собственные проблемы³⁶⁷. Немецкие рабочие выступали в подобных случаях, как правило, в роли мастеров, осуществлявших надзор и контроль за «остарбайтерами». Соответствующая установка Геринга гласила: «Квалифицированные рабочие-немцы должны заниматься производством вооружений; грести лопатой и дробить камень – не их задача, для этого есть русские... Немецкий рабочий – начальник над русскими»³⁶⁸. Нередки были случаи, когда учетчик добычи из Ахена направлялся на шахту в Донбасс в качестве инспектора, а электромонтер с крупповского завода становился управляющим предприятия в Кривом Роге³⁶⁹. Среди немецких рабочих были достаточно широко распространены антиславянские настроения, проникнутые духом расового превосходства, повседневно проявлявшиеся в застольных песнях в пивных, шутках, граффити. Особенно это было характерно для центральных и восточных областей рейха³⁷⁰. В цехах предприятий А. Круппа были развешаны плакаты, напоминавшие немецкому персоналу о том, что «славяне – это рабы». По свидетельству железнодорожного рабочего А. Шмидта, первую группу «восточных рабочих» с Западной Украины, из Галиции и Польши, доставленную в середине 1941 г. для работы на предприятиях Круппа, «крупповские мастера гнали...

из вагонов ударами и пинками... Я своими глазами видел, – продолжает он, – как людей, еле державшихся на ногах, волокли работать»³⁷¹.

Следствием плохого обращения, скудного питания и стрессов стали отмечавшиеся в первой половине 1942 г. высокая смертность среди «восточных рабочих» и низкая производительность их труда³⁷². Однако в условиях все новых военных поражений вермахта и возраставшей нехватки квалифицированной рабочей силы владельцы ряда предприятий вынуждены были пойти на некоторое повышение пищевых рационов иностранных рабочих в качестве поощрения за производительный труд. Теперь те из этих рабочих, чья выработка составляла не менее 100% от германской нормы, еженедельно получали 1500 г хлеба, 50 г маргарина или масла и 100 г мяса. Пайки тех, чья производительность варьировалась от 80% до 100%, состояли из того же количества мяса и масла или маргарина и 750 г хлеба. Остальные получали прежние рационы³⁷³. Кроме того, в августе 1943 г. властями Третьего рейха было принято решение об увеличении заработной платы квалифицированных «восточных рабочих» на 20, 30 и 50% соответственно за один, два и три года лояльной работы³⁷⁴. При этом иностранных рабочих поощряли класть заработанные деньги на специальные счета в Берлинском банке, с которых они позднее могли быть переведены их семьям за границу. Если верить данным Берлинского банка, в 1943 г. в СССР (на оккупированную территорию. – Е.П.) было переведено 6077000, а за первую половину 1944 г. – 2117600 рейхсмарок. Для французов те же показатели составляли соответственно 277046200 и 258657700, бельгийцев – 271376100 и 184975600, итальянцев – 215729400 и 490863300, поляков – 29750600 имперских марок (в последнем случае имеются лишь данные, относящиеся к 1943 г.)³⁷⁵. Кроме того, «остарбайтерам», отработавшим два года в рейхе, в качестве поощрения обещали неделю отпуска в Германии, а по достижении ими трехлетнего «трудового стажа» – двухнедельный отдых на родине³⁷⁶.

В то же время за малейшие проступки «восточные рабочие» передавались в руки гестапо, которое направляло их в концентрационные лагеря, где им приходилось работать в еще более тяжелых условиях. В указе, датированном 17 декабря 1942 г., говорилось: «По военно-значимым причинам... до конца января 1943 г., по меньшей мере, 35 тысяч трудоспособных узников должно быть направлено в концлагеря», в первую очередь, «восточные или такие же иностранные рабочие, которые пытались бежать или нарушить договор». Следствием этих решений стало то, что с весны 1943 г., как сообщал Гитлеру Шпеер, подобному аресту ежемесячно подвергалось 40 тыс. иностранных, преимущественно советских и польских, рабочих. Херберт считает, что эти цифры завышены. Однако известно, что такие рабочие составляли в Маутхаузене в марте 1943 г. - 44%, а в Бухенвальде в июле 1943 г. - 57% общего числа заключенных³⁷⁷. Подобная практика осуществлялась по инициативе эсэсовского руководства, как сообщалось в письме доктора Шибера Шпееру от 7 мая 1944 г.³⁷⁸.

Причем и здесь бывшие граждане СССР оказывались в наиболее тяжелых условиях, даже по сравнению с их польскими товарищами по несчастью. Согласно показаниям, данным Международному Военному Трибуналу В. Дюррфельдом, который с конца 1942 г. был начальником строительных и монтажных работ принадлежавшего химическому концерну «ИГ Фарбениндустри» завода в Освенциме, а весной 1944 г. стал директором этого предприятия, из заработной платы занятых здесь поляков вычиталось 15%, а из заработка русских и украинцев, в соответствии со специальным законодательным распоряжением, – от 30 до 40%³⁷⁹. Справедливости ради, следует отметить, что далеко не все «восточные рабочие» тяготились произошедшими в их жизни переменами. Некоторые рассматривали свое новое существование как весьма сносное. В дневнике некой Елены Скрыбиной читаем: «Девушки начали получать кое-что из вещей и теперь мало чем отличаются от немок. Остригли волосы, сделали модные прически, хо-

дят в красивых платьях и туфлях на высоком каблуке. Стопанных тапочек уже не увидишь. После рабочей смены и по воскресеньям они работают в немецких домах и плату берут не деньгами, а одеждой, которую наша портниха им перешивает»³⁸⁰.

Сведения об общем количестве иностранной рабочей силы, привлеченной в годы войны в германскую экономику, в разных источниках несколько расходятся (это, не в последнюю очередь, объясняется определенной запутанностью статистических материалов, характерной для тоталитарных режимов вообще, и нацистского – в частности). Несмотря на это с учетом указанных погрешностей можно воспроизвести картину в целом. Результаты расчетов, произведенных Э. Хомзе, автором одного из наиболее фундаментальных исследований по данной проблеме, представлены в таблице 6.

Таблица 6

Занятость иностранцев в германской экономике (1939-1944 гг.), млн. чел.³⁸¹

Год	Иностранцы гражданские рабочие ^x	Военнопленные	Всего
1939	0,30	-	0,30
1940	0,80	0,35	1,15
1941	1,75	1,27	3,02
1942	2,64	1,47	4,12
1943	4,64	1,62	6,26
1944	5,30	1,83	7,13

^x Включая евреев из всех стран.

По другим данным, с октября 1940 по январь 1944 г. численность иностранных гражданских рабочих возросла с 1,1 млн. до 6,4 млн., а военнопленных – с 1,1 млн. до 2,2 млн. человек³⁸². Берган же настаивает на том, что в период с мая 1939 по сентябрь 1944 г. доля лишь первых увеличилась с 300 тыс. до 7,5 млн. человек³⁸³. И, наконец, У. Херберт указывает общую цифру в 7,7 млн. иностранных рабочих и военнопленных на осень 1944 г.³⁸⁴.

Характер распределения иностранной рабочей силы по отраслям на протяжении военных лет менялся. Если в 1940 г. 76% военнопленных и 51% гражданских иностранных рабочих были заняты в сельском хозяйстве и лишь

8% военнопленных и 29% гражданских иностранных рабочих – в промышленности, то уже к 1944 г. в промышленной сфере было задействовано больше иностранцев всех категорий, чем в любой другой отрасли германской экономики. Изменился и удельный вес иностранцев в хозяйстве Третьего рейха. С 1940 г. по 1944 г. он возрос с 3% до 20%³⁸⁵ или, по уточненным подсчетам, до четвертой части всех занятых в германской экономике. Причем на предприятиях, производивших вооружение, в горнорудной промышленности, сельском хозяйстве, на строительных работах доля занятых иностранцев превышала 50% (а на заводе «Фольксваген», который в этом отношении стал рекордсменом, принудительная рабочая сила составляла в 1943 г. даже 70% общего числа рабочих)³⁸⁶. Если же ограничиться только промышленностью, то иностранные работники составляли почти треть всех занятых в отраслях по производству и обработке металла и менее шестой части в сфере производства товаров широкого потребления³⁸⁷.

Более того, само создание таких флагманов германской индустрии как «Фольксваген-верк», «Герман-Геринг-верке», «Иг-Аушвиц», во многом являлось заслугой подневольных иностранных рабочих³⁸⁸.

В то же время использование иностранцев не позволило решить проблемы германской экономики военного времени. В своей докладной записке Гитлеру от 12 июля 1944 г. Шпеер продолжает настаивать на вывозе из оккупированных областей как можно большего количества рабочей силы³⁸⁹. Однако в последней фазе тотальной войны дефицит рабочих рук продолжал нарастать вследствие массовой мобилизации немецких рабочих в вермахт и постепенно иссякавшего потока иностранных рабочих³⁹⁰. Кроме того, несмотря на следующее, отнюдь не бесспорное утверждение Р. Мюллера – «Польза, извлеченная из принудительного труда миллионов «восточных рабочих», явилась важной, если не решающей, предпосылкой того, что Гитлер смог продолжать свою войну до весны 1945 г.»³⁹¹ – труд принудительно рекрутированных

иностранцев отличался низкой производительностью³⁹².

К тому же военный период характеризовался дальнейшим снижением уровня жизни основной массы немецких рабочих. С одной стороны, к концу 1939 г. введенные ранее в германской промышленности ограничения в виде максимума заработной платы и отмены выплат за сверхурочную работу были сняты, что привело к увеличению оплаты за последнюю, хотя нормой для начисления заработной платы по-прежнему оставался восьмичасовой рабочий день. Кроме того, к 1943 г. была установлена система премиальных выплат за повышение производительности труда. С другой стороны, в условиях нормирования товаров и, в первую очередь, дефицита продуктов питания, покупательная способность рабочих продолжала неуклонно снижаться³⁹³. В связи с последней проблемой Геббельс заявил руководящим сотрудникам своего министерства 12 января 1942 г.: «Сегодня рабочий люд... зарабатывает столько, что его покупательная способность больше не может быть удовлетворена. В пропаганде нужно разъяснить народу, что во время войны никто не имеет права обязательно что-нибудь купить на те деньги, которые он зарабатывает. Право покупать ограничивается тем, что можно купить по карточкам, все претензии на покупки сверх этого не имеют никакого законного основания»³⁹⁴. Министр также подчеркнул необходимость избежать превращения немцев в «народ, состоящий из людей, подобных которым можно встретить иногда на курортах, – людей со скромными средствами, которые воображают вдруг, что они должны разыгрывать из себя больших господ»³⁹⁵.

С началом войны обычная недельная норма потребления хлеба составляла от 2 до 2,5 кг. Для рабочих, занятых на сверхтяжелых работах, она была вдвое выше (например, горняки Рура в 1942 г.³⁹⁶ потребляли хлеба на треть больше, чем в 1936 г.)³⁹⁷. Последние по понятным причинам находились в привилегированном положении. В подписанном рейхсминистром питания и сельского хозяйства «Предписании о предоставлении особых доплат рабочим тяже-

лого и сверхтяжелого труда, будущим и кормящим матерям, больным и дряхлым лицам» от 16 сентября 1939 г. предусматривалось предоставление «синим воротникам» указанных категорий «специальных добавок жира, мяса, хлеба и муки». Право на их получение давали специальные карточки: на жир – желтого, на мясо – синего, на хлеб – красного цвета (§ 1), выдававшиеся наряду с обычными продуктовыми карточками. Таким образом, если обычный потребитель еженедельно получал 2400 г. хлеба, 500 г. мяса и 237,5 г. жира, то для занятых на тяжелых работах нормы тех же видов продовольствия составляли соответственно 3800 г + 1400 г, 100 г + 500 г и 362,5 г + 125 г., а для задействованных на сверхтяжелых работах – 4800 г + 2400 г, 1200 г + 700 г и 706,25 г + 468,75 г.³⁹⁸

В то же время, поскольку в первые, победоносные для Германии, военные годы положение в сфере продовольственного снабжения практически не отличалось от уровня мирного времени, обычный потребитель еще не ощущал особых тягот войны³⁹⁹. Так, по мнению Оувери, жизнь в Берлине зимой 1939-1940 гг. была «совершенно спартанской», но т.к. для рабочих она была такой же и до войны, те, возможно, не ощущали происшедших изменений, тем более, что в это время соответствующие проблемы в значительной степени решались нацистами за счет населения занятых германскими войсками территорий. Их девиз гласил: «Сначала вермахт, затем немецкий народ и лишь затем – население оккупированных стран!»⁴⁰⁰ (кроме того, на предприятиях, располагавших столовыми, рабочие получали дополнительное питание; им же раздавались таблетки, которые должны были компенсировать дефицит витаминов)⁴⁰¹.

На совещании в Имперском министерстве народного просвещения и пропаганды 26 января 1942 г. отмечалось, что в 1941 г. расход сливочного масла на территории Старого рейха составил 745 тыс. т. против 560 тыс. т. в 1932 г. В связи с этим Геббельс считает целесообразным использовать указанные данные для аргументирования необходимости предстоящего сокращения

продовольственных норм⁴⁰² (оно было проведено 6 апреля 1942 г.)⁴⁰³.

В целом, в период войны стоимость жизни (рассчитанная для рабочей семьи из пяти человек со средними расходами на питание, одежду, коммунальные платежи. – Е.П.) возросла с 83 пунктов в 1939 г. до 91 пункта в 1943 г. (1928 г. = 100)⁴⁰⁴. Продолжала увеличиваться средняя еженедельная продолжительность рабочего времени. Поначалу она возросла с 49 час. в 1939 г. до 52 час. в 1943 г. В конце августа 1944 г. для рабочих – мужчин была установлена минимальная 60-часовая рабочая неделя (хотя у рабочих железодетельной промышленности она уже с марта 1944 г. составляла 62,7 час.). В ключевых же отраслях промышленности, таких, как авиационное производство, планка достигла уровня 72 час.⁴⁰⁵, а, по данным Г. Брая, потолочным стал показатель в 88 час.⁴⁰⁶.

Принимая все это во внимание, власти тщательно следили за царившими в рабочей среде настроениями и поддержанием трудовой дисциплины. Весьма характерным является следующий случай. На планерке проводившейся им в своем ведомстве 10 января 1941 г., Геббельс сделал предметом особого разбирательства эксцесс, происшедший в Саксонском военном округе. Там в выданных им конвертах с заработной платой рабочие обнаружили листки с отпечатанным предупреждением, гласившим: «Плохая работа также является саботажем». Указав на бестактность подобных действий, министр подчеркнул недопустимость «столь оскорбительными обобщениями критиковать быстро сделанную работу и, исходя из того факта, что несколько сот или пара тысяч человек провинились перед народом, обвинять теперь весь народ», поскольку режиму была необходима поддержка последнего. Геббельс потребовал дать указание имперским отделам пропаганды исключить на будущее возможность подобных акций⁴⁰⁷.

Тем не менее в годы войны значительно возросло количество прогулов на промышленных предприятиях, многие из которых не были вызваны бо-

лезню и зачастую представляли собой «вид забастовки иными средствами». В сентябре 1942 г., например, ежедневно работу прогуливало почти 20% всех рабочих⁴⁰⁸. Соответственно «подросла» и статистика арестов за нарушение трудовой дисциплины. Среднее ежемесячное число арестованных по указанной причине немцев составляло в 1941 г. – 1416, в мае-августе 1942 г. – 1566, в январе-сентябре 1943 г. – 2108, в январе-июне 1944 г. – 2154 человека⁴⁰⁹.

Надо, однако, отметить, что в основе подобных нарушений лежали не столько политические, сколько экономические причины. Поэтому нет никаких оснований усматривать в них проявление антогонизма в отношениях между рабочими и режимом. Сколь несомненен тот факт, что значительной части «синих воротничков» власть нацистов импонировала далеко не во всем, столь же бесспорно и то, что большинство их в конечном итоге смирилось с нею.

Этому способствовал ряд обстоятельств. Объявив КПГ и СДПГ вне закона и обрушив репрессии на функционеров этих партий, нацисты практически лишили их возможности оказывать сколько-нибудь заметное влияние на климат в рабочей среде и одновременно укрепили здесь собственные позиции путем проведения активной социальной политики. При этом для большинства рабочих главным аргументом в пользу последней явилась именно ликвидация безработицы, а в дальнейшем – создание тысяч новых рабочих мест, что стало следствием стремительного развития военного производства и принятия мер по распределению рабочей силы. Несмотря на то, что в Третьем рейхе рабочие были значительно ограничены в своих правах, многие из них шутили по поводу отсутствия у них сожалений об утрате ими «свободы умирать от голода», неизбежно сравнивая свое нынешнее положение с годами кризиса, который, таким образом, являлся своеобразным союзником режима, особенно в первой фазе его существования. Более того, социальные мероприятия, осуществленные национал-социалистами в трудовой сфере, восхищали и некоторых известных иностранных политиков, например Ллойд

Джоржа, посетившего Германию в 1936 г.⁴¹⁰.

С началом войны победы на полях сражений, ограбление оккупированных территорий, широкомасштабное использование принудительного труда граждан иностранных государств и военнопленных позволяли поддерживать в самой Германии сносный уровень жизни. К тому же привилегированное положение, в которое «арийские» рабочие были поставлены по отношению к иностранцам, сопровождавшееся их назначением на соответствующие административные должности, для многих из них стало ступенью к социальной мобильности, хотя и ненадолго. Затем ставшие неотъемлемой частью повседневного существования германских городов налеты союзнической авиации, которые, если не считать приходивших с фронтов похоронок, впервые заставили немцев по-настоящему осознать реальность войны, а также последовавшие вскоре сокрушительные поражения вермахта принесли с собой страх перед неопределенностью будущего и грядущим возмездием за преступления нацистов, к которым, тем или иным образом, оказалось причастным практически все немецкое население рейха, заставляли подавляющее большинство «синих воротничков» видеть в гитлеровском режиме свою последнюю опору.

* * *

Таким образом, именно в сфере трудовых отношений наиболее четко проявился характер социальной политики нацистского режима. С одной стороны, в Третьем рейхе немецкие рабочие лишились большинства прав, которыми они обладали в Веймарской республике. Роспуск профсоюзов (ДАФ не стал полноценной их заменой, прежде всего потому, что не обладал необходимой для этого самостоятельностью; задачи же, поставленные перед ним политическим руководством рейха, исходили из приоритета государственных интересов), законодательно закрепленный запрет на проведение забастовок и иных акций протеста практически поставили их в полную зависимость от «фюрера предприятия». Любое проявление членами «свиты» недовольства

условиями труда или действиями работодателя рассматривалось как нанесение урона «производственному сообществу», а следовательно, и «народному сообществу» в целом, со всеми вытекающими отсюда последствиями репрессивного характера.

С другой стороны, достигнутое в короткие сроки решение проблемы безработицы (фактор, примиливший многих рабочих с определенным снижением их жизненного уровня по сравнению с докризисным периодом: по некоторым данным, в 30-е гг. стоимость жизни в Германии выросла на 25%, а налоги поглощали до 35% доходов рабочего населения)⁴¹¹, реализация иных социальных программ, основным объектом которых являлись «синие воротнички», убедили многих рабочих в реальности заботы о них со стороны государства.

Так, новые формы проведения отпуска, ранее доступные лишь «сливкам общества», а теперь – если и не для всех, то, по крайней мере, для значительной части рабочих благодаря туристической деятельности КдФ, пропагандируемый последней здоровый образ жизни (в условиях режима, осуществлявшего стерилизацию и эйтаназию не только душевнобольных, но и физически неполноценных соотечественников, это приобретало дополнительный смысл) и создаваемые ею условия для массовых занятий спортом в часы досуга, несмотря на лежавшие в их основе ярко выраженные пропагандистские и прагматические соображения, имели реальное содержание и работали на создание позитивного имиджа режима в рабочей среде.

Социально-гигиенические меры, осуществлявшиеся фабрикантами на предприятиях под нажимом руководства «Красоты труда», несмотря на нередкие критические замечания в их адрес со стороны отдельных рабочих, объективно способствовали улучшению условий труда, что было немаловажным с учетом возраставшей продолжительности рабочего времени и интенсификации труда в промышленном секторе экономики. Более того, заставив предпринимателей раскошелиться на финансирование указанных проектов,

нацисты использовали это для доказательства реальности существования в Третьем рейхе «народного сообщества».

Адаптации рабочих к нацистскому режиму способствовали и славословия властей в адрес «синих воротничков», подчеркнутая забота о повышении престижности фабричного труда (последний, согласно пропагандистским клише, обрел в Третьем рейхе «достоинство», которого был лишен прежде), а также сохранение 1 мая в качестве «Дня национального труда», празднование которого проходило с неизменной торжественностью.

В конечном итоге путем осуществления широкого комплекса мер в социальной сфере, с одной стороны, использования искусно мифологизировавшей действительность пропаганды и террора, которым в Третьем рейхе был придан тотальный характер, – с другой, нацистам удалось обеспечить прокламированный ими «классовый мир на производстве», сделав деятельность немногочисленных подпольных групп, состоявших из членов бывших рабочих партий, неэффективной. Эта неэффективность проявилась, в частности, в том, что подпольщикам – социал-демократам и коммунистам, действовавшим в Германии в годы войны, не удалось убедить большую часть немецких рабочих в том, что у них нет никаких оснований испытывать чувства патриотизма по отношению к нацистскому режиму, и в необходимости в этих обстоятельствах отдавать приоритет соображениям классовой солидарности. Отдельные акции протеста общей картины не меняли.

Следовательно, социальная политика нацизма непосредственно воздействовала на следующие сферы жизнедеятельности Третьего рейха: трудовые отношения, создание условий для воспроизводства трудовых ресурсов, исключаящих его дискретность, регулирование занятости рабочей силы, стимулирование трудовой и общественной активности немцев, обеспечение социальной поддержки и защиты той части рабочего класса, в лояльности которого нуждался нацистский режим.

РАЗДЕЛ II

СРЕДНИЕ СЛОИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

2.1. Положение мелких и средних предпринимателей

Предпосылки тоталитаризма вообще и национал-социализма в частности достаточно разнообразны. Кроме названной роли индустриальной стадии общественного развития, обуславливающей нарастание рациональности и организованности жизни общества, появление монополий и их срастание с государством (с этой точки зрения фашизм представляет собой высшую степень монополизма – всеобъемлющую государственную монополию), важнейшими факторами возникновения нацистского движения стали этатизация общества, особенно усилившаяся в годы Первой мировой войны и в период послевоенного кризиса, массовая уверенность немцев в наличии возможности улучшить жизнь с помощью рациональных преобразований в период частичной стабилизации 1924-1928гг. («грюндерская горячка»), социально-психологическая неудовлетворенность населения Веймарской республикой и особенно экономический кризис 1929-1932гг. Глубокий кризис, приведший к падению производства до 60%, к 8 млн. безработных, массовому разорению мелких торговцев, ремесленников, крестьян стал той питательной средой, которая позволила Гитлеру и его сообщникам создать социальную и массовую базу НСДАП, сформировать широкое, предельно идеологизированное движение и посредством террора и провозглашения широких социальных программ прийти к власти¹.

Именно средние слои составили ядро массовой базы национал-социалистического движения. Проводя пропаганду среди всего населения, но не сумев, несмотря на определение «рабочая» в названии, обеспечить сколько-нибудь значительный приток в организацию «синих воротничков», НСДАП значительно пополнила свои ряды за счет различных групп среднего

класса, в первую очередь лавочников и ремесленников. Хотя основной акцент на работе с ними нацисты сделали лишь в период 1928-1930 гг., тесная взаимосвязь между нацизмом и мелким бизнесом установилась еще в начале 20-х гг. XX в. Уже в 1925 г. членами НСДАП стало значительное число ремесленных мастеров и мелких розничных торговцев, ощущавших давление со стороны как крупного капитала, так и промышленных рабочих, испытывавших в связи с этим страх за стабильность своего экономического и социального положения и демонстрировавших особую восприимчивость к антисемитским призывам нацистов (при этом в 1930-1932 гг. жители крупных городов среди них преобладали над своими деревенскими коллегами). По тем же причинам в их среде росло и число беспартийных сторонников национал-социализма. Проблемы же социально-экономического характера, с которыми указанным группам старого среднего класса пришлось столкнуться после 1928 г., в сочетании со структурным кризисом резко интенсифицировали этот процесс, придав ему массовый характер. Последнему не помешало даже то, что мастерские и магазины новоиспеченных национал-социалистов подвергались бойкоту со стороны их антинацистски настроенных клиентов².

Ремесло и розничная торговля были значительно сильнее затронуты кризисом, чем промышленность. Общая картина спада, переживаемого в это время мелкой буржуазией, выглядела следующим образом. Если взять за основу показатели 1925 г., то товарооборот хлебопекарной промышленности упал со 110,2% в 1930 г. до 104,3% в 1931 и 94,7% в 1932 г. Соответствующие цифры для шорников составляли 81,7; 60,3 и 44,6%. Сапожники, маляры, портные, часовщики, ремесленные предприятия по дерево – и металлообработке занимали место между этими крайними полюсами. В среднем сбыт ремесленной продукции снизился в период с 1928 по 1932 гг. на 50%. В розничной торговле товарооборот, достигавший 36,3 млрд. марок в 1928 г., сократился до 23,1 млрд. марок в 1932 г. (При этом, однако, совокупная доля

товарооборота в ремесле, розничной торговле и ресторанном бизнесе увеличилась по отношению к национальному товарообороту с 28% в 1928 г. до 29,2% в 1931 г.). Уже в 1932 г. уровень доходов немецких самостоятельных ремесленников составлял лишь 33,5% от показателей 1928 г. Особенно тяжело приходилось тем из них, кто проживал в сельской местности, вследствие их более тесной связи с городской промышленностью.

В то же время положение определенных категорий мелких буржуа было не столь безысходным. Так, в 1932 г., в самый разгар депрессии, обанкротилось менее 1% магазинов розничной торговли, «штат» которых состоял из одного человека. В целом же процент подобных предприятий возрос с 40,5 в 1925 г. до 53,1 в 1933 г. Доля мелких магазинов с менее чем пятью работниками среди коммерческих фирм в общей сложности за тот же период увеличилась с 86,8% до 91,9% (впрочем, этот рост мог быть следствием возрастания безработицы на более крупных предприятиях торговли)³. Общее количество ремесленных мастерских за годы кризиса возросло, по одним данным, на 10%, по другим - с 1,38 млн. до 1,65 млн., что привело к резкому обострению конкуренции в условиях сокращения рынка⁴.

Несмотря на то, что различные группы ремесленников и торговцев были затронуты кризисом в неодинаковой степени, все они испытали на себе его давление, причем, не только в экономической сфере. Здесь нельзя не принимать во внимание особенности психологии тогдашнего немецкого мелкого буржуа со свойственной ему повышенной эмоциональной возбудимостью (немецкая исследовательница А. Лепперт-Феген назвала этот феномен «концентрацией социального страха»⁵), в основе которой лежал ужас перед социальной деградацией. Именно последний в условиях полной несостоятельности, продемонстрированной кабинетами Брюнинга, Папена и Шляйхера, не сумевшими предложить сколько-нибудь эффективную программу вывода страны из кризиса, побудил мелких и средних буржуа искать спасения

на крайне правом фланге спектра политических партий, породил у них стремление к созданию принципиально нового социального порядка с сильной государственной властью. Подобная власть, по их мнению, должна была обеспечить наиболее благоприятные условия для процветания среднего сословия, заставив крупный капитал потесниться на рынке, поступившись частью своих прибылей, которые предстояло направить на осуществление соответствующих социальных мер.

На таких настроениях искусно сыграла нацистская пропаганда, заставив значительную часть старого среднего класса поверить, что победа нацистов означала скорое осуществление их требований, нашедших отражение в Программе НСДАП: ликвидация «процентного налогового рабства» (п. 11); «конфискация всех капиталистических картелей» (п. 13); «создание и сохранение здорового среднего класса; немедленное обобществление крупных универсальных магазинов и сдача различных универмагов в аренду по низким тарифам мелким торговцам, поставляющим товары государству, федеральным землям или муниципалитетам» (п. 16)⁶.

Поначалу нацистский режим, казалось бы, пошел навстречу чаяниям среднего класса, обеспечив определенным его группам участие в реализации программы «общественных работ» 1933-1934 гг. Эта программа, по мнению А. Швейцера, и была разработана, главным образом, в интересах мелкой буржуазии⁷. На наш взгляд, для столь категоричного утверждения нет веских оснований, но тот факт, что от первых проектов, осуществлявшихся в рамках этой программы, в значительной степени выгадали представители мелкого бизнеса⁸, сомнений не вызывает. Подобными бенефициариями были, главным образом, строительные ремесленные предприятия, привлекавшиеся к реализации проектов по созданию автобанов, ремонту или благоустройству жилых домов. Причем вплоть до 7 сентября 1933 г. соответствующие субсидии предоставлялись лишь тем фирмам, которые были заре-

гистрированы ремесленными палатами. После указанной даты это ограничение было отменено по настоянию рейхсминистра экономики К. Шмитта. Ремесленные гильдии и палаты образовывали различные объединения - «фронты» – с целью координации размещения заказов и распределения материалов, стремясь вернуть цены на товары и услуги к докризисному уровню. Количество домов, подвергшихся в рамках данной программы ремонту и перестройке, составило в 1933 г. – 69240, в 1934 г. – 129180, в 1935 г. – 50500, в 1936 г. – 35100. Согласно официальным данным, государственные расходы на эти цели вылились в сумму 2,8 млрд. рейхсмарок. Из них на долю правительственных субсидий приходилось около 500 млн. марок (при этом соотношение средств, выделяемых из указанной суммы на реализацию частных и имперских проектов, составляло соответственно 4:1 в сфере ремонта и 1:1 - в реконструкции зданий⁹). В то же время в статье, напечатанной в 1934 г. в «Немецком экономисте», отмечалось, что для финансирования указанных работ частными и государственными фондами было предоставлено в общей сложности 2 млрд. марок, что позволило спасти от безработицы 800 тыс. человек. Выгадали же от этого, по мнению автора публикации, две группы среднего класса: ремесленники, занятые в строительной сфере, на долю которой приходилось около 50% всей ремесленной отрасли, и домовладельцы, получившие возможность, переделав офисы в меблированные комнаты, большие апартаменты – в меньшие помещения того же рода, сдавать их в наем арендаторам с низкими доходами¹⁰.

Впрочем, такая идиллия продолжалась недолго. В 1934 г. было удовлетворено не более пятой части всех заявок на предоставление кредитов, средний размер которых составлял около 3 тыс. рейхсмарок¹¹. Фактически уже в апреле 1934 г. правительство, отказавшись от дальнейшего субсидирования программы реконструкции старого жилья, сместило акцент на предоставление налоговых льгот и гарантированных займов, предназначенных для инве-

стирования нового жилищного строительства. При этом, однако, были введены ограничения, закрывавшие ипотечным банкам доступ на основной рынок и, таким образом, лишавшие их фондов, предназначенных для финансирования проектов переселения и специального обеспечения жильем, а также урезаны субсидии, выделявшиеся на строительство полудеревенских домов¹².

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением А. Швейцера о том, что указанные меры по оздоровлению мелкого бизнеса представляли собой промежуточную фазу правительственной программы, вследствие чего ее продолжительность составила всего лишь около 18 месяцев. По истечении этого периода она была в значительной мере вытеснена программой перевооружения, пролившей золотой дождь заказов и субсидий на крупный капитал. Анализ динамики соотношения между жилищным и военным строительством, проделанный американским ученым, дал следующие результаты: при общем росте расходов на реализацию строительных проектов с 3,2 млрд. марок в 1933 г. до 12 млрд. марок в 1938 г. доля ассигнований на жилищное строительство упала с 28% до 18%, а инвестиций в государственное и военное строительство увеличилась с 72% до 82%. Первое должно было отвечать потребностям экономики военного времени. В связи с этим регулирование жилищного строительства на всей территории рейха было взято на себя властями. Согласно правительственному постановлению от 17 ноября 1936 г., государственные субсидии, направляемые в эту сферу, были ограничены проектами, предусматривавшими сооружение домов для квалифицированных рабочих (распоряжением Геринга от 7 ноября того же года полный контроль за обеспечением последних жилплощадью был передан биржам труда, что привело к сокращению гражданского строительства). Строительные фирмы должны были отчитываться о каждом проекте стоимостью свыше пяти тысяч рейхсмарок. Ускоренная подготовка к войне привела к тому, что общая сумма расходов на жилищное строительство сократилась с 2,2 млрд. марок в

1936 г. до 1,5 млрд. в 1939 г.¹³.

Стремясь поставить организации среднего класса под свой контроль, нацисты провели ряд мероприятий по их реструктуризации. Еще в декабре 1932 г. Союз борьбы против универмагов и потребительских кооперативов был упразднен, а его место занял Боевой союз промышленного среднего сословия¹⁴. В феврале 1933 г. организации розничной торговли подверглись унификации. 21 марта в отставку в полном составе ушел президиум «Объединения немецких универмагов и торговых домов, зарегистрированных союзов», после чего само объединение было реорганизовано и в мае, наряду с магазинами единых цен и предприятиями - филиалами, включено в Имперский союз средних и крупных предприятий розничной торговли. 25 марта ведущие позиции в сфере розничной торговли занял Боевой союз промышленного среднего сословия¹⁵. Он проявил инициативу и попытался ускорить претворение в жизнь вышеприведенных положений программы НСДАП. В течение второй недели марта 1933 г. им при поддержке формирований СА была проведена широкая кампания бойкота универсальных магазинов, магазинов единых цен и еврейских фирм. Она породила в рядах розничных торговцев уверенность в том, что новые власти обладали способностью и волей «раздавить змею финансового капитала»,¹⁶ и нашла поддержку у ряда местных нацистских руководителей. Так, городской совет Карлсруэ с тем, чтобы оказать помощь мелкой розничной торговле, бойкотировал организации потребительских кооперативов; в Бадене в марте-апреле 1933 г., по распоряжению министра-президента Р. Вагнера сотрудники всех местных ведомств должны были отовариваться лишь в мелких магазинах, подвергая обструкции универмаги; на заседании баденского правительства Вагнер дал членам кабинета поручение изучить ходатайство Лиги пивоваров о закрытии всех заведений подобного рода, размещавшихся в универсальных магазинах, что должно было способствовать упрочению положения мелких собственников¹⁷. 12 мая 1933

г. последовало принятие «Закона о защите розничной торговли» (был опубликован и вступил в силу 13 мая¹⁸), который как в германской, так и в зарубежной прессе, зачастую именовался «Законом о защите немецкого среднего сословия»¹⁹ и который, как отмечалось в его преамбуле, рассматривался правительством в качестве меры переходного периода. Ограничению подверглись магазины единых цен. Им, в частности, запрещалось осуществлять «расширение торгового помещения за счет площадей, до сих пор в этих целях не использовавшихся, если расширение торгового помещения, имевшегося на момент вступления Закона в силу, не превышало 25 м²» (§3, п. 1); «расширение продажи товаров первой необходимости и деликатесов», а также «медикаментов в местах продажи, в которых исключительно или преимущественно предлагаются для продажи другие товары» (§3, пп. 5-6)²⁰. Закон запрещал самостоятельным ремесленным предприятиям, располагавшимся в универсальных магазинах, магазинах единых цен, магазинах низких цен, магазинах серийных цен вести торговлю «в местах продажи или распределения потребительского союза или учреждения товаров фабричного потребления» (§7, абз. 1)²¹.

За этим законом, фактически представлявшим собой продолжение политики социального протекционизма, проводившейся президентскими кабинетами Веймарской республики²², последовало принятие ряда новых правовых актов. Одним из них стало «Предписание о сокращении предприятий самостоятельных ремесленников в универмагах», запрещавшее функционирование в универмагах и магазинах единых цен сапожных и столярных мастерских, а также мастерских по ремонту часов (запрет вступал в силу 1 сентября 1933 г.)²³. 15 июля 1933 г. был принят «Дополнительный закон о защите розничной торговли». Он предоставлял земельным кабинетам право вдвое увеличивать существовавшие налоги на универмаги и их филиалы²⁴, в том числе там, где их прежде не было. Однако лишь Ангальт и Гамбург воспользова-

лись этим правом, Пруссия, правительство которой возглавлял Геринг, ничего не предприняла в указанном направлении, а в Баварии, Вюртемберге и Саксонии местные налоги на розничную торговлю были повышены²⁵. Постановление имперского правительства, датированное августом 1933 г., установило запрет на производство в универмагах колбасы, выпечку хлеба и других видов сдобы, размещение в универсальных магазинах предприятий столяров - краснодеревщиков, скорняков, обойщиков, мастерских по ремонту часов, велосипедов, автомобилей, фотоателье, а мартовским предписанием 1935 г. ликвидировались располагавшиеся в их помещениях библиотечные абонементы²⁶.

«Закон о защите розничной торговли» и дополнявшие его постановления постепенно обеспечивали основу для правительственного регулирования розничной и оптовой торговли. В соответствии с ними получение специального разрешения требовалось не только для открытия нового или перестройки старого магазина розничной торговли, но и в случаях продажи или смены владельца последнего. Зачастую подобные разрешения выдавались лишь при наличии в той или иной местности потребности в новом магазине, что, в конечном счете, привело к сокращению количества подобных торговых заведений (к достижению этой цели правительство и стремилось)²⁷.

Ограничительные меры, предпринятые в отношении универмагов и магазинов единых цен, принесли свои плоды. В июне 1933 г. торговый оборот универмагов снизился до 75,3% от уровня июня предыдущего года²⁸. Доля универмагов в общем обороте розничной торговли сократилась с 4,07% в 1932 г. до 3,6 % в 1933 г., а доля магазинов единых цен составила 1,4% в 1932, 1,3% в 1933 и 1,1% в 1934 г. Концессионная обязанность, введенная «Предписанием закона о защите розничной торговли» от 23 июля 1934 г. для создания предприятий розничной торговли, соответствовала пожеланиям мелкого ремесла. Концессия была поставлена в зависимость от наличия мо-

лодой смены, ее компетенции и личной надежности (§1). Для создания же мест продажи универсальными магазинами и магазинами единых цен их руководству, помимо наличия указанных предпосылок, требовалось доказать необходимость подобного шага (§3)²⁹.

Фактически уже в это время основной удар был направлен против предпринимателей - евреев. Еще в XIX веке еврейская эмансипация и введение свободы промысла привели к усилению традиционных для немецких земель антисемитских настроений, особенно в среде, почувствовавшей себя неуютно в условиях возросшей конкуренции мелкой буржуазии, придав им ярко выраженный экономический оттенок. Один из подобных эмоциональных всплесков пришелся на период Великой депрессии 1873-1895 гг. На рубеже XIX-XX столетий ситуация в экономике выправилась, обозначив некоторый спад юдофобской волны, которая вновь поднялась в конце 20-х гг. с началом мирового экономического кризиса³⁰. При этом в сфере розничной торговли (здесь еще в 1932 г. им принадлежало 6,5% общего числа предприятий, доля занятости и оборота которых достигала 25% от показателей всей отрасли), где на их долю приходилось 62% общего оборота торговли одеждой, 79% оборота универмагов, 5% оборота торговли продуктами питания, евреи обладали значительно большим влиянием, нежели их собратья из ремесленного сектора экономики: по данным на 1935г., в Германии насчитывалось 8500 еврейских ремесленных предприятий; 46% ремесленников-евреев были самостоятельными; доля евреев среди представителей ремесленных профессий составляла: портных – 0,8%, сапожников - 0,4%, жестянщиков и механиков - 0,2%, слесарей – 0,08%, столяров - 0,07%, каменщиков – 0,01%³¹.

Однако уже в 1933-1934 гг. отношение нацистских властей к универсальным магазинам постепенно стало меняться в благоприятную для последних сторону³². Это нашло свое выражение в ряде официальных высказываний нацистских партийных лидеров, в частности, в публичном заявлении Ру-

дольфа Гесса от 7 июля 1933 г., обозначившем поворотный момент в решении данной проблемы в Третьем рейхе. «В то время как национал-социалистическое правительство видит свою первейшую задачу в том, чтобы помочь как можно большему числу горожан найти работу и пропитание, – подчеркнул он, – национал-социалистическое движение не станет противодействовать этому, лишая работы сотни тысяч сотрудников универмагов и их дочерних фирм. Поэтому организациям НСДАП запрещается предпринимать действия против универсальных магазинов и сходных с ними предприятий впредь до дополнительного уведомления»³³ (этот запрет не распространялся на универмаги, принадлежавшие евреям). В начале августа 1933 г. свое слово в этом вопросе сказал Гитлер. Он приказал начальнику организационного отдела НСДАП Лею ликвидировать Боевой союз промышленного среднего слоя, мотивировав это исходившей от него угрозой экономическому возрождению Германии³⁴ (спонтанные, несанкционированные действия последнего не вписывались в концепцию тоталитарного общества и к тому же шли вразрез с экономическими планами имперских властей, создавая для них дополнительные проблемы: уничтожение универмагов грозило обернуться ростом безработицы за счет их персонала). 8 августа Боевой союз был упразднен, а его место заняла не игравшая самостоятельной роли Национал-социалистическая организация ремесленников, торговцев и кустарей (НС – Хаго), являвшаяся составной частью Германского трудового фронта. В передовой статье первого выпуска информационного бюллетеня, издававшегося новой организацией, говорилось о том, что ее задачей было не обеспечение интересов мелких бизнесменов, но воспитание среднего класса в национал-социалистическом духе, которое должно было покончить с эгоизмом средних слоев, на протяжении веков мало обращавших внимание на страдания немецких рабочих³⁵. В связи с этим изменилась и тональность рассчитанных на мелкую буржуазию заявлений местных нацистских лидеров. Тот же Вагнер,

обращаясь к розничным торговцам Бадена в начале 1935 г., подчеркнул, что, несмотря на неизменную заинтересованность НСДАП в сильном среднем классе, проведение экономических экспериментов во времена перестройки экономики недопустимо³⁶. В феврале 1934 г. Борман подтвердил неизменность позиции НСДАП в вопросе об универмагах, в связи с чем руководители ремесленных объединений сочли целесообразным удовлетвориться достигнутым сокращением ремесленных предприятий, располагавшихся в универсальных магазинах³⁷. Руководство НСБО, хотя поначалу и протестовало против подобного поворота в политике, все же вынуждено было поддержать его под давлением многочисленных коллективов универмагов и магазинов единых цен, насчитывавших в общей сложности 90 тыс. человек, которые в случае их закрытия оказались бы на улице. Не последнюю роль здесь сыграла и мощная поддержка, оказанная крупным предприятиям розничной торговли влиятельными промышленными и финансовыми кругами, для которых их уничтожение грозило обернуться огромными убытками: задолженность универмагов и магазинов единых цен банкам в марте 1933 г. составляла 657 млн. рейхсмарок. Кроме того, совокупный долг поставщиков доходил до 150 млн. марок. Владельцы банков и трестов предостерегали власти, что угроза банкротства в одной сфере экономики подорвет доверие бизнеса к режиму в других ее секторах. При этом нельзя не учитывать и того, что в качестве кредитора большинства крупных и ипотечных банков выступал непосредственно рейх³⁸.

Однако это еще не означало полного изменения политической линии в вопросе об универмагах, а знаменовало собой вступление ее в новую фазу, заключавшуюся в повороте от курса на ликвидацию к политике ограничения. Правовые меры (запрет доплат, сведение к минимуму проведения особых акций и скидок, более высокое налогообложение) сводились теперь к тому, чтобы добиться сокращения товарооборота крупных торговых предприятий³⁹.

Процесс закрытия всех ремесленных мастерских, существовавших в универмагах и магазинах единых цен, должен был завершиться к 1 сентября 1935 г. – года, действительно оказавшегося трудным для универсальных магазинов и принесшего им значительные финансовые потери. Тем не менее, в последующее время их товароборот вновь возрастает, составляя в среднем 9%, а по данным Грюнбергера – 10% в год⁴⁰. Во многом это было связано с тем, что вследствие аризации еврейской собственности банки в качестве прежних кредиторов стали законными владельцами аризированных универмагов и их филиалов, которые продолжали функционировать под охраной полиции. Дискриминационные законы в отношении них были отменены⁴¹.

Таким образом, после обретения «арийских» хозяев крупные предприятия розничной торговли фактически были реабилитированы. В 1937 г. представители экономической группы «Розничная торговля» заявили, что универмаги и магазины единых цен, в силу имевшихся в их арсенале методов рекламы, в наибольшей степени подходили для решения задачи переориентирования немецкого населения на покупку отечественных товаров. Более того, многие подобные предприятия были отмечены дипломами ДАФ «За образцовую социальную организацию»⁴².

Между тем продолжавшиеся время от времени при попустительстве партийных и государственных инстанций акции бойкота, направленные против еврейского бизнеса, тяжело сказались на положении мелких ремесленников и торговцев – евреев. Однако не в них заключалась главная опасность для еврейских собственников. Мастерские и магазины последних были обложены более высокими налогами, поставлены в невыгодное положение при присуждении векселей и распределении сырья, им отказывалось в предоставлении государственных заказов. В соответствии с предписанием от 26 апреля 1938г. каждая продажа или открытие нового еврейского предприятия требовали санкции властей, которые при этом должны были учитывать мнение компе-

тентных торговых и ремесленных палат. Политика ариизации еврейской собственности не оставила евреям никаких шансов на сохранение собственного бизнеса. Только в период с апреля по ноябрь 1934 г. ариизации подверглось 4 тыс. еврейских предприятий. Согласно предписаниям от 12 и 23 ноября 1938г. ремесленная и торговая сферы должны были быть очищены от евреев до 31 декабря того же года. Причем количество еврейских магазинов и мастерских, подлежащих ликвидации, превалировало над теми, которые предстояло ариизировать. Так, по некоторым данным, из 40 тыс. еврейских предприятий, еще существовавших в апреле 1938 г., свыше двух третей было ликвидировано, особенно много - в сфере розничной торговли (подобная участь постигла, например, 3050 из 3750 берлинских магазинов розничной торговли, принадлежавших евреям⁴³). Из еврейских ремесленных предприятий, зарегистрированных по всей Германии на декабрь 1938 г., подавляющее большинство было закрыто и лишь 6% ариизировано. В Австрии 1642 ремесленных мастерских были переданы в руки «арийцев», 9485 ликвидированы, а судьба 1919 находилась в стадии решения. В адресованном гауляйтерам распоряжении от 2 августа 1938 г. Гесс подчеркнул: «Я особенно указываю на то, что передача еврейских предприятий в руки немцев дает партии возможность проводить здоровую среднеклассовую политику и содействовать самостоятельному существованию подходящих в политическом и профессиональном отношении фольксгеноссен, даже если они не обладают соответствующими средствами»⁴⁴.

Однако на практике от ариизации еврейской собственности в большей степени выиграл крупный бизнес. Некий партийный функционер язвительно заметил, что ослабление давления на розничную торговлю, ставшее следствием экспроприации еврейских предприятий, было бы более эффективным, если бы «магазины единых цен не получили возможности арендовать высвобождавшиеся помещения еврейских магазинов в главных сферах бизнеса и,

таким образом, переместить свои филиалы из неблагоприятных районов в более выгодные места расположения»⁴⁵. Для большинства же мелких розничных торговцев «аризация» фактически означала приход на смену еврейским «арийских» конкурентов.

В сходной с универмагами и магазинами единых цен ситуации оказались и потребительские кооперативы. Поначалу Боевой союз промыслового среднего сословия, а позднее НС-Хаго настаивали на их роспуске; многие принадлежавшие им складские и торговые помещения были заняты при непосредственном участии штурмовиков; в их магазины в любой момент могли нагрянуть уполномоченные нацистских партийных организаций (многие из них сами были розничными торговцами) с целью проверки документации. Спасение пришло в виде мер по унификации потребительской кооперации (включавшей в общей сложности 1200 обществ и располагавшей вкладами на сумму в 1,1 млрд. марок⁴⁶) под эгидой Германского трудового фронта, которому предстояло принять в свои ряды свыше трех миллионов их членов, главным образом рабочих. Уже в начале мая 1933 г. в потребительских кооперативах было введено комиссарское управление. В связи с этим специальным циркуляром Лея от 4 июля 1933 г., подписанным им как организационс-лейтером НСДАП, вмешательство партийных организаций в дела кооперативов и несанкционированные действия, направленные против них, были запрещены. «Каждая отдельная акция против кооперативных объединений или введенных в кооперативные объединения уполномоченных, — говорилось в нем, — запрещается строжайшим образом. Каждый партайгеноссе, который принимает участие в таких безответственных акциях, исключается из партии... Развитие и преобразование кооперативных объединений органично происходит сверху». В своем указе от 9 июля 1934 г. Гесс также подчеркнул, что ни один партайгеноссе или фольксгеноссе не должен был подвергаться преследованиям в связи со своей принадлежностью к потребительскому то-

вариществу. В августе Лей настоял на объединении Центрального союза и Имперского союза в Имперский союз немецких потребительских товариществ, который курировался ДАФ⁴⁷. До конца 1934 г. по настоянию Гесса был отменен запрет на членство в кооперативах государственных и местных чиновников. В то же время заключенное в марте 1934 г. соглашение между организацией розничной торговли и кооперативами гарантировало последним приостановку наступления на них при условии их отказа от проведения кампаний по привлечению в свои ряды новых членов⁴⁸.

Таким образом, уже в 1935 г. вся кооперативная система была приспособлена к структуре контролируемых партией предприятий⁴⁹. Тем не менее власти все-таки решили пустить потребительским кооперативам кровь. Согласно «Закону о потребительских товариществах», принятому 21 мая 1935 г., для основания нового кооперативного объединения в каждом конкретном случае требовалось согласие имперского министра экономики (§1). Кроме того, роспуску подлежали «нежизнеспособные» потребительские кооперативы (на финансирование этого процесса выделялось 6 млн. рейхсмарок⁵⁰). Из сэкономленных таким образом денег в распоряжение рейхсминистра экономики было предоставлено 60 млн. марок (§2). До 31 же декабря 1940 г. все кооперативы (в первую очередь, наиболее крупные) должны были быть распущены по соображениям экономии.

В конечном итоге им была продлена жизнь, хотя вышеуказанные ограничительные меры проделали в их рядах значительные бреши. Товарооборот кооперативных объединений в целом сократился с 1095 млн. рейхсмарок в кризисном 1932 г. до 818,5 млн. марок в 1933 г. и 660 млн. имперских марок в 1934 г. (спад, таким образом, составил 40%). Доля кооперативных объединений в общем обороте розничной торговли снизилась с 4,5% в период кризиса до 2,8% в 1934 г.⁵¹ и до 1,8% в 1936 г. Кроме того, в 1933–1936 гг. количество принадлежавших потребительским кооперативам магазинов умень-

шилось приблизительно с 12,5 тыс. до менее чем 9 тыс., число же состоявших в них членов – с 3,5 млн. до 2 млн. человек⁵². В соответствии с Законом от 1935г., Имперский союз немецких потребительских товариществ наметил к ликвидации 82 кооперативных объединения. Они охватывали лишь 9% общего числа членов товариществ, но на их долю приходилось 40% всего товарооборота и 60% капитала, находившегося на счетах потребительских кооперативов. Однако на практике потери кооперативов оказались несколько скромнее. Было распущено 72 из 1187 кооперативов, или около 6% всех кооперативных объединений, на долю которых приходилось 24% общего оборота. В собственности ликвидированных кооперативов находилось в общей сложности 372 пекарни, 111 мясных магазинов, 80 универмагов, 496 складских помещений, около 3 тыс. магазинов (согласно заявлению представителя мелкого бизнеса, сделанному в марте 1937 г., лишь около тысячи последних перешло в руки частных владельцев и 300 были закрыты совсем). В них было занято около 50 тыс. человек, из которых приблизительно половина потеряла свою работу. В то же время, запрет на создание потребительскими кооперативами новых магазинов игнорировался самими властями в тех случаях, когда они считали, что потребительская кооперация была способна более полно удовлетворить имевшийся у населения спрос, чем частная розничная торговля⁵³.

Следствием замораживания строительных проектов и введенной для предприятий розничной торговли концессионной обязанности стало то, что в дальнейшем универмаги, магазины единых цен и кооперативные объединения практически не создавались⁵⁴. Тем не менее потребительские кооперативы оставались особой формой розничной торговли в течение всего периода существования нацистского режима⁵⁵, пусть и в унифицированном виде: «Предписанием о приспособлении учреждений потребительских товариществ к военно-экономическим отношениям» от 18 февраля 1941 г. они все были ликвидированы и включены в «Общую организацию Германского тру-

дового фронта»⁵⁶.

Таким образом, объективно противостояние с универмагами, магазинами единых цен, потребительскими кооперативами было мелкой буржуазией проиграно. Сама же она оказалась поставленной под жесткий контроль властей. Вслед за образованием НС-Хаго последовало создание Имперского сословия немецкого ремесла, представлявшего собой строго иерархизированную организацию. Стоявшему во главе его имперскому мастеру подчинялись Имперская группа ремесла, включавшая 52 имперских цеховых союза, и Союз немецких ремесленных палат – территориальных объединений предприятий различного профиля⁵⁷. Были введены дисциплинарные корпоративные процедуры, затруднявшие доступ в ремесленные профессии. Согласно официальной классификации мастерские ремесленников делились на два вида: «обычные», снабжавшие покупателей товарами, и «родственные», предоставлявшие клиентам ремесленные услуги. Владеть и управлять подобными предприятиями могли только лица, занесенные в ремесленный реестр и имевшие лицензии, дававшие право на занятие ремеслом⁵⁸.

В то же время даже наличие лицензии не гарантировало ремесленникам спокойного существования. Им предъявлялись жесткие требования, касавшиеся рационализации их деятельности (последняя, в частности, включала в себя налаживание бухучета и переориентирование на отечественные эрзац-материалы). Ремесленные мастерские, не отвечавшие этим требованиям, исключались из товариществ по поставкам, вычеркивались из списков получателей кредитов и сырья⁵⁹. Был составлен список отраслей, классифицированных как ремесленные. В соответствии с соглашением, достигнутым между рейхсминистрами экономики и сельского хозяйства, в него было внесено 72 отрасли, включавшие 200 ремесленных предприятий. Специально принятым решением все ремесленные мастерские в обязательном порядке должны были состоять в гильдии и ремесленной палате. Однако предприятия, хоть и про-

изводившие ремесленную продукцию, но не включенные в вышеуказанный реестр, не могли претендовать на членство в них. Впрочем, от этого простого урегулирования вскоре отказались и началась борьба по вопросу о том, какие отрасли и фирмы следует относить к ремесленным⁶⁰.

Осуществленная уже на этом этапе чистка мелкого бизнеса проявилась, в частности, в строгом пресечении нелегальной работы, практиковавшейся со времен кризиса многими небольшими торговыми и ремесленными предприятиями, которые, не имея патентов, уклонялись от уплаты взносов в фонды социального страхования и налогов на товарооборот, что позволяло им нанимать на работу за мизерную плату лиц, получавших пособие по безработице, и реализовывать свою продукцию по ценам ниже установленных законом. Взвзвись за подобные фирмы, нацистские должностные лица совершали рейды по принадлежавшим им помещениям, тщательно проверяя их финансовую документацию. Нелегальным работникам отказывалось в выплате каких бы то ни было пособий по линии социального обеспечения. С целью выявления таковых службы занятости ввели специальные паспорта, выдававшиеся легальному персоналу. Поначалу новый метод был апробирован в ресторанном бизнесе Берлина: все занятые в нем лица должны были в обязательном порядке иметь паспорта, выданные до 1 декабря 1933 г.; те, у кого подобных документов не оказывалось, рассматривались как нелегальные работники. Вскоре – в 1935 г. – на смену этим паспортам пришли трудовые книжки, дававшие работникам всех категорий право на трудоустройство.

В то же время юрисдикция Имперского сословия немецкого ремесла не распространялась на ремесленников, обслуживавших промышленные предприятия, в тех случаях, когда они 1) производили товары или предоставляли услуги, предназначенные исключительно для нужд предприятия, которым они владели; 2) предоставляли услуги или изготовляли изделия, которые представляли собой просто незначительную модификацию промышленных

товаров (например, пригонка мужских костюмов для индивидуальных покупателей); 3) оказывали бесплатные услуги, входившие в стоимость продаваемых промышленных товаров...; 4) осуществляли гарантированный ремонт товаров. Объем розничных продаж этих вспомогательных мастерских упал ниже минимального уровня, в связи с чем они оказались за пределами ремесленной экономики. С другой стороны, ремесленные мастерские, принадлежавшие промышленным предприятиям, подпадали под юрисдикцию имперской ремесленной организации, если их товарооборот и продолжительность рабочей недели отвечали требованиям, предъявлявшимся Имперским сословием немецкого ремесла к ремесленному производству⁶¹.

Уже эти меры позволили в течение двух лет добиться ликвидации незаконных фирм. Однако власти не ограничились ими. С 1935 г. все предприятия ремесла и розничной торговли были обязаны вести книги учета входящей и исходящей документации в целях расчета налога с оборота. Кроме того, ремесленные гильдии настояли на возвращении к регистрации всех мелких фирм, начатой еще в 1930 г., но тогда не завершенной, а теперь приобретшей принудительный характер. Успешное устранение незаконных фирм убедило значительную часть ремесленников в оправданности и необходимости этой меры⁶².

В выдаче патентов, дававших разрешение на ведение розничной торговли, отказывалось лицам, враждебным нацистскому государству, и тем, чью лояльность власти Третьего рейха ставили под сомнение. На тех же основаниях аннулировались документы подобного рода, выданные ранее. Об этом говорилось в Служебной записке заместителя шефа прусского гестапо, датированной 28 марта 1935 г. Ее автор с удовлетворением отмечал, что существовавшие до тех пор на этом пути помехи правового характера были устранены с принятием «Закона об изменении промыслового устава» от 3 июля 1934 г. В тексте последнего содержались «однозначные предписания»,

позволявшие применять указанные санкции к лицам, «осужденным за государственную или земельную измену», или к тем, кого можно было заподозрить в том, что они «будут злоупотреблять своей коммерческой деятельностью в целях, враждебных государству»⁶³. Далее в Записке со ссылкой на совместную договоренность рейхсминистра экономики и его прусского коллеги о методах реализации упомянутого закона местным полицейским учреждениям (они же одновременно являлись и учреждениями, выдававшими патенты⁶⁴) указывалось на необходимость тщательнейшей проверки поступающих к ним ходатайств от лиц, желавших заняться розничной торговлей⁶⁵. В Берлине контроль за розничной торговлей проявился и в том, что, согласно совместному постановлению гильдии и столичного муниципалитета, киоски торговцев теми или иными товарами должны были быть выкрашены в определенные цвета в соответствии с торговой специализацией их владельцев: при продаже фруктов - в цвет слоновой кости с легким красным оттенком, торговавшие табачными изделиями - в темно-желтый цвет и т.п.⁶⁶. В дальнейшем организационная сеть гильдий и палат была упрощена, что, в частности, выразилось в сокращении количества первых с 16 тыс. в 1935 г. до 14024 в начале 1939 г.⁶⁷, а в 1937 г., с включением ремесленных палат во вновь образованные экономические палаты, ремесленное самоуправление подверглось дополнительным ограничениям⁶⁸.

В то же время в сентябре 1935 г. экономическое управление Военного министерства признало военную значимость принудительных организаций мелкого бизнеса – гильдий и палат⁶⁹, получивших в свою очередь дополнительную возможность решать судьбу мелких предприятий, сохраняя жизнь тем из них, которые, по их заключению, могли внести полезный вклад в производство вооружений или играли важную роль в обеспечении потребностей гражданского населения⁷⁰.

Одним из принципиальных требований, выдвигавшихся ремесленными

палатами и гильдиями, было предоставление им монополии на руководство процессом профессиональной подготовки на всех его стадиях - от ученика до подмастерья и мастера. Подобные претензии обосновывались тем, что в их распоряжении имелась соответствующая база (необходимое количество мастеров и мастерских), позволявшая обеспечивать подготовку не только ремесленников, но и фабрично-заводских рабочих, причем участия в этом процессе промышленных организаций ремесленное руководство старалось не допустить⁷¹ (впрочем, безуспешно).

Были приняты предписания, наделявшие ремесленные гильдии и палаты полномочиями разрабатывать единые требования для сдачи профессиональных экзаменов, регулировать допуск к ним и формировать экзаменационные комиссии. При этом проведение экзаменов на мастера курировали ремесленные палаты, а соответствующие испытания подмастерьев – гильдии. Палаты осуществляли контроль за действиями последних. Уже в 1933 г. ремесленные корпорации добились увеличения срока обучения учеников до четырех лет. Кроме того, помимо заключительного, были введены промежуточные экзамены⁷². В то же время, поскольку владельцы ремесленных мастерских, включенные в ремесленный реестр до 1 января 1932 г., и ремесленники до 1900 года рождения были освобождены от сдачи экзамена на мастера, в реальности гильдии и палаты могли влиять на регулирование доступа в ремесленную экономику лишь части претендентов на получение искомого звания. Согласно изданному в 1935 г. предписанию каждый ремесленник, не относившийся к вышеуказанным категориям, был обязан сдать экзамен на мастера не позднее конца 1939 г., причем на условиях, ужесточенных тем же предписанием⁷³.

В конечном итоге, вопреки утверждению А. Швейцера о том, что гильдии и палаты «несомненно приобрели монополию на профессиональное обучение в ремесле», правда позднее им же самим опровергнутому⁷⁴, ремес-

ленному руководству пришлось смириться с тем, что последнее слово в осуществлении контроля за процессом подготовки учеников оставалось за государством, тогда как ремесленные корпорации могли лишь отчасти управлять им. Давление на ремесло в этом вопросе возросло с принятием второго четырехлетнего плана. Уже в Первом предписании о его реализации от 7 ноября 1936 г. перед ремеслом была поставлена задача максимально сократить период подготовки учеников. Квоты последних содержались в разрядках, спущенных каждому ремесленному предприятию. Одновременно устанавливались штрафные санкции: за каждого неподготовленного ученика виновная в этом фирма должна была выплачивать 50 рейхсмарок. В то же время ввиду кадрового дефицита власти в ряде случаев вынуждены были идти на снижение требований, предъявлявшихся к квалификационному экзамену. Так, указ рейхсминистра экономики от 25 марта 1938 г. разрешал допуск к нему в строительной сфере необученных вспомогательных рабочих, в связи с чем они получали возможность пройти путь до подмастерья всего за два года. В соответствии с его же распоряжением от 22 октября 1938 г. ремесленному сословию, ходатайствовавшему об установлении для 42-х ремесленных профессий срока обучения в три с половиной года, в этой просьбе было отказано. Подобной «привилегии» были удостоены лишь 13, как правило, не игравших особой роли в экономике отраслей (например, изготовление органов). Для большинства же ремесленных специальностей (по данным Швейцера, – для 103-х) устанавливался трехлетний срок обучения. Тем ученикам, которые изъявили соответствующее желание, разрешалось сдавать экзамены досрочно. Это была уступка, сделанная в интересах военного сектора производства. Более того, сами требования к экзамену были снижены, а его программу следовало теперь представлять заранее⁷⁵. Прежде чем получить сертификат мастера, экзаменуемому предстояло пройти тестирование, в ходе которого он должен был доказать свою профессиональную пригодность, из-

готовив образец соответствующей продукции, продемонстрировать требуемый уровень теоретических знаний, касающихся используемых им материалов и производимых из них изделий (после 1935 г. с целью подготовки к этой части экзамена были организованы специальные курсы⁷⁶), а также владение основами бухгалтерского учета и проблемами управления мастерской. Не меньшее значение придавалось знанию им ремесленного законодательства и основ гражданства или, иными словами, нацистской идеологии. Далеко не всем кандидатам удавалось пройти подобные испытания: в 1937-1938 гг., например, не менее 16,8% лиц, допущенных к экзамену, не смогло его сдать. Правда, отчасти это было связано с заинтересованностью самих экзаменационных советов (вместо старых было образовано 7 тыс. новых - по одному в каждом районе) в ограничении численности мастеров⁷⁷.

Общее количество ремесленных учеников, успешно прошедших подготовку, возросло с 419 тыс. в 1933 до 516 тыс. в 1936 г. (из последних 316 тыс. предназначались для работы в промышленности), 618 тыс. в конце 1937 г. и 624 тыс. в 1938 г., хотя уровни 1926 г. (766 тыс.) и даже кризисного 1931 г. (633 тыс. человек) остались недостижимыми. Если в 1931-1932 гг. экзамен на мастера сдавали 92,5% кандидатов, то в 1936-1937 гг. лишь 86%, а в некоторых землях еще меньше (например, в Бадене оно составило почти 10%). При этом, правда, следует учитывать и тот факт, что лишь в 1935 г. экзамен на мастера стал обязательным, давая право на регистрацию в официальном списке и, как следствие этого, - открытие своей мастерской. В 1938 г. была введена недельная книжка мастерской, в которой ученики под контролем мастера фиксировали основные данные об уровне своей подготовки⁷⁸. Таким образом, требования, предъявлявшиеся к кандидатам, продолжали повышаться.

Еще более жестким был контроль за профессиональной подготовкой в сфере розничной торговли, установленный при самом непосредственном участии ДАФ (в рамках ведомства Лея был создан отдел профессионального

обучения, состоявший из 16 отделений, которые, правда, в октябре 1935 г. были упразднены и заменены новой структурой⁷⁹). В соответствии с соглашением, достигнутым между руководством Германского трудового фронта и организацией розничной торговли, срок обучения составлял три года, по прошествии которых сдавался экзамен; в роли преподавателей могли выступать лишь мастера, имевшие пятилетний стаж работы в данном статусе либо успешно завершённый период ученичества. Численность учеников, сдавших экзамен, возросла с 10300 в 1934 г. до 51000 человек в 1936 г. В то же время и здесь профессиональный уровень кандидатов оставлял желать лучшего: согласно данным торгово-промышленной палаты Саксонии, каждый пятый кандидат на получение удостоверения мастера не смог выдержать экзамен.

Между тем уже в 1936 г. Трудовой фронт подверг критике организации розничной торговли за то, что они всячески тормозили процесс открытия новых магазинов и потому не проявляли заинтересованности в обучении продавцов, которым после сдачи экзамена предстояло стать самостоятельными лавочниками. Основания для подобных обвинений безусловно имелись. Кроме того, руководство этих организаций отдавало предпочтение девушкам, поскольку им полагалась меньшая компенсация. Так, согласно датированному 1937 г. отчету, представленному одной из торговых палат, ею в 1936 г. было зарегистрировано 565 учеников и 3496 учениц⁸⁰.

В Третьем рейхе был установлен контроль над ценами, ударивший, главным образом, по мелкому бизнесу. Среди первых жертв этой политики оказались торговцы продуктами питания. Если осуществленное крупными торговыми объединениями в период с марта по сентябрь 1933 г. взвинчивание цен на масло, молоко, смалец и свинину на 40-50% осталось безнаказанным, то, как только в мае 1933 г. мюнхенские лавочники попытались, в нарушение запрета, поднять розничные цены, власти, не колеблясь, прибегли к репрессиям: 200 человек было арестовано, а на дверях их заведений появи-

лись объявления следующего содержания: «магазин закрыт полицией за спекуляцию, владелец магазина арестован и заключен в Дахау». Несколько недель спустя баварское министерство экономики выразило сожаление по поводу указанных событий, а мюнхенский гауляйтер А. Вагнер попытался выступить перед местными торговцами и разъяснить им сущность политики в сфере торговли продуктами питания. Однако ему не дали говорить и вынудили покинуть зал⁸¹.

Вскоре под эту политику был подведен прочный правовой фундамент. Уже в феврале 1934 г. имперский министр труда наложил запрет на дальнейшее повышение цен в строительной промышленности. 16 мая того же года руководитель экономического ведомства рейха издал «Предписание против регулирования цен», запрещавшее их повышение на потребительские товары и, в полном противоречии с идеалом ремесленной экономики, лишавшее ремесленные корпорации и палаты права договариваться об установлении минимальных цен без разрешения министерства. «Вторым предписанием против регулирования цен», последовавшим 7 августа того же года, этот запрет был распространен на все товары и услуги в промышленности и ремесле. При этом власти исходили из того, что рост цен повлечет за собой требование увеличения зарплаток. В октябре 1934 г. руководителям местных отделений ДАФ и НС-Хаго было поручено изучить ситуацию с ценами, устанавливаемыми мелкими предпринимателями. Власти Пруссии получили от Геринга приказ принимать жесткие меры против любого собственника, уличенного в несанкционированном повышении цен, и прибегли к испытанному средству, закрыв несколько скотобоен и отправив их владельцев в концентрационные лагеря⁸². В таком же положении оказались и баварские торговцы мясом, вынужденные приобретать у крестьян мясные туши втридорога, а затем продавать мясо клиентам по более низким, фиксированным ценам, опасаясь доносов с их стороны в полицию. В полицейском отчете из Аугсбурга

настроение городских мясников оценивалось как «крайне подавленное». Впрочем, открыто жаловаться отваживались не все, так как подобное проявление недовольства могло закончиться тюремным заключением⁸³.

Таким образом, мелкие торговцы оказались меж двух огней: с одной стороны, – государственный контроль над ценами, с другой, – продолжавшийся рост цен на сельскохозяйственные товары. Наказанию подлежали и владельцы ремесленных предприятий, виновные в несанкционированном снижении цен. «Тот, кто посредством негласного использования своего кредита или злонамеренного невыполнения своих обязательств по отношению к государству, свите своего предприятия или своим кредиторам общим ущербным образом предлагает товары или услуги по ценам, которые не могут покрыть их себестоимость и противоречат требованиям добросовестного хозяйствования, наказуем тюремным заключением и денежным штрафом в неограниченном размере, или одним из этих наказаний», – говорилось в «Предписании о конкуренции» от 21 декабря 1934 г. Эти положения были закреплены в «Законе о борьбе с недобросовестной конкуренцией» от 14 февраля 1935 г. Более того, поскольку соответствующее поведение ремесленников квалифицировалось как пятно бесчестия, ложившиеся на сословие в целом, оно считалось достаточным основанием для разбирательства судом чести (правда, последние были поставлены под контроль тогдашнего рейхсминистра экономики Шахта и могли предъявлять обвинение в каждом конкретном случае лишь с его санкции; ему же было передано полномочие смягчать приговор, ранее принадлежавшее исключительно Гитлеру⁸⁴).

Согласно директиве рейхсминистра экономики от 21 апреля 1936 г. старшие ремесленные мастера, противодействовавшие официальному политическому курсу в этом вопросе, не только подлежали наказанию, но и признавались непригодными для управления своим предприятием⁸⁵. Обербургомистр Лейпцига К. Герделер, назначенный 5 ноября 1934 г. рейхско-

миссаром по вопросам ценообразования (подобный пост он занимал и на закате Веймарской республики – с 1931 г.⁸⁶) аннулировал 60 минимальных цен, установленных ремесленными гильдиями в 1933-1934 гг., и дал указание руководству последних впредь воздерживаться от установления цен, проведения расчетов стоимости ремесленной продукции и от издания инструкций для подобных расчетов, которые могли бы рассматриваться как руководства для установления цен. В то же время Герделер предлагал направлять непосредственно ему предложения по указанному вопросу. Выступая на конференции представителей ремесленного сословия в июне 1935 г., имперский комиссар отстаивал идею конкурирующей цены, как наиболее оптимальной для ремесла. «Идеальной является не максимальная или минимальная... или иная смешанная цена, но справедливая цена», которая «должна содержать законные элементы издержек, устанавливаемые в мастерской достаточно подготовленного хозяина». Это определение идентифицировало справедливую цену с конкурирующей ценой издержек производства⁸⁷. Поскольку практика продажи товаров по ценам ниже их себестоимости была признана незаконной и квалифицировалась как нечестная конкуренция, ремесленные гильдии и группы были наделены полномочиями вместе с налоговым управлением и ДАФ расследовать каждый случай установления подобной заниженной цены с целью выяснения, являлось ли это следствием неуплаты налогов или оплаты труда работников по ставкам ниже установленного законом уровня. Затем нейтральное ведомство производило расчет стоимости. О результатах проверок докладывалось рейхскомиссару по ценам. При обнаружении финансовых нарушений к проштрафившейся фирме применялись санкции, вплоть до ее закрытия. С учетом ситуации имперский комиссар по вопросам ценообразования разрешил ремесленным союзам обучать своих членов правильному расчету стоимости⁸⁸. В то же время если ремесленные гильдии были лишены возможности принимать активное участие в формировании политики цен, то

картели, за которыми стояли производители стали, угля, влиятельные аграрные круги, получили возможность диктовать цены как в крупном, так и в мелком бизнесе. Герделер занимался проверкой лишь тех картельных цен, которые вызывали особый протест. В марте 1935 г. он подчеркнул, что картельные цены подлежали утверждению в тех случаях, когда речь шла об экспортных товарах, либо тогда, когда отмена таких цен угрожала ликвидацией фирм с более высокими издержками⁸⁹.

С началом проведения курса на ускоренную подготовку к войне последовало уточнение статуса рейхскомиссара по вопросам ценообразования. 29 октября 1936 г. был принят «Закон о проведении четырехлетнего плана - назначении рейхскомиссара по вопросам ценообразования», в котором указывалось, что последний назначался фюрером и рейхсканцлером и подчинялся уполномоченному по четырехлетнему плану Герингу (§1, абз. 3), которому он предлагал «требуемые правовые ...и общие административные предписания для реализации этого закона» (§3)⁹⁰. Карой за нарушение этих предписаний служило одно или несколько из следующих наказаний: заключение в каторжную тюрьму, тюрьму, арест или денежный штраф, сумма которого не ограничивалась. Рейхскомиссар мог отдавать распоряжения о закрытии предприятий — нарушителей предписаний или поставить их дальнейшее существование в зависимость от норм выработки. Он также мог запретить отдельным лицам любую деятельность в области, в которой произошло нарушение, или же сделать их зависимыми от нормы выработки (§4)⁹¹. Этот закон представлял собой важную веху в политике нацизма по отношению к среднему классу. С назначением рейхскомиссара по ценам, заморозившего все цены на уровне 18 октября 1936 г., так и не принявшая своей законченной формы власть картелей устанавливать цены и определять выпуск продукции мелких фирм была ликвидирована. Руководители созданных в Третьем рейхе принудительных торговых организаций К. Люер и Ф. Хейлер выступили в

поддержку подобной политики, настаивая на том, что контроль над ценами имел для владельцев магазинов благоприятные последствия, выразившиеся в сокращении общих расходов и устранении некомпетентных⁹².

«Второе предписание о запрете на повышение цен», принятое 26 ноября и опубликованное 1 декабря 1936 г., на основании Закона от 29 октября 1936 г. и «по предложению рейхскомиссара по вопросам ценообразования» запрещало «повышение цен на товары и услуги любого рода», в особенности на все сельскохозяйственные, ремесленные и промышленные изделия, необходимые в повседневной жизни. В качестве повышения цен рассматривалось изменение условий оплаты и поставки, наносящее ущерб покупателю (§1). Также запрещалось предпринимать действия, которые позволяли обходить предписания §1 (§2)⁹³. Согласно §3 Предписания, с санкции рейхскомиссара по вопросам ценообразования или уполномоченной им организации могли допускаться исключения, если они были обусловлены народнохозяйственными причинами⁹⁴. Противодействие данному предписанию или предписаниям по его проведению (как преднамеренное, так и по небрежности) каралось тюремным заключением и денежным штрафом, сумма которого не ограничивалась, или одним из этих наказаний. При этом могла допускаться конфискация полученной прибыли (§4, абз. 1). При наличии соответствующего ходатайства против виновного могло быть начато уголовное преследование (§4, абз. 2). В соответствии с §5 предприятие, допустившее нарушение, могло быть закрыто на длительный срок, а дальнейшее его существование зависело от нормы выработки. Отдельным же провинившимся лицам могло быть отказано в любой деятельности в области, в которой произошло нарушение, или же их дальнейшая деятельность также могла быть поставлена в зависимость от нормы выработки⁹⁵.

Таким образом, данный закон устанавливал универсальный запрет на повышение цен, подтвержденный указом рейхсминистра экономики от 21

января 1937 г.⁹⁶. Однако ни правительственным, ни деловым кругам не удалось добиться установления исключительного контроля над ценами. Вследствие бума вооружений, конкурентной борьбы между крупным и мелким бизнесом цены продолжали расти, а властям приходилось довольствоваться регулированием степени и пределов этого роста. Как показывают отчеты картелей, в 1933-1934 гг. в почти ста основных отраслях производства было зафиксировано 1500 установленных в частном порядке цен⁹⁷. Даже позднее, после начала войны, имели место случаи нарушения запрета на их повышение. Об этом, в частности, свидетельствует заметка «Мясники сопротивляются», опубликованная 15 октября 1939 г. в газете «Франкфуртер цайтунг». В ней со ссылкой на правительственное сообщение из Мюнстера рассказывалось о демарше, предпринятом членами гильдии мясников в Бохаум-Хёве. Они «отказались придерживаться цен на мясо, установленных земельной администрацией ...в соответствии с распоряжением правительственного управления по контролю за ценами». Представитель мясников, сообщивший в полицию о решении, принятом гильдией, был доставлен к регирунгспрезиденту, по приказу которого его арестовали и препроводили в полицейскую следственную тюрьму в Реклингхаузен⁹⁸.

Самым существенным образом на положении мелкого бизнеса в Третьем рейхе сказалось проведение режимом новой картельной политики: на смену добровольному образованию картелей пришел процесс принудительного картелирования. Уже 15 июля 1933 г. были приняты два картельных закона (впрочем, в научной литературе они зачастую фигурируют как один). Один из них позволял правительству в принудительном порядке образовывать картели в тех случаях, когда: 1) это диктовалось особыми условиями, сложившимися на предприятиях; 2) переговоры о добровольном образовании картеля провалились; 3) принуждение было необходимо в экономических интересах. При этом рейхсминистр экономики либо давал соответствующим

промышленным предприятиям поручение образовать новый картель (в этом случае ему полагалось издать регламент нового объединения), либо заставлял аутсайдеров вступать в тот или иной, уже существующий на добровольных началах, картель. Правительство также получало право контроля за деятельностью образованного в принудительном порядке картеля, в частности за реальными инвестициями в предприятия, хотя в самом законе не были четко сформированы цели и средства такого контроля. Второй закон наделял главу имперского экономического ведомства контрольными полномочиями в отношении картельных цен, а также положил конец практике предоставления картельным судом аутсайдерам и потребителям защиты против действий картелей. Более того, правительство могло теперь вносить изменения в картельные соглашения без получения предварительного соглашения картельного суда. Причем если до 1930 г. крупный и мелкий бизнес единодушно выступали против принудительного картелирования, то чрезвычайно обострившаяся в период кризиса конкурентная борьба привела к существенному изменению настроений в деловом мире. Теперь значительная часть последнего разделяла мнение о необходимости принудительных мер в указанной сфере с целью защиты существующих картелей⁹⁹. В то же время, поскольку политика запрета инвестиций и, в итоге, ограничения производства (хотя она и вылилась в большинстве случаев не в образование новых картелей, а в присоединение мелких предприятий к уже существующим картельным объединениям), объективно поставила ремесло в неблагоприятное по отношению к влиятельным промышленным кругам конкурентное положение и явно противоречила пункту 13 Программы НСДАП, власти Третьего рейха заявили о вынужденном и временном характере этой меры, принятой, по их утверждению, для преодоления последствий экономического кризиса (на самом деле эти законы просуществовали до 1943 г.)¹⁰⁰.

Тогда же отдел экономической политики нацистской партии офици-

ально благословил существование картелей в сфере производства сырьевых материалов и в отраслях, страдавших от перепроизводства, одновременно признавая возможность функционирования картельных объединений во всех остальных отраслях лишь в течение переходного времени¹⁰¹. За период с июля 1933 до декабря 1936 г. было заключено не менее 1600 дополнительных картельных соглашений, реальная цель которых заключалась в смягчении конкуренции за счет сокращения количества мелких предприятий. Так, в полиграфическом производстве жертвами принудительного картелирования стали 14 тыс. типографий, в том числе 133 предприятия, на каждом из которых было занято более 300 человек, и 5 тыс., весь штат которых состоял из одного человека. При этом старые типографии подлежали остановке, машины мелких предприятий выкупались, а запрет на инвестиции не позволял их владельцам приобретать новую технику, лишая их возможности остаться в бизнесе. В то же время, как показало исследование Б. Келлера, большинство ремесленников не было затронуто картельным законодательством, поскольку подвергшиеся картелированию сферы производства играли в ремесленной экономике лишь второстепенную роль¹⁰². Этого, однако, нельзя сказать о розничной торговле. Согласно дайджесту 70 решений, вынесенных картельным судом в 1935 г., в 59 случаях суд признал правомерным использование картелями эмбарго на поставки предприятиям, не состоявшим в картельных объединениях¹⁰³. Всего же в течение 1933-1935 гг. в результате судебных решений и неофициальных эмбарго бизнес вынужденно покинули 2 тыс. из 54 тыс. торговцев. Еще большие потери понесла радиопромышленность. Здесь количество розничных торговцев радиоприемниками сократилось с 60 тыс. в 1933 г. до 37 тыс. в 1939 г., а численность оптовых торговцев, которые, согласно новым правилам, должны были располагать незаложенным капиталом в сумме 30 тыс. марок, уменьшилась на одну треть¹⁰⁴. В целом картельное законодательство отвечало интересам крупного капитала.

Таким образом, последние довоенные годы ознаменовались ликвидацией многочисленных мелких фирм. По мере того, как подготовка к войне набирает обороты и военный сектор экономики во все большей степени ощущает дефицит квалифицированной рабочей силы, ремесло и розничная торговля все чаще начинают рассматриваться как потенциальный резервуар для латания дыр в тяжелой промышленности. (Так, представитель организации розничной торговли ДАФ в интервью «Берлинер Тагеблатт» заявил, что указанная проблема могла быть решена именно за счет трудовых резервов розничной торговли¹⁰⁵). В связи с этим они становятся объектом целенаправленного давления, вследствие которого значительная часть мелких буржуа утратила свой статус, будучи вынужденной покинуть свои мастерские и лавки и занять пустующие места у станков. В обзоре немецкого Института исследования конъюнктуры, посвященном состоянию экономики Германии перед войной и в начале войны, отмечалось, что на смену первоначальному подъему, отмечавшемуся в сфере ремесленного производства по сравнению с кризисным периодом 1930-1932 гг., пришли изменения менее благоприятного для ремесла характера. Последние были связаны с принятием второго четырехлетнего плана, сместившего «центр тяжести экономических интересов» и выдвинувшего на первый план более «рационально работающие крупные предприятия», располагавшие необходимыми возможностями для выполнения социально-политических задач, поставленных перед экономикой национал-социалистическим руководством. Далее обращалось внимание на то, что, несмотря на усилия властей по включению ремесла в реализацию проектов, осуществлявшихся в рамках четырехлетнего плана, с одной стороны, у первых наблюдалось определенное разочарование в соответствующих производственных возможностях ремесленных предприятий и готовности их владельцев повышать производительность в требуемых масштабах, с другой, дефицит рабочей силы в промышленности вынуждал власти восполнять его за

счет ремесла, торговли и некоторых других отраслей, в которых с этой целью проводились акции «вычесывания»¹⁰⁶.

Авторы обзора прогнозировали, что начало военных действий вызовет волну покупательского спроса, которая продержится в течение нескольких недель, после чего «товарообороты резко снизятся и постепенно сократятся примерно до трети теперешнего объема», в связи с чем, «вероятно, можно будет сохранить только треть или, самое большее, половину предприятий»¹⁰⁷. В рассматриваемом документе констатировалось наличие острого кризиса в сфере торговли рыбой («Из Гамбурга сообщают, что там из 600 рыбных магазинов 500 вынуждены закрыться» и «только 100 могут как-то перестроиться»); текстилем (по содержащимся в обзоре оценкам розничная торговля последним в скором времени должна была сократиться на треть, а «возможности товарооборота для магазинов, торговавших высококомодными текстильными изделиями», такими как дамская одежда, «уже теперь... в значительнейшей степени ограничены»); одеждой; коврами (в ближайшем будущем ожидалось почти полное прекращение последней по причине отсутствия товаров), а также тревожных тенденций в сторону сокращения, обозначившихся в розничной торговле шоколадом и сладостями. Здесь же отмечалось, что пересылочная торговля продуктами питания и деликатесами была уже остановлена¹⁰⁸. В других отраслях торговли ситуация, по оценкам составителей обзора, была такова: в торговле железными изделиями уровень общего товарооборота составлял лишь 20%, в торговле фарфором, стеклянными изделиями, предметами, изготовленными из новых материалов, ожидалось снижение товарооборота на две трети, что, в свою очередь, должно было негативно сказаться на торговле электротоварами. Как «очень неблагоприятные», по причине тяжелого положения с древесиной, оценивались перспективы торговли мебелью и сообщалось о прекращении торговли автомобилями. Кроме того, в рассматриваемом документе были приведены статистические

данные о состоянии товарооборота в ряде отраслей розничной торговли на 1938 год и о предполагаемых перспективах в этом отношении, связанных с войной (табл. 7).

Таблица 7

Обороты в розничной торговле в млрд. рейхсмарок¹⁰⁹

	1938 год	Предположительные показатели в период войны
Продукты питания и деликатесы	13,8	Около 7
Текстиль и одежда	10,0	Около 3,3
Предметы домашнего обихода и потребность в жилье	5,0	Около 1
Культурная потребность и предметы роскоши	3,8	Около 1,5
Уголь	1,3	Около 1
Всего	33,9	Около 13,8

Подобная картина была представлена и для ремесла (табл. 8).

Таблица 8

Обороты в ремесле в млрд. рейхсмарок

	1938 год	Предположительные показатели в период войны
Производство продуктов питания	7,6	5,7
Ремесла по изготовлению и чистке одежды	2,2	0,9
Строительные ремесла	4,6	1,0
Ремесла по металлу и монтажу	2,3	0,9
Ремесла по деревообработке и резной работе	1,6	0,5
Другие ремесленные отрасли	1,2	0,4
Всего	Около 19,5	Около 9,4

Следствием подобного сокращения товарооборота, отмечалось в обзоре, может стать закрытие более чем половины всех ремесленных предприятий и соответствующее высвобождение рабочей силы¹¹⁰.

Здесь же были представлены и приблизительные расчеты ожидавшегося спада в среднеклассовом бизнесе в целом в период войны в пределах

старого рейха (табл. 9).

Таблица 9

**Прогнозируемая ситуация в некоторых отраслях мелкого
и среднего бизнеса в период войны¹¹¹.**

	Число предприятий и занятых перед началом войны		Число предприятий	Число занятых (самостоятельные, вспомогательные члены семьи, рабочие и служащие)
	Число предприятий	Число занятых (самостоятельные, вспомогательные члены семьи, рабочие и служащие)		
Розничная торговля	800000	почти 2000000	350 000	1000000
Крупная торговля	150000	почти 700000	70-80000	450000
Ремесло	1500000	3,5 – 4,5 млн.	700000	2,5 – 3 млн.
Торговое посредничество; вспомогательное производство торговли; издательское дело	200000	430000	70-80000	200000
Гостиничный бизнес	250000	800000	150-200000	600000
Швейная промышленность	7000	240000	2500	120000
Всего	3 млн.	8250000	1,4 млн.	Свыше 5

В обзоре также обращалось внимание на усиление налогового бремени, легшего на плечи представителей промыслового сословия. Согласно приведенным там данным, в 1935 г. обложенный налогами товарооборот розничной торговли (включая издательское дело, торговое посредничество и другие вспомогательные торговые промыслы), составлял 17 млрд. рейхсмарок, а сумма налогов на товарооборот доходила до 361,3 млн. имперских марок. Таким образом, розничная торговля давала 20% всех налоговых поступлений от товарооборота немецкого народного хозяйства. По мнению составителей обзора, с началом войны сумма годового налога на товарооборот розничной торговли могла подскочить до 670 млн. рейхсмарок. Однако вследствие вве-

дения военноэкономических ограничений, приведших к сокращению товарооборота розничной торговли до трети его уровня за предыдущий год, произошло и соответствующее снижение налога на товарооборот, в связи с чем, вместо 670 млн. рейхсмарок, он составил 220-230 млн. марок. Из этого был сделан вывод о том, что ежегодное снижение налогов составляло 450 млн. имперских марок¹¹².

Отметив далее, что в 1938-1939 гг. сумма уплачиваемого мелкими торговцами налога могла в 4 раза превысить показатель 1934 г. (тогда в розничной торговле, включая издательскую отрасль, насчитывалось 500 тыс. налогоплательщиков, подлежащие налогообложению доходы которых в совокупности составляли 1,6 млрд. рейхсмарок, – 10% от этой суммы было внесено ими в качестве подоходного налога), нацистские эксперты одновременно прогнозировали и возможность спада налоговых поступлений почти на 500 млн. рейхсмарок¹¹³.

Что же касается ремесла, то анализ положения на 1938 год, проделанный составителями обзора, дал следующие результаты. Общий товарооборот ремесленных предприятий составил 19,5 млрд., а сумма уплаченного ремесленниками налога – 585 млн. рейхсмарок. В связи с общим снижением ремесленного товарооборота в условиях военного времени спад налоговых поступлений от ремесленных предприятий должен был составить около 300 млн. рейхсмарок. При этом чистый доход ремесла достиг 2,5 млрд. рейхсмарок, а сумма уплаченных с него налогов – 250 млн. марок. Однако падение товарооборота должно было привести, как показывали расчеты, к сокращению налоговых поступлений на 200 млн. рейхсмарок.

В этом же документе были подытожены общие налоговые потери в розничной торговле и ремесле (табл. 10).

Таблица 10

**Налоговые потери в розничной торговле и в ремесле
в целом (в млн. рейхсмарок)¹¹⁴**

Розничная торговля	
1. Налоги с оборота	450
2. Исчисленный подоходный налог	500
Р е м е с л о	
1. Производственные налоги	300
2. Исчисленный подоходный налог	200
Всего	1450

Таким образом, анализ основных направлений политики, проводившейся в нацистском государстве по отношению к мелкой буржуазии в довоенный период, дает основание для следующих выводов. Если в первые годы рейха ремесло и розничная торговля переживали определенный подъем в сравнении с периодом кризиса, то по мере интенсификации подготовки к войне ситуация существенно изменилась. Начало заметному сокращению ремесленных мастерских было положено уже в 1935 г., с установлением жесткого правила, согласно которому для создания новых предприятий подобного рода требовалось получение специального разрешения властей. Повышение требований к квалификационным экзаменам, а также введение бухучета в ремесле и мелкой розничной торговле, инициированные руководством имперской ремесленной организации, также способствовали развитию этого процесса. Однако поворотным моментом в этом отношении стало принятие в 1936 г. второго четырехлетнего плана, обозначившего начало проведения политики «вычесывания» ремесла, сущность которой заключалась в закрытии «нежизнеспособных» предприятий и переводе высвобождавшейся в результате этого рабочей силы в военное производство. В соответствии с законом, принятым в октябре 1937 г., ликвидации подверглась пятая часть всех небольших фирм¹¹⁵. Ряд правовых актов, принятых в 1939 г., позволил интенсифицировать этот процесс. 22 февраля было издано «Предписание о прове-

дении четырехлетнего плана в сфере ремесленной экономики». В преамбуле к этому документу говорилось о необходимости максимально возможного использования потенциала ремесленной отрасли, в связи с чем ремесленники, «находящиеся не на своем месте или занятые неполный рабочий день», должны были быть «целенаправленно привлечены к полному вводу в работу». Палатам предписывалось исключить из своих рядов ремесленников, не обладавших профессиональными навыками, необходимыми «для руководства самостоятельным ремесленным предприятием», или в тех случаях, когда потребность в сокращении того или иного ремесленного предприятия отпала (§1). Те ремесленники, чьи мастерские подлежали ликвидации, должны были зарегистрироваться в компетентных трудовых службах для ввода в работу (§3). Подобное решение обжалованию не подлежало. В первом предписании о реализации вышеуказанного предписания, опубликованном в тот же день, содержалось уточнение, согласно которому ликвидация тех или иных мелких предприятий должна была проводиться, в первую очередь, в «переполненных» ремесленных отраслях. К представителям таковых относились пекари, мясники, парикмахеры, мужские портные, сапожники¹¹⁶.

Чуть позднее, 16 марта 1939 г., последовало принятие «Предписания об устранении перегруженности в розничной торговле». В нем говорилось, что в соответствии с указанием по осуществлению четырехлетнего плана от 14 декабря 1938 г. и на основании предписания о проведении четырехлетнего плана от 18 октября 1936 г. «магазины, магазины пересылки и магазины заказов розничной торговли могут быть закрыты, если их владелец или лицо, определенное для руководства ими, не обладает личными или деловыми качествами, которые требуются для руководства предприятием розничной торговли» (§1). Соответствующие решения принимались имперским министром экономики, определявшим целесообразность закрытия того или иного торгового заведения (§2). Как отмечалось в преамбуле Предписания, эти меры

должны были способствовать созданию «жизнеспособных магазинов розничной торговли» и «высвобождению сил для ввода в работу»¹¹⁷. Таким образом, в значительной мере возрождалась практика периода Первой мировой войны¹¹⁸. Изданное 16 марта 1939 г. «Первое предписание об осуществлении предписания об устранении перегруженности в розничной торговле» разъясняло, что перечисленные в §1 основного предписания заведения розничной торговли могли быть закрыты, если владелец или лицо, которому доверено руководство ими, «в период с 1 января 1937 г. до времени проверки предприятия в течение, по меньшей мере, трех... не связанных друг с другом месяцев» получало поддержку по линии общественного вспомоществования или пособие по безработице, в связи с тем, что их предприятие не гарантировало им самостоятельного существования или было не в состоянии исправно платить налоги без угрозы для предприятия (§1).

Вопрос о закрытии того или иного предприятия мог быть снят, если его сохранение требовалось «для осуществления достаточного обеспечения потребления или по другим важным с экономической точки зрения причинам» а также, если руководитель такого предприятия не подходил «для ввода в работу». Ликвидация последнего могла проводиться лишь в тех случаях, когда трудовая служба определяла хозяину или руководителю такого предприятия новое место работы, в том числе и не имеющее ничего общего с его профессией. Если лицо, утратившее подобным образом свой статус, не обладало квалификацией, необходимой для работы на новом, определенном ему, трудовом месте, он мог в течение периода, предшествовавшего закрытию его заведения, пройти переподготовку, на время которой лицам, которых он был обязан содержать, гарантировалось содержание из средств Имперского учреждения по трудовому посредничеству и обеспечению безработных. Оно же могло оплачивать и расходы по переподготовке, если осуществлявшее эту переподготовку учреждение было не в состоянии их нести (§2). Далее уточ-

нялось, что, согласно «Закону о защите розничной торговли» вопрос о закрытии конкретного магазина по ходатайству начальника экономической группы «Розничная торговля» или уполномоченного им начальника районного или делового подразделения, решает компетентное учреждение первой инстанции, но лишь после того, как с ним будут ознакомлены торгово-промышленная палата, окружной руководитель НСДАП и трудовая служба¹¹⁹. Если причиной намечавшегося закрытия магазина являлось то, что его владелец или управляющий были не в состоянии выполнять «текущие обязательства по отношению к свите», следовало учитывать мнение имперского попечителя труда (§4).

Получив уведомление о закрытии предприятия, его хозяин или управляющий могли в течение двух недель обжаловать это решение в компетентной, согласно «Закону о защите розничной торговле», инстанции по жалобам, которая после заслушивания мнения «промышленной и торговой палаты, окружного руководителя нацистской партии, начальника экономической группы «Розничная торговля» или начальника районного или делового подразделения, уполномоченного им», принимала решение. Если последним отклонялось предложение о закрытии, сделанное «уполномоченным начальником районного или делового подразделения», тот, в свою очередь, мог обжаловать такое решение (§5).

По ходатайству владельца ликвидируемого предприятия компетентная организация должна была заказать ликвидатора, действия которого подлежали контролю со стороны профессиональной организации, и на котором лежала обязанность при закладе имущества владельца предприятия, оказавшегося несостоятельным должником, «стремиться к достижению полюбовного соглашения между хозяином и его кредиторами о регулировании долгов владельца»¹²⁰. В случае заключения между владельцем предприятия и кредитором жесткого соглашения ликвидатору вменялось в обязанность вносить

предложение по его исполнению в компетентное административное учреждение. Если, по мнению последнего, предложение было обоснованным, оно должно было, изложив свою точку зрения, направить его имперскому министру труда или определенной им организации для принятия окончательного решения (§9, п.2). «Для оспаривания возникающих из жесткого соглашения затрат, – указывалось далее в предписании, – создается жесткий фонд ...наполовину из средств Имперского учреждения по трудовому посредничеству и страхованию безработных и ...наполовину – из средств экономической группы «Розничная торговля». Правом издавать предписания, требуемые для образования такого фонда и управления им, наделялись имперские министры экономики и труда, действия которых должны были быть согласованы (§9, п.3).

Ликвидатору, который не смог добиться полюбовного урегулирования долгов, надлежало обратиться с ходатайством о помощи в суд первой инстанции. Если же и судье не удавалось привести стороны к компромиссу, от него требовалось принять такое решение, которым бы «правовые отношения участников» были бы «так оформлены, чтобы с учетом всех обстоятельств, особенно социального значения, требования, потребности кредитора и имеющиеся средства привести к целесообразному и справедливому результату» (§ 10, пп. 1-2)¹²¹.

Наконец, согласно «Второму предписанию об осуществлении предписания об устранении перегруженности в розничной торговле» от 23 декабря 1939 г., закрытию могли подлежать предприятия, которые «независимо от воздействия войны» являлись «экономически нездоровыми». В качестве таковых в соответствии с Предписанием «следовало рассматривать в особенности предприятия, которые не гарантировали самостоятельного существования» (§1). Определения нового предписания не распространялись на предприятия, средний годовой товарооборот которых, начиная с 1 января 1937 г., превышал 12 тыс. рейхсмарок¹²².

В целом имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о количестве ремесленных мастерских и мелких магазинов розничной торговли, попавших под сокращение, разнятся. Один из наиболее авторитетных ученых, занимающихся изучением экономических проблем Третьего рейха, А. Милуард доказал, что процесс сокращения количества мелких предприятий и численности ремесленников в 30-е гг. протекал в Германии быстрее, чем в предыдущее десятилетие¹²³. (Это подтверждает и статистика занятости в сфере ремесла на каждые 100 тыс. населения, приводимая Д. Шенбаумом: в период с 1926 по 1939 гг. численность кузнецов сократилась с 20,7% до 16,3%, портных – с 70,2 до 59,8, сапожников – с 35,4 до 26,7, плотников – с 16,6 до 13,0%¹²⁴).

Что касается собственно нацистской эры, то, по одним данным, количество ремесленных мастерских, ставших жертвами политики «вычесывания» уже в 1936 г., составило 28 тыс., а в 1937 и 1938 гг. закрывалось по 63 тыс. подобных предприятий ежегодно; в общей сложности из 1,5 млн. мелких фирм прекратило свое существование немногим более 10%¹²⁵. По другим данным, количество ремесленных предприятий увеличилось в период с 1931 по 1936 г. на 18,4% (согласно Р. Грюнбергеру – почти на пятую часть, составив 1650000), после чего вновь снизилось на 11% в 1936-1939 гг. При этом сокращение занятого на них персонала составило всего лишь 4%. Более детализированная картина выглядит следующим образом: за 1936-1939 гг. количество мастерских каменщиков сократилось на 14,8%, плотников – на 13,8%, обойщиков и драпировщиков – на 12,8%, маляров – на 11,4%. Некоторые ремесленные производства, такие, как изготовление скрипок в Миттенвальде, часов и корзин в Блек Форест, напильников и замков в Бергише (восточнее Дюссельдорфа), шлифовка оптических стекол в Ратенау, фактически прекратили свое существование, не выдержав конкуренции со стороны фабричного производства¹²⁶.

Согласно официальным данным, ситуация в ремесле в 1936-1938 гг. характеризовалась следующими показателями (табл. 11).

Таблица 11

Образование новых и ликвидация старых ремесленных предприятий¹²⁷

Годы	Новые предприятия	Прекратившие существования предприятия	Общее сокращение
1936	104,234	132,109	27,875
1937	75,153	137,726	62,573
1938	59,700	122,642	62,942
Всего	239,087	392,477	153,390

Более полные сведения о сокращении численности предприятий в основных отраслях германского ремесла в период с 1936 по 1 апреля 1939г. содержатся в рассматривавшемся выше аналитическом обзоре, подготовленном нацистскими экспертами (табл. 12).

Таблица 12

Число ремесленных предприятий в Германии (1936-1939 гг.)

	1936	1937	1938	1939	Изменения в 1939 г по отношению к 1936 г. в %
Ремесла питания и деликатесов	258521	254373	249292	241509	-6,6
Ремесла по пошиву и чистке одежды	607830	600268	573563	535463	-11,9
Строительные ремесла	306165	296343	284309	271142	-11,4
Металлообрабатывающие ремесла	245083	239392	231725	223138	-9,0
Деревообрабатывающие ремесла	193533	187364	182833	175108	-9,5
Бумагоделательное и множительное ремесленное производство	30310	17966	17469	16580	-45,3
Другие ремесла	11100	8882	8775	8661	-22,0
Всего	1652542	1604588	1547966	1471601	- 11,0

Таким образом, уже в довоенный период процесс сокращения ремес-

ленного производства стремительно набирал обороты, значительно опережая темпы образования новых ремесленных мастерских. При этом, согласно обзору, наиболее ощутимый упадок переживали те ремесленные предприятия, которые лишились своего единственного подмастерья¹²⁸.

Келлер же настаивает на том, что за период 1936-1939 гг. общее количество ремесленных предприятий, прекративших свое существование, превысило 300 тысяч. При этом численность самостоятельных каменщиков сократилась на 15,9%, маляров – на 11,4%, плотников – на 11%, сапожников – на 14,3%, мужских и женских портных – соответственно на 12,7% и 11%, парикмахеров – на 10,6%. В обращении Имперского сословия немецкого ремесла по поводу проведенной чистки говорилось, что удаление из бизнеса «тоже - ремесленников», «халтурщиков и недобросовестных элементов», которые, будучи владельцами мастерских, нанесли ущерб клиентам и запятнали репутацию ремесла, поможет вернуть ремесленной отрасли уважение и будет способствовать увеличению производительности труда в ней¹²⁹.

Такая же политика проводилась и в сфере розничной торговли. Причем происходившие здесь процессы привлекали самое пристальное внимание за рубежом. В книге «Страдание и счастье немецкой женщины», вышедшей в Париже в 1939 г., говорилось: «Тысячи магазинов вынуждены закрываться из-за принудительных мер, ...высоких налогов и арендной платы, сниженного товарооборота»¹³⁰. В статье, опубликованной в «Нойе цюрихер цайтунг» 28 ноября 1939 г., отмечалось, что в противовес дававшимся нацистами на этапе борьбы за власть обещаниям поддержки небольших магазинов розничной торговли положение в этой сфере ухудшилось: индекс розничной торговли опустился ниже уровня предкризисного 1928 г.; «перед самым началом войны дефицит потребительских товаров привел к столь сильному разорению многочисленных владельцев небольших магазинчиков, что они были не в состоянии поддерживать даже минимальный уровень жизни», в связи с чем

нуждались в помощи. В публикации также подчеркивалось, что политика «вычесывания» мелкого бизнеса с целью решения за его счет проблемы нехватки рабочей силы в военной промышленности привела к закрытию в одном лишь Берлине около 10 тыс. лавок и магазинчиков (по нацистским данным, предназначенным для служебного пользования, в столице рейха число небольших магазинов, включая торговцев вразнос, сократилось с 71500 в конце 1936 г. до 56140 в конце 1938 г.¹³¹). «Владельцы и члены их семей, – отмечалось далее, – утратили свою самостоятельность и были вынуждены идти в военную промышленность, строительство или в административный аппарат. Вследствие недостатка товаров многие мелкие магазины стали нерентабельными еще до начала войны. Введение же карточной сертификационной системы распределения товаров с ее началом лишь усугубило их положение»¹³². Общая численность самостоятельных в Германии сократилась с 5013 тыс. в 1925 г. (15,6% рабочей силы) до 4816 тыс. человек в 1939 г. (13,9% рабочей силы), в то время как количество промышленных рабочих возросло с 16024 тыс. в 1925 г. (50,1%) до 17577 тыс. человек в 1938 г. (50,8%)¹³³, в том числе и за счет мелкой буржуазии (лишь в период с 1936 по 1938 гг. наемными рабочими стало свыше 100 тыс. самостоятельных ремесленников¹³⁴).

Таким образом, всем мелким фирмам пришлось столкнуться с проблемами хронической нехватки персонала, а также наличных денег или кредитов, что не позволяло им расширяться, а многих из них привело к банкротству. Не меньшие трудности порождались дефицитом сырьевых материалов и перебоями в их поставках. Разорившиеся ремесленники и лавочники, не сумевшие доказать свою необходимость для военного сектора экономики и лишившиеся своего мелкобуржуазного статуса, которым они столь дорожили, были разочарованы неоправдавшимися ожиданиями. Вину за столь безотрадные перемены в своей судьбе они возлагали на политику властей. Так, в отчетах 41-й баварской конторы по найму рабочей силы сообщалось о рас-

пространении подобных настроений в период с июня 1934 по январь 1935 г. среди представителей коммерческой и промышленной мелкой буржуазии. Торговцы были недовольны валютными и кредитными ограничениями, лишившими их возможности свободного проведения коммерческих операций. Пессимизм части коммерческого среднего сословия питался страхами перед инфляцией, надвигавшейся войной и неопределенностью будущего. Кроме того, с одной стороны, многие торговцы были раздосадованы продолжавшимся функционированием еврейских универмагов (лавочники Меммингена, например, с горькой иронией замечали, что ликвидации последних можно было ожидать лишь после того, как мелкий бизнес прекратит свое существование) и магазинов единых цен, с другой – те из них, чей бизнес зависел от внешних рынков, опасались, что жестокость, с которой в Третьем рейхе осуществлялось решение «еврейского вопроса», отрицательно скажется на внешней торговле¹³⁵, а следовательно, еще больше усугубит их собственное положение. Основанием для серьезного недовольства режимом с их стороны служило, не в последнюю очередь, то, что сумма их дохода не дотягивала даже до заработка квалифицированных рабочих. Характерно, что агентура СДПГ, которая в своих донесениях находившемуся в эмиграции руководству партии обычно делала особый акцент на антипатии к режиму со стороны рабочих, в конце 30-х гг. отмечала: наиболее резкая критика в адрес властей исходила от мелкой и средней буржуазии¹³⁶.

С началом войны контролируемый государством процесс «вычесывания» мелкого бизнеса получил дополнительный импульс. Так, доля ремесленников среди всех занятых сократилась с 13,5% в 1939 до 11,1% в 1941 г.¹³⁷. За период с 1938 по 1941 г. прекратили свое существование 107 тыс. ремесленных мастерских. Падение ремесленного товарооборота в 1938-1941 гг. составило почти одну шестую. В жертву были принесены, в первую очередь, те мелкие буржуа, чья деятельность не представляла инте-

реса для военного сектора экономики. Среди наиболее пострадавших оказались сапожные мастерские, превратившиеся в склады сотен пар обуви, починка которых не производилась по причине отсутствия кожи, и частное строительство, поставленное на грань выживания острой нехваткой рабочих рук и сырьевых материалов (например, в большинстве районов Баварии оно в указанный период почти полностью прекратилось)¹³⁸. По-прежнему происходило массовое закрытие мелких магазинов. В одном лишь районе Фрайбурга за год – с сентября 1939 до сентября 1940 г. – таковых было закрыто 17¹³⁹. Общее же их количество по рейху сократилось с 1,5 млн. в апреле 1939 г. до 1,1 млн. в июне 1941 г.¹⁴⁰

В то же время, как и в других группах населения, недовольство подавляющего большинства мелких буржуа социальной политикой нацистского руководства не принимало политических форм. При этом объективное положение, в котором оказались те или иные подгруппы и отдельные представители старого среднего класса, было неодинаковым. Так, если от политики «вычесывания» наиболее сильно пострадал продовольственный сектор, то такие сферы, как туристический бизнес, пережили подъем в период Олимпийских игр. Кроме того, многие ремесленники и торговцы выгадали от происходившего по мере выхода страны из кризиса восстановления покупательной способности потребителей¹⁴¹. В целом реальный уровень жизни той части ремесленников и розничных торговцев, которым, несмотря на налоговый пресс, удалось не только сохранить свое дело до 1938-1939 гг., но и извлечь пользу из благоприятных экономических возможностей, порожденных военными приготовлениями, в довоенные годы и в первые военные месяцы вырос по сравнению с 1933 г. Выгадали, однако, главным образом, более крупные ремесленные предприятия, получившие долю в военном производстве. С началом войны, когда население бросилось спешно закупать товары впрок, кратковременное увеличение товарооборота пережила и розничная торговля.

Несмотря на это, в целом и в указанный период восприятие нацистской социально-экономической политики основными группами старого среднего класса характеризовалось чувствами обеспокоенности, подавленности и разочарованности¹⁴². Так, с одной стороны, победы вермахта на Западе породили выгодный для розничной торговли и гостиничного бизнеса туристический бум. Тысячи немцев устремились в курортные области Германии. Сюда же эвакуировали женщин и детей из районов, подвергшихся авианалетам союзников. Наплыв приезжих был столь внушительным, что лавочники и владельцы отелей не справлялись с закупкой продовольствия в необходимом количестве (по иронии судьбы, это сразу же вызвало трения между вновь прибывшими и местным населением, обвинявшим первых в непомерных потребностях). С другой стороны, рост налогов лишал многих буржуа стимула к расширению дела. Согласно донесениям из Миттенвальда о настроениях местного населения (лето 1941 г.), лавочники не проявляли интереса к событиям на Восточном фронте и сетовали, что торговец, работавший ранее на прибыльной основе, теперь утратил свою свободу и был низведен до уровня «простого распределителя потребительских товаров... по установленным ценам». В отчете жандармского управления из области Гармиш, датированном августом 1941 г., сообщалось о низком состоянии морали представителей средних слоев, отсутствии у них веры в скорое окончание войны и недоверии к правительственным обещаниям обеспечить улучшение экономического положения в послевоенный период. «Высказываются опасения, – говорилось в этом документе, – что после войны торговый и коммерческий средний класс будет полностью поглощен крупными концернами. Ремесленники боятся того, что рабочая сила, необходимая для освоения новых территорий, будет отобрана у них биржами труда и станет работать на крупные концерны». Перспективы возвращения этой рабочей силы в ремесленную сферу виделись им отдаленными и туманными, что должно было, по их мнению, крайне не-

гativamente сказаться на жизнеспособности ремесла. Опасения же мелких торговцев сводились к тому, что следствием распределительного принципа для них станет необходимость распродать собственные запасы с целью уплаты долгов, в связи с чем они не смогут в дальнейшем «конкурировать с крупными дельцами»¹⁴³.

Лишь в исключительных случаях власти допускали определенные налоговые послабления по отношению к мелкому бизнесу. Впрочем, соответствующие решения были, как правило, продиктованы не финансовыми, а политическими соображениями. Приведем характерный пример подобного рода. На планерке, состоявшейся в Министерстве народного просвещения и пропаганды 30 апреля 1940 г., Геббельс поручил своему сотруднику Мартину проследить за тем, чтобы с владельцев ресторанов не взимались налоги на увеселения за включение радио при трансляции «концертов по заявкам для армии» и «специальных сообщений» радиовещаний МВД. По мнению министра, партии совместно с армейским командованием следовало решительно выступить против подобного бюрократического подхода¹⁴⁴. Проводя совещание 31 июля того же года, Геббельс вновь поднял этот вопрос, потребовав от управляющего делами своего министерства Гуттерера «еще раз проверить», удалось ли избавить рестораторов от необходимости платить указанные налоги «только потому, что они устанавливают радиоприемник для передачи информации». Отметив, что МВД поддерживает его точку зрения и дело лишь за «решением министерства финансов», Геббельс подчеркнул, что в случае, если Гуттерер столкнется с затруднениями, тот должен доложить ему о возникших препятствиях, чтобы он смог «немедленно принять соответствующие меры»¹⁴⁵.

Дурные предчувствия не обманули представителей промыслового среднего сословия. Очередное «Предписание о замораживании цен», принятое 23 ноября и опубликованное 12 декабря 1940 г., ударило, в первую очередь, по их интересам. Оно предусматривало замораживание цен на товары

первой необходимости и иные при наличии, зачастую формального, согласия рейхскомиссара по вопросам ценообразования. Последнее требовалось также в случае необходимости продления или изменения уже существующего замораживания цен в направлении, наносившем вред покупателю. Впрочем, и замораживание цен, предпринятое без его согласия, могло быть санкционировано комиссаром задним числом по соображениям экономической целесообразности. В то же время согласие рейхскомиссара могло быть в любой момент аннулировано им «по важным причинам». «Если замораживание цен, – говорилось в Предписании, – приносит отдельным предприятиям излишние прибыли, рейхскомиссар по вопросам ценообразования в разъяснении к согласию или через особые отдельные предписания может постановить, чтобы эти прибыли определенным им образом были полностью или частично арестованы» (§1)¹⁴⁶. Согласно §5, в начале каждого хозяйственного года картели и синдикаты должны были представлять рейхскомиссару по вопросам ценообразования отчеты с указанием вступивших и выбывших членов, «которых коснулось замораживание цен, установленное картелем или синдикатом, а также о других процессах по замораживанию цен, введенных рейхскомиссаром в разъяснение своего согласия»¹⁴⁷. Рейхскомиссар свои задачи и полномочия, вытекавшие из данного предписания, мог «полностью или частично передать другой организации» (§10, абз. 1)¹⁴⁸.

В целом, хотя бум в определенных ремесленных отраслях и в розничной торговле продолжался по 1940 год включительно, уже в 1939 г. обозначилось ухудшение складывавшейся в них ситуации. В период с лета по весну 1942 г. ремесленная сфера лишилась почти 1,4 млн. обученных работников¹⁴⁹, будучи вынужденной уступить их крупному производству и вермахту. Когда в 1941 г. руководство Имперского сословия немецкого ремесла пожаловалось на то, что конкурентная борьба между строительными промышленностью и ремеслами оказывала на последние разрушительное воздействие,

Гиммлер «успокоил» его, обрисовав многообещающие перспективы, которые открывались для ремесленников - строителей на оккупированных восточноевропейских территориях¹⁵⁰. Однако эти оптимистические обещания и связанные с ними гипотетические выгоды не могли скомпенсировать мелкой буржуазии реальные материальные потери, которые ей приходилось нести.

По данным Г. Керля, занимавшего высокие посты в Имперском министерстве экономики, а затем – в Рейхсминистерстве вооружений и боеприпасов, на протяжении военных лет происходило неуклонное снижение товарооборота розничной торговли: с 37,8 млрд. марок в 1939 г. до 35,7 – в 1940, 35,4 – в 1941, 33,7 – в 1942 и 33,0 млрд. рейхсмарок в 1943 г.¹⁵¹. Правда, с тем чтобы несколько успокоить владельцев ремесленных мастерских, 9 февраля 1942 г. было принято предписание, касавшееся регулирования процесса создания новых ремесленных предприятий. В нем, в частности, отмечалось, что в целях обеспечения интересов мобилизованных в армию ремесленных мастеров, предприятия которых в связи с этим «либо закрыты, либо могут продолжать работать лишь в ограниченном объеме», на период их отсутствия запрещалось создание поблизости от их мастерских таких же ремесленных предприятий. Подобная мера, по мнению властей, должна была избавить указанных лиц от перспективы «оказаться... в неблагоприятной конкурентной ситуации»¹⁵². Были предприняты шаги и по дальнейшему регулированию отношений между владельцами магазинов розничной торговли и торговыми агентами. 24 января 1940 г. было принято «Предписание об изменении и дополнении предписаний в области торгового права», обнародованное и вступившее в силу 26 января. Согласно его положениям, основанным на договоренности между генеральным уполномоченным по экономике и верховным главнокомандованием вермахта, в случае призыва на военную службу торгового агента действовавший на тот момент договор между ним и хозяином магазина не прерывался. При отсутствии иных договоренностей торговый агент

в течение всего периода своей службы не имел права претендовать ни на возмещение за производственные издержки, ни на комиссионные за заказы, принятые фирмой после его призыва на военную службу. Однако за ним сохранялось право на получение комиссионных, причитавшихся предприятию торговли за те заказы, которые он сам принимал, но которые были выполнены лишь после его мобилизации (§1, прим. 6 к §1). Одновременно §2 Предписания подтверждал право торгового агента на отказ от договорных отношений в случае его призыва в вермахт. Владельцу же предприятия разрешалось разорвать договорное отношение лишь при наличии веских оснований для этого, к каковым призыв на военную службу не относился¹⁵³.

На практике, однако, подобные меры мало что меняли в принципиальном отношении. Власти постепенно ужесточали контроль за ремесленной и торговой сферами. Если в первые годы войны произошло определенное расширение полномочий ремесленной организации (она была наделена правом принятия решений о закрытии ремесленных предприятий и распределении сырьевых контингентов¹⁵⁴), то уже предписанием от 20 апреля 1942 г. ремесленные палаты, наряду с промышленными и торговыми палатами, были включены в экономические палаты гау. В связи с этим они окончательно утратили какую бы то ни было правовую и организационную самостоятельность¹⁵⁵. 20 октября 1942 г. Советом министров по обороне рейха было принято «Предписание о рыночной перспективе в ремесленной экономике и по упрощению организационной сущности в области регулирования рынка», опубликованное 27 октября и вступившее в силу через неделю после обнародования (§10). Оно наделяло рейхсминистра экономики правом для достижения указанной цели «объявлять регулирующие рынок соглашения полностью или частично недействительными..., давать указания о способе проведения регулирующих рынок соглашений, распускать существующие организации или объединять с другими организациями и запрещать начальникам, дело-

производителям и другим работающим органам дельнейшую деятельность при проведении других регулирующих рынок соглашений» (§1, абз. 1).

Глава имперского экономического ведомства получал также полномочия унифицировать и дополнять «законодательные предписания, действующие для области рыночного регулирования»¹⁵⁶. В тех случаях, когда то или иное ремесленное предприятие, «игравшее существенную роль в рыночных отношениях», допускало злоупотребления, наносящие вред экономике в целом или отдельному предприятию, рейхсминистр экономики мог отдавать соответствующие распоряжения по выправлению сложившегося положения (§4). Кроме того, §5 Предписания разрешал министру полностью или частично передавать права, предоставленные ему §1, абз. 1 и §4 данного документа, тем или иным учреждениям, общественным службам и уполномоченным. Согласно §6, расходы, связанные с проведением требуемых министром экономики изменений, устанавливались последним либо, в случаях, указанных в §5, теми учреждениями, общественными службами или уполномоченными, которым он передавал соответствующие права. Средства же, требовавшиеся на проведение этих изменений, взыскивались «финансовыми службами, в соответствии с предписаниями Устава имперских сборов и предписаниями, изданными или находящимися в процессе подготовки для их осуществления», и поступали в казну рейха.

К нарушителям этого предписания по инициативе имперского министра экономики применялись штрафные санкции, размер которых не ограничивался (§7). Он же уполномочивался «издавать необходимые правовые и административные предписания для проведения и дополнения данного предписания» (§9) и определять срок истечения его действия (§10)¹⁵⁷.

Наиболее драматическим в положении мелкой и средней буржуазии стал переломный период войны. В соответствии с «Предписанием о высвобождении некоторых контингентов рабочих для выполнения важных воен-

ных заданий» от 29 января, дополнительными циркулярами министра экономики от 30 января 1943 г.¹⁵⁸, предписанием от 29 февраля того же года была проведена очередная кампания по закрытию или слиянию с более крупными предприятиями многочисленных ремесленных мастерских, а также мелких магазинов (в частности, парфюмерных и кондитерских¹⁵⁹, сохранение которых в военное время было признано нецелесообразным). Эта кампания, подкрепленная новыми ликвидационными мерами, последовавшими летом¹⁶⁰, позволила к концу года высвободить для промышленности 400 тыс. рабочих¹⁶¹.

Опасаясь негативной реакции средних слоев на очередное ущемление их прав и вынужденные убытки, Геббельс в произнесенной им 18 февраля 1943 г. в берлинском дворце спорта речи, посвященной тотальной войне, пообещал, что после войны ликвидированные мелкие и средние предприятия вновь будут открыты¹⁶². Однако правительство так и не решилось пойти в этом вопросе до конца. Уже 12 марта 1943 г. рейхсминистр экономики издал специальный циркуляр, допускавший определенные временные послабления в сфере деятельности самостоятельных ремесленников, с тем чтобы гарантировать обеспечение населения. В конце осени 1943 г. указанная кампания была официально прекращена. Однако ее последствия имели необратимый характер. Так, сохранивших свой бизнес ремесленников осталось столь мало, что имперский министр финансов вынужден был издать 21 марта 1944 г. распоряжение, обязывавшее соответствующих должностных лиц мириться с «левой» работой иностранцев¹⁶³.

Розничным торговцам война принесла и иные проблемы. С одной стороны, они обладали определенным преимуществом перед представителями других групп средних слоев: имевшийся у них доступ к дефицитным товарам позволил им наладить между собой меновую торговлю и совершать сделки на черном рынке. С другой – резко возросла нагрузка на владельцев и обслуживающий персонал лавок и мелких магазинов, специализировавшихся на

торговле продуктами питания: с введением карточной системы распределения продовольствия у них много времени уходило на проверку подлинности продуктовых карточек; к тому же, начиная с 1943г., молочные магазины и булочные должны были обслуживать покупателей ежедневно с шести часов утра до семи- восьми часов вечера¹⁶⁴.

В целом, несмотря на то, что именно средние слои, в первую очередь ремесленники и торговцы, составили ядро социальной базы нацистского движения, адресованные им обещания, содержащиеся в программе НСДАП, в значительной степени не были выполнены. С одной стороны, вне зависимости от материального положения, статус многих розничных торговцев и самостоятельных ремесленников повысился вследствие принятия 20 января 1934 г. «Закона о регулировании национального труда», в соответствии с которым они стали «фюрерами» своих предприятий, а занятые на них подмастерья и ученики превратились в свиту, практически ничем не защищенную от произвола своих хозяев. К тому же, понятия «верность», «долг», «честь», «ответственность», фигурировавшие в тексте Закона, отвечали ремесленному идеалу патриархальных трудовых отношений¹⁶⁵. С другой стороны, ряд шагов, сделанных режимом навстречу традиционным требованиям указанных групп мелкой буржуазии, таких, как введение обязательной сдачи экзамена на мастера и принудительное образование гильдий, не внесли кардинальных изменений к лучшему в положение большей части старого среднего класса. В Третьем рейхе так и не был реализован идеал ремесленной и торговой буржуазии, заключавшийся в создании корпоративной экономической структуры, поскольку подобные организации, учрежденные при непосредственном участии властей и действовавшие под их жестким контролем, одновременно служили инструментом государственного влияния на указанные группы средних слоев. Не были выполнены и протекционистские требования последних, касавшиеся ликвидации универмагов и потребительских кооперативов.

В конечном итоге верх взяли прагматические соображения: интересы мелкой буржуазии в значительной степени были принесены в жертву планам ускоренной подготовки к войне, которая привела к усилению регламентации ремесленного производства и мелкой розничной торговли. Пиком такой регламентации стала политика «вычесывания», последствия которой продолжали сказываться и по окончании войны. Так, если в 1936 г. на каждую тысячу жителей рейха приходилось 24,5 ремесленных предприятия, то в 1949 г. в ФРГ эта цифра составила лишь 18,3¹⁶⁶. Помимо всего прочего, мелкие предприниматели были поставлены в неравное с крупным капиталом конкурентное положение, причем не только в материальном отношении. Тогда как владельцы небольших кафе, продолжавшие обслуживать евреев, не могли рассчитывать на снисхождение властей, та или иная влиятельная фирма позволяла себе прибегать к услугам еврейского адвоката, практически ничем не рискуя¹⁶⁷. О последствиях, которые еще в довоенный период имела для мелкого бизнеса политика картелирования, уже говорилось. Многочисленные исследования этой проблемы показывают, что в период войны, особенно после вступления ее в «тотальную» фазу, происходило дальнейшее расширение индустриальных гигантов за счет мелких предприятий¹⁶⁸.

Таким образом, нельзя не согласиться с выводом Келлера о том, что в национал-социалистическом государстве так и не было устранено противоречие между социальной основой и социальной функцией нацизма¹⁶⁹. Мелкобуржуазная экономика, которая бы основывалась на принципах самоуправления, оказалась миражом. Значительная часть старого среднего класса либо подверглась пролетаризации, не выдержав конкуренции со стороны монополий, либо была поставлена под ружье, утратив таким образом возможность оставаться в бизнесе. Тем же, кто сумел сохранить свой статус и в годы войны, пришлось сполна познать тяготы военного времени. В целях выживания они нередко прибегали к услугам черного рынка, сознательно идя на на-

рушение закона и подвергаясь риску репрессий. Тем не менее вплоть до последних дней режима основная масса мелких торговцев и ремесленников сохраняла ему лояльность.

2.2. Политика в отношении крестьянства

По мере того как связанные с процессом индустриализации модернизаторские аспекты неумолимо вторгались в аграрную сферу, немецкое крестьянство все больше стремилось к сохранению традиционного образа жизни и мечтало о государстве, в социально-экономической политике которого приоритет отдавался бы интересам сельского хозяйства¹⁷⁰. В условиях кризиса 1929-1932 гг., когда вызванное им падение цен на сельскохозяйственную продукцию привело к резкому росту задолженности аграрного сектора (последняя выросла с 8728 млн. марок в 1926 г. до 11425 млн. марок в 1932 г.¹⁷¹), значительная часть крестьянства усмотрела именно в обещаниях нацистов (проведение земельной реформы, отвечавшей национальным интересам; запрещение спекуляции землей, отмена арендной платы за землю – пункт 17 программы НСДАП¹⁷²) подобную перспективу. Наблюдавшееся в это время неуклонное падение доходности крестьянских хозяйств способствовало нарастанию в их рядах оппозиционности Веймарской системе¹⁷³ и ослаблению веры в способность традиционных буржуазных партий взять ситуацию под контроль и выправить положение.

Национал-социалистам удалось извлечь выгоду из этих настроений. В служебном объявлении о позиции НСДАП по отношению к сельскому населению и сельскому хозяйству от 6 марта 1930 г. были определены как экономические, так и идеологические основы нацистской аграрной политики. Среди основных программных положений этого документа значились изъятие сельского хозяйства из сферы рыночных отношений (это должно было избавить крестьянина от случайностей игры рыночных сил), создание профес-

сионально-сословной организации, внесение в наследственное право изменений, в соответствии с которыми возможность наследования крестьянского земельного владения предоставлялась лишь «арийцам»¹⁷⁴.

Именно в деревне в конце 20-х – начале 30-х гг. нацистам удалось добиться наиболее значительного влияния. Весьма показательным в этом отношении является то, что на втором этапе президентских выборов 1932 г. в Германии Имперский аграрный союз провозгласил Гитлера кандидатом от сельского хозяйства страны¹⁷⁵.

Тем не менее в науке до сих пор нет единства мнений по поводу того, какие именно группы сельского населения поддерживали национал-социалистов. А.А. Аникеев на основании анализа официальных списков кандидатов НСДАП на выборах в рейхстаг в июле 1932 г. приходит к выводу, что подавляющее большинство их составляли крупные предприниматели, гроссбауэры, управляющие имениями, а также юнкеры¹⁷⁶ (здесь, однако, на наш взгляд, нужно учитывать то, что у мелких и средних крестьян зачастую не было необходимых денежных средств для того, чтобы баллотироваться в рейхстаг). Д. Фаргухарзон настаивает на том, что в сельской местности электорат НСДАП в 1930-1932 гг. состоял в основном из крестьян, являвшихся владельцами земельных участков, площадь которых не превышала 20 га. Что же касается крупных аграриев, чьи земельные владения составляли от 20 до 100 га, то они относились к нацистам настороженно, а сельскохозяйственные рабочие «неизменно сочувствовали» СДПГ¹⁷⁷. Этой же точки зрения придерживается Н. Пасчьер, уточняющий, что особый успех сопутствовал НСДАП в Южной Германии – «в областях с небольшими хозяйствами, гомогенной социальной структурой, сильно развитыми чувствами местной солидарности и социального контроля». При этом он подчеркивает, что и на востоке страны, где преобладали крупные хозяйства, нацистам удалось добиться успеха¹⁷⁸. В то же время, по мнению профессора Р. Хеберле, национал-социалистов цели-

ком поддерживало население отдельных сельских районов вне зависимости от их социальной структуры¹⁷⁹.

Действительно, в некоторых сельских местностях нацистской партии удалось заручиться поддержкой подавляющего большинства местных жителей, вне зависимости от их социальной принадлежности. Но подобная картина, как правило, наблюдалась там, где, последствия аграрного кризиса были не столь разрушительными. Так, в Ангельне (Шлезвиг – Гольштейн) в июле 1932 г. НСДАП поддерживало 70,8% населения. Причем в качестве наиболее ревностных сторонников нацистов здесь выступали зажиточные крестьяне, тогда как сельский пролетариат поддерживал либо социал-демократов, либо коммунистов¹⁸⁰. Последний пример свидетельствует о том, что далеко не во всех случаях существовала непосредственная связь между воздействием на крестьян кризиса и их поворотом в сторону национал-социалистов.

Аграрная политика представляла собой важную составную часть социальной политики нацистского режима. Не было недостатка в обещаниях крестьянству и славословиях в его адрес со стороны политического руководства Третьего рейха. Выступая на мартовских выборах 1933 г., Гитлер в очередной раз пообещал крестьянам обеспечить подъем сельского хозяйства, посулив им, что новый кабинет решит их проблемы в течение четырех лет. 23 марта фюрер заявил о необходимости восстановить доходность сельского хозяйства, причем если понадобится, то за счет потребителя. Как бы ни было последнее тяжело, подчеркнул он, это было предпочтительнее краха крестьянства. И, наконец, 1 мая того же года Гитлер провозгласил, что национальное возрождение должно начаться именно с крестьянства и в этом - кардинальное отличие аграрно-политического курса нацистов от политики прежних правительств¹⁸¹.

Однако процветание сельского хозяйства виделось фюреру и его экономическим и идеологическим советникам в рамках системы жесткого госу-

дарственного регулирования производства и сбыта сельскохозяйственной продукции. На основании «Закона о принудительном картелировании хозяйства», принятого 15 июля 1933 г., и ряда предписаний по его реализации были осуществлены соответствующие меры в главных отраслях сельского хозяйства – производстве молока и молочных продуктов (постановление от 20 июля 1933 г.), зерна («Закон о регулировании зернового хозяйства» от 27 июня 1934 г.), сбыте продукции животноводства (закон от 23 марта 1934 г.), яиц (закон от 30 декабря 1933 г.) и др.¹⁸².

В. Дарре, сменивший в апреле 1933 г. А. Гугенберга на посту рейхсминистра продовольствия и сельского хозяйства, в течение трех месяцев подготовил программу преобразований в аграрном секторе экономики, предусматривавшую установление полного контроля за производством, сбытом сельскохозяйственной продукции и ценами на нее; реформирование наследственного права применительно к недвижимой собственности крестьян с целью стабилизации землевладения; создание «восточных поселений». Одним из важнейших положений этой программы стало внедрение в сельское хозяйство принципа корпоративизма, отражавшего многолетние чаяния сельскохозяйственных организаций (еще в 1929 г. они объединились в «Зеленый фронт»¹⁸³). Свое практическое воплощение данный принцип нашел в Имперском продовольственном сословии, образованном в соответствии с «Законом о временной организации Имперского продовольственного сословия» от 13 сентября 1933 г.¹⁸⁴, которое, в свою очередь, выросло из «аграрного сообщества», оформившегося весной 1933 г.¹⁸⁵.

Создание новой организации было призвано облегчить регламентирование сельскохозяйственного производства со стороны властей и включение сельского хозяйства в систему подготовки германской экономики к войне. Дарре распорядился, чтобы «в целях упрощения структуры и управления Имперского продовольственного сословия... ассоциации, лиги и союзы, ко-

торые имели своей целью экономическую, политическую, профессиональную и духовную поддержку... сельского хозяйства», стали его членами¹⁸⁶. Иными словами, в Имперское продовольственное сословие, являвшееся, по словам Дарре, «единой сословной организацией распределения и переработки продуктов сельского хозяйства»¹⁸⁷, было включено более 3 млн. крестьянских хозяйств, почти 500 тыс. магазинов розничной торговли, в которых продавались продукты питания и напитки, 300 тыс. предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов¹⁸⁸. «Обязанность Имперского продовольственного сословия, – говорилось в Законе, – заключается в том, чтобы объединить его членов в сознании их ответственности по отношению к народу и нации» с целью «сохранения и укрепления немецкого народа». Его особой задачей, подчеркивалось далее, является поддержка «немецких крестьян и сельского хозяйства, сельскохозяйственных ассоциаций, ...торговцев, ... предприятий перерабатывающей промышленности», а также «регулирование экономических ... дел ее членов, гармонизация действий различных сил для служения общественному благу, для использования административной власти Имперского продовольственного сословия; помощь крестьянам, особенно путем распространения информации и назначения экспертов»¹⁸⁹.

В соответствии с рядом уточняющих распоряжений Дарре, последовавших 8 декабря 1933 г., 15 января и в феврале 1934 г., 4 февраля 1935 г., членами Имперского продовольственного сословия объявлялись землевладельцы и арендаторы всех категорий, сельскохозяйственные рабочие, владельцы лесных и водных угодий, сельскохозяйственные кооперативы и деревенские общины, предприниматели-владельцы торговых и перерабатывающих предприятий, а также устанавливалась регулировавшаяся в централизованном порядке система учета¹⁹⁰. В конечном итоге в рамках Имперского продовольственного сословия были в принудительном порядке объединены все профессиональные отрасли сельского и лесного хозяйства, питания, де-

ревообработки, рыбная промышленность, торговля и перерабатывающие предприятия, а также союзы и товарищества, которых главная организация наделила определенными полномочиями с целью «урегулирования сбыта, установления цен и торговых наценок, стандартизации и планирования (ограничение или расширение) продукции и ее продажи»¹⁹¹.

Таким образом, Имперское продовольственное сословие представляло собой единую профессиональную организацию, обладавшую громоздкой разветвленной иерархической структурой, основанной на принципе фюрерства (его аппарат состоял из 20 тыс. штатных и 113 тыс. работавших на общественных началах чиновников¹⁹²). Официально оно обладало автономией, фактически же до принятия в 1936 г. второго четырехлетнего плана пользовалось полунезависимым положением¹⁹³, а затем постепенно утратило и его. Во главе корпорации стоял Имперский крестьянский фюрер, подчинявшийся лишь рейхсминистру продовольствия и сельского хозяйства¹⁹⁴. Центральными руководящими органами организации являлись два имперских управления – штабное во главе с Райшле и административное, которое возглавил имперский староста Майнберг. Структура второго управления состояла из пяти отделов, каждый из которых курировал деятельность соответствующих профессиональных представительств, и 10 специальных советов¹⁹⁵.

В структуре Имперского продовольственного сословия важная роль отводилась созданному согласно Закону от 13 сентября 1933 г. рыночному управлению. Его основными подразделениями являлись центральные союзы, которые занимались регулированием цен, осуществляли контроль за спросом и предложением на все виды сельскохозяйственной продукции, устанавливали квоты производства и сбыта того или иного ее вида. Для деятельности союзов была характерна узкая специализация. Каждый из них обладал соответствующей компетенцией в конкретной аграрной отрасли (виноградарство; разведение крупного рогатого скота; производство и реализация зерна, моло-

ка, картофеля, яиц, продуктов садоводства и огородничества, пива, сахара, рыбы)¹⁹⁶. Кроме того, в рамках организации были созданы консультативные органы. К ним относились: Имперский крестьянский совет (в него входили крестьяне – члены НСДАП, задача которых заключалась в том, чтобы консультировать крестьянского фюрера), Имперский крестьянский съезд, по итогам работы которого ежегодно принималась крестьянская конвенция, а также Имперское крестьянское собрание. Была оформлена и структура местных органов корпорации. Руководство Имперского продовольственного сословия разделило страну на 19 округов, в которых располагались окружные или земельные крестьянские ассоциации, во главе каждой из которых стояли окружные крестьянский фюрер, крестьянский совет, административное управление. Округа, в свою очередь, делились на 541 район и 50-55 тыс. местных ассоциаций¹⁹⁷.

Поскольку подчинение Имперскому крестьянскому фюреру окружных крестьянских вождей вызывало недовольство гауляйтеров, эта проблема была урегулирована посредством соглашения, заключенного между Дарре и Гессом. По его итогам заместителем фюрера 12 февраля 1935 г. был издан приказ, в соответствии с которым партийным органам запрещалось вмешиваться в деятельность корпорации. Члены аппарата организации продолжали находиться под юрисдикцией партии, но подчинялись непосредственно Дарре, как рейхсляйтеру. Поскольку между НСДАП и Имперским продовольственным сословием, отмечалось в приказе, существовала тесная взаимосвязь, кандидатуры крестьянских фюреров должны были одобряться соответствующим гауляйтером. Договоренность, достигнутая между двумя нацистскими лидерами, предусматривала также сотрудничество корпорации с партийными, рабочими и женскими организациями при отсутствии дублирования их функций¹⁹⁸.

Частые конфликты по поводу компетенций, происходившие между

экономическими союзами и крестьянскими ассоциациями, касавшиеся жалоб отдельных лиц на ущемление их интересов, потребовали создания судебной системы, которая бы занималась рассмотрением проблем, не подпадавших под юрисдикцию гражданских судов. Такая система была создана в 1935-1936 гг. Предполагалось, что эти суды будут заниматься рассмотрением спорных вопросов, касавшихся порядка сбыта и гарантирования защиты прав. При этом отмечалось, что указанная обязанность «лежала вне сферы так называемых гражданских прав». В рамках ассоциаций также были созданы суды, задачей которых было рассмотрение соответствующих споров на местном уровне. На решения, вынесенные этими судами, разрешалось подавать апелляцию в Высший арбитражный суд в Берлине. Вторая общая система судов была создана в 1935-1936 гг. приказом имперского крестьянского фюрера. Они получили название судов по урегулированию споров. Их цель заключалась в том, чтобы выступать в качестве арбитров в спорах, касавшихся прав отдельных лиц на продажу и распределение сельскохозяйственных продуктов¹⁹⁹.

Новая организация, по мнению В. Дарре, должна была гарантировать крестьянину защиту в том, что касалось производства и дохода, а населению - бесперебойное снабжение сельскохозяйственными продуктами. Кроме того, расходы на хранение продукции должны были нести отдельные производители и, таким образом, казна освобождалась от этого бремени, поскольку если зимой цены были ниже, чем осенью, крестьянин естественно сохранял часть зерна для извлечения прибыли. В то же время, он должен был сдавать в принудительном порядке фиксированную часть урожая, когда осенью в ней возникала необходимость. Однако новые правила были разработаны не просто для того, чтобы помочь производителю, а с тем, чтобы рационализировать распределение и снабжение для всего сообщества²⁰⁰.

Дарре обещал крестьянам повышение цен на их продукцию, а нации – значительный рост сельскохозяйственного производства. Второе обещание было

связано с тем, что одной из главных задач нацистской аграрной политики, выделенной в качестве таковой Гитлером еще в ходе президентской избирательной кампании в апреле 1932 г.²⁰¹, было достижение самообеспечения страны продуктами питания (автаркия в случае возникновения крупных военных конфликтов должна была позволить избежать перебоев со снабжением населения продовольствием, являвшихся бичом государства в годы Первой мировой войны²⁰²). Ту же цель преследовала «битва за продовольствие», провозглашенная статс-секретарем Имперского министерства внутренних дел и Рейхсминистерства продовольствия и сельского хозяйства Г. Бакке в ноябре 1934 г. Бакке обратил внимание немецкого крестьянства на то, что многие импортируемые продукты питания могли производиться в Германии, подчеркнув, что только закупки за рубежом кормового жмыха в период с января по сентябрь 1934 г. обошлись стране в 182 млн. рейхсмарок в иностранной валюте²⁰³. Здесь в первые годы своего существования нацистскому режиму удалось добиться некоторых успехов и в определенной степени переломить наметившуюся с конца XIX в. тенденцию усиления зависимости Германии от импорта продовольствия. Так, по некоторым данным, доля отечественных продуктов питания в общем их потреблении снизилась с 95% в 1880 г. до 66% в 1926 г., после чего возросла до 77% в 1930 г., 81% в 1934 г. и 84% в 1936 г. (в то же время, согласно расчетам Фаргухарзона, даже в 1938 г. продукты германского сельскохозяйственного производства составляли лишь 57% от общего потребления²⁰⁴). Вырос индекс германского сельскохозяйственного производства: с учетом импортных кормов для крупного рогатого скота – со 104 пунктов в 1932-1933 гг. до 113 пунктов в 1936-1937 гг., без учета – со 108 до 127 пунктов (1928-1930 гг. = 100). В 1936 г. урожай картофеля составлял 104%, сахарной свеклы – 112%, кормовой свеклы – 128%, брюквы – 110%, клевера и люцерны – 117%, сена – 122%, ржи – 96% от показателей 1935 г.²⁰⁵. Общие данные о сельскохозяйственном производстве в Германии в довоенный период приведены в таблице 13.

Таблица 13

Германское сельскохозяйственное производство (животные в млн. голов, продукция растительного происхождения – в млн. тонн)²⁰⁶

Год	Продукт								
	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель	Сахарная свекла	Овцы	Крупный рогатый скот	Свиньи
1930	3,8	7,7	2,9	5,7	47,1	14,9	3,5	18,5	23,6
1932	5,0	8,4	3,2	6,7	47,0	7,9	3,4	19,2	23,0
1933	5,6	8,7	3,5	7,0	44,1	8,6	3,4	19,8	24,0
1934	4,6	7,6	3,2	5,5	46,8	10,4	3,5	19,3	23,3
1935	4,7	7,5	3,4	5,4	41,0	10,6	3,9	18,9	22,8
1936	4,4	7,4	3,4	5,6	46,3	12,1	4,3	20,1	25,9
1937	4,5	6,9	3,6	5,9	55,3	15,7	4,3	20,5	23,8
1938	5,6	8,6	4,2	6,4	50,9	15,6	-	19,4	23,6

В 1938-1939 гг. производительность сельского хозяйства страны была на 20% выше, чем десятью годами ранее, причем половина этого роста оказалась достигнута с 1935-1936 гг. Степень самообеспечения Германии продуктами питания заметно возросла²⁰⁷ (табл. 14).

Таблица 14

Степень самообеспеченности Германии некоторыми продуктами питания (в %)²⁰⁸

Продукты	Год		
	1927-1928	1933-1934	1938-1939
Хлебное зерно	79	99	115
Картофель	96 (84)	100 (90)	100 (91)
Овощи	84	90	91
Сахар	100	99	101
Мясо	91	98	97
Яйца	64	80	82
Жиры	44	53	57
Все продукты питания вместе	68	80	83

Высокая степень самообеспечения продуктами питания, достигнутая германской экономикой к началу войны, констатировалась и в брошюре «Сельское хозяйство Германии», подготовленной экспертами Генерального штаба США в 1944 г. От 80 до 85% всего потребления продовольствия в Германии в последние предвоенные годы, вычисленного на калорийной основе, подчеркивалось в ней, покрывалось за счет отечественной продукции, но при этом основной дефицит сохранялся в обеспечении жирами и маслами. Немецкое сельскохозяйственное производство, отмечалось в публикации далее, согласно данным Германского института изучения проблем бизнеса, возросло в период с середины 20-х до середины 30-х гг. почти на 25%. При этом сравнительно больший рост наблюдался в производстве кормов, нежели в сфере производства продуктов питания растительного происхождения, предназначенных для непосредственного человеческого потребления. При таком распределении увеличения производительности, подчеркивали американские эксперты, «потери энергии вследствие перехода в питании на продукты животноводства снизили общий показатель роста в пересчете на общее количество пищевых калорий для человеческого потребления. Из 220 триллионов калорий, которые составляло сельскохозяйственное производство в конце 30-х гг., около 20 трлн. приходилось на питание тягловых животных, 30 трлн. - на семена, потери, отходы, а также на промышленные цели. Таким образом, на питание и корм оставалось около 170 трлн. калорий. 41 трлн. калорий использовался для непосредственного человеческого потребления в виде продуктов питания растительного происхождения, в то время как оставшиеся 129 трлн. – за счет потери 6/7 изначальной энергии – были превращены в почти 19 трлн. калорий продуктов питания животного происхождения»²⁰⁹.

Действительно, в связи с курсом на автаркию дефицит кормов был одной из наиболее острых проблем, стоявших перед сельским хозяйством Германии. На нее указывал Бакке²¹⁰. В 1934 г. власти даже обратились к крестья-

янам с просьбой сдать 70% полученного ими урожая ржи в обмен на импортный ячмень, с тем, чтобы пустить ее на корм скоту, в первую очередь свиньям (увеличение поголовья последних обещало снизить потребность населения в масле и маргарине)²¹¹. Согласно июльскому указу 1937 г., был ужесточен контроль за распределением и использованием кормов. В частности, под угрозой штрафа в 100 тыс. рейхсмарок было запрещено кормить домашнюю птицу зерном, пригодным для выпечки хлеба. Ожидалось, что эта мера позволит ежегодно высвободить для человеческого потребления 2 млн. тонн ржи и полмиллиона тонн пшеницы. В то же время из общей суммы капиталовложений в сельское хозяйство, составивших за период 1936-1940 гг. 1,5 млрд. рейхсмарок (16% всех средств выделенных на осуществление второго четырехлетнего плана), 152 млн. рейхсмарок было предназначено для увеличения отечественных запасов корма для скота²¹².

С самого начала перед режимом остро стояла проблема сокращения импорта продовольствия и кормов с целью сохранения валютных резервов. В одном только 1933 г., когда Германия потратила 3,6 млрд. рейхсмарок на закупку продовольствия за рубежом, ее запасы иностранной валюты сократились с 450 млн. рейхсмарок в апреле до 280 имперских марок в июне²¹³. В дальнейшем, однако, сокращение ввоза указанных видов продукции позволило в значительной степени выправить ситуацию в валютной сфере²¹⁴.

По данным А. Милуарда, стоимость продуктов питания, ввезенных в Германию в 1935-1938 гг., составляла лишь 30% от уровня 1925-1928 гг.²¹⁵. Фаргухарзон же подсчитал, что стоимость импорта продуктов питания составляла в 1929 г. – 5,5; в 1933 г. – 3,6; в 1934 г. – 3,7; в 1935 г. – 3,2; в 1936 г. – 4,1; в 1938 г. – 5,0; в 1939 г. – 4,4 млн. рейхсмарок²¹⁶.

Как отмечалось в брошюре Генерального штаба США, к середине 30-х гг. Германия добилась сокращения импорта кормового зерна благодаря значительному увеличению еще с начала 20-х гг. производства картофеля, дос-

тигнутому за счет как расширения посевных площадей (в довоенный период Третьего рейха они возросли с 2718000 га в 1933 г. до 2834000 га в 1939 г.²¹⁷), так и роста урожая. По подсчетам американских специалистов, при среднем урожае этой культуры в 42,2 млн. т. в 1933/34 – 1935/36 гг. около 12,5 млн. т. приходилось на человеческое потребление (около 180 кг на душу населения в год), 1 млн. – для производства крахмала, 2 млн. т. – для производства алкоголя, 16,5 млн. т. – для питания скота, особенно свиней, и свыше 10 млн. т. приходилось на семена и потери. К 1936-1937 гг. производство картофеля возросло до 50,8 млн. т., из которых 13 млн. т. были использованы для человеческого потребления, 4,4 млн. т. – для производства крахмала и алкоголя, 11 млн. т. – для сева и списано на потери и 22,5 млн. т. пошло на корм скоту. Фактически Германии удалось добиться самообеспечения картофелем, за исключением незначительного импорта раннего картофеля²¹⁸.

Что касается других продуктов питания, то картина степени достигнутого Германией самообеспечения выглядела следующим образом. Потребление в стране сахара перед войной составляло 22 кг на душу населения, что значительно превышало показатели государств Южной и Восточной Европы, но уступало уровню потребления в Северной и Западной Европе. Количество потребления цитрусовых и тропических фруктов в 1933-1937 гг. было ниже показателей 1927-1931 гг. вследствие сокращения их импорта. Чистое потребление свежих фруктов на душу населения в 1933-1937 гг. составляло приблизительно около 42 кг в год, включая около 4,5 кг цитрусовых и 1,5 кг бананов (несмотря на ограничительные меры нацистского правительства, импорт в страну свежих фруктов в 1937-1938 гг., когда их урожай в Германии был большим, доходил до 750 тыс. метрических тонн). Таким образом, самообеспечение Германии фруктами перед войной приблизительно составляло две трети²¹⁹. В то же время благодаря росту урожаев импорт свежих овощей в период с 1928 по 1938 гг. в общем потреблении сократился с 14 до

7%. Перед началом войны самообеспечение Германии свежими овощами составляло около 3,25 млн. метрических тонн, или 48 кг на душу населения²²⁰. Ежегодное потребление коровьего молока на душу населения равнялось приблизительно 110 л, козьего – почти 14 л. Общее ежегодное потребление масла в 1933-1937 гг. доходило до 540 тыс. т., из которых приблизительно 470 тыс. т. обеспечивалось за счет германского производства и 70 тыс. т. приходилось на импорт (по данным германского Института исследования конъюнктуры, в 1938 г. в Германии потреблялось 600 тыс. т. масла - из них 92 тыс. т. составлял импорт – то есть 8,8 кг на человека в год, или 170 г. в неделю²²¹). Среднегодовое потребление сыра доходило до 5 кг на душу населения. При этом лишь треть всего сыра производилось из цельного, а две трети – из снятого молока²²². В той же брошюре отмечалось, что в 1937 г. семья рабочего, состоявшая из 4,1 человек, потребляла около 2100 калорий в день на человека, что было на 5% ниже соответствующего уровня потребления в такой же семье, состоявшей из 4,2 человек, в 1927-1928 гг. С точки зрения калорий хлеб, картофель и дешевый маргарин стоили совсем недорого; цены на молоко, масло, топленый свиной жир, сахар, бобы, свинину были средними, на яйца же и говядину – высокими.

Если подсчитать совокупную пищевую ценность, то получится, что хлеб, картофель, другие свежие сезонные овощи, молоко, масло, сыр, свинина и соль стоили сравнительно недорого, в то время как цены на говядину, яйца, определенные виды рыбы, фрукты и более изысканные овощи оставались высокими²²³. Потребление вина в довоенный период (около 6 л. в год на человека) на три четверти обеспечивалось за счет отечественного производства; потребление пива доходило до 60 л в год, а крепких алкогольных напитков составляло около 1 л²²⁴. Авторы вышеуказанной брошюры подчеркивали, что принципиальное различие в положении с питанием в Германии в 1939 г. в сравнении с 1914 г. заключалось именно «в значительном повыше-

нии структурной стабильности ее самообеспечения на 80-85%». Они пришли к выводу, что к 1933-1935 гг. зависимость общего германского производства домашнего скота и продуктов животноводства от импортных кормов составляла лишь около 18%, к 1936 г. – около 12%, а к началу войны – «возможно, не более 10%». В период же Второй мировой войны, говорилось далее, положение в сфере германского животноводства было более благоприятным по сравнению с 1914-1918 гг.²²⁵

В целом в Германии в мирные годы Третьего рейха наблюдался рост потребления продуктов питания (табл. 15), вызванный, в частности, тем, что Имперскому продовольственному сословию удалось добиться повышения производства отечественной продукции²²⁶.

Таблица 15

Ежегодное потребление продуктов питания (в кг, яйца – в штуках на душу населения)²²⁷

Наименование продукта	Годы				
	1933	1934	1935	1937	1938
Масло	7,4	7,4	7,5	8,9	8,8
Мясо	42,0	45,4	44,2	47,2	48,6
Молоко	104,3	106,7	107,7	109,0	112,0
Яйца	119,1	118,0	112,3	124,0	124,0
Сыр	6,1	5,8	5,5	5,4	5,5
Картофель	187,1	179,9	173,5	174,0	182,9
Пшеничная мука	46,5	49,2	51,1	54,3	51,9
Ржаная мука	54,0	52,6	53,5	55,2	53,0

Эксперты Генерального штаба США подсчитали, что общее потребление продуктов питания накануне войны составляло приблизительно 72 трлн. калорий, из которых 12 трлн. необходимых пищевых калорий, или около 17%, было импортировано в виде продуктов питания или кормов. В то же время 83% их производилось всецело за счет отечественных ресурсов.

В последние довоенные годы производство сахара было достаточным для того, чтобы покрывать потребности населения; лишь четвертой части выращиваемого картофеля хватало для решения задач питания. Остальное, за

вычетом посевного фонда и потерь, шло главным образом на корм скоту.

Были достигнуты серьезные успехи в зерноводстве. В период между началом 20-х – серединой 30-х гг. рост производства ржи и пшеницы составил около 20%, что позволило урезать импорт хлебного зерна. Если в 1926-1928 гг. общий импорт достигал почти 3 млн. т., то он сократился до менее чем 300 тыс. т. в период с 1932/33 до 1936/37 гг. Начиная с 1932 г., практически отсутствовал дефицит хлебного зерна. Значительный импорт последнего имел место лишь в 1936-1937 гг., когда было начато проведение политики накопления запасов. В последние довоенные годы Германия производила больше хлебного зерна, чем требовалось для человеческого потребления. Излишки шли на корм домашнему скоту и на создание продовольственных резервов. Так, потребление хлебного зерна в пищу превысило в целом 9 млн. т., более 2,5 млн. т. было скормлено домашнему скоту. Запасы пшеницы и ржи, согласно официальной статистике, в июле 1939 г. составляли около 5 млн. метрических тонн. В 1933-1937 гг. потребление пшеничной и ржаной муки на душу населения составляло в среднем около 52 кг каждой. При этом на долю импортного зерна в питании немцев приходилось немногим более 8% от общего его количества. (В то же время приоритет отдавался культивированию пшеницы перед рожью, хлебного зерна – перед кормовым. Это привело к тому, что в 1930-1935 гг. хлебного зерна в среднем в год выращивалось 4,8 млн., а в 1937 г. – 4,6 млн. метрических тонн. За тот же период производство ржи сократилось с 7,8 до 6,9 метрических тонн. Общее же производство зерна упало с 22,5 млн. до 21,1 млн. метрических тонн²²⁸). Потребление риса, который целиком ввозился в страну из-за границы, сократилось с 3-х кг на душу населения в начале 30-х гг. до 2-х кг к началу 1937 г. Страна также в значительной степени зависела от импорта пищевых концентратов. Что же касается мяса, то здесь, по подсчетам американцев, Германия почти полностью достигла самообеспечения. Хотя часть мясных запасов обеспечивалось

за счет импортируемых кормов, такая зависимость составляла немногим более 10% от всего производства²²⁹. При этом потребление баранины и ягнятины не имело большого значения. Более половины всего производства и потребления мяса и мясных продуктов приходилось на свинину, около трети – на говядину и телятину, всего лишь 7% – на мясо домашней птицы и потроха. Общее производство мяса в 1933-1937 гг. составляло около 3,1 млн. т., а его потребление в целом, включая жиры, – 3,2 млн. метрических тонн, или 48 кг на человека в год. Зависимость Германии от импорта была невелика: около 13% общего потребления, которые делились следующим образом: 3% (около 100 тыс. т.) – прямой импорт, 10% – косвенный импорт в виде кормов²³⁰. Тем не менее, если в 1929 г. потребление мяса на душу населения составляло 51,7 кг, то в 1938 г. – лишь 48,6 кг²³¹.

Таким образом, до начала войны полного самообеспечения Германии удалось достигнуть лишь в производстве хлеба, которое в 1933-1939 гг. почти полностью покрывало спрос, а в 1937-1938 гг. даже перекрывало его²³². Определенный прогресс был достигнут и в производстве сельскохозяйственных сырьевых материалов для промышленности. Например, производство волокнистых растений выросло с 29% в 1927 г. до 43% в 1935 г. Другие сферы значительно отставали в этом отношении²³³.

Что же касается цен на сельскохозяйственную продукцию, то, проводя первое заседание своего кабинета 31 января 1933 г., Гитлер заявил: хотя он и стремится к спасению крестьянства, необходимость решения проблемы безработицы не позволяет правительству просто поднять их²³⁴. Тем не менее по началу их индекс вырос: по данным Фаргухарзона, только за первую половину 1933 г. – на 5%²³⁵, а по расчетам Баркая – с 82 пунктов в январе до 95 пунктов в декабре того же года ($1913 = 100$)²³⁶. В то же время в связи с тем, что повышение цен на продукты питания и заметно улучшившееся положение крестьян на фоне снижения доходов промышленных рабочих, вынуж-

денных трудиться в условиях замораживания заработной платы, породили у значительной части населения и в партийных кругах беспокойство, в конце 1935 г. руководство Имперского продовольственного сословия сочло необходимым предпринять усилия по пресечению дальнейшего роста цен²³⁷. По некоторым данным, динамика индекса цен на различные виды сельскохозяйственной продукции в довоенный период выглядела следующим образом: на зерновые хлеба индекс цен возрос с 96 пунктов в октябре 1932 г. до 109 пунктов в октябре 1937 г.; на картофель – с 67 пунктов в октябре 1932 г. до 111 пунктов в октябре 1935 г., на крупный рогатый скот за тот же период – с 68 до 95, масло – с 84 до 96 пунктов. В октябре 1937 г. индекс цен на картофель снизился до 108, а на крупный рогатый скот – до 92 пунктов²³⁸. При этом следует учитывать и то, что даже в первые годы гитлеровского режима устанавливаемые властями цены были выгодны не всем крестьянам в равной мере. Зерновая ценовая политика, например, в большей степени благоприятствовала баварским и нижнесаксонским производителям пшеницы, нежели восточноэльбскому крестьянству, которое специализировалось на выращивании ржи²³⁹.

Характерно, что Герделер публично отказался от вмешательства в политику ценообразования, проводившуюся рейхсминистром продовольствия и сельского хозяйства. В то же время, по его мнению, более высокие цены на сельскохозяйственные продукты были допустимы лишь в тех случаях, когда они являлись для крестьян стимулом к увеличению производства. Необходимо «дать немецкому крестьянину такую систему цен, которая бы побуждала его к повышению производства», – заявил он, отметив в качестве важного достижения Имперского продовольственного сословия «обеспечение потребителям стабильных цен на хлеб». Однако положение с ценами на некоторые продукты питания следовало изучить с тем, чтобы в дальнейшем добиться их сокращения, подчеркнул Герделер²⁴⁰. По неофициальным данным, в течение

первых трех лет существования нацистского режима стоимость жизни в стране выросла на 30%. В меморандуме, который Герделер направил Гитлеру, он признал, что контроль над ценами имел лишь ограниченный успех. Фактически же попытка установления тотального контроля над ценами потерпела неудачу²⁴¹. Вскоре бум в отраслях промышленного производства и строительства, порожденный осуществлением программы «общественных работ» и перевооружением, поставил крестьянство в менее благоприятное положение, чем представителей других секторов экономики²⁴².

Если рассматривать деятельность Имперского продовольственного сословия с материальной точки зрения, то ее следует признать успешной. Установление контроля за сбытом сельскохозяйственной продукции привело к увеличению доходности и производительности сельского хозяйства, а также ускорило его рационализацию. Эти цели были достигнуты к 1936 г. При этом следует отметить, что в структуре и функционировании механизма контроля над ценами в Германии при сравнении с соответствующими программами других стран в 30-е гг. выявляется больше сходства, нежели различия²⁴³. Имперским продовольственным сословием была резко ограничена личная предпринимательская инициатива крестьян. Выступая в начале 1934 г. перед представителями германской промышленности, Дарре подчеркнул, что, по его мнению, жесткие требования, предъявлявшиеся к земледельцам, тем не менее, позволяли им оставаться свободными людьми. «Мы требуем, – заявил он, – чтобы каждый крестьянин сознательно подчинялся суровой дисциплине; мы отдаем ему приказ в битве за продовольствие, но мы должны дать ему свободу, чтобы он мог выполнять свой национальный долг. Мы можем предъявлять жесткие экономические и культурные требования лишь к крестьянам, которые свободно живут на земле»²⁴⁴.

Речь, таким образом, шла о свободе, не выходящей за рамки выполнения ими своего долга перед фатерландом. В то же время зачастую НСДАП и

Имперскому продовольственному сословию приходилось использовать все имевшиеся в их распоряжении средства с тем, чтобы убедить сельских производителей в необходимости увеличения количества создаваемой ими продукции. Следствием падения цен на некоторые продукты, такие как конопля и лен, стало нежелание многих крестьян выращивать их²⁴⁵.

К числу наиболее серьезных проблем, с которыми нацистское руководство столкнулось в деревне и которые было призвано решать Имперское продовольственное сословие, относился массовый отток сельского населения в города (особенно обострилась эта проблема с середины 1936 г., когда спрос на рабочие руки в селах резко возрастает, опережая предложение²⁴⁶, что в значительной степени было связано с введением второго четырехлетнего плана). Один из национал-социалистических авторов, доктор Кун, характеризовал это явление, как «наследие либерализма и промышленной революции». По его мнению, высказанному им на страницах журнала «Имперское планирование» в публикации 1937 г., порочность сложившегося положения заключалась в том, что, с одной стороны, в стране имелся 1,7 млн. безработных, с другой – не хватало свыше 100 тыс. сельскохозяйственных рабочих и прислуги. Перегрузки же, которые в связи с этим выпадали на крестьянок, отмечал он, приводили к резкому росту числа заболеваний среди них (в Хоенлое, например, таковым были подвержены 70% женщин села²⁴⁷). Согласно данным переписи населения Германии 1933 г., приведенным в статье, написанной другим нацистским экспертом, Х. Роосом, и опубликованной в том же номере журнала, в немецком сельском хозяйстве на тот момент было зарегистрировано 8934971 человек, включая нетрудоспособных. Среди них - 2123172 владельца хозяйств, 4476266 помогающих им членов семей, 2257231 рабочий, 78302 служащих и чиновника. Если сложить число владельцев хозяйств (за вычетом 33843 крупных имений площадью свыше 100 га) с числом помогающих членов семей, отмечал Роос, общая численность крестьянских

работников, связанных с семьями, составляла 6565595 человек, или 73,5% всех занятых в сельском хозяйстве Германии²⁴⁸. Среди более чем 2257230 сельскохозяйственных рабочих Роос выделял следующие группы, представленные в таблице 16²⁴⁹.

Таблица 16

Категории сельскохозяйственных рабочих в немецкой деревне

	Батраки	Батрачки	Всего
Живущие в домашнем хозяйстве фюрера хозяйства	1057742	434842	1492584
Сельскохозяйственные рабочие без земли	768499	349200	1117781
Сельскохозяйственные рабочие, получающие оплату натуральными продуктами	169499	9241	178730
Сельскохозяйственные рабочие, имеющие собственный участок земли	92714	8652	110136

Неожиданно именно сельскохозяйственные рабочие, численность которых за годы кризиса сократилось на пятую часть, оказались в привилегированном положении. Между крестьянскими хозяйствами развернулась настоящая борьба за них. Стремясь удержать их на селе, власти предоставили им целый ряд льгот. Их заработок не облагался налогом, они были избавлены от необходимости уплачивать взносы в фонд страхования по безработице, а имевшие большие семьи – и в фонд медицинского страхования. Что же касается обязательных взносов в фонды Имперского продовольственного сословия и «Зимней помощи», то для них они были установлены на чрезвычайно низком уровне – 0,5% их дохода и 25 пфеннигов ежемесячно. Состоявшие в браке сельскохозяйственные рабочие, проработавшие в сельском хозяйстве в течение пяти лет и бравшие на себя обязательство и в дальнейшем заниматься сельскохозяйственным трудом, имели право на безвозмездное получение 1800 марок в форме грантов и займов на обзаведение мебелью²⁵⁰. Указ о социальном обеспечении сельского населения, принятый в июле 1938 г., предоставил возможность получения брачных ссуд лицам, проработавшим в

сельском или лесном хозяйстве в течение пяти лет, предшествовавших женитьбе. При наличии дополнительного стажа сельскохозяйственного труда в 10 лет ссуда погашалась полностью. Кроме того, сельскохозяйственные рабочие имели право на получение субсидии для обустройства домашнего хозяйства, которая могла возобновляться каждые 4 месяца. Ее сумма составляла 400 рейхсмарок²⁵¹.

В качестве одного из средств удержания сельскохозяйственных рабочих от бегства из деревни рассматривалось предоставление им жилья. О необходимости решения этой проблемы писал Роос²⁵². Доктор – инженер Э. Бардов настаивал на необходимости строительства общежитий для сельскохозяйственных рабочих, мотивируя целесообразность подобного решения жилищного вопроса тем, что последним предстояло стать «постоянными помощниками сельского хозяина, столь же тесно связанными с землей». Иными словами, отмечал он, «вместо сезонной работы со всеми ее недостатками в сельское хозяйство должен широко внедряться долгосрочный труд»²⁵³. В своей статье «Народнобиологические требования проживания сельскохозяйственных рабочих» Э. Шретер отмечал, что после того, как в конце XIX в. произошел массовый отток сельского населения Германии в города, возникли новые понятия - «сезонный рабочий» и «имеющий право повсеместного проживания поденщик», который, не имея собственного жилья, «за скудную плату ведет подневольное существование в плохих хижинах» и лишь в силу привычной неприхотливости «чувствует себя связанным со своим местом работы»²⁵⁴. Говоря об остроте проблемы дефицита сельскохозяйственных рабочих, порожденной их исходом в города, Шретер отмечал, что, несмотря на ввод семейной сельской помощи, заключающейся в предоставлении денежных ссуд, предназначенных для обустройства женатых сельских рабочих, студенческой сельской помощи, трудовой повинности и т.п. мер, на март 1937 г. отмечалась нехватка 94 тыс. сельскохозяйственных рабочих. По

мнению Шретера, выход из сложившейся ситуации заключался в улучшении социальных условий этой категории сельского населения - повышении оплаты труда, создании «здоровых», отвечающих гигиеническим требованиям жилищ, т. е., иными словами, стирание материальных различий между городскими и сельскими наемными рабочими²⁵⁵. Шретер считал, что проблема бегства сельскохозяйственных рабочих в города не могла быть решена до тех пор, пока им не будет предоставлена возможность повысить свой социальный статус, став мелкими собственниками, пока такой рабочий не сможет создать собственный кров, где бы он мог жить со своей семьей, и обрабатывать собственную землю²⁵⁶.

Отметив, что лишь «ложное развитие, плоды которого мы сегодня пожинаем, могло допустить возникновение неимущего класса на земле», и упомянув о «бедности» немецкого народа и необходимости строго придерживаться принципа экономии, Шретер, тем не менее, подчеркнул, что экономия на жилье для сельскохозяйственных рабочих за счет его дешевизны являлась неоправданной. В связи с этим он настаивал на необходимости того, чтобы жилища, построенные для сельскохозяйственных рабочих, отвечали «всем социально-гигиеническим требованиям», и призывал широко использовать новые строительные материалы, такие как «легкий бетон», разработанный концерном «ИГ Фарбен». При этом, по его мнению, не следовало поступаться соображениями надежности жилья, поскольку оно должно было превратиться в «бастионы против бегства из деревни, бедности детей и городского бескультурья» и именно здесь «нужно вновь открыть источник лучшего немецкого народного качества». Жилье должно быть просторным, продолжал он, чтобы в нем имелось место для здорового подрастающего поколения, идущего на смену своим отцам. Шретер осуждал тех, кто считал наличие ванной, душа, электрического освещения и отопления в домах сельскохозяйственных рабочих бессмысленной роскошью. Более того, он настаи-

вал на том, чтобы при создании новых сельских поселений в обязательном порядке было запланировано сооружение в них спортивных объектов, купален, больничных пунктов, домов для престарелых. Это, по его мнению, позволило бы окончательно проложить мост между городом и деревней²⁵⁷. В то же время Шретер отмечал сложность проблемы и подчеркивал, что ее нельзя решить лишь путем строительства «здоровых жилищ» для сельскохозяйственных рабочих. По его мнению, она заключалась в том, что немецкий сельскохозяйственный рабочий испокон веков являлся «пасынком социальной политики» и теперь он «не хочет больше быть сельскохозяйственным рабочим», а стремится к тому, чтобы обрабатывать землю вместе с крестьянином²⁵⁸.

На практике сельскохозяйственным рабочим действительно предлагались долгосрочные кредиты для обзаведения жильем (соответствующая программа была введена Герингом в 1937 г.). В частности, на приобретение домов стоимостью от 5 до 6 тыс. марок им предоставлялись кредиты в размере до 75% стоимости таких домов (в сумме 4200-4500 рейхсмарок) на 65-летний срок из расчета 4% годовых. Таким образом, их получатель должен был ежемесячно выплачивать от 12 до 16 марок. Кроме того, для сельскохозяйственных рабочих были доступны краткосрочные займы, предоставлявшиеся под 3%. При их погашении начальный взнос составлял четвертую часть общей суммы займа²⁵⁹.

В то же время, несмотря на то, что заработная плата сельскохозяйственных рабочих в период с 1932/33 по 1936/37 гг. возросла на 20%²⁶⁰ (в 1937 г. их валовой заработок достиг уровня 1929 г.²⁶¹), она, тем не менее, оставалась крайне низкой. Абсолютный максимум, который квалифицированный сельскохозяйственный рабочий получал в Восточной Пруссии за трудовой год (2950 рабочих часов), составлял 1176 марок, в то время как средний годовой заработок полуквалифицированного промышленного рабочего доходил до 1560 марок, хотя продолжительность его рабочего времени была на 20%

меньшей²⁶². Среднегодовая заработная плата восточноэльбского сельскохозяйственного рабочего была почти на четверть ниже, чем у квалифицированного промышленного рабочего, и это при более продолжительном рабочем времени и характерной для Восточной Пруссии выплате части заработка натуральными продуктами²⁶³.

Впрочем, несмотря на предпринимаемые нацистами усилия, решить проблему дефицита рабочей силы в деревне в довоенный период им так и не удалось²⁶⁴. Даже строгие полицейские меры не стали надежным заслоном на пути бегства работников из села. Последние нередко покидали своих работодателей без уведомления, либо выдвигали условия, заведомо неприемлемые для тех²⁶⁵. Подобное положение особенно тяжело сказывалось на мелких крестьянах. Если крупные поместья за период 1935-1937 гг. потеряли лишь одного сельскохозяйственного рабочего из каждых десяти, то «недостача» мелких хозяйств составила более одного рабочего из каждых трех²⁶⁶.

Конечно в разных аграрных районах Германии ситуация несколько отличалась, но это не снимало проблемы в целом. В одной из областей число сельскохозяйственных рабочих сократилось в период с 1935 по 1939 гг. на треть, а в одной из швабских деревень, из изначально имевшихся там 120 человек к 1939 г. оставалось лишь 12²⁶⁷. В период с 1925 по 1938 гг. количество лиц, занятых сельскохозяйственным трудом в Розенхайме, сократилось с 38222 до 35800. В то же время на местной обувной фабрике в 1933 г. было занято лишь 380, а в 1938 г. - уже 1935 человек. Население самого городка за тот же период увеличилось с 19000 до 20850 человек²⁶⁸. По данным Зирупа, в период с 1933 по 1938 гг. численность сельскохозяйственных рабочих снизилась в Бранденбурге на 8,9%, в Рейнланде – на 10,5%, в Нижней Саксонии – на 9,9%, в Восточной Пруссии – на 12,7%, в Центральной Германии – на 13,2%, в Померании – на 15%, в Баварии – на 17,6%, в Вестфалии – на 17,7%, в Юго-Западной Германии – на 23,8%, в Гессе – на 29,9%. По разным дан-

ным, общее количество сельскохозяйственных рабочих за указанный период сократилось на 250 тыс. или 400 тыс. человек. В обзоре Имперского продовольственного сословия, опубликованном в начале 1939 г., приведена цифра в 650 тыс. человек²⁶⁹. Согласно же анализу, проведенному германским Институтом исследования конъюнктуры, отток рабочих сил из деревни в города составил, начиная с 1933 г., свыше 700 тыс. человек, что особенно негативно сказывалось на производстве молока, на положении в льноводстве и некоторых других отраслях. Составители отчета указывали на парадоксальность сложившейся ситуации, при которой в сельское хозяйство направлялись необученные работники по линии трудовой повинности, военного ведомства, Гитлерюгенд, НСФ, СА, добровольные помощники из бюро и сферы промышленного производства, в то время как обученные сельскохозяйственные рабочие и работницы трудились на фабриках. «Недостаток рабочих сил, – отмечалось далее, – приводил зачастую к невыносимой перегрузке крестьян, и прежде всего крестьянок». Следствием этого стали рост заболеваний и раннее старение последних; отсутствие «биологически ценного сельского потомства», как результат ограничения рождаемости и растущего числа выкидышей вследствие больших физических усилий, а также резко сократившегося числа заключаемых браков»²⁷⁰. В период 1933-1939 гг. почти четвертая часть всех мужских помощников покинуло семейные хозяйства²⁷¹.

Все это вынуждало власти прибегать к более широкому использованию женского труда в аграрном секторе экономики. Среди задач, поставленных в этой связи перед Имперским продовольственным сословием, было проведение профориентационной работы. Руководство организации разработало программу обучения сельскохозяйственным профессиям, ориентированную в значительной степени на женскую молодежь. 1 октября 1937 г. были изданы «Основные правила Имперского продовольственного сословия для обучения женским практическим сельскохозяйственным профессиям», подписанные В. Дарре.

В этом документе отмечалось, что постижение азов будущей профессии ученица, вне зависимости от своего конкретного выбора, должна была начинать с работы в определенном для этого домашнем крестьянском хозяйстве. В процессе подобного обучения девушке предстояло овладеть навыками работы крестьянки по дому и во дворе, в кухне и в саду. «Ни одна девушка – подросток в будущем не должна начинать работу в сельском хозяйстве, не пройдя основополагающего сельского обучения домашней работе», – подчеркивалось в «Основных правилах»²⁷². Подобная подготовка должна была состоять из следующих стадий – обучения в течение двух лет или, по меньшей мере, одного года сельскому домашнему труду и специальной двухгодичной подготовки конкретной профессии. По окончании каждого этапа сдавался экзамен, во втором случае – на получение звания помощницы в избранной профессии. При наличии согласия компетентной трудовой службы обучение сельскому домашнему труду могло быть засчитано как прохождение Года долга (о последнем подробно говорится в разделе диссертации, посвященном молодежной политике нацизма). Прохождение девичьей сельской службы Гитлерюгенд полностью засчитывалось как обучение домашнему труду (§1). Обучение сельскому домашнему труду ученица проходила в конкретном крестьянском хозяйстве, владелица которого обладала правом на подготовку учениц по сельской домашней работе.

Согласно «Основным правилам», перед началом периода обучения требовалось заключение письменного договора между обучающей женщиной, с одной стороны, ученицей и ее законным представителем - с другой (§3, абз. 1-2)²⁷³. Находясь в семье обучающей женщины, ученица должна была приобретать не только соответствующую трудовую закваску. Этот процесс носил ярко выраженный воспитательный характер (§5)²⁷⁴. «Определения Имперского продовольственного сословия по подготовке сельских помощниц в домашнем хозяйстве и сельской хозяйки», изданные также 1 октября

1937 г., возлагали ответственность за подготовку учениц на специальную уполномоченную земельного крестьянства, которая в обязательном порядке должна была являться крестьянкой, самостоятельно ведущей хозяйство. Ей вменялось в обязанность «по возможности» раз в году посещать каждое курируемое ею крестьянское хозяйство (§5)²⁷⁵.

Согласно официальным данным, приведенным в исследовании эксперта по вопросам сельского хозяйства Э. Шпрендель «Жена крестьянина как работающая по профессии в сельском хозяйстве», опубликованном в «Национал-социалистической женской книге» за 1934 год, доля женщин, занятых в сельском и лесном хозяйстве, составляла 48,6%, - намного больше, чем в других сферах (в промышленности и ремесле – 22,7%, торговле и транспорте – 12,9%, в административной сфере и свободных профессиях – 2,4%, здравоохранении – 2,3%, в сфере домашнего обслуживания – 11,1%). Всего же в сельском хозяйстве было занято 7189000 женщин²⁷⁶.

На «тяжелое» положение с наличием рабочих рук, сложившееся в этом секторе экономики, обращалось внимание в письме рейхсминистра труда начальнику имперской канцелярии от 4 февраля 1939 г. В нем говорилось, что если в 1933 г. в сельском хозяйстве, садоводстве и животноводстве было занято 2230 тыс. рабочих, не являвшихся членами семей владельцев хозяйств, то к моменту написания письма эта цифра понизилась почти на 10%, составив 2030 тыс. человек. «По самым оптимистическим подсчетам», с учетом возросшего оттока сельского населения в города, отмечалось далее, в сельском хозяйстве в 1938 г. было занято «возможно, на полмиллиона рабочих меньше», чем в 1935 г., что, ввиду «повышенных требований», налагаемых на село битвой за самообеспечение, являлось недопустимым. Причины подобного положения, по мнению министра, заключались в «различии между условиями работы и жизни в городах и в сельской местности, избыточных возможностях занятости в промышленности, особенно строительной, тесно

связанной с сельским хозяйством, и мобилизации на военную службу и в трудовую повинность». «В последние несколько лет, – продолжал министр, – я попытался в пределах своей компетенции уменьшить нехватку рабочих в сельском хозяйстве, предприняв соответствующую акцию, ...и буду стараться распространять эти меры в текущем году. Я хотел бы отметить в этой связи недавнее распространение Года обязательной домашней службы на всех молодых женщин, желающих сделать карьеру, и возросший ввод иностранных сельскохозяйственных рабочих (если в 1932 г. в сельском хозяйстве Германии работало 7 тыс. иностранцев, то уже в 1935 г. сюда было привлечено свыше 50 тыс. иностранных сезонных рабочих ²⁷⁷) в пределах, допускаемых положением с иностранной валютой». Письмо заканчивалось сообщением о том, что на 1939 год соответствующие соглашения были заключены с рядом государств, в первую очередь с Италией, а на переговорах с другими, в частности с Польшей, был достигнут прогресс²⁷⁸.

В уже цитировавшейся брошюре Генерального штаба США отмечалось, что, согласно переписи 1939 г., общая численность сельскохозяйственных рабочих и других наемных работников составляла 2032 тыс. человек, тогда как в 1933 г. их насчитывалось 2497 тыс. человек. При этом в 1939 г., как и в 1933 г., число крестьян-землевладельцев с учетом членов их семей составляло 6720 тыс. человек. Общее число лиц, занятых в сельском хозяйстве и садоводстве, снизилось с 9200 тыс. в 1933 г. до 8750 тыс. человек в 1939 г. в границах Старого рейха²⁷⁹. По другим данным, в общей сложности в период между 1933 и 1939 гг. сельское население Германии в границах 1937 г. сократилось с 20,8% до 18% населения страны в целом²⁸⁰.

Одним из средств решения указанных проблем германского сельского хозяйства, повышения его производительности были его механизация и более широкое использование удобрений. По данным, полученным Генеральным штабом США, в период с 1933 по 1939 гг. в Германии значительно воз-

росло использование сельскохозяйственной техники, что, по мнению американцев, следовало отнести к числу определенных достижений национал-социалистической аграрной политики. В пределах границ Старого рейха использование в крестьянских хозяйствах электромоторов возросло на 175%, сеялок – на 17%, картофелекопалок – более чем на 30%, сноповязалок – на 60%. В 1939 г. применялось намного больше молотилок на механической тяге, чем в 1933 г., при реальном сокращении количества молотилок на животной тяге²⁸¹. Несмотря на значительный технический прогресс, достигнутый в сельском хозяйстве Германии в период 1933-1939 гг., степень его механизации после начала войны оставалась недостаточной. Из общей тяговой силы, использовавшейся в нем в 1939 г., менее 15% приходилось на трактора²⁸². Общее количество последних по сравнению с кризисным периодом, когда оно составляло 24 тыс., к 1939 г. утроилось, но потребность в них по-прежнему составляла около полумиллиона. Если в Англии один трактор использовался на каждые 310 акров, то в Германии - на каждые 810 акров (согласно Шенбауму, – соответственно на каждые 130 га и 338 га²⁸³). Площадь земли, которую ежедневно вспахивал немецкий крестьянин, составляла от 20 до 25% среднего показателя американского фермера²⁸⁴. Процесс механизации сельского хозяйства Германии тормозился разрозненностью многих земельных владений, их относительно небольшими размерами и консерватизмом крестьян. Эти проблемы, несмотря на поощрение нацистским правительством приобретения сельскохозяйственной техники кооперативами, а также предоставление крестьянам соответствующих субсидий (в период с 1933/34 по 1937/38 гг. объем покупок ими сельскохозяйственных машин возрос на 156%, а в 1938/39 г. крестьяне потратили значительно больше средств на эти цели, чем за предыдущие шесть лет), так и не были решены²⁸⁵. Как отмечалось в отчете германского Института исследования конъюнктуры, серьезным препятствием на пути решения этой задачи являлась ограниченность воз-

возможностей приобретения сельскохозяйственной техники и запасных частей к ней, имевшихся у большинства крестьян. Следствием этого становилось вынужденное повышение крестьянами своим работникам заработной платы²⁸⁶. Однако подобной возможностью, равно как и средствами для приобретения сельскохозяйственных машин с целью замены недостающих рабочих рук, в большей степени обладали крупные аграрии²⁸⁷.

Нехватка рабочих рук и неспособность властей решить эту проблему вызывали негативную реакцию крестьянства. В социальных отчетах имперских попечителей труда за четвертый квартал 1938 г. приводится ряд примеров недовольства крестьян и тех форм, которые оно принимало. В округе Хам начальнику пропаганды, приехавшему для проверки достижений молочных хозяйств, крестьяне не дали возможности выступить с речью, заявив, что лучше бы вместо проверок им прислали дополнительные рабочие силы. В хозяйственной области Средней Эльбы целая деревня отказалась жертвовать в фонд «Зимней помощи». Здесь же многие дома, построенные для сельскохозяйственных рабочих, простаивали пустыми из-за нехватки тех, кому они были предназначены. В округе Зорау крестьяне не могли больше эксплуатировать свой рабочий скот по причине отсутствия погонщиков. Женщины уходили из сельского хозяйства на кирпичные заводы или в город. Многие работники из-за своего возраста либо состояния здоровья могли осилить лишь мизерную часть приходящихся на них работ. Пример тех сельскохозяйственных рабочих и крестьян, которые перешли в строительное ремесло и лишь время от времени навещают в родную деревню, отмечалось в одном из отчетов, оказался заразительным, порождая цепную реакцию.

«Причины бегства из села, - отмечалось в донесении, - известны. Все время подчеркивается необходимость приблизить условия труда в деревне к промышленным. Но своими силами сельское хозяйство сделать этого не в состоянии. Ввод иностранных сельскохозяйственных рабочих может рассмат-

риваться лишь в качестве временной меры», поскольку «в большинстве случаев он ограничивается периодом сбора урожая», тогда как «сельскохозяйственные работы ведутся в течение всего года. Это прежде всего относится к скотоводству. Нехватка дояров столь велика, что крестьянские семьи сами больше не в состоянии ухаживать за скотом»²⁸⁸. Что же касается удобрений, то, по некоторым данным, в период с 1913-1914 по 1936-1937 гг. потребление на каждый гектар нитратов увеличилось на 350%, а поташа – на 250%. Однако прирост производительности за тот же период составил всего лишь 26%²⁸⁹.

Имперскому продовольственному сословию удалось обеспечить определенный рост доходов крестьянства. Так, валовой доход последнего вырос с 6,4 млрд. рейхсмарок в 1932-1933 г. до 8,9 млрд. в 1936-1937 г. В 1932-1936 гг. наблюдался рост валового дохода на гектар почти для всех сельскохозяйственных культур. Доход от продажи картофеля, например, увеличился с 500 до 800 рейхсмарок с гектара. Чистый же доход с гектара для всех крестьян – владельцев хозяйств площадью от 5 до 20 га возрос с 17 имперских марок в 1934-1935 гг. до 50 марок в 1935-1936 гг.²⁹⁰, а в целом доход сельского и лесного хозяйства – с 4200 тыс. рейхсмарок в 1933 г. до 5600 тыс. имперских марок в 1937 г. В то же время доля дохода сельского хозяйства в валовом национальном доходе за указанный период сократилась с 8,7% до 8,3%²⁹¹.

Несмотря на это, вмешательство Имперского продовольственного сословия в процесс производства и сбыта сельскохозяйственной продукции, лишавшее крестьян возможности реализовывать продукты своего труда напрямую, ножницы между платой, получаемой ими за сданную продукцию, и ценами, по которым последняя поступала в продажу (по их мнению, первая была слишком низкой), а также коррумпированность руководства корпорации вызывали недовольство значительной части крестьянства. Так, несмотря на то, что, согласно статистическим данным, прибыль крестьян от реализации их продукции после 1933 г. была выше, чем в годы кризиса, в донесении-

ях гестапо из Ахена, датированных 1934 годом, сообщалось о неудовлетворенности крестьянства ценами, по которым им приходилось продавать яйца, сыр, масло. В 1938 г. баварские крестьяне жаловались на то, что местные пекари, не докладывая в хлебобулочные изделия муку, обеспечивали себе более 60% прибыли, а это превышало доходы самих крестьян от сдачи зерна. В Райнланде в марте того же года даже были распространены листовки, осуждавшие ценовую политику Имперского продовольственного сословия²⁹². Настроения разочарованности деятельностью этой организации в среде сельского населения получили более широкое распространение после 1936-1937 гг., когда координирование аграрного сектора с другими секторами германской экономики стало давать сбои, приводя крестьян к убыткам²⁹³.

В то же время, как и в других сферах экономики, подобные настроения не породили сколько-нибудь организованной оппозиции. К тому же организация, созданная Дарре, подвергалась значительно меньшей критике, чем «Закон о наследственных дворах» и запрет на предоставление сельскохозяйственных кредитов, которые также являлись составными частями его аграрной программы²⁹⁴. В целом, чиновники Имперского продовольственного сословия следили за неуклонным соблюдением установленных корпорацией правил, к нарушителям которых применялись жесткие санкции: от денежных штрафов на сумму в 100 тыс. рейхсмарок до тюремного заключения, а также закрытия предприятий и магазинов²⁹⁵.

Решению проблемы задолженности аграрного сообщества было призвано способствовать и реформирование законодательства о наследовании земельной собственности. Начало этому процессу было положено в Пруссии принятием 15 мая 1933 г. «Закона о наследственных дворах». Уже здесь содержался целый ряд положений, вошедших затем в имперский «Закон о наследственных дворах». Так, к владению «наследственным двором» допускался лишь крестьянин, являвшийся гражданином Германии, немецкой или род-

ственной по происхождению крови (§1, абз. 1); передавать «наследственный двор» разрешалось лишь одному из детей (§1, абз. 2), хотя в целом круг родственников, имевших право на наследование, был более широким, нежели в принятом позднее общеимперском законе (§12); для продажи такого двора или его части требовалось соответствующее решение наследственного суда. Такие суды были созданы при судах первой инстанции. Кроме того, был образован Земельный суд по наследственным дворам при Верховном земельном суде в Целле. Помимо профессиональных судей в состав подобных судебных учреждений входили представители крестьянства, не имевшие юридического образования²⁹⁶. Инициатива прусских властей послужила толчком для внесения изменений в соответствующее общегерманское законодательство. В. Дарре, давая интервью 20 июля 1933 г., заявил о необходимости принятия имперского «Закона о наследственных дворах», без которого, по его мнению, было «невозможно обеспечить биологическое существование немецкой крови»²⁹⁷. Ту же позицию он отстаивал в своих выступлениях 2 сентября 1933 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге и 13 сентября того же года в Эссене. В последнем он пообещал, что прусский закон о наследственных дворах «в ближайшие дни» станет общеимперским. Дарре удалось заручиться соответствующим согласием фюрера, хотя по свидетельству Райшле, возглавившего вскоре штаб Имперского продовольственного сословия, Гитлер был скептически настроен по отношению к очередной затее своего аграрного идеолога, считая, что тот «слишком идеализировал крестьян»²⁹⁸.

Имперский «Закон о наследственных дворах» был принят 29 сентября 1933 г. В его преамбуле в качестве одной из главных целей Закона провозглашалось сохранение крестьянства как источника крови немецкого народа²⁹⁹. Та же мысль подчеркивалась в ряде заявления Дарре, сделанных им сразу после вступления Закона в силу. В будущем «год победоносной национал-социалистической революции» будет, среди прочего, восхваляться и как

«год славного освобождения немецких крестьян», – провозгласил он и подчеркнул: «Наследственные дворы должны ... стать зачаточными клетками расового возрождения немецкого народа. Либеральному меркантильному торговашескому духу мы противопоставляем наше мировоззрение крови и почвы». Давая оценку нового закона в интервью прессе 6 октября 1933 г., Дарре охарактеризовал эту меру как важный шаг на пути «создания нового крестьянского права германско-немецкого правового мышления», основу которого составляло «кровно связанное понятие собственности». Последнее пришло на смену «либеральному понятию собственности», принизившему крестьянский надел путем приравнивания его к любой собственности, подлежащей продаже³⁰⁰.

Согласно Закону к категории «наследственных дворов» могли быть отнесены хозяйства площадью от 7,5 до 125 га (за основу был взят размер аккернунга – германской марки³⁰¹). Считалось, что при умелом хозяйствовании именно подобные земельные владения являлись наиболее рентабельными. §4 Закона позволял разделять крупные поместья и преобразовывать их части в «наследственные дворы», а также объединять мелкие землевладения в более крупные с той же целью. Однако на практике по отношению к первым подобная мера практически не применялась³⁰².

Во втором разделе Закона была представлена национал-социалистическая концепция крестьянства. Отныне правом носить почетный титул «крестьянин» («бауэр» или «гроссбауэр») наделялся лишь владелец «наследственного двора». Все остальные землевладельцы именовались «сельскими хозяевами» (§11). Здесь, как и в прусском законе, закреплялось положение о том, что крестьянином могло стать лишь лицо немецкой или родственной крови, чистота происхождения которого (отсутствие еврейской или цветной крови) должна была быть удостоверена, начиная с 19 января 1800 г. (§13). (Особую значимость этого положения отмечал в публикации 1936 г. профессор Л. Ло-

эфлер. Обращая внимание на то, что «создание нового крестьянства, связанного с родным клочком земли», составлявшее цель «Закона о наследственных дворах», не могло быть достигнуто без заботы о наследственном здоровье и расе, он подчеркивал: «Если крестьянину предстоит стать носителем будущего народа, то он должен быть наследственно здоровым»³⁰³). Другими обязательными требованиями, предъявлявшимися к крестьянину, являлись «способность к крестьянскому труду» и «порядочность» (§15, абз. 1). В одном из нацистских комментариев подчеркивалось, что в последнем критерии нашло свое выражение «намерение законодателя поднять крестьянина из плоскости материалистического мышления на более высокий уровень сословной чести»³⁰⁴.

Поскольку Закон в значительной степени означал разрыв с традициями германского крестьянства и порождал немало проблем, он предусматривал образование при каждом суде первой инстанции наследственного суда (§41) и при каждом верховном земельном суде – суда наследственного двора (§43). Если в земле имелось несколько верховных земельных судов, то суды наследственного двора могли быть созданы в качестве самостоятельных судебных учреждений (на практике, однако, этой возможностью воспользовалась лишь Пруссия). Высшей инстанцией становился созданный при Имперском министерстве продовольствия в Берлине Имперский суд по наследственным дворам (§47), состоявший из трех профессиональных судей и двух крестьян. Президентом его стал рейхсминистр продовольствия³⁰⁵. Что касается обычных наследственных судов, то в их состав, помимо профессионального судьи – председателя, в качестве почетных заседателей входило двое крестьян, кандидатуры которых предлагались земельным крестьянским фюрером и утверждались президентом верховного суда. Как правило, выбор падал на местных крестьянских фюреров, являвшихся представителями Имперского продовольственного сословия. Помимо них, в качестве экспертов в данные суды

привлекались земельные крестьянские фюреры (о расширении участия последних, в частности, сообщалось в отчете земельного крестьянства Ганновера, датированном сентябрем 1934 г.). Нередко именно мнение земельного крестьянского фюрера играло определяющую роль при вынесении судом решения³⁰⁶.

Если крестьянин не отвечал требованиям, предъявлявшимся к нему Законом, или не следовал своим долговым обязательствам, земельный крестьянский фюрер мог через наследственный суд лишить его прав владения и пользования «наследственным двором», передав их супруге или будущему наследнику, а при их отсутствии или несоответствии предъявляемым требованиям, передать «наследственное хозяйство» другому крестьянину. При этом никакого возмещения прежнему владельцу не полагалось (§15, абз. 1-4).

С тем, чтобы прочно привязать крестьянина и его потомков к земле и сохранить данное хозяйство во владении одной и той же семьи, «наследственные дворы» были объявлены «принципиально неотчуждаемыми» (§17, абз. 1)³⁰⁷. Это стало претворением в жизнь положения экономической программы НСДАП от 6 марта 1930 г., гласившего: «Немецкая земля никогда не станет объектом финансовой спекуляции»³⁰⁸. В то же время в исключительных случаях, когда это отвечало «оборонно-политическим» или «общественным» интересам, указанный принцип мог быть нарушен, но лишь с согласия наследственного суда³⁰⁹.

Несмотря на декларированную исключительность подобного рода мероприятий, большинство соответствующих ходатайств о продаже целого «наследственного двора» или его части удовлетворялось судами. Под категорию «общественных интересов» подпадали закладка кладбищ, расширение улиц. В земельном округе Штаде суд дал согласие на продажу соответствующих земельных владений для дома Гитлерюгенд и дома отдыха ДАФ. Как правило, удовлетворялись ходатайства владельцев, желавших продать расположенную в неблагоприятном месте землю «наследственного двора» с

тем, чтобы купить соответствующий участок в другом месте. Также в тех случаях, когда земельное владение продавалось крупными землевладельцами для того, чтобы дать возможность покупателю создать «наследственный двор», суды выносили положительные решения, исходя из того, что подобный результат отвечал интересам национал-социализма³¹⁰. Один из судов по наследственным дворам разрешил крестьянину продать часть его земли чиновнику почтового ведомства, разводившему свиней. Продажи «наследственных дворов» разрешались и в тех случаях, когда на этих землях намечалось построить дома или дороги. По иронии судьбы, хотя Закон должен был покончить со спекуляцией землей, на практике эта проблема так и не была решена. Взвинчивание цен при подобных сделках не было редкостью. Некий крестьянин в Шлезвиг-Гольштейне, продавший в 1935 г. свое поле для строительных целей, получил по 5 тыс. рейхсмарок за каждый гектар. Когда другой крестьянин лишился своих сельскохозяйственных построек в связи с дорожным строительством, ему было разрешено продать всю свою землю по частям, что позволило ему приобрести новый «наследственный двор». Один или двое покупателей, приобретших эти участки, также смогли, добавив их к уже имевшейся у них земле, создать «наследственные хозяйства»³¹¹.

В еще большей степени это касалось армейских нужд. Поскольку укреплению военной мощи страны придавался статус «высшей государственно-политической задачи», любой крестьянин и сельский хозяин были обязаны в случае необходимости уступить свою землю вермахту. В период с 24 марта 1933 г. до 1 июня 1937 г. было принято около 97 законов и указов, касавшихся подобной конфискации земель. При этом прежнему владельцу выплачивалась компенсация в размере, определявшемся судом, который, помимо рыночной стоимости земли и интересов владельца, учитывал и такой фактор, как «общественное благо». Ряд законов разрешал подачу апелляций на судебные решения по указанным вопросам, за исключением тех случаев, когда

подобная вынужденная уступка «служила высшей цели рейха»³¹². Игнорировались властями и нередкие протесты крестьян против подобных продаж, принимавшие форму демонстраций, направления deputаций в Берлин и писем Гитлеру. В земельном округе Штаде принудительная продажа земли «наследственного двора» была осуществлена с целью строительства аэропорта и летного училища³¹³. В Берлине из 38 проданных «наследственных дворов» 35 были отданы под учебный войсковой плац. В Штаде в сходной ситуации из 15 ходатайств о продаже целых «наследственных дворов» 13 были удовлетворены, хотя только один двор был продан непосредственно для аэродрома, а продажа еще одного двора была связана с этим. В двух других случаях решающую роль при вынесении судом положительного решения сыграл аргумент об отсутствии наследников, а в еще одном случае основанием для подобного решения послужил тот факт, что у владельца двора не было сыновей. Одобрялась и продажа с целью погашения задолженности.

Закон запрещал сдачу в аренду «наследственных дворов» целиком. В 1937 г. был введен «Договор об единой аренде наследственных дворов». Однако на практике это было возможно по причинам, в основном идентичным тем, которые служили основанием для продажи «наследственного двора». Впрочем, здесь список последних был пополнен нехваткой рабочих сил и возделыванием пустоши арендатором, а также наличием несовершеннолетнего наследника при одновременной болезни или старческой слабости владельца двора. В таких случаях наследственные суды одобряли сдачу двора в аренду в качестве переходной стадии. Болезнь или преклонный возраст являлись основанием для сдачи в аренду больших частей «наследственного двора»³¹⁴.

§19 Закона, противореча положениям Германского гражданского кодекса 1896 г., запрещал дробление «наследственного двора» после смерти крестьянина. Более того, в соответствии с вытекавшим из идеологии «крови

и почвы» требованием «сохранить двор коренному крестьянскому роду и, по возможности, затруднить его переход в другую семью» очередность наследников устанавливалась в следующей последовательности: «1) сыновья (а именно: их сыновья и сыновья сыновей); 2) отец; 3) братья (а именно: их сыновья и сыновья сыновей); 5) сестры (а именно: их сыновья и сыновья сыновей); 6) остальные потомки умершего по женской линии». Впрочем, в исключительных случаях – при наличии «важной причины» и с согласия наследственного суда – дочерям могло отдаваться предпочтение перед сыновьями (§25, абз. 3) и остальными родственниками – §21, абз. 7 (так, наследственные суды удовлетворяли ходатайства владельцев «наследственных дворов», имевших умственно отсталых сыновей, о передаче их владений, ввиду указанного обстоятельства, дочерям. Наследственный суд также мог отказаться признать дееспособного сына грессбауэра наследником, если тот, будучи гомосексуалистом, не соответствовал моральным критериям национал-социализма³¹⁵). В рамках первого порядка наследования Закон разрешал крестьянину самому определять своего наследника, даже если это был внебрачный сын (§25, абз. 2), и по завещанию передавать ему управление «наследственным двором» еще до того, как тому исполнится 25 лет (§26)³¹⁶. Однако такой вариант был возможен лишь при получении соответствующего разрешения от наследственного суда, который предварительно проверял в какой степени наследник отвечал требованиям, необходимым для вступления в права наследования³¹⁷.

В основе нового законодательства лежали в первую очередь экономические соображения, обусловленные необходимостью увеличения производства сельскохозяйственной продукции и достижения самообеспечения продуктами питания. Статус «наследственного» присваивался лишь рентабельным хозяйствам, не находившимся под опекой³¹⁸. Подобные дворы освобождались от чрезмерного обременения долгами³¹⁹, несмотря на то, что у этого

положения Закона изначально было немало противников, наиболее влиятельным из которых являлся глава Рейхсбанка Я. Шахт³²⁰. §55 Закона освобождал наследника крестьянского двора от налогов на наследство и основного промыслового налога при вступлении во владение «наследственным двором»³²¹. Фактически речь шла о создании крестьянской элиты, огражденной от превратностей рыночной стихии. В то же время запрет на обременение «наследственных дворов» долгами стал палкой о двух концах. Гроссбауры фактически были лишены возможности пользования кредитами, за исключением краткосрочных персональных кредитов на сумму до двух тысяч рейхсмарок, что, согласно отчету о положении, датированному 1935 г., вызывало беспокойство крестьян. Следствием подобного запрета стали сокращение жилищного строительства для сельскохозяйственных рабочих, возведения хозяйственных построек, затруднение проведения мелиоративных работ, а в более глобальном плане – торможение процессов интенсификации сельского хозяйства. Для больших дворов персональных кредитов было недостаточно, чтобы предварительно профинансировать весеннюю обработку поля. Главное же заключалось в том, что этот запрет являлся помехой механизации сельского хозяйства – одной из основных целей национал-социалистической аграрной политики. Он же бил бумерангом и по самим местным сберкассам: они теряли большую часть своих клиентов.

Начало Второй мировой войны сделало невозможным для «наследственных дворов» решение проблемы их кредитования. Более того, указанный запрет зачастую не соблюдался. Наследственные суды, которые, как отмечалось в письме главы земельного правительства Штаде рейхсминистру экономики и труда от 28 августа 1935 г., «лишь при наличии веской причины» имели право «одобрить вещное обременение наследственного двора», на практике в большинстве случаев принимали положительные решения по этому вопросу. В качестве оснований для обременения рассматривалась не-

обходимость инвестиций в расширение уже существовавших или постройку новых хозяйственных зданий, жилых помещений для сельскохозяйственных рабочих, покупку машин и другого инвентаря³²². В то же время, если в условиях кризисной экономики льготы, предоставленные владельцам «наследственных дворов», являлись преимуществами, то позднее они обернулись в свою противоположность: ценой, которую крестьянину пришлось заплатить за них, стало прикрепление его к земельному владению³²³.

Насколько эффективным и своевременным было принятие «Закона о наследственных дворах»? По подсчетам Фаргухарзона, в период с 1925 по 1933 г. число мелких крестьянских владений площадью от 2 до 5 га сократилось на 50 тыс. Сходная тенденция отмечалась и среди поместий размером свыше 100 га. Одновременно число фермерских хозяйств площадью от 5 до 100 га в указанные годы возросло приблизительно на 65 тыс. Таким образом, земельные владения, которым нацистами был присвоен статус «наследственного двора», уже преуспевали к 1933 г. по сравнению с теми, которые не попадали под новый закон. Это свидетельствует о том, что, несмотря на кризис, угрозы существованию средних крестьянских хозяйств в 1933 г. не существовало³²⁴.

Плотность вновь образованных «наследственных дворов» в Германии была неодинаковой. Там, где преобладали мелкие крестьянские хозяйства, их было меньше. Так, в Саарской земле они составляли лишь 1% всех аграрных и лесных хозяйств, в Бадене – 6%, в Вюртемберге и Гессен – Нассау – 11 %. В то же время в Ганновере их доля составляла 27,3%, в Саксонии – 33%, в Шлезвиг – Гольштейне – 46%, в Баварии – 29% от общего числа хозяйств³²⁵ (по данным Кершо, последний показатель на 1 января 1937 г. составлял 25,6%, или 142525 зарегистрированных «наследственных дворов»³²⁶). В целом по стране количество «наследственных дворов» возросло с 634752 хозяйств общей площадью 14434 млн. га в середине 1936 г. до 685000 (22% от

общего числа германских крестьянских хозяйств), совокупная площадь которых составляла 15562 млн. га (37% от общей сельскохозяйственной и лесной площади) в середине 1938 г.³²⁷. По другим данным, к середине 1935 г. была отвергнута четвертая часть хозяйств, теоретически соответствовавших «Закону о наследственных дворах», а к середине 1939 г. было зарегистрировано 684997 наследственных владений общей площадью 15 млн. га, что составляло чуть более половины сельскохозяйственных угодий страны, включая лесное хозяйство³²⁸. Что же касается официальной статистики, то согласно докладу штабляйтера земельного крестьянства Вюртемберга Куна «Аграрная политика и бегство крестьян с земли» от 17 мая 1936 г., на тот момент 700 тыс. «наследственных дворов» «охватывали 54,7% полезной сельскохозяйственной площади»³²⁹. При этом, хотя по закону «наследственными дворами» могли объявляться лишь земельные владения определенной площади, в исключительных случаях (если хозяйствам удавалось доказать, что их семья владела данной землей на протяжении более 150 лет) в соответствующий список включались хозяйства, размер которых не укладывался в установленные 7,5 - 125 га. К середине 1938 г. подобным образом была зарегистрирована лишь тысяча хозяйств площадью 125 га каждое, или менее 4% всех земельных владений такого рода³³⁰.

Такой довольно скромный рост количества «наследственных» хозяйств объяснялся рядом причин. Одной их основных являлась необходимость финансирования перевооружения и мер по рассасыванию безработицы³³¹. Другая причина заключалась в том, что при присваивании тому или иному хозяйству статуса «наследственного двора» проводился весьма жесткий отбор. Многие хозяйства, площадь которых превышала 7,5 га, были отвергнуты как нежизнеспособные, не соответствовавшие критериям Закона. Основаниями для этого служили их фрагментарность, плохие почвы, отсутствие необходимых хозяйственных построек, долгосрочная сдача двора в аренду, а также

наличие значительной задолженности. Правило, согласно которому «наследственные дворы не могли иметь долгов на сумму, превышавшую 70% их общей облагаемой налогами стоимости, было закреплено в правовом предписании о «наследственных дворах» от 21 декабря 1936 г., хотя на практике оно действовало и до этого³³². Кроме того, в указанном предписании было предусмотрено введение дополнительных санкций в отношении «плохо хозяйствующих» собственников «наследственных дворов». Они включали: установление экономического надзора через доверенное лицо, передачу управления хозяйством опекуну, лишение прав собственности на двор (изданный в 1937 г. «Закон об обеспечении хозяйственного использования земли» предусматривал применение подобных санкций также против сельских хозяев, не являвшихся владельцами «наследственных дворов»).

В качестве повода для установления над «наследственным двором» опеки, помимо неспособности крестьянина к хозяйствованию и невыполнения им своих долговых обязательств, Имперское продовольственное сословие могло использовать его политическую неблагонадежность, например, «прослушивание им враждебных радиостанций». Зачастую предписание Имперского продовольственного сословия о введении попечительства применялось как давление на «провинившегося» крестьянина. В тех случаях, когда преследовавшаяся подобным давлением цель была достигнута, ходатайство могло быть отозвано.

Угроза опеки использовалась также для того, чтобы принудить крестьянина к передаче двора своему наследнику³³³. Политические мотивы служили достаточным основанием и для лишения крестьянина права владения «наследственным двором». В одном конкретном случае крестьянин был наказан «за безответственность»: когда его упрекнули в том, что он произвел недостаточное количество продукции, он ответил: «Мне моего урожая хватает»³³⁴. В 1938 г. в Берлине по инициативе окружного крестьянского фюрера был

проведен процесс, в ходе которого местный крестьянин был осужден особым судом Ганновера к 21 месяцу тюрьмы за оскорбление Гитлера. Его «преступление» заключалось в том, что он демонстративно покинул собрание молочников Бергена после того, как была провозглашена здравица фюреру³³⁵. Принимались меры и против крестьян, не заботившихся о своих родителях. Поводом для того, чтобы ставить вопрос о «крестьянской неспособности», являлось также чрезмерное употребление алкоголя, если этим наносился вред хозяйствованию³³⁶. Наконец, в качестве «некомпетентного» судами рассматривался крестьянин, достигший преклонного возраста, в связи с чем ему предлагалось отойти от дел. Гроссбауэры зачастую предпочитали сдавать свои владения в аренду собственным сыновьям, чтобы избежать получения «стариковского выдела», но власти запретили подобную практику³³⁷.

Наиболее часто предметом рассмотрения наследственных судов становились дела, касавшиеся продажи и сдачи в аренду (в период 1933-1945 гг. в округе Штаде состоялось 906, в Бергене - округ Целле - 364 подобных процессов), наследования (749 и 86 соответственно), лишения целых дворов и земельных участков статуса «наследственных» (в Штаде - 906, по Бергену в этом случае данные отсутствуют). Подобная тенденция носила общегерманский характер³³⁸. Ежегодно по всему рейху более 12% крестьян представляли перед наследственными судами. Апелляции на их решения подавались в суды по наследственным дворам в менее чем 1% случаев, включая процессы о присвоении тому или иному крестьянскому хозяйству статуса «наследственного двора»³³⁹.

В своей практике суды допускали определенные отступления от положений Закона, в частности, от правила, согласно которому «наследственный двор» должен был оставаться во владении одной и той же семьи. Обычно основанием для подобных решений служили соображения экономической целесообразности. Известен случай, когда суд признал законную силу брачного

контракта, по условиям которого «наследственный двор» должен был после смерти его владельца отойти к замужней дочери последнего. Суд принял во внимание тот факт, что муж указанной немки хорошо знал свое дело, успешно обрабатывая собственную землю и участок жены как единое целое³⁴⁰.

Таким образом, не вызывает сомнений то, что наследственные суды являлись проводниками политики «наследственных дворов». При вынесении ими решений экономические соображения доминировали над идеологическими³⁴¹.

С другой стороны, многие хозяева, чьи владения отвечали критериям, предъявлявшимся к «наследственным дворам», стремились под разными предлогами (недостаточная площадь возделываемой земли, не позволявшая обеспечить пропитание собственной семьи, не прибегая к дополнительным заработкам; отсутствие необходимых хозяйственных помещений; постоянная сдача земли в аренду) уклоняться от этой «чести», не желая приносить в жертву свободу распоряжаться своей собственностью. Так, некий владелец земли площадью 37 га в районе Берген обосновал свою просьбу вычеркнуть его хозяйство из списка «наследственных дворов» следующим образом: «Я хочу сохранить свободу распоряжаться своим владением, включая его продажу по собственному желанию». Однако подобные ходатайства не удовлетворялись³⁴². Когда в 1937 г. в одном из баварских сел 20 хозяйств должны были быть объявлены «наследственными», их владельцы разделили свои земли между детьми или же продали часть земли, чтобы сократить ее площадь до уровня, который был меньше требуемого Законом. Однако этот саботаж был раскрыт и состоявшиеся сделки аннулированы, после чего 7 хозяйств все-таки оказались в числе «избранных»³⁴³.

Даже в официальных источниках говорилось об «оппозиции» или «ожесточенном сопротивлении» крестьянства Закону (конечно, речь не шла о крестьянах, которые были опутаны долгами и могли извлечь из регистрации

выгоду). Многие крестьяне видели в Законе как экономический ущерб для себя, так и посягательство на свою свободу. Среди них было широко распространено мнение, что они теперь не смогут получать кредит, особенно ссуды наличными. Еще большую их озабоченность вызывала необходимость выдачи замуж дочерей, которые после введения Закона в действие лишались надежды на вступление во владение какой-либо частью родительского имущества, а вместе с нею и перспектив на замужество. Согласно отчетам судов по наследственным дворам, при слушании соответствующих дел именно это вызывало особое возмущение крестьян³⁴⁴, поскольку фактически речь шла о возвышении рода над семьей³⁴⁵. «Баварский крестьянин сегодня - лишь администратор своей собственности. Ничто больше не принадлежит ему, и он больше ничего не может передать своим детям», - таковы были настроения, распространенные среди крестьянства Баварии³⁴⁶.

Подобное положение дел, характерное и для других сельскохозяйственных районов Германии, побудило известного немецкого правоведа – государственника профессора Зеринга направить письмо рейхсминистру юстиции Гюртнеру. В нем он писал: «Имперский закон о наследственных дворах в юридическом отношении отлично проработан, но пробудил во мне серьезные раздумья с точки зрения правоисторической, народнохозяйственной и биологической. ... Пренебрежение супругами и дочерьми не должно обосновываться историческим родовым наследственным правом», к тому же оно «не соответствует современному крестьянскому правосознанию. Введение снова права государственного надзора над имущественными диспозициями крестьян уже десятилетиями отклоняется как нецелесообразное». Пренебрежение «прочно укоренившимися правовыми воззрениями крестьян», прежде всего «семейным трудовым устоем крестьянского хозяйства», подчеркивал Зеринг, наносит ущерб планам «увеличения крестьянского населения». Согласно достоверной информации, поступившей к нему из традиционных наследст-

венных областей – Праворейнской Баварии, Центральной Германии, Нижней Саксонии и Шлезвига, «Закон о наследственных дворах» был воспринят положительно лишь сильно задолжавшими крестьянами, вызывая острую критику и неприятие со стороны большинства крестьянства. Последнее было возмущено ограничениями их свободы и опасалось, что отпрыски крестьянских семей, лишённые права наследовать землю, будут покидать сельскую местность³⁴⁷. Дарре заявил о своем несогласии с мнением Зеринга о правоисторических основах, а также с его «в сущности чисто экономически ориентированным пониманием идеи наследственного двора» и попытался, впрочем безуспешно, добиться от Гитлера запрета на проведение 26 августа - 2 сентября 1934 г. в Бад-Айлзене Третьей международной аграрной конференции, вице-президентом которой являлся Зеринг. Но конференция все же состоялась, а Зеринг в письменном сообщении и в докладе перед иностранными гостями подверг критике «Закон о наследственных дворах».

Имперский крестьянский фюрер квалифицировал эти действия как враждебный мировоззренческий выпад против нацистской аграрной политики и национал-социализма в целом и вновь перешел в наступление. Он обратился за помощью к рейхсминистру внутренних дел Фрику и, получив от него подтверждение полуеврейского происхождения Зеринга (слухи об этом ходили и раньше), добился закрытия возглавлявшегося Зерингом Исследовательского института по аграрной сути и сути поселений³⁴⁸. В свою очередь, владельцы крупных поместий, площадь которых превышала 125 га, также нередко выказывали недовольство, считая унижительным для себя то, что их ставят на одну доску с мелкими землевладельцами³⁴⁹. В силу указанных обстоятельств одновременно с «Законом о наследственных дворах» был издан закон, запрещающий не санкционированное имперским крестьянским фюрером обсуждение «Закона о наследственных дворах» как в устной, так и в письменной форме³⁵⁰.

Несмотря на то, что результаты политики «наследственных дворов» были далеки от тех, на которые рассчитывали нацисты, именно «наследственные дворы» стали в период нацизма основными поставщиками сельскохозяйственных продуктов³⁵¹.

Еще одним важным положением национал-социалистической аграрной программы была политика создания «восточных поселений» (непосредственную ответственность за ее проведение нес специально образованный в Рейхсминистерстве продовольствия и сельского хозяйства отдел «Остланд», который уже до 1 июня 1933 г. направил соответствующие директивы компетентным властям³⁵²). Последним предстояло стать своего рода плацдармом для борьбы за «жизненное пространство» на Востоке. Эта цель была сформулирована Гитлером еще в «Майн Кампф». «Мы хотим, – писал он, – приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены». При этом задача Германии, подчеркивал фюрер, состояла в том, чтобы открыть немецкому народу «возможности прилежного труда на новых землях»³⁵³.

Впрочем, проведение политики создания подобных поселений было начато еще в период Веймарской республики. Уже тогда серьезную проблему для властей представляло изыскание земель для создания поселенческого фонда. В годы кризиса владельцы обремененных долгами поместий изъявляли готовность продать их специальным государственным закупочным агентствам. Однако по мере повышения цен на землю, вызванного ростом стоимости продуктов питания, и возрастания их собственных доходов, позволявших

им расплатиться со своими долгами, позиция юнкеров менялась и властям пришлось искать другие источники земель, которые могли бы быть предоставлены «восточным поселенцам». К началу канцлерства Гитлера 70% населения Германии составляли горожане и лишь 30% проживало на селе. Многие нацисты выступали яркими сторонниками изменения этого соотношения. Комиссар по поселениям в Имперском министерстве продовольствия и сельского хозяйства настаивал на необходимости ежегодного создания 15 тыс. новых крестьянских хозяйств³⁵⁴. С этой целью в пропагандистских и «научных» публикациях, выступлениях того периода нацисты не жалели слов для возвеличивания «высокой» крестьянской доли. В докладе доктора Куна крестьянство превозносилось как «кормилец народа», оплот против разрушительного воздействия цивилизации, в котором «покоятся зародыши органического формирования нашего народа». По его мнению, именно немецкое крестьянство представляло собой эталон нордической расы. Все нордические народы, отмечал он, гибли, если они «отрывались от своей связанной с землей основы», поскольку «нордический человек может жить свободно только как крестьянин». Поэтому одну из главных задач национал-социалистической аграрной политики Кун видел в создании широкого земельного сообщества, которое бы охватывало в своей основе «крестьянина, крестьянку, их детей, вольнонаемных»³⁵⁵. Лозфлер писал в 1936 г.: «Национал-социалистические поселения – это путь, на котором мы хотим обрести родину»³⁵⁶.

В Третьем рейхе правовую базу поселенческой политики составили «Закон о возрождении немецкого крестьянства» от 14 июля 1933 г. и «Закон о поселениях», принятый в январе 1935 г. Согласно первому, поселения делились на «полудеревенские» и сельские. Ответственность за их создание возлагалось на Дарре как рейхсминистра продовольствия и сельского хозяйства, который при проведении данной политики руководствовался следующими

принципами: во-первых, сельские поселения должны были создаваться на землях, либо приобретенных специально с этой целью, либо на тех, использование которых стало возможным для этого после проведения соответствующих мелиоративных работ (при этом поместья крупных владельцев оставались неприкосновенными); во-вторых, переселенцами могли становиться лишь молодые крестьянские сыновья, лишенные права наследования отцовской земли «Законом о наследственных дворах», и сельскохозяйственные рабочие (занятые в поместьях, а также полностью или частично безработные). Первым отдавалось предпочтение³⁵⁷.

Поскольку предполагалось, что в перспективе большинству поселенческих хозяйств предстояло стать «наследственными дворами», в основу отбора поселенцев был положен ряд критериев. Кандидаты должны были обладать крепким здоровьем (по официальным данным, в период 1933-1939 гг., в связи с получением 62 тыс. заявок на включение в списки поселенцев, медицинскому обследованию подверглось 2,5 млн. человек), а также иметь семью, либо быть помолвленными, с тем чтобы в дальнейшем внести вклад в увеличение полноценного сельскохозяйственного населения. Учитывались их характер, политическая ориентация, профессионализм³⁵⁸. Политика «восточных поселений» пользовалась поддержкой многих высокопоставленных функционеров НСДАП. Одним из них был баденский гауляйтер Вагнер, видевший в ней возможность ослабить зависимость страны от импорта. Еще в 1933 г. он выражал намерение заимствовать опыт баварских властей, которые создавали условия для переселения в сельскую местность горожан - получателей пособий по линии социального обеспечения, не имевших возможности найти работу в городах. В то же время в начале февраля 1934 г. среди многих членов партии отмечались скептические высказывания по поводу перспектив поселенческой политики. Несмотря на принятие в 1935 г. нового «Закона о поселениях» и сделанное тогда же Гитлером заявление о наличии десятилетнего проекта, итогом которого должно было стать обеспечение землей 20 тыс. крестьян, успехи нацистов на этом пути были более чем скромными. Три

года спустя баденский аграрный эксперт Энглер-Фюсслин в очередной раз подчеркнул, что решение проблемы поселений было возможно лишь на востоке Германии³⁵⁹. Между тем, хотя уже в 1933 г. наблюдалось сокращение населения в пограничных областях (многие немцы не желали сниматься с насиженных мест и игнорировали пропагандистский призыв: «Молодежь, ступай на восток!»)³⁶⁰, именно начиная с 1935 г. наблюдалось неуклонное снижение количества создаваемых поселений. В целом же достижения Третьего рейха в этом отношении значительно уступали показателям, отмеченным в период Веймарской республики (табл. 17).

Таблица 17

Создание поселений в Веймарской республике и в Третьем рейхе³⁶¹
(в скобках указаны данные, приводимые Фаргухарзоном, – в тех случаях, когда они расходятся со статистикой, которой оперируют Швейтцер и Тейлор)

Веймарская республика			Третий рейх		
Годы	Новые поселения	Площадь земли (в га)	Годы	Новые поселения	Площадь земли (в га)
1927	3372	36704	1933	4914	60297 (60300)
1928	4253	50616	1934	4827(4931)	72969 (74200)
1929	5545	61213	1935	3905	68338 (68300)
1930	7441	79833	1936	3308	60358 (60300)
1931	9283	99642	1937	1900(1894)	37000 (37600)
1932	8877	101926	1938	1894(1456)	26646 (27800)
Всего	38771	429934		20748 (20408)	325611 (328500)

Как явствует из данных таблицы 17, нацисты не смогли выполнить свое обещание ежегодно создавать 30 тыс. поселений³⁶². Это было обусловлено рядом факторов. Земельный фонд, предназначенный для указанных целей, был невелик. Нацисты отказались от реализации планов полной ликвидации юнкерских поместий к востоку от Эльбы (их неприкосновенность была подтверждена Законом от 14 июля 1933 г.³⁶³). Лишь крупные поместья, владельцы которых обанкротились, могли выставляться на торги. Подобным образом

в течение года, начиная с 1 июня 1933 г., для поселенческого фонда было приобретено около 80 тыс. га земли. В 1937 г. около пяти шестых всех оказавшихся в распоряжении фонда земель было получено за счет фидейкомисса, хотя еще в 1919 г. был издан закон, отменявший его. В официальном отчете, датированном январем 1938 г., отмечалось, что под поселенческие цели отводились лишь малопродуктивные земли. Здесь сказывалась и конкуренция, в которой поселенческие компании нередко вынуждены были уступать вермахту, промышленному и дорожному строительству³⁶⁴, потребности которых составляли в 1938 г. 650 тыс. га земли, в то время как от реализации различных мелиоративных проектов, включая сооружение дамб на Северном море, ожидалось получение лишь 536 тыс. га³⁶⁵.

Не меньшей проблемой являлись высокие цены на землю (несмотря на то, что одной из целей «Закона о поселениях» 1935 г. было поддержание их на низком уровне, в связи с чем государственные закупочные агентства были наделены правом понижать цены в случае признания их «неразумными»³⁶⁶, стоимость земли подскочила с 643 рейхсмарок за гектар в 1932 г. до более чем 1200 марок в 1938 г.), а также необходимость обеспечения поселенцев сельскохозяйственной техникой (в каждом случае это обходилось режиму в среднем в 1700 рейхсмарок) и жильем. Если в 1933 г. средняя стоимость нового поселенческого земельного владения составляла 17664 рейхсмарок, то к 1938 г. она выросла более чем вдвое. Нелегким финансовым бременем для многих крестьян-поселенцев стала и необходимость уплаты десятипроцентного взноса за землю прежде чем вступить в права владения ею. Хотя государство предоставляло им определенные льготы (субсидии на расходы по строительству, которые варьировались в зависимости от размера земельного владения: в 1938 г. на сумму в 15 тыс. рейхсмарок можно было получить субсидию в 8800 марок; сокращение стоимости перевозки строительных материалов, введенное в 1938 г.; специальные скидки на ссудный процент по зай-

мам, предоставлявшиеся семьям с четырьмя и более детьми), количество заявок от потенциальных поселенцев сократилось с 16 тыс. в 1934 г. до 2605 в 1938 г.³⁶⁷. Отчасти это было связано с общим улучшением экономической ситуации в городах, в связи с чем на смену проблеме массовой безработицы пришла проблема дефицита квалифицированных рабочих³⁶⁸, отчасти – с ограниченностью денежных средств, имевшихся в распоряжении Германского поселенческого банка: руководством Центрального банка ему было запрещено продавать долговые обязательства и векселя. Кроме того Шахт отказал нацистам в валюте, требовавшейся для финансирования переселенческой программы³⁶⁹. Следует иметь в виду и то, что средняя площадь вновь создававшегося поселенческого хозяйства в годы Веймарской республики составляла 10,5 га, а в период нацизма – около 16 га³⁷⁰.

Характерным был и социальный состав новых поселенцев. В 1937 г. почти четвертую часть их составляли сельскохозяйственные рабочие³⁷¹, но доминировали среди них все-таки гроссбауэры³⁷². В значительной степени это было связано с тем, что, по мнению нацистов, лишь достаточно большое земельное владение могло быть жизнеспособным, а в условиях роста цен на землю и расходов на строительство затраты на приобретение подобного хозяйства были весьма велики. Так, в 1938 г. свыше двух третей вновь утвержденных поселенцев составляли лица, личное состояние которых оценивалось не менее чем в 5 тыс. рейхсмарок, а 40% располагало капиталом по меньшей мере вдвое большим³⁷³. Видный немецкий консервативный политик, крупный помещик и бывший фюрер померанского земельного союза Н. фон Рор так оценил сложившуюся ситуацию: поскольку согласно «Закону о наследственных дворах» продаже и разделу не подлежало примерно две трети общей сельскохозяйственной полезной земельной площади, а и без того недостаточные возможности поселений оказались вскоре исчерпанными, сельскохозяйственные рабочие и мелкие землевладельцы лишались каких бы

то ни было перспектив роста. Их уделом становилось «состояние безнадежности»³⁷⁴.

Таким образом, уже в довоенный период четко обозначилась социальная составляющая нацистской аграрной политики. Несмотря на официально провозглашенный культ крестьянства, как такового, вытекавший из мифологии «крови и почвы», она, в первую очередь, благоприятствовала владельцам крупных и средних хозяйств. Так, к 1938 г. долг юнкеров сократился на 18,6%, владельцев «наследственных дворов» – на 15,5%, а сельских хозяев, владевших земельными участками площадью менее 7,5 га, – лишь на 9,8%³⁷⁵. Поместья юнкеров получили своего рода охранную грамоту, что свидетельствовало об отсутствии у властей серьезных намерений по осуществлению кардинальных структурных изменений в земельной собственности.

В решении социально-экономических проблем немецкой деревни гитлеровскому режиму удалось записать на свой счет ряд успехов. Так, уже в первые годы нацизма несколько возросли доходы крестьян, а выручка от реализации сельскохозяйственной продукции превысила расходы (табл. 18).

Таблица 18

Реализация крестьянами своей продукции и их расходы

Годы	Выручка от продажи сельскохозяйственной продукции	Расходы	Остаток
	в млрд. рейхсмарок		
1928-1929	10,2	8,6	1,6
1930-1931	8,6	7,4	1,2
1932-1933	6,4	5,9	0,5
1933-1934	7,4	5,9	1,5
1934-1935	8,3	6,0	2,3

Это было достигнуто за счет установления более высоких по сравнению с кризисным периодом цен на сельскохозяйственную продукцию, поддержания расходов на стабильном уровне, проведения определенных мер по облегчению крестьянам налогового и долгового бремени (если в 1932/33 г. расходы на выплаты по процентам и уплату налогов составляли 22,1% совокупного дохода от сбыта сельскохозяйственной продукции, то в 1933/34 г. -

уже 18,8%, а в следующем финансовом году – лишь 13%), что положительно воспринималось значительной частью крестьянства³⁷⁶. В то же время среди различных групп последнего нередко отмечались и проявления недовольства аграрной политикой нацистов. Помимо уже упоминавшихся ограничений, принесенных сельскому сообществу деятельностью Имперского продовольственного сословия и «Законом о наследственных дворах», для него имелись и иные основания.

На смену короткому периоду роста дохода сельского хозяйства, ставшего следствием регулирования сельскохозяйственных цен, пришла тенденция к его стагнации³⁷⁷. Беднейшее крестьянство района Люнебурга жаловалось на свое тяжелое экономическое положение. Непосредственно накануне войны местный крестьянский фюрер доносил начальству: «Мне известны крестьяне, которые на протяжении многих лет не могут купить себе новый выходной костюм. В своем районе я знаю не более двух человек, имеющих радио, но у них есть сыновья или дочери, работающие на фабриках»³⁷⁸. Даже в ранее пронацистски настроенных сельских районах Бадена в 1938 г. отмечался протест по поводу запрета, наложенного правительством на выращивание «американского винограда», использовавшегося для изготовления дешевого домашнего вина³⁷⁹. Согласно одному из отчетов имперских попечителей труда, датированному 1938 г., крестьяне нередко в знак протеста против диктаторских экономических мер, осуществлявшихся властями, старались уклоняться от уплаты налогов, в нарушение запретов повышали цены, допускали несанкционированный забой скота, скрывали запасы, пользовались услугами черного рынка и меновой торговли³⁸⁰. Многие крестьяне саботировали политику властей по отношению к церкви, в частности, попытку принизить значение религиозных праздников. Их возмущение вызвала публикация Имперским продовольственным сословием сельскохозяйственного календаря, в котором отсутствовало какое бы то ни было упоминание о них и не указыва-

лись имена христианских святых³⁸¹. В результате число крестьян, отмечавших церковные праздники, возросло³⁸². Однако как в экономической сфере, так и здесь протест в деревне никогда не принимал политического характера.

В целом, чистая прибыль германского сельского хозяйства в мирные годы Третьего рейха возросла по сравнению с кризисным периодом, составив в 1928/29 г. – 1,6; в 1930/31 г. – 1,2; в 1932/33 г. – 0,5; в 1933/34 г. – 1,5; в 1934/35 г. – 2,3; в 1935/36 г. – 2,5; в 1936/37 г. – 2,5; в 1937/38 г. – 2,6 млрд. рейхсмарок³⁸³. Бюджет Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства в период с 1934 по 1939 гг. вырос почти на 620%, что значительно отставало от бюджетного роста военного министерства, министерств внутренних дел, юстиции, авиации, но намного превосходило 170-процентное увеличение бюджета остальных министерств³⁸⁴. В 1938-1939 гг. сельскохозяйственное производство приблизительно на 20% превышало показатели 1928-1929 гг. Рост потребления продуктов питания на душу населения составил от 4 до 5%³⁸⁵. Несмотря на это, если не считать производства хлеба, добиться полного самообеспечения продуктами питания Германии так и не удалось. По большинству же показателей в указанный период аграрный сектор экономики отставал от других. Так, в то время как заработная плата и жалованье выросли на 49%, доходы торговли и промышленности – на 88%, рост доходности сельского хозяйства составил лишь 33% (и это при том, что, если общая продолжительность рабочего времени в промышленности доходила до 2400-2700 час. в год, то в крупных и средних крестьянских хозяйствах она достигала 2800-2900, а в мелких – более 3000 час.). Доля сельского хозяйства в валовом национальном доходе снизилась с 8,7% в 1933 г. до 8,3% в 1937 г. В 1938 г. (1909-1913 гг. = 100) индекс оптовых цен на готовые промышленные товары составлял 125,8, а на продукцию сельского хозяйства – 105,9 пункта. И, наконец, хотя налоги на сельское хозяйство в период с 1934 по 1938 гг. снизились на 60 млн. рейхсмарок, в целом задолженность сель-

ского хозяйства, в особенности средних и мелких землевладельцев, возросла³⁸⁶. Интенсификация подготовки к войне не позволила нацистам добиться и решения проблемы миграции деревенского населения в города: в 1933-1939 гг. доля сельских жителей в населении рейха (в границах 1937 г.) уменьшилась с 20,8% до 18%³⁸⁷. Одновременно площадь земли, пригодной для сельскохозяйственной обработки, сократилась с 20,5 млн. акров в 1933 г. до 19,2 млн. акров в 1938 г.³⁸⁸.

Таким образом, накануне войны бесспорные достижения режима в аграрной сфере были все же далеки от тех, на которые рассчитывало политическое руководство рейха. Что же касается крестьянства, то значительная его часть была искусственно поставлена в привилегированное положение, обусловленное целым рядом существенных ограничений (согласно замыслу нацистов, списание долгов с «наследственных дворов» и создание «восточных поселений» были призваны способствовать долгосрочному решению структурных проблем германского сельского хозяйства). В то же время даже предоставление льгот гроссбауэрам носило принудительный характер - черта, в высшей степени характерная именно для тоталитарно-социального государства. Владельцам «наследственных дворов», официально представлявшим элиту германского крестьянства (в связи с этим власти предъявляли к ним повышенные экономические требования), далеко не всегда удавалось успешно решать проблемы кредитной «недостаточности», дефицита рабочих рук и обусловленной этим необходимостью механизации хозяйства, нехватки кормов.

В тех случаях, когда социальные интересы крестьянства приходили в столкновение с экономическими и политическими потребностями режима, в особенности с учетом военных приготовлений последнего, они игнорировались нацистским руководством. Так, крестьяне были вынуждены смириться с ухудшением социального положения своих детей, лишенных права наследовать родительский двор.

Перед самым началом войны, 27 августа 1939 г., был принят «Закон об управлении хозяйством», носивший мобилизационный характер и ставивший аграрный сектор, как и другие хозяйственные отрасли, под контроль генерального уполномоченного по экономике, а сельскохозяйственные предприятия и объединения – под надзор бургомистров областного и окружного уровней. Закон вводил «общественное управление хозяйством», лишавшее сельскохозяйственных производителей права свободной реализации продукции растениеводства и животноводства, которую теперь в обязательном порядке надлежало сдавать на специальные заготовительные пункты. На смену контрактной системе в аграрном секторе экономики было введено в большей степени отвечавшее задачам военного времени принудительное контингентирование, в рамках которого жестко регламентировались все вопросы, касавшиеся сбыта продукции³⁸⁹. Этот же закон покончил с каким бы то ни было самоуправлением Имперского продовольственного сословия, сделав его полностью подконтрольным Рейхсминистерству продовольствия и сельского хозяйства, и значительно расширил права фюреров, возглавлявших областные, окружные и местные «крестьянские общества». Отныне они могли добиваться принятия жестких санкций против землевладельцев, не справлявшихся со своими обязанностями по отношению к фатерланду, вплоть до лишения их права собственности³⁹⁰. Одновременно эти фюреры были подчинены обербургомистрам, в аппаратах которых создавались новые структурные подразделения в виде продовольственных управлений. Последние состояли из двух отделов - «А», формировавшегося на базе аппарата Имперского продовольственного сословия и курировавшего сельскохозяйственное производство, и «Б», включавшего сотрудников аппарата обербургомистров и отвечавшего за распределение продовольствия. Таким образом, за несколько дней до начала войны нацистским руководством был сделан важный шаг по пути создания единой системы управления сельскохозяйственным производством, в основу

которой было положено слияние государственных и общественных органов³⁹¹.

Начавшаяся война обострила многие проблемы сельского хозяйства, в первую очередь – дефицита рабочих рук. Этому вопросу было уделено первостепенное внимание в документе «Обеспечение сельскохозяйственного производства», подписанном 16 ноября 1939 г. Герингом, как генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану и председателем Совета министров по обороне рейха. Отметив, что в текущем году «удалось сохранить богатый урожай зерна и картофеля», Геринг потребовал от компетентных органов безотлагательно принять необходимые меры для того, чтобы сельское хозяйство оправдало возлагавшиеся на него надежды. С этой целью, в частности, каждому аграрному хозяйству предписывалось в течение следующих двух-трех месяцев произвести расчет рабочих сил, на которые оно сможет рассчитывать в очередном году. Со своей стороны компетентным органам на местах – ландратам, окружным службам питания, трудовым службам, районным командам по вопросам обороны надлежало проверить каждое хозяйство на предмет его потребности в рабочих. При этом начинать они должны были с хозяйств, представлявших «наибольшую значимость для производства и поставки». Эта проверка требовалась для определения того, какое количество призванных в вермахт из сельской местности работников следовало освободить от военной службы и вернуть в аграрный сектор и сколько лиц, еще не призванных в армию, требовалось извлечь от мобилизации³⁹². Далее в документе содержалась просьба к штабу верховного главнокомандования (ОКВ) о предоставлении в распоряжение сельскохозяйственных предприятий на период войны военнопленных, которые по мере возвращения с фронта крестьян должны были переводиться в другие хозяйства. От рейхсминистра труда Геринг ожидал максимально возможного привлечения к сельскохозяйственным работам польских гражданских рабочих, особенно девушек. Кроме того, решению проблемы нехватки рабочих рук на селе призвано было способство-

вать привлечение лиц, отбывавших трудовую повинность, членов Гитлерюгенд, воинских контингентов – на основании расчетов потребности, которые должны были произвести ландраты и окружные продовольственные службы³⁹³.

Однако по мере мобилизации значительной части сельского населения в вермахт проблема продолжала обостряться. «Разве в городе знают, как идут дела в деревне? – говорилось в статье, напечатанной «Фелькишер Беобахтер» в мае 1941 г. – Годные к военной службе мужчины призваны в армию. Лишь подростки, женщины и старики, а нередко только крестьянки вынуждены теперь нести свой тяжкий труд с помощью иностранных подсобных рабочих... Часть лошадей сейчас предоставлена в распоряжение армии. Замена автотранспортом, как известно, ограничена, т.к. приходится очень экономно расходовать горючее»³⁹⁴. Уже в начале 1941 г. была издана специальная директива Гесса, позволявшая привлекать к сельскохозяйственным работам школьников старше 10 лет. До исполнения им 14, а для городских детей – 16 лет их не разрешалось обременять тяжелой работой, но после того, как они переступали указанный возрастной порог, к ним надлежало относиться, как к полноценным работникам. С этой целью должны были также использоваться уикенды и школьные каникулы³⁹⁵. По некоторым данным, общее число занятых в сельском и лесном хозяйстве совершеннолетних мужчин уменьшилось в период с 31 мая 1939 г. по 31 мая 1943 г. приблизительно с 5 млн. до 3,25 млн.³⁹⁶. В 1943 г. партийный аграрный руководитель гау Баден сетовал на то, что доля проживавших в сельской местности составляла лишь 18% населения страны в целом, тогда как «здоровым нациям» требовалось иметь по меньшей мере 40% сельского населения³⁹⁷.

В значительной степени проблема нехватки рабочих рук на селе была решена за счет притока гражданской рабочей силы, угнанной с оккупированных территорий Польши и СССР, а также военнопленных. Правда, как пока-

зал анализ, проделанный германским Институтом исследования конъюнктуры, привлечение польских сельскохозяйственных рабочих, осуществленное в начальный период войны (по данным Г. Керля в это время в сельское хозяйство Германии было также направлено около миллиона польских военнопленных³⁹⁸), позволило выправить положение лишь в крупных хозяйствах, тогда как мелкие и средние земельные владения площадью от 5 до 50 га по-прежнему страдали от дефицита работников³⁹⁹. При этом особую проблему, по мнению нацистских специалистов представляла нехватка дояров, которая самым негативным образом сказывалась на обеспечении населения молоком и маслом⁴⁰⁰. На 31 мая 1943 г. в германском сельском хозяйстве было занято 700 тыс. военнопленных и 1,5 млн. иностранных работников, что позволило компенсировать потери в 1750 тыс. немцев, мобилизованных на военную службу, и таким образом обеспечить аграрному сектору экономики Германии относительную стабильность⁴⁰¹.

По мере того как война шла к концу, все большее число иностранцев направлялось в сельское хозяйство Германии. Так, в одном из районов Франконии в 1944 г. они составляли 42% всех занятых на сельхозработах⁴⁰². При этом следует учитывать, что около 70% иностранных рабочих и военнопленных было сосредоточено в крупнокапиталистических владениях и хозяйствах зажиточных крестьян⁴⁰³.

В то же время полностью решить проблему дефицита рабочей силы в немецком сельском хозяйстве нацистам не удалось. Доля занятых здесь иностранцев сократилась с 51% от общего числа работников в 1940 г. до 34% в 1944 г., а военнопленных – соответственно с 76% до 36%⁴⁰⁴. В значительной степени это было связано с потерей Германией оккупированных земель и последовавшим за этим резким сокращением притока иностранцев, а также с необходимостью компенсировать нехватку рабочих рук в других отраслях военной экономики и с пропагандистским культом «крови и почвы», который

ограничивал допуск представителей «низших рас» к обработке земли, политой «арийскими» потом и кровью. К неудовольствию властей некоторые крестьяне в своем отношении к иностранным работникам руководствовались не столько расовым критерием о «неполноценности» славянства, сколько прагматическими соображениями. В датированном 1942 г. донесении отделения службы безопасности в Байройте отмечалось, что отношение крестьян к новому притоку подневольной рабочей силы из СССР выражалось в их взгляде на русского прежде всего как на работника. При этом они не обращали особого внимания на его иностранное происхождение⁴⁰⁵. Сообщалось также о случаях сочувствия к военнопленным со стороны баденских крестьян⁴⁰⁶.

В качестве одной из пожарных мер по смягчению проблемы рассматривалось привлечение к сельскохозяйственному труду женщин, ранее не имевших никакого отношения к аграрной сфере. В циркуляре имперского комиссара обороны Нижней Силезии К. Ханке от 19 июня 1944 г. говорилось о дальнейшем обострении ситуации в сельском хозяйстве. В нем указывалось, что из-за потери ранее оккупированных вермахтом плодородных восточных территорий единственным источником продовольственного обеспечения населения Германии оставалась немецкая земля. В связи с этим ставилась задача повышения производительности в аграрном секторе, в частности роста урожайности овощей, картофеля, репы, масличных культур по сравнению с предшествующими годами. Поскольку для решения этой проблемы требовалось более широкое применение ручного труда, а в сельских районах Нижней Силезии счет недостающих рабочих рук шел на тысячи, то «для проведения битвы за производство пятого военного года» ставилась задача в больших масштабах использовать в работе на полях женщин, ранее не занятых сельскохозяйственным трудом (основанием для этого служил указ Гетринга о женской трудовой повинности от 7 марта 1942 г.)⁴⁰⁷. «Каждая женщина, – подчеркивалось далее в документе, – должна рассматривать свое

включение в производство на пятый год войны как национальный долг»⁴⁰⁸. В распоряжении руководства округа Шпротгау, подписанном в тот же день, подчеркивалось, что «женщины..., которых нельзя использовать на сельскохозяйственных работах, должны заниматься домашним хозяйством», чтобы высвободить рабочую силу, занятую в домашнем хозяйстве, для уборки урожая. При этом для привлекаемых таким образом работниц при повседневной шестичасовой работе предусматривались следующие продовольственные добавки: 150 г хлеба, 50 г мяса, 20 г жира в день⁴⁰⁹. Кроме того, в качестве дополнительного стимула «окружное крестьянство заявило о готовности из имеющихся в его распоряжении средств выплатить всем батракам и свободно работающим женщинам, принадлежащим к самообеспечивающей себя группе А, значительную денежную сумму, если они в период с 1 июля до 31 октября сего года будут работать 5 дней в неделю». Далее в распоряжении указывалось: «Акция осуществляется под девизом: «Наша благодарность фюреру, мы спасем урожай 1944 г.!»⁴¹⁰.

Анализ ситуации, проведенный Э. Шпренгель, показал, что именно в мелких крестьянских хозяйствах доля женского труда была особенно велика: здесь женщины выполняли три четверти всей работы. Причем, по данным отчетов имперских попечителей труда, средняя продолжительность женской рабочей недели в сельском хозяйстве, составлявшая в мирные годы 75 час., в период войны возросла до 82 час., а в страдную пору доходила до 100 час.⁴¹¹. Предпринимались попытки использовать в сельском хозяйстве детей и женщин, эвакуированных из подвергавшихся бомбежкам городов. Однако последние не спешили включаться в изнурительную сельскохозяйственную работу, чем вызывали раздражение местного населения и едкие замечания по поводу «декадентской праздности этих леди из города»⁴¹².

Помимо вышеуказанных причин, в годы войны проблема дефицита рабочей силы в деревне усугублялась провалом нацистских планов совершен-

ствования агротехники сельскохозяйственного производства (это направление развития последнего было обозначено в качестве одного из приоритетных в «Распоряжении о сохранении сельского хозяйства» от 20 января 1943 г.⁴¹³) и механизации сельского хозяйства (дополнительную остроту этому вопросу придавала нехватка рабочих лошадей в крестьянских хозяйствах: дефицит фуража вынуждал крестьян пускать их под нож⁴¹⁴). Сталь и топливо шли главным образом на военные нужды. Начиная с лета 1940 г., новый трактор зачастую приобретался лишь при невозможности починить старый. К тому же экономия бензина не позволяла использовать его более 10 дней в месяц. Один из возможных путей преодоления сложившейся ситуации власти видели в увеличении производства сельскохозяйственной техники, работавшей на древесном топливе: было объявлено, что, начиная с 1 июля 1942 г., в сельских областях будут продаваться исключительно машины подобного рода. Производство же тракторов, потреблявших жидкое топливо, было сокращено на 50%⁴¹⁵. Однако возможностью использовать подобную технику обладали лишь хозяйства, имевшие собственный лес. Таковых было меньшинство⁴¹⁶. Одновременно обострились финансовые проблемы крестьянских хозяйств. В годы войны их владельцы могли рассчитывать лишь на получение краткосрочных кредитов кооперативных товариществ и сберегательных касс, да еще на собственные сбережения⁴¹⁷. В связи с этим сбыт сельскохозяйственных машин упал в период с 1938 по 1944 г. на 34,8%, а численность лиц, занятых в сельскохозяйственном машиностроении снизилась с июля 1939 г. по январь 1944 г. на 43,4%, что привело к сокращению технической вооруженности сельского хозяйства⁴¹⁸.

Стремясь найти выход из сложившегося положения, власти начали с января 1943 г. создавать «сельскохозяйственные машинные общества», которым в принудительном порядке предусматривалось передать всю имеющуюся в наличии технику с целью ее «общественного использования». Однако

сколько-нибудь заметной отдачи от этого нововведения не последовало. В то же время лишавшиеся машин крестьянские хозяйства вынуждены были обходиться использованием тягловых животных⁴¹⁹.

Результатом нехватки сельскохозяйственной техники и горючего для деревни в период войны стал переход на экстенсивные формы производства, повлекший падение урожайности и сокращение посевов зерновых⁴²⁰. Дефицит последних, включая корм для скота, был вызван снижением плодородия почвы вследствие нехватки минеральных удобрений. Проблема усугублялась резким сокращением импорта кормов и важнейших удобрений, таких, например, как поташ⁴²¹. Использованию удобрений нацисты придавали особое значение, поскольку возможность их применения не зависела от величины хозяйств. При этом если потребность в калии и извести в значительной степени покрывалась за счет отечественных ресурсов, то обеспечение фосфорной кислотой зависело от импорта. В 1939 г. Германия закупала за границей один миллион тонн фосфата – сырца. Четыре года спустя она ввозила лишь около шестой, а в 1944-1945 гг. – пятой части этого количества, стремясь скомпенсировать нехватку последнего повышенным потреблением калия. В марте 1944 г. властям пришлось официально признать, что недостаток минеральных удобрений затруднял сохранение качества почвы⁴²². В условиях войны особое значение придавалось использованию азота ввиду его быстрого воздействия и высокой степени эффективности, способствовавших повышению урожая. Однако в связи с увеличением потребности в нем вермахта использование азота в сельском хозяйстве к 1944-1945 гг. снизилось по сравнению с 1938-1939 гг. на 87%, а по сравнению с 1939-1940 гг. – на 62,5%. В 1943-1944 гг. внесение азота в почву в сельском хозяйстве составляло менее 60% от уровня 1939-1940 гг. В первые 4 месяца 1945 г. прибавились еще и проблемы с транспортировкой удобрений⁴²³.

Отмечая, что «решающим для поддержания уровня производства сель-

скохозяйственных продуктов наряду с относительно достаточным снабжением азотом было сохранение скота, как производителя естественных удобрений», статс-секретарь Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства Г.-И. Рике признавал, что «ввиду некоторых обстоятельств поголовье свиней... сократилось с 27 млн. голов в 1938/39 году до 18,6 млн. голов в 1943/44 году. Поголовье крупного рогатого скота, наоборот, почти не уменьшилось и составляло 23,25 млн. голов по сравнению с 23,8 млн. голов в 1938/39 хозяйственном году»⁴²⁴.

Уже начало войны принесло немецкому гражданскому населению нормирование продовольствия. Изданное 27 августа 1939 г. «Распоряжение о временном нормировании сельскохозяйственных продуктов»⁴²⁵ вводило карточную систему распределения 14 видов товаров, 10 из которых составляли продукты питания. Взрослые потребители были разделены на четыре категории – от «обычной» до включавшей лиц, «занятых на сверхтяжелой работе»⁴²⁶. Эта мера привела к сокращению потребления жиров на душу населения. В 1939/40 г. его недельная норма была на 70 г меньше, чем в предыдущем году, хотя, главным образом, это касалось маргарина⁴²⁷. В апреле 1941 г., когда поголовье свиней сократилось на 15-20%, Рейхсминистерство продовольствия и сельского хозяйства подняло цены на домашний скот. Плохой урожай 1941/42 г, спровоцировавший рост цен на ячмень, сделал невыгодным использование его в качестве кормовой культуры, увеличив его роль в человеческом питании.

В феврале 1942 г. были созданы специальные комитеты, задача которых заключалась в том, чтобы выправить положение дел в животноводстве: привести поголовье свиней и крупного рогатого скота в соответствие с кормовой базой⁴²⁸. На этот аспект нацистской аграрной политики уже после войны обращал внимание Рике. «Главным конкурентом человека, – писал он, – является свинья. При кормлении свиней зерном или картофелем произ-

водительная потеря калорий составляет 80%. Поэтому во время войны было оставлено лишь такое поголовье свиней, которое можно было прокормить тем зерном, картофелем и другими продуктами питания, которые оставались после удовлетворения человеческих потребностей. В случае необходимости или нехватки продовольствия этот остаток мог использоваться и для удовлетворения потребностей человека, а поголовье свиней можно было соответственно уменьшать». Рике подчеркнул, что вместо «беспорядочного убоя свиней», имевшего место в Германии в Первую мировую войну, при нацистском режиме «поголовье свиней и степень откармливания скота» ежегодно приводились в соответствие «с имеющимися остатками фуражных фондов»⁴²⁹. В то же время поголовье крупного рогатого скота, зависевшее от расширения производства кормовых культур, не включенных в рацион человеческого питания, в течение войны поддерживалось на более или менее стабильном уровне, составляя от 19 до 20 млн. голов. Во многом это было связано с тем, что посевные площади, отведенные под такие кормовые культуры, как зерно, люцерна, сладкий люпин, за годы войны выросли на 50%⁴³⁰.

Учитывая опыт Первой мировой войны, на заключительном этапе которой проблема голода приобрела катастрофический характер, нацисты стремились максимально использовать потенциал оккупированных территорий, в первую очередь советских. В 1941 г. по распоряжению статс-секретаря Рейхсминистерства продовольствия и сельского хозяйства Бакке в этом ведомстве была отпечатана для внутреннего служебного пользования его работа о российском зерновом хозяйстве, которую он безуспешно пытался защитить в качестве диссертации еще в свою бытность ассистентом Высшей школы в Ганновере. Теперь часть ее положений была включена в Зеленую папку Геринга и сыграла свою роль в грабительском использовании аграрных ресурсов районов СССР, занятых немецкими войсками⁴³¹. В 1941-1942 гг. из СССР в Германию было вывезено 464,5 тыс. т. пшеницы, 232,1 тыс. т. ржи,

329,7 тыс. т. ячменя, 194,8 тыс. т. овса. Общая стоимость продуктов питания, ввезенных из Советского Союза, составляла: в 1940 г. – 197,9 млн. рейхсмарок, в 1941 г. – 139,5 млн., в 1942 г. – 281,2 млн., в 1943 г. – 132,4 млн. имперских марок⁴³². 6 августа 1942 г. Геринг напомнил всем руководителям оккупационных властей о необходимости вывоза в Германию с контролируемых ими территорий максимально возможного количества продовольствия, не обременяя себя угрызениями совести по поводу голодной смерти местного населения⁴³³. (Г.-И. Рике, стремившийся после окончания войны преуменьшить масштабы вывоза продовольствия в Германию с оккупированных территорий, оправдывал такой грабеж тем, что только на питание иностранных рабочих и военнопленных было израсходовано в общей сложности 2,3 млн. т. зерна, 265 тыс. т. жиров и 400 тыс. т. мяса. В связи с этим, по его мнению, «представлялось вполне законным заставить эти страны поставлять продовольствие своим рабочим»⁴³⁴. Однако он предпочитал не акцентировать внимание на том факте, что подавляющее большинство иностранцев, работавших в Германии в годы войны, оказалось там не по своей воле).

Несмотря на это, а также на ежегодно провозглашавшуюся «битву за производство», которой теперь был придан статус «военной», потребление сельскохозяйственных продуктов в годы войны продолжало снижаться. В Мюнхене, например, средний ежедневный рацион обычного потребителя накануне Второй мировой войны составлял 2900 калорий, в конце 1939-1940 гг. – 2600, зимой 1944-1945 гг. – 1800 и, наконец, в конце войны – 1500 калорий⁴³⁵. В целом же по стране обычный потребитель получал ежедневно, по одним данным, в 1941 г. 2400, в 1943 г. – 2200, в начале 1945 г. – лишь 2000 калорий, по другим, этот уровень на январь каждого года был следующим: в 1941 г. – 1990, 1942 г. – 1750, 1943 г. – 1980, 1944 г. – 1930 калорий (в первых двух случаях - с учетом 400 калорий картофеля)⁴³⁶.

За этими цифрами скрыто повышенное потребление зерна и картофеля,

с одной стороны, меньшее потребление мяса (по оценкам американских экспертов, в 1942-1943 гг. оно в основном составляло 60% от среднего уровня 1932-1937 гг.⁴³⁷) и жиров – с другой. Первоначальный мясной рацион, составлявший 2 кг в месяц, продержался до 1941 г., затем к 1942 г. он был сокращен до 1,6 кг, а в последние два года войны стал еще меньше. Ежемесячный рацион жиров до апреля 1942 г. составлял 1 кг, а позднее снизился и вплоть до конца войны не превышал 900 г. В то же время рационы молока, хлеба и картофеля до последних 12 месяцев режима поддерживались на более или менее стабильном уровне⁴³⁸. «Когда ... война приобрела затяжной характер, – отмечал Рике, – снабжение гражданского населения продуктами животноводства было снижено до предела. Несмотря на это, принцип первоочередности обеспечения пищевыми продуктами населения постоянно оставался в силе», поскольку власти осознавали, что «если нормы потребления не обеспечивают населению минимальный прожиточный минимум, всякая хозяйственная дисциплина исчезает и начинается борьба всех против всех»⁴³⁹.

По расчетам, произведенным в 1944 г. американскими экспертами, сельскохозяйственное производство в 1942-1943 гг. сократилось приблизительно на 7-8% по сравнению с уровнем, отмечавшимся накануне войны⁴⁴⁰. В целом же положение в сферах сельскохозяйственного производства и потребления важнейших продуктов питания в довоенный период и на пике войны, по их данным, выглядело следующим образом (табл. 19).

Таблица 19

**Сельскохозяйственное производство и потребление продуктов
питания в предвоенный и военный периоды⁴⁴¹**

Производство и характер (размещение, тенденция)	Довоенный период (около 1937 г.)	Военный период (1942-1943 гг.)
	в триллионах калорий	
Подлинное (оригинальное) производство энергии из почвы	220	210

Продолжение таблицы 19

Семена, потери, отходы и промышленные нужды	30	30
Корма для тягловых животных	20	20
...Овощные продукты питания	41	53
Корма отечественного производства, превращенные в пищу	129	107
...Импортные корма, используемые в пищу	12	6 ¹⁾
Потребление продуктов питания:		
продукты овощного происхождения	41	53
отечественного производства	7	6
импортируемые для культурного потребления (окультуривания)	48	59
...Продукты питания животного происхождения:		
отечественное производство из отечественных ресурсов	19 ²⁾	16 ³⁾
отечественное производство из импортруемых кормов	2	1

1) Возможно, чистый импорт превышал указанный уровень на 4 триллиона калорий.

Если так, то излишек должен был пойти на запасы зерна и сахара.

2) Включает менее одного триллиона калорий рыбы и рыбьего жира.

3) Немногим более 16 триллиона калорий, включая менее 0,5 триллиона калорий, полученных не из корма, но от убоя крупного рогатого (домашнего) скота. Включает также полтриллиона калорий от рыбы)⁴⁴².

При этом ежедневное потребление продуктов питания гражданским населением в 1942-1943 гг. составляло (в скобках указана доля от показателей довоенного периода): 60-70 г протеина на человека (84-98%), из них 20-30 г – животного протеина (50-75%); 53-55 г жира (52-54%) и 373-418 г углеводов (98-109%). В рабочих семьях потребление протеина в 1942-1943 гг. составляло 90-100% от довоенного уровня, жира – 60-70%, углеводов – 110-120%⁴⁴³. Потребление продуктов питания обычным потребителем, т.е. не имевшим привилегий взрослым городским жителем, не занятым ручным трудом, было значительно ниже, чем среднее потребление гражданского населения. Его

общее энергетическое снабжение в 1942-1943 гг. составляло от 2000 до 2250 калорий в день, протеином – от 50 до 60 г, жиром – 40-43 г и углеводами от 340 до 390 г. В ноябре 1943 г. обычный потребитель мог получать в день от 1900 до 2200 калорий, 47-59 г протеина, 40-42 г жира, 330-380 г углеводов. Тем не менее, согласно выводам специалистов Генерального штаба США, немецкое население в годы Второй мировой войны питалось лучше, чем в период Первой мировой войны, когда рацион обычного потребителя был намного меньше, составляя 1600 калорий. Дополнительные пайки для рабочих, занятых тяжелым трудом, тогда также были меньше, а дополнительные рационы за сверхтяжелую и ночную работу вообще не были предусмотрены⁴⁴⁴. По утверждению Рике лишь на самом последнем этапе войны средние нормы выдачи продуктов были понижены до 1800 калорий - минимального уровня, необходимого для существования⁴⁴⁵.

В целом, однако, до 1944 г., когда произошло самое крупное сокращение производства сельскохозяйственных культур, урожаи были более или менее постоянными и зависели главным образом от погодных условий⁴⁴⁶. В этот период нацистам удалось не только стабилизировать, но даже несколько увеличить производство ряда сельскохозяйственных продуктов⁴⁴⁷, хотя достигнуто это было путем дальнейшего ужесточения контроля за сельскохозяйственным производством. В то же время отечественное производство мяса упало с 3,4 млн. метрических тонн в 1938-1939 гг. до 1,8 млн. тонн в 1942-1943 гг. Этот спад не мог быть скомпенсирован за счет импорта⁴⁴⁸. Причем произошло снижение качества многих продуктов, в первую очередь мясных. В датированном 12 марта 1940 г. докладе «О политическом положении цен на январь и февраль 1940 г.», сделанном правительственным советником фон Розики, отмечались жалобы на плохое качество телят, подлежащих убою, и на то, что «свиньи плохо откормлены и имеют в общем мало жира». (Последнее было в значительной степени связано с ценовой политикой властей.

Как отмечал Г.-И. Рике, «снижение или повышение цен на свиней оставалось до последнего времени самым надежным средством регулирования степени их откормки и приведения производства мяса в соответствие с имеющимися запасами фуража»⁴⁴⁹). Низкое содержание жира, отмечал Розики далее, было характерно также для колбасы, особенно печеночной (мясники объясняли это тем, что им приходилось 16% жира сдавать на смалец), и сыра⁴⁵⁰.

Война принесла крестьянам и рост стоимости промышленных товаров. Уже в 1941 г. она была на 20% больше, чем в довоенный период⁴⁵¹. Тем не менее в годы войны крестьяне обладали и рядом преимуществ перед горожанами: им не приходилось испытывать страх перед ежедневными бомбардировками (сельские районы, как правило, не представляли интереса для авиации противника), они питались значительно лучше (последний фактор учитывался властями: крестьянам не выдавались карточки на те виды продуктов, которые производились ими самими⁴⁵²).

Черный рынок, процветавший в Германии того периода, несмотря на суровые наказания, вплоть до смертной казни, применявшиеся к нарушителям соответствующих запретов, позволял им с выгодой для себя реализовывать припрятанные с этой целью дефицитные продукты питания⁴⁵³. Так, в августе 1942 г. возросло число экскурсантов, посещавших сельские районы страны. По мнению властей, цель подобных поездок заключалась в нелегальном приобретении продовольствия. Последнее, как правило, обменивалось на другие товары. Например, в январе 1944 г. в двух южных гау (каких, конкретно, в источнике не уточняется) существовал тариф, согласно которому пакет трубочного табака по стоимости был эквивалентен 500 г масла, а одно куриное яйцо – сигарете⁴⁵⁴. На этом фоне явно преувеличенно оптимистическим выглядит заявление Рике о том, что черный рынок функционировал в основном в оккупированных районах и «не приобрел больших размеров вплоть до самого конца войны»⁴⁵⁵. В то же время основная масса мелких кре-

стьян не имела излишков, которые можно было бы продать на черном рынке. По некоторым данным, война принесла разорение каждому четвертому мелкокрестьянскому хозяйству⁴⁵⁶. Происходило неуклонное сокращение площадей, отводившихся под посевы важнейших сельскохозяйственных культур, за исключением кормовых и сахарной свеклы (табл. 20).

Таблица 20

Площади, засеянные различными сельскохозяйственными культурами (в тысячах га)⁴⁵⁷

Год	Рожь	Пшеница	Озимый ячмень	Летний ячмень	Овес	Картофель	Сахарная свекла	Кормовые
1933	4524	2431	271	1315	2905	2718	304	513,0
1939	4223	2105	425	1243	2820	2834	503	1001,7
1944	3851	1781	301	878	2438	2704	543	1498,6

Увеличения посевных площадей сахарной свеклы властям удалось добиться путем осуществления уже в начале войны определенных стимулирующих мер (дотации, более высокие цены, натуральные премии). Такое внимание к этой сельскохозяйственной культуре объяснялось как ее ценными питательными свойствами, так и ее высокой урожайностью при одновременной неприхотливости. Однако, несмотря на то, что в период с 1939 по 1944 год отведенные под нее посевные площади были расширены более чем на 40 тыс. га, урожай сахарной свеклы снизился почти на 3100 тыс. т.⁴⁵⁸ Согласно данным Г.-И. Рике, в годы войны в процентном отношении к среднему урожаю довоенного времени (1935-1938 гг. = 100) он составлял: в 1939 г. – 126%, в 1940 – 122, в 1941 – 119, в 1942 – 120, в 1943 – 117, в 1944 г. – 100%⁴⁵⁹.

Хотя опыт Первой мировой войны показал, что именно средние и мелкие крестьянские хозяйства демонстрировали особую гибкость, позволявшую им в максимально возможной степени сохранять свою производительность в чрезвычайных условиях военного времени⁴⁶⁰, от национал-социалистической аграрной политики выгадало, в первую очередь, крупнокапиталистическое производство. Об этом, в частности, свидетельствует внушительный рост ин-

декса акций пищевой промышленности – с 120,2% в 1939 г. до 167,7% в 1943 г. (1924-1926 гг. = 100)⁴⁶¹.

В то же время в 1943 г. нацисты вынуждены были сдать один из бастионов своего земельного законодательства. Поскольку в результате массового призыва в вермахт мужского населения из сельской местности, в том числе и грессбауэров, а также гибели многих из них на фронтах часть «наследственных дворов» лишилась владельцев, власти стали назначать в эти хозяйства опекунов. Однако такая практика вызвала сильное недовольство крестьянства, настаивавшего на отмене ограничений, касавшихся передачи «наследственных дворов»⁴⁶². Опасаясь последствий нарастания подобных настроений, политическое руководство рейха пошло на уступки. 30 сентября 1943 г. было издано «Предписание о дальнейшем развитии Закона о наследственных дворах». Оно предоставляло дочери грессбауэра преимущественное право наследования перед братьями и племянниками покойного. Более того, теперь на наследование двора могла претендовать и вдова крестьянина. Мать получала право опеки до исполнения законному наследнику 25 лет. Наследственное хозяйство объявлялось совместным имуществом супругов. Таким образом, были принесены в жертву наиболее идеологически мотивированные положения «Закона о наследственных дворах»⁴⁶³.

Необходимость выживать в условиях войны пробудила во многих немцах первобытные инстинкты, подвергнув серьезному испытанию на прочность миф о «народном сообществе». Во многих сельских районах местное население, в том числе члены НСДАП, относилось к беженцам из города, главным образом к женщинам и детям, как к «цыганам», нередко отказывая им в предоставлении крова и пищи. Даже вмешательство Гитлера, потребовавшего от гауляйтеров разъяснить соотечественникам преступность подобного поведения, которое, по его мнению, должно было караться тюремным заключением, не привело к принципиальному изменению ситуации⁴⁶⁴. Прав-

да, и сами эвакуированные провоцировали негативное отношение к себе деревенских жителей жалобами на необходимость слишком рано вставать и питаться «подобно свиньям»; их брезгливость вызывали вишневые клецки в альпийских районах и запеченный картофель с творогом в Померании)⁴⁶⁵ (по иронии судьбы последнее «яство» относилось к числу любимых блюд Гитлера)⁴⁶⁶.

По мере того как победоносная для Германии фаза войны сменялась поражениями, в среде крестьянства стали нарастать пессимистические и пораженческие настроения. Об этом прямо говорилось в отчетах партийных чиновников из Бадена в 1943 г.⁴⁶⁷. В донесениях СД из Баварии, датированных 1944 г., сообщалось о том, что местные жители, в том числе и семьи, получавшие известие о гибели своих близких на фронте, зачастую отказывались вывешивать на своих домах полотнища со свастикой⁴⁶⁸. Многие члены сельских сообществ были охвачены апатией. В рапорте гессенского гауляйтера отмечалось, что крестьяне не только «очень мало знают о целях этой войны», но и, судя по всему, не хотят знать о ней, поскольку, «несмотря на усилия партии..., значительная их часть не выходит из состояния безразличия к великим событиям наших дней»⁴⁶⁹. Лишь на самом последнем этапе войны, когда боевые действия были перенесены непосредственно на территорию Германии, многие крестьяне перестали ограничивать свой кругозор интересами собственного хозяйства⁴⁷⁰. Исследование общественного мнения, проведенное Кершо, свидетельствует о том, что неприятие нацистского режима в сельских областях было в это время почти всеобщим, хотя в основе его лежали отнюдь не идеологические, но чисто прагматические соображения⁴⁷¹.

Тем не менее, несмотря на то, что в Третьем рейхе крестьянство лишилось какой бы то ни было самостоятельности и было поставлено под жесткий контроль властей, сопровождавшийся строгим регламентированием всех стадий производства и сбыта сельскохозяйственной продукции; несмотря на то, что от национал-социалистической аграрной политики в большей степени

выиграли крупнокапиталистические сельскохозяйственные производители, несмотря на недовольство части крестьянства теми или иными мероприятиями, осуществлявшимися нацистами в этом секторе экономики (в частности, внесенными в наследственное право изменениями, лишавшими многих их детей возможности наследовать землю), крестьяне не подвергали сомнению легитимность режима. В целом, крестьянство до самого конца оставалось одной из основных групп, составлявших социальную опору последнего. Причины этого, на наш взгляд, коренились как в традиционном консерватизме сельского населения, которое лишь в условиях крайней нужды и угрозы основам своего существования проявляло готовность к принятию радикальных социальных перемен, так и в распространенной среди мелких и средних аграрных производителей надежде на то, что проводившиеся правительством ограничительные меры в отношении них носили временный, чрезвычайный характер, порожденный условиями подготовки и ведения войны.

2.3. Чиновничество в социальной структуре рейха

В период расцвета Веймарской республики – в годы, предшествовавшие мировому экономическому кризису, когда основную социальную базу НСДАП составляли представители провинциальных средних слоев из протестантских областей Германии, в особенности из сельских районов Баварии, в партии, помимо мелких бизнесменов, ремесленников и торговцев, были достаточно широко представлены беловоротничковые рабочие низшего и среднего звена (в объятия нацистов их толкали низкое жалованье, рост безработицы и отсутствие перспектив карьерного роста). Что касается чиновничества, обладавшего более высоким образовательным уровнем, чем последние, то в указанный период идеи национал-социализма также находили отклик в их среде, в первую очередь, у молодых государственных служащих низших рангов (почтальонов, железнодорожников, местных чиновников),

проживавших в небольших городах и в сельской местности⁴⁷².

С наступлением кризиса приток чиновничества в НСДАП усилился. Этому не смогли помешать даже официальные запреты ряда местных властей (в Бадене, например, министр внутренних дел лишь в конце 1932 г. разрешил чиновникам становиться нацистами⁴⁷³).

Представляя собой одну из наиболее консервативных социальных групп, чиновники, воспитанные на традициях сильного авторитарного государства и крайне недовольные чрезвычайным законодательством правительства Брюнинга, составившим правовую основу проводившейся им дефляционной политики сокращения жалованья, все больше прислушивались к обещаниям Гитлера стабилизировать политическое и экономическое положение в стране, гарантировав им их социальный статус и устранив угрозу их пролетаризации. Перспективы последней особенно болезненно воспринимались канцелярскими служащими, дорожившими своим мелкобуржуазным статусом. «Ни на одну другую группу, – отмечал Г. Винклер, – не оказала большего впечатления нацистская комбинация сглаживания различий и иерархии, чем на беловоротничковых рабочих, которые одновременно испытывали чувство возмущения и чувство превосходства по отношению к пролетариату»⁴⁷⁴.

В то же время среди членов НСДАП и в электорате нацистской партии наблюдалось постепенное увеличение численности элитных групп чиновничества и служащих, хотя по-настоящему ощутимой поддержка нацистов верхними средними слоями стала лишь в 1932 г.⁴⁷⁵, когда произошло резкое ухудшение материальных условий их существования. Так, среди юристов (их численность возросла с 11 тыс. в 1918 до 20 тыс. в 1932 г.) было, как минимум, 6 тыс. человек, чей доход упал ниже отметки в 5 тыс. рейхсмарок, в связи с чем в оборот было пущено выражение «юридический пролетариат». У учителей, испытывавших постоянный стресс, порожденный опасением поте-

рять работу (несколько тысяч учительских мест были съедены кризисом), и других категорий преподавателей жалование сократилось на 30-50%.

При этом социальные последствия кризиса для указанных категорий служащих зависели от их возраста и ранга. Наиболее неприятными они оказались для лиц, потерявших работу (число безработных служащих в Германии возросло с 232 тыс. в апреле 1929 г. до 526 тыс. в апреле 1932 г. и 597 тыс. в апреле 1933 г.⁴⁷⁶) и выпускников высших учебных заведений, большинству которых не удавалось ее найти. Что же касается чиновников со стажем и прочным положением, то они могли не опасаться безработицы, но вынуждены были смириться с сокращением жалования⁴⁷⁷.

Уже в 1928 г. группой адвокатов и судей национал-социалистов во главе с Х. Франком был основан Национал-социалистический союз немецких юристов, а баварский педагог Х. Шемм создал Национал-социалистический союз учителей. В 1932 г. в указанные организации вступили соответственно около тысячи юристов и шести тысяч учителей⁴⁷⁸.

Всего до 1933 г. национал-социалистами стали 7% всех практиковавших юристов и 4,5% учителей. Что касается последних, то в Национал-социалистическом союзе учителей преобладали директора, а также преподаватели гимназий и технических школ, т. е. наиболее авторитетные и преуспевающие представители профессии, с одной стороны, молодые учителя-мужчины протестантского вероисповедания, – с другой, тогда как экономические лишения массы учителей средней школы не вели автоматически к их нацификации⁴⁷⁹. Особенно широкую поддержку в период кризиса нацисты снискали себе среди учителей начальной школы⁴⁸⁰. В то же время к 1933 г. доля представителей элитных слоев среднего класса среди членов НСДАП была выше, чем населения в целом, хотя они по-прежнему составляли в партии меньшинство⁴⁸¹. Учитывая отмечавшиеся в Германии на протяжении многих лет количественный рост и усиление влияния чиновничества и дру-

гих категорий служащих (их доля в самодеятельном населении страны увеличилась с 10,8% в 1895 г. до 17,1% в 1933 г., достигнув численности в 5517000 человек⁴⁸²), национал-социалисты были заинтересованы в сохранении и расширении поддержки с их стороны. Придя к власти, они предпринимают энергичные усилия с тем, чтобы обеспечить себе лояльность государственного аппарата.

После 30 января 1933 г. начинается поэтапный процесс его нацификации. Поскольку первоначально соответствующая инициатива нередко исходила от местных партийных организаций, не координировавших свои действия с центральным руководством⁴⁸³, последнее поспешило покончить с анархией в этом вопросе, развернув широкую кампанию «охоты на ведьм» в сфере государственной службы. Уже 7 апреля 1933 г. был опубликован «Закон о восстановлении профессионального чиновничества». В нем перечислялись категории государственных служащих, подлежащих увольнению. Чиновники, вступившие в должность после 9 ноября 1918 г., «не имея необходимого или обычного образования, или других квалификаций, - говорилось в §2 Закона, - должны быть уволены со службы» с выплатой им в течение трех месяцев после отставки их прежнего жалованья (п. 1). Они лишались права на денежные пособия, в том числе на иждивенцев, пенсии, а также права на использование в дальнейшем служебного звания, форменной одежды и знаков отличия (п. 2). «В случае необходимости, – отмечалось далее, – пенсии, которые могут быть отменены в любой момент, сумма которых эквивалентна трети среднего основного жалованья, которое они получали, занимая последнюю должность, могут быть назначены им, особенно в тех случаях, когда они заботятся о находящихся на иждивении родственниках; возобновление страхования в соответствии с имперским законом о социальном страховании производиться не будет» (п. 3).

Особое значение имел §3 («арийский»): он предписывал увольнение

всех чиновников «неарийского происхождения», в том числе почетных государственных служащих (п. 1)⁴⁸⁴. В то же время согласно пункту 2 данного параграфа положения пункта 1 не распространялись на лиц, которые «уже находились на службе на 1 августа 1914 г., или тех, кто сражался в мировую войну на фронте за германский рейх, или тех, кто сражался за его союзников, или тех, чьи отцы или сыновья были убиты в мировую войну» (в результате этой уступки, сделанной по просьбе Гинденбурга, и, как вскоре выяснилось, носившей временный характер, в Пруссии, например, было уволено со службы лишь 38% еврейских чиновников⁴⁸⁵). Здесь же подчеркивалось, что «Рейхсминистерство внутренних дел по соглашению с компетентным ведомственным министром или верховными властями федеральных земель может разрешить дальнейшие исключения в отношении чиновников, находящихся за границей»⁴⁸⁶. §4 позволял отправлять в отставку государственных служащих, которые «в связи с их предшествующей политической деятельностью не предоставляли гарантии того, что они всегда и безоговорочно будут действовать в интересах национального государства». Последним, как и той категории чиновников, которая была указана в п. 1 §2 данного закона, в течение трех месяцев с момента отставки выплачивалось их прежнее жалование в полном объеме, после чего им предстояло «получать три четверти их пенсии и аналогичных пособий на иждивенцев». При этом в §8 оговаривалось, что пенсия не будет назначаться чиновникам, уволенным в соответствии с §§3 и 4, если срок их выслуги не составит, по меньшей мере, 10 лет, и уточнялось, что «это относится также к случаям, в которых в соответствии с существующим регулированием пенсия предоставляется после более короткого срока службы».

Что же касается чиновников, которых понижали в должности, то таковым сохранялись их предыдущие официальное звание и жалование (§5, п.1). §6 позволял увольнять чиновников, если это диктовалось потребностями ра-

ционализации управления. В подобных случаях их служебные места не должны были заниматься кем-либо другим. §7 Закона запрещал подачу апелляции на решение верховного имперского или федерального земельного учреждения, принимавшего окончательное решение «об увольнении со службы, переводе на другую должность и отправке на пенсию» (п. 1)⁴⁸⁷.

Как видим, уже в этом документе проявилось недвусмысленное стремление режима осуществить политизацию чиновничества. Главным критерием профессиональной пригодности того или иного государственного служащего, вне зависимости от ранга последнего, помимо «арийского» происхождения, официально объявлялся не его профессионализм, а лояльность по отношению к нацистскому руководству. Подобный подход резко контрастировал с периодом Веймарской республики, когда от чиновничества требовалось сохранение политического нейтралитета.

Не без оснований опасаясь, что публикация нового закона вызовет негативную реакцию чиновников, власти поспешили успокоить последних в отношении масштабов предстоявшей чистки. В радиообращении к чиновничеству 12 апреля 1933 г. статс-секретарь Рейхсминистерства внутренних дел Г. Пфундтнер, стремясь оправдать «беспощадную чистку», которую предстояло провести во всех звеньях государственного аппарата, сделал особый акцент на мнимой эрозии чиновничьей профессии, якобы происшедшей в республиканский период. Он подчеркнул, что ожидавшаяся санация носила временный характер – была рассчитана на полгода – и заверил свою аудиторию в том, что Гитлер и его правительство хорошо осознавали значимость государственной службы для осуществления стоявших перед Германией задач⁴⁸⁸. На состоявшемся 25 апреля совещании премьер-министров и министров внутренних дел земель, а также руководителей имперских ведомств, посвященном практическому применению положений этого закона, Геринг, не скрывая его политической подоплеки, заявил, что к тем чиновникам, которые

когда-либо совершили свойственную человеку ошибку, предусмотренные Законом санкции применяться не будут⁴⁸⁹.

Вслед за принятием данного закона последовало издание ряда предписаний об его осуществлении и законов об его изменении, значительно расширивших толкование его определений. В первом из таких предписаний, опубликованном уже 11 апреля 1933 г., особое внимание уделялось статьям Закона, содержащим правовые основания для проведения чистки государственных структур от оппозиционно настроенных чиновников и тех, кто по тем или иным соображениям не устраивал новые власти. Здесь, в частности, давались следующие разъяснения: согласно §2 Закона, увольнению подлежали все без исключения члены Коммунистической партии Германии (это положение нашло свое дальнейшее закрепление во вступившем в силу 20 июля 1933 г. «Втором законе об изменении закона о восстановлении профессионального чиновничества», предписывавшем увольнение всех чиновников, состоявших в КПГ или организации, содействовавшей целям коммунизма, марксизма или социал-демократии⁴⁹⁰); под действие §3 попадали не только ортодоксальные иудеи, но и все происходившее «от неарийских, особенно еврейских, родителей, дедушек и бабушек», даже если лишь один из родителей и, соответственно, дедушка и бабушка по одной линии, не являлись «арийцами»; расширенная трактовка положений §4 Закона предписывала принимать во внимание всю политическую деятельность чиновника, в особенности с 9 ноября 1919г.⁴⁹¹.

В Третьем предписании от 6 мая 1933 г. было дано расширенное определение понятия чиновничества, выходявшее за рамки государственного управления. Теперь оно, фактически закрепляя положение, сложившееся ранее, официально распространялось на школьных учителей и вузовских преподавателей, включая почетных, ординарных и неординарных профессоров, отстраненных от выполнения своих служебных обязанностей, военных и по-

лицейских чиновников, бывших придворных чиновников и нотариусов. Здесь же содержалась новая редакция §2 «Закона о восстановлении профессионального чиновничества», смысл которой сводился к увольнению в обязательном порядке всех занимавшихся в свое время коммунистической деятельностью, даже тех, кто «больше не принадлежит к коммунистической партии, к ее вспомогательным или заменяющим организациям». При этом в качестве «коммунистического» рассматривалось и так называемое национал-коммунистическое движение («Черный фронт») ⁴⁹². (Правда, согласно Закону от 20 июля 1933 г., исключения из указанного правила могли быть сделаны для тех экс-коммунистов, которые еще до 1933 г. перешли из КПГ в НСДАП). В то же время в нарушение общепринятых юридических принципов «Третий закон об изменении закона о восстановлении профессионального чиновничества» от 22 сентября 1933 г. лишил близких родственников тех чиновников-коммунистов, которые умерли еще до вступления этого закона в силу, права на получение соответствующего денежного пособия ⁴⁹³.

Одновременно уточнялся и круг лиц, которые подпадали под определение «фронтвик». К таковым относились те, кто в период с 1 августа 1914 г. по 31 декабря 1918 г. принимал участие в боевых действиях (это должно было быть удостоверено соответствующими записями «в мобилизационном списке или списке военных рангов»), а также имели знаки за ранение. К ним приравнивались «участники боев на Балтике, в Верхней Силезии, против спартаковцев и сепаратистов, а также против врагов национального возвышения». Однако из этого разряда исключались те, кто, «не участвуя в сражениях с врагом, во время войны по служебной надобности был задержан на территории, где велись боевые действия». Более того, все чиновники, в отношении которых имелись основания подозревать, что они подпадали под действие §§2-4 Закона, должны были в течение трех дней заполнить соответствующие анкеты, которые затем поступали к компетентному министру, принимавшему

решение. Против чиновников, сознательно сообщивших о себе ложные сведения, должен был возбуждаться служебный уголовный процесс с целью их увольнения со службы⁴⁹⁴. В то же время на уже упоминавшемся совещании 25 апреля 1933 г. рейхсминистр внутренних дел Фрик порекомендовал соблюдать особую осторожность при проверке доносов о неблагонадежности тех или иных чиновников. Его поддержал Геринг. Он негативно отзывался о доносителе, получившем в среде государственных служащих распространение, и подверг критике «чиновничество по партийным книжкам», имея в виду тех государственных служащих, которые после 30 января 1933 г. поспешили вступить в НСДАП.

Действительно, если за весь период Веймарской республики членами НСДАП стали в общей сложности 44 тыс. чиновников и 13 тыс. учителей, то лишь за короткий отрезок времени — с 30 января до 1 мая 1933 г., когда прием в партию был приостановлен, в нее в расчете на дальнейший карьерный рост вступило 179 тыс. чиновников и 71 тыс. учителей (по данным Кершо, вторая цифра несколько выше - около четверти из 330 тыс. немецких учителей⁴⁹⁵, что составляло приблизительно 22% от 1,4 млн. немецкого чиновничества с учетом лиц учительской профессии⁴⁹⁶; в одной лишь Баварии членами НСДАП к этому времени стало 8,3% государственных служащих⁴⁹⁷). При этом рейхсмаршал подчеркнул, что партийная принадлежность, сама по себе, не могла служить основанием для продвижения по службе⁴⁹⁸ (не секрет, что многих чиновников, работавших в условиях, когда, как говорилось в одном из отчетов, им приходилось выглядеть как «110-типроцентные национал-социалисты», к вступлению в партию толкал инстинкт самосохранения. Районный лидер Вассербурга в Баварии не сомневался, что большинство государственных служащих его района, ставших новоиспеченными членами НСДАП, руководствовались именно этим соображением⁴⁹⁹).

Помимо указанных ограничений, «Первый закон об изменении Закона

о восстановлении профессионального чиновничества», принятый 23 июня 1933 г., расширил толкование §6 Закона от 7 апреля 1933 г., в соответствии с которым теперь разрешалось отправлять чиновника на пенсию не только в целях «упрощения управления», но и «в интересах службы». Принципиальное положение, запрещавшее назначать кого-либо на высвободившиеся подобным образом должности, отменялось. Согласно Шестому закону об изменении, принятому в сентябре 1934 г., «Закон о восстановлении профессионального чиновничества» должен был сохранять силу впредь до принятия «нового немецкого закона о чиновниках» (ранее было объявлено, что его действие истекает 30 сентября 1934 г.)⁵⁰⁰.

Первоочередное внимание нацистские власти уделяли правовым ограничениям на допуск в чиновничий корпус по расовому принципу. «Закон об изменении предписаний в области всеобщего чиновничьего права, права оплаты и обеспечения» («Закон об изменении чиновничьего права») от 30 июня 1933 г. расширил положения «арийского параграфа» «Закона о восстановлении профессионального чиновничества». Теперь брак чиновника с «неарийцем» считался достаточным основанием для его отставки. Всего же в 1933 г. – с 7 апреля по 31 декабря – правительством было издано 36 законов и предписаний, ограничивавших немецких евреев в их гражданских правах (среди них «Закон о допуске к адвокатуре» от 7 апреля, «Закон о допуске к адвокатуре» от 22 апреля, «Предписание о допуске врачей к деятельности в больничных кассах» от 22 апреля, лишавшие адвокатов, адвокатов по опеке и врачей больничных касс, имевших еврейское происхождение или «запятнавших» себя коммунистической деятельностью, возможности заниматься практикой). Будучи дополненными многочисленными распоряжениями отдельных министерств и ведомств, они постепенно распространили расовые предписания «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» на все сферы общественной жизни Германии⁵⁰¹.

На совещании 25 апреля 1933 г., настаивая на неукоснительном соблюдении «арийского параграфа» Закона, Геринг с неудовольствием отметил, что рейхспрезидент Гинденбург, ходатайствовавший при подготовке Закона о нераспространении положений его §3 на фронтовиков-евреев, теперь требовал сделать исключение для видных еврейских ученых, обосновывая свою позицию в этом вопросе тем, что их остракизация нанесет урон международному престижу Германии. Впрочем, мнение «старого господина» на этот раз была проигнорировано. В стенограмме совещания указано, что его участники достигли полного согласия по всем обсуждавшимся вопросам.

Уже 27 апреля на заседании прусского правительства Геринг дал установку ускорить проведение Закона от 7 апреля 1933 г. в жизнь. Однако с этим возникли сложности, порожденные обилием подлежавших обработке анкет и ходатайств, основанных на положениях §§2-4 Закона. О соответствующей проблеме, в частности, сообщалось в письме министра внутренних дел Пруссии рейхсминистру финансов от 8 сентября 1933 г. «В то время как обработка анкет высших государственных чиновников будет закончена в ближайшие недели, – писал он, – обработка поступивших ко мне ходатайств по осуществлению мер против государственных полицейских чиновников, а также против чиновников общин и общинных объединений ни в коем случае не будет завершена в этом месяце». Далее в письме говорилось о поступлении «лишь из охранной полиции 400 ходатайств против полицейских офицеров и 1460 – против полицмейстеров и вахтмейстеров» (всего же их было намного больше) и содержались сетования на то, что во многих из указанных случаев требовалось проведение тщательной проверки⁵⁰². Хотя, продолжал автор письма, к вечеру 4 сентября приняты решения по 827 ходатайствам общин и общинных объединений, все еще остаются нерассмотренными свыше 2 тыс. ходатайств, что делает невозможным выполнение задачи к изначально обозначенной дате (30 сентября 1933г.). В связи с этим обстоятельством он про-

сил продлить означенные сроки. Это пожелание было учтено в «Третьем законе об изменениях к Закону о восстановлении профессионального чиновничества», который определил в качестве срока выполнения требований §§2-4 «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» 31 марта 1934г.⁵⁰³.

Не меньшей проблемой было и то, что проверка чистоты «арийского» происхождения того или иного чиновника требовала значительных усилий и времени. Поэтому в имперском МВД была создана специальная служба «экспертов по расовым вопросам» во главе с А. Герке. Заручившись поддержкой своего министерства, он добивался от всех ведомств проведения тотальной перепроверки государственных служащих, однако далеко не все учреждения последовали этому призыву. Так, рейхсминистерства финансов, транспорта, труда и даже, поначалу, внутренних дел, а также прусское министерство культа требовали заполнения анкет лишь от части чиновников. Последнее, например, обязало к этому служащих высшего ранга и служебных советников министерства, а от всех остальных потребовало лишь представить «служебное разъяснение», в котором указать, что им ничего не известно об их возможном еврейском происхождении. Прусский министр юстиции также только лишь после получения жесткого указания премьер-министра Пруссии Геринга 9 сентября 1933 г. потребовал от каждого из своих сотрудников заполнения «по меньшей мере, той части анкеты..., которая касалась принадлежности к политическим партиям и определенным организациям». С другой стороны, руководство некоторых ведомств по собственной инициативе радикализировало практическое применение положений Закона, нередко выходя за его рамки. Например, в Рейхсминистерстве народного просвещения и пропаганды под увольнение попали даже представители технического персонала, являвшиеся фронтовиками. В Пруссии еврейские учителя и воспитатели, от которых нельзя было избавиться согласно § 3 «Закона о восстановлении

профессионального чиновничества», были уволены на основании § 6 – «в интересах службы».

Если в ходе проведения «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» «арийский параграф» касался только еврейских чиновников, служащих и работников государственной администрации, а также еврейских адвокатов, адвокатов по опеке и врачей, то «Первое предписание к Закону об имперском гражданстве» от 14 ноября 1935 г. требовало отправить в отставку всех состоявших на государственной службе евреев без исключения, самое позднее, до 31 декабря 1935 г. Это положение было, в частности, направлено против еще сохранявших свои служебные места чиновников- фронтовиков еврейского происхождения⁵⁰⁴.

В. Фрик на основании того же шестого параграфа «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» и «Закона об имперском гражданстве» от 15 сентября 1935 г. потребовал увольнения всех чиновников, женатых на еврейках. Жертвами этого распоряжения, в первую очередь, должны были стать начальники ведомственных служб и чиновники, которые по служебной необходимости «длительное время находились вне страны». Исключения могли делаться для тех, кто отличался ценными профессиональными качествами, особыми надежностью и заслугами, либо получил тяжелые ранения на войне. Окончательное решение по этому поводу, согласно подписанному им же самим циркуляру от 28 мая 1937 г., принимал прусский министр внутренних дел. В своем распоряжении от 7 августа 1937 г. он потребовал от всех подчиненных ему служб предоставить ему информацию о количестве чиновников, уже уволенных в соответствии с его указом от 8 апреля 1937 г., и сообщить, сколько еще государственных служащих планировалось уволить до 30 сентября того же года, а сколько - оставить на своих местах. Согласно сообщению Прусского министерства финансов, там за указанный период числилось 6 уволенных и 5 оставленных, в виде исключения, на

службе чиновников, состоявших в смешанных браках⁵⁰⁵.

Первые результаты санации, проведенные на основании Закона от 7 апреля 1933 г., не заставили себя долго ждать. Наиболее ощутимыми они оказались в Пруссии. Так, из 46850 чиновников Прусского министерства юстиции, числившихся там на май 1933 г. (без учета нотариусов), к концу ноября 1933 г. под действие «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» попали 1632 служащих (3,48% от общего их числа). Из них каждый второй был уволен на основании §§ 2 и 2а; 1114 (среди них – 128 высших чиновников, 122 судебных ассессора, 796 референдариев и 8 иных чиновников) – 68,3% – на основании § 3; 108 (из них 11 референдариев), или 6,6%, – согласно § 4; 27 (1,7%) – на основании § 5, абз. 2; 107 (6,5%) – согласно § 6. Кроме того, 272 чиновника (16,7%) в соответствии с § 5, абз. 1 были переведены на другую службу. Таким образом, в отношении 71,1% их были применены положения §§ 2-4, в то время как основанием для действий, предпринятых против 24,9% указанных служащих, послужили §§ 5 и 6. При этом в конце ноября 1933 г. еще 100 случаев ожидали решения⁵⁰⁶. Всего же в Пруссии 12,5% государственных служащих высшего ранга были затронуты §§ 2-4 и 15,5% – §§ 5-6 Закона. В других землях те же показатели составляли соответственно 4,5 и 5%⁵⁰⁷.

Подобная диспропорция объяснялась не только особо ревностным применением «арийского параграфа» прусскими властями (о соответствующем распоряжении, отданном Герингом, говорилось выше), но и значительным количеством чиновников еврейского происхождения, занятых в административных органах этой земли: в марте 1933 г., например, в Министерстве юстиции Пруссии насчитывалось 1704 чиновника-еврея, или 3,6% от общего числа служащих этого министерства⁵⁰⁸. Если же брать чиновников среднего и низшего звена, уволенных на основании Закона, их доля в других немецких землях (5,5%, из которых 1,79% – на основании §§ 2-4 и

3,72% – на основании §§ 5-6) была выше, чем в Пруссии, где она составляла 3,5%, в том числе в указанных случаях соответственно 1,13% и 2,33%⁵⁰⁹. В то же время более или менее широкое применение «арийского параграфа» было характерно не для всех германских территорий. В Бадене, например, из 415 чиновников земельного правительства, уволенных к октябрю 1933 г., лишь 14 являлись евреями⁵¹⁰.

В отдельных ведомствах масштабы чистки также были неодинаковыми. Согласно данным, опубликованным в официальном нацистском издании «Социальная практика» за 1934 год, до 1 января 1934 г. на основании «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» в Имперском министерстве труда была произведена замена 12,7% всего личного состава, квалифицированного как «не имеющие необходимого образования неарийцы и политически неустойчивые»⁵¹¹. В таблице 21 представлены соответствующие данные на 14 ноября 1933 г., касающиеся Рейхсминистерства финансов, взятые из обзора, предназначавшегося для служебного пользования.

Таблица 21

Осуществление «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» в сфере Имперского министерства финансов до 14 ноября 1933 г.

	В соответствии с параграфом						Всего
	2	2а	3	4	5	6	
Количество рассмотренных случаев	5	1	40	293	28,4	2009	2632
Увольнение или отправление в отставку	4	1	26	49	59	1163	1302
Перевод на другую службу	-	-	-	-	108	-	108
Дистанцирование от мер, осуществляемых на основании «Закона о восстановлении профессионального чиновничества»	1	-	10	212	109	389	721
Еще рассматриваются	-	-	4	32	8	457	501

Как видно из этого обзора, к указанному времени в Рейхсминистерстве

финансов предметом рассмотрения стали, в общей сложности, 2632 случая, из которых по 2131 случаю (81%), было уже принято решение. В результате две трети прошедших перепроверку чиновников (1410 человек, или 66,2%), были отправлены в отставку, уволены или переведены на другое место службы. Еще треть – 721 человек (33,8%), не была затронута мерами, осуществлявшимися на основании Закона. При этом только против пяти чиновников были применены §§2 и 2а; 26 чиновников-евреев было отправлено в отставку на основании § 3 Закона. Еще 10 человек, подпадавших под действие регулирования для фронтовиков, получили возможность продолжать осуществление своей профессиональной деятельности. §4 нашел применение только для 49 чиновников. Согласно §5, 108 человек были переведены на другую службу. Наиболее часто применялся §6 Закона, согласно которому 1163 государственных служащих были отправлены в отставку⁵¹². Всего из более чем 73 тыс. чиновников, входивших в штат Рейхсминистерства финансов, только 1732 (примерно 2,4%) подпадали под действие Закона от 7 апреля 1933 г. Чуть более половины случаев (879, или 1,2% чиновников) коснулось действующих чиновников. Из 1097 государственных служащих, временно отстраненных от службы, 838 человек (76,8%) были отправлены в отставку на основании § 6 Закона⁵¹³. В таблице 22 представлены данные о частотности применения §§ 2-6 «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» в Имперском министерстве финансов.

Таблица 22

Частотность применения §§2-6 Закона от 7 апреля 1933 г. в Рейхсминистерстве финансов

	§2	§2а	§3	§4	§5	§6	§§2-6
Состояние на 14 ноября 1933 г. абсолютно	4	1	26	49	167	1163	1410
в %	0,3	0,1	1,8	3,5	11,8	82,5	100
Состояние на 31 марта 1934 г. абсолютно	4	1	29	54	200	1444	1732
в %	0,2	0,1	1,7	3,1	11,5	83,4	100

Как видим, лишь в незначительном, в целом, количестве случаев сотрудники указанного ведомства были уволены или отправлены в отставку на основании §§2 и 4, т.е. по политическим причинам. Это объяснялось тем, что на данном этапе возобладала точка зрения Геринга и Фрика, высказанная ими на совещании 25 апреля 1933 г., согласно которой при применении «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» следовало демонстрировать толерантность в отношении удовлетворения притязаний на обеспечение, дабы не возбуждать среди чиновничества излишнего беспокойства и сделать переход к реструктивным мерам поэтапным. Этим косвенно рекомендовалось отдавать предпочтение §6 перед §4⁵¹⁴.

Рейхсминистр финансов в циркуляре от 10 мая 1933 г. затребовал от начальников структурных подразделений своего ведомства личные дела всех чиновников, подпадавших под действие §§ 5 и 6 Закона, с тем чтобы отправить в отставку тех из них, кто не справлялся со своими служебными обязанностями. Особо отметив свое намерение использовать эту возможность во всех соответствующих случаях, министр подчеркнул, что ему необходимы сведения обо всех чиновниках, деятельность которых не представляла больше ценности для министерства. Согласно статистическому отчету Имперского министерства финансов от 31 марта 1934 г., среди 1444 служащих, подпадавших под действие §6, лишь 608 являлись действующими. Подавляюще же большинство случаев применения этого параграфа касалось чиновников, временно отстраненных от работы, 863 из которых были переведены в окончательную отставку на основании §6, а 144 вновь приняты на службу⁵¹⁵.

В то же время в масштабах всей страны чистка, проведенная в указанный период, не носила глобального характера. Не более 1-2% из 1,5 млн. немецких чиновников было отправлено в отставку или уволено по политическим или расовым основаниям без права на получение пенсии. Причем, государственные служащие высших рангов оказались в целом более сильно за-

тронуты чисткой, нежели их коллеги из среднего и низшего управленческих звеньев. В значительной степени нельзя не согласиться с М. Бросцатом, что столь скромная цифра «вычищенных», объяснявшаяся отчасти «внутренней сплоченностью аппарата государственной службы», не позволяет усмотреть в проведенной акции «революционное реструктурирование государственной службы»⁵¹⁶.

Наряду с «Законом о восстановлении профессионального чиновничества» наиболее важным для судьбы государственных служащих из принятых тогда же правовых актов был «Закон об изменении предписаний в области общего чиновничьего права, права на оплату и права на обеспечение» от 30 июня 1933 г. Определенные положения этого закона фактически закладывали фундамент единого чиновничьего права для всего рейха и всех общественных корпораций. Так же, как и в случае с Законом от 7 апреля 1933 г., его действие распространялось на всех чиновников рейха (включая временных), земель, общин и прочих и содержало единое определение понятия чиновничества. (Позднее нацистскими властями была официально дана высокая оценка этих законов. В преамбуле изданного 28 января 1937 г. обоснования к «Закону о немецком чиновничестве» они характеризовались как начальные этапы процесса «реформирования государственной службы в соответствии с требованиями национал-социалистического государства». Заслуга первого из указанных законов усматривалась в том, что он позволил произвести чистку корпуса чиновников от лиц, не соответствовавших потребностям режима, второго – в том, что он «проложил пути для создания нового корпуса чиновников, соответствующего сути национал-социалистического государства..., и заложил основу для унификации немецкого чиновничьего права...»)⁵¹⁷. «Закон об изменении предписаний в области общего чиновничьего права, права на оплату и права на обеспечение» по аналогии с «Законом о восстановлении профессионального чиновничества» и во изменение имперского «Закона о

чиновниках» от 1873 г. содержал Предписание, предъявлявшее к каждому кандидату на чиновничью должность те же требования предоставить гарантию, что он «в любое время безоговорочно выступит за национальное государство», которым, согласно Закону от 7 апреля 1933 г., должны были следовать чиновники, находившиеся на службе. От них также требовалось наличие обычного профессионального образования и обладание другой «профессиональной пригодностью»⁵¹⁸.

Правда, на практике последнее требование соблюдалось не всегда. Исключения делались для так называемых «старых борцов», т.е. членов НСДАП, вступивших в нее до сентября 1930 г., которые пользовались особым покровительством фюрера. (Его ежегодные выступления перед ними отличались не только эмоциональностью, но и, судя по всему, значительной долей искренности. В одном из них – 10 сентября 1937 г. – Гитлер, выразив радость по поводу того, что вновь видит своих испытанных соратников, сказал: «У меня всегда было чувство, что до тех пор, пока человек обладает даром жизни, ему следует стремиться к тем, с кем он строил свою жизнь. Чем была бы моя жизнь без вас! Тот факт, что вы однажды нашли свой путь ко мне и поверили в меня, придал вашей жизни новое значение и новую цель! Тот факт, что я нашел вас, стал предпосылкой моей собственной жизни и моей борьбы»⁵¹⁹).

Началось все с того, что национал-социалистическое партийное руководство потребовало от Фрика и других нацистских министров создать льготные условия для трудоустройства ветеранов партии в сфере государственной службы. Под давлением партийных инстанций Фрик распорядился, чтобы вплоть до 31 декабря 1935 г. при назначении «старых борцов» на чиновничьи должности к ним предъявлялись пониженные требования: в отличие от прочих кандидатов им было достаточно сдать облегченный экзамен – выполнить три письменных задания из шести для того, чтобы обрести реаль-

ный шанс на трудоустройство в среднем звене государственной службы. Такую же позицию заняло и Имперское министерство финансов⁵²⁰. В совместном указе рейхсминистров внутренних дел и финансов от 26 июня 1933 г. говорилось о необходимости в целях достижения «национального обновления» принимать на работу в референтские службы указанных ведомств лиц, не являвшихся прежде чиновниками, но имевших перед «национальным делом» особые заслуги⁵²¹. Рейнхардт в распоряжении, подписанном им 26 октября 1933 г., обосновал подобную позицию тем, что такие чиновники и на своих коллег будут оказывать образцово-воспитательное воздействие в духе идей национал-социализма⁵²².

Благодаря этому «заслуженные нацисты» получили возможность стремительного продвижения по служебной лестнице, поскольку требования, обязательные для остальных, – в виде возрастного и образовательного цензов, а также выслуги лет для получения очередного звания – на них не распространялись⁵²³. Если прежде начало чиновничьей карьеры было невозможно без наличия университетского диплома, то теперь в преодолении этого «карьерного рифа» не было необходимости. Для занятия всех, за исключением высших, чиновничьих постов «старым борцам» было достаточно представить аттестат об окончании одной из вновь образованных высших школ, находившихся под патронатом НСДАП, а для службы в управленческой сфере хватало наличия среднего школьного образования или офицерского звания⁵²⁴. Те же «старые партайгеноссен», которые становились победителями имперского профессионального соревнования, могли претендовать и на занятие высших постов в сфере государственной службы⁵²⁵.

Под нажимом партийного руководства многие должности, ставшие вакантными в результате чистки, произведенной на основании Закона от 7 апреля 1933 г., были заняты «старыми борцами» и нацистами, имевшими более скромный партийный стаж, причем вторые зачастую превалировали над пер-

выми. Из 11-титысячного пополнения, пришедшего в период с 1 марта 1933 г. до 10 марта 1934 г. на смену уволенным сотрудникам Рейхсминистерства труда, свыше 5 тыс. подлежали первоочередному трудоустройству в соответствии с так называемой «специальной акцией»⁵²⁶. Всего, по подсчетам Г. Момзена, ее фаворитами стало 3,1% служащих структурных подразделений Имперского министерства труда, что было в два с половиной раза больше, чем в Рейхсминистерстве финансов, и значительно превосходило соответствующие среднестатистические данные по другим ведомствам рейха⁵²⁷. Подобная тенденция сохранялась и в дальнейшем благодаря директиве «О продвижении по службе государственных служащих, участвовавших в борьбе за национальное возрождение»⁵²⁸. В 1935 г. 60% всех государственно-коммунальных служб было укомплектовано членами нацистской партии⁵²⁹. Во многих землях члены партии также с успехом претендовали на штатное руководство в мэриях. Причем и здесь более престижные и хлебные места бургомистров крупных городов доставались ветеранам партии, тогда как свежеспеченным членам НСДАП приходилось начинать свой карьерный рост с более мелких общин. Характерна в этом отношении ситуация, сложившаяся в Бадене. Из насчитывавшихся здесь к 1935 г. 1527 муниципальных руководителей 63,3% состояли в НСДАП. При этом нацистами являлись бургомистры 87 из 104 городских общин; 64 из них обзавелись партийным билетом до января 1933 г. Во главе же большинства более мелких общин стояли бургомистры, вступившие в партию после 30 января 1933 г. К апрелю 1937 г. уже 83% штатных постов бургомистров было занято нацистами. Та же тенденция отмечалась в муниципальных советах⁵³⁰.

В то же время нельзя не отметить, что среди мелких общин оставались еще, своего рода, заповедные уголки, в которых успехи нацистов на указанном поприще были не столь значительны. Так, в Гюнцбурге – сельском административном районе Баварии, 80% всех бургомистров, сохранивших свои

посты после прихода нацистов к власти, не принадлежали к НСДАП до 1933 г. Даже в 1935 г. половина их официально не являлись членами партии⁵³¹.

Таким образом, одним из важнейших следствий принятия «Закона о восстановлении профессионального чиновничества», а также правовых актов, уточнявших и развивавших его положения, стало усиление влияния нацистских партийных структур на сферу государственного управления. Попутно решалась задача трудоустройства членов НСДАП на образовавшиеся в результате проведенной чистки вакантные административные должности. При этом, как правило, квалификационные требования оказывались принесенными в жертву политическим интересам. Не меньшее значение с точки зрения дальнейшего укрепления национал-социалистического режима имело то, что вступлением в силу указанного Закона было положено начало процессу нацификации корпуса государственных служащих, а также кодификации и унификации германского чиновничьего права, что предоставило политическому руководству рейха эффективное средство сохранения лояльности со стороны кадровой бюрократии.

В дальнейшем Фрик, который, как рейхсминистр внутренних дел, несет ответственность за функционирование системы управления, одобрил участие партии также в назначении высших чиновников — положение, получившее закрепление в Муниципальном кодексе 1935 г.⁵³². Однако в своем циркуляре от 14 июля 1933 г. он выражал недовольство претворением в жизнь «Закона о восстановлении профессионального чиновничества», в частности, тем, что еще не все ключевые посты заняты надежными членами партии. «С разных сторон, — писал он, — ко мне поступают жалобы о том, что Закон о профессиональном чиновничестве не везде осуществляется с необходимой решительностью. Причем, несмотря на ясное указание к §7 абз. 1, содержащееся в Третьем предписании о его реализации прежде всего в руководящих организациях, все еще используются в качестве персональных референтов чиновни-

ки, которые либо относились к прежней партийной системе, либо еще не столь безоговорочно стоят на почве национал-социалистической революции, как этого следует ожидать именно от чиновников, которым были доверены руководство службой или проверка анкетных данных. Поэтому я прошу замещению именно этих должностей уделять особое внимание и повсюду там, где это еще не произошло, заботиться об обязательной замене их преданными национал-социализму чиновниками»⁵³³.

Фрику вторил бывший чиновник Прусского министерства внутренних дел оберштурмбаннфюрер СА Г. фон Хелмс, который в подготовленном им в мае 1934 г. меморандуме «Национал-социалистическая кадровая политика в органах центральной власти» сетовал на то, что большинство постов начальников отделов кадров министерств так и не заняты «надежными национал-социалистами». Подчеркивая, что влияние заслуженных партайгеноссен в министерской бюрократии невелико, он указывал на серьезную опасность того, что «в обозримом будущем» даже национал-социалистам, возглавлявшим органы управления, не на кого будет опереться, поскольку за их спиной окажется «лишь бюрократический аппарат», состоящий из лиц, «лишенных каких-либо подлинных национал-социалистических ценностей». Яркий пример подобного положения дел, по мнению Хелмса, являло собой Прусское министерство внутренних дел, в котором среди 270 чиновников всех рангов было всего лишь 18 ветеранов, 29 новых членов НСДАП и около 20 кандидатов в члены партии. Подавляющее же большинство служащих этого ведомства «даже не считало необходимым» вступать в нее⁵³⁴.

Высшее партийное руководство также было обеспокоено подобной тенденцией. Специальным указом заместителя фюрера Р. Гесса, датированным апрелем 1934 г., понятие «старых борцов» было распространено на членов НСДАП, вступивших в нее до 1 апреля 1933 г.⁵³⁵. Хотя изначально было объявлено, что действие вышеперечисленных льгот, полагавшихся «старым

борцам» при трудоустройстве в сфере государственной службы, прекращалось в конце 1935 г., в этом году Гитлер распорядился, чтобы 10% всех вакансий в среднем и нижнем звеньях государственной службы были зарезервированы для ветеранов партии, вступивших в нее до 14 сентября 1930 г. Выполняя это указание, Фрик в очередной раз проинструктировал глав местных правительств и руководящих сотрудников своего министерства по поводу необходимости неукоснительного соблюдения принципа приоритетного трудоустройства заслуженных партийцев. К ним ни в коем случае не следует подходить с обычными мерками, подчеркнул он, поскольку их недостаточный образовательный уровень восполняется качествами, приобретенными ими в период «борьбы». В 1936 г. имперское МВД разработало детальную таблицу предпочтений, при которых члены партии, в зависимости от времени своего вступления в НСДАП, должны были быть поставлены во главе своих групп по трудовому стажу, получать дополнительный трудовой стаж или продвигаться вверх по служебной лестнице на основании их партийной службы⁵³⁶.

В общей сложности, согласно данным нацистской партийной статистики за 1935 г., 20,7% чиновников являлись членами партии и около 80% из них вступили в НСДАП после прихода нацистов к власти⁵³⁷. Грюнбергер же приводит несколько иные цифры: к 1935 г. члены партии занимали три пятых из более чем 52 тыс. административных постов в государственных и общинных ведомствах, но лишь одна пятая этих чиновников вступила в НСДАП до 1933 г. (как видим, эта пропорция в обоих случаях совпадает). Таким образом, более позднее партийное пополнение, (так называемые «мартовские филиалы»), превалировало над ветеранами партии⁵³⁸.

Партийное руководство стремилось и в дальнейшем оказывать влияние на процесс назначений государственных служащих, а в более широком плане установить тотальный контроль над чиновничеством. В соответствии с Зако-

ном от 1 декабря и Предписанием от 2 декабря 1933 г. все чиновники должны были приносить присягу на верность народу и фатерланду. После упразднения поста рейхспрезидента, последовавшего 2 августа 1934 г., текст присяги был изменен. «Я клянусь хранить верность и послушание фюреру немецкого рейха и народа Адольфу Гитлеру, соблюдать законы и выполнять свои служебные обязанности так истинно, да поможет мне Бог», – говорилось теперь в ней⁵³⁹. В анкетах, которые отныне должны были заполнять чиновники, требовалось указывать происхождение, партийную принадлежность, принадлежность к масонским ложам, чиновничьим организациям и т.п. До 1935 г. 20% всех чиновников регистрировались как члены НСДАП, причем 80% из них вступили в партию в период с февраля по апрель 1933 г. Согласно циркуляру от 10 июля 1934 г., допуск к работе с личными делами получали лишь чиновники, состоявшие в НСДАП⁵⁴⁰.

Важным инструментом контроля за сохранением лояльности членов чиновничьего корпуса по отношению к национал-социалистическому режиму стал созданный в марте 1934 г. в качестве примыкавшей к НСДАП организации Имперский союз немецких чиновников, возглавлявшийся начальником чиновничьей службы при имперском руководстве НСДАП Г. Нефом. Это объединение формально приняло на себя задачу «представлять» чиновничью профессию⁵⁴¹. В опубликованном 5 апреля 1934 г. Уставе новой организации, основанной на принципе фюрерства (§ 2), ее появление мотивировалось тем, что «в связи с задачами, стоящими перед национал-социалистическим государством, требуется объединение существовавших до сих пор многочисленных организаций чиновников и специалистов отдела служащих имперского руководства НСДАП, а также до сих пор не организованных служащих в единую организацию служащих, которая работает на благо государства» (§1)⁵⁴². В качестве задач Союза были определены следующие: «1) воспитание членов в образцовых национал-социалистов и овла-

дение всем чиновничеством богатством националистических идей; 2) воспитание служащих для их особого положения при фольксгеноссен как исполнителей воли фюрера, выраженной в законодательстве и в мерах правительства; 3) поддержка правительств, как исполнителей указаний фюрера, в их служебно-политических мероприятиях; 4) содержание, развитие и перестройка таких существующих здоровых учреждений, которые признаются имперским правительством в качестве учреждений самопомощи...; 5) обсуждение учреждений, которые служат обучению профессии» (§5)⁵⁴³. Членство в Имперском союзе рассматривалось как «почетная обязанность каждого немецкого чиновника». В связи с образованием этой организации был упразднен Имперский комиссариат по вопросам чиновничества⁵⁴⁴.

В то же время столь явное стремление партийного руководства стреножить корпус государственных служащих, лишив его какой бы то ни было самостоятельности, вызвало недовольство ряда представителей чиновничьей элиты. В частности, Фрик (сам являвшийся ветераном нацистского движения), который еще летом 1933 г. в одном из своих циркуляров настаивал на невмешательстве партийных функционеров в сферу государственного управления, явно выдавая желаемое за действительное, обещал, что функции Имперского союза немецких государственных служащих ограничатся ведением пропаганды и его деятельность не будет способствовать вмешательству партии в дела государственного аппарата⁵⁴⁵.

На практике претензии НСДАП на установление контроля над процессом назначений чиновников получили поддержку фюрера. 1 февраля 1935 г. были опубликованы указы Гитлера о закреплении за ним права назначения имперских и земельных чиновников высших рангов, а уже 7 февраля Р. Гесс потребовал для себя участия в решении подобных кадровых вопросов. Политическая точка зрения, представленная партией, заявил он, наряду с оценкой профессиональных качеств, данных главой соответствующей службы,

«должна доводиться до сведения фюрера» с тем, чтобы способствовать принятию решения и «гарантировать создание здорового национал-социалистического корпуса высшей государственной службы». 24 сентября после переговоров, в которых партию представлял мюнхенский гауляйтер Вагнер, последовал указ Гитлера, предусматривавший участие его заместителя в осуществлении всех назначений на должности чиновников. Но в отличие от сферы муниципального управления, в которой НСДАП добилась права рекомендовать соответствующие кандидатуры, здесь было принято предложение Фрика, согласно которому те или иные служебные назначения могли рассматриваться как одобренные Гессом, если со стороны последнего в течение трех-четырех недель не поступало возражений против них.

По мнению Бросцата, тот факт, что Гесс согласился с подобной процедурой, благодаря которой «нормальный процесс чиновничьих назначений оставался на практике внутренним делом соответствующего ведомства и партийное вмешательство происходило лишь в исключительных случаях», свидетельствовал о неэффективности находившегося в его распоряжении аппарата, который он мог использовать в этих целях⁵⁴⁶. В то же время степень влияния самого Гесса на кадровую политику в сфере государственной службы оценивается различными учеными неодинаково. Д. Орлов считает, что оно было значительным⁵⁴⁷. С ним не согласны Г. Моммзен, по мнению которого позиция заместителя фюрера не оказывала решающего влияния на процесс назначений, и М. Броскат, характеризующий Гесса как слабого политика, под руководством которого его штаб так и не смог стать мощным «противовесом воле правительства» вследствие того, что по основным вопросам государственной политики министры занимали единую позицию⁵⁴⁸.

Мы, в целом, разделяем вторую точку зрения. Однако борьба за влияние между партийными и государственными инстанциями продолжалась и, на наш взгляд, умалять ее значение было бы неправильно. Что же касается

указанных недостатков, присущих Гессу, то они с лихвой перекрывались энергией, честолюбием, организаторским и интриганским талантом Бормана, который уже в это время приобрел огромное влияние. В письме Фрику от 8 января 1938 г. Борман настаивал на том, что при определении степени политической благонадежности чиновника именно мнение НСДАП должно было иметь решающее значение. Начиная с весны 1939 г., он принципиально отказывался санкционировать продвижение чиновников в министерские советы на местах, пока те не становились членами нацистской партии.

Однако главным арбитром во всех вопросах всегда оставался Гитлер, к которому в случае необходимости апеллировали обе стороны. Так, Гесс в телеграмме Фрику от 10 марта 1939 г., излагая свою точку зрения, согласно которой в будущем местные чиновники группы оплаты А 1 а и более высокой могли продвигаться по служебной лестнице лишь в случае своей принадлежности к НСДАП, специально подчеркнул, что это мнение получило «явное одобрение» фюрера⁵⁴⁹. Кроме того, дальнейшему усилению влияния НСДАП на чиновничью сферу способствовал ряд других постановлений, принятых высшими партийными и государственными инстанциями. Циркуляр от 23 августа 1937 г. обязывал всех чиновников подписываться на национал-социалистическую прессу, в первую очередь, на «Фелькишер Беобахтер». Чиновники-члены НСДАП подлежали строгому контролю через систему партийных судов. Согласно циркуляру Имперского и Прусского министерств внутренних дел от 27 февраля 1936 г., в случае выхода того или иного чиновника из НСДАП надлежало выяснить причину этого. Если оказывалось, что она заключалась в неприятии им программы партии, он исключался из корпуса чиновников. Если же в основе принятого им решения лежали иные причины, он лишался перспектив продвижения по службе. А с 1939 г. все без исключения претенденты на карьеру чиновника должны были принадлежать к НСДАП или ее подразделениям (в частности, обязательная принадлежность

подобных лиц и их детей к Гитлерюгенд предписывалась еще циркулярами от 1 и 17 ноября 1935 г.)⁵⁵⁰.

Оценку первых шагов нацистского руководства в решении «чиновничьего вопроса» по горячим следам дал специалист в области государственного права Х. Гербер. В докладе «Политическое воспитание чиновничества в национал-социалистическом государстве», с которым он выступил в октябре 1933 г. в Вюртембергской административной академии, он поставил в заслугу национал-социализму то, что «принципы немецкого чиновничества, которые чеканят и определяют его сущность, снова привнесены в сознание и освобождены от каких бы то ни было искажений». Чиновничество, отмечал Гербер, должно стать «носителем народного правового сознания» или, иными словами, превратиться из «живого инвентаря ведомств» в «жрецов государства и его мировоззрения»⁵⁵¹.

Впрочем, власти не ограничивались призывами и успокоительными заявлениями. Опасаясь, что вышеуказанные мероприятия поднимут волну возмущения среди государственных служащих и учитывая возможность осуществления враждебных по отношению к национал-социалистическому режиму актов со стороны уволенных чиновников, тогдашний шеф государственной тайной полиции Р. Дильс выступил с предложением установить его ведомством за подобными чиновниками наблюдение. Эта инициатива нашла поддержку у Имперского министерства внутренних дел, обязавшего ведомство заносить анкетные данные на уволенных чиновников в специальные формуляры, которые должны были передаваться в гестапо⁵⁵².

Но подобная предосторожность оказалась излишней. Сколь угодно бурной реакции чиновничества не последовало, что не означало отсутствия недовольства в его рядах. Поначалу те, кого не затронули кадровые репрессии, отнеслись с определенным пониманием к чистке, проводившейся в их рядах, видя в ней «государственную необходимость». В дальнейшем, однако,

значительная часть государственных служащих испытала разочарование, вызванное тем, что чиновничий корпус так и не занял в Третьем рейхе места, на которое он рассчитывал. Среди чиновников было немало обиженных тем, что в рамках нацистского государства практически исчезли какие бы то ни было различия между ними и остальными служащими (в Веймарской республике ассоциации чиновников проводили энергичные кампании против трудоустройства последних в сфере государственного управления). В сентябре 1936 г. министр-альтернативный директор Винштайн в приватном порядке задал вопрос сотруднику Имперского статистического управления Граевеллу, имелись ли какие-либо статистические основания для растущего опасения по поводу прекращения существования чиновничества немецкой нации. В ответе последнего от 5 октября 1936 г. признавалось наличие тенденции к возрастанию занятости служащих за счет чиновничества, особенно на местном правительственном уровне. Подобное развитие продолжилось и в дальнейшем. Если в 1933 г. количество имперских, земельных и общинных чиновников составляло около 750 тыс., а занятых в тех же сферах служащих – от 170 до 200 тыс. человек (согласно данным переписи 1933 г., опубликованным в 1936 г., – 739 тыс. и 193 тыс. соответственно), то к концу 1942 г. по статистике Рейхсминистерства финансов количество первых возросло до 1289508, вторых - до 724561. Таким образом, если в 1933 г. служащие составляли около 26% всей группы, то к 1942 г. их доля возросла до 56%⁵⁵³.

Недовольство профессионального чиновничества вызывали и не оправданные с их точки зрения преимущества, предоставленные «старым партай-геноссен», не имевшим необходимой квалификации (например, 90% всех ходатайств о трудоустройстве, поступивших в это время к руководителю баденского управления государственной службы, принадлежали партийцам, чье образование ограничивалось восемью классами⁵⁵⁴). Хелмс в конце мая 1934 г. возмущенно писал: «Люди вновь осмеливаются поносить тех старых,

испытанных борцов движения, которые были приняты в аппарат управления по политическим причинам с тем, чтобы составить противовес устаревшему, вышедшему из моды негодному старому племени, обвиняя их в том, что у них недостаточно знаний и советуя им поднабраться опыта в управлении»⁵⁵⁵.

Многие государственные служащие весьма болезненно относились к усиливавшемуся вмешательству нацистской партии в чиновничью сферу. Это в полной мере проявилось в меморандуме Ф.-Д. фон дер Шуленбурга, имевшем характерное заглавие: «Кризис государственной службы» (сентябрь 1937 г.). Документ представлял собой явный контраст с меморандумом 1933г. того же Шуленбурга, проникнутым надеждой на то, что в рамках нового режима произойдет возрождение высшего чиновничества⁵⁵⁶. Соглашаясь с утверждением «Закона о восстановлении профессионального чиновничества», что государственная служба составляет главную опору государства, его автор подчеркивал: «Без стабильной государственной службы никакая работа не может быть выполнена, никакая экономика, особенно в ее финансовых аспектах, не может функционировать, но прежде всего никакой четырехлетний план не может быть осуществлен, никакая война не может быть выиграна». Между тем, продолжал он, чиновничество, особенно высших уровней, столкнулось с ситуацией, когда было начато «разрушение предпосылок созидательной работы». По его мнению, это было, в частности, связано с тем, что функции партийных и профессиональных организаций переплетались с чиновничьими, при отсутствии четкого разграничения их ответственности. Сетуюя на то, что политическая чистка рядов чиновничества осуществлялась на протяжении 4 лет, Шуленбург с горечью констатировал: за указанный период из 1600 правительственных ранжированных чиновников прусской внутренней администрации осталось около 400; в то же время около 750 молодых референдариев и ассессоров, из которых до 75% составляли «старые» члены партии, в основном вступившие в нее до 1930 г., было при-

нято на работу. «Несмотря на все это, – негодовал Шуленбург, – государственная служба по-прежнему подвергается политической дискриминации. Хотя она и достигла значительных успехов с момента взятия власти (нацистами. – Е.П.), она подвергается публичному осмеянию как «бюрократия», девальвируется как часть структуры, которой как фюрером, так и сообществом отказано в том, чтобы играть какую бы то ни было роль, и хуляется как чуждая людям, даже нелояльная, при том, что никто не готов официально отвергнуть это принижение класса, на котором держится государство»⁵⁵⁷.

Шуленбург резко критиковал сложившееся положение дел, при котором даже после проведенной чистки и рекрутирования нового пополнения из нацистских рядов чиновничество продолжало находиться под «специальным политическим контролем», будучи судимо «аутсайдерами, которые, не имея чувства государства и власти, зачастую не могли оценить характер и значимость своей работы». Тот факт, что назначения на высшие посты производились извне, считал автор меморандума, лишал стимула к служебному рвению молодых чиновников, которые теперь «не носят в своих ранцах фельдмаршальского жезла», и по указанным причинам престиж чиновничьей карьеры упал, а пополнение в виде лучшего человеческого материала достается вермахту, бизнесу и партийной администрации. Карьера же государственного служащего остается привлекательной лишь для лиц, цель которых состоит в получении пенсии или ранга, что «будет означать конец подлинной государственной службы и зарождение раболепной бюрократии».

Не меньшую озабоченность Шуленбурга вызывало и произошедшее по его мнению низведение государственного служащего до экономического статуса пролетариата. Стесненность в средствах и сокращения жалованья, превосходящие допустимый уровень (нацисты дважды продлевали действие указов Брюнинга, урезавших жалованье государственных служащих, и до 1937 г. вопрос о возможности его увеличения в Третьем рейхе не поднимался⁵⁵⁸),

тяжело сказывавшиеся, в первую очередь, на многодетных и больных чиновниках, отмечал он, резко контрастировали с многократно превосходившими их окладами в бизнесе, привлекавшими наиболее способных чиновников, необходимых самому государству с тем, чтобы контролировать тот же бизнес. Вывод Шуленбурга сводился к тому, что условия, в которые в первые годы Третьего рейха оказалась поставлена государственная служба, таили в себе угрозу самому ее существованию, которое не удалось разрушить даже в годы Веймарской республики, но уничтожение которого могло произойти в ближайшие несколько лет⁵⁵⁹.

Проявление недовольства государственных служащих принимало различные формы. В Бадене, например, в 1934-1935 гг. (несмотря на то, что в день принятия «Закона о восстановлении профессионального чиновничества» на встрече с Гитлером члены президиума Германского союза судей заверили фюрера в том, что традиционная для немецких судей позиция поддержки государства и впредь останется неизменной⁵⁶⁰), свыше половины судебных чиновников не подписывались на нацистскую прессу. Причем особенно это было характерно для служащих высших рангов (в этой связи гауляйтер Р. Вагнер потребовал довести до сведения чиновников его мнение о том, что партийную печать им следовало рассматривать как «школу»). Многие принципиально отказывались вступать в НСДАП. Такая ситуация сложилась, в частности, в баденском министерстве внутренних дел: руководство гау рассматривало большинство служащих, занимавших в нем ключевые посты, как лиц, враждебных интересам партии. Даже в 1938 г. начальниками большинства отделов кадров баденской государственной службы являлись профессионалы, не имевшие партийных билетов⁵⁶¹.

С целью переломить неблагоприятную для НСДАП ситуацию в 1936 г. была создана специальная окружная школа для государственных служащих, рассчитанная на двухнедельный курс обучения. В соответствии с програм-

мой, разработанной в начале 1938 г. руководством и отделом кадров гау, каждый районный партийный лидер в сотрудничестве с окружным управлением государственной службы занимался предварительным отбором кандидатов на прием в нее, отсылая каждые полгода списки с их именами в отдел кадров гау, начальник которого, приняв окончательное решение, направлял списки с именами утвержденных кандидатов в земельную администрацию. С осуществлением этой программы гауляйтер связывал надежды на решение остро ощущавшейся в данной земле проблемы дефицита квалифицированных кадров чиновников, которая, по его мнению, стала следствием комплекса причин – послевоенных демографических проблем, осуществления четырехлетнего плана, призыва молодых государственных служащих в армию и перевода части чиновничьего персонала в Австрию после аншлюса.

Однако желающих обучаться в этой школе среди «неполноценных интеллектуалов» оказалось немного: к началу 1939 г. ее выпускниками стали 4 тыс. человек из 60-тысячного баденского чиновничьего корпуса. Причина этого в значительной степени крылась в том, что проходившим в ней обучение чиновникам, приезжавшим из всех районов Бадена, приходилось самостоятельно оплачивать половину стоимости железнодорожного билета и терять до 10 дней отпуска⁵⁶². В начале 1943 г. школа была закрыта⁵⁶³.

Дальнейшей унификации чиновничьего права способствовал подготовленный Фриком⁵⁶⁴ «Закон о реконструкции рейха», принятый 30 января 1934 г. и упразднивший самоуправление земель. Отныне рейх считался единственным носителем прав высшей государственной власти, а чиновники земельных правительств определялись как «промежуточные имперские чиновники». Прерогатива же назначения последних принадлежала рейхспрезиденту Гинденбургу, который делегировал это право Гитлеру, как рейхсканцлеру, а тот, в свою очередь, указом от 7 февраля 1934 г. передал его в Пруссии Герингу. Согласно указу последнего от 16 февраля 1934 г., назначение чинов-

ников высших рангов оставалось в его ведении. Право же назначения чиновников, занятых в структурных подразделениях различных министерств, передавалось соответствующим министрам⁵⁶⁵.

Особое значение для окончательного определения статуса государственных служащих имел «Закон о немецком чиновничестве», принятый 26 января 1937 г. (его первые детальные проекты были разработаны еще в июле 1934 г., и поначалу предусматривалось, что он должен был вступить в силу 30 сентября того же года, но позиция, занятая Гитлером и Гессом, подвергшими дотошному разбору и резкой критике ряд разделов предложенного законопроекта, объяснявшаяся стремлением обеспечить тотальную нацификацию чиновничества, задержали его принятие⁵⁶⁶). Как подчеркивалось в преамбуле нового закона, он был принят в связи с тем, что «коренящееся в немецком народе, проникнутое национал-социалистическим мировоззрением профессиональное чиновничество, связанное узами верности с фюрером немецкого рейха и народа Адольфом Гитлером, образует основу национал-социалистического государства»⁵⁶⁷. Закон состоит из 14 разделов и 184 параграфов.

В разделе первом, посвященном общему регулированию «чиновничьих отношений», отмечалось, что лишь при условии «безусловного повиновения и чрезвычайного выполнения долга» чиновником, являющимся «исполнителем воли государства, руководимого НСДАП», государство «гарантирует ему ... его жизненное положение» (§ 1). В разделе втором, фиксировавшем обязанности чиновников, подчеркивалась высокая степень доверия, оказанная политическим руководством лицам, призванным на государственную службу. В свою очередь, от чиновника требовалось являться для всех фольксгеноссен «образцом добросовестного выполнения обязанностей». К их числу относились «истинная любовь к фатерланду, готовность к самопожертвованию и полная отдача сил, послушание по отношению к начальнику

и благожелательное отношение к сослуживцам», а также обязанность хранить верность до самой смерти «фюреру, который гарантирует ему свою особую защиту» (§ 3, абз. 1). Ему предписывалось «в любое время безоговорочно выступить за национал-социалистическое государство и в своем общем поведении руководствоваться фактом, что Национал-социалистическая германская рабочая партия в неразрывной связи с народом является носителем немецкой государственной мысли»; доводить до сведения своего служебного начальника «процессы, которые могли нанести вред существованию рейха или Национал-социалистической германской рабочей партии» (§ 3, абз. 2) (в своей радиоречи, посвященной этому закону, Фрик квалифицировал игнорирование чиновником последнего требования как «тяжкое нарушение долга»⁵⁶⁸); относиться нетерпимо к бесчестным поступкам, даже если они совершены членами его семьи (§3, абз. 3)⁵⁶⁹. Правда, при проведении того или иного уголовного процесса Закон освобождал чиновника от необходимости совершать служебные действия, которые могли бы повредить ему самому или кому-либо из его родственников, в отношении которого он получал право отказа от дачи свидетельских показаний (§5, абз. 2). Вопрос о привлечении чиновника – члена НСДАП к партийному суду решался лично фюрером и рейхсканцлером (§7, абз. 4).

Чиновник мог получать указания только от своего начальника и должен был неукоснительно следовать им, за исключением тех случаев, когда они вступали в противоречие с уголовным законодательством (§7, абз. 2-3). Закон предписывал государственному служащему даже после завершения им своей чиновничьей карьеры соблюдать служебную тайну в случаях, предусмотренных законом или служебным предписанием, включая запрет выступать с какими бы то ни было разъяснениями по поводу подобных дел перед судом, если согласие на это не дано руководителем ведомства, в котором он работал, или его последним начальником. Последние также могли потребо-

вать от него, его близких и наследников вернуть служебную документацию любого рода (§8)⁵⁷⁰. Чиновнику запрещалось давать свидетельские показания, если они могли принести вред благу рейха или выполнению им своих общественных задач (§9)⁵⁷¹. Более того, Предписание к «Закону о немецком чиновничестве» обязывало государственных служащих хранить служебную тайну также по отношению к партийным функционерам и партийным судам, которым для получения соответствующей справки требовалось обратиться в вышестоящие по отношению к данному чиновнику служебные инстанции⁵⁷².

Чиновничество было поставлено в жесткие дисциплинарные рамки. Чиновнику предписывалось в обязательном порядке работать сверхурочно, «если этого требуют служебные отношения» (§16, абз. 2) и при тех же условиях запрещалось даже в свободное от службы время покидать свое место жительства (§18). Даже инициатива в подборе жилья могла быть взята на себя его непосредственным начальником, с учетом удаленности жилища от места службы, вплоть до навязывания чиновнику казенной квартиры (§19)⁵⁷³.

На основании положений третьего раздела Закона, озаглавленного «Последствия невыполнения своих обязанностей», чиновнику, не выполнявшему должным образом своих служебных обязанностей, могли отказать в карьерном продвижении, а также задержать на 2 года положенное за выслугу лет повышение жалованья (§ 21). Закон обязывал чиновника возмещать ущерб, возникший вследствие нарушения им своего служебного долга (§ 23), что само по себе квалифицировалось как должностное преступление. Преступником считался и находившийся в отставке чиновник, если он совершал действия, «враждебные государству, нарушал служебную тайну или запрет на получение оплаты и подарков». Характерно, что формы наказания регулировал Р. Гесс (§22, абз. 2)⁵⁷⁴.

Условия назначения и служебного перемещения чиновника подробно расписаны в разделе четвертом Закона. В нем указано, что назначение осу-

ществляет «фюрер и рейхсканцлер ... пока закономерно не предписывается ничто другое, или он не передает осуществление этого права другим службам» (§24).

Законом сохранялись расовые барьеры, преграждавшие доступ в чиновничий корпус. Сюда допускалось лишь лицо 1) «немецкой или родственной крови», имевшее супругу или невесту «немецкой или родственной крови», (в виде исключения, допускаемого с санкции «высшего служебного учреждения», действовавшего «в согласии с рейхсминистром внутренних дел и заместителем фюрера», последние могли быть «метисами второй степени» (§25); 2) являвшееся гражданином рейха или еще не являвшееся в силу своего возраста, не позволившего ему выполнить соответствующие предписания (здесь, как и в предыдущем случае, разрешение на исключение могли дать имперский министр внутренних дел и заместитель фюрера или ведомство, определенное последним в качестве компетентного для решения подобного вопроса) и предоставлявшее «гарантию того, что оно в любое время безоговорочно выступит за национал-социалистическое государство» (§26, абз 1, п. 1).

Чиновником считался лишь государственный служащий, получивший свидетельство о назначении, содержащее слова: «при призыве в чиновничье отношение» (§27, абз. 1). Для пожизненных чиновников (соответствующая отметка «на период жизни» должна была быть сделана в свидетельстве (§28, абз. 1), целью чиновничьего отношения провозглашалось их объединение с государством на всю жизнь (§ 27, абз. 2). При соблюдении прочих условий (испытательный срок, сдача экзаменов или пятилетний стаж службы) удостоверение государственного служащего вручалось лицу по исполнению полных 27 (у женщин – 35) лет жизни (§ 28, абз. 2)⁵⁷⁵.

У чиновника на время (такowymi являлись, например, чиновники в общинах⁵⁷⁶) в свидетельстве о назначении должен был быть указан срок, на который он назначен (§ 29, абз. 2). Еще одной категорией государственных служащих были чиновники до отмены, к которым закон относил тех, «кто не яв-

ляется чиновником на срок жизни или на время» (§30, абз. 1). Подобный чиновник, занимавший штатную должность, «по истечении испытательного срока, который после исполнения полных 27 лет не может превышать шести лет», становился чиновником на срок жизни, «если это не исключалось законом» (§30, абз. 2)⁵⁷⁷.

Назначение автоматически считалось недействительным в тех случаях, когда противоречило § 26, абз. 1, п. 1 данного Закона, либо если лицо в момент своего назначения находилось под опекой или же было лишено права занимать соответствующее положение в силу приговора уголовного суда. Оно могло быть объявлено недействительным, «если 1. Оно было осуществлено в принудительном порядке, через намеренное введение в заблуждение или взятку. 2. Не было известно, что назначенный совершил преступление или такой проступок, который, казалось бы, делает его недостойным призыва в чиновничье отношение», в связи чем он «был или будет приговорен к наказанию. 3. Не было известно, что назначенный был исключен или изгнан из Национал-социалистической германской рабочей партии», а также в тех случаях, когда назначение было произведено некомпетентным для этого учреждением, либо если после назначения выяснялось, что уже в период назначения имелись основания для признания данного лица недееспособным, либо «было известно, что назначенный уволен на основании §§ 2, 2а, 4 Закона о восстановлении профессионального чиновничества или в ходе служебного уголовного расследования уволен со службы или осужден к лишению пенсии» (§ 32). Однако даже в случае признания назначения недействительным действия данного чиновника в период исполнения им своих служебных обязанностей квалифицировались как законные, а полученное им жалованье могло быть оставлено ему (§ 34).

В тех случаях, когда речь шла о чиновниках, являвшихся одновременно функционерами НСДАП, – рейхсляйтерах, гауляйтерах, крайсляйтерах, ортс-

группенляйтерах, а также фюрерах штандартов СА, СС, НСКК – их перевод на другое место службы мог осуществляться лишь с согласия заместителя фюрера (§35, абз. 3)⁵⁷⁸. Последнее положение было дополнено указанием главной службы, согласно которому санкция Гесса требовалась и тогда, когда служебное перемещение чиновника было связано с его партийной деятельностью⁵⁷⁹.

В пятом разделе – «Обеспечение правового положения чиновников» – государство гарантировало им социальное обеспечение и защиту при исполнении ими своих служебных обязанностей (§36). Здесь же отмечалось, что «служба социального обеспечения руководствуется предписаниями раздела VIII» (§ 38, абз. 2). В §42 указывалось, что в отношениях «между чиновником и его начальником должны господствовать открытость и доверие» (абз. 1) и предписывалось чиновнику, обнаружившему, что те или иные служебные действия могли нанести вред НСДАП, сообщать об этом по служебной линии либо непосредственно «своему верховному имперскому начальству ..., либо фюреру и рейхсканцлеру» (абз. 2)⁵⁸⁰.

Положениями раздела VI Закона определялся «перевод чиновников, назначенных на пожизненный срок или на время», во временную отставку в случаях произведенной в законном порядке ликвидации учреждения, в котором они служили, при слиянии одного ведомства с другим, а также при проведении существенных структурных изменений. При этом такой перевод (распространявшийся и на государственных служащих высших рангов – статс-секретарей, министеряль-директоров, попечителей труда, правительственных президентов и др. – §44, абз. 1) мог осуществляться лишь в течение трех месяцев с момента «ропуска учреждения или после вступления в силу закона или предписания» и только в пределах, предусмотренных бюджетом плановых мест (§43). Согласно § 46, за подобными государственными служащими сохранялся их чиновничий статус (абз. 1). В течение трех месяцев с момента их перевода в состояние ожидания им выплачивалось жалование в

полном размере (абз. 3), по истечении этого времени, в течение всего периода ожидания, они получали денежные суммы, предусмотренные в разделе VIII Закона⁵⁸¹. Так, в § 86 определялась компенсация за простой, которая выплачивалась чиновникам, находившимся во временной отставке. Ее размер зависел от стажа чиновника. Если он достигал 15 лет, сумма компенсации составляла 80% от размера последнего служебного дохода, учитывавшегося при начислении пенсии. «Если чиновник к моменту своего перевода во временную отставку уже заслужил высокую пенсию, – указывалось здесь же, – то он получает компенсацию за простой в размере пенсии, выслуженной им к этому времени»⁵⁸².

В разделе VII (§§50-78) зафиксированы основания для прекращения чиновничьих отношений. Помимо смерти, это:

1. Выбывание из права обязанностей чиновника в связи с утратой им права имперского гражданства (§51) (правда, в этом случае «верховное служебное ведомство ... в согласии с рейхсминистром внутренних дел» могло «предписать продолжение права и обязанностей чиновника»), переносом чиновником своего местожительства за границу без согласия верховного служебного ведомства (§52), осуждением его судом «к смерти, каторжной тюрьме..., тюремному заключению на год или на более длительный срок», в том числе за преднамеренную государственную измену или же в случае лишения его почетных гражданских прав и возможности замещения государственных должностей (§ 53). При этом фюрер и рейхсканцлер или компетентные службы по его поручению могли воспользоваться правом помилования, отменив приговор (§ 54)⁵⁸³. Выбывание из чиновничьих отношений влекло за собой лишение права на «служебные доходы и обеспечение», использование «служебного обозначения и звания, присвоенного в связи со службой», ношение униформы (§ 56).

2. Увольнение из чиновничьих отношений, основаниями для которого,

в частности, служили: отказ от принесения предписанной присяги (§ 57) и от продолжения им службы по истечении ее срока, к чему его обязывал § 29, абз. 3 (§ 58); расовое несоответствие самого чиновника или его супруги (§ 59) (исключение составляли случаи, когда при оформлении брака не по вине чиновника «было признано, что он или его супруга являются немецкой или родственной по виду крови» – § 59, абз. 1); ходатайство самого чиновника об увольнении (§ 60); замужество чиновников – женщин (по их ходатайству или «если их экономическое обеспечение длительно гарантируется размером семейного дохода» – §63, абз. 1); распоряжение об увольнении, которое вручалось чиновнику в письменном виде (§66, абз. 1). После увольнения чиновник не мог претендовать «на служебные доходы и обеспечение..., служебное обозначение и звание», а также на ношение униформы (§66, абз. 2)⁵⁸⁴.

3. Выход на пенсию, основаниями для которого являлись достижение 65-летнего возраста (§ 68); у чиновника на время – по истечении срока, на который он был назначен, если он не был уволен согласно § 58; ходатайство самого пожизненного чиновника или чиновника на время по исполнении ему 62 лет (§ 70); политические причины: если чиновник больше «не представлял гарантий того, что он в любое время выступит за национал-социалистическое государство», фюрер и рейхсканцлер по представлению высшего имперского ведомства, подкрепленного согласием рейхсминистра внутренних дел, мог санкционировать досрочную отставку чиновника (§ 71, абз. 1), причем факты, оправдывавшие это требование, должны были быть установлены в судебном процессе, в котором допускался «допрос под присягой свидетелей и экспертов и мог быть заслушан сам чиновник» (§ 171, абз. 1 запрещал при переводе на пенсию судебных чиновников на основании § 71 «опираться на деловое содержание решения, принятого во исполнение судебного решения»⁵⁸⁵); если не по его вине было ошибочно установлено арийское происхождение чиновника или его супруги (§ 72); недееспособность (§§

73-76)⁵⁸⁶. Чиновник, находившийся во временной отставке, мог быть в любое время отправлен на пенсию при наличии ходатайства с его стороны⁵⁸⁷.

Если же чиновник в свое время был уволен со службы «вследствие приговора суда или служебного уголовного суда» либо по собственному ходатайству, вызванному угрозой подобных судебных процессов, а «позднее вновь назначен на чиновничью должность», то первый срок службы не включался в служебный стаж, учитываемый при начислении пенсии, если только Верховное служебное ведомство не санкционировало исключения из этого правила (раздел VIII, § 81, абз. 2)⁵⁸⁸.

Особое внимание Закон уделял правовому статусу имперских министров (раздел XIII). Им запрещалось осуществлять какую бы то ни было иную профессиональную деятельность, не связанную с их непосредственными служебными обязанностями (исключение могло быть сделано с разрешения фюрера и рейхсканцлера), а также «призываться на службу заседателя или присяжного» или же привлекаться к исполнению «других публичных почетных должностей» (§ 158)⁵⁸⁹. При этом характерно, что согласно § 176, абз. 1 (раздел XIV «Переходные и заключительные предписания»), имперский министр, одновременно являвшийся членом земельного правительства, «получал служебные доходы только от рейха»; если же он одновременно являлся председателем земельного правительства и, как таковой, получал более высокое, чем рейхсминистр, жалованье, то от рейха он получал только оклад, полагающийся рейхсминистру». То же регулирование было предусмотрено в отношении доходов на обеспечение⁵⁹⁰.

Значение этого Закона, вступившего в силу 1 июля 1937 г., с точки зрения дальнейшего укрепления режима трудно переоценить. Посредством его принятия окончательно обеспечивались кодификация и унификация германского чиновничьего права. Его положения, распространявшиеся на все категории чиновников — имперских, земельных, коммунальных, а также нахо-

дившихся на службе в других корпорациях и учреждениях публичного права, которые теперь именовались одинаково – «имперскими чиновниками», – закрепили как личные, так и структурные изменения, которым подвергся чиновничий корпус Германии⁵⁹¹, и, как подчеркивалось в опубликованном уже 28 января 1937 г. Обосновании к Закону, «окончательно урегулировали правовые отношения чиновничества национал-социалистического государства»⁵⁹². Была предельно ограничена свобода действия чиновников, в частности, возможность принятия ими самостоятельных решений. Вместо этого основной акцент делался на обязанностях государственных служащих и ужесточении наказаний за их нарушение. Кроме того, «Закон о немецком чиновничестве» еще более усилил влияние партийных инстанций в сфере государственного управления. В Обосновании к Закону разъяснялось, что чиновник не только является слугой государства и народа, но «он должен также служить национал-социалистической идее, носителем которой является государство, и Национал-социалистической германской рабочей партии, которая образует с государством единое целое», он «должен быть проникнут национал-социалистическим духом» (комментируя эти положения, Гесс подчеркнул, что немецкий чиновник «является исполнителем воли государства, ведомого НСДАП»⁵⁹³). «Чтобы гарантировать как можно большее беспрепятственное сотрудничество государственных учреждений со структурами партии, - говорилось в Обосновании далее, – в Законе предусматривается в многократном отношении содействие заместителя фюрера»⁵⁹⁴. Более того, согласно новому Закону, служба чиновника в НСДАП и ее подразделениях по своей основной профессии приравнивалась к государственной службе и время такой службы могло засчитываться как стаж, необходимый для выхода на пенсию (§ 85, абз. 1, пп. 1,5)⁵⁹⁵. Еще одним новшеством, зафиксированным в Законе (§6) и специально отмеченным в его обосновании, стало то, что до его принятия «в имперском праве... отсутствовало законное предписание» для принуди-

тельного удаления чиновника со службы⁵⁹⁶. В более широком плане ряд положений Закона знаменовал собой унификацию права служебного наказания⁵⁹⁷.

Завершая характеристику положения немецкого чиновничества в довоенный период, считаем необходимым высказать ряд соображений. На наш взгляд, нельзя согласиться с мнением Э. Фромма, согласно которому в Третьем рейхе «представители нацистской бюрократии обрели богатство и престиж»⁵⁹⁸. Конечно же, положение чиновничьей элиты во всех отношениях, в том числе и в материальном, оставалось привилегированным. Так, старшие чиновники рейхсканцелярии получали должностную прибавку к жалованью в 1935, 1937 и 1943 гг.⁵⁹⁹. В то же время, несмотря на то, что некоторые категории чиновников ряда министерств, главным образом высших рангов, выгадали от происшедшего в 1934-1939 гг. роста бюджетных ассигнований их ведомств (военному 10-ти, МВД 20-ти, Рейхсминистерству юстиции – 36-кратному), остальные продолжали получать жалованье, сумма которого была определена в кризисные годы⁶⁰⁰. Начальная сумма жалованья государственных служащих низших рангов составляла 150 рейхсмарок в месяц, а максимум, достигавшийся по прошествии 16 лет, – 210 имперских марок (для сравнения отметим, что средняя ежемесячная заработная плата промышленного рабочего в 1936 г. составляла около 130 марок, а в металло-делательной и строительной отраслях могла в два-три раза превышать этот показатель). Это уступало вознаграждению штатных партийных чиновников, которым из фондов НСДАП выплачивалось тринадцатое жалованье (кроме того, они, так же, как и функционеры ДАФ и Гитлерюгенд, обладали иммунитетом по отношению к замораживанию жалованья⁶⁰¹). Жалованье среднего звена государственных служащих за счет 20 ежегодных надбавок варьировалось в пределах от 320 до 420 марок, а на правительственном уровне – от 400 до 640 марок в месяц⁶⁰².

Осенью 1934 г. в соответствии с положениями «Закона об изменении предписаний в области общего чиновничьего права, права на оплату и права

на обеспечение» был опубликован новый план выплаты жалования государственным служащим столицы рейха. Он предусматривал его сокращение некоторым категориям этих служащих в целях приравнивания их ставок к общеимперским. В июне 1935 г., незадолго до намеченного начала реализации этого плана, гауляйтерство Берлина обратилось к начальнику Имперской канцелярии Ламмерсу с просьбой передать фюреру ходатайство об отказе от данной меры, аргументируя свою позицию высокой стоимостью жизни в столице и тем, что и без того низкие ежемесячные оклады большинства из 3 тыс. включенных в новый план чиновников, составлявшие около 300 рейхсмарок, подлежали сокращению на 60 марок. Особый акцент был сделан на возможных негативных политических последствиях этого шага. В подтверждение того, что подобный прогноз не являлся беспочвенным, была представлена 28-страничная сводка отчетов, присланных в Берлинское управление государственной службы. В большинстве этих донесений, отражавших настроения государственных служащих, отмечалось, что, по мнению местных чиновников, подобный шаг, ухудшавший положение наименее оплачиваемых из них – чиновников нижних рангов, являвшихся наиболее ревностными сторонниками нацистского движения до 1933 г., – был совершенно противоположен тому, чего они ожидали от национал-социалистического государства, и полностью расходился с обещаниями повышения уровня жизни в грядущем году, прозвучавшими в новогодней речи гауляйтера Берлина Геббельса, в связи с чем партийным функционерам было трудно разъяснить и защищать эти меры⁶⁰³. Далее отмечалось, что ожидаемое снижение их доходов вынуждало многих государственных служащих отказываться от членства в Имперском союзе немецких чиновников, а также от подписки на «Фелькишер Беобахтер» и другие нацистские издания. В одном из отчетов говорилось: несправедливость непродуманного приравнивания жалования местных чиновников к общеимперскому уровню усугублялась тем, что перспективы

продвижения по службе в местных правительствах были намного менее значительными, чем в центральных административных органах.

Гитлер отреагировал на эти сигналы. Он распорядился отменить уравнительную меру в связи с ее возможным деморализующим воздействием на указанные категории государственных служащих, подчеркнув, что та же цель могла быть достигнута не одним махом, а постепенно, например, посредством задержки надбавки к жалованью за выслугу лет и оплаты труда вновь назначенных лиц по скорректированной шкале⁶⁰⁴.

Несмотря на предпринятые в 1937-1938 гг. усилия Фрика по осуществлению реформы жалованья государственных служащих, она не увенчалась успехом: ставки мелких чиновников продолжали оставаться низкими (частичное восстановление жалованья государственных служащих на докризисном уровне произошло лишь в начале 1941 г.⁶⁰⁵, хотя и после этого чиновники жаловались на то, что повышение их жалованья было лишь номинальным, в действительности же оно снизилось по сравнению с довоенным периодом⁶⁰⁶). Это стало одним из факторов, обусловивших обозначившееся с 1937-1938 гг. стремительное падение престижа чиновничьей и учительской карьеры, которое выразилось, в частности, в отказе части служащих указанных категорий от членства в НСДАП. В этой связи нельзя не согласиться с Бросцатом в том, что предложенная Фриком концепция «авторитарного национал-социалистического государства с элитной государственной службой фюрера в качестве его основы», потерпела фиаско⁶⁰⁷.

В датированных осенью 1938 г. служебных донесениях из района Траунштайн в Верхней Баварии сообщалось, что государственные служащие недовольные складывавшимся не в их пользу расхождением между их жалованьем и должностными окладами чиновников, занятых в частном секторе, требовали отмены чрезвычайного декрета Брюнинга 1931 г., который резко сократил жалованье чиновников, как потому, что подобное обещание дава-

лось почти на всех партийных собраниях в период, предшествовавший «захвату власти», так и в связи с тем, что жалованье в последние несколько лет не могло угнаться за ростом цен. В связи с последним обстоятельством, говорилось в одном из донесений, чиновники нижнего и среднего рангов вынуждены залезать в долги и, поскольку их жалованья зачастую недостаточно для того, чтобы «поддерживать внешний вид, соответствующий их положению», они все больше «выбрасываются из общественной жизни».

Другими проблемами, вызывавшими недовольство государственных служащих, на заключительном этапе мирного периода Третьего рейха стали нехватка персонала в сфере государственной бюрократии на местах и возросшая продолжительность рабочего времени при отсутствии соответствующей финансовой компенсации. Уже в феврале 1937 г. правительственный президент Верхней и Средней Франконии обращал внимание на оправданность жалоб местных чиновников по этому поводу. В своем отчете, датированном летом следующего года, он особенно остановился на разочаровании, которое испытали франконские чиновники в связи с увеличением продолжительности их рабочей недели до 51 часа⁶⁰⁸. По тем же причинам: низкое жалованье, ухудшение условий труда (количество учеников начальных школ возросло, а численность приходившихся на них учителей снизилась), отсутствие перспектив карьерного роста – к 1939 г. обозначился острый дефицит учительских кадров в начальной школе. В Пруссии, например, он составлял 3 тыс., а в Баварии – 600 человек⁶⁰⁹. Настроения значительной части учительства нашли отражение в отчете байройтского отделения Национал-социалистического союза учителей за февраль 1939 г. «Учитель нашего времени, который с раннего утра до поздней ночи работает в школе с немецким ребенком и вне школы – в партии и ее подразделениях – в целях придания новой формы немецкому народу в соответствии с пожеланиями нашего фюрера, – говорилось в нем, – больше не готов пассивно и безответно сносить

многократные продолжающиеся едкие атаки на их профессиональную честь. Растет горечь, а вместе с ней – утрата желания принимать участие в деле образования; это порождает недовольство и недоверие. Недостаточное вознаграждение побуждает даже наиболее идеалистически настроенного учителя присоединяться к жалобам!! Согласно слухам, номинальное жалование старшего учителя должно быть сокращено с 5800 до 5400 рейхсмарок. Веселенькая перспектива!!!»⁶¹⁰.

В то же время, открыв доступ к чиновничьим профессиям для определенных групп населения (в первую очередь, для «старых борцов»), которые ранее не могли и помышлять о подобной карьере, режим в определенной степени расширил границы социальной мобильности, идя на принесение квалификационных требований в жертву политическим интересам. По подсчетам Р. Грюнбергера, в ряды растущей, несмотря на вышеуказанные проблемы, бюрократии нацистской Германии влилось более миллиона лиц рабочего происхождения, что привело к росту общей социальной вертикальной мобильности: составлявшая в период между 1927 и 1934 гг. 12%, она возросла в 1934-1939 гг. до 29% в Западной и 20% в Восточной Германии⁶¹¹.

Как и в других областях государственной и общественной жизни, в сферу государственной службы существенные изменения были привнесены войной. Еще более возросшая в связи с призывом на военную службу части представителей чиновничьего корпуса трудовая нагрузка и по-прежнему остававшееся невысоким жалование, не поспевавшее за ростом цен на продукты питания, способствовали дальнейшему распространению среди многих государственных служащих пессимистических настроений и вновь пробудившихся страхов перед их возможной пролетаризацией. Особенно болезненно воспринимались ими финансовые проблемы. Так, в отчете президента областного суда в Бамберге сообщалось о многочисленных просьбах местных чиновников нижнего ранга оказать им материальную помощь в связи с

тем, что они не могут позволить себе одеваться соответственно их положению и зачастую вынуждены довольствоваться единственным костюмом⁶¹².

Конечно, война потребовала резкого усиления напряжения сил от всех слоев населения. Но, если в случаях с рабочими и крестьянами власти стремились хоть отчасти компенсировать его славословиями в адрес этих социальных слоев, то чиновничество зачастую продолжало оставаться объектом критики со стороны партийных функционеров. Вот лишь немногие ярлыки, раздаваемые ими чиновникам: «педантичные парни из конторы, истощенные рутинной»; «артериосклеротики с чернилами в венах», «бумагомаратели, оторванные от живой реальности национал-социалистической борьбы»⁶¹³, «погрязшие духовно и физически в лени»⁶¹⁴.

Подобные клише сочувственно воспринимались частью населения, недовольной бюрократизацией всех сфер жизни и видевшей в чиновничестве ничего не производивший «паразитический и привилегированный» слой⁶¹⁵. Характерным примером негативного отношения нацистских лидеров к чиновничеству является и случай, описанный Ф. Керстеном в своих мемуарах. Утром 23 августа 1940 г., находясь у рейхсфюрера СС, он стал свидетелем следующей сцены. К Гиммлеру пришел Гейдрих и дал ему прочесть некий документ, ознакомившись с которым тот сказал: «чего еще можно было ожидать от этого парня? Не беспокойтесь по этому поводу. Я не обижаюсь на это – в конце концов, он чиновник и не может изменить свою природу...». Когда шеф Главного управления имперской безопасности (РСХА) ушел, Гиммлер рассказал своему массажисту о неудачной попытке Гейдриха завербовать служащего Имперского министерства внутренних дел, который, по его мнению, представлял собой «хороший расовый тип» и заслуживал доверия. После многочасовых бесед с главой РСХА тот дал согласие на сотрудничество и тут же сообщил обо всем Фрику в специальном меморандуме. «Фрика не приходится особо бояться – он вряд ли когда-нибудь доберется до фюрера,

но только представьте себе, если бы это был Геббельс!» – прокомментировал ситуацию рейхсфюрер СС и продолжил рассуждения: «Эти события произошли в связи с тем, что не был учтен менталитет государственных служащих. Как мог чиновник проникнуться идеалами СС? Он считается лишь с тем, что способствует его карьере или приносит ему продвижение по службе и почести. ... Если бы Гейдрих осознал это, он был бы более искусным: он должен был завоевать сердце парня, и он бы смог сделать это, убедив его в том, что то, что его попросили сделать, было бы простым и удобным средством его карьерного продвижения. Но смотрите, что произойдет теперь. Вы находите этого честнейшего малого в следующем списке на награждение по случаю дня рождения фюрера. Если бы только Гейдрих сказал ему, что он возьмет его в имперскую канцелярию или добьется назначения его президентом какого-нибудь комитета, тот бы стал послушным орудием в его руках»⁶¹⁶.

О том, какие настроения, в том числе и в связи с подобным отношением к ним политического руководства, господствовали среди чиновничества, свидетельствует письмо Фрика, направленное им в начале войны Гитлеру. «Мой фюрер, – писал он, – как Ваш министр государственной службы с 1933г., я всегда видел свою обязанность в том, чтобы в целях осуществления великих задач государственной политики создать полезную для Вас высококвалифицированную профессиональную государственную службу и развивать в ней старую прусскую концепцию долга, так же, как и национал-социалистический характер, как в случае с немецкими вооруженными силами. Однако развитие событий на протяжении последних лет заставило меня усомниться в том, что мои усилия могут каким-либо образом рассматриваться как успешные. В соответствии с... данными моего министерства и всех других ведомств среди профессиональных чиновников в высокой как никогда степени растет чувство горечи по поводу недооценки их способностей и заслуг и незаслуженного к ним пренебрежения. Чувство того, что они оказа-

лись беззащитными, способствует подавлению лучших творческих сил... Больше не может быть и речи о каком бы то ни было предпочтении чиновничеству, как корпусу, пользующемуся особым доверием государственного руководства». Вместо этого государственные служащие «публично, даже в партийной печати, подвергаются всем возможным обвинениям. Отчасти это является следствием неверной информации, а отчасти – игнорирования или даже злонамеренного искажения и случайных ошибок наподобие тех, которые, имея место в любой крупной организации, становятся отправной точкой для безответственных обобщений, напоминающих о худших периодах классовой войны... Государственная служба также сильно страдает от того факта, что новые задачи доверяются не ей, а партийным организациям, хотя это часто касается чисто административных обязанностей...»⁶¹⁷. В так и не отправленном Гитлеру обращении Пфундтнера, датированном 1941 г., также говорилось о глубоком чувстве разочарования, которое чиновники, считавшие, что их предали, испытывали по поводу отношения к ним властей⁶¹⁸.

Особенно ощутимым снижение уровня жизни и интенсификация труда государственных служащих стали в 1942 г. При этом, как и прежде, они не вызывали видимого сочувствия у нацистских лидеров. Еще 25 января 1942 г. Геббельс записал в своем дневнике: «Чиновникам сейчас приходится работать по 58 часов в неделю, вместо 46. Министр внутренних дел немедленно предложил, чтобы им ежемесячно выплачивалось 25 рейхсмарок в качестве так называемых «денег на суп». Я считаю это неправильным. Чиновничеству следует выполнять свой долг. Если от чиновников требуется работать в военное время на несколько часов больше, чем в нормальных мирных условиях, то они должны рассматривать это как, своего рода, службу чести»⁶¹⁹.

Гитлер в свою очередь, выступая с речью в рейхстаге 26 апреля того же года, позволил себе ряд резких высказываний в адрес чиновничества, которое, по его мнению, в критический для фатерланда час было озабочено лишь

сохранением своих узкогрупповых прав, «в особенности на свободное от работы время и праздничные выходные». Комментируя это выступление, президент высшего земельного суда Бамберга отметил, что обидные слова, прозвучавшие из уст фюрера, не только не вызвали протеста у местного населения, но были восприняты им скорее с безразличием, что сделало произведенное ими воздействие еще более болезненным для чиновников. «Обычно задают себе вопрос, – сказал он, – какие ужасные последствия могут иметь подобные обвинения и разоблачения государственной службы со стороны фюрера перед всем миром... Кто бы ни снабдил фюрера информацией для той части его речи от 26.4.42, которая посвящена внутренней политике, ...тот оказал ему и немецкому народу плохую услугу»⁶²⁰. Он же в октябре 1942 г. записал по поводу упорного отказа властей включить чиновников, как и юристов, в списки лиц, подлежащих награждению медалью «За военные заслуги», предназначенной для гражданского населения: «В самом деле, неясно почему, например, городской метельщик улиц, сколь бы блистательными ни были его достижения в этой области, может рассматриваться как более ценный в военном усилии немецкого народа, чем, скажем, опытный судья или адвокат, занимающий ответственное положение»⁶²¹.

Хотя фактически уже на протяжении 1942 г. наблюдалось увеличение продолжительности рабочей недели государственных служащих, официально вопрос об этом был поставлен в повестку дня с началом «тотальной войны», сигнал к проведению которой был дан Геббельсом в его речи 18 февраля 1943 г. В ней, среди прочего, он обрушился с критикой на восьмичасовой рабочий день в сфере государственного управления. «Вообще производит нехорошее впечатление, – заявил он, – когда там с ударом часов захлопывается папка с делами и заканчивается работа». В этом случае министр сгустил краски, видимо, стремясь сыграть на непопулярности чиновничества у большинства простого населения. На самом деле уже в мае 1942 г. Совет минист-

ров по обороне рейха санкционировал всеобщее увеличение продолжительности рабочей недели чиновников и служащих бюрократической сферы до 56 час., а также отменил действовавшие до тех пор ограничения их ежедневного рабочего времени девятью часами и запрет на труд в воскресные дни⁶²². Даже банковским служащим приходилось работать 53 часа в неделю⁶²³.

Еще на заключительном этапе подготовки к войне и особенно в годы войны обострившаяся проблема кадрового дефицита вынудила нацистские власти несколько ослабить некоторые из ранее наложенных на чиновничество законодательных пут. Так, уже в 1938 г. в случаях нехватки служебного персонала в нижнем и среднем звене в виде исключения допускалось использование чиновников, уволенных на основании §4 «Закона о восстановлении профессионального чиновничества». При этом, однако, было категорически запрещено их повторное применение на высших должностях, «во всех местах, связанных с политикой», а также в роли «учителей всех видов». После начала войны чиновники, уволенные согласно тому же параграфу, «при определенных предпосылках» и с согласия компетентного гауляйтера могли быть снова приняты на службу, но при этом они проходили соответствующую проверку и находились под постоянным контролем партийных структур⁶²⁴. Тогда же большинство временно отстраненных и еще не задействованных чиновников, а также многие бывшие государственные служащие, уже находившиеся на пенсии, снова были призваны на службу⁶²⁵.

Отчасти в основе этих послаблений лежали и финансовые соображения, поскольку выплаты пособий трудоспособным чиновникам, чья политическая репутация являлась препятствием на пути их восстановления на службе, ложились тяжким бременем на финансовое ведомство⁶²⁶. В то же время расовые бастионы, воздвигнутые в Третьем рейхе, не только остались непоколебленными, но продолжали укрепляться для лиц, занимавших чиновничьи должности или претендовавших на их замещение. Весной 1940 г., озна-

комившись с компроматом на некоторых гражданских чиновников из администрации немецких оккупационных властей в Чехословакии и Польше, вступивших в сексуальные отношения с местными женщинами, Гитлер в сильном раздражении поручил Борману сообщить Фрику его мнение о том, что подобные лица подлежали «незамедлительному увольнению с государственной службы без пенсии».

С 1942 г. «еврейские метисы», еще оставшиеся в сфере государственной службы, за незначительными исключениями, были переведены на более низкие служебные должности. Более того, 28 сентября 1943 г. Имперское министерство внутренних дел в специальном циркуляре запретило даже заключение браков с лицами, которые ранее состояли в брачных отношениях с еврейскими супругами⁶²⁷.

Таким образом, в сфере государственной службы, впрочем, как и в других, нацистам удалось все же обеспечить эффективный политический контроль за чиновничеством, лишив его возможностей для сколько-нибудь активного противодействия мерам, которые оно рассматривало как направленные против их интересов. Процесс, начало которому было положено принятием «Закона о восстановлении профессионального чиновничества», был доведен до логического конца. Проведенная нацистами чистка государственного аппарата от «нежелательных» для режима элементов принесла свои плоды. Нельзя не учитывать и тот факт, что среди всех групп среднего класса именно чиновничество в наибольшей степени зависит от государства. Это особенно было характерно для созданного в Третьем рейхе тоталитарно-социального режима, в условиях которого чиновники вынуждены были выступать в роли активных проводников всех нацистских социально-политических мероприятий, в том числе и тех, которые не отвечали их интересам.

В целом, несмотря на сохранение им определенных привилегий, положение государственных служащих в нацистской Германии характеризова-

лось нестабильностью. В конце войны для большинства чиновников на первом месте стоял уже вопрос не сохранения своего статуса, а выживания⁶²⁸. Тем не менее, хотя в Третьем рейхе чиновничество было поставлено под жесткий контроль, подверглось политизации в невиданных до того времени масштабах, в значительной степени было не удовлетворено своим жизненным уровнем, что способствовало распространению недовольства в его рядах, по сообщениям, которые остававшиеся в Германии агенты-нелегалы направляли находившемуся в эмиграции руководству СДПГ, «служащие, в отличие от рабочих, как и прежде, демонстрировали особую восприимчивость по отношению к нацистским интеграционным техникам»⁶²⁹.

Иными словами, нет никаких оснований говорить о наличии конфликта интересов между имперским политическим руководством и чиновничеством.

* * *

Если же говорить о среднем классе в целом, то следует признать отсутствие полной гармонии во взаимоотношениях между ним и национал-социалистическим режимом. В Третьем рейхе ремесленные и торговые корпорации стали проводниками решений, принимавшихся партийным и государственным руководством, а профессиональное чиновничество чувствовало себя в определенной степени социально ущемленным, не имевшим достаточных социальных гарантий, которые бы порождали у него уверенность в завтрашнем дне (следовательно, мечта старого среднего класса о корпоративном, а государственных служащих – о чиновничьем государстве не сбылась). Что касается социальной политики по отношению к средним слоям, то нацистский режим создал как государственные, так и общественные органы управления (Имперский союз немецкого ремесла, Имперское продовольственное сословие и др.), которые опирались на соответствующие финансирование, нормативно-правовую базу, кадровый потенциал и органы местной власти. Через систему кредитования, налоговой и правовой поддержки тор-

говцев, ремесленников, крестьян и др. нацистский режим обеспечивал жизнедеятельность этих социальных слоев. Они рассматривались в качестве социально-экономической базы и источника кадров для формирования армии и политики накануне и в годы Второй мировой войны.

Несмотря на отсутствие у средних слоев в указанный период особого политического веса, нельзя не признать, что нацистам в полной мере удалось использовать в своих целях тягу различных среднеклассовых групп к политической и экономической стабильности общества. И хотя с надеждой на последнюю той части мелкой буржуазии, которая по мере интенсификации подготовки к войне и в ходе войны разорилась, пришлось распротиться, а чиновничеству в военные годы все чаще отводилась роль громоотвода в качестве постоянного объекта критики со стороны как властей, так и населения, комбинация реально осуществленных национал-социалистами в интересах средних слоев социальных программ и поддерживаемых пропагандой надежд на претворение в жизнь в ближайшей перспективе их нереализованных чаяний обеспечили нацистам на протяжении всего периода их власти стабильную поддержку со стороны подавляющего большинства мелкобуржуазных кругов Германии. Подобная позиция отчасти объяснялась и тем, что последние видели в твердой власти Гитлера гарантию против возрождения организованного рабочего движения и сопутствующего ему левого радикализма.

РАЗДЕЛ III

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

3.1. Молодежная политика нацизма

Исторический опыт показывает, что политические силы, выступавшие на том или ином этапе развития общества за радикальные перемены в нем, независимо от социальной направленности последних, особую роль в осуществлении своих планов отводили молодежи – наиболее динамичной и, если не принимать в расчет представителей благополучных верхних слоев, наименее защищенной в социальном отношении части населения. Это характерно прежде всего для ультрарадикальных партий и движений, чей приход к власти ознаменовался в XX веке установлением тоталитарных режимов. Одним из подобных классических примеров является национал-социализм. Практически с первых же дней существования нацистской партии ее руководство сделало ставку на привлечение под свои знамена молодого поколения немцев, справедливо полагая, что в силу особой восприимчивости к новым идеям (хотя степень новизны национал-социалистической идеологии относится к числу дискуссионных вопросов), в том числе и экстремистским, его представители, вне зависимости от своей социальной принадлежности, смогут составить важный резервуар сторонников нацистского движения. Это потребовало от лидеров национал-социализма проведения активной социальной политики в отношении молодежи, женщин и других групп населения.

Соответствующие вопросы находятся в центре внимания зарубежных авторов. Об этом свидетельствуют работы канадского исследователя М. Катера, немецких авторов М. Клаус и К. Кунц.

Так, М. Катер пишет: «Лидеры национал-социализма не имели единого четкого представления о воспитании немецкой молодежи в Третьем рейхе.

Ничего обязывающего не говорилось по этому поводу ни в партийной программе, ни в «Майн Кампф»¹. М. Клаус осветила историю Союза немецких девушек, показав его роль в мобилизации женской молодежи на выполнение нацистских планов². К. Кунц цитирует некую нацистскую писательницу, которая утверждала: «Женщины – сердце народа. Их любовь – его любовь. Их ненависть – его ненависть»³.

Эти оценки свидетельствуют о том, что, несмотря на отсутствие конкретных программных установок НСДАП относительно молодежи и женщин, национал-социалисты после прихода к власти, учитывая роль этих слов в укреплении своего политического режима, уделяли им значительное внимание, предпринимая важные меры в области социальной политики, направленные на создание условий для повышения рождаемости и демографического развития; системы образования и культуры, работы с молодежью и др. В рамках проводимой правительством политики находили отражение самые различные меры, о чем свидетельствует приводимый ниже конкретно-исторический материал.

Хотя «Закон о Гитлерюгенд» (ГЮ) был принят лишь 1 декабря 1936 г., рождение этой организации происходит вскоре после образования НСДАП. Уже в 1922 г. был создан Союз молодежи НСДАП. На партийном съезде в Веймаре, состоявшемся в 1926 г., ему было дано новое название – «Гитлеровская молодежь – Союз работающей немецкой молодежи». В него принимались юноши старше 14 лет (по достижении 18-летнего возраста они переходили в штурмовые отряды – СА, высшему командованию которых молодежная организация подчинялась вплоть до 1932 г.). Позднее появились: в 1927г. – «Сестринство Гитлерюгенд», на базе которого в июле 1930 г. образовался «Союз немецких девушек» – БДМ, в который влился ряд местных объединений (например, организация мюнхенских школьниц «Немецкое девичье кольцо», возникшая в Мюнхене в 1924г.),⁴ и – Национал-социалистическая

школьная лига, образованная в 1929 г. 30 октября 1931 г. во главе всех этих организаций, позднее включенных в структуру Гитлерюгенд, был поставлен Б. фон Ширах, вновь назначенный имперский руководитель молодежи НСДАП, который до этого – с 20 октября 1928 г. в должности рейхсштудентенфюрера возглавлял Национал-социалистический германский студенческий союз в имперском партийном руководстве. В марте 1932 г. «Гитлеровская молодежь», наряду со штурмовыми отрядами, была запрещена, но уже в октябре того же года в Потсдаме, в День имперской молодежи, состоялся парад, в ходе которого перед Гитлером, чеканя шаг, прошли 80 тыс. гитлерюген⁵ (по другим данным, количество участников этого мероприятия доходило до 100 тысяч⁶).

Характерным для позиции, занятой руководством НСДАП в молодежном вопросе, стали слова, с вызовом брошенные Г. Штрассером: «Освободите место, вы, старики!» А Ширах охарактеризовал партию нацистов как «партию молодежи»⁷.

В целом, в условиях экономического кризиса 1929-1932 гг., особенно тяжело сказавшегося на положении молодежи, подавляющее большинство которой оказалось не у дел, национал-социалисты смогли извлечь выгоду из сложившейся ситуации и в значительной степени занять образовавшуюся нишу, хотя происходило это в острой конкурентной борьбе: в Веймарской республике существовали многочисленные, пестрые по составу и ценностным установкам молодежные организации и группы.

Практически ежедневно колонны Гитлерюгенд маршировали по улицам, исполняя пропагандистские песни, о содержании которых дает представление приводимый ниже отрывок:

За Гитлера, за свободу, за работу и хлеб.

Германия, просытайся! Конец нужде –

Народ, к ружью! Народ, к ружью!»⁸.

Многие юноши и девушки, по их собственным словам, шли в Гитлерюгенд, движимые тягой к романтике. Их привлекала возможность, оказавшись в кругу сверстников, чьи отношения должны были строиться на принципах социального равенства (все различия подобного рода в рамках организации были официально упразднены), почувствовать локоть товарища, ощутить свою полезность, сопричастность к общему делу, иными словами, – собственную значимость. Бывший гитлерюнге, ставший членом «Гитлеровской молодежи» в 1930 г., вспоминал после войны: «Ни мой отец, ни кто-либо другой не заставлял меня вступать в Гитлерюгенд. Я сам решился на это, так как я мог следовать национал-социалистическому идеалу... Мы происходили из всех слоев населения... Социальные или классовые различия не делались, и это мне очень нравилось... Явно политическое обучение пришло лишь позднее, когда Гитлер обрел власть... Я не верю, что политический фактор был решающим у большинства для вступления. ... Мы никогда не осознавали наши деяния, но мы получали удовольствие от этого и казались себе значительными». (Конечно же, не все юноши и девушки, пришедшие в лоно национал-социализма, отличались аполитичностью. Те же, кому этот «недостаток» был свойствен, очень скоро избавились от него, попав под жесткий идеологический пресс). Ему вторила экс-член БДМ, функционер имперского руководства молодежи: «Я хотела вырваться из моей детской жизни и ... связать себя с чем-то великим и существенным»⁹.

Подобная тяга успешно эксплуатировалась нацистами и имела далеко идущие последствия. Уже к концу 1932 г. Гитлерюгенд насчитывала от 108 до 110 тыс. человек¹⁰. В значительной степени ее основные подразделения оформились к моменту назначения Гитлера канцлером, а в мирные годы Третьего рейха организация приняла законченную форму.

Согласно распоряжению от 28 марта 1938 г., регулировавшему структуру «Гитлеровской молодежи»¹¹, она состояла из следующих подразделе-

ний, формировавшихся по возрастному принципу: «Дойче юнгфольк» («Немецкий молодой народ») и «Юнгмедельбунде» («Союз девочек»), включавшие соответственно мальчиков и девочек в возрасте от 10 до 14 лет, собственно «Гитлерюгенд» (юноши 14-18 лет) и «Бунд дойчер медель» («Союз немецких девушек»), в состав которого входили немки в возрасте от 14 лет до 21 года¹².

Кроме того, еще в 1934 г. было введено территориальное деление «Гитлеровской молодежи»¹³. «Национал-социалистическое молодежное движение, – отмечал Ширах, – делится на пять главных областей: Ост, Норд, Центр, Зюд и Вест, каждая из которых, в свою очередь, делится на 4-5 областей (всего их было 21, а в 1942 г. количество главных областей возросло до 6, а областей – до 42¹⁴). Каждая область делится на 3-5 обербаннов. Каждый обербанн охватывает в среднем 6 баннов, которые делятся на унтербанны, а те – на дружины (их насчитывается примерно 12 тыс.). Дружины делятся на отряды и товарищества». Иерархия организации была основана на фюрер-принципе: во главе каждого подразделения стоял фюрер, от которого как подчеркивал Ширах, не требовалось «быть физически сильнее, чем молодежь, которую он ведет за собой», но «по характеру быть самым сильным в своем объединении»¹⁵. Помимо этого, в рамках структуры Гитлерюгенд были созданы отдел радио под руководством К. Керффа и отдел прессы и пропаганды, возглавлявшийся Г. Штебе¹⁶.

В организацию допускались лишь лица, «полноценные» в расовом и медицинском отношениях. Полностью непригодными к службе в Гитлерюгенд объявлялись «неарийцы» и «носители болезней в смысле имперского закона о предотвращении наследственно больного потомства»¹⁷, если, по мнению врача Гитлерюгенд, «священной обязанностью и задачей» которого было «сохранение народа от угрозы вырождения», данные осмотра свидетельствовали о необходимости проведения стерилизации, а также больные

открытой формой туберкулеза. Это объяснялось заботой о расе, которой предстояло стать «достоянием каждого немца». «На первом месте, – писал в этой связи Ширах, – стоит забота о сохранении мощного потока крови народа вообще. Этот поток может быть сохранен лишь в том случае, если достаточное в количественном отношении молодое поколение имеется во всех слоях населения. Вторая большая задача – это забота о наследственной способности потомков». Наконец, «самым важным является помеха смешению с чужими расами»¹⁸.

Ежегодно 20 апреля самые маленькие члены Гитлерюгенд в Мариенбурге – крепости немецкого рыцарского ордена, в тусклом мерцании свечей и факелов, создававшем атмосферу суровой торжественности, принимали присягу¹⁹. Церемония открывалась зачитыванием речи имперского руководителя молодежи, в которой говорилось:

«Дорогой мальчик! / Дорогая девочка! Этот час, в который вы должны быть приняты в великое сообщество Гитлеровской молодежи, очень счастливый и в то же самое время вводит вас в новый период ваших жизней. Сегодня вы впервые клянетесь в верности фюреру, связывая с ним навсегда. Вашим девизом всегда будет: «Фюрер, приказывай, – мы повинемся!».

Затем, встав по команде руководителя, десятилетние щенки (их также называли волчатами и пимпфами) повторяли за ним слова клятвы: «Я клянусь всегда выполнять мой долг в Гитлеровской молодежи в любви и верности к фюреру и к нашему знамени»²⁰.

После этого юношам и девушкам предстояло пройти испытательный срок, длившийся от 2 до 6 месяцев. По истечении его ими сдавался специальный экзамен, включавший выполнение определенных спортивных нормативов, рукопашный бой, идеологические вопросы, в основном касавшиеся истории НСДАП. Венчало все это так называемое «испытание мужества», зачастую заключавшееся в том, что юноша в полном обмундировании должен

был выпрыгнуть из окна второго этажа дома. Успешная сдача экзамена давала волчонку право на ношение заветной коричневой рубашки с погончиками и значком юнгфолька, а также на получение предусмотренного формой походного ножа²¹ с выгравированной на нем надписью «Кровь и честь».

Взаимоотношения в ГЮ основывались на беспрекословном подчинении нижестоящих вышестоящим. У фюрера «Гитлеровской молодежи», писал Ширах, «неограниченное право приказывать, так как он несет неограниченную ответственность... Успех национал-социализма – это успех дисциплины, здание национал-социалистической молодежи покоится одновременно на фундаменте дисциплины и послушания. ... То, что приобретается в молодые годы в борьбе за маленькие задачи, позднее благоприятствует государству при выполнении его больших задач»²².

Официально декларированное, в соответствии с указаниями фюрера, отсутствие классовых различий в рядах «Гитлеровской молодежи», призванной представлять собой составную часть «бесклассового народного сообщества», должно было подчеркиваться введением обязательной для всех членов организации униформы, которая, по словам Шираха, представляла собой «символ сообщества». Тот, кто носит униформу, подчеркивал он, больше не предоставлен самому себе, но «является олицетворением всех, относящихся к его вере... Наша униформа – выражение воли, не знающей классов»²³. Он же в связи с этим отмечал как особую заслугу ГЮ то, что в ее рядах отпрыск миллионера одет так же, как и сын безработного²⁴.

Такой подход зачастую достигал своей цели. Как вспоминал позднее тогдашний гитлерюнген Г. Кёппке, чей отец в веймарский период был шахтером и коммунистом, для его сверстников рабочее происхождение значило очень мало. «Наша рабочая окраина и Гитлерюгенд никоим образом не находились в противоречии... Униформа Гитлерюгенд представляла собой нечто позитивное в нашем детстве», – утверждал он²⁵.

Спрос на униформу, внесший вклад в оживление швейной промышленности, породил соревнование между производителями и торговыми фирмами, спешившими удовлетворить его. Появляются зазывающие потенциальных клиентов многочисленные объявления типа следующего, данного мюнхенским домом одежды Лоден-Фрей: «Одежная палата для коричневого солдата, для гитлеровских молодых людей и гитлеровских девушек».

А. Бернхард вспоминает, что поначалу, вскоре после прихода нацистов к власти, членов БДМ обрядили в форму коричневого цвета: «Коричневый полульняной материал мы покупали в «арийском» магазине Хорн ам Штахус. Партайгеноссин шила нам платье, похожее на платье служанки, которое впереди вместо пуговиц шнуровалось голубой, а у фюрерин – красной тесьмой... Долго мы этот наряд не носили... Позже я узнала, что «фюреру» наши коричневые платья не понравились» (о реакции Гитлера на этот счет сообщает его личный фотограф Г. Гофман: на первом же параде с участием членов БДМ канцлер сказал Шираху: «В старомодных платьях, подобных этим, бедные девушки не привлекут к себе ни одного мужского взгляда. Партия здесь не для того, чтобы взрастить расу старых дев!» По приказу вождя известной берлинской модисткой была разработана и «немедленно внедрена» новая, «более привлекательная» форменная одежда²⁶).

Вновь предоставим слово Бернхард: «В следующем году мы должны были носить темно-синюю юбку с поясом и в сборку, а также белую блузу с короткими рукавами и переливчатым воротником. Черный треугольный платочек держался коричневой заплетенной кожаной гильзой». Наряд дополняли коричневая жилетка, черный берет, надетый набекрень, белые носки или гольфы и коричневые полуботинки²⁷. Девушкам запрещалось носить украшения. Особое внимание обращалось на то, чтобы их униформа всегда была выстиранной и выглаженной. Кроме того, члены Союза немецких девушек должны были уметь самостоятельно обшивать себя, обходясь при этом лишь

отечественными материалами, что рассматривалось как обязательный вклад в политику автаркии²⁸.

В 1936 г. девушки – учащиеся профессиональных училищ призвали в целях «ослабления экономической и политической зависимости от мировой моды», «энергично создавать фронт против... ведущих немецких журналов моды, так как еще и сегодня большинство демонстрируемых там моделей взяты из французских, английских и американских мастерских»²⁹.

Гитлерюгенд по определению имперского молодежного фюрера являлась «мировоззренческим воспитательным сообществом», члены которого выступали «солдатами идеи», ставившими чувство превыше разума³⁰. Приоритетные для нацистов направления в воспитательной и образовательной сферах были сформулированы Гитлером задолго до его политического триумфа. Еще находясь в ландсбергском заключении в качестве лидера партии, только что «проигравшей» «пивной путч» и переживавшей не лучшие времена, несмотря на политические дивиденды, извлеченные из сложившейся ситуации самим Гитлером (его скандальная известность перешагнула пределы Баварии), он, диктуя Гессу «Майн Кампф», немало внимания уделил в ней проблемам формирования личности. Обрушиваясь с критикой на постановку «дела воспитания» в довоенной Германии за его «односторонность», которую он усматривал в недооценке необходимости «выработки характера человека..., чувства ответственности», отсутствии заботы «о воспитании воли и решимости», в результате чего «получались не сильные натуры, а чрезмерно разносторонние «всезнайки», фюрер предлагал свое видение главных направлений воспитательного процесса, которые он намеревался реализовать в случае своего прихода к власти. По его мнению, интересы выживания будущих поколений и расы в целом требовали того, чтобы интеллектуальное развитие отошло на задний план, уступив ключевую роль культу физической силы и выковыванию «железной воли». Причем решение этой задачи, не яв-

ляясь «частным делом каждого отдельного человека», должно было осуществляться под строгим контролем государства, включая и свободное время молодежи («Наш юноша не должен праздно шляться по улицам и кино, а должен после трудового дня посвящать все остальное время закаливанию своего организма, ибо жизнь еще предъявит к нему очень большие требования. Задача воспитания нашего юношества должна заключаться вовсе не в накачивании его школьной премудростью... Лишь в последнюю очередь будем мы думать о чисто школьном образовании») ³¹.

Определяя «воспитание такого неспорченного поколения, которое сознательно найдет свой путь назад к примитивному инстинкту», как одну из важнейших задач национал-социализма, Гитлер в качестве основополагающих рассматривал идеи борьбы и расы ³². Речь, в частности, шла о воспитании чувства расового и национального превосходства по отношению к иным народам. «Смешиваясь с другими расами, – подчеркивал фюрер, – мы оказываем им некоторые услуги, подымая их на более высокий уровень, но сами при этом обречены на систематическое нисхождение, а затем и вырождение» ³³.

В подобном духе были выдержаны и пропагандистские материалы, публиковавшиеся в нацистских изданиях. В заметке о девушках – членах ГЮ из Нойхаузена, опубликованной в 1930 г. в апрельском номере журнала «Штурмюгенд», издававшегося «Сестринством Гитлерюгенд», в частности, говорилось: «В холодный, ясный зимний вечер бредут несколько молодых девушек и весело делятся различными переживаниями. Видя на их пальто свастику или знак Гитлерюгенд, с ненавистью смотрят им вслед евреи. Еще на несколько человек, просвещенных о подлых целях еврейства, стало больше» ³⁴.

Мощным средством пропагандистского воздействия в указанном направлении призваны были служить шествия нацистских молодежных колонн, распевавших песни наподобие следующей:

«Германия, проснись от своего злоецащего сна,

Не дай чужим расам пространства на своей земле.

Мы хотим бороться за воскресение,

Арийская кровь не должна погибнуть»³⁵.

Кроме того, молодежь должна была осознавать свое «кровное единство» со всем немецким народом. В одном из пропагандистских изданий Гитлерюгенд говорилось: мы являемся «звеном в цепи жизни, каплей в большом потоке крови нашего народа»³⁶.

Подобный подход к указанным проблемам был реализован в Третьем рейхе, где с установлением однопартийной системы контроль за духовным становлением личности, всеми стадиями воспитательного процесса оказался монополизирован партийными и государственными структурами и приобрел тотальный характер, отвечавший планам нацистских лидеров по формированию поколений строителей «тысячелетнего рейха». Последние, по словам Гитлера, должны были быть представлены молодежью «ловкой и стройной, быстрой, как борзая, жесткой, как кожа, и прочной, как крупповская сталь». В этой же речи, произнесенной им на съезде НСДАП 14 сентября 1935 г., фюрер привлек внимание аудитории к тому, что в намерения новых властей входило охватить процессом «воспитания» не только молодежь, но и весь народ, начиная с ребенка и кончая «старым борцом движения». «Мы должны предпринять обучение этого народа в новой школе, дать ему образование, которое начинается в юности и которое никогда не должно завершиться», — провозгласил он³⁷.

Достижение поставленной цели было бы невозможно без тотальной идеологизации воспитательного процесса. (Последняя пронизывала даже волшебные сказки для детей. По мнению составителей одного из таких сборников, озаглавленного «Народ сражается», «с самого раннего возраста молодежь должна была быть готова к тому, что настанет время, когда, возможно, ей будет приказано не просто действовать, но и умереть», в связи с чем от

ребенка требовалось «просто учиться думать вновь как наши предки». За этим пассажем следовал вывод: «Высочайшая честь мужчины – в том, чтобы пасть в схватке с врагами своей страны»³⁸). Здесь особая роль отводилась Гитлерюгенд. Впрочем, практически с первых дней существования нового режима между руководством «Гитлеровской молодежи» и вновь образованным 1 мая 1934 г. Имперским министерством науки, образования и культуры, возглавлявшимся Б. Рустом, разгорелась конкуренция за то, кому должна принадлежать пальма первенства в решении провозглашенной в качестве общегосударственной задачи формирования нового человека. С этой целью предстояло реформировать немецкую школу, превратив ее в эффективный инструмент воспитания в руках гитлеровского режима.

При этом как Гитлерюгенд, так и школа насаждали авторитарный тип мышления и воспитания, уделяя первостепенное внимание проникновению в молодежную среду национал-социалистического мировоззрения. Еще будучи прусским министром науки, искусства и образования, Руст 26 августа 1933 г. поручил своему статс-секретарю Штуккарту выступить с заявлением программного характера, в котором говорилось: «Высшей задачей школы является воспитание молодежи для службы народу и государству в национал-социалистическом духе.... Вся внутренняя и внешняя жизнь школы поставлена на службу этой задаче»³⁹. Ведущий национал-социалистический педагог Э. Крик подчеркивал: «Национал-социализм является мировоззрением, которое поднимает тотальное притязание на действительность и не хочет доверять формированию мнения воле случая. Средство реализации этого притязания называется воспитанием. Немецкая молодежь больше не должна, как при либерализме так называемого объективного вида, стоять перед выбором, как расти: материалистически или идеалистически, народно или интернационально, религиозно или безбожно, а она должна формироваться сознательно ...согласно принципам национал-социалистического мировоззрения»⁴⁰.

Со своей стороны, Ширах, провозгласивший «революцию воспитания», напоминал о приоритетной роли, которая отводилась в пестовании юных немцев расовому учению, заявляя, что ни один мальчик, ни одна девушка не должны покинуть школу, не проникнувшись пониманием необходимости и сути чистоты крови⁴¹. (Конкретизируя эти положения, Крик акцентировал внимание на консолидирующем значении понятий «раса» и «кровь». «Один поток крови, – писал он, – протекает через народ как целое и через отдельную личность, соединяя их, как и цепь поколений. Раса лежит в основе народа как общности,...включает отдельную личность в высшее целое»)⁴². Разграничение сфер влияния между школой и Гитлерюгенд виделось Шираху следующим образом: «Школа – это воспитание сверху, Гитлерюгенд – снизу. В школе воспитывает учительство, в Гитлерюгенд – молодежное руководство. В школе неоспорим авторитет учителя, вне школы превалирует авторитет фюрера Гитлерюгенд»⁴³. Подобный подход к проблеме, по его мнению, должен был позволить избежать возникновения каких бы то ни было разногласий между сторонами⁴⁴. Во время школьных занятий, отмечал Ширах, учителю не подобало бессмысленно снижать авторитет фюрера ГЮ перед лицом его товарищей, а в случае необходимости сделать ему замечание – следовало позаботиться о том, чтобы это происходило с глазу на глаз. «Сегодня, – писал он, – учитель должен ... присутствовать на том или ином мероприятии Гитлерюгенд, чтобы показать, что он также принимает участие во внешкольных занятиях своих юношей ... Конечно, молодежь не имеет никакого почтения к знаниям. Она уважает только молодца. Тот среди учителей, кто является молодцом, умеет также из бездельников сделать явление»⁴⁵.

Тезис о разделении сфер: в школе – школьное преподавание, в Гитлерюгенд – воспитание национал-социалистической молодежи, которые должны были координироваться друг с другом, примерно в октябре 1935 г. стал предметом дискуссии на съезде Национал-социалистического союза учите-

лей (НСЛБ) в гау Вюртемберг. В опубликованной в 1938 г. работе «Учитель народной школы» ее автор, Г. Андерлан, подчеркивал, что профессии учителя и фюрера ГЮ взаимодополняют друг друга⁴⁶. В то же время, по убеждению многих учителей – национал-социалистов, функция организации «Гитлеровская молодежь» являлась по отношению к задачам, решаемым школой, второстепенной⁴⁷.

Общую координацию взаимодействия учительства с молодежным фюрерским корпусом и политический контроль за процессом преподавания и воспитания в школах осуществлял НСЛБ, руководство которого призывало педагога «насаждать в школах новый молодежный дух», заботиться о том, чтобы «школьная жизнь обрела новый живой молодежный стиль» и обязывало учителей участвовать в специальных мероприятиях в пользу Гитлерюгенд⁴⁸. В качестве важнейших ставились задачи перевоспитания части учительских кадров (с этой целью НСЛБ и Лейпцигский центральный институт воспитания организовывали лагеря переобучения, в которых функционировали специальные учительские курсы)⁴⁹ и подготовки новых учителей, овладевших национал-социалистическим мировоззрением. Ширах же отмечал целесообразность приема в ГЮ симпатизировавших ей учителей. Впрочем, уже с 1933 г. наблюдался рост числа подобных педагогов. По некоторым данным, на 1 мая 1936 г. среди членов Гитлерюгенд насчитывалось 18033 учителей (10533 мужчины и 7500 женщин), в том числе 7,5% общего количества штатных учительских кадров, а в 1937 г. – 11160 учителей мужского пола⁵⁰.

Однако отмечавшееся в Германии этих лет падение престижа учительской профессии привело к тому, что с 1936 г. начинает ощущаться дефицит молодых учителей народных школ. С целью его преодоления вместо педагогических академий Веймарской республики были образованы «высшие школы по подготовке учителей», замененные в период с ноября 1940 по 1 апреля 1941 г. «учреждениями образования учителей», образцом для которых по-

служили семинары кайзеровской Германии⁵¹. В декрете Руста «Об образовании учителей» от 9 сентября 1941 г. предписывалось «отбор юношей и девушек для получения учительской профессии» производить «в теснейшей взаимосвязи с Гитлерюгенд»⁵². Таким образом, амбиции имперского молодежного руководства в сфере образования были удовлетворены.

Поначалу одним из источников трений между ГЮ и образовательным ведомством являлись отмечавшиеся в средних учебных заведениях по всему рейху на протяжении 1933-1934 гг. многочисленные случаи неповиновения учеников-членов «Гитлеровской молодежи» своим школьным наставникам, которое принимало форму критических замечаний с их стороны в адрес последних, ношения униформы цвета хаки, выделявшей их из числа остальных сверстников, доносов на «неблагонадежных», с точки зрения гитлерюнген, педагогов в органы НСДАП и даже прямых проявлений насилия. Ситуация настолько накалилась, что в ноябре 1933 г. этой проблеме было посвящено специальное совещание Национал-социалистического комитета по воспитанию. Придя к выводу о том, что причина указанных нарушений дисциплины коренилась в «кризисе корпуса фюреров Гитлерюгенд», его участники сошлись во мнении, что преодолению последнего могло бы способствовать направление значительного числа молодых учителей на руководящие посты в ГЮ⁵³. С другой стороны, и учителя не оставались в долгу. В 1933 г. педагог народной школы в Правтене (Восточная Пруссия) избил нескольких членов Гитлерюгенд, а преподавательница высшего лицея в Растенбурге публично пригрозила фюрерин районного отделения БДМ занизить ее оценки⁵⁴.

Тем не менее, в конечном итоге, Ширах и Руст совместными усилиями взяли ситуацию под контроль. Несмотря на сохранявшееся между ними взаимное соперничество, ими был достигнут ряд компромиссов. В конце 1933 г. Министерство науки, образования и культуры Пруссии разрешило всем учащимся школ, состоявшим в организации «Гитлеровская молодежь», дважды

в неделю вторую, свободную от занятий, половину дня посвящать молодежной службе. Еженедельно в субботу ученики – члены ГЮ освобождались от школьных занятий, которые заменялись физподготовкой или спортивными упражнениями по обороне. Помимо этого, в распоряжении гитлерюнген имелся вечер среды, предназначенный для проведения так называемых «домашних вечеров»⁵⁵, рассматривавшихся молодежным руководством в качестве одной из форм сплочения членов организации. Эта традиция возникла еще в 1931 г., когда членам каждого молодежного взвода, каждого отряда Гитлерюгенд было вменено в обязанность раз в неделю собираться вместе для обсуждения важнейших политических событий (соответствующие даты еженедельно были обозначены в календарях ГЮ), чтения национал-социалистической литературы, заучивания песен, главным образом, пропагандистского содержания, и проведения других подобных занятий (необходимые рекомендации спускались фюрерам подразделений Гитлерюгенд сверху). Вот как об этом вспоминала впоследствии фюрерин БДМ: «Домашние вечера, на которые собирались в темном и грязном подвале, были фатально бессодержательны. Время убивалось подсчетом взносов, заполнением бесчисленных листов и зубрежкой текстов песен, языковой бедности которых я ...не могла не замечать». Цитирование «Майн Кампф» «быстро заканчивалось общим молчанием». Постепенно программа таких вечеров расширялась. За политинформацией следовало чтение вслух литературных произведений военного и приключенческого жанров, совершались марши с исполнением солдатских песен и песен «Гитлеровской молодежи». Заканчивался вечер военной игрой на местности, зачастую представлявшей собой имитацию нападения на соседнее подразделение⁵⁶. Впрочем, нередко подобные вечера организовывались на квартирах детей, чьи родители являлись яркими приверженцами национал-социализма.

По некоторым данным, еженедельное количество «домашних вечеров» в общей сложности доходило до 200 тыс.⁵⁷

В соответствии с соглашением, заключенным Ширахом и Рустом между собой 7 июля 1934 г., в стране в качестве общенационального праздника был введен «Государственный день молодежи», в который последняя освобождалась от работы и учебы. Однако под нажимом промышленников и ремесленников, несших от этого убытки, а по другой версии – по настоянию Руста, доказывавшего, что пропуски занятий учащимися в этот день отражались на качестве получаемого ими образования, 4 декабря 1936 г. он был отменен⁵⁸. Последний аргумент безусловно не был лишен оснований. В действительности пропуски занятий школьниками в связи с мероприятиями, проводившимися по указанию руководства ГЮ, происходили значительно чаще. Так, в первой четверти 1938 г. из учебного процесса в начальной и средней школе выпало 10 недель, или 5,6% всех учебных занятий⁵⁹. В еще большей степени это касалось активистов молодежной организации. (Бывшая функционерка БДМ М. Машман вспоминала: «Я начала пропускать школу. Служба в Гитлерюгенд поглощала все больше времени и сил. Я часто выходила из дому в пять часов утра и приходила в школу ко второму или третьему уроку или же исчезала после большой перемены, после полудня, на весь остаток дня»⁶⁰). В конце же 1936 г. между указанными сторонами была достигнута договоренность об освобождении всех выпускников школ от служебных обязанностей в Гитлерюгенд в последнем школьном полугодии в связи с их подготовкой к экзаменам на аттестат зрелости⁶¹.

Поскольку в основу формирования мировоззрения юных немцев была положена расовая идея, то как только они переступали порог начальной школы, в их сознание начинала методически внедряться мысль о неполноценности «неарийских» народов, необходимости целенаправленной маргинализации, насильственной высылки, а позднее и уничтожения еврейского и цыганского населения, борьбы со славянскими «недочеловеками», очищения не-

мецкой нации от умалишенных и калек. Те из учителей, кто не проявил готовности активно содействовать осуществлению этой политики, наряду с педагогами – «неарийцами», подлежали увольнению на основании «Закона о восстановлении профессионального чиновничества»⁶².

При обучении в школе на первый план в значительной степени вышли гуманитарные дисциплины, т.к. они способствовали идеологической интеграции нации. На уроках истории в соответствии с установкой, данной Гитлером еще в «Майн Кампф»⁶³, особое внимание отводилось расовым проблемам. Чиновниками Рейхсминистерства науки, образования и культуры был составлен список тем сочинений, которые школьникам в обязательном порядке предстояло писать на уроках немецкого языка: «Адольф Гитлер – спаситель фатерланда», «Обновление немецкой народной души» и т.п. В преподавании страноведения основной акцент делался на проблемах геополитики, жизненного пространства, демографии, расовой экспансии и на значении колониальных территорий. Среди естественных наук приоритет отдавался биологии, которая определялась расовым учением и должна была составить научный фундамент национал-социалистического мировоззрения⁶⁴. При этом учебный материал приравнивался к официальной идеологии, в частности, через введение в учебную программу новых дисциплин, таких, как расоведение. Обязательное проведение занятий по «расовой науке» утверждается в германских школах начиная с 13 сентября 1933 г. Поскольку соответствующих учебников еще не было, вся ответственность ложилась на плечи учителей. Они занимались подборкой выдержек из работ наиболее видных теоретиков расизма и измерениями черепов своих подопечных, производившимися ими прямо в классах⁶⁵. Это нередко порождало трагикомические ситуации.

Обратимся к свидетельству одного из современников тех событий. Х. Шмитт, живший тогда с родителями в Германии и имевший, несмотря на «арийскую» внешность (белокурые волосы, голубые глаза), мать еврейку,

вспоминал в написанных в эмиграции мемуарах о своих школьных впечатлениях от нацистских нововведений. Стремясь соответствовать «нордическому» идеалу, девочки, его сверстницы, стали обесцвечивать волосы, их примеру последовали и многие юноши. Деринг, преподаватель биологии в классе, в котором учился Шмитт, решивший, по словам автора, «поставить свою науку на службу национальному перевоспитанию», отказался от дальнейшего ознакомления учеников с ботаническими коллекциями и начал производить измерения их рук, носов и черепов, скрупулезно фиксируя полученные результаты. Шмитт отмечает, что все это служило поводом для многочисленных подтруниваний школьников друг над другом и не воспринималось ими всерьез до тех пор, пока однажды их наставник не объявил о сделанных им выводах: только 7,7% обследованных принадлежит к расовой элите человечества. В оглашенном учителем списке Шмитт с изумлением услышал и свою фамилию. Если верить мемуаристу, он не смог подавить в себе искушение поставить учителя в неловкое положение и сбить с него спесь, задав ему вопрос, могут ли лица еврейского происхождения считаться представителями нордической расы. «Конечно нет, мой мальчик. В этом – суть нашей работы. Наша новая расовая наука позволяет нам идентифицировать и отделять таких людей от народного сообщества», – был ответ. «Тогда, видимо, произошла ошибка, – сказал Шмитт. – Моя мать – еврейка». Последовала немая сцена, после чего ученики на какое-то время вернулись к изучению гербариев, а Деринг в течение последующего недолгого пребывания юноши в данном учебном заведении больше ни разу не произносил его фамилии вслух⁶⁶.

Уже 1 октября 1933 г. во всех выпускных классах школ в качестве обязательного был введен экзамен по расоведению. В связи с этим в соответствующем указе предписывалось увеличить количество часов, выделяемых на преподавание биологии, до двух – трех уроков в неделю, в случае необходимости – за счет математики и иностранных языков. При этом ставилась зада-

ча охватить биологическим ликбезом широкие массы. В опубликованной в 1936 г. работе Э. Шпренгеля, посвященной значению школьного курса биологии, говорилось, что он «должен воспитывать народное мышление», вытекающее из него. Иными словами, подчеркивал автор, «биологическое мышление без народного мышления невозможно. Национал-социалистическое мышление должно быть биологическим мышлением»⁶⁷. А. Питч в публикации «Преподавание биологии в народной школе» (1935 г.) указывал на недостаточность того, чтобы «ведущие слои государства учились думать биологически», и настаивал на ознакомлении «широких масс ... с биологическими точками зрения, лежащими в основе мировоззрения»⁶⁸

Все это поставило в повестку дня вопрос об усилении дискриминации в отношении учеников-евреев (практически с первых дней нового режима им приходилось сидеть в классах за особыми партами и запрещалось играть со своими «арийскими» сверстниками на переменах⁶⁹), в частности, о создании отдельных еврейских школ. В соответствующем декрете Руста от 10 сентября 1935 г. говорилось: «Расовое соответствие учителя и ученика является важной предпосылкой всей успешной педагогической деятельности. Дети еврейского происхождения представляют главную помеху единству сообщества класса и беспрепятственному осуществлению национал-социалистического молодежного воспитания в государственных школах в целом. Ряд выборочных проверок, проведенных по моим распоряжениям в различных районах Пруссии, показал, что значительное число еврейских школьников по-прежнему посещают государственные начальные школы. Это особенно характерно для более крупных городов, но также и для сельской местности, где имеются области, более или менее густо населенные евреями. Начиная с 1936 школьного года я в связи с этим планирую провести максимально возможно полную сегрегацию рас для учеников, посещающих все типы школ»⁷⁰. 14 ноября 1938 г. Руст подписал указ о немедленном исключении еврейских детей

из немецких школ. «После подлого акта убийства в Париже (имелось в виду покушение Грюншпана на Рата. – Е.П.) ни от одного учителя нельзя ожидать, чтобы он обучал еврейских школьников. Также самоочевидно нетерпимо для немецких школьников, чтобы им пришлось сидеть в одном классе с евреями», – значилось в нем⁷¹.

Руководство ГЮ в этом вопросе не уступало Русту. Членам организации постоянно напоминалось: «Так же, как один единственный гриб может убить целую семью, так и отдельный еврей может уничтожить целую деревню, целый город, даже целую нацию. Дьявол проходит по стране. Он – еврей, известный всем нам как убийца людей и осквернитель масс, ужас детей в каждой стране»⁷².

Результаты подобного подхода к воспитательному процессу не заставили себя ждать: посев «зубов дракона» дал быстрые и обильные всходы. Среди многочисленных отчетов, публиковавшихся нацистской прессой в связи с акциями бойкота принадлежавших евреям заведений, нередко встречались восторженные описания того, как школьники в свободное от занятий время, собираясь в группы, выискивали себе жертвы среди пожилых еврейских лавочников, имевших несчастье оказаться в тот момент на улице, окружали их и подвергали всяческому унижениям. Издевательства не удавалось избежать и нееврейским клиентам последних⁷³. Некто Р. Шнайдер, подписавшийся как «ветеран нацистской партии», с возмущением писал в декабре 1934 г. в Имперское МВД по поводу бойкота, проведенного во Франкфурте-на-Майне. «Мальчики – недоростки 16-17 лет, – негодовал он, – загромождали входы... Пожилые, аристократического вида господа, включая людей, которые принесли величайшие жертвы, сражаясь в течение четырех лет за свой фатерланд, были вынуждены просить у этих негодников и прохвостов разрешения войти и отвечать на вопрос: «Вы немец?». И это творилось при поддержке полиции кучкой грубиянов, чье включение в народное сообщество

следовало бы безоговорочно отвергнуть». Письмо заканчивалось словами: «Тьфу на партию! Тьфу на новую Германию»⁷⁴ (реакция властей на это послание нам не известна, но в подобных случаях от самых «неприятных» последствий не спасали и былые заслуги перед движением. Впрочем, на столь крайнюю степень выражения своего недовольства отваживались лишь очень немногие). Писательница Д. Невен-ду Монт вспоминала, как в те времена она вместе с другими девушками из БДМ участвовала в уличных маршах, распевая народные, солдатские и антисемитские песни. Воскресными днями «мы маршировали по улицам и пели ... песни атаки, – пишет она.– Песню ненависти к евреям горланили мы, глупые стервы, особенно громко: «Точите длинные ножи в сточной канаве!». – И ни одна из нас, молодых существ, не думала при этом о чем-то злом!»⁷⁵.

Г. Кох настаивает на изначальном неведении имперского руководства молодежи об участии их подопечных в погромных акциях и сваливает всю вину за это на командование штурмовых отрядов, занимавшееся подстрекательством молодых людей к подобным действиям. Когда Ширах узнал о бесчинствах гитлерюнген, утверждает он, то «сразу же собрал всех обергебитс – и гебитсфюреров», осудив «криминальную деятельность и запретив любое участие в ней»⁷⁶. С этой точкой зрения никоим образом нельзя согласиться. Убедительные свидетельства обратного были представлены на Нюрнбергском процессе. Г. Циммер поведал Трибуналу о состоявшемся перед войной в Гейдельберге выступлении Шираха перед членами студенческой лиги (вчерашними школьниками), в котором тот с пафосом напомнил слушателям об активном участии немецкой молодежи в еврейских погромах⁷⁷.

Поскольку, согласно «Закону о Гитлерюгенд», все физическое, духовное и нравственное воспитание немецкой молодежи вне школы и родительского дома было делом ГЮ⁷⁸, школьными занятиями идеологическая обработка подрастающего поколения не ограничивалась. Одним из важнейших и

обязательных элементов воспитания юношей и девушек являлось их пребывание в национал-социалистическом молодежном лагере, без чего, по мнению Шираха, было невозможно сформировать у них черты характера, необходимые новой Германии. Каждый шаг подростка во время пребывания здесь был жестко регламентирован. Важным воспитательным средством служил мифологизированный культ нацистских «героев-мучеников» периода борьбы НСДАП за власть.

Об обстановке, характерной для юношеских лагерей, дает представление описание флаг-парада из адресованного ГЮ наставления «Радость-дисциплина-вера-преданность» (Потсдам, 1937г.): «Расчет прибыл. Дежурный руководитель рапортует начальнику лагеря: «Хайль, Гитлер. Лагерь построен!». «Хайль, Гитлер!». Дежурный руководитель сообщает пароль дня. «Глаза – прямо!». Сегодняшний пароль: Герберт Норкус!». Один из юношей произносит: «Мы не скорбим над холодными могилами, мы маршируем и говорим: он был одним из тех, кто отважился совершить то, что мы все отваживаемся совершать. Его голос молчит. Мы маршируем и говорим: товарищество неизменно. Многие умирают. Многие рождаются. Мир, вмещающий их всех, велик. Тем не менее клятву которую мы дали – долг превыше всего на свете ...». Начальник лагеря говорит о павшем товарище: «24 января 1931 г. наш 15-летний товарищ Герберт Норкус был убит коммунистами в Бойзеле, близ Берлина. Как член «Гитлеровской молодежи», он всего лишь выполнил свой долг, но даже это снискало ему ненависть Коммуны ... Мы знаем, что никогда не будет взаимопонимания между большевизмом и нами!»⁷⁹.

Типичным лагерем БДМ был горный палаточный лагерь близ Бад Тёльца, неподалеку от Кёнигсдорфа. Здесь ежегодно в течение двух недель юные мюнхенки, живя в лагерном сообществе, должны были проникаться духом немецкого «народного сообщества», ощущая себя его составной частью. Помимо палаток, в лагере имелись «площадь народного собрания», где

проходили собрания и праздники, спортивные сооружения, санаторный барак, кухня, почта, прачечные. Распорядок дня в лагере начинался побудкой в 6.00 и оканчивался отходом ко сну в 21.30⁸⁰. Одна фюрерин Союза немецких девушек позднее вспоминала: «Наше лагерное сообщество было уменьшенной моделью того, что я представляла себе под народным сообществом. Оно было во всех отношениях удачной моделью. Никогда ни до этого, ни потом я не встречала такого хорошего сообщества, даже там, где состав был гомогеннее. Среди нас были крестьянские девушки, студентки, работницы, продавщицы, парикмахерши, школьницы, служащие бюро и т.д. Во главе лагеря стояла восточно-прусская дочка крестьянина, которая никогда не покидала границ своей малой родины... Она привела нас к тому, ...что каждый стремился быть готовым помочь и быть надежным. То, что я эту модель народного сообщества тогда пережила с таким интенсивным чувством счастья, дало возможность возникнуть во мне оптимизму, за который я упрямо хваталась до 1945 года»⁸¹.

Как видим, это средство воспитания молодого поколения немцев в духе национал-социализма оказывалось достаточно эффективным. Кроме того, имперским руководством молодежи широко использовались возможности, предоставляемые радиовещанием. Обергевитсфюрер Х. Штеллрехт организовал на радио центральный домашний вечер Гитлерюгенд – так называемый «Час германской нации», который все немецкие радиоканалы регулярно транслировали в 20 часов. В рамках этой передачи затрагивались следующие темы: «Немецкие древние корни», «Карл и Видукинд», «Немецкий ландшафт», «Рыцари продвигаются на Восток», «Социализм», «Крестьянская война и Реформация» и т.п. «Мы просто драматизируем какое-либо событие истории, – пояснял Ширах, – и пытаемся привлечь самую молодежь к сотрудничеству, подвигая ее на героическое, или учим презирать слабое»⁸². Лишь в

начале войны регулярные радиопередачи перестали транслироваться, т.к. они совпадали с основным эфирным временем⁸³.

Тезис о том, что у мужчин и женщин, у каждого свое, строго определенное и отличное друг от друга место в обществе, обосновывавшийся идеологами национал-социализма, предопределил отказ от принципа совместного обучения юношей и девушек и в значительной степени обусловил специфику учебных программ женских школ. Так, преподавание естественнонаучных дисциплин и иностранных языков в последних было сокращено в пользу домоводства, рукоделия и других предметов, цель которых заключалась в подготовке девушек к профессиям, считавшимся чисто женскими, а также к роли матери и домохозяйки⁸⁴. Приоритеты мировоззренческого обучения сомнению не подвергались. В то же время в соответствии с гитлеровскими установками, приводившимися выше, как в мужских, так и в женских школах предпочтение отдавалось физической закалке, что обосновывалось необходимостью повышения жизнеспособности немецкого народа и «арийской» расы.

В еще большей степени это было характерно для Гитлерюгенд. «НСДАП, – писал Ширах в своей главной работе, – требует физического воспитания всех немцев в одном из 25 пунктов своей программы. Движение при этом исходит из убеждения, что каждый ответствен за сохранение в чистоте своей крови, как составной части крови нации. Он обязан так развивать свои физические качества, чтобы они обогатили нацию наследственной массой, передаваемой им»⁸⁵. В подписанных им же директивах по оздоровлению членов ГЮ говорилось: «Если здоровый источник народа отравлен, он должен иссякнуть. История доказывает, что только тем народам, которые в своем виде чисты и в своем жизненном ядре здоровы, обеспечено место под солнцем. Поэтому к самым существенным задачам государства относится осуществление оздоровления народа»⁸⁶.

Значительное место в физической подготовке всех возрастных и половых групп «Гитлеровской молодежи» занимали марш-броски, которые члены Гитлерюгенд должны были совершать практически с первых же дней своего пребывания в организации. При этом соответствующие нормативы были определены самим Ширахом: «Для отдельных возрастных групп действуют следующие допустимые маршевые достижения:

Возрастной класс, лет	Отдельный марш, км	Среднее достижение при многодневном передвижении, км	Багаж, кг
10	8-10	-	-
11	10	-	-
12	15	10-12	-
13	18	12-15	-
14	20	15	-
15	22	18	5
16	25	20	5
17	25	20	7
18	30	25	10

В 10-ти и 11-летнем возрасте должны проводиться только походы в полдня. У девочек нужно принимать во внимание маленьких и слабых. Маршировать не слишком быстро! Темп не должен превышать, в общем, 5 км/час. Если намечаются скоростные марши, то ускоренный темп (до 8 км/час) не должен продолжаться дольше 4 часов... Ограничить по возможности ночные марши...»⁸⁷. В 1935г. было введено ежегодное «Имперское спортивное соревнование». Юноши и девушки-победители проводившихся в его рамках состязаний награждались специальными значками⁸⁸.

К девушкам, как к будущим матерям, теперь вообще предъявлялись повышенные требования. 1 мая 1936 г., обращаясь к активисткам Союза немецких девушек, Гитлер потребовал: «И вы в БДМ воспитаете мне из девушек сильных и мужественных женщин!»⁸⁹. Вторя ему, Ширах подчеркивал: «Наш спорт для нас не самоцель, а средство воспитания всего человека. Строгое, прямое положение тела и внутренняя дисциплина взаимосвязаны. Каждая девушка должна чувствовать, что она несет ответственность за со-

хранение здоровья нашего народа»⁹⁰. Отмечая, что занятия спортом способствуют укреплению характера девушки и что им был учрежден Имперский день спорта БДМ, впервые прошедший 23 сентября 1934 г., рейхсфюрер молодежи подчеркивал, что главная цель таких мероприятий - в том, чтобы «большая масса участников ощущала единую волю, которая во всех местностях рейха к определенному часу станет формой»⁹¹.

Говоря о том, что при воспитании юных немок должна решаться триединая задача совершенствования тела, души и ума, Ширах поставил телесное здоровье на первое место. В соответствии с его директивами одна треть времени, которое девушка проводила в организации, должна была посвящаться мировоззренческому обучению, а две трети – физической подготовке⁹².

Справедливости ради, следует отметить, что не все нацистские лидеры положительно относились к БДМ. Геббельс, например, высказывал опасение, что в результате гитлерюгендского воспитания девушки, к неудовольствию мужчин, превратятся в неэлегантных «увальней», и высмеивал неэстетичность «вспотевших амазонок», имея в виду участие молодых немок в маршбросках⁹³. После 1936г. «милитаризация» и «омужичивание» женской молодежи все чаще подвергались критике на бытовом уровне. В частности, значительная часть населения католических районов страны выражала недовольство по поводу слишком «светского» и «мальчишеского» воспитания девочек⁹⁴. Отчасти, видимо, как следствие этого, 19 января (по другим данным, осенью) 1938 г. при Союзе немецких девушек была создана организация «Вера и красота», куда входили 17-20-летние немки⁹⁵. Эта инициатива исходила от самого Шираха и Ю. Рюдигер, назначенной в ноябре 1937 г. имперской референткой по вопросам БДМ при фюрере молодежи рейха⁹⁶. Однако принципиальных изменений в деятельности женских структур ГЮ с рождением нового подразделения не произошло. Одним из существенных элементов обучения и воспитания молодежи обоих полов в нацистской Германии был их

ярко выраженный военизированный характер, являвшийся, наряду с культом физической закалки, важным звеном подготовки общества к войне. Даже в песенном репертуаре ГЮ, наряду с расовой, преобладала военная тематика. Члены Гитлерюгенд распевали: «Мы – будущие солдаты. Все, что противостоит нам, падет под нашими кулаками. Фюрер, мы принадлежим тебе»⁹⁷.

Подготовка молодежи не ограничивалась укреплением духа и тела. Она включала в себя также обязательное овладение соответствующими практическими навыками, необходимыми в военном деле. С этой целью при ГЮ были созданы специальные подразделения: автомобильное («Мотор-Гитлерюгенд»), военно-морское («Марине-Гитлерюгенд»), связи («Нахрихтен-Гитлерюгенд»), кавалерийское («Райтер-Гитлерюгенд»). Кроме того, гитлерюнген могли проходить подготовку в Союзе немецкого авиаспорта, в созданной под эгидой Национал-социалистического корпуса автомобилистов (НСКК) имперской мотошколе и в основанном в 1937 г. при СА Национал-социалистическом летном корпусе (НСФК). Через них прошли десятки тысяч молодых немцев. В начале войны появилось особое подразделение, обучавшее помощников ПВО ГЮ: с 1942 г. получение здесь соответствующих навыков стало обязательным для всех членов не только ГЮ и БДМ, но и Юнгфолька⁹⁸. Впрочем, известно, что еще в 1934 г. подготовку по программе противоздушной обороны прошли около 600 тыс. гитлерюнген и 36 тыс. членов Союза немецких девушек⁹⁹.

Однако, пожалуй, фаворитом военной подготовки гитлерюнген было обучение их стрелковому делу. В 1935 г. Х. Штелрехт заявил: «Мы хотим в течение года достигнуть уровня, когда оружие покоится так же спокойно в руке немецких мальчишек, как и перо. Это интересное состояние ума для нации, когда в течение лет она ежедневно проводит много часов над каллиграфией и орфографией, но ни одного часа не посвящает стрельбе. Либерализм написал на школьных дверях, что «знание – это сила». Но мы узнали во вре-

мя войны и в послевоенные годы, что могущество нации, в конечном счете, основывается на ее оружии и на тех, кто знает, как его применять»¹⁰⁰. В 1937 г. при ГЮ была открыта стрелковая школа (согласно данным «Ежегодника Гитлерюгенд» за 1939 г., в котором был помещен лозунг, озвученный ранее Штелрехтом: «Обращение с ружьем столь же естественно для каждого, как и обращение с пером», вермахт в 1937 г. передал молодежной организации 10 тыс. ружей небольшого калибра; причем уже в 1936 г. было создано около 10 тыс. специальных стрельбищ для молодежи¹⁰¹; если же к последним прибавить специализированные тиры, то их число в 1937 г. достигло 30700¹⁰²). Уже в 1938 г. 1,5 млн. гитлерюнген прошли обучение ружейной стрельбе. С начала 1939 г. контроль за преподаванием стрелкового дела был передан ОКВ, действовавшему в тесном контакте с имперским руководством молодежи¹⁰³. Эта практика принесла свои плоды позднее. Согласно отчету о достижениях Гитлерюгенд, сделанному в 1943 г. преемником Шираха, Аксманом, из гитлерюнген было подготовлено 30700 метких стрелков¹⁰⁴.

В качестве еще одного средства воспитания и одновременно экономической отдачи национал-социалистическое руководство рассматривало различные повинности, которые должна была отбывать немецкая молодежь. Так, в 1933 г. было начато осуществление программы «Сельской помощи». Она предусматривала трудоустройство в аграрном секторе части безработных юношей и девушек из городов. Крестьяне, предоставлявшие им работу в своих хозяйствах на полугодовой или годовой срок, получали специальные дотации от государства. Вознаграждением за труд самих «сельских помощников» (летом 1933 г. их численность доходила до 150 тыс.), если не считать мизерных, карманных выплат, служили кров и стол¹⁰⁵. В 1934 г. «Сельская помощь» была преобразована в «Сельскую повинность», которая сначала была призвана способствовать смягчению проблемы молодежной безработицы в промышленных районах. Затем, однако, не только в соответствии с эко-

номической целесообразностью, но и в воспитательных целях к ее прохождению стали в обязательном порядке привлекаться выпускники народных школ, а в 1938 г. она была распространена и на девушек¹⁰⁶. Как указывалось в циркуляре руководства ГЮ от 8 января 1940 г., «Сельская повинность является политической задачей национал-социализма. Ее цель – вернуть городских юношей и девушек в деревню, надежно готовить молодое поколение для овладения различными сельскохозяйственными профессиями и лучшим из них открывать возможность переселения (в сельскую местность. – Е.П.)»¹⁰⁷.

Однако при практической реализации «сельской повинности» далеко не все проходило гладко. Нередко между «сельскими помощниками» и крестьянами возникали конфликты, о причинах которых говорится в многочисленных служебных отчетах. Так, глава администрации района Тантов сообщал начальству, что там «повторно имели место случаи отказа крестьян принять на работу указанных им сельских помощников», которым в связи с этим, пришлось пешком добираться до помещения трудовой службы Штеттина. В частности, «сельские помощники», отвергнутые крестьянином Беккером, явились в отделение местной полиции и потребовали денег на поездку в Штеттин¹⁰⁸. Другие самовольно покидали крестьянские хозяйства, в которые были распределены, и отправлялись домой, преодолевая пешком сотни километров, добывая по пути средства пропитания кражами. Как отмечалось в полицейских донесениях, их поведение было вызвано, в частности, недовольством заработной платой, которая зачастую была значительно ниже той, на которую они рассчитывали. Указывались и иные причины конфликтов, например, когда от сапожников и портных, присланных в качестве «сельских помощников», «крестьяне требовали тех же достижений, что и от обученных сельскохозяйственных рабочих»¹⁰⁹.

В одном из таких донесений констатировалось, что свой вклад в конфликты вносили обе стороны, но большая вина лежала на крестьянах, чье

плохое обращение с «сельскими помощниками» также нередко приводило к бегству последних. Например, некий Милц, «маленький тощий мальчик», посланный трудовой службой из Берлина в Розенов (округ Наугард) к крестьянину Маллову, у которого ему пришлось очищать от навоза конюшни и выполнять другую тяжелую работу, «дезертировал», не желая сносить от последнего побои¹¹⁰. Еще один беглец, направленный из Берлина в Циккерн (тот же округ), будучи пойман 26 июня 1935 г., объяснил свой поступок «омерзительной неопрятностью», царившей за столом у крестьянина, к которому его определили, (тот имел обыкновение очищать столовый нож смолой и старым фартуком)¹¹¹. Крестьяне также предъявляли претензии к «сельским помощникам».

О взаимных жалобах сообщалось в донесении штеттинского гестапо в Берлин от 28 октября 1935 г. Если суть претензий работодателей, отмечалось в нем, сводилась к констатации некомпетентности «сельских помощников» в крестьянском труде, то их временные подопечные жаловались на плохое обращение, питание, тяжелые жилищные условия и мизерную оплату. «Если работодатель, – говорилось в документе далее, – умеет направить сельского помощника соответствующим образом и обращается с ним по-человечески, часто устанавливается хорошее сотрудничество». При этом «некоторые помощники после того, как на зиму уезжают к своим родителям, в последующие годы снова возвращаются на свое рабочее место. Но если 14-16-летних, зачастую слабых мальчишек крестьяне используют на всевозможных тяжелых работах, да еще третируют их и дают им плохую еду, то понятно, что те покидают рабочее место и пытаются любым способом добраться домой»¹¹². В том же документе обращалось внимание на то, что крестьяне неоднократно отказывались принимать присланных им «сельских помощников», т.к. к моменту прибытия последних уже обеспечили себя необходимой рабочей силой. «Во многих случаях, – отмечалось в донесении далее, – в сельских по-

мощниках, казалось, видели дешевую рабочую силу, не обращая внимания на то, что их нужно сначала научить» и на то, «чтобы они привыкли к тяжелой сельской работе... Частые жалобы сельских помощников касаются увеличения рабочего времени... Криминалитет среди сельских помощников небольшой»¹¹³.

Тем не менее побеги продолжались. В связи с этим шеф государственной тайной полиции Мюллер в директивном письме от 14 сентября 1936 г., обращенном ко всем службам гестапо, поставил перед ними задачу до 5 октября того же года представить подробные отчеты о положении дел в указанной сфере в текущем году, обратив особое внимание на причины бегства в каждом конкретном случае¹¹⁴.

Нередко молодые люди, всеми правдами и неправдами, старались уклониться от «Сельской повинности». Об этом, в частности, сообщалось в датированном 1938 г. отчете агентуры СДПГ находившемуся в эмиграции руководству партии¹¹⁵. Помимо «Сельской повинности», в нацистской Германии была введена «Сельская служба» молодежи, которая должна была способствовать воспитанию участвовавших в ней юношей и девушек в духе национал-социалистической идеологии «крови и почвы». Она носила добровольный характер. Первые 45 групп «Сельской службы» были образованы в 1934 г.¹¹⁶ «Сельская служба» пользовалась поддержкой СС, что способствовало ее динамичному развитию. К середине 1939 г. добровольцами в ее рамках выступило свыше 25 тыс. молодых людей. Причем должность фюрера группы «Сельской службы» превратилась в штатную, открывая путь к соответствующей карьере (в конце 1938 г., например, таковыми стало около 5500 юношей, которые были включены в Поселенческое общество СС). Выступая в феврале 1939 г. на совещании руководящего состава «Сельской службы», Гиммлер, сообщив присутствовавшим, что сам в прошлом был сельскохозяйственным рабочим и сохранил «глубокую признательность» за этот опыт,

заявил: «Вы должны сначала служить и учиться! Затем придут годы когда вы будете крестьянином и хозяином! Таким образом, мы снова станем народом с большим количеством детей хорошей крови и через вашу силу, вашу силу воли, ваши способности, бегство с земли будет остановлено». На смену этому придет «осознанное движение лучшей молодежи из города в сельскую местность, к новому образу жизни»¹¹⁷.

Характерной чертой «Сельской службы» являлось широкое вовлечение в нее девушек и молодых женщин. Собственно, одна из ее целей как раз и заключалась в том, чтобы сделать сельскохозяйственные профессии привлекательными для девочек-подростков. Доля женщин-добровольцев постоянно росла. В 1936 г. она составляла 14%, в 1937 – 23%, в 1938 – 36%, в 1939 г. – 55%. Подобный рост в значительной степени явился результатом пропагандистской радиокompании, начатой в марте 1938 г. Предпочтение отдавалось тем немкам, которые обнаруживали склонность к сельскохозяйственному и домашнему труду, а также к профессиям сферы социального обеспечения. Причем в тех местностях, где среди добровольцев не ощущалось недостатка членов БДМ, остальные, а также немки старше восемнадцати, от «Сельской службы» освобождались¹¹⁸. Средний возраст добровольцев «Сельской службы» постоянно снижался: в первые годы он составлял 18-20 лет, в 1937 г. 63% участвовавших в ней юношей и 71% девушек были не старше 16 лет, в 1938 г. около 80% всех добровольцев были 16 лет и младше, а во время войны возраст большинства добровольцев составлял 14-15 лет. Общее число участников «Сельской службы» за весь период ее существования вплоть по 1944 г., когда была зарегистрирована цифра в 40 тыс. чел., составило 215633 чел.¹¹⁹. Ежемесячная оплата труда добровольцев «Сельской службы» варьировалась в различных районах Германии от 12 до 45 рейхсмарок. Кроме того, каждому из них биржей выплачивалось 7,5 имперской марки в месяц. В то же время групповые фюреры «Сельской службы» получали ежемесячно до 45

рейхсмарок плюс по 25-50 рейхсмарок – так называемые «фюрерские премии», выплачивавшиеся им помещиками и крестьянами. На них же лежала обязанность по выплате жалованья свите фюрера, максимальная сумма которого доходила до 150 имперских марок в месяц, и по несению организационных расходов. Последние на каждого «сельского помощника» не превышали 15 рейхсмарок в год¹²⁰.

По совместной инициативе имперского фюрера молодежи, руководства «НС-Фрауеншафт» и биржи труда весной 1934 г. для нетрудоустроенных выпускниц школ был введен «Год домашнего хозяйства», в рамках которого им предлагалось добровольно в течение 12 месяцев отработать в «образцовых национал-социалистических семьях» в качестве домработниц или же в крестьянских хозяйствах (из потребностей последних в рабочей силе позднее возник «Год долга»). Работали они бесплатно за питание и проживание. Если поначалу эта мера рассматривалась как средство ослабить женскую конкуренцию на рынке труда и ускорить достижение полной занятости, то в дальнейшем, как предполагалось, она должна была нацелить значительную часть ее участников на возврат к роли домохозяйки либо – на постоянную работу в сельской местности. Однако особой популярностью «Год домашнего хозяйства» не пользовался. В 1936-1937 гг., например, в нем приняло участие всего лишь 23600 человек¹²¹.

Более обязательный характер имел «Год долга», учрежденный 15 февраля 1938 г. для девушек и незамужних женщин моложе 25 лет. В подписанном Герингом в тот же день в рамках осуществления «второго четырехлетнего плана» «Предписании об усиленном включении женских трудовых сил в сельское и домашнее хозяйство» говорилось: «Для того, чтобы сократить нехватку женских рабочих рук в сельском и домашнем хозяйстве (в опубликованной в 1939 г. работе Э. Зедлмейер этот дефицит в первом случае оценивался в 250 тыс. человек, свыше 50% которых составляли женщины, во вто-

ром – в 40-50 тыс. работниц¹²²), я постановляю следующее: 1. Незамужние трудоспособные женщины моложе 25 лет могут приниматься на работу частными и общественными предприятиями и управлениями как работницы или служащие лишь в том случае, если они доказывают, по меньшей мере, годичную деятельность в сельском или домашнем хозяйстве через трудовую книжку... При взятии на работу в сельском и домашнем хозяйстве доказательств не требуется... 3. Это распоряжение вступает в силу 1 марта 1938 года»¹²³.

К осуществлению данной меры готовились заранее. В связи с этим, наряду с многочисленными курсами, организованными «НС – Фрауеншафт», Союз немецких девушек создавал собственные школы по обучению основам домоводства, количество которых в период с 1936 по 1938 г. возросло с 14 до 27¹²⁴.

Однако, пожалуй, наиболее широкой по охвату участников и, в конечном итоге, обременительной была трудовая повинность, вначале носившая добровольный характер и призванная улучшить статистику безработицы среди молодежи, но очень скоро ставшая принудительной. Собственно, еще в 1931 г. усилиями нацистского депутата Рейхстага от Померании К. Хирля, будущего фюрера Имперской трудовой повинности (РАД), была образована Национал-социалистическая добровольная трудовая служба¹²⁵, первый лагерь которой в Хаммерштайне, в Гренцмарке, появился в начале 1932 г. Хирль заявлял: «Трудовая повинность будет гордой привилегией немецкой молодежи и ... службой на благо всего народа»¹²⁶. «Одним из краеугольных камней нашей программы является идея обязательной трудовой повинности», – утверждалось в «Воззвании имперского правительства к немецкому народу», обнародованном 1 февраля 1933 г.¹²⁷. В том же году через трудовую повинность прошли 252400, а в 1934 г. – 221600 молодых людей¹²⁸.

Уже 1 мая 1933 г. Гитлер заявил о том, что к концу года планируется ввести всеобщую обязательную трудовую повинность¹²⁹. Однако на практике переход к ней несколько затянулся. С 20 января 1934 г. шестимесячную трудовую повинность в обязательном порядке должны были отбывать студенты, а с осени того же года, согласно распоряжению рейхсминистра юстиции Гюртнера, кандидат права допускался к своему первому юридическому экзамену лишь после предъявления в качестве доказательства прохождения полугодовой службы «Паспорта трудовой повинности» (был введен еще 15 декабря 1933 г.¹³⁰) с соответствующей отметкой¹³¹. Обязательный же характер был придан трудовой повинности лишь «Законом об Имперской трудовой повинности», промульгированным 26 июня 1935 г. «Все молодые немцы обоих полов, – говорилось в нем, – должны служить своему народу в Имперской трудовой повинности»¹³², хотя в § 9 Закона отмечалось, что объявление о призыве девушек последует дополнительно¹³³. Здесь же указывалось, что местом прохождения этой повинности, задачей которой являлось «воспитание немецкой молодежи в духе национал-социализма с целью достижения народного сообщества и истинных понятий о труде, а также уважения к физической работе», должны быть трудовые лагеря¹³⁴. Как отмечал генеральный трудовой фюрер доктор Деккер в статье, опубликованной в 1936 г., прохождение трудовой повинности позволяет юношам и девушкам, оказавшимся в трудовом лагере, покинуть «каменную нищету городов» и «ощутить, где выращивается хлеб для народа». «Мы сознательно поставили на первое место социалистическое воспитание молодежи, – подчеркивал он. – Мы предприняли попытку снова внедрить отдельного индивидуума в сообщество, чтобы преодолеть индивидуализм». Автор публикации отметил, что, проходя трудовую повинность, городская и сельская молодежь должна лучше узнать друг друга и получить более полное представление об обязанностях, которые они имеют перед своим народом¹³⁵. Далее он писал: «Нам не только нужно

создавать новые крестьянские дворы, мы хотим, по-возможности, снова дать каждому человеку немного земли за городом. И я верю, что каждый, кто прошел через школу дружбы и через школу труда, возьмет с собой в период своей жизни тоску по земле»¹³⁶.

С 1 октября 1935 г. лица, направленные отбывать РАД, должны были приносить присягу, содержащую слова: «Я клянусь хранить нерушимую верность фюреру германского рейха и народа Адольфу Гитлеру, быть безоговорочно послушным ему и назначенным им фюрерам, добросовестно исполнять свои служебные обязанности и быть хорошим товарищем всем членам Имперской трудовой повинности»¹³⁷. Призыв в трудовую повинность осуществлялся дважды в год. Но если сначала в каждом случае ему подлежала половина ежегодного контингента мобилизуемых, то 1 октября 1938 г. Гитлер подписал указ, согласно которому с 1 апреля призывалось 60%, а 1 октября – 40% общего числа отбывавших повинность. Это было сделано в интересах сельского хозяйства, которое испытывало нехватку рабочих рук. Еще одним новшеством стало то, что с лета 1937 г. для юношей-рабочих, чье присутствие на предприятиях считалось необходимым в производственных целях, срок прохождения трудовой повинности мог быть сокращен до трех месяцев. Кроме того, если работодатель настаивал на незаменимости работника, тому, согласно «Закону об Имперской трудовой повинности» могла быть предоставлена пятилетняя отсрочка от призыва¹³⁸.

Организация трудовой повинности производила впечатление и на некоторых иностранцев, побывавших в то время в Третьем рейхе. Один из них – профессор Сиднейского университета С. Х. Робертс – посетил в период между 1935 и 1937 гг. Германию, где провел более года, и написал книгу «Дом, который построил Гитлер», опубликованную в 1938 г. «Трудовая повинность, – писал он, – представляется мне одним из наиболее приятных среди нацистских экспериментов, по крайней мере, в германских условиях...

В настоящее время 200000 мужчин проходит службу в таких лагерях в течение шести месяцев. ... Лагеря организованы всецело на военной основе. Дисциплина суровая; мальчики носят униформу, как солдаты; единственное различие – в том, что они носят лопаты вместо ружей и работают на полях». Обратив особое внимание на ярко выраженный военизированный характер трудовой повинности, Робертс отметил, что «в случае чрезвычайных обстоятельств, она позволяет немедленно выставить в поле 200 тыс. обученных и хорошо организованных пехотинцев»¹³⁹.

Трудовая повинность для девушек вводилась поэтапно и первое время не носила тотального характера. 1 января 1934 г. Хирль издал распоряжение о создании «Немецкой женской трудовой повинности» (ДФАД), которую возглавила Г. Шольтц – Клинк, женский лидер рейха¹⁴⁰. В ДФАД принимались девушки 17-25 лет, безупречного расового происхождения, лишившиеся работы или не сумевшие трудоустроиться на протяжении двух лет после окончания школы. Девушкам, занятым на производстве, такое право предоставлялось лишь в том случае, если руководство предприятия гарантировало, что их отсутствие на рабочем месте не отразится на производственном процессе. Лагеря трудовой повинности для девушек подразделялись на три типа: лагеря домашнего хозяйства и вспомогательной социальной работы, где юные горожанки (их было обычно около 50) должны были постигать искусство домоводства, работая в благотворительных организациях; сельские трудовые лагеря, вмещавшие до 30 человек, предназначавшиеся для их подготовки к сельскохозяйственному труду (с этой целью девушки должны были работать в образцовых крестьянских хозяйствах и на лагерных земельных участках); лагеря помощи поселениям, где инструкторы обучали девушек, (как правило, в них находилось 10-20 человек одновременно) различным видам помощи, в которой нуждались вновь образованные крестьянские дворы¹⁴¹.

1 апреля 1936 г. «Немецкая женская трудовая повинность» была заменена «Трудовой повинностью для женской молодежи», которая с ноября 1937 г. стала именоваться «Имперской трудовой повинностью для женской молодежи». Руководство ею было возложено на Хирля. Была создана сеть специальных учебных заведений, предназначенных для обучения руководительниц РАД женской молодежи различного ранга¹⁴². В указе фюрера Имперской женской трудовой повинности от 26 сентября 1936 г. говорилось: «1. Временная трудовая повинность для женской молодежи, основывающаяся пока на добровольном вступлении, должна планомерно развиваться дальше для подготовки к обязательной трудовой повинности. 2. Количество участников трудовой повинности для женской молодежи должно увеличиться с апреля 1937 по март 1938 гг. до 25 тыс. работниц, включая штатный персонал»¹⁴³. Согласно указу 1937 г., это число предстояло увеличить до 30 тыс.¹⁴⁴. Консультант по прессе и пропаганде в имперском руководстве службы Имперской трудовой повинности Г. Цюприс в связи с этим писала в 1938 году: «Имперская трудовая повинность является ... – проявлением национал-социалистической ностальгии по истинному сообществу всего народа, ... олицетворением национал-социалистической воли к созидательному труду и живым воплощением национал-социалистических добродетелей: послушания и внутренней дисциплины»¹⁴⁵.

Во многих номерах издававшегося БДМ ежемесячного журнала «Немецкая девушка», тираж которого достиг в июне 1936 г. 215 тыс. экземпляров¹⁴⁶, затрагивалась тема труда на благо Германии. Речь шла о национал-социалистическом трудовом образе жизни, который предстояло сформировать через воспитание у членов БДМ тяги к труду. В результате такой образ жизни должен был стать для них одновременно «моральным долгом» и радостью, а заработки – отойти в их сознании на задний план. В новой трудовой морали на первый план выдвигались интересы «народного сообщества». При

этом предполагалось, что большинство девушек в дальнейшем выйдут замуж и оставят профессию ради семейных забот и ведения домашнего хозяйства¹⁴⁷. «Профессиональная деятельность девушек является одновременно воспитательной, так как, если прожить период с окончания школы до основания семьи в профессии», это способствует формированию «качеств их ума и характера», – отмечалось в декабрьском номере указанного журнала за 1936 г.¹⁴⁸

Сразу же после начала войны, 4 сентября 1939 г., Советом министров по обороне рейха было издано «Предписание о проведении имперской трудовой повинности для женской молодежи». В нем говорилось о необходимости увеличить число девушек, задействованных в Имперской трудовой повинности, до ста тысяч (§ 1). С этой целью имперскому трудовому фюреру предоставлялись полномочия привлекать к выполнению Имперской трудовой повинности всех незамужних девушек в возрасте от 17 до 25 лет, которые не проходят школьное или профессиональное обучение и не используются в качестве семейных и сельскохозяйственных помощниц (§ 2)¹⁴⁹.

С появлением этого документа трудовая повинность для указанных категорий женской молодежи приобрела обязательный характер, что было непосредственно связано с начавшейся Второй мировой войной.

В целом, несмотря на соперничество, не шедшее, впрочем, дальше борьбы за полномочия, и Гитлерюгенд, и школа успешно работали над решением одной и той же задачи – созданием догматизированной системы начального и среднего образования, основанной на крайней идеологизации воспитательного процесса. Их совместные усилия не пропали даром. Подавляющее большинство молодежи, становление и мужание которой пришлось на годы Третьего рейха, принимало активное участие во всех акциях режима, начиная со сбора макулатуры и металлолома и кончая преследованием «неарийцев» и инакомыслящих.

В то же время имперское руководство молодежи, чтобы подкрепить свое монопольное положение в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения, в качестве задачи общенационального масштаба провозглашало подготовку руководящих кадров Гитлерюгенд, основанную на фюрер – принципе, характерном для нацистского режима в целом.

С 1934 г. по инициативе Шираха каждому году присваивался пароль, обозначающий приоритетную в течение этого срока сферу деятельности «Гитлеровской молодежи». Для предвоенного периода список выглядел следующим образом: 1935 год – «Год закалки», 1936-й – «Год немецкого молодого народа», 1937-й – «Год преображения родины», 1938-й – «Год понимания», 1939-й – «Год здоровья»¹⁵⁰. 1934 год получил наименование «Года обучения» в связи с запланированной массовой подготовкой фюреров ГЮ, корпус которых включал в себя баннфюреров (собственно «Гитлерюгенд»), юнгбаннфюреров (юнгфольк) и унтергауфюрерин (БДМ)¹⁵¹.

С этой целью намечалось создание широкой сети специализированных элитных учебных заведений. Первая из имперских школ фюреров молодежи была открыта в 1933 г. в Потсдаме. В начале 1934 г. в стране имелось уже ядро из 22-х таких школ. Обучение в них состояло из трехнедельных курсов, включавших физическую закалку, упражнения в стрельбе, преподавание расоведения и немецкой истории, обучение навыкам руководства¹⁵² – 143 час. в неделю, которые распределялись следующим образом: на мировоззренческое обучение, в том числе организацию домашнего вечера, выделялось 38 час., на физические упражнения – 27 час., на ориентирование на местности – 31 час, на прочее (оказание первой помощи, стрельба из мелкокалиберной винтовки, часы письма, пение, обмен мнениями и т.д.) – 27 час.¹⁵³.

Предпочтение, отдававшееся мировоззренческому обучению, не случайно. Ширах в одном из своих публичных выступлений подчеркнул: «Лучшим гитлерюнгген является, независимо от ранга и служебного места, тот, кто

полностью открыт национал-социалистическому мировоззрению»¹⁵⁴. 6 октября 1937 г. в «Фелькишер Беобахтер» была опубликована статья шефа службы по мировоззренческому обучению имперского руководства молодежи Ф. Бреннэкке, посвященная организации обучения фюреров «Гитлерюгенд». В ней, в частности, говорилось, что целью этой службы «является подготовка по возможности большего числа фюреров и фюрериннен, которые помогают вести мировоззренческую обучающую работу и находятся в ее распоряжении как руководители обучения», и при этом указывалось, что деятельность организации обучения фюреров приходится на период с октября по май включительно¹⁵⁵.

По данным Шираха, к августу 1934 г. в школах фюреров молодежи было проведено 287 трехнедельных курсов, выпускниками которых стали 15619¹⁵⁶, а если считать фюреров юнгфолька, – свыше 37 тыс. человек. Еще 15 тыс. закончили специальные курсы спортивных инструкторов¹⁵⁷. Отметив, что к концу 1933 г. каждая область располагала собственной школой фюреров, а в первой половине 1934 г. число таких школ возросло до 30, Ширах подчеркивал, что и этого количества недостаточно, в связи с чем в течение последующих двух лет предстояло создать дополнительно от 30 до 40 учебных заведений такого рода¹⁵⁸. Отдельные школы были рассчитаны на обучение фюрериннен. Уже в первом полугодии 1934 г. в стране насчитывалось 27 подобных учебных заведений¹⁵⁹. Здесь будущим фюрериннен раздавались специальные учебные тетради, содержавшие рассказы о жизни фюрера, выдержки из работ по расоведению, истории о немецком крестьянстве, статьи, посвященные вопросам границ, инструкции по организации праздников, приводился список книг, которые следовало прочесть¹⁶⁰.

В 1939 г. из общего числа в 765 тыс. фюреров ГЮ 8017 были штатными функционерами, т. е. с учетом тогдашнего численного состава организации, на каждые 1450 молодых людей приходился один полностью оплачи-

ваемый функционер. Подготовка учебных кадров включала в себя несколько стадий: успешное прохождение трудовой и воинской повинностей; четырехмесячный стаж работы в качестве сотрудника в областном руководстве молодежи; восьмимесячный учебный курс в школе рейхсфюрера СС в Потсдаме; годовичную подготовку в академии молодежного руководства в Брауншвейге (условиями принятия в нее были: чистота происхождения; безупречное состояние физического, душевного и наследственного здоровья; безупречное поведение в духе национал-социализма; законченное профессиональное образование или абитура. С призывом в академию претендент давал обязательство в течение 12 лет отслужить в Гитлерюгенд); трехнедельное производственное обучение внутри страны и шестимесячное за рубежом. Все венчал выпускной экзамен¹⁶¹.

Небезынтересен и социальный состав руководства «Гитлеровской молодежи». Если до прихода нацистов к власти в корпусе фюреров ГЮ было менее 10% лиц, имевших университетский диплом или полное среднее образование, то в 1939 г. их доля составляла уже 24%. Всего среди фюреров Гитлерюгенд насчитывалось: 16,4% школьников, 5,9% студентов, 25% торговцев и ремесленников, 5,4% учителей, 8,7% лиц технических профессий, 20,9% рабочих, 3,4% представителей сельскохозяйственных и 11,3% – других профессий и 2,5% – не имевших профессии¹⁶². Кроме того, элитное обучение будущих лидеров «Гитлеровской молодежи» различных рангов, которым в перспективе предстояло стать и функционерами НСДАП, должны были осуществлять учебные заведения нескольких типов: Национал-политические воспитательные учреждения («Напола», или НПЕА), «Школы Адольфа Гитлера», орденские замки (орденсбурги) и высшие партийные школы¹⁶³, курируемые различными ведомствами.

Создание по инициативе Руста¹⁶⁴ первых трех «Напола» в 1933 г. было приурочено к 44-й годовщине со дня рождения Гитлера. В дальнейшем их

число продолжало увеличиваться: в 1934 г. было образовано 5, в 1935–7, в 1941 – 9, в 1942-1944 гг. – 18 Национал-политических воспитательных учреждений, в большинстве своем на базе бывших кадетских корпусов. В двух «Напола» обучались девушки. В различных школах этого типа существовала своя специализация: в одних основной акцент делался на преподавании классических гуманитарных дисциплин (например, в Шульпфорте особое внимание уделялось освоению древних языков), в других – на изучении современных иностранных языков (Барнберг), математики и естественных наук (Ораниенштайм). Подобные школы появлялись даже за границей: две в Голландии (в Фалькенберге близ Маастрихта и в Хайтуийсен) и одна в Бельгии (в Кватрехте, неподалеку от Гента).

Официально провозглашенная цель «Напола» заключалась в подготовке «политических солдат»¹⁶⁵. Сюда набирались мальчики и юноши в возрасте 10-18 лет, отличавшиеся физическим и душевным здоровьем, полностью отвечающие нацистским расовым стандартам, прошедшие жесткий отбор в ходе недельных вступительных экзаменов, проводившихся ежегодно в период между октябрём и декабрём. Распорядок последних был таким: в первой половине дня кандидаты на поступление писали сочинение, а также должны были продемонстрировать свои познания в грамматике немецкого языка, истории, географии, природоведении, счете. Послеполуденное время отводилось под спортивные состязания: гимнастические упражнения, бег с препятствиями, ориентирование по карте на местности, плавание. Для тех, кто не умел плавать, проводилась «проба на мужество»: под надзором дежурных спасателей их выталкивали на самое глубокое место плавательного бассейна, заставляя держаться на поверхности воды.

Обычно из 400 человек, подававших заявления, к экзаменам допускалась лишь пятая часть, из которых «счастливый билет» вытаскивали приблизительно чуть более 30% поступавших. Однако даже сдавший вступительные

экзамены мог почувствовать себя учеником «Напола» только по истечении полугодичного испытательного срока. Решение о приеме принималось директором школы. При этом мнение родителей не учитывалось. Известен такой случай, относящийся к периоду Второй мировой войны. Вдова, чей старший сын сражался на Восточном фронте, пытавшаяся не допустить приема своего младшего отпрыска в «Напола», получила от руководителя заведения ответ: «Моя дорогая фрау ...Ваш сын – не Ваша личная собственность и не находится в Вашем свободном распоряжении. Он взят у Вас напрокат, но он принадлежит немецкому народу. Если Вы имеете что-то против того, чтобы его имя было внесено в список учеников элитной школы, то это приравнивается к оскорблению фюрера и рейха»¹⁶⁶.

Поскольку эти школы должны были носить бесклассовый характер (на социальное происхождение школьников внимание не обращалось), ежемесячная плата за обучение в них, в зависимости от дохода родителей, составляла от 20 до 150 рейхсмарок, а если кто-то не мог оплатить обучение, администрация школ смотрела на это сквозь пальцы. Повышенное внимание уделялось преподавательскому составу. Фюрер лично утверждал кандидатуры учителей. Причем, по предложению инспектора «Напола» А. Хайсмейера работавшим здесь педагогам присваивалось почетное эсэсовское звание¹⁶⁷.

До 1936 г. общее руководство «Напола» осуществлялось ведомством Руста. Затем они были переданы в ведение СС¹⁶⁸, хотя и Рейхсминистерство науки, образования и культуры сохранило определенный контроль над ними. Руст в указе от 1937 г., отметив особую воспитательную роль «Напола», предписал: «Народные школы должны определять кандидатуры тех юношей третьего и четвертого годов обучения, которые являются подходящими для национал-социалистического воспитательного учреждения, до 1 ноября каждого года, и представить их список в окружной школьный совет...»¹⁶⁹.

Учебный процесс в «Напола» начинался в 8 часов утра. Сначала проводились два школьных урока, а затем следовали трехчасовые занятия спортом. В программу последних входили гимнастика, спортивные игры, фехтование, бокс, верховая езда, ориентирование на местности, гребля, парусный, планерный, мотоспорт, хождение на лыжах. Еженедельный учебный план для старших классов включал следующее количество уроков: по 4 немецкого языка и латыни, 5 английского языка, 3 – математики, 2 – истории искусств, 1 посвящался религии и музыке и четыре спорту. Кроме того, офицерами главной службы СС в них проводились специальные уроки, отличавшиеся антицерковной направленностью, цель которых заключалась в том, чтобы побудить учащихся порвать с церковью. Однако и этим обязанности обучавшихся в НПЕА не ограничивались: учащиеся младших классов должны были работать в крестьянских хозяйствах, их старшие товарищи – на сталелитейных предприятиях и горных заводах. Учеников трижды в году отпускали на каникулы – на Рождество, Пасху и летом. По окончании «Напола» выпускников ожидали девятимесячная трудовая повинность и служба в вермахте, после чего перед ними открывались широкие возможности продвижения по служебной лестнице. Многие поступали в университеты, где в течение всего периода обучения ощущали поддержку партии¹⁷⁰.

После начала войны старшеклассники «Напола» отправлялись в немецкие восточные области, а оттуда нередко на экскурсии в оккупированные восточные территории. По возвращении каждый школьник, как раньше при поездках за рубеж, должен был представить подробный отчет. Одно такое сочинение, датированное августом 1941 г., описывает деятельность урожайной команды НПЕА в аннексированном Вартегау. Автор жаловался на слишком большую зависимость немецких «поселенцев» от польских работников, позволявшую полякам требовать повышения заработной платы. Посещение

еврейского гетто в Лодзи, также входившее в программу, вызывало у школьников восторг¹⁷¹.

В связи с тем, что финансирование НПЕА ложилось тяжелым бременем на министерство Руста, Гиммлер заявил, что СС готовы взять на себя расходы по закупке униформы¹⁷². Это обозначило дальнейшее расширение влияния СС на учебный процесс в «Напола». В ряде их была введена форменная одежда, напоминавшая униформу ваффен – СС. С 1942 г. многие опытные учителя были призваны в вермахт и заменены уполномоченными СС. В декабре 1944 г. Гитлер назначил Гиммлера куратором всех школ, в лице выпускников которых вермахт и ваффен – СС в будущем должны были получить офицерское пополнение¹⁷³.

Указом фюрера от 1 февраля 1937 г. были созданы «Школы Адольфа Гитлера», переданные в ведение Шираха, учредившего в имперском руководстве молодежи специальную службу по контролю за ними, и Лея. Официально обучение в них было бесплатным. Содержались же они за счет партийных средств и денежных пожертвований, которые должны были делать состоятельные родители обучавшихся в них детей. Возраст детей составлял от 12 до 18 лет. Предварительный отбор в «Школы Адольфа Гитлера», производившийся во всех гау в начале каждого года партийными чиновниками и представителями ГЮ, заключался в медицинском осмотре (его проводил врач Гитлерюгенд) и экзаменах в «молодежном лагере», длившихся две недели. Особый статус этих школ заключался в том, что все правонарушения, совершавшиеся в них, подлежали исключительной юрисдикции партийных судов. Компетенция же Рейхсминистерства юстиции на них не распространялась. В «лагерях молодежи» допущенные к отбору подразделялись на группы по 5-8 мальчиков и юношей в каждой. В «Школах Адольфа Гитлера», как и в НПЕА, преобладали представители средних слоев. Но здесь еще больше внимания уделялось физической закалке. Для «Школ Адольфа Гит-

лера» выпускались специальные учебники, в которых львиная доля материала была посвящена превосходству «арийской расы». В то же время естественные науки, математика, иностранные языки, за исключением английского и латыни, преподавались поверхностно¹⁷⁴. После начала войны для прохождения практики, которая приходилась на каникулярное время, ученики «Школ Адольфа Гитлера» направлялись в руководящие партийные органы Вартегау, а также Эльзас-Лотарингии. Там, как и питомцы «Напола», они должны были накапливать опыт для уготованной им в будущем роли «колонизаторов»¹⁷⁵.

Орденсбургги, поначалу именовавшиеся «образовательными замками», создавались под эгидой ДАФ и на его средства. Их задача, сформулированная Леем в апреле 1936 г., заключалась в трехгодичном обучении (Бурлей и Випперман настаивают на пятилетнем сроке последнего) молодых членов партии, стремившихся к партийной карьере (при этом от них требовалось порвать с церковью). За Фалькенбургом («Соколиная крепость»), возведенным в померанском Крессинзее в 1934 г., последовали Фогельзанг («Пение птиц») в Айфеле и Зонтхофен в Аллгеу, строительство которых было начато в 1935 г. Поначалу предполагалось, что в каждом из них будут одновременно находиться 1000 воспитанников и 500 представителей обслуживающего персонала. Позднее эти нормы были повышены. Кроме того, по первоначальному замыслу питомцы орденсбурггов, официально именовавшиеся «юнкерами», должны были ежегодно менять место дислокации, перемещаясь из одного замка в другой. Однако на практике юнкеры первого набора, произведенного в Фогельзанге в мае 1936 г., были выпущены по истечении десятимесячных курсов, образовав костяк преподавательского состава орденсбурггов и «Школ Адольфа Гитлера»¹⁷⁶. С началом войны продолжительность обучения в орденсбурггах была сокращена до 3-4 месяцев. Изменился и контингент слушателей. Теперь это были в основном члены НСДАП, получившие ранения или

контуженные на фронте и рассматривавшиеся Леем в качестве резерва пополнения корпуса партийных функционеров (правда, в январе 1941 г. шеф партийной канцелярии Борман запретил главе Германского трудового фронта любые попытки вмешательства в официальную политику воспитания). Кроме того, были организованы специальные курсы для чиновников, входивших в административные органы оккупированных восточных областей.

В целом, обитатели орденсбургов вели отнюдь не пуританский образ жизни. Они могли совершать поездки не только в близлежащие города, но даже за границу. Женатым же юнкерам разрешалось проводить довольно много времени с женами (в каждом замке имелись специально предназначенные для этого помещения)¹⁷⁷.

Яркое представление об обстановке, царившей в орденских замках, дает статья корреспондента «Манчестер Гардиан», посетившего Фогельзанг и опубликовавшего свой отчет об этом 17 ноября 1937 г. На заданный провожатому вопрос «Чему здесь учатся?» журналист получил ответ: «расоведению». «Я вернулся в библиотеку, – рассказывал автор публикации. – На столе лежал открытый атлас. Я обнаружил, что немецкие колонии все еще остаются немецкими и что Эльзас – Лотарингия не являются французскими! Примечание на полях указывало на то, что эти области были у Германии украдены». Далее он поделился с читателями впечатлением, которое произвел на него читальный зал, рассчитанный на тысячу человек: рядом со сценой находится занавес, за которым в обрамлении знамен со свастикой, в лучах специальной подсветки располагается «святыня» – статуя представляющего собой тип «истинного арийца» мужчины, правая рука которого поднята в нацистском приветствии, а левая сжата в кулак. На возвышавшейся за скульптурным изображением стеле из белого камня были высечены имена жертв мюнхенского путча. «Я покинул Фогельзанг, глубоко растерянный и удивленный пустотой того, что там преподается, но полный тревоги за будущее,

которое находится в руках этих фанатиков», – такими словами английский репортер подвел итог своим впечатлениям от этой «экскурсии»¹⁷⁸.

В целом, по замыслам лидеров национал-социализма, в кратчайшие сроки добившихся установления в Германии однопартийной системы и стремившихся к полной унификации общественной жизни, Гитлерюгенд постепенно должна была превратиться в единственную молодежную организацию рейха. Иные объединения молодежи с самого начала попали под мощный пресс. Большинство их вынуждено было сойти с исторической сцены. Уже к концу 1933 г., не считая молодежных организаций, примыкавших к политическим партиям, запрещенным в первые месяцы национал-социалистического режима, и прекративших свое существование вместе с ними, о самороспуске заявили 20 молодежных союзов, членам которых была предоставлена возможность вступления в ГЮ¹⁷⁹. Тогда же 800 тысяч членов протестантских молодежных организаций по инициативе Имперского епископа Людвиг Мюллера были инкорпорированы в Гитлерюгенд. В 1934 г. запрету подверглись организации бойскаутов, а Лига артаманов добровольно вошла в состав «Гитлеровской молодежи»¹⁸⁰.

До 1936 г. в Германии еще продолжали существовать буржуазные спортивные союзы, а католические молодежные организации благодаря конкордату, заключенному между Германией и Ватиканом 20 июля 1933 г., продержались до 1938 г.¹⁸¹. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с утверждением В. Лакера о том, что «Закон о Гитлерюгенд» положил конец существованию на полулегальном положении конфессиональных молодежных групп¹⁸². Конкуренция со стороны последних постоянно ощущалась руководством ГЮ, особенно в католических районах Германии, у населения которых антикатолицизм, характерный для пропагандистских мероприятий «Гитлеровской молодежи», конечно же не мог найти понимания. Несмотря на заявления руководства БДМ, который здесь зачастую именовали «Союзом не-

мецких проституток», о том, что девушек не будут отрывать от их семей, перегружать физически и допускать их контакты с юношами из Гитлерюгенд, родители прибегали к различным уловкам, чтобы избавить своих дочерей от членства в этой организации¹⁸³. О том, какого накала нередко достигало это соперничество, говорят следующие данные. В 1935 г. о прекращении своего членства в католических молодежных организациях Эссена заявило 182 человека (141 из них перешли в ГЮ). За то же время они приняли в свои ряды 1045 новых членов (из последних 51 чел. ранее состоял в «Гитлеровской молодежи»). Ахенское гестапо сообщало об усилении опасности для Гитлерюгенд, исходившей от католической молодежи, в связи с созданием в ее среде отборной группы, так называемой «молодежной стаи», для борьбы с членами ГЮ¹⁸⁴.

В связи с указанным обстоятельством подобные организации регулярно подвергались различным ограничениям. Причем нередко с инициативами, носившими дискриминационный характер, выступали местные власти. В 1935 г. вступило в силу распоряжение гестапо, запретившее членам таких организаций носить униформу и знаки отличия, маршировать, располагаться лагерем большими группами, вывешивать «знамена, флаги и вымпелы...»¹⁸⁵. В июне того же года в Пруссии был наложен запрет на существование всех церковных молодежных организаций, чья деятельность выходила за рамки религиозной. В июле 1937 г. та же участь постигла подавляющее большинство баварских католических организаций.

Декрет имперского руководства молодежи от 18 июня 1937 г. запрещал одновременное членство в Гитлерюгенд и в католических молодежных союзах. Однако указанными мерами наступление на католических конкурентов не ограничивалось. В тюремном заключении оказались известные деятели католического молодежного движения Л. Волкер и Й. Руссо. В 1935-1937 гг. прошел ряд показательных процессов над священнослужителями и монахинями по обвинению их в валютных махинациях и сексуальной распущенно-

сти¹⁸⁶, что по мнению властей должно было подорвать авторитет церкви в глазах молодого поколения.

За теми молодыми людьми, которые пришли в Гитлерюгенд из других организаций, был установлен особый контроль. В ноябре 1936 г. гестапо арестовало четверых гитлерюнген, ранее состоявших в ненацистских союзах, распущенных в июне 1933 г. Им инкриминировалось то, что они, отправляясь в совместные походы, «читали друг другу роман Клубунда о Петре Великом, распевали... песни об адмирале Колчаке и атамане Платове». Это квалифицировалось как «деятельность, враждебная Третьему рейху». Рядовым членам группы было вынесено предупреждение, а ее руководителя К.Хайзе приговорили к месячному тюремному заключению¹⁸⁷.

Поначалу с формальной точки зрения членство в «Гитлеровской молодежи» не являлось обязательным для молодых людей. Ширах писал: «Только тот, кто добровольно вступает в организацию Гитлерюгенд и тем самым добровольно отдает свою молодую жизнь национал-социалистическому мировоззрению, делает движение сильным»¹⁸⁸. В «Законе о Гитлерюгенд» лишь провозглашалось объединение всей немецкой молодежи рейха в этой организации (§ 1)¹⁸⁹. Однако на практике отказ присоединиться к ГЮ становился в глазах власти признаком неблагонадежности, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Вторым предписанием об осуществлении Закона о Гитлерюгенд», или предписанием о молодежной службе от 25 марта 1939 г., членству в ГЮ был придан принудительный характер¹⁹⁰. Вслед за этим последовал окончательный запрет иных молодежных организаций. 20 июня 1939 г. рейхсфюрером СС и шефом германской полиции Гиммлером было издано предписание, в котором говорилось: «На основании § 1 предписания рейхс-президента об охране народа и государства от 28.2.1933... в связи с Законом об объединении Австрии с Германским рейхом от 13.3.1938 ... и указом фюрера и рейхсканцлера об управлении судетско-немецкими областями от

1.10.1938 ...вместо запрета, указанного в этом деле до сих пор, я предписал следующее: 1) Продолжение (существования. – Е.П.) и новообразование объединений бундише (далее приводится довольно длинный перечень последних. – Е.П.) ... запрещено»¹⁹¹. Более того, родители удерживавшие своих детей от вступления в Гитлерюгенд, подлежали тюремному заключению, а сами дети в этих случаях должны были направляться в приюты для сирот¹⁹².

Все это привело к стремительному росту рядов Гитлерюгенд в довоенные годы и к почти тотальному охвату ею немецкой молодежи (так называемая «молодежная повинность»). К концу 1933 г. 812038 из 7,5 млн. немцев в возрасте от 14 до 18 лет состояли в ГЮ или БДМ (по другим данным, к этому времени организация включала 47% мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет, 38% юношей в возрасте от 14 до 18 лет, 15% – 10-14-летних девочек и 8% девушек в возрасте от 15 лет до 21 года¹⁹³), к концу 1934 г. общая их численность возросла до 1,25 млн. чел.¹⁹⁴, в 1936 г. – до 4 млн.¹⁹⁵, или 60% всей имперской молодежи¹⁹⁶ (в некоторых публикациях приводятся иные цифры: в 1933 г. – 2,3 млн., в 1934 г. – около 3,6 млн., в 1936 г. – 5,4 млн.¹⁹⁷, или около 6 млн. чел.¹⁹⁸, что отражает запутанность официальной нацистской статистики и сложность ее обработки). В конце 1938 г., по данным руководства Гитлерюгенд, в организации с учетом влившихся в нее австрийских гитлерюнген и «молодежных гимнастов» судетских немцев состояло 8699910 чел.¹⁹⁹, около половины которых составляли девушки²⁰⁰.

Однако, несмотря на вышеперечисленные драконовские меры, позволившие национал-социалистическому руководству осуществить интеграцию подавляющей части имперской молодежи, мобилизовав ее на выполнение как внутри, – так и внешнеполитических задач, определенных режимом, добиться стопроцентного включения подрастающего поколения в ГЮ все же не удалось. Перед началом Второй мировой войны из 8,87 млн. 10-18-летних жителей Германии членами Гитлерюгенд были 8,7 млн., т.е. 91,3%²⁰¹. По

другим данным, не менее 5% подростков продолжало состоять в различных молодежных группах²⁰².

Характерно, что подобная ситуация сохранилась и в военный период. Имперскому молодежному руководству по-прежнему досаждали католики. Чтобы ослабить их влияние на молодое поколение, Р. Гесс отдал 5 февраля 1940 г. приказ усовершенствовать церемонию вступления новых членов в Гитлерюгенд, придав ей более праздничный характер, что, по его мнению, должно было позволить нацистской молодежной организации конкурировать с католическими конфирмационными обрядами, привлекая в свои ряды тех, кто сохранял приверженность католицизму. Однако, по сообщениям СД, результат этой «миссионерской» инициативы оказался диаметрально противоположным: ряды участников конфирмационных торжеств пополнились²⁰³. В 1941 г. вступила в действие инструкция, согласно которой по воскресеньям должны были проводиться собрания – переключки членов ГЮ. Это вызвало не только протесты со стороны крестьян и других работодателей, доказывавших, что их молодые работники нуждались в воскресном отдыхе, но и пассивную, а иногда и открытую оппозицию со стороны католического населения. Согласно отчету из Аугсбурга, приблизительно 80% молодых людей пропустило предписанную им воскресную службу «Гитлеровской молодежи», поскольку они в это время находились в церкви. В Биберахе родители заявили чиновникам, что «детей следует учить, чтобы они стали благопристойными людьми. Если кто-либо препятствует посещению детьми церкви, это ни к чему хорошему не может привести...». Что же касается католического духовенства, то оно ответило на подобную дискриминацию созданием элитных подразделений, известных как боевые группы или кампфшарен (боевые отряды), чья задача заключалась в том, чтобы завоевать лидирующие позиции в Гитлерюгенд и в школах. Как значилось в отчете из Мюнхена, этих молодых людей специально обучали отвечать на антиклерикальные вы-

сказывания на собраниях ГЮ и «возражать на них заранее заготовленными аргументами»²⁰⁴. В отчете службы безопасности от 28 сентября 1942 г. признавалось, что конкуренция Гитлерюгенд с католической церковью за влияние на молодежь зачастую складывалась не в пользу первой. Это объяснялось «большой нехваткой лидеров Гитлерюгенд, способных распространять идеи национал-социализма в приемлемой ... манере», обозначившейся с приходом войны, не позволявшей им всецело отдавать себя выполнению данной задачи. В то же время, отмечали агенты СД, церковь усиливала свое влияние, идя навстречу потребностям молодежи. «Священники не только обсуждают с подростками религиозно-идеологические вопросы, – говорилось в донесении, – но и проявляют интерес к таким вещам, как физическая подготовка, дают им первоначальные советы и даже заходят столь далеко, что предоставляют молодым людям финансовые субсидии», а затем побуждают их вступить в Гитлерюгенд, сохраняя при этом верность католическому учению и пропагандируя его. В других отчетах руководству ГЮ давались рекомендации перенимать у священнослужителей их методы работы с молодежью и почаще организовывать «музыкальные вечера, часы хобби, часы рассказов, театральные постановки» с целью усилить привлекательность организации для молодых людей²⁰⁵.

Создавались и новые светские подростковые группы, не только сохранявшие иммунитет к влиянию со стороны Гитлерюгенд, но и пытавшиеся бороться с нею. В марте 1942 г. в Кельне была образована молодежная группа, носившая название «Навахо». 600 ее членов подверглись аресту, 100 юношей и 14 девочек были идентифицированы как главари и в качестве наказания посланы в исправительные учреждения. В конце 1942 г. члены этой группы испещрили стены города надписями, содержащими религиозный символ РХ²⁰⁶. В других крупных городских центрах действовали «Гарлемские клубы», «ОК группы», «Группы Чарли», «Кустарниковые волки», «Бродяги»,

«Свингеры», «Медвежьих группы», «Клуб Золотой Орды», «Змеиный клуб», «Киттельсбахские пираты» (последние во время авианалетов писали на разрушенных стенах лозунги: «В бездну с Гитлером!», «В пропасть с нацистским зверем!» и т.п.). Наиболее известным и влиятельным среди подобных молодежных образований стало движение «Эдельвейс-пираты» (этот цветок был избран ими в качестве эмблемы), охватившее ряд городов страны. В Лейпциге такие группы называли себя бандами или стаями. Отказавшись от официального «Хайль, Гитлер», они при встречах приветствовали друг друга возгласами «сервус» или «бай-бай». В отчете «Гитлеровской молодежи» за сентябрь 1942 г. отмечались случаи нападений членов этих банд на фюреров Гитлерюгенд²⁰⁷.

Об общем настрое «Эдельвейс-пиратов» говорят их песни, одна из которых содержала следующие слова:

*«Мы маршируем берегами Рура и Рейна
И разбиваем Гитлеровскую молодежь надвое...
Доставайте ваши дубинки и идите в город
И разбейте головы боссам в коричневом»²⁰⁸.*

В Кельне – Эренфельде в 1944 г. «Эдельвейс-пираты» присоединились к подпольной группе, которая укрывала в развалинах улиц и домов дезертиров из вермахта, иностранных принудительных рабочих и беглых узников концентрационных лагерей, снабжая их всем необходимым (с этой целью они нередко грабили военные склады), а также совершала непосредственные нападения на нацистских функционеров. Одной из жертв таких вылазок осенью 1944 г. стал шеф кельнского гестапо²⁰⁹.

Все это побудило власти прибегнуть к репрессиям. Имперский министр юстиции Тирак заявил, что подобные молодежные группы представляют «самую серьезную за весь период войны опасность для молодежи», грозящую обернуться для последней политическим и моральным крахом». Поэтому

му спецслужбы нацистской Германии на протяжении ряда лет вели слежку за их членами, заводя на них досье. Центральным отделением дюссельдорфского гестапо, например, было собрано около 80 томов материалов на 19 групп «Эдельвейс-пиратов», действовавших в Дуйсбурге в период с 1938 по 1944 год и включавших около 240 членов. В ходе рейда, проведенного гестаповцами 7 декабря 1942 г., было разгромлено 10 групп общей численностью 283 юноши в самом Дюссельдорфе, 10 групп (260 человек) в Дуйсбурге, четыре группы (124 человека) в Эссене и четыре группы (72 человека) в Вуппертале. Гиммлер 25 октября 1944 г. издал указ о борьбе с молодежными группировками, потребовав искоренения всех молодежных организаций, «стоящих вне Гитлерюгенд и ведущих свою собственную жизнь, которая не согласуется с некоторыми фундаментальными положениями национал-социалистической идеологии», поскольку «все они отрицают либо проявляют отсутствие интереса к своим обязанностям перед народным сообществом и Гитлерюгенд...»²¹⁰. Исполнение этого указа не заставило себя ждать. Уже в ноябре 1944 г. в Кельне состоялась публичная казнь через повешение лидеров «Эдельвейс-пиратов»²¹¹.

Высшие партийные и государственные инстанции Третьего рейха, ставившие перед собой задачу охвата тотальным контролем всех возрастных групп и категорий молодежи, повышенное внимание уделяли студенчеству, поскольку, в значительной степени, именно специалистам с высшим образованием предстояло в дальнейшем стать активными проводниками национал-социалистической политики, в том числе и социальной, заняв ключевые посты в различных государственных и партийных структурах.

Еще при организационном оформлении НСДАП с целью распространения нацистского влияния среди студенчества в 20-й пункт ее программы было включено требование «предпринять полную реорганизацию ...национальной системы образования, с тем чтобы дать каждому способно-

му и трудолюбивому немцу преимущества высшего образования и, вместе с тем, возможность занять свое место в национальном руководстве», а также предоставить образовательные льготы «для обучения одаренных детей бедных родителей за счет государства независимо от их профессии и классовой принадлежности»²¹².

В последние годы Веймарской республики университеты в гораздо большей степени, чем остальные учебные заведения, становятся оплотом национал-социализма²¹³. С установлением гитлеровского режима было начато осуществление «программы Лангемарка», открывавшей возможность поступления в университеты лицам, не имевшим сертификата об окончании средней школы – абитуры. Однако уже с 1934 г. вводится целый ряд ограничений, заметно сужавших круг лиц, которые могли рассчитывать на получение студенческого билета. Причем среди критериев, положенных в основу отбора абитуриентов, уровень их знаний стоял отнюдь не на первом месте: в качестве обязательного условия для поступления в вуз было объявлено наличие у выпускника средней школы характеристики, содержащей заключение о его пригодности к получению высшего образования. Таковую, конечно же, выдавали не всем. Кроме того, согласно заявлению руководства общегерманской организации «Немецкое студенчество» от 9 февраля и указу рейхсминистра внутренних дел, датированному 21 апреля 1934 г., все выпускники средних учебных заведений, стремившиеся поступить в вуз, должны были отбыть трудовую повинность в специальном лагере. По ее окончании им выдавалась «Тетрадь обязанности Немецкого Студенчества», дававшая им право на зачисление в высшее учебное заведение²¹⁴. Помимо этих ограничительных мер, в 1934 г., при наличии 30 тыс. абитуриентов, была введена квота для поступающих в вузы в 15 тыс. человек. Фактически же на студенческие скамьи в том году сели 11774 первокурсников. Это было вызвано как демографическим спадом в стране, так и обозначившимся при нацистах снижением пре-

стижности высшего образования вообще, гуманитарного, в частности (о последнем говорит, например, тот факт, что, если в период между Первой и Второй мировыми войнами 30% студенческой молодежи обучалось на филологических факультетах и именно из их среды выходило большинство учительских кадров средних школ, то в 1939 г. доля таких студентов снизилась до 10%, а в 1941 г. – до 5%²¹⁵).

Отныне студенчество должно было подчиняться требованиям строжайшей дисциплины. При этом, как и в средней школе, приоритет в вузах отдавался физическому воспитанию и формированию характера в ущерб академическому обучению. Уже в первом номере журнала «Немецкий студент», который стал издаваться в Третьем рейхе, утверждалась большая ценность для нового режима человека действия по сравнению с отстраненным наблюдателем. Иллюстрировалось это утверждение следующим примером: для того, чтобы стать в будущем судьей, студенту-юристу достаточно двухсеместрового изучения права. Более важным для него было получить представление о реальной жизни, которое давала практическая работа на промышленных предприятиях или фермах. (В связи с этим на студенчество также была распространена трудовая повинность, которая отбывалась в период семестровых каникул и была рассчитана на 10 недель²¹⁶). Руст в своем выступлении 16 июня 1933 г. перед первой группой студентов Берлинского университета, отправлявшейся в лагерь трудовой повинности, заявил: «...Истинно большую практическую школу вы не найдете там внутри (в университете. – Е.П.) или в гимназиях, вы найдете ее в лагерях трудовой повинности, так как там прекращаются обучение и развлечения и начинается действие»²¹⁷. «Тот, кто терпит неудачу в лагере, – подчеркивал министр, – утрачивает право управлять Германией как выпускник вуза». Здесь же уместно привести высказывание одного из нацистских авторов: «Национал-социализм вырвал немецкого студента из его изоляции, дал ему в руки лопату и поставил его на политической

передовой трудового лагеря в сокращенной, но трудной реальности его нации... Трудовой лагерь – это не гостиная и не великосветский салон; здесь господствует жизнь со всеми ее трудностями и напряжениями, с ее недостатками и благородством, взлетами и падениями, неприятными и красивыми вещами. Цельный человек находится в цельной реальности»²¹⁸.

«Политические солдаты в униформе, – подчеркивалось в указанной выше статье из «Немецкого студента», – двинутся в университеты. Интеллектуал боится такого варварства, но молодое поколение хочет вернуться в джунгли»²¹⁹. В тех же выражениях было выдержано обращение к студентам профессора – историка Гамбургского университета А. Райна, с которым он выступил в начале 1933 г.²²⁰.

Еще более примечательным, на наш взгляд, является датированное ноябрем 1933 г. выступление всемирно известного философа Мартина Хайдеггера, ставшего весной того же года ректором Фрайбургского университета. Обращаясь к студентам, он заявил: «Ваши жизни не будут управляться догмами и «идеями». Сам фюрер, и лишь он один, теперь и в будущем – реальность Германии и ее закон». В своей инаугурационной лекции в мае 1933 г он провозгласил: «Многократно перевозносимая «академическая свобода» должна быть изгнана из германских университетов, поскольку эта свобода, будучи только негативной, не была подлинной. Она означает, главным образом, беспечность, своевольное проявление намерений и склонностей, необязательность. Концепция свободы немецких студентов теперь возвращается к своему подлинному значению», из которого «будут проистекать будущие обязательства и обязанности немецкого студента. Первое обязательство – по отношению к народному сообществу... Это обязательство должно быть прочно установлено и внедряться Трудовой повинностью. Второе обязательство – по отношению к чести и судьбе нации среди других наций» – связано с военной службой. «Третье обязательство студента – духовная миссия немец-

кого народа... Эти три обязательства – обязательства, которые простирались от народа к судьбе нации в ее духовной миссии – все в равной степени происходили из немецкой души. Три службы, которым они дают жизнь, – трудовая служба, военная служба и служба знаний – в равной степени обязательные и равнозначные...»²²¹.

Таким образом, и в речи Хайдеггера, отражавшей официальную позицию нацистского руководства, несмотря на констатацию равнозначности перечисленных сфер приложения сил указанных категорий молодого поколения, овладение знаниями поставлено на последнее место. Последствия подобной политики в сфере высшего образования не заставили себя долго ждать. Командование вермахта отмечало у призывников «ежегодное снижение уровня знаний, способности мыслить логически и выражать себя логически», а также «неадекватное владение немецким языком в его устной и письменной формах». Кроме того, многие молодые немцы устремились в бизнес и вермахт, где университетский диплом был необязателен. В целом общее количество студентов уменьшилось со 128 тыс. чел. в 1931-1932 гг. до 57 тыс. чел. в 1937-1938 гг. Особые потери понесли факультеты теологии и права. При этом в противовес программным установкам национал-социалистов произошло сокращение контингента студентов из среднего и нижнего среднего класса, тогда как одновременно в вузовских аудиториях возросло число молодых людей, чьи родители имели высшее образование²²².

Достижению унификации студенческой жизни в Третьем рейхе должно было способствовать создание в 1933 г. Национал-социалистического германского студенческого союза (НСГСС). Правда, поначалу большинство студентов стремилось сохранить свободу или же отдавало предпочтение членству в многочисленных товариществах, в связи с чем возглавлявший Имперское студенческое руководство Г. Шеел высказывал беспокойство по поводу того, что студенты вполне открыто отказывались вступать в эту организацию «по

идеологическим причинам»²²³. Однако уже с апреля 1934 г. подобное поведение стало рассматриваться как несовместимое с пребыванием в вузе, членство в Союзе было объявлено обязательным для всего студенчества²²⁴, а в 1936 г. произошло насильственное слияние еще существовавших на тот момент товариществ с НСГСС²²⁵.

В лице последнего власти получили довольно эффективный инструмент повседневного контроля за студенческой жизнью в Третьем рейхе и дисциплинирования студенчества, позволявший направлять характерную для молодежи тягу к радикализму в заданном режиме направления. С целью устранения каких бы то ни было помех на этом пути в вузах, так же, как и в других организациях, была проведена чистка от «нежелательных элементов». К началу 1934 г. около 570 студентов были исключены из высшей школы по политическим мотивам. Одними из первых под удар попали евреи. С принятием 25 апреля 1933 г. «Закона против переполнения германских школ и университетов» для еврейских студентов была установлена квота, составившая 1,5%, что соответствовало доле евреев среди населения страны в целом. В некоторых же университетских городах дискриминационные меры против еврейской студенческой молодежи были введены еще ранее. Кроме того, студенты еврейского происхождения регулярно подвергались со стороны своих «арийских» сверстников физическим и моральным унижениям. А в ноябре 1938 г., вслед за событиями «Хрустальной ночи», всем студентам-евреям пришлось покинуть университетские стены²²⁶.

Студенты германских вузов принимали активное участие в травле расово- и политически-чуждого профессорско-преподавательского состава. 19 апреля 1933 г. глава «Немецкого студенчества» Г. Крюгер дал указание местным студенческим организациям разоблачать университетских преподавателей-евреев, коммунистов и социалистов, а также тех, чей подход к преподаванию «отражает их либеральную или, в особенности, пацифистскую на-

правленность, и кто в связи с этим не подходит для того, чтобы обучать немецких студентов в националистическом государстве». Естественно, очень часто мишенями становились профессора, известные как строгие экзаменаторы²²⁷ (правда, по некоторым данным, в 1933 г. НСГСС иногда выступал в защиту вузовских преподавателей-евреев²²⁸, но это были редчайшие исключения, своего рода издержки, связанные с тем, что вседозволенность в отношении «неарийцев» еще не стала всеобщей нормой жизни). В первые 12 месяцев национал-социалистического господства были уволены 14,34% всего преподавательского состава университетов и 11% профессоров. Дюссельдорф потерял 50%, Берлин и Франкфурт-на-Майне - по 32% каждый, Гельдейберг - свыше 24%, Бреслау - 22%, Геттинген, Фрайбург, Гамбург и Кельн - от 18 до 19% своих педагогических кадров.

Одновременно, в точном соответствии с законами драматургии тоталитарного режима, запреты и репрессии обрушились на печатную продукцию, не отвечавшую идеологическим установкам нацизма. Студенты-национал-социалисты требовали изъятия из университетских библиотек учебников и курсов лекций, не вызывавших у них доверия в силу «неблагонадежности» их авторов²²⁹. 10 мая 1933 г. произошло событие, вошедшее в историю Германии как «День сжигания книг» и напомнившее о наиболее мрачных временах инквизиции. По инициативе НСГСС на берлинской Франц-Йозеф-плац было устроено грандиозное аутодафе: студенты и другие национал-социалисты публично жгли книги 24-х «нежелательных и вредных» авторов, среди которых оказались Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Стефан Цвейг, Генрих Манн, Эрих Кестнер (последний стал очевидцем происходившего) и др. В разгар этой вакханалии появился Геббельс и обратился к собравшимся с зажигательной речью, «подлившей масла в огонь». «Век крайнего интеллектуализма теперь окончился, и успех германской революции вновь проложил дорогу германскому духу, – громогласно провозгласил он. – Вы делаете пра-

вое дело, предавая дух прошлого пламени. Это сильный, великий и символический акт... Прошлое лежит в огне... Будущее поднимается из огня в наших собственных сердцах»²³⁰.

Именно на Национал-социалистический германский студенческий союз в значительной степени возлагалась и задача контроля за формированием у студентов национал-социалистического мировоззрения. Об этом прямо говорится в серии публикаций, помещенных в 1935 г. во втором номере журнала «Народ в становлении» (редакция последнего вообще уделяла много внимания проблемам студенчества). Так, указав, что Союзу передано решение всех вопросов, связанных с политико-мировоззренческим воспитанием немецких студентов, Г. Мэнер, автор статьи «Политико-воспитательная работа в лагерях обучения НСГ (Национал-социалистического германского. – Е.П.) студенческого союза», отметил, что, таким образом, студенческий союз продолжал выполнение той миссии, которую на предыдущем этапе осуществляли Гитлерюгенд и Трудовая повинность. Работа Союза, писал он далее, «способствует тому, чтобы сформировать национал-социалистических ученых, которые в будущем смогут ...организовать национал-социалистически обоснованную науку». «Лучшая форма мировоззренческого воспитания немецкого студента, – продолжал Мэнер, – проявилась в обучающем лагере», поскольку цель Союза – в том, чтобы воспитать людей, «которые понимают национал-социализм не только теоретически, но также живут им на практике ... Такие люди не могут быть отобраны и воспитаны через доклады и лекции ..., а только в истинном сообществе, которое достигается лишь в дружественной совместной жизни и совместных работах, как это происходит в лагере обучения», где «господствует «закон команды»²³¹. При этом, подчеркивал Мэнер, команда управляется фюрером лагеря, который является ее частью, деля со своими подчиненными радость и сгрядание.

Подобные лагеря функционировали в каникулярное время. Помимо «умственной обучающей работы», их обитатели занимались спортом и различными видами трудовой деятельности. В качестве примера автор статьи привел лагерь студенческого союза, действовавшие во время осенних каникул 1934 г. Их обитатели «собирали в лесах дерево, размельчали сухие ветки и сучья, связывали их и грузили хворост в грузовики, в которых собранный горючий материал перевозился к пунктам организации «Зимняя помощь», либо оказывали крестьянам окрестных деревень помощь в уборке урожая, «приобретая, таким образом, связь с крестьянскими фольксгеноссен, которая становилась намного искренней, чем того можно было достичь через общие митинги и праздники». Не последнюю роль в сплочении таких студентов, по мнению Мэнера, играли дружеские вечера, в ходе которых, собираясь «после тяжелой дневной работы» у костров, все дружно исполняли «старые боевые песни» нацистского движения, а фюрер лагеря зачитывал отрывки из национал-социалистической литературы²³².

Сходные мысли приводились и в статье Х. Кремера «Культурно-политические задачи НСГ студенческого союза», напечатанной там же. «Национал-социализм в немецких высших школах, - говорилось в ней, - нуждается в команде, которая одержима сознанием социальных и национальных связей, охватывающих всю нацию, обладает желанием и силой, научными и культурными элементами, постановкой цели и системой для того, чтобы в прочном самовоспитании соответствующим образом выполнять общие требования...»²³³.

Начальник Имперской службы А. Дерихсвайлер в своей публикации «Студент движения» ставил на первое место долг студенчества перед фатерландом. «Мы хотим воспитывать парней, которые бы не ударили лицом в грязь во всех сферах и во всех жизненных ситуациях; тех, для кого мысль о народе и отечестве является всем и для которых самих жизнь означает только

обязанность и труд», - подчеркивал он²³⁴. Руководитель Расово-политического управления НСДАП В. Гросс, чья статья «О новой боевитости студента» была опубликована в том же номере журнала, писал, что студенческая молодежь «должна ...быть носителем духовной борьбы за единство нового образа мира», а для достижения поставленных перед ней режимом целей она нуждается в трех добродетелях – «послушания и дисциплины своего включения в народ; ...прилежания и верности своим профессиональным обязанностям; ...героя и борца, который ясно понимает величие своей борьбы и поэтому любит ее», и черпает «из этой любви к великой борьбе ...силу для победы»²³⁵.

Приведенные высказывания носили программный характер и в дополнительных комментариях не нуждаются. Те же требования предъявлялись и к молодежи, обучавшейся в специальных учебных заведениях, статус которых в Третьей рейхе был официально повышен. Необходимость этого нашла обоснование в статье Г. Моритца «Студенчество специальных учебных заведений». Основное различие между последними и вузами, по его мнению, заключалось в том, что «вуз является местом проведения исследований, в то время как специальное учебное заведение переводит результаты этих исследований в практические знания и передает их своим учащимся», при этом, однако, не забывая и о проведении «мировоззренческого политического воспитания». Говоря о технических спецшколах, автор подчеркивал, что их задача состояла в привлечении «в национал-социалистическое государство работоспособных фюреров предприятий, которые сознают свою ответственность не только по отношению к предприятию, но также к своим рабочим и ко всему народу». Спецшколы же вообще, утверждал он, «в будущем станут местами, в которых каждый способный фольксгеноссе сможет получить образование и на основе повышенных достижений обретет право стать фюрером своей свиты»²³⁶.

Для реализации поставленных перед ним задач студенчество, как и молодежь в целом, должно было отличаться отменным здоровьем. В рамках организации «Имперское студенческое дело», созданной Законом от 2 ноября 1934 г. (она объединяла 64 имперские немецкие высшие школы и 51 местную студенческую организацию), была образована студенческая служба здоровья, существовавшая исключительно за счет студенческих взносов. Как отмечал Х. Штрайт, посвятивший ее деятельности специальную статью, к ее компетенции относились осуществление отбора среди абитуриентов с целью отсева не подходивших по медицинским, расово-гигиеническим и наследственно-биологическим показателям; проведение обязательных обследований студентов, в частности, в связи с широким распространением среди них туберкулеза; создание студенческих больничных касс, забота о больных, «страхование при несчастных случаях, политическое воспитание здоровья и отбора». Неукоснительно следуя воле фюрера, требовавшего от руководства вузов обращать внимание, «во-первых, на здоровье, во-вторых, на выработку характера, в-третьих, на одаренность», «Имперское студенческое дело», подчеркивал автор статьи, «тесно сотрудничает со службами, в которых студент должен доказать свою человеческую и политическую позицию» – с Гитлерюгенд, СА, СС, Трудовой повинностью, рейхсвером, профсоюзами и НСГСС. Согласно приводимым в цитируемой статье данным, больничная касса компенсировала каждому из 100 тыс. студентов почти 70% всех расходов на лечение в случае болезни, при среднем посеместровом взносе в размере 6 рейхсмарок, взимаемом с каждого студента. Те же взносы в фонд страхования от несчастных случаев составляли 1 рейхсмарку, в то время как компенсация ущерба за счет этого фонда могла достигать 20 тыс. рейхсмарок. Помимо всего прочего, в рамках «Имперского студенческого дела» действовала ссудная касса, из фондов которой, если верить Штрайту, 30 тыс. студентов были выданы долгосрочные ссуды на общую сумму в 16 млн. рейхсмарок²³⁷.

Допуская, что указанные Шрайтом цифры являются завышенными (такой вывод можно сделать из пропагандистского характера его публикации) и не имея возможности проверить их достоверность, мы, тем не менее, не видим сколько-нибудь веских оснований подвергать сомнению сам факт подобной поддержки, осуществлявшейся нацистами в отношении той части отвечающего официальным критериям полноценности студенчества, которая испытывала материальные затруднения. Подобная политика в полной мере отражала тоталитарно-социальный характер Третьего рейха. Материальная помощь, оказывавшаяся определенным кругам студенческой молодежи (в том числе и за счет взносов самих студентов), безусловно, была реальной. Однако она имела свою вполне конкретную цену, позволяя властям коррумпировать студенческое сообщество и, таким образом, еще теснее привязать его к режиму, а в дальнейшем - интегрировать его в т.н. «народное сообщество».

Новый режим изначально декларировал негативное отношение к высшему женскому образованию (по мнению лидеров национал-социализма, женщины должны были рожать детей и заниматься домашним хозяйством, не помышляя о карьере). 25 апреля 1933 г. для студенток была установлена десятипроцентная квота, что привело в довоенный период к резкому сокращению их доли: с 18,5% в годы, предшествовавшие приходу нацистов к власти, до 11,2% в 1939 г. Те же немки, которые смогли пробиться в число «избранных», должны были, как и их сокурсники, помимо овладения знаниями, брать на себя дополнительные обязательства по отношению к фатерланду. В статье, посвященной женскому высшему образованию (1935 г.), Р. Гензекке писала, что «осознание необходимости включить каждую студентку в дело строительства Третьего рейха, с тем, чтобы она ...находилась в центре своего народа, чувствовала себя частью происходящего в народе и содействовала этому», породило требование создания в немецком студенчестве главной

службы для студенток. «Уже на протяжении трех семестров, - отмечала она, - каждая студентка ...охвачена в рамках студенческого служебного плана, который требует от нее регулярных занятий спортом, сотрудничества в Национал-социалистической народной благотворительности, а именно, в организации «Зимней помощи», интенсивной подготовки в противовоздушной обороне, оказании первой помощи»²³⁸.

Уже в довоенные годы режиму удалось вовлечь подавляющее большинство всех категорий молодежи в осуществление проводимой им политики. Несмотря на то, что именно в молодежной среде чаще, чем среди других групп населения, властям приходилось встречаться с проявлениями оппозиционности (это отчасти объяснялось возрастными особенностями молодежи), основная часть молодого поколения послушно «держала шаг», демонстрируя ежеминутную готовность выполнить любой приказ своих фюреров. Это в полной мере проявилось в период войны, когда круг обязанностей членов Гитлерюгенд и, соответственно, выпавшая на них нагрузка значительно возросли. Об этом свидетельствовали и пароли военных лет: 1940 год – «Год испытания», 1941-й – «Наша жизнь – путь к фюреру», 1942-й – «Ввод на Востоке и сельская служба», 1943-й – «Ввод в войну немецкой молодежи», 1944 год – «Год военных добровольцев»²³⁹. В пропагандистских изданиях появились призывы следующего содержания: «Ты – ничто, твой народ – все! Знамя – превыше смерти! Хватит слов, хватит длинных вечеров, когда отец рассказывал о войне! У юношей 1939 г. теперь имеется своя собственная война!» В связи с этим от них требовалось выполнить клятвы, принесенные ранее.

Еще в мирные годы в рамках осуществления второго четырехлетнего плана гитлерюнген регулярно участвовали в акциях по сбору утильсырья. С конца 1939 г. круг собираемых ими материалов был расширен с учетом стратегического значения последних. Разделенные на группы, члены ГЮ, методично обходя дом за домом, загружали свои рюкзаки, сумки, тележки маку-

латурой, металлоломом, медью, жестью, листовым оловом, лезвиями для бритвы, бутылками. Затем все это сдавалось торговцам. Большая часть полученных денег шла либо на проведение очередной акции сборов, либо поступала в фонд НСФ. Из оставшегося материала дети изготавливали игрушки, продавали их на специальных аукционах или рождественских базарах, а на вырученные средства приобретали подарки для раненых (посещение лазаретов также входило в их обязанность). Зачастую сборщики разделялись на две группы: одна обходила квартиры, а другая стояла на заднем дворе, исполняя народные мелодии и песни молодежного движения²⁴⁰. Собирались также лечебные травы, конские каштаны, буковые орешки²⁴¹, упавшие и дикие фрукты, листва²⁴².

Активное участие члены «Гитлеровской молодежи» принимали в сборах и изготовлении игрушек, осуществлявшихся в рамках кампаний «военной зимней помощи». При этом каждому уличному сбору руководством Гитлерюгенд присваивался особый пароль. Для соответствующего мероприятия, проводившегося 18-19 декабря 1943 г., например, он звучал так: «Мы собираем – вы даете». При этом в указе начальника штаба ГЮ подчеркивалось, что в дни сборов и пропагандистских маршей участвовавшие в них дети должны были освободиться от занятий²⁴³. В обращении имперского молодежного фюрера Аксмана к заводу игрушек Гитлерюгенд (1943 г.) отмечалось, что в ходе проведения кампании «военной зимней помощи» 1942-1943 гг. Гитлерюгенд были переданы НСФ, а также проданы на 7 тыс. рождественских базаров и 15 тыс. выставок 8,5 млн. штук изготовленных юношами и девушками игрушек. Аксман поставил задачу увеличить количество последних: каждый член молодежной организации должен был теперь смастерить не менее трех поделок, с тем, чтобы к очередным рождественским праздникам каждый ребенок мог получить в подарок «хорошую игрушку». Эта работа должна была выполняться в свободное время²⁴⁴.

Этим круг задач, поставленных перед членами подразделений ГЮ, не ограничивался. Они разносили повестки призывникам, раздавали населению талоны на получение продуктов питания и потребительских товаров. Все физически здоровые старшеклассники направлялись на лето в крестьянские хозяйства для помощи в сборе урожая, по окончании которого отбывали трудовую, а затем и военную повинность²⁴⁵. Они оказывали помощь партийным органам и вермахту в качестве распространителей пропагандистских материалов, курьеров, телефонистов, сторожей, были задействованы в пожарных командах (в том числе занимались тушением зажигательных бомб) и службе связи противовоздушной обороны, использовались при погрузочно-разгрузочных работах на транспорте, при почтовом ведомстве выполняли функции рассыльных и почтальонов, в частности, обслуживали солдат и офицеров полевой почтой и т.п. Члены БДМ в рамках т.н. «военной почетной службы» готовили посылки для фронта, помогали в детских садах и домах для престарелых, а также домохозяйкам и крестьянкам в уходе за детьми, работе в огороде, занимались починкой окон и крыш, сопровождали жертв бомбежек, оставшихся без крова, охраняли от мародеров их пожитки, зачастую просто сваленные под открытым небом, заботились о раненых в лазаретах, а также о женщинах и детях на переполненных вокзалах²⁴⁶ (княжна М. Васильчикова, жившая и работавшая в те годы в Германии, вспоминала, что, когда 28 ноября 1943 г. они с сестрой вынуждены были ждать очередного поезда на Лейпциг, опоздав на предыдущий, именно юноши из ГЮ проводили их в комнату ожидания, поднеся их багаж²⁴⁷).

В статье гебитсфюрера «Гитлеровской молодежи» Г. Кауфмана «Гитлерюгенд в 1939/40 военном году», опубликованной в «Национал-социалистическом ежегоднике» за 1941 год, говорилось: «Действуя в качестве связных в противовоздушной обороне, работая в бюро, при покрытии бордюров тротуаров белой краской, в качестве сборщиков макулатуры и метал-

лолома, толкая нагруженные углем ручные тележки старушек, неся в своих песнях солнце и радость к постелям наших раненых», а также «как сборщики зимней помощи, при присмотре за маленькими детьми в приютах или как помощницы в вокзальной службе, – вот где мы встречаем наших юношей и девушек во время войны»²⁴⁸. Сначала предполагалось, что подобная служба будет проходить в непосредственной близости от местожительства гитлерюнген, но вскоре широкое распространение получило откомандирование их в различные части страны. Некий гитлерюнге вспоминал: «Так как мы в течение одного года 14 раз меняли место стоянки, начиная с лета 1943 г., любые занятия для нас выпали. Летом 1944 г. нас автоматически перевели в седьмой класс и в октябре 1944 г, когда я был призван в вермахт, мне выдали справку об окончании предварительного семестра»²⁴⁹.

Помимо участия в большинстве перечисленных акций, особые дополнительные задачи ставились перед членами «Юнгмедель» и БДМ. Геринг 10 сентября 1939 г. заявил: «Больше нет мобилизации для солдат..., но сегодня имеется мобилизация для каждого немца, достигшего 16 лет, для девушек также, как и для юношей». Далее шел призыв к девушкам позабыть об удовольствиях в момент, когда решается вопрос о том, быть или не быть нации. «Они должны, – продолжал рейхсмаршал, – поддерживать матерей и женщин, которым сегодня приходится выполнять тяжелую работу на фабрике или ... в деревне», где «муж призван, работник отсутствует, лошадь конфискована и, несмотря на это, работа должна продолжаться, она ложится только на плечи крестьянок. Здесь я призываю немецкую женскую молодежь, здесь должны вступить и помочь девушки»²⁵⁰. В «Национал-социалистическом ежегоднике» за 1941 год отмечалось, что в связи с введением обязательной имперской трудовой повинности для женской молодежи, в 1939-1941 гг. «100 тыс. работниц, несмотря на трудности суровой зимы и другие неудобства, выполнили свой служебный долг»²⁵¹. Статистика свидетельствует, что уже в 1940 г.

более 318780 девушек и членов БДМ помогали в домашнем хозяйстве, 64106 – в Красном Кресте, 60263 – в лазаретах и 107185 были заняты в вокзальной службе²⁵².

Представители «Гитлеровской молодежи» должны были принимать активное участие и в реализации колониационной политики, осуществлявшейся нацистами на оккупированных восточных территориях. Ее три основные задачи были сформулированы в указе фюрера Гиммлеру от 7 октября 1939 г.: «1) репатриация лиц германской «расы» и национальности, проживающих за границей, которые были признаны подходящими для возвращения в рейх на постоянное жительство; 2) устранение тех групп населения иностранного происхождения, которые представляют опасность для немецкого сообщества; 3) образование новых поселенческих областей путем перемещения населения и передачи указанной земли лицам германской «расы», возвращающимся из-за границы»²⁵³. А. Грайзер, гауляйтер Вертеланда, заявил: «Задача молодежи – открыть глаза молодому поколению на расовую необходимость нашей восточной политики и через воспитание передать в их руки необходимое оружие для ясной и бескомпромиссной позиции в этнической борьбе... У молодежи Германии имеются средства внести решающий вклад через общественное воспитание в возрождение немецкой крови, которой угрожает подавление со стороны враждебных рас»²⁵⁴. В целом руководство ГЮ определяло свою роль на Востоке следующим образом: «предотвратить растворение немецкой крови среди иноземных народов», «отвоевать немецкую кровь, которая была рассеяна среди иноземных народов»; «поддержать меры по перемещению в новых областях на Востоке»²⁵⁵.

Уже 1 февраля 1940 г. в Имперском молодежном руководстве была создана «служба поселенцев молодого поколения OST», компетентная для всех сельскохозяйственных поселенческих вопросов Гитлерюгенд²⁵⁶. В конце 1940 г. А. Аксман образовал в ГЮ во главе с Х. Менцелем переселенческий

отдел, получивший весной 1942 г. новое наименование: «Укрепление немецкой народности»²⁵⁷.

Для членов ГЮ и БДМ первым шагом на пути колонизации «присоединенных» восточных областей стала организация специальных лагерей, в которых молодежь в течение года постигала азы сельскохозяйственного труда. По истечении этого срока сдавался экзамен. Все успешно выдержавшие его получали звание ландинстфюрера. Для девушек была предусмотрена сдача экзамена по деревенскому домоводству. К подобному обучению предполагалось привлечь молодых людей датского, норвежского, голландского и фламандского происхождения²⁵⁸. По соглашению о «вводе молодежи при новообразовании восточно-немецкого крестьянства», заключенному еще в декабре 1940 г. между Имперским руководством молодежи и Имперским продовольственным сословием, вклад членов Гитлерюгенд в политику германизации, проводившуюся на оккупированных восточных территориях, заключался, в частности, в том, что они должны были способствовать закреплению там немецкой народности²⁵⁹.

Подготовкой руководящих кадров (в значительной степени, из специально отобранных иммигрантов) для организаций ГЮ, создававшихся во вновь присоединенных восточных областях, занимался ряд имперских школ фюреров для переселенцев. Всего, как заявил Аксман в 1942 г., во «вводе на Востоке» были задействованы 18 тыс. фюреров из рейха, организовавших на аннексированных территориях 10 школ фюреров и 300 лагерей и общежитий²⁶⁰. По имеющимся данным, к марту 1941 г. в Вартегау, Данциге – Западной Пруссии, Верхней Силезии, протекторате Богемия и Моравия функционировали 106 лагерей, в которых находилось 3 тыс. человек²⁶¹.

Одной из задач, стоявших перед «Гитлеровской молодежью» на «присоединенных» восточных территориях, являлась адаптация проживавших там этнических немцев к жизни в рейхе. Особую роль в этом был призван сыг-

рать «Союз немецких девушек», «десантировавший» значительную часть своих членов на Восток (в служебном плане БДМ на ноябрь 1942 – февраль 1943 г. значится обязательное исполнение песни «Мы хотим поехать на восточные земли»²⁶²).

В связи с нехваткой профессиональных учительских кадров, которые можно было бы использовать там, к процессу обучения соплеменников, вернувшихся на свою «историческую родину», широко привлекались школьные помощницы Союза немецких девушек. При этом далеко не все желавшие могли стать ими. Кандидаткам в возрасте от 15 лет до 21 года предстояло пройти восьмидневные отборочные курсы. Выдержавшие это испытание направлялись в учебные заведения по подготовке учителей, располагавшиеся в Познани и Эльбинге. Цель предусмотренных для них там трехмесячного учебного курса и венчавшей его трехнедельной земельной практики заключалась в одновременной подготовке их как учительниц и фюрериннен БДМ. Круг вменявшихся им обязанностей был достаточно широк: до полудня – обучение маленьких детей, после полудня – школьников; проведение политико-воспитательной работы и курсов немецкого языка для взрослых, знакомство их с историей Германии, оказание помощи крестьянам советами по воспитанию детей, домоводству, обустройству жилья и личным участием в работе по дому, хозяйству, уходу за малышами, а также организация деревенских вечеров с исполнением немецких народных песен, музыки, постановкой спектаклей, играми.

Согласно статистическим данным, предназначенным для служебного пользования, в 1944 г. в Вартегау и Данциге – Западной Пруссии свою миссию выполняли 700 школьных помощниц БДМ²⁶³.

По мере усиления интенсивности бомбардировок немецких городов союзнической авиацией членам «Гитлеровской молодежи» все чаще приходилось принимать участие в устранении их последствий. Приведем в качест-

ве примеров несколько документов, позволяющих более четко представить себе круг обязанностей членов ГЮ в указанных обстоятельствах.

В обращенном к фюрерам и фюрериннен берлинского отделения молодежной организации приказе руководства ГЮ по области Берлин, датированном августом 1943 г., говорилось об участии ее членов в соответствующих мероприятиях гражданской обороны. В нем отмечалась необходимость слаженности действий, соблюдения строгой дисциплины и разъяснялось, что связисты и те, кому даны особые поручения, должны приступать к выполнению своих обязанностей немедленно, с началом бомбардировки, а остальные подразделения – после отбоя. В случаях особо крупных разрушений, когда возможностей местного отделения ГЮ было недостаточно для того, чтобы справиться с ситуацией, разрешалось затребовать помощь коллег из соседних местностей. Между прочим, обращалось внимание на то, что, вне зависимости от их пола, члены Гитлерюгенд, участвовавшие в указанных мероприятиях, должны были носить униформу или же специальные повязки на рукавах, а также иметь при себе газовую маску, стальной шлем, платки и покрывала (их смачивали водой и использовали в качестве средства от жара, дыма и искр), перевязочный материал. Приказ заканчивался напоминанием о том, что подобное «участие считается обязательной службой в смысле указа фюрера молодежи немецкого рейха об обязательной службе в Гитлерюгенд»²⁶⁴. В документе, озаглавленном «Записка о воздушной обороне для Гитлерюгенд», юноши и девушки – члены последнего призывались проявлять вежливость и готовность помочь каждому соотечественнику, особенно «старикам, многодетным матерям и дряхлым домочадцам». Им вменялось в обязанность собирать сброшенные с вражеских самолетов «листочки, отпускные карты, карточки на продукты и одежду» и сдавать в ближайшее отделение полиции. При этом приказом имперского министра авиации и главкома ВВС строго настрого запрещалось подбирать и присваивать себе неразорвавшиеся снаря-

ды, части вражеских авиабомб, самолетов, предметы, принадлежавшие их экипажам, и напоминалось, что подобные действия (сбор «памяти») являлись уголовным преступлением²⁶⁵.

Война вносила коррективы и в учебный процесс. В начале 1941 г. школьный учебный год был сокращен более чем на три месяца. 28 сентября 1940 г. фюрер дал поручение Шираху организовать «расширенные детские земельные лагеря» (КЛВ)²⁶⁶, куда школьники из районов и городов, наиболее сильно пострадавших от авианалетов, эвакуировались целыми классами²⁶⁷. В одном лагере (большинство их располагалось в сельских районах Восточной и Южной Германии) должно было находиться не более 50 детей. Совместное руководство каждым таким лагерем осуществляли фюрер Гитлерюгенд и учитель, подчинявшиеся начальнику главного лагеря. Что же касается учебного процесса в них, то он контролировался специальным уполномоченным НСЛБ вплоть до роспуска последнего в марте 1943г.²⁶⁸). Местные школьные ведомства к такому контролю не допускались²⁶⁹. Общий же патронаж над ними осуществляло руководство ГЮ. Подобные лагеря были созданы также в Вартегау, Верхней Силезии и Словакии, куда в годы войны было направлено около полумиллиона юношей²⁷⁰. Всего же в период с 1941 по 1944 год КЛВ приняли 800 тыс. учеников²⁷¹.

Эти меры преследовали несколько целей. С одной стороны, нацистское руководство стремилось сохранить безупречных в расовом отношении детей: мальчиков, которых в силу их слишком юного возраста нельзя было поставить «под ружье», но многим из которых, продержись режим дольше, в перспективе все-таки пришлось бы надеть форму, не избежав роли пушечного мяса, и девочек, представлявших собой в глазах нацистов залог сохранения нации и расы. С другой, – по мнению властей, подобная забота должна была быть по достоинству оценена соотечественниками, продемонстрировав им,

что, несмотря на военное время, политическое руководство рейха по-прежнему относит социальную сферу к числу приоритетных.

Для вузов начало войны по понятным причинам ознаменовалось тем, что количественное соотношение между мужской и женской студенческой молодежью изменилось в пользу последней. К 1944 г. девушки и женщины составляли почти половину всех обучавшихся в университетах рейха²⁷².

Был поставлен вопрос и о сокращении части теологических факультетов. 6 марта 1940 г. Геббельс поручил Гуттереру сделать соответствующий запрос в Министерство народного образования, обосновав его тем, что «количество студентов – богословов во многих университетах не соответствует числу преподавателей»²⁷³. Это явилось отражением продолжавшихся усилий партийных и государственных инстанций рейха по ослаблению влияния церкви на молодежь, ставших в военное время еще более актуальными: на инструктаже в министерстве Геббельса 31 июля 1940 г. Гуттерер получил указание министра проверить информацию о том, что некий потсдамский священник сказал в своей проповеди: «Господи! Смилуйся над нашей молодежью, которая бесцельно проводит жизнь». «В том случае, если это правда, – подчеркнул Геббельс, – Гуттерер должен в недопускающей сомнения форме объяснить священнику, что при повторении подобного его ожидает концлагерь»²⁷⁴.

Предписанием Руста от 20 апреля 1941 г., с изменениями и дополнениями от 30 апреля и 21 сентября 1942 г., «участникам нынешней войны, которые хотят учиться или намереваются продолжить уже начатую учебу», предоставлялись налоговые льготы и денежные дотации, суммы которых были тем больше, чем продолжительнее был срок их военной службы. Особое внимание должно было уделяться инвалидам войны. «В случае необходимости, – говорилось в документе, – участники войны могут быть поощрены во время их учебы дополнительно получаемыми льготами». Освобождение от

налогов распространялось на «супруг и детей павших в нынешней войне или участников войны, умерших вследствие ранения на военной службе»²⁷⁵. При этом инвалиды войны, а также ее участники, чей срок выслуги составлял более трех с половиной лет действительной военной службы, из которых, по меньшей мере, два года приходилось на военные годы, полностью освобождались от оплаты за обучение. Для остальных категорий военнослужащих устанавливалась следующая градация: свыше двух, двух с половиной, трех лет действительной военной службы (из них в каждом из перечисленных случаев, соответственно, не менее полугода, года, полутора лет во время войны) давали право (в той же последовательности) не платить за четверть, половину, три четверти всего или оставшегося периода обучения. Тем же фронтовикам, которые уже являлись выпускниками вузов, но стремились продолжить свое образование, подобные льготы предоставлялись лишь в том случае, если для этого имелись серьезные основания: необходимость получения соответствующей профессии или смены последней вследствие ранения, приведшего к инвалидности²⁷⁶. Ректор вуза, в который поступал такой льготник, мог по согласованию с местным студенческим фюрером аннулировать освобождение от оплаты в случае низкой успеваемости или плохого поведения последнего. Женам и детям павших в войне или умерших вследствие полученного в ней ранения предоставлялось право бесплатного получения образования на весь период обучения²⁷⁷.

В то же время в годы войны, особенно на ее заключительном этапе, контроль за студенчеством был вынужденно временно ослаблен. Студенты, прибывавшие в краткосрочный отпуск для продолжения учебы, оставались под военной юрисдикцией и не были обязаны следовать приказам студенческих лидеров. В связи с этим они не выказывали особого пиетета по отношению к НСГСС. Согласно донесениям СД, подобные студенты предпочитали предаваться радостям свободной частной жизни, игнорируя участие в собра-

ниях, партийной работе и тому подобных мероприятиях. «После их длительного пребывания в суровых условиях военной жизни они хотят вновь самостоятельно планировать свои собственные дела, посвящать себя... занятиям и самостоятельно распоряжаться своим временем», – констатировалось в одном из таких сообщений²⁷⁸. Однако, несмотря на сказанное, если не считать деятельности подпольной организации «Белая Роза», сколько-нибудь заметной оппозиции режиму в студенческой среде не наблюдалось. Основная масса студенчества дисциплинированно выполняла диктуемые военным временем обязанности. В начале зимнего семестра 1944-1945 гг. 54% всех студентов были одновременно призваны на действительную военную службу. Те же, кого чаша сия миновала, и профессора должны были принимать участие в фольксштурме²⁷⁹.

Еще одной приметой социальной политики военного времени стало создание общежитий для различных категорий молодежи: от пимпфов и девочек, которых помещали туда с целью облегчить их родителям заботу о них, до подмастерьев и молодых рабочих. В январско-февральском номере специального издания информационной и обучающей службы (последнее так и называлось «Молодежное общежитие») за 1944 год сообщалось, например, о том, что в 1943 г. во Франкфурте-на-Майне совместными усилиями Гитлерюгенд и молодежного отделения гау ДАФ было открыто общежитие для учеников учебных мастерских и предприятий гау²⁸⁰.

Подобные общежития получили высокую оценку членов нацистского руководства и командования вооруженных сил. Так, в своем письме от 27 мая 1943 г. Гиммлер отметил их значимость как «мест национал-социалистического молодежного воспитания» и обещал оказывать им всемерную поддержку²⁸¹. Директивы имперского министра экономики от 31 марта 1943 г., касаясь производственных молодежных общежитий и предписания верховного командования ВМФ от 15 июля 1943 г. о создании и руко-

водстве молодежными общежитиями внутри ВМФ, положительно оценивали этот опыт. Геббельс писал в письме от 26 мая 1943 г.: «Я с интересом принял к сведению и охотно готов предоставить вам в распоряжение, как и до сих пор, всю мою поддержку для этой работы». О своей заинтересованности в создании молодежных общежитий было заявлено командованием вермахта 27 мая 1943 г.²⁸². В 1944 г. А. Шпеер призывал создавать как можно больше общежитий для молодежи, особенно занятой в производстве вооружений, т. к. это, по его мнению, должно было способствовать ее дисциплинированию. По официальным данным, уже в конце 1942 г. было создано 535 молодежных общежитий, в которых проживало 34077 юношей и девушек. Для конца 1943 г. те же показатели составляли 806 и 52248²⁸³.

Однако, в конечном итоге, для членов «Гитлеровской молодежи» опыт военного времени не ограничился вспомогательной ролью. Многим из них пришлось в буквальном смысле слова «понюхать пороху», принять самое непосредственное участие в боевых действиях. С 1942 г. все гитлерюнген, которым исполнилось 14 лет, должны были в обязательном порядке проходить в специальных лагерях семидневные курсы военной подготовки²⁸⁴. А 24 июня 1943 г. Гитлер после согласований с Аксманом подписал приказ о создании в рамках ваффен-СС 12-й танковой дивизии ГЮ, несмотря на критическое замечание Геббельса по поводу ее названия (по мнению министра, последнее давало противникам рейха основание считать, что школьники являлись последним из имевшихся у Германии резервов). Действительно, новое формирование, рядовой состав которого представляли 17-18-летние юноши, враги именовали «бэби-дивизией». Их подготовка осуществлялась по ускоренной программе и проходила следующие стадии: предварительное обучение в оздоровительных лагерях (первые 10 тыс. гитлерюнген были собраны в лагере Беверлоо в Бельгии уже в июле-августе 1943 г.), откуда наиболее отличившиеся командировались на трехмесячные курсы в школу унтерфюрере-

ров СС в Лауенбурге, где перед отправкой в дивизию им присваивались унтер-офицерские звания. Кроме того, штат дивизии был укомплектован 50 офицерами вермахта - экс-фюрерами «Гитлеровской молодежи». Возглавил ее 34-летний генерал-майор Ф. Витт²⁸⁵.

Справедливости ради, следует отметить, что бойцы этого соединения сражались храбро, зачастую в порыве юношеской браводы отдавая дань молодечеству. Сказались и многолетние усилия имперского молодежного руководства и пропаганды по насаждению в среде молодежи национал-социалистической идеологии, образа врага, культа принесения себя в жертву во имя фюрера и «народного сообщества». Все это, наряду с недостатком боевого опыта и военным превосходством противника, привело к тому, что лишь в течение месяца дивизия понесла следующие потери: 20% павших, 40% пропавших без вести и раненых, 50% уничтоженных танков и бронемашин²⁸⁶. 3 сентября того же года, выступая с речью по поводу ввода немецкой молодежи в войну, Аксман особо выделил высокий боевой дух дивизии, подчеркнув, что это стало результатом усилий молодежной организации и Имперской трудовой повинности, которые «поставляют нам солдат национал-социалистического мировоззрения, подчиняющихся не только внешнему, но и внутреннему приказу, убеждению и голосу совести»²⁸⁷.

Однако, поскольку даже упомянутого Аксманом «фанатического презрения к смерти» уже призванной в вермахт молодежи оказывалось недостаточно для того, чтобы предотвратить поражение Германии, нацисты начинают все более широко привлекать к участию в военных действиях детей школьного возраста. Уже с 26 января 1943 г. многие зенитные батареи начали укомплектовываться гитлерюнген 16 лет и младше. Они носили униформу Люфтваффе с повязкой Гитлерюгенд на рукаве и ежедневно получали по 50 пфеннигов. Сохранились данные о распорядке в одной восточногерманской зенитной батарее, службу которой составляли ученики средних классов —

помощники Люфтваффе (каждое орудие обслуживали по 8-10 юношей). С 7 до 18 часов их день состоял из побудки и завтрака, школьных занятий, обеда, службы в пехоте, орудийной подготовки, чистки оружия и ужина²⁸⁸. Правда, после того как в октябре 1943 г. одно такое подразделение было полностью уничтожено, последовал приказ об исключении представителей соответствующих молодежных групп из службы помощников Люфтваффе, хотя обязанность выступать в роли посыльных во время бомбардировок за ними сохранилась²⁸⁹.

С созданием фольксштурма в октябре 1944 г. была введена обязательная военная служба в его подразделениях для всех немцев мужского пола в возрасте от 16 до 60 лет. Однако на практике эти возрастные ограничения не соблюдались. В горнило войны были брошены даже 11-летние мальчишки. Их вооружали фаустпатронами и посылами в бой²⁹⁰. В это время обыденным явлением стали школы, во дворах которых в специальных бараках размещались зенитки. При звуках воздушной тревоги школьники покидали классы и становились к орудиям²⁹¹. Часть детей силой ставили под ружье. Когда один из офицеров вермахта спросил повстречавшегося ему 13-летнего мальчика почему он сражается, тот ответил, что штандортфюрер хауптбаннфюрер Фришевски, прибегнув к помощи полиции, забрал его и его товарищей из домов и разместил в казармах СС²⁹².

На заключительном этапе войны, с военными поражениями вермахта, неотвратимо приближавшими крах нацистского правления, для многих членов Гитлерюгенд наступил «момент прозрения». Их письма, относящиеся к этому времени, проникнуты чувством разочарования и пессимизмом. «Было ли когда-либо еще молодое поколение с таким неопределенным и черным, таким безнадежным будущим, как наше!» – с горечью вопрошал в письме к родным, написанном незадолго до гибели, последовавшей в 1944 г., К. Лешер, 1921 г. рождения²⁹³. Многие воспитанники «Гитлеровской молодежи»,

мучительно размышлявшие над подобными вопросами, погибли, так и не получив на них ответа. Тем не менее значительная часть гитлерюнген и в этих условиях сохраняла верность режиму, искалечившему их судьбы. Сообщая о последних днях обороны столицы рейха, М. Машман рассказывала: «В предместье Берлина я видела ряд мертвых помощников зенитчиков, лежавших друг подле друга. Только что закончился воздушный налет. Зенитное подразделение, в котором эти школьники несли службу, получило несколько прямых попаданий. Я пришла в помещение барака, в котором собрались выжившие. Они сидели вдоль стен на полу и повернули ко мне свои бледные, искаженные ужасом лица. Многие плакали. В другом помещении лежали раненые. Один из них, мальчик с круглым мягким детским лицом, вскочил по стойке смирно, когда сопровождавший меня офицер спросил, испытывает ли он боль. «Да, – ответил он, – но это неважно, Германия должна победить! Отчаяние и воспитанная героическая поза боролись в этом несчастном юноше друг с другом»²⁹⁴.

Здесь мы сталкиваемся с удивительным феноменом, характерным для тоталитаризма, вне зависимости от типа последнего. Юноши и девушки, уже с ранних школьных лет становившиеся объектом идеологизации и политизации, поставленные под жесткий контроль молодежной организации, партийных и государственных органов, в условиях тотальной пропагандистской обработки приучались к мысли о необходимости отдавать приоритет общественным интересам перед личными и жертвовать всем во имя фюрера и «народного сообщества». Сумев привить молодежи чувство долга по отношению к последним, режим превратил его в важный инструмент своей политики.

Строжайшая дисциплина, ежедневная «промывка мозгов», насаждение образа врага позволили нацистскому руководству с высокой степенью эффективности манипулировать молодым поколением, умело направляя его энергию в нужное русло. Принимая активное участие в преследовании евре-

ев, цыган, иных «неарийцев», немецкая молодежь была убеждена в общегосударственной значимости выполняемой ею «миссии». Любые попытки отклонения от единой линии приводили, в полном соответствии с логикой диктаторского правления, либо к маргинализации, либо к изоляции, либо даже к физическому уничтожению «оппортунистов». В то же время для части юных немцев, в том числе из малоимущих семей, отвечавших национал-социалистическим расово-биологическим и мировоззренческим критериям, была открыта дорога в элитные средние учебные заведения и вузы, а, как следствие этого, у них появилась возможность подъема в политически и экономически руководящий слой. Для тех молодых людей, которые сумели пробиться в стремительно разрастающийся корпус фюреров Гитлерюгенд, стали кадровыми офицерами вермахта и СС, функционерами НСДАП или многочисленных организаций, курируемых ею, перспектива социальной мобильности в Третьем рейхе оказалась реальностью, в связи с чем падение последнего они воспринимали как крах вполне обоснованных надежд на их дальнейший карьерный и социальный рост.

С уходом гитлеровского режима с исторической сцены многие представители немецкой молодежи того времени ощутили себя потерянными поколением (на Нюрнбергском процессе Ширах признал свою вину в том, что он «воспитал эту молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей»²⁹⁵, а еще раньше, оказавшись в американском плену, в лагере Рум близ Инсбрука, он заявил жене, что должен освободить молодежь от веры в Гитлера, которую насаждал в ее рядах²⁹⁶, хотя вряд ли есть основания верить в искренность подобных «откровений»); другие так и не смогли либо не сочли нужным избавиться от привитых им ложных идеалов (речь не идет о подлинных ценностях, таких, например, как воспитание чувства патриотизма, хотя в условиях тоталитарной системы последнее даже в

мирное время неотделимо от образа врага), сохранив приверженность им и по достижении преклонных лет.

Важнейшими инструментами социальной мобильности молодежи являлись, во-первых, тоталитарный нацистский режим, который в директивном порядке, путем принудительной трудовой повинности, введения всеобщей воинской обязанности, создания массовой армии отрывал сотни тысяч молодых людей от семьи, привычного уклада жизни и занятий; во-вторых, – социальная политика. Путем предоставления льгот на поступление в привилегированные учебные заведения, на занятие престижных рабочих мест и возможностей быстрого продвижения по службе правительство Гитлера формировало не только батальоны СС, вермахта, полиции, но и крепко привязывало к своему режиму десятки миллионов юношей и девушек. Немалую роль в стимулировании социальной мобильности играла идеологическая составляющая социальной политики, которая провозгласила в качестве главного принципа: «возможность каждому сделать как можно больше для общества и получить как можно больше для самого себя». Этот лозунг не только играл мобилизующую роль в выработке жизненных ориентиров, выборе профессии, но и был едва ли ни решающим при вовлечении широких слоев молодежи и женщин в осуществление нацистских захватнических планов.

3.2. Положение семьи и женщины в Третьем рейхе

Первая мировая война обозначила тенденцию к усилению процесса женской эмансипации в США и ряде западноевропейских стран. Особенно интенсивно он протекал в Веймарской республике. Во второй половине 20-х – начале 30-х гг. количество немок – депутатов рейхстага значительно превосходило число женщин в представительных органах власти Великобритании, Австрии, США²⁹⁷.

Однако такое развитие событий негативно воспринималось частью немецкого общества, не в последнюю очередь нацистами. Уже на стадии ста-

новления национал-социалистического движения и борьбы за власть Гитлер и большинство его сторонников недвусмысленно заявили о себе как о противниках политической и профессиональной активизации немецких женщин, наблюдавшейся в Веймарской республике. Провозгласив в пункте 21 программы необходимость установления государственной опеки над материнством и детством²⁹⁸, лидеры национал-социализма позднее неоднократно конкретизировали собственное видение роли женщины в обществе, подходя к этому вопросу с позиций крайнего антифеминизма, который с легкой руки Д. Шенбаума нередко характеризуется как «вторичный расизм»²⁹⁹. «Женщина никогда не может быть допущена в руководство партии и руководящие комиссии» – такое решение было принято на общем собрании членов партии, состоявшемся в 1921 г.³⁰⁰. Ведущий нацистский идеолог А. Розенберг также резко выступает против женской эмансипации, т. к., по его мнению, «из права на абсолютную личную свободу неизбежно вытекает отказ от расовых барьеров», а это превращает женщину - «призванную хранительницу расы» - в разрушительницу «всех основ народности»³⁰¹. Ратуя за такой социальный порядок, который «больше не будет заставлять молодых женщин... толпами стекаться на рынок труда, расходуя самые важные женские силы», и подчеркивая, что «для женщины должны быть открыты ... все возможности для развития сил», он категорически возражал против допуска их к руководству государством, судебским должностям, службе в армии³⁰².

Отвечая в апреле 1932 г. на вопросы представителей Национальной женской организации, рассчитывавших получить от него заверения в приверженности национал-социалистов гарантированному Конституцией Веймарской республики принципу женского равноправия с мужчинами, Гитлер поспешил развеять их надежды. Следствием революции 1918 г., заявил он, стало превращение 50 тыс. женщин «в голубых чулков и партийных чинов-

ников». В Третьем рейхе им не придется забивать себе голову подобными вещами. «Каждая женщина получит своего собственного мужа»³⁰³.

Таким образом лидер НСДАП недвусмысленно дал понять, что в глазах нацистов подлинным призванием немецкой женщины являлось замужество и воспитание детей.

Интегрирование отвечающей заданным критериям части женского населения Германии в «народное сообщество» рассматривалось национал-социалистами как одно из важнейших направлений их социальной политики, без анализа которого нельзя в полной мере постичь тоталитарно-социальный характер диктатуры.

Придя к власти, нацисты подтвердили свою жесткую позицию в женском вопросе, дав ей дальнейшее обоснование и сразу же предприняв ряд практических шагов по ее реализации. Пропагандистские структуры получили указание начать проведение широкомасштабной кампании по популяризации идеального образа женщины - матери и домохозяйки, хранительницы домашнего очага и расы, цель которой заключалась в том, чтобы побудить работающих фрау и девушек, готовящихся вступить в брак, оставить работу и целиком посвятить себя семье, освободив рабочие места для безработных фольксгеноссен. В своем выступлении 8 сентября 1934 г. на съезде НСДАП Гитлер подчеркнул, что уделом мужчин и женщин являются различные сферы: более масштабный мир мужчины вмещает в себя государство, борьбу, готовность посвятить себя служению обществу; миниатюрный мир женщины замкнут на ее мужа, семье, детях, доме. Оба этих мира взаимодополняют друг друга³⁰⁴. (Позднее Б. Райнерт в работе «Немецкая женщина и ее участие в духовной жизни нации» подчеркивала, что если мужчины «отличаются сознательной волей и решительными действиями», то женщины «в большей степени интуитивны», и если женщина редко являлась «прямой созидательницей культуры», она, тем не менее, оказывала непосредственное влияние на

культурную созидательную деятельность мужчин... как «мать, супруга, подруга, сестра великих нашего народа»³⁰⁵).

Встречаясь в том же году с группой руководителей женских организаций рейха, Геббельс, совмещавший посты министра пропаганды и гауляйтера Берлина, подробно остановившись на данной теме, постарался убедить собравшихся в том, что в основе политики нового режима лежит стремление не умалить, но возвеличить значение женщины, и призвал их всячески разъяснять это соотечественницам. Именно в семье, подчеркнул он, женщина является суверенной королевой. «Если мы устраним женщину из всех сфер общественной жизни, мы сделаем это не для того, чтобы ущемить ее достоинство», но с тем, чтобы вернуть ей его³⁰⁶.

В своем ближнем кругу Гитлер неоднократно рассуждал о том, что «уважение к чести женщины несовместимо с расспросами о ее личной, частной и особенно семейной жизни»³⁰⁷. Однако на практике последняя оказалась в Третьем рейхе под жестким контролем властей и должна была служить исключительно общественным интересам. «Семейная жизнь, - внушал своим подопечным руководитель Гитлерюгенд Б. фон Ширах, - отжившее понятие. Нам оно не нужно в нашей новой жизни, которая ставит превыше всего государство. Не доверяйте никому. Следите за своей женой. Следите за своими детьми. Следите за всеми. И доносите об их действиях правительству»³⁰⁸. Для того, чтобы облегчить подобный контроль, была введена так называемая «семейная книга». В ней на каждую пару, заключавшую брак, открывался особый «семейный лист», в который регулярно заносились важнейшие данные, касающиеся конкретной семьи: сведения о родителях, гражданстве, вероисповедании, расовой принадлежности супругов, о рождающихся у них детях и т.п. Кроме того, учреждались новая книга о рождении, содержащая информацию о родителях и о заключении брака ставшего взрослым ребенка, и новая книга о смерти, куда, помимо причин смерти, заносились данные о

браке, в котором состоял умерший. В случае отказа предоставить загсам перечисленные сведения или документы, их подтверждающие, виновный наказывался штрафом на сумму до 100 рейхсмарок, а преднамеренное сообщение ложной или неполной информации каралось штрафом в размере до полутора имперских марок или арестом³⁰⁹. Помимо этого, мать должна была вести малую семейную книгу, фактически представлявшую собой генеалогическое древо данной семьи с соответствующими данными о ее членах и о каждом из предков. По достижении детьми «зрелого ответственно-сознательного возраста» мать вручала им эту «реликвию» с тем, чтобы в дальнейшем они передали ее своим детям «как завещание»³¹⁰.

Поскольку особая роль отводилась биологической функции женщины («Необходимо понять, что брак не является самоцелью, что он должен служить более высокой цели – размножению и сохранению вида и расы», - утверждал Гитлер в «Майн Кампф»³¹¹), средства массовой информации превозносили ее как бойца, находившегося на передовой линии борьбы за повышение рождаемости. «На первом месте для всех немецких женщин стоит материнство. Быть матерью - вот что объединяет женщин всех слоев, всех сословий», – провозглашал Р. Лей³¹².

Подобная установка в значительной степени была обусловлена тем, что в первой трети XX в. показатели рождаемости в Германии обнаружили угрожающую тенденцию к неуклонному снижению: если в начале столетия здесь было зарегистрировано свыше 2 млн. живых новорожденных, то в 1925 г. – уже 1,3 млн, а в 1933 г. – лишь 971 тыс. А так как в 1933 г. женщин детородного возраста в стране было значительно больше, чем перед Первой мировой войной, это падение оказалось еще более резким: со 128 новорожденных на каждую тысячу женщин фертильного возраста (от 15 до 50 лет) в 1910 – 1911 гг. до 80 – в 1925 г. и 59 - в 1933 г.³¹³. Политикам, взявшим курс на подготовку нации к войне и нуждавшимся в солдатах, такое положение представля-

лось особенно нетерпимым. Одновременно усилия режима по внушению женщинам необходимости принести в жертву свои профессиональные амбиции и сосредоточиться на задачах деторождения (самые низкие показатели рождаемости в указанный период были отмечены в областях с наиболее высоким уровнем женской занятости)³¹⁴ призваны были способствовать рассасыванию безработицы среди мужчин.

В нацистской пропаганде того времени широкое распространение получило осуждение так называемой «ибсеновской женщины», леди «городского типа», которая оторвалась от своих корней и, в отличие от «первичной женщины», крестьянки, променяла счастье материнства на психологические проблемы. Ее образ складывался из накрашенных губ, наманикюренных ногтей, высоких каблуков и тяги к никотину. В то же время, как вспоминал личный фотограф фюрера Г. Гофман, тот, вопреки сложившемуся представлению о нем, «никогда не возражал против губной помады и накрашенных ногтей», о которых так презрительно отзывались в партийных кругах. В прежние дни, когда коротко остриженные волосы стали предметом партийной дискуссии, более консервативные члены призывали к тому, чтобы «женщины с коротко остриженными волосами не допускались на партийные собрания», но Гитлер принял решение в пользу короткой стрижки³¹⁵. По свидетельству Г. Раушнинга, в беседе, состоявшейся во время обеда у Гитлера летом 1933 г., Геббельс также в свойственной ему ехидной манере высмеял «допотопные нравственные критерии реакционеров, ложное понимание немецкого духа, идиотов, которые призывают клеймить позором «негерманские» женские стрижки и косметику»³¹⁶.

Однако среди представителей нацистской администрации далеко не все отличались такой «широтой» взглядов. В первые годы национал-социалистического правления власти многих немецких городов обязывали владельцев местных ресторанов вывешивать в своих заведениях объявления,

запрещавшие посетительницам курить, а шеф Эрфуртской полиции в своем служебном рвении зашел столь далеко, что обратился к горожанам с призывом при виде курящих немок останавливать их и «напоминать им об их долге германской женщины и матери»³¹⁷.

«Каждый ребенок, которого женщина приносит в этот мир, это битва, битва, которая ведется ради существования ее народа, - провозгласил Гитлер 15 сентября 1935 г., обращаясь к партийному съезду с речью, озаглавленной: «У женщины тоже есть свое поле битвы»... – Программа нашего национал-социалистического женского движения имеет в действительности один – единственный пункт, и этот пункт – ребенок, это крошечное существо, которое должно родиться и вырасти сильным, поскольку лишь в ребенке борьба за жизнь в целом обретает свое значение.... Мы знаем, что это – Германия будущего»³¹⁸. Геббельс высказался более цинично: «Миссия женщины – быть красивой и приносить в этот мир детей.... Женщина прихорашивается для своего супруга и высиживает для него яйца»³¹⁹.

Конечно, даже среди наци было немало противников подобных крайностей. Они призывали к построению нового общества по образцу «славной нордической эры», когда женщины имели равные с мужчинами возможности реализации своих способностей во всех сферах деятельности³²⁰. Причем по иронии судьбы в Третьем рейхе, где евреи были официально провозглашены «козлами отпущения» за все проблемы германского народа, ссылки на их «подрывную деятельность» нередко становились аргументом в пользу взаимоисключающих точек зрения. Так, феминисты из числа нацистов, прямо противореча фюреру, объявившему лозунг «эмансипации женщин» изобретением «еврейских интеллектуалов»³²¹, настаивали на том, что совместную ответственность за распространение «порочной концепции женской неполноценности» несут римское право и иудаизм и что лишь путем устранения таких разлагающих идей может произойти самоочищение германского обще-

ства³²². В 1934 г. национал-социалистический феминистский журнал «Германская воительница», редактором которого была С. Рогге-Бернер, прокомментировал начатую правительством политику сокращения мужской безработицы за счет увольнения женской рабочей силы следующим образом: «Для сотен тысяч женщин и девушек не остается ничего иного, кроме самоубийства и проституции». Когда в том же году активистки женских организаций не были допущены к участию в церемонии прощания с президентом Гинденбургом, журнал попытался протестовать: «Бесчисленные представители иностранных правительств, каждое из которых при желании может свергнуть нас завтра в пучину войны, присутствовали на похоронах «отца фатерланда», но для матерей фатерланда там не нашлось места»³²³.

Хотя отдельные проявления подобных настроений не шли дальше не имевшего политического значения «ворчания» и тем более не принимали формы какой бы то ни было оппозиционности режиму, Гитлер не оставил их без внимания. Выступая в 1935 г. перед членами Национал-социалистической женской организации («НС – Фрауеншафт») по случаю Дня партии, он заявил: когда наши оппоненты упрекают нас в том, что мы унижаем женщину, отводя ей единственную задачу рождения детей, «я отвечаю, что быть матерью для женщины не унижение. Напротив, это ее величайшая честь. Нет ничего благороднее для женщины, чем быть матерью сыновей и дочерей народа»³²⁴. Профессиональная карьера женщины объявлялась им менее значимой по сравнению с «высокой долей» матери и домохозяйки. Если по соседству с женщиной - адвокатом, которая многого добилась, «проживает мать с пятью, шестью, семью детьми, все они здоровы и хорошо растут, то я бы сказал: с точки зрения вечной пользы для нашего народа женщина, родившая и вырастившая детей и подарившая, таким образом, нашей нации жизнь в будущем, достигла большего и сделала больше», – говорил Гитлер на съезде НСДАП в 1937 г.³²⁵. Подобные заявления, исходив-

шие из уст самого фюрера, мгновенно подхватываемые средствами массовой информации, находили понимание и отклик у части немцев. Некая жительница Гамбурга, мать четверых детей, делясь в письме Гитлеру своей радостью по этому поводу, высказала мнение, что материнство – превыше политического успеха³²⁶. Посол США в Германии У. Додд записал в своем знаменитом дневнике 12 июля 1934 г.: «Одна милая немка... непременно хотела показать мне фотографию своего ребенка – крепкого, здорового, шестимесячного малыша, и не раз повторяла лозунг Гогенцоллернов, который Гитлер проповедует еще более рьяно, чем они: дело женщины: Kirche, Kinder und Küche (церковь, дети и кухня)»³²⁷.

В то же время иногда возникали курьезные ситуации. Так, руководительница Национал-социалистического союза учителей А. Ребер-Груббер не смогла осуществить свое желание переселиться поближе к месту работы из-за убежденности ее мужа в том, что домашние обязанности супруги важнее служебных. Поэтому ей нередко приходилось руководить делами по почте, не покидая своего дома³²⁸. (В связи с вышеуказанным нелишним будет коснуться отношения Гитлера к собственному браку, по поводу возможности которого в Германии периодически возникали слухи. Как-то в беседе со своей невесткой Бриджит, задавшей ему вопрос о причинах его безбрачия, фюрер полушутя-полусерьезно ответил, что это вопрос статистики. «В Германии, – уточнил он, – приблизительно 20 миллионов женщин и столько же девушек, которые в большей или меньшей степени интересуются мной. Если я женюсь на одной из них сегодня, я потеряю интерес к себе 39999999 других завтра»³²⁹. Позднее его секретарь Т. Юнге получила на тот же вопрос иной ответ: «Из меня получился бы плохой отец семейства, и я считаю безответственным создать семью, если не смогу в должной мере посвятить себя своей жене. Кроме того, я не хотел бы иметь собственных детей. Считаю, что потомкам гения трудно приходится в жизни»³³⁰. 25-26 января 1942 г. в узком

кругу своих соратников он высказался откровеннее: «Что самое плохое в браке: он создает законные притязания! Тогда уже намного правильнее иметь любовницу»³³¹).

На решение поставленных задач были направлены усилия соответствующих партийных и государственных органов, женских организаций, творческой интеллигенции. Для того чтобы побудить немцев активно включиться в осуществление нацистской демографической политики, власти разработали и приступили к реализации ряда мер материального и морального стимулирования. Среди первых пальма первенства принадлежала беспроцентным, не облагавшимся налогом, брачным ссудам, которые по инициативе статс-секретаря Имперского министерства финансов Рейнхардта³³² стали выплачиваться с лета 1933 г. молодым супружеским парам в форме ваучеров, дававших им право на приобретение предметов домашней обстановки и программа выплаты которых рассматривалась как составная часть «Закона о сокращении безработицы» от 1 июня 1933 г. (раздел 5)³³³. В Положениях об их предоставлении говорилось, что представители немецкой нации, создающие семью, после вступления этого закона в силу могут подать заявление с просьбой о получении брачной ссуды на сумму до 1000 рейхсмарок³³⁴. Прошение разрешалось подавать перед свадьбой, а получение ссуды было возможно лишь после оформления брака и при обязательном соблюдении следующих условий: «а) чтобы будущая жена проработала по меньшей мере шесть месяцев в Германии в период между 11 июня 1931 г. и 31 мая 1933 г.; б) ...чтобы будущая жена оставила свою работу не позднее дня бракосочетания или уже оставила ее к моменту подачи заявления; в) чтобы будущая жена обязалась не возвращаться на работу до тех пор, пока доход ее мужа (в соответствии с целями закона о подоходном налоге) не превысит 125 рейхсмарок и до тех пор, пока брачная ссуда не будет полностью погашена.... Брачная ссуда выплачивается в форме ваучеров. Это дает получателю право приобре-

тать мебель и бытовые товары в магазинах розничной торговли, готовых к приему ваучеров. Ваучеры будут погашаться финансовыми ведомствами в кассах...»³³⁵.

Последнее условие способствовало оживлению активности в соответствующих отраслях экономики, став одним из стимулов их посткризисного возрождения и дальнейшего развития.

Погашение ссуды осуществлялось на льготной основе – из расчета 1 % в месяц – и начиналось спустя три месяца после ее получения³³⁶. При этом от женщин, чьи мужья зарабатывали менее 125 рейхсмарок ежемесячно, не требовалось бросать работу немедленно³³⁷. Принципиальным условием являлось ограничение круга получателей ссуд «генетически здоровыми» и «расово полноценными» семьями³³⁸. (Последнее обстоятельство особо подчеркивалось не только нацистскими политиками, но и германскими расологами, занимавшими среди интеллектуальной элиты Третьего рейха привилегированное положение. В лекции «Народ и государство в их отношении к наследственному отбору», прочитанной в феврале того же года в Иенском университете Г. Гюнтером, автор убеждал слушателей в том, что «каждое государство для своего сохранения и еще больше – для увеличения своей мощи должно опираться на достаточно широкий слой семей с наследственными качествами повышенной ценности. Государство германского типа должно опираться на родовую знать. Я не имею в виду титулованную знать... Семьи всех сословий с высококачественной наследственностью мы можем считать латентной аристократией нашего народа.... Государство... должно позаботиться о бедных семьях с высококачественным наследственным фондом»³³⁹. Ему вторил профессор расовой биологии из Кенигсберга Л. Лозффлер: «Мы знаем, что при наших сегодняшних показателях смертности» необходимо, чтобы в браке в среднем было не менее четырех детей, «чтобы сохранить состав народа», тогда как «перед взятием власти немецкая семья в Германии давала жизнь 2,3

детям». Подчеркнув решающую роль, которую в будущей судьбе немецкого народа играет качество потомства, Лозффлер обращал внимание на то, что единственная группа, имевшая достаточный для ее сохранения уровень рождаемости, состояла из наследственно слабоумных, девок, преступников и ту-неядцев³⁴⁰).

Финансировалась эта программа, главным образом, за счет налога на холостяков (исключение составляли те из них, кто имел детей. – Е.П.), поглощавшего от 2 до 5 % их дохода³⁴¹. Кроме того, уже в 1934 г. Рейнхардт писал, что средства на эти цели могли бы поступать из тех же источников, за счет которых оказывается поддержка безработным. Возвращенные же по ссудам суммы он предлагал направлять на выделение финансовой помощи детям³⁴². Подчеркнув огромное значение «Закона о содействии заключению браков» (в общей сложности в период нацизма германское семейное право обогатилось 86-ю юридическими актами)³⁴³ в борьбе за сокращение безработицы и охарактеризовав его как первейшую предпосылку «для длительного увеличения численности и укрепления нашего народа», Рейнхардт пообещал ежегодно предоставлять 250 тыс. брачных ссуд и сделал следующие прогнозы: число женщин - наемных работниц со временем сократится с «сегодняшних» 6 млн до 3 млн, ежегодное количество заключаемых браков возрастет по меньшей мере на 200 тыс., что приведет к росту кривой рождаемости³⁴⁴.

Особую ценность в глазах нацистов представляли многодетные семьи, к которым они относили полные «наследственно здоровые стабильные семьи» с четырьмя и более детьми, «имеющие решающее значение для сохранения нации»³⁴⁵. В связи с этим Имперская лига многодетных семей (РдК), основанная в 1920 г., получила в Третьем рейхе официальное признание. Появление у пары, «полноценной» в расовом, наследственном и поведенческом отношении, четвертого ребенка давало родителям право, уплатив определенный денежный взнос, претендовать на членство в этой организации³⁴⁶, пере-

данной в ведение Расово-политического управления НСДАП³⁴⁷. С каждым прибавлением семейства у супругов, взявших брачную ссуду, четвертая часть ее считалась погашенной³⁴⁸ и для последующей выплаты они получали отсрочку на год. В народе такая система получила название «расчет детьми»³⁴⁹. Позднее, в 1938 г., брачные ссуды стали доступны для сельскохозяйственных рабочих. В последнем случае они считались полностью погашенными, если получатель не менял места работы³⁵⁰.

Государственные брачные ссуды были поддержаны денежными выплатами, осуществлявшимися частными фирмами. Так, компания Реemtсма, производившая сигареты, премировала своих работниц вознаграждением в сумме 600 рейхсмарок, если они увольнялись в связи с вступлением в брак³⁵¹.

За выплатой брачных ссуд последовало предоставление ряда дополнительных льгот. В октябре 1934 г. скидки на подоходный налог на каждого находящегося на иждивении ребенка почти удвоились, а добровольные выплаты со стороны работодателей работающим женщинам по случаю их замужества освобождались от налогообложения. С сентября 1935 г. многодетным семьям стали выплачиваться пособия, составлявшие 100 рейхсмарок на каждого ребенка. Предпочтение отдавалось супругам, имевшим более 5 детей. Оказывалось и прямое давление. Так, в Гамбурге в августе-октябре 1933 г. были проведены кампании против замужних женщин, имевших двойной источник дохода, и осуществлены меры, цель которых состояла в том, чтобы побудить одиноких немцев вступить в брак и оставить свою работу³⁵².

Все это позволило нацистам добиться определенного эффекта в реализации поставленных задач. 29 января 1935 г. Рейнхардт выступил с отчетом об экономическом восстановлении, в котором привел следующие данные: на 31 декабря 1934 г. на основании «Закона о содействии заключению браков» от 1 июня 1934 г. предоставлено 365591 брачная ссуда на общую сумму 200 млн. рейхсмарок. Одна лишь эта мера, подчеркнул он, позволила добиться

сокращения безработицы по меньшей мере на полмиллиона человек, что уменьшило расходы, связанные с выплатой пособий безработным, на сумму приблизительно в 250 млн. рейхсмарок. При этом количество заключенных браков уже в 1933 г. превысило показатели 1932 г. на 27,3 %. Если за первые 6 месяцев 1933 г. было зарегистрировано 252 592 брака и 490 340 рождений, то за тот же период 1934 г. эти цифры составили соответственно 334 567 и 576 843³⁵³. В связи с этим возросли потребности в мебели, бытовых товарах и квартирах. Задача решения жилищной проблемы многодетных семей официально провозглашалась в качестве одного из приоритетных направлений социальной политики нацистского режима. «Нужно... убрать пугало маленьких жилищ, – писал Лозффлер, – ... 43% всего построенного в 1935 г. жилья выпадает на маленькие жилища, до двух комнат. ... Маленькая квартира является основной причиной маленькой семьи». Жилище должно быть «ориентировано на полную семью», в связи с чем в его задачу входит «предоставить здоровое жизненное пространство для шести-восьми лиц»³⁵⁴.

В то же время имевшее особое значение для разрешения этой проблемы «Предписание об облегчении создания квартир для многодетных семей» было подписано имперским комиссаром по ценообразованию лишь 20 апреля 1939 г. В вводной части этого документа отмечалось, что требование увеличения численности многодетных семей относится к числу главных принципов национал-социалистической политики народонаселения, поэтому вопрос о создании для них благоприятных жилищных условий приобретает особую остроту. Поскольку в настоящий момент проблема не может быть решена лишь за счет строительства нового жилья, говорилось далее в Предписании, «нужно заботиться о том, чтобы при сдаче в наем освободившихся жилищ домовладельцами отдавалось предпочтение многодетным семьям». § 3 Предписания позволял накладывать на хозяина квартиры, который «в противовес его положениям или предписаниям, изданным в целях его осуществления и

дополнения, отказывается сдавать квартиру многодетной семье», штраф в размере 5 тыс. рейхсмарок. Эти деньги должны были быть израсходованы на «удешевление предназначенных для многодетных семей квартир в новостройках»³⁵⁵. В § 1 Предписания о реализации «Предписания об облегчении создания квартир для многодетных семей» от 15 июня 1939 г. уточнялось, что многодетной следует считать семью, имеющую, «по меньшей мере четырех детей моложе восемнадцати лет», и указывалось, что компетентные учреждения по ценообразованию могли в приказном порядке распространить положения Предписания на семьи с тремя детьми³⁵⁶.

Подводя первые итоги пронаталистской политики режима, Р. Гесс направил всем функционерам НСДАП послание. Одобрив достигнутое в 1934 г., после периода постоянного спада, увеличение рождаемости (73 живых младенца на тысячу женщин детородного возраста, в сравнении с 59-ю в 1933 г.)³⁵⁷, он подчеркнул, что эти результаты по-прежнему далеки от необходимых. Заместитель фюрера потребовал от партийных чиновников внимательно относиться к нуждам многодетных семей в подконтрольных им областях и при отборе кандидатур для ведения партийной работы в течение полного рабочего дня отдавать предпочтение главам подобных семейств³⁵⁸. При этом Гесс обратил внимание своих подчиненных на то, что оказание материальной помощи членам Имперской лиги многодетных семей целиком относилось к компетенции НСФ, а не РдК. В своем отчете, представленном партийному съезду в 1936 г., Рейнхардт привел новые цифры: в 620 тыс. семей, воспользовавшихся возможностью получения брачных ссуд, родилось 425 тыс. детей³⁵⁹.

Судя по всему, эти данные были в значительной степени завышены. Согласно современным исследованиям, к 1938 г. 560 тыс. семей получили пособия, составлявшие в среднем 330 рейхсмарок, или 62 рейхсмарки на каждого из 3 млн. детей. Причем часть этих денег поступала семьям, в которых

старшие дети уже не являлись иждивенцами. Кроме того, начиная с июля 1936 г., ежемесячно 10 рейхсмарок выплачивалось за пятого и каждого последующего ребенка младше 16 лет семьям рабочих и служащих, чей доход не превышал 185 рейхсмарок в месяц. Этот лимит, значительно превосходивший средний уровень заработной платы в промышленности в 1936 г., исключал из числа получателей доплат две трети «белых воротничков». 15 месяцев спустя он был поднят до 200 имперских марок, и указанные льготы получили лица, обслуживающие собственные предприятия. Однако на последних не распространялась реформа 1938 г., вновь повысившая доходный лимит до 650 рейхсмарок и установившая ежемесячную выплату в 10 рейхсмарок за третьего и четвертого ребенка и по 20 рейхсмарок за всех последующих детей. Общее количество детей, охваченных этими пособиями, увеличилось с 300 тыс. в 1936 г. до 2,5 млн. в 1938 г. Деньги выделялись из национального фонда страхования по безработице, который с 1934 г. накопил большую нераспределенную прибыль³⁶⁰.

Поддержка многодетных семей осуществлялась не только правительственными органами, но также партийными и профессиональными организациями (например, ассоциации фармацевтов, врачей, дантистов помогали своим членам, имевшим много детей), службами социального страхования и, как уже отмечалось, частными фирмами.

С марта 1938 г. «политически благонадежным» юношам из больших семейств предоставлялись ссуды на получение образования и прохождение профессионального обучения. Суммы обязательных взносов, которые уплачивались в фонды нацистских организаций многодетными родителями, были уменьшены; железнодорожные билеты им и их детям продавались по сниженным ценам; такие организации, как «Национал-социалистическая народная благотворительность», «Зимняя помощь», «Мать и дитя» оказывали им

помощь товарами и деньгами, а в сельскохозяйственных районах создавали детские сады на период сборов урожая.

Меры поддержки общеимперского характера дополнялись местными инициативами. Некоторые города вслед за Берлином, где уровень рождаемости был исключительно низким, учреждали специальные пособия семейным парам, согласившимся завести третьего ребенка³⁶¹. В марте 1934 г. власти Дармштадта, уже практиковавшие предоставление многодетным семьям скидок на квартирную плату, предложили снабдить 1500 матерей, имевших трех и более детей, специальными карточками, которые давали бы им право на бесплатное посещение театра по определенным вечерам. Это послужило примером для администраций других земель. В Гамбурге, близ Галле, было объявлено, что 24 местные многодетные семьи должны будут вносить лишь половину обычной платы за воду и электроэнергию. Помимо прочего, газета «Фелькишер Беобахтер» проинформировала своих читателей о том, что немки, имеющие не менее трех детей младше 10 лет, получают почетные карточки, содержащие на обороте просьбу ко всем службам оказывать их владельцам особое внимание и дающие им право на внеочередное обслуживание в магазинах. На лицевой стороне карточки помещалось изображение матери в окружении маленьких детей, снабженное надписью: «Самое прекрасное имя в мире – мать!»³⁶². В 1936 г. Гесс передал многодетным родителям приветствие и благодарность вождя и нации по случаю Дня чести немецкой семьи: «Фюрер, партия и нация умеют ценить то, что вы сделали для нации. Вы приносите жертву во имя сообщества, вы выступаете за будущее и жизнь нации»³⁶³.

Важнейшим моральным стимулом, который, по мнению правительства, должен был сделать идею многодетности более привлекательной в глазах фольксгеноссинен, стало учреждение Почетного креста немецкой матери. Он имел три степени и ежегодно вручался многодетным соотечественницам

видными деятелями партии в торжественной обстановке в День матери (второе воскресенье мая). Бронзовым крестом третьей степени награждались матери четырех-пяти детей, серебряным крестом второй степени - матери шести-семи и золотым крестом первой степени – женщины, имевшие восемь и более детей. Девиз, выгравированный на оборотной стороне креста, гласил: «Ребенок облагораживает мать!»³⁶⁴.

Указ об учреждении новой награды был подписан Гитлером 16 декабря 1938 г. В Положении о Почетном кресте немецкой матери отмечалось, что он присваивается за «заслуги немецких матерей перед немецким народом» и в качестве обязательных условий, дающих право на награждение, указывались чистота немецкой крови, текущей в жилах родителей, и их здоровая наследственность³⁶⁵. Комментируя требования, предъявляемые к расовой чистокровности и «полноценности» не только кандидатки на получение награды, но и ее мужа, один из нацистских «экспертов» по вопросам расы В. Кнорр писал, что таким образом «впервые в законодательстве германского рейха были закреплены требования», которыми уже в течение ряда лет руководствовалась в своей деятельности Расово-политическая служба НСДАП, и делал вывод: решающим для определения наследственной ценности индивида является не только его личное состояние - «наследственно здоровый» или «наследственно больной», но и наследственное здоровье рода, из которого он происходит³⁶⁶. Если средний брачный возраст немецкого мужчины превышает 30 лет, то мужчина, который в дальнейшем станет многодетным отцом, женится примерно в возрасте 24 лет, так что население в среднем в течение столетия даст три поколения многодетных семей, писал Кнорр в другой, более ранней статье. «Выражение «многодетная семья сегодняшнего дня - это лицо народа завтрашнего дня» - не меткое словцо, а трезвый расчет, - отмечал он. - Если многодетные семьи биологически ценны, то для будущего они будут гарантировать политический и культурный слой нашего народа, а если

они не являются таковыми, то наш народ в будущем окажется под угрозой, исходящей от сегодняшних семей с большим количеством детей»³⁶⁷. По мнению Кнорра, одна из главных задач государства - создание в РдК элиты из больших семей с хорошей наследственностью³⁶⁸.

Получив указание Гитлера выступить по вопросу о новой награде на партийном съезде 1938 г., руководитель Главного управления народного здравоохранения при НСДАП, имперский фюрер врачей Вагнер, заявил: «Немецкая многодетная мать должна занимать такое же почетное место в германском народном сообществе, как и солдат на фронте», т. к. ее значимость для жизни народа и фатерланда ничуть не меньше³⁶⁹. Здесь же было объявлено, что впервые церемонии награждения трех миллионов немок хорошего «арийского» происхождения состоятся в День матери в 1939 г. Крест автоматически давал его обладательницам ряд дополнительных льгот, в основном нематериального характера. К их числу относились право на почетные места при проведении партийных и государственных мероприятий, обязанность кондукторов отдавать им приоритет при предоставлении места в железнодорожном транспорте и трамвае, особое обеспечение в старости, предпочтительный прием одиноких матерей преклонного возраста в дома для престарелых, которые планировалось создать в крупных городах, или же в элитные отделения уже существующих заведений подобного рода³⁷⁰. Члены «Гитлеровской молодежи» при встрече с такими женщинами должны были салютовать³⁷¹. В случае «недостойного поведения» награжденной (в памятке, изданной рейхминистром внутренних дел по согласованию с заместителем фюрера, в частности, указывалось, что недостойной является мать, которая была наказана заключением в каторжной тюрьме или сделала аборт) рейхсканцлер по представлению главы МВД мог аннулировать награждение³⁷². Полноценным («расово и наследственно здоровым», «социально стабильным», «политически надежным») большим семьям после соответствующей

щего исследования, проводившегося официальными лицами РдК, ее руководителем по согласованию с Расово-политической службой НСДАП вручалась «Почетная книжка многодетной семьи»³⁷³. Первыми обладателями таких книжек в начале декабря 1937 г. стали 200 семей, являвшихся членами «почетного круга руководства» Лиги (учрежден в 1935 г.) и берлинского отделения РдК³⁷⁴.

Как уже отмечалось, режим декларировал свою заинтересованность не только в количестве рождающихся детей, но и в их «расово-биологическом качестве», здоровье нации тесно увязывалось с расовыми проблемами. Женщины рассматривались как главное звено в этой цепи. В «Майн Кампф» Гитлер писал: «Наше народническое государство будет считать... своей первой задачей - поднять институт брака, чтобы он перестал быть позором расы. Наше государство поставит институт брака на такую высоту, которая соответствовала бы его высокому призванию - давать потомство людей, являющихся образом и подобием Божиим, а не потомство, состоящее из помеси человека и обезьяны»³⁷⁵. Шеф национальной программы евгеники В. Гросс, обращаясь к немецким женщинам в 1934 г., заявил: «То, кто вы такие и кто я такой, и кем я могу стать в своей жизни, отчасти предопределено моей генетической наследственностью»³⁷⁶. Г. Шольтц-Клинк сетовала на отсутствие в «современные трезвые времена» священной расовой функции и значимости женщин и призвала их «вновь стать жрицами семьи и нации»³⁷⁷.

Расово-биологические критерии стали неотъемлемым атрибутом брачных объявлений, печатавшихся в нацистской прессе. Приведем два типичных примера последних. «Здоровая баварка, член партии, полногрудая блондинка нордической внешности, 25 лет от роду, рост 1,75 м, не страдающая наследственными заболеваниями, активно интересующаяся политическими и культурными событиями, хочет встретить подходящего мужчину в целях воспроизводства», - говорилось в одном из них³⁷⁸. Другое объявление гласило: «52-

летний врач, чистокровный ариец, сражавшийся под Танненбергом, желающий остепениться, мечтает о потомстве мужского пола через гражданский брак с молодой здоровой девственницей чисто арийского происхождения, неприхотливой, привычной к тяжелой работе и цветущей...»³⁷⁹.

Не ограничиваясь в заботе о «расово полноценном» потомстве призывами, нацисты приняли 18 октября 1935 г. «Закон об охране наследственного здоровья немецкого народа», обязывавший обрученные пары пройти медицинское обследование для получения в местном учреждении здравоохранения сертификата, удостоверявшего пригодность обоих к вступлению в брак³⁸⁰. В 1936 г. местным здравоохранительным органам было дано указание принуждать беременных женщин, страдавших наследственными заболеваниями, делать аборты. Такую же позицию власти заняли по отношению к представительницам «чуждых рас». В то же время Имперское управление здравоохранения совместно с Расово-политическим управлением проводили кампании по борьбе с искусственным прерыванием беременности среди «расово полноценных» фольксгеноссинен. Уже в мае 1933 г. были ужесточены наказания лиц, производивших аборты «здоровым арийкам» без достаточных на то медицинских показаний. Число осужденных за это преступление к тюремному заключению на срок до двух лет увеличилось с 5072 человек в 1934 г. до 7670 в 1938 г.³⁸¹. Понимая, что одними репрессиями проблемы не решить, национал-социалисты создали по всей стране специальные дома для одиноких женщин, и в 1935г. Фрик отдал приказ, обязывавший каждую беременную женщину посещать консультативный центр. Эта мера была направлена на выявление любых обращений с просьбой о производстве аборта и предотвращении последнего, а также объяснялась стремлением гарантировать учет каждой желательной беременности и контроль за нею³⁸². Один из ведущих немецких гинекологов и специалистов в области евгеники А. Майер опубликовал в 1938 г. брошюру «Германские матери и возрождение Герма-

нии». Подвергнув резкой критике упадок нации, происшедший, по его мнению, в период Веймарской республики, когда широко практиковались аборты и меры по ограничению рождаемости, он утверждал, что лишь теперь нация нашла «свой путь к позитивной идеологии материнства». «Ценность нации, - писал Майер, - проявляется в готовности ее женщин стать полноценными матерями.... Нам нужен величественный материнский трон, перед которым мужчинам следует почтительно склониться. Германия должна вновь стать плодородной землей материнства и детства и вскоре превратиться в могущественную державу.... Существование или исчезновение нашего народа всецело зависит от матери»³⁸³. Поскольку серьезной проблемой в середине 30-х гг. стало растущее число преждевременных родов, в 1938 г. был принят «Закон об акушерках», который не только закрепил право каждой немки на помощь акушерки, но и обязывал каждую беременную женщину «безотлагательно обратиться к акушерке»³⁸⁴.

Однако эффективность подобных мер была невелика. По свидетельству некоего штабного офицера СС, в 1936 г. было произведено не менее полумиллиона абортов, причем значительная их часть женщинам из «наиболее ценных в расовом отношении» семей. «Если бы нам удалось предотвращать эти аборты на протяжении 20 лет, - заявил он, - мы бы получили 200 дополнительных полков». К концу же 30-х годов ежегодное количество абортов увеличилось с 500 тыс. до 1 млн., что значительно превышало число детей, родившихся у супругов, получивших брачные ссуды³⁸⁵.

Несмотря на все усилия пропаганды и различные формы стимулирования, результаты нацистской политики в женском вопросе оказались далеки от тех, на которые рассчитывало политическое руководство Третьего рейха. Число браков на тысячу человек населения возросло с 7,9 в 1932 г. до 9,7 в 1933 г. и 11,2 в 1934 г. В 1935-1938 гг. оно колебалось между 9,1 и 9,7, вновь достигнув цифры в 11,2 в 1939 г.³⁸⁶, несколько превысив средние по-

казатели 20-х гг. Последнее в значительной степени явилось следствием послекризисного восстановления экономики³⁸⁷. Возможно, указанные цифры были бы выше, но введение обязательной трудовой и военной повинности для молодых людей уменьшило количество ранних браков, т.к. призванные на военную службу в течение двух с половиной лет ее прохождения зарабатывали мало и им требовался более длительный период для того, чтобы скопить денег и создать семью³⁸⁸. Характерно и то, что число разводов опережало статистику регистрируемых браков³⁸⁹, отражая общую для всех индустриально развитых стран тенденцию. Несмотря на неоднократные рассуждения Гитлера о недопустимости поощрения разводов, которые он приравнивал к дуэлям³⁹⁰, нацисты в 1938 г. расширили круг законодательно закрепленных оснований для расторжения брака, отнеся к ним супружескую измену, отказ от воспроизводства, расовое несоответствие, «евгеническую слабость», аморальное поведение, венерическую болезнь (в ходе проводимой нацистами борьбы с последними под контроль было взято 750 тыс. случаев заболеваний)³⁹¹. Вследствие этого количество разводов увеличилось более чем на 20%. Причем в 80% из 30 тыс. расторжений брака, совершенных по новому законодательству, инициаторами ухода из семьи выступали мужья³⁹². В то же время показатели рождаемости (на каждую тысячу женщин фертильного возраста в 1933 г. родилось 59 живых младенцев, в 1934 г. – 73, в 1935-1937 гг. – 77, в 1938 г. – 81, в 1939 г. – 85) значительно уступали соответствующим данным зафиксированным в 1910/11 г. (128) и 1922 г. (90 живых младенцев)³⁹³. И это несмотря на то, что количество родильных домов в указанный период увеличилось, детская и материнская смертность снизилась³⁹⁴, в первую очередь, конечно же в «расово ценных» семьях. (Характерно, что самый низкий в Германии и среди городов мира коэффициент рождаемости был отмечен в Берлине: в 1933 г. свыше 35% всех столичных супружеских пар оставались бездетными, что почти вдвое превышало средние национальные по-

казатели. Однако это, видимо, не в последнюю очередь, было связано с большим количеством аборт, производимых в городе)³⁹⁵.

Рождаемость в браках, зарегистрированных после прихода нацистов к власти, была значительно ниже, чем в семьях, созданных в 20-е гг.: из супружеских пар, оформивших свои отношения в 1929 г. и сохранивших их на конец 1934 г., 25,9 % оставались в этот период бездетными, а 36,4 % имели лишь одного ребенка; для поженившихся в 1933 г. и остававшихся вместе в декабре 1938 г. эти цифры составляли соответственно 33,1 % и 26,9 % . Почти 620 тыс. семейных союзов, образованных в период с 1929 по 1933 год (т.е. более 20 % общего их количества), не имели детей к 1939 г. Это побудило правительство ввести в феврале 1939 г. для семей, остававшихся бездетными спустя пять лет после вступления в брак, специальный штрафной налоговый коэффициент, который был на 40 % выше стандартного³⁹⁶. При этом количество рождений в семьях, получавших ссуды, выросло в пропорциональном отношении к общему числу живых новорожденных с 11 % в 1934 г. до 17,5 % в 1937 г. и 20,5 % в 1939 г., составив в 1940 г. 22 %. Однако, учитывая, что семьи, воспользовавшиеся брачными ссудами, составляли осенью 1933 г. свыше 30 %, а в конце 30-х гг. – более 40 % всех семей³⁹⁷, можно сделать вывод о том, что определенный рост кривой рождаемости во многом был обусловлен общим подъемом германской экономики в указанный период по сравнению с кризисными годами и лишь отчасти обязан целенаправленной политике нацистского руководства.

Попытки превратить Германию в нацию многодетных семей потерпели провал, о чем свидетельствуют данные таблицы 23.

Таблица 23

Среднее число детей после пяти лет брака на каждые 100 женщин³⁹⁸

Возраст женщин, лет	1933	1939	Прирост
23	172	172	0

24	165	164	- 1
25	156	157	1
26	147	149	2
27	140	142	2
28	133	136	3
29	127	133	6
30	122	131	9
31	120	129	9
32	117	127	10
33	116	126	10
34	116	123	7
35	111	120	9
36	107	118	11
37	107	115	8
38	101	108	7
39	99	104	5

По другим данным, в 1939 г. лишь одна семья из 30 имела четверых или более детей младше 14 лет и только в одной семье из ста насчитывалось 5 и более детей³⁹⁹. Таким образом, даже диктаторский режим не смог заставить подавляющее большинство семей полностью подчинить свои интересы пронаталистским планам властей и трансформироваться в «родильные ячейки» общества.

Подобное положение привело к тому, что наряду с продолжавшимися славословиями в адрес «полноценных» брачных союзов постепенно начинается проведение политики поощрения появления на свет внебрачных детей, способствовавшей подрыву традиционных семейных устоев.

Еще в период борьбы национал-социалистов за власть А. Розенберг утверждал, что в будущем рейхе «при сохранении моногамии» матерям внебрачных, но расово полноценных детей будет оказываться уважение, а самих детей уравнивают «в общественном и юридическом плане» с детьми, рожденными в браке. «Если ввиду множества сознательно бездетных браков при избытке женщин здоровые незамужние женщины произведут на свет детей, то это явится приростом сил для германского сообщества», – резюмировал он⁴⁰⁰.

Поначалу, став правящей, нацистская партия заняла в этом вопросе сдержанную позицию: одинокие женщины, решившиеся на роды, не должны подвергаться дискриминации, хотя в равной степени их не следует и выстав- лять образцами для подражания⁴⁰¹. Однако уже с середины 30-х гг. немки ста- ли официально поощряться к рождению незаконных детей, пропаганда все чаще превозносила верность фюреру «героических, расово чистых» неза- мужних матерей⁴⁰². С соответствующими призывами к населению, в первую очередь к молодежи, регулярно обращались нацистские лидеры. «Германии необходимо сильное здоровое потомство. Слава немецкой девушке, рожая- щей внебрачных детей!» - провозглашал Гесс. «Испытайте своего будущего супруга. Как еще вы сможете узнать, что сделали правильный выбор?» - при- зывал Гиммлер в одной из своих статей, опубликованной в эсэсовском еже- недельнике «Шварц Корпс»⁴⁰³. Официальное обращение Союза немецких де- вушек к своим членам, в котором использовалась лексика, чаще встречаю- щаяся в животноводстве, гласило: «Наши тела не принадлежат нам одним, но - нашему народу. Так же, как нация нуждается в здоровых продуктивных мальчиках, которые разовьются в мужчин, годных к военной службе, она нуждается и в здоровых продуктивных девушках, которые разовьются в здо- ровых и красивых женщин»⁴⁰⁴.

Эти призывы не остались безответными. После того как для девушек была введена обязательная трудовая повинность, вспоминает Б. Фромм, ма- тери с ужасом вынуждены были отпускать своих дочерей в трудовые лагеря и на экскурсии «гитлеровских девушек», т. к. по меньшей мере 50% их воз- вращалось с этих мероприятий беременными и в силу установленного запре- та, даже при желании, не могли рассчитывать на аборт. В такой ситуации оказалась и дочь Хильды, подруги Фромм, заявившая расстроенной матери: «Я горжусь тем, что могу подарить Ему (Гитлеру. – Е.П.) ребенка. Я наде- юсь, что это будет мальчик, который умрет за Него.... Я одна из невест фю-

рера»⁴⁰⁵. С 1937 г. женщинам разрешалось именоваться «фрау» вне зависимости от их семейного положения. Два года спустя внебрачное материнство перестало рассматриваться как повод для увольнения с государственной службы⁴⁰⁶.

Тем не менее, несмотря на различные изменения в законодательстве и в налоговой политике, которые были призваны облегчить положение большинства незамужних матерей, количество внебрачных детей, появившихся после 1933 г., было намного меньшим, чем в 20-е гг.⁴⁰⁷.

С началом войны намерения властей в указанном отношении стали принимать более радикальный характер. В изданном 28 октября 1939 г. Гиммлером приказе ставилась задача, «переступая через, возможно, необходимые буржуазные законы, традиции и взгляды, поставить великую задачу перед девушками и женщинами благородной крови, даже не связанными узами брака, не по легкомыслию, а по глубокой моральной убежденности зачинать детей от солдат, уходящих на фронт», и подчеркивалось, что «на тех мужчин и женщин, которые по воле государства остаются дома, нынешнее время тоже накладывает большую, чем когда-либо, священную обязанность становиться отцами и матерями детей»⁴⁰⁸. По мере неуклонного роста потерь Германии в живой силе в условиях Второй мировой войны в средствах массовой информации все больше воспевался «героизм» матери – одиночки, и все чаще на разных уровнях высказывалась мысль о целесообразности узаконения бигамии. Прославлялись девушки, изъявлявшие готовность взять к себе в дом воина, получившего ранение на фронте, и обеспечить его, как «национального героя», наследниками. Важную посредническую роль в осуществлении этой миссии должны были играть центры писем, созданные в военный период при Имперской лиге многодетных семей, которая с апреля 1940 г. именовалась Имперской лигой германской семьи, боевой лигой многодетных семей здоровой наследственности⁴⁰⁹.

Подобные идеи захватили многих представителей нацистской элиты. Личный врач Гитлера Т. Морелль в своих дневниковых записях за 1943 год отметил, что как-то в ожидании рейхсминистра иностранных дел, пригласившего его на ланч, он беседовал с фрау фон Риббентроп, которая высказалась за предоставление государственных субсидий матерям незаконнорожденных детей с тем, чтобы побудить их не ограничиваться рождением лишь одного такого ребенка⁴¹⁰.

Характерны заявления на эту тему самого Гитлера. «После Тридцатилетней войны было вновь разрешено многоженство: внебрачные дети возродили нацию, - рассуждал он во время одной из своих застольных бесед. – Это не поддается регулированию законом. Но, пока два с половиной миллиона девушек рискуют остаться старыми девами, незаконнорожденных детей нельзя превращать в изгоев общества.

Девушка, родившая ребенка и заботящаяся о нем, в моих глазах стоит выше старой девы. Общественные предрассудки постепенно отмирают. Природа берет свое. Мы на правильном пути⁴¹¹.

В январе 1944 г. Гитлер поделился со своими приближенными мыслями о легализации в послевоенный период бигамии, что, по его мнению, позволило бы поднять уровень рождаемости в стране, компенсировав, таким образом, потери мужского населения, понесенные в ходе войны⁴¹². Эта идея разделялась многими из окружения фюрера. Экзальтированная и фанатичная национал-социалистка Герда Борман, супруга рейхсляйтера, – одна из них. Ее понимание долга немецкой женщины перед нацией вылилось в следующие рассуждения по поводу реформы брачных отношений, которыми она поделилась со своим супругом. Сообщая в письме к нему от 27 января 1944 г. о том, что не ревнует мужа к его любовнице М. (достоинства последней они открыто обсуждали в своей переписке), она пишет: «Было бы хорошо принять по окончании войны закон, сходный с тем, что был принят в конце Три-

дцатилетней войны, который бы предоставил здоровому полноценному мужчине право иметь двух жен. Столь немногие полноценные мужчины переживут эту судьбоносную борьбу, столь многие полноценные женщины обречены на бесплодие из-за гибели их суженых в битве, – неужели это произойдет? Дети этих женщин нам также нужны! (Конечно, для грядущих сражений, которые решат судьбу нации)»⁴¹³. М. Борман, выдвинувший проект создания института необходимых нации «народных браков», в апреле 1944г. отдал партийным службам распоряжение создавать возможности для «хорошего общения» между пришедшим в отпуск с фронта, «проверенным в бою и наследственно здоровым мужчиной» и двумя или более незамужними женщинами с целью зачатия детей⁴¹⁴. Поскольку женщины не могут зачать детей от Святого Духа, говорилось в подготовленном им меморандуме, но лишь от тех немецких мужчин, которые еще остались», государству следует позаботиться о том, чтобы «порядочные, умные, физически и психически здоровые мужчины воспроизводили себя во все большем количестве»⁴¹⁵.

Один из наиболее ярых сторонников реализации подобных проектов, Гиммлер, нередко обсуждал их со своим массажистом Ф. Керстеном. На первом этапе, рассуждал он, полного уничтожения моногамии не произойдет. Право же на вступление во второй брак сначала будет даровано исключительно героям войны – кавалерам Золотого Германского Креста и кавалерам Рыцарского Креста – как дань мужеству, проявленному ими в сражениях, а в дальнейшем распространено на награжденных Железным Крестом первого класса и тех, кто носит серебряные и золотые пряжки к орденской ленте, полученные за участие в боях на передовой линии. По мнению Гиммлера, такой отбор имел огромное значение для рейха, поскольку именно эти люди смогли бы передать детям свои бойцовские качества⁴¹⁶. Эта беседа состоялась 4 мая 1943 г. и спустя три дня была продолжена. В ответ на вопрос Керстена: «Неужели Вы действительно думаете, что жены примут признанную законом со-

перницу без борьбы?» – Гиммлер пояснил: привилегированное положение первой жены будет закреплено присвоением ей титула «домина», о чем вторая супруга будет уведомляться заранее. По прошествии же одного-двух поколений наличие двух жен вместо одной станет рассматриваться как естественное положение дел⁴¹⁷.

Борман предупреждал, что проведение соответствующей просветительской работы среди населения «по понятным причинам» могло быть начато лишь по окончании войны. Тем не менее некоторые шаги в направлении психологической подготовки фольксгеноссен были предприняты уже теперь. В будущем запрещалась публикация любых романов, рассказов, пьес, в которых бы ставился знак равенства между «супружеской драмой» и «супружеской изменой» или же содержались описания конфликтов между «законной женой» и «незаконной соперницей». Напротив, говорилось в меморандуме рейхсляйтера, «мы должны умело и ненавязчиво показать», что, согласно генеалогическим исследованиям, многие выдающиеся деятели прошлого имели внебрачных детей. Необходимо полностью отказаться от употребления самого слова «незаконнорожденный»⁴¹⁸.

По мнению Гиммлера, следовало начать методическое планирование так называемых «Женских университетов мудрости и культуры». Исходя из убеждения, что в немецком народе отсутствует «великая, сильная, целеустремленная женщина, такая, какую римляне имели в лице весталок, а тевтоны - в лице своих мудрых женщин», он предложил собрать вместе в специальных школах элиту молодых немок, отобранных по политическим, биологическим и интеллектуальным критериям. После обучения, которое должно было включать в себя широкий спектр курсов от кулинарии и домоводства до спортивных занятий, стрельбы из револьвера и усвоения основ дипломатической службы, подчеркнул он, им будет присваиваться звание «высшей женщины». Такое систематическое сцепление высокоценных людей с целью

сформировать «национал – социалистическую модель брака», восторгался Гиммлер, «представляет собой уникальный феномен и может стать основой для нового продвижения вперед германской расы. Гитлер, одобрявший это предложение, высказал соображение о том, что в дальнейшем именно этим немкам предстоит заменить жен большинства национал-социалистических лидеров, которые, будучи хорошими домохозяйками и добропорядочными матерями семейств, «полностью соответствовали занимаемому ими месту в период борьбы, но сегодня уже не подходят своим мужьям»⁴¹⁹. (Характерно, что по воспоминаниям Г. Гофмана разрыв в интересах между зачастую выбившимися из низов и привыкшими к более скромному жизненному укладу женами нацистских функционеров и их стремительно продвигавшимися по служебной лестнице мужьями, ежедневно встречавшимися с «множеством более элегантных и очаровательных, более умных и интеллигентных» соотечественниц, еще ранее неизбежно привел значительное число подобных браков к краху)⁴²⁰.

Можно не сомневаться в том, что в случае победы в войне и сохранения нацистского режима Германия и оккупированные ею страны неизбежно превратились бы в полигоны для широкомасштабного экспериментирования в указанном выше направлении, как это было при проведении насильственной стерилизации и эйтаназии физически -, умственно - и расово неполноценных, «окончательном решении» еврейского и цыганского вопросов, геноциде славянского населения. Однако подписание Кейтелем в Карлсхорсте акта о безоговорочной капитуляции Германии означало не только окончание войны на европейском континенте, но также поставило точку в дальнейшей разработке подобных планов на официальном, правительственном уровне, избавив немцев от перспективы однажды проснуться в стране, живущей по законам периода Тридцатилетней войны.

Поскольку нацисты, официально провозгласившие идеал женщины-матери и домохозяйки, рассматривали это «амплуа» последних как миссию, требующую соответствующей квалификации, под эгидой Германского трудового фронта, Национал-социалистической женской организации, организации «Германское женское дело» («Дойче Фрауенверк») и их подразделений была создана целая сеть «школ матери». В них при соблюдении принципа добровольности молодые матери и беременные постигали искусство заботы и ухода за детьми, осваивали основы домоводства, посещали занятия по вопросам предродовой гигиены и даже обучались самостоятельному изготовлению игрушек. По окончании специальных курсов домохозяек, организованных Имперской материнской службой – РМД (характерно, что правительство в рамках программы выдачи брачных ссуд выделяло средства на оплату таких курсов, а в некоторых случаях в финансировании принимали участие предприниматели, предоставлявшие помещения для их проведения)⁴²¹ и концерном «Национальная экономика / Домашняя экономика», выпускница получала диплом «домохозяйки-мастера», что должно было, по мнению организаторов, поднять ее статус и заставить ее проникнуться сознанием того, что именно она, в новом своем качестве, призвана внести решающий вклад в будущее здоровье и силу нации. Программа обучения на них включала участие в работе секций кулинарии, кройки и шитья, ориентированных немцев на преимущественное использование отечественных материалов⁴²², а также просветительские беседы о вреде курения и чрезмерного потребления алкоголя во время беременности⁴²³.

Проводя параллель между национальной экономикой и индивидуальным домашним хозяйством, нацисты отдавали несомненный приоритет первой. Особое внимание обращалось на необходимость соблюдения принципа бережливости в личных расходах, поскольку скромный семейный бюджет, по мнению властей, должен был облегчить решение экономических проблем

рейха, способствовать достижению автаркии. (Весьма показателен тот факт, что женщины, относившиеся к нацистской элите, не спешили подавать личный пример в решении поставленной задачи. Однажды, увидев новый туалет Евы Браун, Гитлер отчитал ее: «Вы приобрели это платье на черном рынке? Нам так не хватает твердой валюты, а вы себе такое позволяете. ... Женщинам непременно нужно покупать платье за границей, они никак не желают понять, что в Германии делают вещи не хуже. Вы хотите именно французские духи? А кто изобрел одеколон? Мы»⁴²⁴. Однако подобные аргументы, как правило, не достигали цели).

Обращаясь к домохозяйкам с соответствующими призывами, официальная пропаганда предлагала им доказать свой высокий профессионализм, обходясь при составлении домашнего меню питательными, но простыми блюдами. С этой целью им давались советы: заменять мясо рыбой, масло – искусственными жирами, рационально использовать пищевые остатки, носить одежду из синтетического волокна⁴²⁵. Продукты питания следовало приобретать в разумных количествах, дабы предотвратить их серьезную нехватку в стране⁴²⁶. «Сегодня немецкая домохозяйка, в конечном счете, могла бы стать лучшим министром экономики, т.к. если мы однажды наведем женщин на эту мысль и будем систематически проводить ее, то тогда фюреру со всем своим экономическим штабом больше не придется ломать себе голову», – льстиво утверждалось в одной из публикаций подобного рода⁴²⁷. От кастрюли немецкой хозяйки, писала в своей вышедшей в 1934 г. книге «Задача женщины, работа женщины в Третьем рейхе» А. Цюльке, зачастую зависит благополучие всех экономических кругов, поскольку «женщина может способствовать оздоровлению экономики всего народа» путем экономного ведения своего домашнего хозяйства⁴²⁸.

В носившей программный характер работе женского лидера Третьего рейха Г. Шольтц-Клинк «Обязанность и задача женщины в национал-

социалистическом государстве» домохозяйка провозглашалась «одним из важнейших экономических факторов нации». Говоря о результатах, которые в общенациональном масштабе может дать экономия, соблюдаемая в каждом отдельно взятом домашнем хозяйстве, Шольц-Клинк приводила следующий аргумент, рассчитанный на то, чтобы поразить воображение читателя: если в каждой из 17,5 млн. германских семей еженедельно выбрасывается кусочек хлеба весом 50 г, то в месяц это составит 8750 ц., а в год – 445 тыс. ц, что эквивалентно 4 тыс. железнодорожных вагонов, заполненных хлебом⁴²⁹.

По официальным данным, в середине 30-х гг. через «школы матери» прошла приблизительно одна треть всех беременных фольксгеноссиен⁴³⁰. Причем количество обучавшихся в них с каждым годом росло. Если в 1938 г. оно не превышало полумиллиона, то к марту 1939 г. почти 100 тыс. курсов Имперской материнской службы привлекли свыше 1,7 млн. участниц (при этом 37% работающих женщин, прошедших через них в 1937 г., были промышленными и 45% – беловоротничковыми рабочими⁴³¹). Постепенно было создано четыре имперские школы РМД, столько же школ домоводства и три школы «невест», призванные проводить более интенсивное обучение, чем этого позволяли добиться краткосрочные недельные занятия⁴³².

Наряду с указанными, одной из основных целей перечисленных курсов являлось воспитание обучавшихся в национал-социалистическом духе, о чем недвусмысленно заявил Р. Лей: «Наши курсы по обучению материнству ведут молодых матерей через практический уход за новорожденным, домашнее и народнохозяйственное просвещение к государственно-политическому воспитанию»⁴³³. Однако на практике, охотно посещая курсы по домоводству, гимнастике, музыке, значительная часть обучающихся игнорировала политзанятия⁴³⁴.

Возвращаясь к проблемам повышения рождаемости, следует отметить, что прямой зависимости между превращением части женщин в домохозяек и

числом рождений не просматривается. В Мюнхене, например, в период с 1933 по 1936 г. рост рождаемости составил 45,5 %, но лишь 4,3 % мюнхенок соблазнились тогда же перспективой получения брачной ссуды и покинули свое рабочее место⁴³⁵.

Убеждая «добропорядочных» фрау в том, что их место у домашнего очага и детской колыбели, нацисты не требовали подобной жертвы от соотечественниц, не связанных узами Гименя. Им оставили возможность сохранить работу, ограничившись запретом на профессии. «Хотя наша цель – побудить женщин выходить замуж и оставаться дома, - пояснил Гитлер в беседе с репортером «Нью Йорк Таймс», состоявшейся 10 июля 1933 г., - незамужние женщины могут свободно конкурировать с мужчинами. Лишь военная служба, судебские должности и определенные посты закрыты для женщин»⁴³⁶. В аналогичном духе было выдержано интервью, данное тогда же газете «Дейли Мейл» супругой рейхминистра народного просвещения и пропаганды Магдой Геббельс⁴³⁷. Лей же в речи, посвященной женщинам – членам НСДАП (дата в деле не указана), подчеркнул, что к числу труднейших задач, стоящих перед национал-социализмом, относится вовлечение женщин в работу по строительству нового государства, и предостерег от повторения «ошибки прежнего женского движения», когда женщина выставлялась как «нечто особенное в народе»⁴³⁸.

В Третьем рейхе под эти идеи была подведена «научная» база. В докторской диссертации Р. Пейкова (1937 г.) говорилось: «Мы обязаны национал-социализму возрождением свойственного прежним временам понимания того, что подлинное призвание женщины – материнство». Но женщин больше, чем мужчин, и не все смогут вступить в брак. Незамужние женщины также имеют право зарабатывать на жизнь. «Если женщина работает по профессии, к которой чувствует призвание, она заслуживает такого же уважения, поощрения и такой же защиты, как любой немец, который использует свои

способности на благо «народного сообщества». По мнению Пейкова, женщины должны были играть важную роль в производстве масла и молочных продуктов, «управлении» бакалейными лавками, а также в ремеслах и таких отраслях легкой промышленности, как текстильная и производство одежды. Он считал, что обязательства национал-социалистов по отношению к женскому населению содержались не в 21-м пункте программы (предоставление помощи матери), а в пункте 16 – создание более сильного среднего сословия⁴³⁹.

Поначалу еще ряд сфер занятости, помимо указанных Гитлером, рассматривался нацистами как чисто мужская вотчина. Женщин буквально выталкивали из определенных профессиональных групп. Однако для политики нацистов в этой области была характерна определенная непоследовательность. Получив власть, они поспешили реализовать идею, пользовавшуюся популярностью уже в период Веймарской республики. 30 июня 1933 г. вступил в силу закон, разрешавший принимать на государственную службу лишь незамужних женщин старше 35 лет, не являвшихся еврейками и не состоявших в браке с евреями⁴⁴⁰. Это стало лишь одним из препятствий, возведенных на пути немок к чиновничьей карьере. Согласно специальному постановлению прусского правительства, высокие посты на государственной службе должны были быть зарезервированы исключительно для мужчин⁴⁴¹.

Один из путей сокращения количества дипломированных претенденток на чиновничьи места нацисты видели в ограничении доступа женщин к университетскому образованию, и прежде доступному лишь представительницам социальной элиты и средних слоев (отдельные исключения не в счет). Они установили на их поступление в университеты квоту в 10%. Однако положение на различных факультетах было неодинаковым. Если доля студенток-медиков уменьшилась лишь с 20 до 17%, то в области права и филологии это сокращение шло более стремительными темпами, побудив руководство женских партийных организаций высказать серьезное беспокойство по пово-

ду того, что в скором будущем ему неоткуда будет рекрутировать свои кадры.

Уже в первые годы канцлерства Гитлера все женщины, занимавшие административные посты в школах, вынуждены были оставить их, а численность учителей женского пола сократилась по всей стране на 15%, или на 2 тыс. человек⁴⁴². Под увольнение попали женщины-профессора. В 1935 г. последовал запрет на практику женщин-стоматологов, а в 1936 г. в полном соответствии с процитированным выше высказыванием Гитлера со своими мантиями пришлось расстаться женщинам-судьям и адвокатам⁴⁴³.

Подобная дискриминация вызвала волну протеста даже со стороны нацистских женских организаций. Одна из них – «Кольцо женщин нации» – в апреле 1933 г. направила Гитлеру коллективное обращение, в котором, наряду с одобрением увольнения женщин-чиновников по политическим мотивам, содержалась жалоба на то, что заменяют их не другие женщины, а мужчины⁴⁴⁴. В связи с нараставшим потоком подобных упреков рейхсминистр внутренних дел Фрик в октябре того же года направил на места директиву, носившую уточняющий характер. Обращая внимание на отсутствие общего закона, который был бы направлен против женщин, занимающих официальные посты, он подчеркнул, что при равенстве всех прочих условий предпочтение при отборе кандидатур на занятие соответствующих должностей должно отдаваться претендентам-мужчинам. Предостерегая местные власти от излишнего рвения при проведении кампании по увольнению женщин – государственных служащих или перемещению их на более низкие и хуже оплачиваемые должности (такие возможности предоставлялись «Законом о восстановлении профессионального чиновничества»), он подчеркнул, что в определенных сферах, таких как забота о молодежи и, до некоторой степени, народное образование, интересы дела диктуют необходимость найма женщин. Он же разъяснил, что увольнение замужних женщин-чиновников и учи-

телей, согласно «Закону о правовом статусе женщин государственных служащих» от 30 мая 1932 г. в форме, изложенной 30 июня 1932 г., возможно лишь в том случае, если у них имеются постоянные средства к существованию⁴⁴⁵. Фактически, уже начиная с 1934 г., «заслуживающие доверия» фольксгеноссинен стали возвращаться в университеты и школы. Причем, если в целом число женщин - университетских работников сократилось в период с 1933 по 1935 год на 40%, то доля студенток к концу 30-х гг. стабилизировалась на уровне 10% и в дальнейшем неуклонно росла⁴⁴⁶.

В то же время в сфере юриспруденции уступок не делалось, что привело к возникновению проблем с трудоустройством выпускниц юридических факультетов. Чтобы как-то разрядить ситуацию, статс-секретарь Р. Фрайслер направил в январе 1937 г. имперским и местным властям от Министерства юстиции письмо, в котором прокомментировал решение Гитлера, лишавшее женщин возможности работать судьями, адвокатами и солиситорами. Отметив весомый вклад, внесенный ими в правовую практику и подчеркнув, что многие из них потратили значительные суммы на получение образования и тяжким путем проложили себе путь к успеху, Фрайслер высказал мнение о целесообразности использования их способностей на соответствующих административных должностях. Сообщив далее о том, что, работая в контакте с руководством «Дойче Фрауенверк», он уже трудоустроил часть женщин-юристов, которым пришлось расстаться с прежними постами, а также о том, что еще одну группу «пострадавших» обещала пристроить Шольтц-Клинк, автор письма просил все инстанции подключиться к решению проблемы, принимая во внимание то, что женщины-юристы указанной квалификации могут быть использованы в таких сферах, как пресса, периодические издания, библиотечное дело, и требуя, чтобы имеющиеся потребности в подобных специалистах женского пола оперативно выявлялись и о результатах немедленно докладывалось ему⁴⁴⁷.

Для женщин одной из возможностей сохранить работу было вступление в женские организации. Однако для многих из них это носило чисто формальный характер. В 1935 г. 73% женщин-членов НСДАП были охарактеризованы как «неактивные», поскольку, ограничиваясь уплатой членских взносов, они не вносили никакого реального вклада в работу партии или ее дочерних организаций. Почти 100 тыс. немок – партайгеноссиенен, одновременно состоявших в «НС-Фрауеншафт», не принимали никакого участия ни в жизни партии, ни в деятельности женской организации⁴⁴⁸.

В целом агитация за уход семейных женщин с работы имела ограниченный эффект. Так, если в 1933-1939 гг. количество замужних немок в возрасте от 14 до 65 лет увеличилось на 1,5 млн., достигнув 14,9 млн., что означало рост на 11,5%, то численность экономически активных фрау в те же годы возросла на 24,8%, превысив 5 млн. человек. В то же время если общее количество замужних женщин принять за 100, то доля тех из них, кто подпадал под категорию «экономически активных», увеличилась незначительно – с 29,9% в 1933 г. до 33,6% в 1939 г.⁴⁴⁹.

Это было обусловлено рядом факторов, в первую очередь, значительно более низкими заработками женщин. Причем если по отношению к служащим, за некоторыми исключениями, подобной дискриминации не применялось и они получали одинаковое жалование, вне зависимости от пола, большинством тарифных порядков предусматривалось, что женщины, занятые на производстве, должны были получать не более 60-75% от заработной платы мужчин. Специалисты-плановики из Научного института труда ДАФ попытались робко возразить, что такое положение было уместно «в прошлую эпоху», когда женщины «считались дешевой рабочей силой» и их «расходы на питание, одежду и квартиру были меньше, чем у мужчин». С течением же времени «стандартизация цен, прогресс индустриализации и ... техники способствовали нивелированию различий в стоимости жизни для мужчин и

женщин». Однако попытка Лея, опираясь на эти выводы, убедить Гитлера в необходимости установления для женщин равной с мужчинами оплаты за одинаковую работу, потерпела провал⁴⁵⁰.

Разница в оплате, как правило, зависела от сферы занятости и квалификации. В целом, женщины-рабочие получали за свой труд на треть меньше, чем мужчины той же квалификации (в 1937 г., например, средний размер заработной платы у рабочих-мужчин составлял 78,5 пфеннига в час, а у женщин – всего лишь 51,5 пфеннига), а в некоторых отраслях их заработок был еще ниже. Так, официальная ставка женщин, занятых в игрушечной промышленности Тюрингии, составляла 30, в металлоделательной индустрии – 38, а на фабриках, производивших обмундирование – 45 пфеннигов в час, хотя размер сдельной оплаты мог достигать 40, 45 и 60 пфеннигов соответственно⁴⁵¹. В 1939 г. недельная заработная плата квалифицированного и полуквалифицированного рабочего была в среднем уже вдвое выше, чем у имевшей ту же квалификацию женщины. Неквалифицированный же работник зарабатывал на 50% больше, чем квалифицированная работница⁴⁵².

Таким образом, поскольку либо мужчине, заменявшему покинувшую рабочее место женщину, приходилось соглашаться на мизерное вознаграждение за свой труд, либо работодатель вынужден был принимать на место низкооплачиваемого работника более высокооплачиваемого⁴⁵³ (на что владельцы предприятий шли неохотно), было не так уж и много видов работы, на которых мужчины считали для себя возможным заменить женщин.

Брачными же ссудами на практике обычно могли воспользоваться представительницы среднего класса. Женщины из рабочей среды, даже если бы и хотели оставить работу, такой возможности не имели и были маловосприимчивы к лести, расточаемой пропагандой женщине-матери и домохозяйке⁴⁵⁴. В одном из донесений агентуры СДПГ сообщалось об афронте, которому подвергся функционер НСДАП, выступавший перед работницами ба-

варской фабрики спортивных товаров с докладом о проблемах крови и расы. Когда он обрисовал аудитории портрет идеальной немецкой женщины (широкоплечая, крупная, не имеющая физических изъянов, способная родить 24 ребенка, каждый из которых должен весить не менее 7 фунтов), слушательницы подняли его насмех и засыпали вопросами, на которые он не смог убедительно ответить. Одна из присутствовавших, в частности, спросила: «Если Вы считаете, что мы должны каждый год рожать по ребенку, скажите нам, кто будет содержать их, если мы сегодня с двумя-тремя детьми едва можем прокормиться и оба, муж и я, вынуждены зарабатывать?». Отделавшись несколькими общими, ничего не значащими фразами, докладчик поспешил ретироваться⁴⁵⁵. Именно жесткое условие, обязывавшее замужнюю женщину – получательницу ссуды расстаться с работой⁴⁵⁶, оказывало на многие семьи сдерживающее воздействие, побуждая их отказываться от подобной формы государственной поддержки. В заключительные четыре месяца 1933 г. брачные ссуды получили лишь 37% всех зарегистрированных супружеских пар. Самый низкий показатель – 24% – пришелся на 1935 г. Характерно, что отмена запрета на занятость для данной категории лиц, осуществленная осенью 1937 г.⁴⁵⁷, сразу же привела к увеличению количества ходатайств о предоставлении ссуд: в 1939 г. 42% всех зарегистрированных брачных пар получило ссуды. Это был наивысший показатель с момента начала реализации программы⁴⁵⁸.

Несмотря на все усилия властей, многие беременные женщины предпочитали оставаться на своем рабочем месте практически до момента родов, поскольку в этом случае помимо 100% заработной платы им выплачивалось еще 50% по медицинским страховкам. Заработная же плата тех женщин, которые оставляли работу за 4-6 недель до ожидаемого рождения ребенка, уменьшалась на 75%. Лишь немногие немки были готовы или могли пойти на это⁴⁵⁹. Пропаганда широко рекламировала почин части студенток, добро-

вольно заменявших на производстве на короткое время уставших беременных соотечественниц, но их энтузиазм проблемы не решал. Согласно расчетам Киркпатрик, годовое количество рабочих часов женщин доходило до сотен миллионов, в то время как заменявшие их студентки отработывали не более 15 тыс. час.⁴⁶⁰

В конечном итоге, официально провозглашенный нацистами идеал хаузрау не устоял перед диктатом экономических интересов. Нехватка рабочих рук, все более остро заявлявшая о себе по мере интенсификации подготовки Германии к войне, вынудила имперские власти пойти на постепенную смену тональности пропаганды, которая перешла к поддержке вербовочной кампании за возвращение женщин на производство и в конторы.

Уже в 1935 г. в средствах массовой информации и выступлениях некоторых партийных функционеров стало проявляться определенное смягчение первоначальных, излишне категорических установок. Ведущий женский журнал «НС-Фрауенварте», в начале года еще убеждавший своих читательниц оставаться дома, три месяца спустя расписывал значимость профессий машинисток и медицинских сестер, а на следующий год подчеркивал, что женщины «требовались в каждой сфере». Тогда же, обращаясь к аудитории бизнесменов, Шольтц-Клинк подвергла критике прежний антифеминизм, заявив: «Немыслимо, чтобы женщины продолжали рассматриваться в этой архаической манере» и чтобы продолжало господствовать мнение о том, что «лучшее из того, что можно сделать, - это держать их взаперти дома, на кухне или в детской»⁴⁶¹.

Начиная с 1936 г., вследствие бума перевооружения возрастает дефицит рабочих рук во всех сферах экономики: промышленности, сельском хозяйстве, торговле, сфере обслуживания и управлении (кстати, несмотря на то, что в 1933-1935 гг. рынок труда покинуло 800 тыс. женщин, к 1936 г. в Германии было больше работающих представительниц прекрасного пола, чем

накануне прихода Гитлера к власти⁴⁶²). На смену девизу: «Место женщины – дома!» пришел лозунг: «Наш дом – Германия, где бы мы ей ни понадобились!»⁴⁶³. Многие немки, особенно из тех семей, чей уровень жизни был невысок, стали добровольно возвращаться на производство⁴⁶⁴. Однако проблемы это не решало.

В связи с тем, что по мере приближения войны потребности сферы производства вооружений все более выходили на первый план, нажим властей на соотечественниц усиливался. Уже в 1937 г. были изменены положения о брачных ссудах. Отныне женщины не только не должны были оставлять свою работу, но, напротив, им следовало сохранять ее, если они хотели получать деньги⁴⁶⁵. Важные меры в указанном направлении были приняты в 1938 г. Тогда Геринг подписал указ о введении так называемого «Года долга», призванного смягчить остроту проблемы нехватки рабочих рук в деревне (об этом подробно говорилось в предыдущей главе данного раздела). Другой указ, изданный в 1938 г., позволял привлекать женщин и мужчин на ограниченный период времени к выполнению специальных заданий (на практике, однако, ни одна немка не была мобилизована в соответствии с ним, тогда как мужчин задействовали на строительных работах при сооружении Линии Зигфрида)⁴⁶⁶.

Конечно же бум, наблюдавшийся в военной промышленности, предоставил части работающих женщин, устремившихся сюда из сферы производства товаров народного потребления, определенные финансовые преимущества и возможности профессионального роста. Более высокие заработки привлекали сюда также домашнюю прислугу и сельскохозяйственных работниц⁴⁶⁷. Кроме того, в новых условиях деятельность «НС-Фрауеншафт» и БДМ приводила к расширению контактов между женщинами и девушками из различных регионов Германии, представлявшими разные социальные груп-

пы. Таким образом, женщины вовлекались в общественную жизнь, что, вопреки официальным установкам, вело к их дальнейшей эмансипации.

Вступавшим в брак работающим женщинам разрешалось требовать возврата 50% взносов, выплаченных ими в государственный фонд страхования по инвалидности. Были расширены права работающих матерей и многодетных родителей на получение льгот в соответствии с программой страхования по болезни и предусмотрены выплаты кормящим матерям в течение всего срока отпуска по уходу за ребенком. Плата за обучение в школе для семей, имевших более одного ребенка-школьника, была сокращена⁴⁶⁸.

В целом динамика женской занятости в Германии в предвоенные годы была такова. В октябре 1936 г. лишь менее 1,5 млн. женщин было занято в качестве рабочих на промышленных предприятиях, что составляло 13% от общего количества экономически активного и лишь 6,1% от всего женского населения трудоспособного возраста (без учета ремесленных мастерских и надомниц). К концу же 1938 г. на биржах труда образовался уже миллион вакансий. Главным потенциальным источником дополнительной рабочей силы являлись около 3,5 млн. женщин, не имевших ни детей младше 14 лет, ни постоянной работы⁴⁶⁹.

Конечно же, спрос на рабочую силу был неодинаков в разных сферах экономики и регионах Германии. Если численность женщин-служащих в период с 1933 по 1939 г. возросла на 19%, а в Мюнхене даже на 24% (это было престижно: в 1939 г. 60% всех мюнхенских школьниц мечтали о том, чтобы стать «девушкой из бюро»), то в целом ряде других отраслей уже с 1936 г. спрос все больше начинает превышать предложение. В Мюнхене, например, ощущался большой дефицит сельскохозяйственных работниц, белошвеек, женщин-парикмахеров, прачек, патронажных сестер, детских нянек, гладильщиц, домашней прислуги, швей-мотористок для пошива униформы и

даже имелись вакансии на более высокооплачиваемые должности в фирмах, производящих вооружения – «И.Г. Фарбен», «БМВ» и «Деккель»⁴⁷⁰.

Более половины всех женщин, занятых на производстве, были сконцентрированы в текстильной, пищевой, швейной промышленности, которые после мирового экономического кризиса восстанавливались намного медленнее, чем черная металлургия, машиностроение или строительство⁴⁷¹. Кроме того, в июне 1938 г. в Германии насчитывалось более 1,3 млн. домашних слуг, главным образом женщин, работавших в частных домах, - на 160 тыс. больше, чем в 1933 г.⁴⁷².

По некоторым данным, женская занятость в Германии в период 1932-1937 гг. возросла с 4,8 млн. до 5,9 млн. чел., но в процентном отношении снизилась с 37% до 31% от общей занятости, а в 1937-1939 гг. выросла с 31% до 33%⁴⁷³. При этом доля женщин, занятых в промышленности, сократилась с 29,3% в 1933 г. до 25,2% в 1938 г.⁴⁷⁴.

Согласно исследованиям Т. Мейсона, на фоне наблюдавшегося в 1925-1939 гг. сокращения доли экономически активного взрослого мужского населения, вызванного мобилизациями в вооруженные силы и в Трудовую повинность, отмечался незначительный рост (с 48,2% до 49,2%) удельного веса экономически активных женщин трудоспособного возраста, ставший отчасти результатом более точного учета сельскохозяйственных помощниц. Из 12,7 млн. экономически активных женщин, насчитывавшихся в 1939 г., 4,62 млн. (36,3%) составляли именно сельские помощницы и 1,33 млн. (10,5%) – домашняя прислуга. Численность же наемных работниц увеличилась за тот же период в абсолютных цифрах на 278 тыс. чел., в то время как доля их снизилась с 43,5% до 41,5%. Однако Мейсон подчеркивает, что к разряду последних отнесено 820 тыс. женщин, чья работа, заключавшаяся в уборке офиса, практически не отличалась от функций домашней прислуги, но официально не классифицировалась как таковая⁴⁷⁵. При этом общее количество замужних

трудоспособных женщин в 1933-1939 гг. возросло с 3,9 млн. до почти 6,5 млн. человек. Из зарегистрированных в 1939 г. в Германии 9,35 млн. матерей, имевших детей младше 14 лет, работали 3,3 млн., или 35,3%. С учетом несовершеннолетних детей более старшего возраста в стране насчитывалось 5 млн. работающих матерей. Причем среди вынужденных зарабатывать себе на жизнь было свыше 40% всех многодетных фрау⁴⁷⁶. Кроме того, в 1939 г. в Германии насчитывалось, как минимум, 3,5 млн. женщин, не имевших маленьких детей, но не помышлявших о какой бы то ни было работе, за исключением домашней⁴⁷⁷.

Поскольку последние имевшиеся в наличии трудовые ресурсы были израсходованы в 1938 г., Геринг планировал мобилизовать в экономику дополнительно 3,5 млн. женщин-рабочих и еще 2 млн. перебросить из потребительских отраслей производства в военную промышленность. Однако он встретил серьезное препятствие в лице фюрера, поумерившего его энтузиазм заявлением о том, что в целях повышения морального духа населения следует поощрять женщин оставаться дома⁴⁷⁸. Тем не менее еще до начала Второй мировой войны 37% женского населения рейха было занято в различных сферах производства, что превышало показатели периода Веймарской республики⁴⁷⁹. При этом немало женщин трудилось в тех отраслях, доступ в которые до 1936 г. был в основном закрыт для них, например, на литейных заводах⁴⁸⁰.

Уже в довоенные годы, когда нацистский режим был вынужден значительно смягчить свою первоначальную позицию в вопросе о женской занятости, расчеты потребностей экономики в условиях грядущих военных кампаний, произведенные специалистами соответствующих ведомств, подводили к однозначному выводу: без женских рабочих рук германской промышленности не обойтись! В случае войны, указывалось в одной из подобных секретных директив, направленной в 1938 г. имперскому министру труда, «женщи-

ны должны широко привлекаться в экономику и сферу управления», чтобы высвободить для фронта мужчин, способных держать в руках оружие⁴⁸¹.

Согласно прогнозам экспертов из Рейхсминистерства труда, с началом военных действий потребность в дополнительной рабочей силе должна была составить 4,9 млн. человек. Причем данные, представленные в секретном докладе исследовательского бюро по военной экономике, озаглавленном «Женские трудовые резервы в войне», свидетельствовали об ожидаемом дефиците работниц. Даже в случае возможного привлечения в экономику 3,21 млн. 15-65-летних или 1,82 млн. 15-45-летних неработающих женщин, он составил бы 1,69 млн. человек, подчеркивалось в документе⁴⁸².

В первый же день войны, 1 сентября 1939 г., выступая в рейхстаге с речью, Гитлер выразил надежду, что каждая немка, проявив «образцовую железную дисциплину», присоединится к «сражающемуся сообществу»⁴⁸³. Геббельс выдвинул в качестве единого для всей пропаганды лозунг: «Сражающийся и жертвующий домашний фронт»⁴⁸⁴. В соответствии с этим лозунгом одной из главных жертв, ожидавшихся от «дочерей рейха», был их приход на производство, особенно военное, где им предстояло заменить у станков мобилизованных в армию мужчин (численность последних достигла в период войны 11,5 млн. человек)⁴⁸⁵.

Все это не означало полного отказа пропаганды от прославления идеального образа женщины – супруги и матери. Уже после вступления Германии в войну Р. Гесс торжественно открыл соответствующую выставку, объехавшую весь рейх. Но теперь, поскольку женщина становилась частью «сражающегося сообщества», помимо заботы о семье перед ней ставилась задача «изготовления гранат для ее сына»⁴⁸⁶. Так как ранее пропагандой было затрачено немало усилий на утверждение в массовом сознании немцев стереотипов «женских» и «неженских» видов профессиональной деятельности, в новых условиях ею осуществлялась спешная смена установок. В книге, опубли-

кованной организацией «Сила через радость», особо подчеркивалось, что в годы военных испытаний женщины должны проявить себя не только в сферах занятости, традиционно считавшихся отвечающими женской сущности, но в еще большей степени – в военном производстве. «Жизни наших солдат зависят от аккуратности и тщательности выполняемой ею (женщиной. – Е.П.) работы, от ее достижений и любви к своему труду», - говорилось в ней. Причем официальная установка властей гласила: в этом вопросе не должно существовать каких бы то ни было социальных барьеров; напротив, привлечение к фабрично-заводскому труду представительниц «лучших классов» будет способствовать устранению классовых различий и упрочению народного общества⁴⁸⁷.

Журнал «НС-Фрауенварте» уже в октябре 1939 г. призывал своих читательниц сообщить в конторы по найму, могут ли они работать полный рабочий день, или же в противном случае добровольно обращаться в «НС-Фрауеншафт» с предложением своих услуг. Однако в 1940 г., выступая перед активистками организации с изложением стоящих перед ними задач по разъяснению женщинам их роли в осуществлении военных усилий нации, Шольтц – Клинк вынуждена была признать, что призывы к добровольной регистрации, нашедшие отклик у представительниц высших слоев и в рабочей среде, были проигнорированы большинством женщин, относящихся к среднему классу⁴⁸⁸.

Более того, с октября по декабрь 1939 г. рынок труда покинули 300 тыс. женщин, в основном из более благополучных средних слоев, а к маю 1941 г. их число выросло до полумиллиона⁴⁸⁹. Многие из них, как и представители среднего класса в целом, испытывали страх перед возможной пролетаризацией, и привлечение к фабричному труду зачастую рассматривалось ими как таковая. К тому же пособие, выплачивавшееся им за мобилизованных в армию мужей, давало им достаточно средств к существованию. В то же

время тем из них, кто, проводив мужчин на фронт, вынужден был взваливать на свои плечи заботы по семейному бизнесу, приходилось нелегко. Многие в силу разных причин – отсутствия необходимого образования и опыта, неумения разбираться в бухгалтерских книгах – оказывались не в состоянии нести это бремя и сворачивали дело впредь до окончания войны. Так, одна жительница Вюртемберга, на попечении которой после призыва в армию в июне 1940 г. ее мужа остался магазин, торгующий продуктами питания и табаком, еще некоторое время продолжала держать его. Но с уходом на фронт в октябре 1941 г. последнего работника и ожидавшимся прибавлением семейства у ее невестки, прежде неоднократно выручавшей ее, она отчаялась сохранить торговлю. Не видела она и перспектив возрождения коммерческой деятельности после войны, считая, что ей и без того хватит забот с двумя маленькими детьми⁴⁹⁰. О другой женщине – мюнхенке, вынужденной заменить ушедшего на фронт мужа-мясника, сообщалось: «Ее день начинается в 3-4 часа утра и заканчивается зачастую незадолго до полуночи. Она сама ездит с помощниками мясника за покупками, отправляется на бойню, следит за изготовлением колбас и распределяет товар, направляемый в различные филиалы, стоит за прилавком до закрытия магазина, после чего вынуждена погружаться в расчеты и писанину, так что нередко у нее не остается времени на то, чтобы написать письма мужу и сыну»⁴⁹¹.

Те же женщины, которые все-таки пришли на производство, нередко вызывали серьезные нарекания со стороны коллег и начальства. Уже зимой 1939-1940 гг. из разных концов страны поступали многочисленные жалобы на снижение трудовой дисциплины среди них. В условиях тягот военного времени – введения нормированного распределения продуктов питания, появления очередей, необходимости сочетания труда на предприятии с ведением домашнего хозяйства – многие из них позволяли себе прогулы. Наиболее низкая сознательность отмечалась среди немок, не бросивших работу после

призыва их мужей на фронт и, таким образом, лишившихся части пособия, выплачиваемого жене военнослужащего, а также тех, чьи мужья оставались в тылу и хорошо зарабатывали. Правда, в то время как мужчин – прогульщиков сразу же отправляли в концентрационные или трудовые лагеря, по отношению к женщинам обычно ограничивались предупреждением. Несмотря на различные меры стимулирующего и репрессивного характера, предпринимавшиеся властями, уже в феврале 1940 г. только на предприятиях, производивших вооружения, насчитывалось 250 тыс. вакансий⁴⁹².

Если сразу после вторжения германских войск в Польшу имперский министр труда Ф. Зельдте громогласно пообещал не допустить мобилизации женщин в промышленность, то острая нехватка рабочей силы, вовсю заявившая о себе в первую военную зиму, неизбежно поставила в повестку дня вопрос о более активном привлечении женщин к труду. К концу апреля 1940 г., казалось бы, удалось найти компромиссное решение - взять за основу проект, предложенный Зельдте, в соответствии с которым мобилизации подлежали, в первую очередь, девушки и женщины в возрасте от 14 до 40 лет, не учившиеся в школе или университете и не имевшие маленьких детей. Однако дискуссии на этом не закончились. Фрик потребовал полностью исключить из этого плана 14-15-летних немок, мотивируя свою позицию возможным негативным воздействием их мобилизации на настроение как внутри страны, так и на фронте. 16 мая 1940 г. Верховное главнокомандование вермахта потребовало в принудительном порядке вернуть на работу тех солдатских жен, которые, начиная с сентября 1939г., оставили ее и жили на пособия. Без включения этого условия в проект декрета министра труда, подчеркнул представитель ОКВ, он «не будет адекватным кризису в военном производстве», а один из гауляйтеров предложил по-прежнему выплачивать им пособия в полном объеме – в размере их максимальной заработной платы в случае их добровольного возвращения к станкам. Однако 4 июня 1940 г.

Геринг заявил, что не подпишет подобный документ, т. к. этот шаг вызовет в данный момент «слишком много беспокойства среди населения», отметив, что потребности страны в рабочей силе могут быть покрыты за счет военнопленных и нет необходимости отрывать женщин от домашнего очага⁴⁹³.

Отвергая идею введения всеобщей женской трудовой повинности, рейхсмаршал мотивировал это, в частности, интересами расы: «Если расовую лошадку впрячь в плуг, – рассуждал он, – она износится быстрее, чем рабочая лошадь.... На высокоценных женщин следовало бы, в первую очередь, возложить задачу рожать детей»⁴⁹⁴. Гитлер разделял эту точку зрения, считая, что в этом случае «немецкая женщина не сможет больше следовать своему материнскому долгу в требуемом размере»⁴⁹⁵. В том же духе высказывался Лей. Приведя в уже цитированном обращении к немкам-членам НСДАП в качестве примера соотечественниц, которым приходилось работать по 16 час. в сутки на сельскохозяйственных предприятиях, он подчеркнул, что при такой нагрузке «женщина не сможет в течение длительного времени выдерживать требования, предъявляемые к ней... предприятием, ... мужем и детьми», а от этого, в первую очередь страдают «дети, живые или еще не рожденные». Этот вывод он подкрепил следующими данными: «на каждые 100 родов приходится смертельных случаев: у женщин, имеющих свое дело – 0,38%, у служащих – 0,41%, у промышленных ... и транспортных рабочих – 0,74%, у сельскохозяйственных рабочих и прислуги – 1,37%, у крестьянок – 2,34%»⁴⁹⁶.

Однако нерешительность нацистского руководства в этом вопросе объяснялась не столько заботой о расовом здоровье будущих поколений, сколько опасениями вызвать широкое недовольство среди гражданского населения и в войсках, чреватое снижением его авторитета. На начальной стадии войны подобная позиция отчасти подкреплялась и военными победами, которые одерживала Германия.

7 марта 1941 г. Р. Гесс обратился с посланием ко всем гауляйтерам, потребовав от них осуществить акцию по привлечению женского населения рейха к трудовой деятельности. Эта акция должна была проводиться под девизом: «Немецкие женщины помогают побеждать!». В письме подчеркивалась недопустимость использования мер принуждения и необходимость апеллировать к чувству чести женщин и девушек⁴⁹⁷. В сопроводительном предписании к этому документу, подписанном Борманом, обращалось внимание на то, что фюрер определяет 1941 год как решающий, а это требует полного напряжения сил всего народа. В то время как немецкий мужчина находится на фронте, немецкая женщина должна своим трудом заменить его, прежде всего, в военном производстве, и, таким образом, внести свой вклад в военную победу. Для окончательной победы, говорилось далее в предписании, «фюреру нужна работа еще сотен тысяч немецких женщин и девушек». Борман предупреждал о том, что не следует привлекать к труду больных и беременных женщин⁴⁹⁸.

Застрельщицами, призванными увлекать своим примером основную массу фольксгеноссиенен, пробуждая в них трудовой энтузиазм, в силу своего служебного положения выпало стать активисткам женских организаций. Согласно официальным отчетам, составленным с немецкой педантичностью, в 1940 г. 1,2 млн. членов «НС-Фрауеншафт» и «Дойче Фрауенверк» отработали свыше 57 млн. часов на земле в сельской местности и еще 420 тыс. человек в течение 21 млн. часов оказывали перегруженным крестьянкам помощь по хозяйству. Всего «добровольные» помощницы записали на свой счет в указанном году 200 млн. час. Однако за всеми этими впечатляющими парадными цифрами скрывался более чем скромный результат - не более одного часа в неделю на человека⁴⁹⁹. Для многих участников этой акции она стала лазейкой, позволявшей им уклоняться от регулярной работы на производстве. В целом в годы войны зачастую даже супруги партийных функционеров либо

избегали членства в женских организациях, либо, вступив в них, ограничивались уплатой членских взносов. Так, в одном из местных отделений Страсбурга из 116 «элитных» жен лишь 94 вступили в «Дойче Фрауенверк», а из последних ни одна не занималась реальной работой⁵⁰⁰.

Власти не забывали и домохозяек, не состоявших в женских организациях и по тем или иным причинам освобожденных от работы на производстве. От них требовалось помогать фронту доступными им способами: собирать одежду и другие вещи для вермахта, писать солдатам ободряющие письма и посылать им газеты, устраивать концерты для раненых, находившихся на излечении в госпиталях, сотрудничать с НСФ, организовывать детские сады и комнаты для детей солдат и работающих матерей, давать приют тем, кто вынужден был работать вдали от дома, а также собирать металлический лом и принимать участие в сельскохозяйственных работах⁵⁰¹. А в адрес тех женщин, которые уклонялись от указанной деятельности или целиком посвящали себя домашним заботам, раздавались обвинения в пособничестве врагу⁵⁰².

Между тем вопрос о целесообразности введения принудительной мобилизации женщин на производство продолжал дискутироваться в нацистских верхах, хотя до радикальных мер дело по-прежнему не доходило. Одним из сторонников последних являлся Геббельс. Различные возможные варианты решения этой проблемы регулярно обсуждались на совещаниях, которые «маленький доктор» ежедневно проводил в своем министерстве. В стенограмме совещания, состоявшегося 24 июля 1940 г., под пунктом 6 значилось: «Гуттерер должен переговорить с г. Зирупом о привлечении женщин на военные заводы и фабрики», потребовав, чтобы не делалось исключения и для представительниц зажиточных кругов⁵⁰³. 5 декабря того же года Гуттерер получил от министра задание совместно с партийными инстанциями подготовить предложения о том, как лучше, не нарушая принципа добровольности,

подключить бездетных немок к работе в военное время⁵⁰⁴. 13 февраля 1941 г. Геббельс сообщил участникам планерки, что, учитывая наличие в стране острого дефицита рабочей силы, он в связи с введением в действие Закона о женской трудовой повинности дал согласие на распределение по учреждениям всех бездетных женщин и девушек в возрасте от 14 до 40 лет. Подчеркнув, что трудовая повинность имеет важное психологическое значение для подъема духа работниц, месяцами и годами трудящихся на военных предприятиях, Геббельс выразил уверенность в том, что «после первоначальных трудностей все женщины, в первую очередь, из высших слоев населения, с особым спортивным азартом примутся за работу»⁵⁰⁵ (позднее жена министра, Магда, подавая личный пример, стала работать на фабрике, ежедневно добираясь туда и возвращаясь домой на троллейбусе⁵⁰⁶).

Но уже 2 июля 1941 г. от этого оптимизма не осталось и следа. Сославшись на одно из сообщений гестапо о «вопиющем» положении, сложившемся на южногерманских курортах (в южных областях Вюртемберга и Бадена, на берегах Бодензее. – Е.П.), куда «беженки» из средних и высших слоев общества устремились от тягот выполнения долга и угрозы бомбежек в поисках спокойной и сытой жизни, он выразил гневное недоумение по поводу того, что «это сборище жен плутократов» не привлекают к трудовой повинности. «Нельзя ведь рассказать нашим рабочим о том, что там происходит, – продолжил он. – Все бедные женщины, имевшие несчастье когда-либо где-нибудь работать, привлекаются к труду на заводах, производящих боеприпасы в крайне неблагоприятных условиях, в то время как жены плутократов проживают неделями и месяцами на курортах». В связи с этим министр предложил регистрировать всех женщин и девушек, которые находятся там более 4-х недель, и направлять их в военное производство. «Тогда, – восклицал он, – высвободится место для тех, кто действительно нуждается в отдыхе». На том же совещании было обращено внимание присутствовавших на

то, что многие квартиры в течение долгих месяцев пустуют, т.к. их хозяева уехали «отдыхать» от бомбежек, и высказано предложение распространить на Берлин опыт Ганновера, где такое жилье конфисковывалось⁵⁰⁷. Прошло несколько дней, и 9 июля 1941 г. Геббельс сообщил своим сотрудникам, что в разговоре с фюрером «открыл ему глаза» на подобных «дезертиров» и заручился его обещанием санкционировать расширение круга женщин, подлежащих мобилизации в рамках трудовой повинности, на несколько сотен тысяч человек⁵⁰⁸.

Будучи неудовлетворен тем, как продвигается дело в этом вопросе, Геббельс в начале 1942 г. посвятил еще ряд совещаний дальнейшему поиску резервов рабочих рук и тому вкладу, который женщины могли бы внести в преодоление сложившейся ситуации. 14 января он заявил: «Несомненно, из немецкого народа можно выжать миллион пар рабочих рук. Я получу разрешение фюрера на это», пообещав ему, что намечаемые меры не приведут к снижению морального состояния народа, но, напротив, позволят повысить его. «К работе, – продолжал он, – должны быть привлечены чиновники и офицеры-отставники,.... можно высвободить для занятости в промышленной сфере домашнюю прислугу и по меньшей мере 30% чиновников, заменить которых предстоит женщинам». Если же удастся придать этой миссии женщин характер общественного долга, используя для этого такие названия, как «национал-социалистическая помощь» или «военная служба», «мы сможем в короткий срок превратить этот вопрос в мобилизующее и активизирующее общенародное дело», - подытожил министр⁵⁰⁹. На совещании 16 января 1942 г. он сделал ряд уточнений. Подчеркнув целесообразность дальнейшего использования женщин-служащих в лекторате, отделе печати, службе подслушивания, шеф имперской пропаганды поручил своим помощникам связаться с руководством «НС-Фрауеншафт» по поводу задействования соответствующих резервов, включая студенток и представительниц оп-

ределенных общественных прослоек⁵¹⁰. Однако, в конечном итоге, как в 1941, так и в 1942 гг., принудительная мобилизация женских трудовых ресурсов была отвергнута Гитлером.

Ф. Заукель, назначенный в марте 1942 г. имперским генеральным уполномоченным по обеспечению рабочей силой, поначалу разработал программу тотального привлечения женщин и девушек к труду, но после того, как Гитлер отклонил ее из-за «отсутствия времени» на соответствующее профессиональное обучение немок, мгновенно изменил свою позицию⁵¹¹. Изложив на совещании в Каринхалле свои доводы (работа на заводе отрицательно скажется на способности женщины к деторождению и нанесет ей нравственный ущерб) и заручившись поддержкой Гитлера и Геринга, Заукель обратился к коллегам гауляйтерам с воззванием, в котором, в частности, заявил: «Для того, чтобы германская домохозяйка, и прежде всего многодетная мать... явственно ощутила на себе освобождение от тяжелого бремени войны и не ставила бы под угрозу свое здоровье, фюрер поручил мне отобрать на восточных землях 400-500 тыс. крепких здоровых девушек и доставить их в рейх»⁵¹².

Разумеется, речь шла не только о девушках. Как уже отмечалось, Гитлер санкционировал привлечение в германскую экономику иностранных рабочих с оккупированных вермахтом территорий, а также военнопленных. Однако эта мера подвергла испытанию на прочность расовые установки национал-социализма. Многие немки, главным образом, крестьянки, обделенные лаской ушедших на фронт мужей или не сумевшие создать свой семейный очаг, все чаще вступали в половые сношения с подневольными работниками, в том числе с остарбайтерами, переданными им для выполнения хозяйственных работ. Осуществленное в годы войны ужесточение наказаний за «осквернение расы», предусматривавшее смертную казнь через повешение для «восточных рабочих», виновных в указанном «преступлении», и тюрем-

ное заключение на срок от нескольких месяцев до 6 лет для «согрешивших» с ними немок, не помогало⁵¹³. В гау Судетенланд ситуация приобрела столь «угрожающий» характер, что местное образовательное ведомство, совместно с отделениями «НС – Фрауеншафт» и БДМ опубликовало памфлет, разъяснявший женщинам, что Гитлер привлек иностранцев в рейх не с целью «создания одной большой европейской семьи», а с тем, чтобы «решить проблему серьезной нехватки рабочей силы». Посему они обязаны хранить свою расовую чистоту и избегать сексуальных связей, недостойных ариек⁵¹⁴.

Поскольку экономическая отдача от подневольной рабочей силы не позволила решить все проблемы германской экономики военного времени, Гитлер, наконец, сдался и в январе 1943 г. подписал «Закон о защите рейха», введший обязательную регистрацию не только мужчин в возрасте от 16 до 45 лет, но и женщин в возрасте от 17 до 45 лет и ставший, таким образом, для последних первой прямой мобилизационной мерой⁵¹⁵. От регистрации освобождались работавшие не менее 48 час. в неделю, нанимавшие 5 или более человек, занятые в сельском хозяйстве или здравоохранении, студентки, беременные, а также женщины, имевшие одного ребенка младше шести лет или двух детей младше 14 лет⁵¹⁶.

Трудовая мобилизация женщин стала одной из наиболее характерных черт тотальной войны. Если вплоть до 1941 г. численность немок, регулярно занятых на производстве, не превышала показателя 1928 г.⁵¹⁷ и в 1942 г. выросла лишь незначительно, то новая мера в первое время, казалось бы, позволила несколько активизировать этот процесс. К концу марта 1943 г. в конторах по найму в соответствии с требованиями январского закона зарегистрировалось 2,5 млн. женщин, но результаты в плане обеспечения предприятий дополнительной рабочей силой были мизерными. Поэтому Заукель, призвав, наконец, к тотальной мобилизации, возложил ответственность за осуществление мобилизационных мер на гауляйтеров, которые не только не верили в

их целесообразность, но считали, что они ослабят волю населения к сопротивлению и негативно скажутся на их личной популярности. Следствием занятой ими позиции стали новые жалобы Шпеера на отсутствие подлинной мобилизации. И неудивительно. Так, к концу июня 1943 г. около 3,1 млн. женщин, из которых трудоспособными являлись 1235 тыс. человек, подали заявления о трудоустройстве, но 672 тыс. из них в силу лежавших на их плечах забот по ведению домашнего хозяйства могли трудиться лишь неполный рабочий день. На практике же многие из них вообще не работали. В Берлине, например, таковых насчитывалось 45%⁵¹⁸. Личные обращения Шпеера к гауляйтерам, с которыми у него, по его собственному признанию, отношения не складывались, особых результатов не дали⁵¹⁹. В том же году в ходе состоявшегося у мюнхенского гауляйтера Гизлера секретного обсуждения сложившегося положения один из районных руководителей, обратив внимание на наличие у определенных категорий «фольксгеноссинен» служанок, предложил «отобрать» последних у хозяек⁵²⁰.

Таким образом, отнюдь не самим представительницам привилегированных социальных слоев, а их домработницам предстояло заменить мужчин на фабриках и в бюро. Между тем не секрет, что многие немки предпочитали скромную долю домашней прислуги угрозе очутиться у фабричного станка⁵²¹. Впрочем, вышеприведенное предложение в целом осталось нереализованным. Если в Англии в период с 1939 по 1943 гг. численность служанок сократилась с 1,2 млн. до 400 тыс. человек, то в Германии она за те же годы снизилась с 1,56 млн. до 1,36 млн. человек (с мая 1939 г. по 1942 год – на 150 тыс. и по май 1943 г. еще на 50 тыс.⁵²² или, по Шпееру, она была сокращена до 1,4 млн. чел.) и сохранялась неизменной до конца войны⁵²³.

Министерство пропаганды разослало в 1943 г. во все гау местным шефам пропаганды директиву, обязывавшую их более широко популяризировать сюжеты об имеющих детей фрау, которые, несмотря на обилие забот,

пришли на военное производство⁵²⁴. Тем временем в отчетах СД отмечалось, что немки лишь в исключительных случаях проявляли готовность «встать к станкам ради достижения конечной победы»⁵²⁵. Качество же работы и дисциплина тех, кто был принудительно вовлечен в трудовой процесс, вызывали многочисленные нарекания. В том же году руководство мюнхенской фирмы Иоганна Эккарта «Фруктовые соки» жаловалось на своих работниц, которых хватает лишь на несколько дней работы, после чего они под разными предложениями, включающими медицинские свидетельства, начинают уклоняться от нее⁵²⁶.

С аналогичными проблемами столкнулась дюссельдорфская фирма по изготовлению оптических приборов, где в декабре 1943 г. из 51 новой работницы, которые первоначально были мобилизованы на работу, на рабочих местах находилось лишь 16⁵²⁷. Более того, из прошедших регистрацию далеко не все включались в работу. Например, из 44619 зарегистрированных мюнхенок «трудоустроить» удалось только 35,3%⁵²⁸. Уже в декабре 1943 г. Министерство вооружений и боеприпасов сделало неутешительное признание: «Мы вынуждены констатировать полный провал мобилизации германских женщин для работы в военной сфере»⁵²⁹.

10 июля 1944 г. было опубликовано второе предписание, касавшееся привлечения к работе матерей в тех случаях, когда они могли поручить своих детей заботе родственников. Указ фюрера о «тотальном включении в войну» от 25 июля 1944 г., подписанный им по инициативе Геббельса, назначенного тогда же имперским уполномоченным по ведению тотальной войны, поднял возрастную планку для подлежавших регистрации женщин с 45 до 50 лет⁵³⁰. Но и в новых условиях значительная часть немок находила возможности для уклонения от трудовой повинности. Одной из таких лазеек являлось поступление в вузы. Уже начиная с 1942 г. в стране все чаще звучала критика по поводу безответственного поведения части служащих, поступавших в университеты лишь с указанной целью и так и не доведших своего обучения до

конца⁵³¹. Другие женщины предъявляли медицинские свидетельства, брали фиктивные справки о трудоустройстве у знакомых работодателей или, в крайнем случае, трудились на общественных началах в таких организациях, как НСФ и «Красный Крест», ссылаясь в свое оправдание на обилие работы в семейном кругу. Будучи все-таки привлечены к труду, они всеми правдами и неправдами старались добиться увольнения. Ходил слух о том, что некоторые немки специально выходили замуж и беременели, чтобы получить такую возможность⁵³². Некоторые стремились уехать к своим родственникам в другие районы Германии.

Во многом такая позиция объяснялась и резко возросшей нагрузкой. Уже с началом военных действий продолжительность рабочего времени увеличилась с 48 до 56 час. в неделю. После провозглашения тотальной войны женщины вынуждены были работать и по ночам. Для многих из них путь до места работы и обратно ежедневно занимал несколько часов. Фрау М. Фрей вспоминает: на дорогу в один конец пешком ей требовалось 2,5 часа. Хотя у нее имелся велосипед, воспользоваться им она не могла, т. к. ей не удалось достать шины. Поэтому, как правило, из дома ей приходилось уходить в половине шестого утра, а возвращаться - в 10-11 вечера⁵³³. Кроме того замужних женщин никто не освобождал от их домашних обязанностей, хотя время, отведенное на выполнение последних, резко сократилось. В этих условиях Шольтц-Клинк заявила, что мужчины могут сами разогревать себе пищу, нисколько не ущемляя собственного достоинства. Тем же из них, кто считал это немужским занятием, она напоминала о тысячах солдат, вынужденных ежедневно находиться в условиях, в которых о них некому позаботиться⁵³⁴.

Встречался и политически мотивированный отказ, завуалированный под бытовые причины. Член запрещенной КПГ фрау М. Диттенхебер позднее рассказывала, что в первый раз ей удалось избежать регистрации, отговорившись тем, что на ее иждивении находится 85-летняя свекровь, прожи-

вающая с нею. Летом 1944 г. она заявила, что заботится еще и о 80-летнем слепом соседе, а в случае воздушных налетов ей приходится отводить обоих стариков в подвал. Когда ей было указано на обязанность работать хотя бы неполный рабочий день, Диттенхебер про себя решила, что «для войны ничего не будет делать»⁵³⁵.

Хотя в подавляющем большинстве случаев говорить о политической подоплеке протеста со стороны женщин не приходилось, прогульщицы приравнивались к асоциальным элементам и направлялись в концентрационные или трудовые воспитательные лагеря. Так, администрация завода по производству взрывчатых веществ, располагавшегося в Торгелов (Померания) и имперский попечитель труда 17 августа 1943 г. (в связи с директивами Рейх-министерства труда по борьбе с нарушениями трудового договора) направили в гестапо сообщение о фольксдойче А. Вольфграмм, присланной на данное предприятие по линии трудовой повинности. В нем отмечалось, что, несмотря на неоднократные предупреждения, Вольфграмм регулярно прогуливала работу: с 23 по 30 июня, с 5 по 31 июля, с 2 по 3 августа и 16 августа 1943 г., после чего директор завода по безопасности Петцольд связался по телефону с гестаповцем Нотцке, который поручил ему, подключив местную полицию, немедленно арестовать прогульщицу. В письме содержалась просьба определить Вольфграмм «самое строгое наказание», чтобы это послужило наглядным примером для других женщин, которые «пытаются с помощью неубедительных отговорок избежать работы»⁵³⁶. В свое оправдание последняя заявила, что помогала по хозяйству крестьянину Палу, за которого намеревалась выйти замуж. В этой связи в заведенном на нее деле было отмечено, что, несмотря на выполнение Вольфграмм в хозяйстве Пала полезной работы, «нужно стремиться к поддержанию дисциплины в немецкой химической промышленности», и в этой связи следует направить Вольфграмм на 21 день в трудовой воспитательный лагерь⁵³⁷.

Возросшие нагрузки не сопровождались устранением дискриминации по половому признаку при начислении заработной платы. Например, вознаграждение, выплаченное в 1943 г. работницам, занятым в мюнхенской металлообрабатывающей промышленности, составило лишь 48,6% от суммы заработка квалифицированных рабочих-мужчин, и 42,8% от того, что получили специалисты⁵³⁸. В ответ на очередную инициативу по уравниванию заработков некоторых категорий работниц с заработной платой рабочих-мужчин той же квалификации, с которой выступило руководство ДАФ в апреле 1944 г., Гитлер заявил, что ожидать от этого сколько-нибудь значительного повышения трудовых достижений не приходится, т.к. деньги больше не имеют прежней стоимости «в связи с отсутствием товаров широкого потребления, которые можно было бы купить». Одновременно он подчеркнул: «Полное уравнивание женских заработков с мужскими зарплатами было бы неуважением к достижениям мужчин на благо народного сообщества, которого я хотел бы избежать при всех обстоятельствах»⁵³⁹.

Однако поскольку в период войны многим женщинам, пришедшим на производство, приходилось выполнять и чисто «мужскую» работу, для них почасовая оплата составляла 80% от получаемого мужчинами, а на сдельной работе ставки были равными⁵⁴⁰.

Будучи озабочены общественным климатом внутри страны и его возможным негативным влиянием на настроения в войсках, власти были вынуждены осуществить некоторые меры по поддержке женщин, оставшихся без кормильца. С рядом соответствующих директив выступил в 1940 г. Геббельс. 26 февраля он дал указание выяснить, имеется ли возможность предоставлять отпуск женщинам, привлеченным к работе в военном производстве по линии трудовой повинности, одновременно с отпуском их мужей, прибывающих с фронта на побывку⁵⁴¹. 30 августа министр вернулся к этому вопросу. Поскольку ранее установленные правила, предусматривавшие предоставление

женщинам, занятым в военном производстве, отпуска, равного по продолжительности отпуску мужа-фронтовика, стали невыполнимыми (солдаты все чаще получали отпуск, длившийся несколько недель), Геббельс поручил Гуттереру разработать новые положения об отпусках⁵⁴². 16 сентября 1940 г. последовала очередная директива: «Разъяснить в прессе, что женщины, работающие на военных предприятиях, ежегодно имеют право на десятидневный отпуск, который они могут взять в период отпуска их мужей, прибывших с фронта», но, «если эти женщины смогут обеспечить себе замену, отпуск может быть продлен им на все время отпуска их мужей»⁵⁴³.

По тем же причинам обращалось внимание на необходимость ужесточения контроля и наказаний за нарушение супружеской верности. «В последнее время, - сообщалось на совещании 17 февраля 1940 г., - солдаты на фронте получают письма о том, что их жены изменяют им, и, наоборот, жены получают анонимные письма о том, что их мужья изменяют им в Рейнской области». Заслушав эту информацию, Геббельс подчеркнул опасность подобных явлений для монолитности общества и дал указание разобраться в ситуации⁵⁴⁴. 6 сентября 1940 г., осведомившись о мерах, применяемых судом по отношению к виновным в супружеской измене женам военнослужащих, он высказал мнение о том, что в подобных случаях должны применяться особо строгие наказания⁵⁴⁵. В связи с этим одним из основных лозунгов майской пропагандистской кампании стал следующий: «Каждый, кто подает дурной пример на «семейном фронте», – ... изменник нашей партии и наших солдат»⁵⁴⁶.

В целом же перед пропагандой была поставлена задача по возможности отвлекать население от внутрисемейных проблем, постоянно напоминая ему о приоритете общенациональных задач. Еще 22 апреля 1940 г. Геббельс отдал распоряжение добиться прекращения «вздора показывания брачных про-

блем и конфликтов» в кинофильмах, т.к. «в наше время народ интересуют только мужские конфликты» (последняя фраза в стенограмме зачеркнута)⁵⁴⁷.

Война усугубила имевшиеся в Германии проблемы и породила новые. Уже 27 августа 1939 г. в стране было введено нормирование большинства продуктов питания, что знаменовало провал планов по достижению автаркии. В связи с этим новую силу обрели обращенные к соотечественницам призывы о необходимости придерживаться строжайшей экономии во всем и избегать расточительности.

Между домохозяйками стали проводиться соревнования под девизом: «И в войну мы варим также вкусно и хорошо!». Наградами их победительницам становились портреты фюрера, издания по искусству и даже денежные призы. В журналах публиковались недельные меню и рецепты, содержавшие разные «маленькие хитрости», например, советы о том, как печь пирог из двух яиц, обходясь при этом без капли жира⁵⁴⁸. В целом поваренные книги, распространявшиеся национал-социалистическими организациями (одни лишь рецепты приготовления рыбных блюд были выпущены в пяти брошюрах общим тиражом 8,7 млн. экземпляров; кроме того, издавались многочисленные сборники, содержавшие рекомендации по изготовлению мармелада, приготовлению блюд из картофеля и творога, консервированию, тираж которых составил 29,5 млн. экземпляров⁵⁴⁹), нацеливали широкие слои фольксгеноссен на отказ от ряда привычек в питании⁵⁵⁰.

Впрочем экономить полагалось не только продовольствие, но также электроэнергию, «угольные отходы» и т.п. Одна из фабрик наладила выпуск листов с выкройками и инструкциями по кустарному изготовлению домашних туфель. Выпускавшиеся массовыми тиражами памятки по восстановлению поношенных платьев убеждали: «Сделай из старого новое!»⁵⁵¹. Консультативные бюро концерна «Национальная экономика/Домашняя экономика», функционировавшие по всей стране, предлагали желающим многочисленные

брошюры, содержавшие информацию о различных способах стирки, борьбы с молью, починки мебели и одежды, давали советы по бережливому обращению с любой вещью – от электроприборов до чулок, занимались сборами тряпок и побывавших в употреблении носильных вещей для их последующего рециклинга.

Однако здесь не обходилось без издержек. От женщин, серьезно подходивших к выполнению задачи экономии материалов, нередко поступали жалобы на то, что введенная система купонов на одежду ставила в невыгодное положение тех из них, кто обшивал себя сам, поскольку методы, которым их обучали на курсах кройки и шитья активистки «Дойче Фрауенверк», приводили к большему расходованию материала, чем уходило в фабричных условиях⁵⁵².

В плане реагирования на эти «сигналы» Геббельс, проводя в своем министерстве совещание 4 декабря 1939 г., дал указание принять меры к тому, чтобы отныне карточки, дающие право на приобретение нового пальто, выдавались только в обмен на безвозмездно предоставленную поношенную верхнюю одежду. Одновременно с этим он запретил руководителям прессы публиковать в своих изданиях сообщения о том, что дорогие платья и обувь по-прежнему имеются в свободной продаже⁵⁵³.

Конечно же, в первую очередь, война значительно осложнила положение женщин-матерей, особенно из многодетных семей. Практически сразу же в соответствующие инстанции стали поступать ходатайства об отсрочке платежей по погашению ссуды мобилизованными в армию, поскольку это оказалось слишком тяжким бременем для лиц, получавших лишь армейское жалование. Одной из примет военного времени стала инициатива властей, касавшаяся отмены условия, согласно которому в обмен на ссудные ваучеры должна была предоставляться лишь новая мебель, поскольку производство

не поспевало за спросом, что приводило к образованию очередей среди получателей⁵⁵⁴.

Тем не менее и в военный период нацистами был осуществлен ряд мер по дополнительной поддержке матерей, в основе которых лежали все те же прагматические соображения: забота о повышении рождаемости, актуальность которой в связи с потерями, принесенными войной, возросла, и заинтересованность в сохранении стабильности внутривойска политического положения.

16 сентября 1939 г. было опубликовано «Постановление о предоставлении особых доплат рабочим тяжелого и тяжелейшего труда, будущим и кормящим матерям, больным и дряхлым лицам», вступившее в силу 25 сентября того же года. В нем предусматривалось, что перечисленным лицам по «указанию рейхсминистра питания и сельского хозяйства, изданному по согласованию с рейхсминистром внутренних дел, на основании медицинского освидетельствования, проведенного службой питания», могли выдаваться свидетельства, дававшие право на получение дополнительного продовольствия (§ 10, п. 1). Здесь же содержалось уточнение, что «для будущих и кормящих матерей вместо медицинского освидетельствования достаточно осмотра, проведенного акушеркой» (§ 10, п. 3). «Будущие матери, – говорилось в § 11 этого Постановления, – получают во время беременности, кормящие матери во время кормления, на основании освидетельствования врача или осмотра акушерки, цельное молоко» (право на это давали специальные молочные карточки). При этом ежедневные продовольственные добавки, предусмотренные, согласно этому постановлению, для матерей и рожениц, состояли из 0,5 л. цельного молока и 150 г. других продуктов питания⁵⁵⁵.

В связи с особой остротой, которую приобрела проблема подстегивания рождаемости как в рамках брака, так и вне его, на совещании, проводившемся Геббельсом 11 января 1940 г., руководители германской печати получили от него указание поднять в периодических изданиях вопрос: «Старый

народ – молодой народ», согласуясь с только что опубликованными цифрами народонаселения⁵⁵⁶. 25 апреля 1940 г. он потребовал напомнить газетчикам о запрете на использование выражения «бездетная семья» даже в разделе объявлений (речь, видимо, шла о найме прислуги или съеме квартиры. – Е.П.)⁵⁵⁷.

В том же году по инициативе Геббельса был принят ряд решений о более внимательном отношении к беременным женщинам и матерям. 12 января 1940 г. Гуттерер получил от него задание проследить за тем, чтобы снабжение беременных матерей регулировалось единообразно⁵⁵⁸, а 15 февраля ему же было поручено «энергично» заботиться о том, чтобы женщины, находившиеся в положении, были обеспечены необходимой одеждой и врачебной помощью и чтобы в будущем отношение к матерям было таким же, как к солдатам. Если не удастся найти другой выход, подчеркнул министр, их следует обеспечивать полным врачебным обслуживанием и по врачебному аттестату выдавать в определенных магазинах пакеты со всем необходимым; матери же, находящиеся на последних месяцах беременности, должны получать эти пакеты бесплатно через НСФ⁵⁵⁹. 19 февраля Гуттерер получил от министра задание проверить возможность устройства при общественных учреждениях особых приемных мест для беременных посетительниц, т.к. «их прием, например, в отделе для юношества воспринимается как бестактность»⁵⁶⁰. На совещании 24 апреля 1940 г. Геббельс потребовал от него же спешно представить перечень того, что беременная женщина получает на себя и на своего ребенка, и выразил возмущение по поводу недостаточного снабжения грудных детей бельем⁵⁶¹. 30 апреля 1940 г. министр распорядился подготовить краткое сообщение для печати, в котором бы указывалось, сколько продуктов питания полагается беременной женщине и в течение какого времени после родов ей предстоит получать дополнительное питание⁵⁶².

Позднее, 17 мая 1942 г., был принят «Закон об охране работающих матерей», или «Закон об охране материнства» (обсуждения соответствующего

проекта велись в правительственных кругах еще в 1937-1939 гг.⁵⁶³). В нем отмечалось, что он принят для того, чтобы работающие матери, которые, «несмотря на тяжелые условия жизни, дарят фатерланду детей, ...могли без помех выполнять свой долг материнства»⁵⁶⁴. § 2 этого Закона будущей матери запрещалось трудиться в том случае, если, согласно заключению врача, это могло отрицательно сказаться на жизни и здоровье ее самой и ее ребенка. В частности, речь шла о тяжелых физических работах, связанных с «поднятием и ношением тяжелых грузов», и работах, при выполнении которых будущие матери «подвергаются вредному воздействию опасных для здоровья веществ и лучей, пыли, газов или паров, жары, холода или влажности». В том же параграфе указывалось, что в последние шесть недель перед родами женщины, по их требованию, должны освобождаться от любой работы. В соответствии с § 3 роженицы не могли приниматься на работу до истечения шестинедельного срока после родов. Для кормящих матерей этот период удлинялся до 8 недель, а «для кормящих матерей после преждевременных родов – до 12 недель»⁵⁶⁵.

Также запрещалась занятость будущих и кормящих матерей одновременно на нескольких работах «в период между 20-ю и 6-ю часами и в воскресные и праздничные дни», а в сельском хозяйстве – труд свыше 9 час. в день, хотя и указывалось, что «служба надзора за работой может в особых случаях допускать исключения». § 5 обязывал работодателей предоставлять кормящим матерям, по их требованию, при общем рабочем времени, превышающем 4,5 часа, перерыв для кормления ребенка продолжительностью в 45 мин., а при продолжительности рабочего дня в 8 или более часов – два перерыва по 45 мин. каждый. Особо подчеркивалась недопустимость снижения в подобных случаях заработной платы кормящим матерям. Согласно этому параграфу служба производственного надзора могла предписать работодателям сооружение на их предприятиях помещений для кормления. В том случае,

если фюрер предприятия был осведомлен о беременности работницы заранее (§ 8 Закона обязывал последнюю сообщать ему об этом), он не имел права уволить ее против ее воли во время беременности и до истечения четырех месяцев после родов. Исключение мог сделать лишь имперский попечитель труда при наличии серьезных причин, касавшихся реализации условий занятости⁵⁶⁶. Виновные в нарушении предписаний Закона согласно § 11 наказывались денежным штрафом в сумме до 150 рейхсмарок или арестом. В особо тяжелых случаях они подвергались тюремному заключению и денежному штрафу или одному из этих наказаний⁵⁶⁷.

Официальный контроль за здоровой наследственностью не ослаблялся и в годы войны. 15 апреля 1941 г., выступая перед своими сотрудниками, Геббельс сообщил им, что получил письмо, в котором поднимался вопрос о запрещении противозачаточных средств, и подчеркнул, что предложение подобного рода рассматривалось еще несколько лет назад. Тогда Гитлер резко возразил против него на том основании, что использование таких негативных методов не позволит добиться решения проблемы повышения рождаемости. Министр же подчеркнул, что они не дают возможности «контроля над здоровой наследственностью и над ростом высококачественного нового поколения», что вполне осуществимо при применении стимулирования посредством предоставления новобрачным субсидий. К тому же, отметил он, следствием подобного запрета станет рост спекуляции, а в «малоимущих слоях населения будут применяться вредные для здоровья средства»⁵⁶⁸. В связи с этим ставилась задача усиления внимания властей по отношению к многодетным семьям, остававшимся фаворитами пронаталистской политики режима. На совещании в Рейхсминистерстве пропаганды 13 января 1940 г. в связи с тем, что «морозы сделали невозможным подвоз необходимого количества свежих овощей», было высказано предложение «уже сейчас, не откладывая, выдать многодетным семьям часть консервов», выдача которых намечалась на март

месяц⁵⁶⁹. 21 ноября того же года Геббельс заявил о необходимости распространить налоговые льготы и на многодетные семьи, имевшие высокий годовой доход, «поскольку отсутствие таковых может отрицательно сказаться на политике народонаселения»⁵⁷⁰.

Важная роль в решении задачи превратить многодетную, полноценную в расовом отношении семью в «естественную основную ячейку германского общества»⁵⁷¹ отводилась Имперской лиге германской семьи, боевой лиге многодетных семей здоровой наследственности (РдФ). Поскольку ведущаяся война была объявлена «войной за выживание расы», а количество браков, начиная с 1940 г., снизилось по сравнению с показателями 1933-1939 гг., эта организация видела свою задачу в том, чтобы облегчать вступление в брак тем молодым людям, которые заявляли о своем желании иметь несколько детей. При этом на первое место ставилось чувство долга, а личные склонности должны были отступать на второй план. В конце 1943 г. региональное отделение РдФ в Саксонии открыло Центр писем, который фактически занимался сводничеством, связывая потенциальных супругов друг с другом. Согласно официальным заявлениям прессы, к июню 1944 г. насчитывалось уже около 30 тыс., а к концу ноября – 40 тыс. заявлений от кандидатов, согласных на то, чтобы создать семью подобным образом⁵⁷².

В то же время реальная поддержка, оказывавшаяся женщинам, имевшим детей, была недостаточной. Не хватало детских заведений, где бы работающие матери могли оставить своих детей. В Мюнхене, например, в 1942 г. имелось всего четыре приюта, 18 городских детских садов и пять детских яслей, которые не могли вместить 55877 детей младше 6 лет и 64902 ребенка в возрасте от 6 до 14 лет, проживавших тогда в столице Баварии⁵⁷³. В Бремене, как отмечалось в отчете, озаглавленном «Народность и народное здоровье» и датированном 2 ноября 1943 г., соблюдались следующие месячные нормы выдачи продовольственных продуктов. Детям в возрасте от трех до шести

лет полагалось: 400 г мяса; 4800 г хлеба; 800 г масла; 0,5 л молока в день; 125 г сыра; 700 г мармелада; 900 г сахара; 600 г продуктов питания; 250 г эрзац-кофе; 125 г искусственного меда; 62,5 г какао-порошка; 250 г детского питания. Дети же в возрасте от 6 до 14 лет получали: 1200 г мяса; 6800 г хлеба; 925 г масла; 187,5 г маргарина; 0,25 л молока в день; 125 г сыра; 900 г мармелада; 900 г сахара; 600 г продуктов питания; 250 г эрзац-кофе; 125 г искусственного меда; 62,5 г какао-порошка⁵⁷⁴.

В документе приводятся возмущенные высказывания матерей из всех регионов области, особенно по поводу скудности мясного рациона. Женщина, имевшая троих детей (5 лет, 2 года и 3 месяца от роду), жаловалась: «Обеспечение детей от 3 до 6 лет, особенно мясом (100 г в неделю), совершенно недостаточно. Дети в этом возрасте особенно охотно едят хлеб с колбасой. Если этим детям в день дают один хлеб с чем-то, то 100 г едва ли хватает на 7 дней, то есть на неделю на время обеда не остается больше мяса, так что ребенок ест за счет родителей, ... других младших или старших детей. Даже мой двухлетний ребенок требует хлеба с чем-нибудь, и ему нельзя отказать, если он видит, что старшая сестра ест хлеб с колбасой. У меня есть 100 г младшего ребенка, которые я могу дать обоим старшим в качестве добавки. Масла, нормированного для детей от 3 до 6 лет, для намазывания на хлеб недостаточно. Так как ... мяса не хватает, я вынуждена в основную пищу добавлять овощи и масло»⁵⁷⁵. Врач из Олденбурга прокомментировала ситуацию следующим образом: «Бросается в глаза то, что именно дети в возрасте от 3 до 6 лет заболевают наиболее часто и что в большинстве случаев ... причиной этого является недостаточное питание»⁵⁷⁶. Тревогу по поводу сложившегося положения били и другие медики. Если обеспечение новорожденных и матерей в Германии в настоящий момент «вероятно, самое лучшее» по сравнению с другими государствами, писал окружной врач Вердена доктор Кольшюттер, то «обеспечение детей в возрасте от 3 до 6 лет – недоста-

точное. Для матери невозможно прокормить в этот период ребенка ста граммами мяса»⁵⁷⁷.

Однако официальные власти заняли в этом вопросе жесткую позицию. В ответ на подобные жалобы из главной службы народного здравоохранения Мюнхена 30 ноября 1943 г. в полицию безопасности было направлено письмо, в котором, в частности, говорилось: если мать сетует по поводу того, что ее ребенок съедает 100 г. мяса, рассчитанные на неделю, за один день, то «не знаешь, чему нужно больше удивляться, – примитивности мышления или очевидной неспособности распределить мясо соответствующим образом»⁵⁷⁸. Врачей же, которые поддерживают такие настроения, следует привлечь к ответственности за «распространение страшных сказок». Старое представление о том, что мясо необходимо для роста детей, утверждалось далее в письме, ложно. «Мясной белок в этом отношении уступает молочному белку. Поэтому молоко является лучшим для роста средством питания, т. к. оно, кроме особенно подходящего для этого белка, содержит также необходимые минеральные вещества, прежде всего, известковые соли. В то время как в Англии уже приходится добавлять в хлеб известь, чтобы противодействовать рахиту и хрупкости костей, у немецких детей устанавливается даже чрезмерно долгий рост трубчатых костей», а об их ломкости речи вообще не идет⁵⁷⁹.

Подобные аргументы не действовали на обеспокоенных матерей, но изменить ситуацию к лучшему они не могли. Война неумолимо вносила свои коррективы и в положение представительниц среднего класса. Многие берлинки из «благополучных» слоев, пытавшиеся вести привычный образ жизни, постепенно замечали, что «у них становится все меньше кавалеров, пока их город превращается в город одиноких женщин и руин»⁵⁸⁰.

Все это привело к падению рейтинга властей (если не считать сохранявшейся веры в фюрера) в общественном мнении гражданского населения вообще и женщин, в частности. Уже к 1943 г. многие из них не скрывали

своего критического отношения к партии. Особое их возмущение вызывало то, что значительная часть партийных чиновников продолжала пользоваться освобождением от военной службы и различными льготами, в частности, служебными автомобилями, что на фоне нужды простого населения выглядело вызывающе (в этих условиях некоторые члены НСДАП перестали носить партийный значок и даже отказывались от официального партийного приветствия – «хайль, Гитлер!»)⁵⁸¹.

Чем ближе режим подходил к своему краху, тем больше властями наращивались усилия по сохранению монолитности общества. Пропагандистскому прессингу подвергались все группы населения в том числе, отнюдь не в последнюю очередь женская часть нации. Диапазон средств, использовавшихся при этом, был достаточно широк – от подчеркнутых проявлений внимания до воззваний к чувству долга. Характерно, что даже на заключительном, катастрофическом для Германии этапе войны многие из них несли на себе печать вошедшей в поговорки немецкой педантичности. Так, в циркуляре, направленном 20 июля 1944 г. окружным начальником пропаганды Шпроттау (Нижняя Шлезия) Эрнстом подведомственным ему структурам, озаглавленном: «Касается письма «Матерям и женам наших павших к дню поминовения усопших 1944 года», говорилось: «Необходимо к 9 ноября 1944 г., как и к Дню матери этого года, вручить всем женам и матерям павших в этой войне памятное письмо. Для того, чтобы я своевременно мог отдать распоряжение руководству округа о необходимом количестве памятных писем, я прошу вас сообщить мне о числе необходимых писем, самое позднее, до 28 июля 1944 г. Сообщения, которые поступят после 28 июля, не будут приниматься во внимание»⁵⁸². Выступая 18 ноября 1944 г. в гау Франкен на массовом женском митинге, посвященном принесению присяги фольксштурмом, Шольтц-Клинк заявила: «Теперь, ... когда весь немецкий народ со своими мужчинами снова объединен в фольксштурме, мы должны еще теснее сплю-

таться.... Мы являемся душеприказчицами тех, кто пал. Мы можем продолжать там, где они остановились. Они ожидают этого от нас»⁵⁸³.

Поражения вермахта на заключительном этапе войны вынудили Гитлера снять продержавшийся дольше других запрет на допуск женщин в еще одну «неженскую» сферу деятельности – вооруженные силы («Почти до последних дней войны, - отмечал в своих мемуарах Гизевиус, - женщины к использованию в военных целях... не привлекались»⁵⁸⁴). По мере того как угроза авианалетов противника на Германию становилась обыденным явлением, возрастала роль зенитных подразделений. В связи с этим 17 июля 1943 г. Гитлер по настоянию Шпеера дал санкцию на подготовку женщин для использования в прожекторных и вспомогательных армейских частях. К концу войны во вспомогательные женские подразделения вступило 450 тыс. человек, не считая медицинских сестер, а в некоторых прожекторных частях женщины составляли 90% личного состава. Стрелять из орудий им, правда, запрещалось. Германская пропаганда призывала их воздерживаться от превращения в «орудийную бабу» (именно так в имперских средствах массовой информации именовались советские женщины, участвовавшие в боях)⁵⁸⁵.

В ноябре 1944 г. Гитлер издал официальный приказ, запрещавший женщинам проходить обучение обращению с оружием. Исключение составляли лишь жительницы районов, находившихся под угрозой вторжения частей Красной Армии. В том же месяце Борман безапелляционно заявил Геббельсу: «До тех пор пока остается хотя бы один мужчина, занимающий в вермахте служебное место, которое может быть также занято женщинами, служба вооруженных женщин должна быть отвергнута»⁵⁸⁶. Но уже в феврале 1945 г. фюрер одобрил формирование экспериментальных женских пехотных батальонов, которым предстояло сражаться бок о бок с 15-летними мальчиками из фольксштурма⁵⁸⁷.

Всего в 1943-1944 гг. в вооруженных силах было занято 470500 немецких женщин⁵⁸⁸. К 1945 г. около 85% таких, ранее считавшихся мужскими, должностей в армии, как канцеляристы, переводчики, лаборанты, занимали женщины, которых, тем не менее, несмотря на их униформу, официально не рассматривали как военных и «за глаза» именовали «блиц-девушками»⁵⁸⁹. 1 марта 1945 г. Геббельс записал в своем дневнике: «Я обсуждаю с Советом обороны Берлина вопросы обороны столицы.... Мы должны... провести второй призыв фольксштурма и, пожалуй, сформировать женские батальоны»⁵⁹⁰. Война, однако, окончилась до того, как такие батальоны были созданы и обучены⁵⁹¹.

Чем же в итоге обернулся для Германии нацистский вариант решения «женского вопроса», которое, по мнению А. Кун (одного из признанных специалистов в области гендерных проблем Третьего рейха, настаивающей на том, что «взятие политической власти нацистами не может быть отделено от захвата ими женских тел»), было для национал-социалистов столь же важно, как и решение «рабочего» и «еврейского» вопросов; при этом женский вопрос, считает она, «возможно, ... являлся для нацистской биологической политики даже более существенным, чем расизм»⁵⁹² (последнее утверждение подкупает своей эмоциональностью, однако вряд ли может восприниматься всерьез, если учесть, что в основу указанной политики был положен расовый критерий).

В целом, несмотря на то, что антиэмансипационная политика, проводившаяся нацистским режимом в первые годы его существования, в дальнейшем уступила место вынужденной эмансипации и весь арсенал средств, как стимулирующего, так и принудительного характера, имевшийся в распоряжении партийных и государственных структур рейха, был задействован для привлечения женщин на производство, в первую очередь, военное, Германия по достигнутым в этой области показателям значительно отставала от

держав-союзниц. В период войны общее число немецких женщин, занятых в различных сферах профессиональной деятельности, составляло: в 1939 г. - 14,6 млн., в 1941 г. - 14,2 млн., в 1944 г. - 14,9 млн. человек. При этом согласно официальной статистике в индустриальных отраслях в 1939 г. насчитывалось 2,7 млн., в 1942 г. - 2,6 млн., в 1944 г. - 2,7 млн. работниц⁵⁹³. Тогда как в 1939 - 1944 гг. количество работающих немок возросло лишь на 1%, в США подобный рост составил в период с 1941 по 1945 г. 32%⁵⁹⁴. Вынудив нацистов сдать один из своих главных бастионов в женском вопросе, война обернулась для значительной части «дочерей фатерланда» необходимостью работать по 60 часов в неделю в зачастую неблагоприятных условиях. Следствием этого стал рост числа несчастных случаев и выкидышей у них⁵⁹⁵.

Что же касается рождаемости, то, по данным Гросса, в 1942 г. она составила 15,2 живых младенцев на 1000 человек населения. Это, по его мнению, являлось высоким результатом с учетом того, что он превышал показатели 1933 г. и был достигнут «в разгар тяжелейшей войны»⁵⁹⁶. Однако, по большому счету, этот «успех» был далек от того, к чему стремились нацисты, да и сравнение с кризисным годом выглядело не очень убедительно. В 1942 г. в Германии было зарегистрировано 1055915 рождений, тогда как в предшествующий период, не считая 1933 г. (971174 рождений), эти показатели составляли: 1934 г. – 1198350, 1935 г. – 1263976, 1936 г. – 1278583, 1937 г. – 1277048, 1938 г. – 1348534, 1939 г. – 1413230, 1940 год – 1402258, 1941 г. – 1308232 рождений. Правда, в 1943 г. наметился вновь незначительный рост – 1124718 рождений⁵⁹⁷, но это не внесло принципиальных изменений в общую картину.

По иронии судьбы призывы к многодетности зачастую игнорировались именно теми «арийскими» семьями, которые составляли сливки общества в Третьем рейхе. К редким исключениям относились фанатичные национал-социалистки: Магда Геббельс, родившая 6 детей, Герда Борман, становив-

шаяся матерью 10 раз, и супруга министра финансов Шверина фон Крозигка, подарившая мужу 8 детей.

Таким образом, «эмансипации женщин от женской эмансипации» в национал-социалистическом государстве не произошло. Цель полностью «переориентировать женщин в Германии с труда по профессии на труд в семье»⁵⁹⁸ оказалась недостижимой.

Не отказывая в реальном содержании мерам материального и морального характера по оказанию поддержки беременным женщинам, роженицам, многодетным семьям, осуществлявшимся нацистскими властями (какими бы прагматичными соображениями последние при этом ни руководствовались), нельзя не отметить, что в Третьем рейхе, где не только общественная, но и практически все аспекты личной жизни были поставлены под жесточайший партийный и государственный контроль, фольксгеноссинен пришлось «в поте лица своего» ежедневно отрабатывать проявляемую по отношению к ним государством «заботу», заплатив за нее непомерно высокую цену. Они были лишены права распоряжаться своей личностью, превратившись в составную часть «народного сообщества», в котором обязанности перед нацией преваляли над правами отдельных его членов. Их личная жизнь перестала быть таковой. В конечном итоге, помимо груза семейных забот, усугубляемых обязанностью участия в достижении автаркии, им пришлось взвалить на свои плечи тяготы военного времени, продолжая одновременно с этим рожать фюреру солдат или дочерей, которым в дальнейшем предстояло рожать все тех же солдат.

Тем не менее нельзя не признать, что нацистам удалось интегрировать значительную часть женского населения в созданное ими общество, убедив многих соотечественниц в общенациональной значимости выполняемой ими «миссии». Те же, кто не питал симпатий к национал-социализму, стали заложницами режима, вынужденными постоянно помнить о «недреманном

оке» гестапо и службы безопасности. Поэтому их недовольство свалившимися на них проблемами, проявляясь в критических высказываниях, которые отмечались в многочисленных донесениях агентов СД, за редким исключением, не принимало политического характера.

Заключительная же стадия войны принесла с собой страх перед приближавшимися «большевистскими ордами», искусно раздувавшийся пропагандой и с новой силой толкавший многих из них в объятия гибнущего режима.

3.3. Социальное обеспечение и благотворительность

Комплексное рассмотрение нацистской социальной политики невозможно без анализа разнообразных мер, осуществлявшихся в рамках системы социального обеспечения и благотворительности. Именно эта система служит одним из главных показателей степени социальности государства и в значительной степени позволяет ему оказывать влияние на своих граждан в позитивном для себя духе. Уже в пункте 15 нацистской партийной программы было записано: «Мы требуем экстенсивного развития обеспечения по старости»⁵⁹⁹. Позднее, в текущей программе НСДАП 1932 г., это положение также фигурировало в качестве одной из основных ее целей. Для ее реализации, отмечалось в документе, поначалу необходимо было оздоровить систему пенсионного обеспечения, испытывавшую серьезные финансовые трудности⁶⁰⁰.

Начало этому процессу было положено уже в первый год существования нацистского режима принятием 7 декабря 1933 г. «Закона о сохранении трудоспособности инвалидов, страховании служащих и обеспечении рабочих-горняков», в котором были отрегулированы вопросы начисления пенсий и определена текущая имперская субсидия, предназначенная для обеспечения инвалидов. Свое закрепление он получил в «Законо о развитии пенсионного обеспечения» от 21 декабря 1937 г. В его преамбуле значилось: «Пре-

одоление безработицы открывает дорогу тому, чтобы окончательно гарантировать существование пенсионного обеспечения немецкого народа и начать развивать его достижения в соответствии с национал-социалистическими принципами». Этим же Законом всем гражданам рейха моложе 40 лет, не подпадавшим под правовые нормы об обязательном страховании, было предоставлено право добровольного страхования в обеспечении рабочих и служащих. «Закон об обеспечении в старости для немецкого ремесла», принятие которого последовало 21 декабря 1938 г., впервые распространил обязательное страхование, ранее касавшееся лишь наемных работников, на большую группу самостоятельных ремесленников.

Кроме того, в рамках политики народонаселения предусматривалось предоставление пенсий сиротам, пособий на обучение детям в возрасте от 15 до 18 лет, увеличение детских субсидий для многодетных семей. «Закон о недельной помощи и заботе о выздоравливающих и страховании больных» от 28 июня 1935г. повысил размеры этой помощи⁶⁰¹. В письме министра экономики В. Функа рейхсминистру транспорта Г. Керрлу от 8 июня 1938 г., говорилось: «После того, как через Закон от 21 декабря 1937 г. о расширении пенсионного обеспечения было санировано страхование инвалидов и служащих, желание пенсионной кассы, прежде всего, идет в том же направлении. Трудности, однако, проистекают из того, что первоначальный план снизить взносы в страхование безработных не был осуществлен»⁶⁰².

Одним из вопросов, поднимавшихся в сфере социального страхования, была его перестройка с целью создания единой страховой системы для рабочих и служащих. Соответствующая пропаганда велась в партийных периодических изданиях, в частности в геббельсовском «Ангриф», где под заголовком «Социализм марширует» был опубликован ряд статей функционеров НСБО, в которых давалось обоснование этой позиции. Уже в 1933 г. высокопоставленный функционер ДАФ Л. Бруккер и начальник колонны рабочих В.

Шуман опубликовали книгу «Социальная политика в новом государстве». В ней ими были сформулированы предложения по проведению реформы системы социального страхования. По их мнению, эта реформа, в частности, должна была заключаться в уравнивании положения рабочих и служащих в страховании по болезни. Правда, понимая невозможность одномоментного решения данной проблемы, Бруккер и Шуман признавали необходимость постепенности этого процесса. «Первым шагом к созданию единого страхования, – указывали они, – еще нельзя достичь полного равенства рабочих и служащих. Поэтому и в будущем рабочий должен получать пенсию по инвалидности, а служащий – пенсионные деньги соответственно сегодняшнему регулированию... Более широкие права, полученные служащими в предыдущие годы, не могут быть уничтожены росчерком пера. Соответственно их прежним высоким суммам взносов им нужно выплачивать более высокий страховой взнос»⁶⁰³. С тем, чтобы уберечь страхование как от предпринимательского, так и от государственного влияния, данный проект предусматривал отмену государственных добавок, выплачивавшихся до сих пор в пенсионную кассу.

Но планы Бруккера и Шумана остались нереализованными. Правда, 5 июля 1934 г. был принят закон, предусматривавший передачу эрзац – касс в страховании служащих по болезни под контроль государства. Членство в них было ограничено тем же кругом лиц, что и при обязательном страховании, что во многом способствовало установлению равенства шансов между местными больничными кассами и эрзац - кассами служащих, тем более что последние были лишены возможности улучшить свою структуру риска путем введения «лучших рисков». Функции прежних доверенных лиц страхования служащих были переданы правовым советам ДАФ. Однако эти изменения были далеки от уравнивательных проектов Бруккера и Шумана⁶⁰⁴.

В 1936 г. между Рейхминистерством труда и ДАФ было достигнуто соглашение о регулярных контактах с целью координации социальной политики. В протоколе одной из подобных встреч, составленном статс-секретарем Имперского министерства труда Кроном, отмечалось, что решение проблемы низких пенсий рабочих в сравнении с пенсиями служащих было возможно лишь за счет дополнительного страхования из фондов Германского трудового фронта⁶⁰⁵. Научный институт труда ДАФ пришел к выводу, что именно создание в 1911 г. особого страхования для служащих явилось основным препятствием на пути к уравниванию различий между ними и рабочими⁶⁰⁶.

Одним из лиц, ответственных за совершенствование системы пенсионного обеспечения, получившим соответствующие указания от Гитлера, был Р. Лей. Проект, разработанный Научным институтом труда и представленный Леем в октябре 1940 г., предусматривал слияние различных специальных касс в единое учреждение под контролем ДАФ. Пенсия должна была принципиально гарантировать каждому немцу «по меньшей мере расходы на жилище, питание и ..., само собой разумеется, основы культурного существования». Согласно произведенным расчетам, ежемесячный взнос в пенсионный фонд должен был составлять 50 рейхсмарок. «Народное сообщество, – говорилось в документе, – видит свою задачу выполненной, если каждому в старости гарантированы те потребности, которые определяют общую картину национального жизненного уклада»⁶⁰⁷.

В то же время, по мнению руководства ДАФ, правом на пенсионное обеспечение обладал лишь тот, кто «выполнял свои обязанности по отношению к сообществу»⁶⁰⁸. По заявлению центрального бюро социальной службы ДАФ от 26 апреля 1938 г., «создание достаточного обеспечения будущего создающего народа является одной из самых существенных задач национал-социалистической социальной политики. Так как достижения социального обеспечения нельзя рассматривать как достаточные, требуется дополнитель-

ная гарантия». В заявлении отмечалось важное значение производственного обеспечения свиты и подчеркивалось, что в этой связи «существенную роль играют производственные кассы, особенно заводские пенсионные кассы». Обеспечение будущего через эти кассы, говорилось далее, «имеет столь большое значение для социальной организации условий немецкого народа, что в обязательном порядке необходимо оказание налогового покровительства этим учреждениям»⁶⁰⁹.

В ходе состоявшихся в 1938 г. переговоров между Рейхминистерством финансов, ДАФ, Имперской группой промышленности и объединением немецких частных пенсионных касс стороны пришли к следующему соглашению. «Для облегчения новообразования и преобразования пенсионных касс и поддержки через указ Имперского министерства финансов от 15 декабря 1938 г. требуемое участвующими экономическими кругами освобождение организаций (пенсионных касс. – Е.П.) от налогов на корпорации, на ремесленную деятельность и имущество допускается». Для предпринимателя дотации предприятия в пенсионные кассы и кассы взаимопомощи «образуют расходы предприятия, которые не должны превышать 20% от суммы жалования и заработной платы». С одобрения социальной службы ДАФ было достигнуто и соглашение об освобождении от налогов вкладов работодателей в пенсионные кассы, предприятий от налогов на заработную плату и лишь выплаты пенсии предусматривалось облагать налогом на доходы⁶¹⁰.

Однако вместо этого, отмечалось далее в документе, налоговое бремя возросло, что отрицательно сказалось на пенсионных кассах. В будущем, согласно новым предписаниям, каждому члену пенсионной кассы, «вне зависимости от его годового дохода и его обязательного взноса в пенсионную кассу, придется ежегодно выплачивать сумму в 2000 рейхсмарок как дополнительный подоходный налог». В качестве примера приводились служащие с

годовым жалованьем в 3800, 8400 и 12000 рейхсмарок, уплачивавшие членский взнос в сумме соответственно в 90; 378 и 540 имперских марок⁶¹¹.

3 июня 1939 г. в рейхе был опубликован документ под названием «Забота о свите при праве на налоги на заработную плату и налоги». В нем были указаны данные о ежегодных пенсионных выплатах служащим предприятий, осуществлявшихся пенсионными кассами (в рейхсмарках) (табл. 24)⁶¹²:

Таблица 24

Простое годовое жалованье 1934-1937гг.	Ежегодный обязательный членский взнос служащего 1934-1937гг.	Взносы фирм: в среднем 250% от членских взносов	Обязательные членские взносы и взносы фирм вместе взятые	Пенсия членов, согласно § 2 устава составлявшая 40% обязательных взносов на каждый год
3600	90	225	315	36
8400	378	945	1323	151
12000	540	1350	1890	216

При этом пенсия вдов составляла 60 % пенсии члена пенсионной кассы. Далее в документе отмечалось, что крупные предприниматели, осознавшие, что «пенсий, социального страхования служащих и инвалидов недостаточно для ведения достойного образа жизни», создали «учреждения для достаточного обеспечения будущего их служащих в форме пенсионных касс предприятий, которые полностью соответствуют сегодняшним требованиям и ... представляют собой высокоразвитую форму частного обеспечения в старости, созданного для свиты отдельного предприятия». С целью компенсации средств, утраченных в ходе инфляции, «такие предприятия уже несколько лет делают взносы в свои пенсионные кассы, которые превышают общую сумму обязательных годовых членских взносов и соответствующие уставу взносы фирм. Они исходят из требования, выдвинутого социальной службой Германского трудового фронта в сочинении «Добавочное страхование свиты», изданном в 1938 г., о том, что руководитель предприятия в хорошее время должен откладывать деньги, чтобы в плохие времена иметь возмож-

ность полностью сдержать свои обещания»⁶¹³. Тем не менее проблема создания единой системы социального страхования для рабочих и служащих в Третьем рейхе так и не была решена.

Важнейшей категорией служащих, находившейся на особом положении, являлось чиновничество. Еще в «Майн Кампф» Гитлер писал: «Только после того как мы обеспечим старость государственного служащего, мы можем опять воспитать в нем чувство безграничной преданности государству - то чувство, которое в довоенное время было самой благородной чертой немецкого чиновничества»⁶¹⁴. Пенсионному обеспечению чиновников посвящен раздел 7 «Закона о немецком чиновничестве» от 27 января 1937 г. В его § 89, п. 1 указывалось, что минимальный размер пенсии государственного служащего составлял 35 % от размера его жалованья, учитываемого при начислении пенсии. Чиновникам нижнего или среднего звена государственного управления пенсия повышалась «после каждого из первых 15 полных лет», высшего среднего служебного звена - «после двух необходимых для получения пенсии служебных лет и в последующие пятнадцать лет», для чиновников высшей службы - «через три необходимых для пенсии служебных года и в последующие 16 полных лет необходимого для получения пенсии служебного времени 2%, в следующие полные годы этого служебного времени - по 1%, самое большее 80% необходимых для пенсии служебных доходов. После окончания месяца, в который чиновник завершает 65-й год жизни, пенсия составляет, самое большее, 75% от необходимых для получения пенсии служебных доходов»⁶¹⁵. В то же время были урезаны пенсии бывшим чиновникам еврейского происхождения⁶¹⁶.

Социальное обеспечение некоторых категорий населения имело свою специфику. Одной из таких групп являлись ветераны Первой мировой войны, в неблагодарности к которым национал-социалисты обвиняли Веймарскую республику, обещая окружить их в Третьем рейхе заботой и почетом⁶¹⁷.

Имевшиеся в Германии организации ветеранов-инвалидов были объединены в организацию, получившую наименование «Национал-социалистическое обеспечение жертв войны» (НСКОФ). Непопулярные в сфере фронтовиков меры по сокращению размеров пособий ветеранам-инвалидам войны, осуществленные кабинетом Брюнинга, нацисты отменили⁶¹⁸. 3 июля 1934 г. был принят закон, вводивший для ветеранов, получивших на фронте увечья, дополнительное пенсионные пособие, составлявшее 60 рейхсмарок в год (так называемое фронтовое денежное пособие). Круг его получателей был ограничен лицами, недееспособными на 70%, или же лицами старше 50 лет, чья инвалидность составляла 30-70%. В то же время на получение этой пенсии не могли претендовать ветераны, проживавшие в других странах или вовлеченные в марксистскую деятельность. Кроме того, в вводной части закона отмечалось, что хотя правительство оставалось связанным обязательствами осуществить полный пересмотр системы социального обеспечения жертв войны, необходимость отдавать приоритет общему экономическому восстановлению означала, что в ближайшее время рост пособий должен был оставаться ограниченным⁶¹⁹.

В 1938-начале 1939 гг. в Третьем рейхе была введена новая система военного социального обеспечения. Начало ей положил принятый в 1938 г. «Закон о социальном обеспечении вермахта и обеспечении», который устанавливал различные основания для расчета пенсий военнослужащим, получившим инвалидность на службе. Если Имперский закон о социальном обеспечении 1920 г. в качестве определяющего принципа рассматривал степень утраты жертвой способности зарабатывать в качестве гражданского лица, то новый Закон делал основной акцент на серьезности полученного увечья. В зависимости от типа увечья ветераны получали «квартирные деньги» в размере пенсии, выплачивавшейся в кайзеровской Германии. В то же время лишь лица, признанные непригодными к труду, получали пенсию по нетрудоспособ-

ности, которая зависела от статуса семьи, места проживания и военного звания ее получателя. Поскольку Закон 1938г. был ориентирован на условия мирного времени, в 1939 г., накануне войны, он был дополнен. В частности, были увеличены суммы пособий, которые выплачивались военнослужащим, раненым в ходе боевых действий, в противоположность тем, кто получил увечья в мирное время или при несении тыловой гарнизонной службы⁶²⁰.

В годы Второй мировой войны расходы на увечных ветеранов и выплаты пенсий по случаю потери кормильца существенно возросли, особенно после 1942 г. Если в августе 1938 г. 1,6 млн. немцев имели право на пенсии, предусмотренные упоминавшимися законами 1920 и 1938 гг., общая сумма которых составляла 937 млн. рейхсмарок (из них 99% шло лицам, подпадавшим под действие Закона 1920 г.), то в 1944 г. расходы на получивших увечье на войне и по случаю потери кормильца возросли до 3,491 млн. рейхсмарок (62% от этой суммы выплачивалось жертвам Второй мировой войны). Кроме того, в годы Второй мировой войны щедрое пособие получали иждивенцы военнослужащих⁶²¹.

Что же касается подавляющего большинства гражданских лиц пенсионного возраста, то улучшение их обеспечения по старости переносилось на послевоенный период.

Важным инструментом социальной политики Третьего рейха была деятельность ряда общеимперских благотворительных организаций, осуществлявшаяся под жестким контролем партии и государства. Если не считать КдФ, являвшейся подразделением ДАФ, наибольший размах в Германии 1933-1945 гг. приобрели акции НСФ и «Зимней помощи немецкого народа» (ВХВ), тесно взаимосвязанных между собой и возглавлявшихся Э. Хилгенфельдом (в январе 1934 г. он же стал шефом Главного благотворительного управления в системе Имперского руководства НСДАП⁶²², а с февраля 1936 г. на него была возложена ответственность за все благотворительные меро-

приятия, проводимые любой из дочерних партийных организаций⁶²³). Предписание о проведении «Закона об обеспечении единства партии и государства» от 29 марта 1933 г. в § 3 определяло НСФ как союз, примкнувший к НСДАП (как таковой, он оказывал поддержку, в первую очередь, членам партии и их семьям)⁶²⁴.

В уставе «Национал-социалистической народной благотворительности», принятом 14 августа 1933 г., указывалось, что, согласно распоряжению Гитлера от 3 мая 1933 г., она «является компетентным главным управлением НСДАП по всем вопросам благотворительности и заботы», ... осуществляет руководство имперским сообществом свободной благотворительной помощи, к которому принадлежат «Центральный комитет внутренней миссии, Союз Каритас и Германский Красный Крест». Она берет на себя попечительство над здоровьем немецкого населения, видя свой первейший долг в развитии и содействии «живым, здоровым силам немецкого народа» (§ 2). Членом НСФ мог стать любой германский гражданин, достигший 21-летнего возраста и отличавшийся чистотой «арийского» происхождения. Вступившему в нее вручалась членская карточка, а по истечении двух лет, при наличии ходатайства – членская книжка. Лица, не соблюдавшие или противодействовавшие принципам национал-социализма, исключались из рядов организации (§ 3). Органами союза, согласно уставу, являлись правление, совет, собрание членов (§ 7). Особо отмечалось, что председатель правления, именуемый «рейхсвальтером» (§ 10), назначаемый имперским партийным руководством, единолично принимает решения, а члены правления обладают лишь совещательным голосом. Правление утверждалось рейхсминистром внутренних дел, причем МВД могло в любой момент отозвать любого его члена и отменить или отсрочить исполнение решения главы правления (§ 8). Состав совета, обладавшего в правлении и в собрании членов совещательным голосом, комплектовался имперским руководством НСДАП (§ 9). Постановления собра-

ния членов также должны были утверждаться Министерством внутренних дел, согласие которого являлось обязательным и для внесения в устав изменений⁶²⁵.

Структура имперского управления «Национал-социалистической народной благотворительности» включала в себя следующие службы: организационную (занималась, в частности, статистической обработкой результатов деятельности НСФ и ВХВ, оформлением выставок и разработкой перспективных планов); финансового управления (помимо решения непосредственных задач, вытекавших из ее названия, ведала учетом членов НСФ и ревизией имевшихся в наличии служебных мест обеих организаций); заботы о благе и помощи молодежи (на ней лежали организация отдыха детей, молодежи, ветеранов нацистского движения, попечение над слепыми, тугоухими и потерявшими слух, оказавшимися без работы вследствие увольнения, туристами, диспансерами для алкоголиков, вокзалами, а также осуществление поддержки организации «Мать и дитя», ответственной за оказание помощи нуждавшимся семьям, включая заботу о младенцах, маленьких детях, отдыхе матерей, создание детских мест и временных детских садов, организуемых в сельской местности на период сбора урожая); народного здоровья⁶²⁶ (в «тесном сотрудничестве со службами социального обеспечения и государственными органами здравоохранения» занималась решением вопросов здравоохранения, не относившихся к компетенции других ведомств, отправкой на лечение больных партайгеноссен и фольксгеноссен, проведением оздоровительных мер в районах, терпящих бедствие, осуществлением мер поддержки больных туберкулезом и тех групп населения, которые не получали ее по линии системы социального обеспечения и ДАФ); вербовки и обучения (проводила пропагандистскую работу по освещению деятельности организации в прессе, отвечала за выпуск собственных периодических изданий и профес-

сионально-политическое обучение кадров НСФ - руководителей и вспомогательного персонала - в духе национал-социалистического мировоззрения)⁶²⁷.

25 июля 1933 г. в «Фюрере» было опубликовано распоряжение имперского партийного руководства о создании филиалов организации в гау. Все члены партии получили приказ вступить в НСФ. Тогда же окружной руководитель НСФ в Бадене Ф. Аргус поместил в «Фюрере» статью, в которой определил задачи организации: оказание помощи расово здоровым немцам, испытывающим временные экономические трудности; предоставление благотворительной поддержки матерям, поскольку они «гарантируют будущее народа»; организация выполнения программы зимней помощи в целях «немецкого экономического облегчения». Больным же и беспомощным лицам, по мнению Аргуса, должны были помогать религиозные и государственные благотворительные организации⁶²⁸.

На уровне гау решением поставленных перед НСФ задач занимались пять отделов, соответствовавших службам в ее имперском управлении. Здесь была выстроена следующая вертикаль власти: окружной руководитель НСФ - руководители местных групп. Далее шли начальники ячеек (каждая состояла из 4 – 8 блоков) и блоков (включавших по 40-60 домашних хозяйств). Первые отвечали за весь комплекс связанных с деятельностью НСФ вопросов в пределах своей компетенции, включая, среди прочего, составление донесений начальнику местной группы об итогах сборов и отчислении взносов, проведение профессионального обучения подчиненных им начальников блоков и оказание содействия местному уполномоченному ВХВ в сборах «зимней помощи». При этом руководители всех перечисленных звеньев в профессиональном отношении подчинялись вышестоящему руководству НСФ, в дисциплинарном – соответствующему партийному руководителю. Специально оговаривалось, что во главе ячеек и блоков могли стоять женщины⁶²⁹.

В письме имперского и прусского министра труда в штаб-квартиру НСФ от 28 апреля 1935 г. говорилось, что «общей задачей всех главных объединений свободной благотворительной помощи рейха» являлись устранение нужды, поддержка «здоровых сил народа» и способствование внутреннему укреплению «нового рейха». Согласно этому документу, из бюджетных средств 1934 г. (без учета расходов на курортное лечение) им было передано: в фонд НСФ – 637 тыс., на деятельность Германского Красного Креста – 84 тыс. и на нужды Внутренней миссии – 280 тыс. рейхсмарок⁶³⁰. Однако основными источниками средств, поступавших на счета НСФ, были «дань», взимаемая с каждого члена «народного сообщества» в виде принудительных вычетов из заработной платы и жалованья, и фонды «Зимней помощи».

Помимо профессионального, особое внимание руководством организации уделялось мировоззренческому обучению ее членов. Соответствующий приказ, отданный Хилгенфельдтом 21 января 1935 г., предписывал в обязательном порядке назначить в каждом гау уполномоченного по обучению НСФ, которому надлежало действовать в постоянном контакте с окружной службой обучения НСДАП. «Только сквозь призму ясного понимания принципов национал-социалистического мировоззрения», – говорилось в приказе, – сотрудники организации могут грамотно осуществлять свои функции⁶³¹.

При этом, поскольку одна из важнейших задач НСФ заключалась в том, чтобы способствовать сохранению и укреплению немецкого народа, в основу ее деятельности были положены расово-гигиенический и наследственно-биологический критерии. «Национал-социалистическая народная благотворительность» отказывала в заботе жизненно слабым, неполноценным фольксгеноссен, т.к. в соответствии с официальными нацистскими установками лишь безупречные в физическом и умственном отношении соотечественники, которым предстояло генетическим путем передать эти качества своему потомству и тем самым способствовать «укреплению силы народа»,

заслуживали такой поддержки⁶³². В книге Г. Альтхауса «Народно-наследственная биологическая благотворительная помощь» (1936 г.) говорилось: речь идет о благе всего народа, а не отдельного индивидуума, который должен свои личные интересы принести в жертву общественным; «не национальная экономика, а национальная биология является указателем для народной благотворительной помощи.... Наследственная предрасположенность предопределяет неравноценность людей для общего блага». Поэтому «неполноценным» благотворительная помощь оказываться не должна, ввиду ее «бесперспективности» и связанного с нею неоправданного «расточительства народного имущества»⁶³³.

Поскольку расовые идеи пронизывали все направления социальной политики в Третьем рейхе, в сфере оказания благотворительной поддержки также проявлялась целенаправленная дискриминация в отношении «неарийцев». «Расово чуждым элементам» в таковой либо отказывалось, либо все расходы, связанные с нею, перекладывались на плечи их соплеменников. В документе, датированном 22 ноября 1937 г. и озаглавленном «Меры по обеспечению еврейских стариков, нуждающихся в помощи», говорилось: «По экономическим причинам подавляющее большинство нуждающихся в помощи евреев в возрасте свыше 65 лет невозможно разместить в домах старости. Это частично привело бы к неоправданной разгрузке семей, в которых пожилые люди получают свое пропитание». Отмечалось, что, несмотря на создание 904 новых мест в домах для престарелых, содержать их лишь за счет фондов благотворительной организации не представлялось возможным, в связи с чем в каждом конкретном случае «нужно требовать, чтобы либо родная община, либо родственники» взяли часть расходов на себя. В частности, от них требовалось ежемесячно делать взнос в размере не менее 20 рейхсмарок. Соответствующие поборы взимались и с эмигрантов. «В последнее время, - говорилось далее, - по нашей инициативе еврейскими благо-

творительными организациями повторно проводились переговоры с переселенцами» по поводу внесения ими «соразмерной суммы для обеспечения своих остающихся родственников. Центральным благотворительным управлением готовится меморандум, который должен привлечь внимание еврейской общественности к этой проблеме и указать все возможности решения, принимаемые во внимание»⁶³⁴.

В беседе между представителем главного управления НСФ Кордтом и обершарфюрером СС Тренцом, состоявшейся 9 декабря 1938 г. (вскоре после «хрустальной ночи»), первый заявил, что НСФ заинтересована в передаче ей имеющихся в рейхе еврейских детских домов, которые «после акции» пустуют, и отметил, что часть таких домов уже конфискована властями гау. По инициативе Кордта была достигнута договоренность о том, что ходатайства по указанным вопросам должны направляться рейхсминистру внутренних дел⁶³⁵. В рамках той же политики проводилось регулярное снижение, а затем и полный отказ от благотворительных расходов на цыган (им также не выплачивалось и пособие по безработице). Это во многом достигалось за счет насильственного размещения их в особых «цыганских» лагерях⁶³⁶.

Позднее, в 1940 г., был разработан «Закон о чуждых сообществу», который должен был вступить в силу в 1945 г. Согласно его §1, лицо признавалось чуждым сообществу, если оно доказало своими поступками и особенно «чрезвычайной степенью недостатка умственных способностей или характера» свою неспособность «удовлетворять минимальным требованиям народного сообщества». В официальном разъяснении целей Закона говорилось: «Национал-социалистическая точка зрения на благотворительность заключается в том, что она может предоставляться товарищам по нации, которые как нуждаются в ней, так и заслуживают ее. В случае чуждых сообществу, которые лишь обременяют народное сообщество, благотворительность не является необходимой», а скорее требуется «полицейское принуждение» с тем,

чтобы либо вновь превратить их в «полезных членов сообщества», либо избавиться от этого бремени. Особо подчеркивалось, что во всех указанных случаях главной целью являлась защита сообщества⁶³⁷.

Партия стремилась превратить НСФ в массовую организацию. Периодически проводились кампании вербовки в нее новых членов. Самое активное участие в них должны были принимать подразделения СС. «По указанию руководства гау Берлин, – отмечалось в директиве, направленной 27 апреля 1938 г. фюрером Седьмого кавалерийского штандарта СС командованию первого и второго кавалерийских эсэсовских штурмов, - в воскресенье 15 мая 1938г. состоится вербовочная акция... членов для НСФ. В этой вербовочной акции участвуют все подразделения движения.... Фюреры подразделений должны позаботиться о том, чтобы все мужчины СС были поставлены на службу акции вербовки»⁶³⁸. В обращении Верховного отдела Ост от 29 марта 1939 г., касавшемся широкомасштабного мероприятия подобного рода, говорилось: «НСФ гау Берлин в период с 3 по 15 апреля 1939 г. проводит акцию великой вербовки членов, т.е. в эти недели все партайгеноссен и относящиеся к подразделениям вербуют среди своих знакомых и родственников членов для НСФ.... Акции придавалась форма соревнования победителей которого ожидало 15 призов общей стоимостью 25500 рейхсмарок. Здесь же разъяснялось, что «принятым может быть каждый незапятнанный немец рейха арийского происхождения», и указывалось, что если вербовочный взнос являлся произвольным и необязательным, то минимальный членский взнос составлял для партайгеноссе 0,50 рейхсмарки, для других фольксгеноссен и членов примкнувших союзов – 1 рейхсмарку, а вступительный взнос для всех без исключения – половину рейхсмарки⁶³⁹.

Конечно же далеко не все вступали в НСФ по идейным соображениям. Так, в одном из донесений гестапо Карлсруэ фигурировали бывшие члены марксистских организаций, стремившиеся занять посты блоквальтеров НСФ

с тем, чтобы, используя свое положение, вести подрывную антигосударственную работу. В другом случае сообщалось о некоем чиновнике, состоявшем в браке с еврейкой и по этой причине отправленном в июне 1937 г. на пенсию, который подобным же образом пытался вернуться «в строй»⁶⁴⁰. Помимо всего прочего не следует сбрасывать со счетов и фактор соревнования, развернувшегося между различными гау за вовлечение в организацию как можно большего числа новых членов, что давало гауляйтерам и гауамтсвальтерам НСФ возможность лишней раз доложить вышестоящему руководству о своей успешной деятельности. С этой целью местные руководители нередко прибегали к прямому диктату, используя жесткую партийную дисциплину. В качестве иллюстрации к сказанному приведем следующий характерный пример: в июле 1934 г. баденская НСФ по числу своих членов занимала 26-е место в рейхе. Чтобы выправить положение, ее шеф отдал приказ всем районным руководителям к 30 сентября того же года добиться записи в ряды организации 4% населения, а в дальнейшем довести эти показатели до 10%⁶⁴¹.

Много внимания руководство НСФ уделяло взаимодействию с другими организациями, договариваясь с ними о разграничении полномочий в сфере благотворительной деятельности. По его мнению, такая координация усилий должна была стать одним из наиболее действенных аргументов в пользу создания в нацистском государстве «народного сообщества».

6 февраля 1935 г. Хилгенфельдтом был подписан циркуляр о «Сотрудничестве с женской службой Германского трудового фронта», которое должно было осуществляться в рамках вспомогательного учреждения «Мать и дитя». В циркуляре отмечалось, что указанная служба направляла на предприятия, укомплектованные, главным образом, женщинами, социальных производственных работниц, а на фабрики и заводы с преимущественно мужским коллективом - производственных народных воспитательниц, от которых (помимо выполнения «трудовых педагогических и производственно-

политических задач») требовалось знать о материальном положении и психологическом климате в семьях работников своего предприятия и сообщать «компетентным местным организациям службы народной благотворительности» о семьях, нуждавшихся в «особой дополнительной помощи со стороны организации «Мать и дитя». Подчеркнув, что в этом случае НСФ «берет на себя необходимое обслуживание нуждающихся семей, а именно работающих женщин», Хилгенфельдт сообщал, что, согласно договоренности с женской службой ДАФ, НСФ будет сотрудничать с вышеуказанными представительницами последней на предприятиях по всем вопросам, связанным с оказанием помощи занятым на производстве женщинам, в первую очередь, будущим матерям, особенно в тех случаях, когда «та или иная женщина по причинам, связанным с состоянием ее здоровья, вынуждена сменить место работы или вообще отказаться от нее». Если же она не сможет этого сделать по экономическим причинам, служба народной благотворительности предоставит ей «дополнительную помощь», например, в виде субсидий на питание.

Циркуляр заканчивался рекомендацией «включить социальных производственных работниц, а именно производственных народных воспитательниц, как представительниц женской службы ДАФ, в местные трудовые комитеты вспомогательного учреждения «Мать и дитя»⁶⁴².

2 июля 1936 г. такое же соглашение было заключено между руководством НСФ и Национал социалистической женской организацией. В нем определялось, что за строительство и содержание домов отдыха (за исключением пансионатов «НС-Фрауеншафт», предназначенных для ее членов) и детских садов (исключая созданные и финансировавшиеся Имперской материнской службой в рамках школ, предназначенных для обучения матерей) ответственность на себя брала НСФ. Кроме того, «НС-Фрауеншафт» должна была передать в ведение НСФ находившиеся в ее распоряжении специальные дневные детские комнаты и могла предоставить списки «подходящих по-

мощниц» для них, которым разрешалось ежемесячно выплачивать до 15 рейхсмарок на карманные расходы, если они «находились в распоряжении детского сада в качестве постоянной вспомогательной силы»⁶⁴³. И, наконец, по условиям договора от 21 марта 1939 г., скрепленного подписями Шольц-Клинк и Хилгенфельдта, девушки вспомогательной женской службы могли привлекаться НСФ на двухлетний срок к работе в качестве общинных сестер, работниц детских дневных мест (включая детские сады, организуемые на периоды сборов урожая), домов отдыха для матерей и для молодежи. В то же время их не следовало задействовать в инфекционных больничных отделениях в связи с опасностью заражения. В богадельни же и неврологические лечебные учреждения могли допускаться лишь те из них, кому исполнилось 28 лет.

Со своей стороны отдел вспомогательной службы «НС-Фрауеншафт» обязывался предоставлять для указанной работы лишь физически и духовно здоровых девушек, в связи с чем им полагалось пройти обязательное медицинское обследование. НСФ же брала на себя обязательство обеспечить сотрудничающих с нею девушек жильем и продовольствием либо соответствующей денежной суммой, исходя из следующих нормативов: ежедневно – 1,50 рейхсмарки на продукты питания, 0,50 рейхсмарки для оплаты за квартиру, если девушка жила с родителями, или же суммой, достаточной для найма «простой мебелированной комнаты». В случае возникновения у НСФ проблем с размещением девушек «НС-Фрауеншафт» предоставляла им кров за полмарки в день. Если такое жилье находилось далеко от места их работы, им оплачивался проезд в трамвае, автобусе, железнодорожном транспорте либо, при отсутствии таковых, им предоставлялся велосипед. Кроме того, им ежедневно выплачивалось на текущие расходы 20 рейхсмарок в течение первого полугодия и 30 рейхсмарок в последующий период. Соглашением предусматривалось и предоставление девушкам отпуска (продолжительностью

15 рабочих дней в первый и 18 – во второй год), в течение которого им выплачивалось полторы рейхсмарки в день на приобретение продуктов питания⁶⁴⁴.

В период войны эта практика получила дальнейшее развитие. 19 июля 1941 г. Борман издал распоряжение о разграничении компетенций между НСФ и государственной службой народного здравоохранения по вопросам «превентивной семейной помощи, особенно обслуживания беременных, рожениц, новорожденных и маленьких детей», относящимся к «важнейшим задачам народной заботы». В нем, в частности, указывалось, что в связи с нехваткой персонала, вызванной трудностями военного времени, требовалось «с максимально возможной эффективностью использовать имеющихся в распоряжении специалистов». НСФ рекомендовалось создавать пункты помощи и консультаций организации «Мать и дитя» для беременных, рожениц и новорожденных, в основном там, где таковых не имела служба народного здравоохранения. Сотрудникам таких пунктов вменялось в обязанность информацию об опекаемых ими предоставлять в управления здравоохранения в целях составления картотек по наследственному здоровью⁶⁴⁵. 15 октября 1941 г. этот документ был дополнен совместным предписанием рейхсминистра внутренних дел и начальника партийной канцелярии о сотрудничестве между службой здравоохранения и организацией «Мать и дитя» в области заботы о новорожденных и маленьких детях, уточнявшим, что, согласно § 3, п. 1 «Закона об унификации здравоохранения» от 3 июля 1937 г., за реализацию общих медицинских задач по-прежнему отвечали органы Министерства народного здравоохранения. На НСФ же возлагалась ответственность предоставлять в их распоряжение дополнительных специалистов и вспомогательный персонал - в районах с удовлетворительным медицинским обслуживанием новорожденных, и создавать необходимые консультационные учреждения там, где их не имело здравоохранительное ведомство, неся все связанные с этим расходы⁶⁴⁶. Сообщение об еще одном соглашении (между НСФ и

ДАФ), касавшемся обеспечения заботы о нуждающихся на производстве, за подписью Бормана было напечатано в выпуске официального листка имперского руководства НСДАП от 17 апреля 1942 г. В тексте этого соглашения указывалось, что сфера деятельности Германского трудового фронта, на который возлагались задачи по трудовому и производственно-политическому воспитанию, включает в себя «обслуживание вольнонаемных членов предприятия». В свою очередь, НСФ и ее учреждения осуществляют заботу о немецкой семье вне предприятия, под которой понимаются «все меры, взятые на себя партией для способствования и поддержания здоровья немецкой семьи в воспитательном, медицинском и экономическом отношении..., в первую очередь, забота о будущих матерях, младенцах и маленьких детях, помощь в домашнем хозяйстве, экономическая поддержка» (обращает на себя внимание то, что воспитательные цели поставлены на первое место). Пожелания «фюрера предприятия» по поводу дополнительной благотворительной поддержки семьи того или иного работника предприятия, а также информация о «нездоровой» в воспитательном отношении атмосфере, сложившейся в конкретной семье, должны были направляться в местное отделение НСФ, в частности, в медпункт «матери и ребенка». Со своей стороны, НСФ могла обращаться к руководству предприятия с рекомендациями по поводу осуществления различных социально-политических мер. Договор также предусматривал, что в дополнение к предпринимаемым ДАФ мерам по организации отдыха для работающих фольксгеноссен, НСФ, при наличии рекомендации врача, направляла матерей, детей и молодых людей (14-18-летних юношей и девушек в возрасте от 14 лет до 21 года) из семей вольнонаемных работников в находившиеся в ее распоряжении оздоровительные учреждения⁶⁴⁷.

Уже в довоенный период благотворительные сборы достигли внушительных размеров. Так, в 1936 г., когда был принят второй четырехлетний план, согласно официальной статистике, их общая сумма составила

351127000 рейхсмарок. Из них на долю управления благотворительности приходилось 3609000 рейхсмарок⁶⁴⁸. Следует, однако, иметь в виду, что за этими впечатляющими цифрами стоял принудительный характер взносов, которые каждый немец должен был в обязательном порядке делать в фонды различных нацистских организаций, в том числе и благотворительных, под угрозой суровых санкций.

На НСФ, помимо вышеуказанных, были возложены следующие задачи: оказание поддержки внебрачным детям погибших военнослужащих; эвакуация части населения из подвергавшихся бомбардировкам союзнической авиации районов и опека эвакуированных; участие в мерах противовоздушной обороны (княжна Васильчикова, жившая в то время в Германии, записала в своем дневнике 28 июля 1943 г.: «НСФ, кажется, берет ситуацию в свои руки, но трудности огромны»⁶⁴⁹); организация отправки населением посылок родственникам на фронт; германизация Эльзаса⁶⁵⁰.

В первые военные годы на волне энтузиазма значительной части населения по поводу побед вермахта денежные поступления от граждан в пользу НСФ возросли. Такой вывод можно, в частности, сделать из стенограммы планерки, проведенной Геббельсом 11 сентября 1940 г.: «По вопросу о концертах по заявкам армии, – говорится в ней, – министр соглашается на принятие в НСФ дополнительного числа служащих для обработки поступающих денежных пожертвований, т.к. сумма в 120000 марок (видимо, собранная на тот момент. – Е.П.) составляет лишь часть ожидаемых поступлений»⁶⁵¹.

Имперские и столичные власти держали проведение благотворительных мероприятий под постоянным контролем, стремясь не допустить снижения результатов сборов. Наряду с другими ведомствами, а возможно, и в большей степени, именно министерство Геббельса, одновременно являвшегося гауляйтером Берлина, уделяло этому особое внимание. Когда 19 мая 1941 г. на совещании, проходившем под председательством министра, один

из его сотрудников Бреков доложил, что состоявшийся накануне в Берлине сбор в пользу Красного Креста «составил 2,1 млн. марок против 2,5 млн. марок в прошлом году», Геббельс тотчас же поручил Гуттереру выяснить причины такого снижения, а участник совещания Мартин высказал предположение, что поскольку ранее в ряде случаев люди становились жертвами «двойного сбора - на дому и по месту службы» – это озлобило некоторых из них⁶⁵².

Геббельс неоднократно подчеркивал необходимость при проведении благотворительных акций избегать любых действий, которые могли бы вызвать раздражение населения. Выступая перед руководящими работниками министерства пропаганды 31 июля 1940 г., он, сославшись на донесения службы безопасности, свидетельствовавшие о том, что «мероприятия... НСФ в оккупированных нами областях (масштаб и значение таковых, преследовавших чисто пропагандистские цели, были невелики. – Е.П.), нигде в Германии не находят понимания», наложил запрет на публикацию в периодических изданиях сообщений об оказании какой бы то ни было помощи «побежденному противнику»⁶⁵³. Между тем товары, собранные или приобретенные «Национал-социалистической народной благотворительностью», отнюдь не всегда использовались по своему прямому назначению. 21 мая 1941 г. на очередном министерском заседании, среди прочих, слушался вопрос о решении проблемы снабжения населения табаком. Узнав о том, что на складах НСФ хранятся 140 млн. штук сигарет, в свое время заготовленных этой организацией для подарочных раздач, приуроченных ко дню рождения фюрера (мероприятие не состоялось в связи с пожеланиями самого Гитлера), Геббельс приказал, чтобы эти сигареты были немедленно пущены в свободную продажу в Берлине⁶⁵⁴.

Каждая акция НСФ широко рекламировалась средствами пропаганды. Для этого использовались даже церковные праздники. Причем, согласно режиссерскому замыслу Геббельса, церковь в этих случаях должна была отсут-

пать на второй план. Так, 15 декабря 1942 г. он проинструктировал руководителей печати, радио, кино, как им следовало освещать рождественские торжества. В частности, кинохронике вменялось в обязанность, «в первую очередь», показывать кадры праздничных мероприятий, организованных «Национал-социалистической народной благотворительностью», а также «детские праздники, праздники в лазаретах, детские песнопения и т.д.» и лишь во вторую - христианские символы (церкви, соборы и т.п.)⁶⁵⁵.

Ложкой дегтя в бочке меда победных репортажей были не столь уж редкие случаи коррупции среди должностных лиц НСФ, использовавших средства, собранные НСФ и ВХВ, в целях личного обогащения. Эта проблема стала предметом разбирательства на совещании в Рейхсминистерстве народного просвещения и пропаганды 29 августа 1942 г. «Статс-секретарь информирует, – значит в стенограмме, – что вчера были опубликованы приговоры большому числу амтсвальтеров НСФ области Шлезвиг-Гольштейн, которые...присваивали себе разные вещи из запасов НСФ во время тяжелых налетов на город Любек... Министр некоторое время назад собрал гауляйтеров НСФ в Берлине и разъяснил им, что подобные преступления таят в себе большую опасность; когда общественность узнает о них в форме, подрывающей веру в чистоплотность НСФ и Зимней помощи, немедленно падает количество пожертвований. В области Шлезвиг-Гольштейн пожертвования фактически быстро снизились на 50% и более». В указанных случаях помимо трех смертных приговоров, вынесенных гауляйтеру, гаухauptштелленляйтеру и крейсамтсляйтеру НСФ, несколько человек были осуждены на каторжные работы и тюремное заключение⁶⁵⁶.

Несмотря на то, что среди населения Германии было немало недовольных поборами в фонд НСФ, ее деятельность позитивно воспринималась большинством немцев, многие из которых с энтузиазмом участвовали в ней в качестве добровольных помощников. «Правительственная благотворительная

политика, – вспоминала фрау Г. Холбаум, – была образцовой.... Я сама работала для «Национал-социалистической народной благотворительности» на добровольных началах. Мы помогали каждому, испытывавшему подлинную нужду, даже семьям коммунистов, находившихся в предварительном заключении (согласно рапорту дюссельдорфского гестапо, датированному 1937 г., таким семьям по линии «Красной помощи»⁶⁵⁷ из Голландии коммунистической партией направлялись посылки с бакалейными товарами, однако получатели нередко «добровольно» сдавали их гестапо и НСФ⁶⁵⁸). А на Рождество мы подготавливали тысячи посылок для солдат, в каждой из которых находились четверть фунта пряничных орехов, пара яблок, печенье и плитка шоколада. Мы также ухитрились принимать солдат (отпускников – Е.П.), которые не имели семей, чтобы идти домой. Моя семья взяла одного на две недели на Рождество и снова на Пасху в 1940 г.»⁶⁵⁹.

В целом, нельзя не признать, что по линии «Национал-социалистической народной благотворительности» часть германского населения получала реальную помощь. Вновь обратимся к свидетельству Васильчиковой, которая отметила в своем дневнике, что в Берлине НСФ «уже в самый первый день воздушных налетов организовала на каждой разрушенной улице полевые кухни, где все прохожие могли в любой момент получить очень вкусный суп, настоящий крепкий кофе и сигареты – все, чего нельзя было найти в магазинах»⁶⁶⁰. Однако сам по себе масштаб этой помощи, а главное, государственных затрат на ее планирование и осуществление был не столь велик, как оказываемый ею психологический эффект.

НСФ осуществляла шефство над «Зимней помощью», возродить которую Гитлер поручил Хилгенфельдту летом 1933 г. Организация с таким названием была образована еще в Веймарской республике, в 1931 г., в целях оказания материальной поддержки малоимущим слоям населения, по кото-

рым экономический спад ударил с особой силой. Показательно, что уже тогда Геббельс охарактеризовал ее программу как «социализм дела»⁶⁶¹.

Если средства, собранные Веймарским режимом в результате добровольных пожертвований, оказались не очень велики, составив 92-97 млн. рейхсмарок зимой 1931-1932 гг.⁶⁶² и лишь 91 млн. рейхсмарок в 1932-1933 гг.⁶⁶³, то теперь, по мнению фюрера, деятельности организации, реставрированной в нацистском варианте, следовало придать более грандиозный размах. Общие руководство и контроль за нею были возложены на Геббельса. Хилгенфельдт же стал имперским уполномоченным по «Зимней помощи». (Возможно, отчасти именно этим объясняется то, что последняя фактически стала одной из суборганизаций НСФ, хотя круг ее клиентов значительно превышал численность опекаемых последней).

Уже 25 июля 1933 г. Хилгенфельдт подписал приказ № 1. Направленный всем партийным службам рейха, он предписывал «во всех земельных общинах и городах земель рейха незамедлительно образовать рабочие комитеты, которые должны организовать ... сбор продовольственных пожертвований для «Зимней помощи немецкого народа» и до 1 сентября представить отчет о результатах первого сбора окружному руководителю НСДАП. Отметим далее, что предполагалось широко обнародовать результаты сборов в прессе и по радио, выделив те общины, которые продемонстрируют наибольшую готовность к принесению жертвы, Хилгенфельдт обращал особое внимание на то, что, помимо функционеров НСДАП, в создаваемых комитетах должны быть «по возможности» представлены все основные местные учреждения и организации, включая церкви обеих конфессий, школы, благотворительные объединения, зарегистрированные в Имперском МВД (Внутренняя миссия и Благотворительный союз), Германский Красный Крест, а также «лица, пользующиеся особым авторитетом на местах»⁶⁶⁴.

Выступая 13 сентября 1933 г. в Рейхсминистерстве пропаганды на церемонии открытия первой кампании «Зимней помощи» (с этого времени речи фюрера, дающие старт мероприятиям по сборам, становятся ежегодной традицией), Гитлер заявил, что эпитафией к этой акции следовало поставить «национальную солидарность», основанную на идее необходимости принесения всеми без исключения немцами жертвы во имя «народного сообщества». «Каждый должен осознать, что его взнос только тогда имеет ценность для создания истинного народного сообщества, если этот его взнос означает для него жертву.... Если весь народ правильно поймет, что эти меры должны для каждого означать жертву – провозгласил он, –...тогда, благодаря этим мерам, наступит не только смягчение материальной нужды народа ..., но проявится нечто более сильное, из этого вырастет убеждение, что народное сообщество не является пустым понятием...»⁶⁶⁵.

Отныне «жертвенный мотив» неизменно определяет тональность национал-социалистической пропаганды, посвященной данной проблеме.

С принятием 1 декабря 1936 г. имперского «Закона об организации «Зимней помощи немецкого народа», подписанного Гитлером и Геббельсом, и опубликованием 24 марта 1937 г. устава ВХВ ее статус, в отличие от НСФ, был определен юридически. Фактически она была приравнена к государственным учреждениям⁶⁶⁶.

Список различных видов пожертвований постоянно расширялся. К продуктовым и вещевым сборам, организации бесплатного питания для «страждущих соотечественников» с 1934 г. добавилась сдача одежды и горючего. Геринг же – «хозяин имперской охоты» – обложил данью охотников, обязав их «делиться» с ВХВ частью добытой дичи. Однако практически с первых же дней существования новой организации надо всем остальным преобладали денежные поборы⁶⁶⁷. Одним из каналов поступления денег было проведение публичных уличных и домашних сборов, в которых в каче-

стве «добровольных помощников» обязательно принимали участие представители таких национал-социалистических организаций, как СА, Гитлерюгенд, БДМ и др.

В соответствии с установившимся порядком ежегодные приготовления к подобным кампаниям начинались уже в августе, а первые мероприятия проводились в октябре, как правило, по воскресеньям. В эти дни улицы оказывались во власти исполненных энтузиазма сборщиков, вооруженных пронумерованными кружками для пожертвований. Они подвергали массивной атаке прохожих, лишая их возможности продолжать свой путь, не сделав взноса. Зачастую десятиминутная прогулка с их помощью превращалась в «дорогое» удовольствие. Человеку, вышедшему подышать свежим воздухом, приходилось по 8-10 раз⁶⁶⁸ «совершать жертвоприношение».

Назойливость «людей с кружками» принимала такой размах, что многие стали отсиживаться по выходным дням дома, обрекая себя на вынужденное заточение в четырех стенах. Однако и это не спасало от бдительного ока активистов ВХВ. Последние умудрялись насаживать «жертвенные» кружки на длинные шесты, что позволяло им дотягиваться до верхних этажей. На дверях домов и квартир жертвователей прикреплялись таблички, удостоверявшие факт выполненного ими долга. Кроме того, по таким дням в магазинах выставлялись кружки для сбора «пфеннигов-близнецов», т.е. одного пфеннига с каждой израсходованной на покупку марки, а от пассажиров трамваев требовали повышенной платы за проезд⁶⁶⁹.

Раз в году подобные мероприятия обставлялись с особой торжественностью: все нацистские организации должны были направлять для участия в них имевшийся в наличии персонал. Партийные функционеры самого высокого ранга, бок о бок со звездами театра и кино, эффектно появлялись на специальных пунктах сбора средств в фонд «Зимней помощи», стремясь таким образом обеспечить акции «аншлаг». Человек, опускавший монету в

кружку, получал значок, предназначенный для ношения на лацкане пиджака. По окончании кампании «Фелькишер Беобахтер» под крупными заголовками сообщала о собранных суммах, клеймя уклонившихся от участия в ней «буржуазных обывателей»⁶⁷⁰.

По требованию властей зимой, во второе воскресенье каждого месяца⁶⁷¹, семьи всех «истинных фольксгеноссен», независимо от их достатка, должны были ограничивать свое питание трапезами, состоявшими лишь из одного дешевого блюда. Сэкономленные таким образом средства также перечислялись на нужды социальной благотворительности, в первую очередь, в фонд «Зимней помощи». Причем эта обязанность лежала не только на отдельных семьях. «Воскресенья одного блюда» должны были неукоснительно соблюдаться в ресторанах, кафе, гостиницах, вагонах-ресторанах Германской железной дороги и на немецких кораблях. Размер ожидаемой «жертвы» устанавливался заранее.

Многие семьи сдавали требуемую сумму, но отказывались соблюдать «прописанную диету». Однако такое поведение было чревато последствиями. Если блоквальтер, регулярно обходивший подконтрольные ему квартиры, находил на плите в указанные дни более одного горшка, виновные подвергались общественному осуждению. В последнюю довоенную зиму подобным образом удалось «сэкономить» более 50 млн. рейхсмарок, а в последующие два года соответственно свыше 80 млн. и свыше 164 млн. рейхсмарок. (Даже немцы, проживавшие за рубежом, принимали в этом участие и направляли в рейх свои пожертвования через зарубежные организации, причем суммы последних возросли с 928 тыс. рейхсмарок в 1934/35 г. до почти 4,5 млн. имперских марок в 1939/40г.)⁶⁷². Это должно было продемонстрировать солидарность всех немцев, их готовность приносить совместные жертвы в условиях, «когда последние из нас страдают»⁶⁷³. На специально выпущенных почтовых открытках была изображена счастливая семья, собравшаяся вокруг

стола и наслаждавшаяся вкусным блюдом, а над ними – котелок как напоминание о том, что их трапеза служит высшей цели⁶⁷⁴.

Однако основная масса денежных поступлений обеспечивалась ВХВ за счет вычетов, производившихся из заработной платы и жалованья, которые были узаконены в 1937 г. постановлением Имперского трудового суда⁶⁷⁵ (фрау Нойбер вспоминала после войны, что, подпав в начале 1940 г. под мобилизацию в рамках трудовой повинности и зарабатывая на заводе по производству боеприпасов в Аллахе 35 марок в неделю, она была вынуждена, не считая прочих поборов, еженедельно отчислять 90 пфеннигов в фонд «Зимней помощи»)⁶⁷⁶, а также за счет «дани», которой облагались частные фирмы. Во многих банках были открыты специальные счета для перевода средств, предназначенных ВХВ. Наиболее крупными из них являлись столичные Немецкий Трудовой банк (счет 6696) и Дрезденский банк (счет 9400)⁶⁷⁷.

Помимо пропагандистских средств обработки всех групп населения, использовалось прямое давление на них как по партийной, так и по государственной линии, включавшее методы запугивания и шантажа. В тех же случаях, когда этого оказывалось недостаточно, к виновным применялись различные меры наказания.

Зачастую общеимперские установки дополнялись личными инициативами должностных лиц на местах. Ф. Платтнер, руководитель Баденского отделения ДАФ, уже в октябре 1933 г. приказал ежемесячно вычитать из заработной платы каждого рабочего сумму, соответствующую его зарплате за один час, и перечислять ее в фонд ВХВ. Тогда же один из крайслейтеров опубликовал в «Фюрере» предостережение, адресованное богатым гражданам и содержащее призыв не скупиться на пожертвования. Он напоминал «замеченным» в недостаточной щедрости, что партии хорошо известны их имена и что эти предупреждения легко претворить в соответствующие действия⁶⁷⁸. В одном типичном угрожающем письме, направленном представи-

телем властей некоему сельскому хозяину, упорно не желавшему раскошиться, чиновник апеллировал к его крестьянской гордости и выражал надежду на то, что он «не доведет себя до того, чтобы оказаться там, где содержатся враги народа»⁶⁷⁹.

Рабочий, который не имел возможности сделать соответствующий взнос или взнос которого признавался недостаточным, рисковал потерять работу. Известный американский журналист У. Ширер, несколько лет проведенный в нацистской Германии в качестве репортера, приводит в своей книге случай, когда один из трудовых судов санкционировал увольнение такого рабочего без предварительного уведомления со следующей формулировкой: «Поведение, враждебное народному сообществу,... должно быть осуждено самым суровым образом»⁶⁸⁰. Фермерша из Рихтериха, которая в 1935 г. неосторожно дала выход своему раздражению, заявив в присутствии помощника: «Организация зимней помощи доведет нас до того, что мы будем просить милостыню. Если мы едим «одно блюдо», почему бы нам также не питаться вместе с любимым скотом», была приговорена к уплате штрафа в сумме 200 рейхсмарок⁶⁸¹.

От «неприятностей» не спасали и былые заслуги. Причем нередко средства массовой информации умело направляли «гнев народа» против тех, кто отказывался выполнить свой долг. В номере «Вестдойчер Беобахтер» за 16 ноября 1934 г. была опубликована статья, содержащая нападки на полицейского комиссара в отставке из Айлендорфа, не принявшего участия в кампании «Зимней помощи». Уже вечером того же дня «неизвестные» лица разбили в его доме все окна, а на следующий день местные национал-социалисты протащили через городок ручную тележку, на которой рядом с именем экс-полицейского были начертаны призывы: «Повесить его!» и «Саботажника в строительстве Германии расстрелять!». После этого бургомистр порекомендовал пенсионеру добровольно покинуть Айлендорф, подчеркнув,

что в противном случае его придется взять под стражу для его же собственной безопасности. Видимо, этот и другие подобные случаи позволили местному группенляйтеру Шенеру заявить о «терроре пожертвованных»⁶⁸².

Среди населения широкое распространение получили различные едкие высказывания в адрес ВХВ. От рабочих, критиковавших распределение «Зимней помощи» через НСФ, нередко можно было услышать, что им хотелось бы получать достойную заработную плату вместо подачек⁶⁸³. Расхожей стала фраза: «Они перевозят зимнюю помощь», сопровождавшая каждую проезжавшую партийную машину⁶⁸⁴. Поговаривали также о перекачке значительной части средств, собранных в ходе кампаний «Зимней помощи», в военный сектор экономики. Согласно донесению инспектора полиции Крумрея, в ходе первой туристической поездки в Италию, организованной «Силой через радость» в период с 13 по 23 ноября 1937 г., один из туристов болтал о том, что финансовые поступления на счета организации «Зимняя помощь» являются источником для производства пушек⁶⁸⁵. Многие расшифровывали аббревиатуру «ВХВ» как: «Мы продолжаем голодать» или «Организация помощи оружием». Подобные слухи и намеки отнюдь не являлись беспочвенными, т.к. финансовый контроль за средствами ВХВ был ограничен. Уже 4 декабря 1936 г. Борман в присутствии Гесса писал Геббельсу, выражая надежду на то, что финансовая документация организации «Зимняя помощь» не будет передаваться ни Имперской счетной палате, ни казначею НСДАП Шварцу⁶⁸⁶.

Одним из главных доказательств существования в новой Германии «народного сообщества» должно было служить обязательное участие в «принесении жертвы» представителей нацистской элиты. Впрочем, на них в случае необходимости оказывалось более тактичное давление. В датированном 22 сентября 1937 г. официальном послании руководителя фракции НСДАП в рейхстаге Фрика, озаглавленном «Всем членам и гостям фракции рейхстага.

Срочно! Касается «Зимней помощи», выражалась уверенность, что, как и в прошлом году, депутаты окажутся в первых рядах жертвователей в фонд этой организации в целях борьбы с голодом и холодом, подавая пример народным массам. Извещая членов рейхстага о том, что регулярные пожертвования будут удерживаться служебной кассой из их ежемесячного содержания и перечисляться непосредственно на счет ВХВ, Фрик рекомендовал им поторопиться с заполнением квитанции и передачей ее в кассу рейхстага. «Определять сумму пожертвования, – говорилось в обращении, – дело совести каждого отдельного депутата, в зависимости от его личных обстоятельств. В нынешнем, как и в предыдущем году, для депутатов, у которых нет никаких иных доходов, кроме содержания, минимальные ежемесячные пожертвования составляют 25 рейхсмарок, для депутатов, которые, помимо содержания, имеют зарплату или другой ежемесячный доход, минимальные ежемесячные пожертвования должны составлять от 50 до 100 рейхсмарок из их содержания... Если особые причины не позволяют вам сделать пожертвования в фонд «Зимней помощи», я был бы благодарен за короткие уведомления, во избежание ненужных писем»⁶⁸⁷.

Первые лица государства и партии делали свои взносы демонстративно, хотя иной раз и с опозданием. В одном из писем в служебную кассу рейхстага от 5 октября 1933 г. сообщалось, что прилагаемый чек, подписанный рейхсфюрером СС, содержит пропущенный ежемесячный взнос последнего из суточных денег, составляющий 50 рейхсмарок, за период с октября 1937 г. по март 1938 г.⁶⁸⁸. В другом письме, датированном октябрём 1938 г., указывалось, что Гиммлер просит перевести со своего личного счета 100 рейхсмарок в фонд НСФ⁶⁸⁹.

Интересное свидетельство о том значении, которое придавалось нацистским руководством «Зимней помощи», находим в мемуарах экс-канцлера Германии Ф. фон Папена. В конце 1939 г. (тогда он был германским послом в

Турции. – Е.П.), пишет он, в связи с турецким законом, «запрещающим иностранцам участвовать в партийной политической работе, я отдал распоряжение о приостановлении всей деятельности партии в Турции. Единственным исключением, которое я сделал, было разрешение осуществлять сборы «Зимней помощи»⁶⁹⁰.

В то же время, хотя официально соблюдение «воскресений одного блюда» являлось обязательным для всего населения рейха, вне зависимости от ранга того или иного конкретного лица, на практике представители высших эшелонов власти нередко манкировали этой обязанностью. В данной связи особый интерес представляет свидетельство человека, принадлежавшего, по его собственному определению, к числу придворных, – А. Шпеера. «Когда, согласно требованию партии, все германские семьи перешли на похлебку по воскресеньям, чтобы обеспечить для Германии «пушки вместо масла», – пишет он в своих мемуарах, – у Гитлера тоже начали к обеду ставить на стол одну только супницу. Гостей тотчас же поубавилось до двух-трех человек, что побудило Гитлера к ряду ехидных замечаний по поводу жертвенного настроения его сотрудников. Ибо одновременно на столе лежал список, куда можно было внести сумму своего пожертвования.... Мне каждая порция похлебки стоила от 50 до 100 марок»⁶⁹¹.

Как и в случае с НСФ, в основу деятельности ВХВ был положен жесткий расовый критерий. Так, евреи – владельцы универсальных магазинов должны были делать намного большие пожертвования, чем фольксгеноссен, имевшие такой же достаток⁶⁹². В 1935 г. евреи были исключены из числа клиентов «Зимней помощи». Те же, кто нуждался, – почти четвертая часть еврейского населения тогдашней Германии, – получали вспомоществование от существовавшей отдельно Еврейской зимней помощи⁶⁹³. Зимой 1936/37 г. последняя опекала 83 тыс. лиц, из которых 11641 человек (4592 мужчины и 7049 женщин) были старше 65 лет. Ее затраты на поддержку этой возрастной

группы составили 36 тыс. рейхсмарок⁶⁹⁴, т.е. приблизительно по 30 марок на человека. Кроме того, права на получение имперской «Зимней помощи» лишались цыгане, асоциальные элементы, а также лица, страдавшие от наследственных заболеваний.

Пропагандистский, социальный и экономический аспекты деятельности ВХВ были самым тесным образом переплетены. Следует отметить особую роль, которую эта организация играла в экономике, являясь одновременно крупным работодателем, основным покупателем угля (например, в ее календарном плане на 1938-1939 гг. львиная доля мероприятий была связана именно с обеспечением этим топливом различных категорий получателей «Зимней помощи»⁶⁹⁵), а также, наряду с вермахтом, текстиля и обуви. Она закупала излишки урожая, курировала рыбный промысел и рыбообрабатывающую промышленность.

В связи с тем, что, помимо общеимперских, в различных округах проводились собственные гау-сборы, также сопровождавшиеся выдачей жертвователям значков, в городах и деревнях было налажено их массовое производство. Они изготавливались как фабричным, так и кустарным способами из фарфора, янтаря, текстиля и других материалов, что способствовало некоторому оживлению соответствующих промышленных и ремесленных отраслей. В довоенный период по заказам ВХВ их было изготовлено свыше 600 млн., а уже в первую кампанию «Военной зимней помощи» 1939/40 г. более 200 млн. штук⁶⁹⁶. (По мнению властей, ношение значков должно было усиливать у всех фольксгеноссен чувство принадлежности к единому монолитному обществу и порождать ощущение сопричастности к большому общегосударственному делу. В рождественские дни значки «Зимней помощи» нередко использовались для украшения деревьев).

Значительные средства поступали и от продажи почтовых марок ВХВ, заменивших прежние благотворительные марки почтовых карточек «Зимней

помощи», предлагавшихся пассажирам Имперской дороги, проведения лотерей, а также за счет косвенных доходов в форме освобождения от пошлин грузов ВХВ, перевозившихся Имперской дорогой, предоставления льгот на почтовые отправления и транспортные доставки⁶⁹⁷. Пропагандистские открытки ВХВ сопровождались подписями типа: «Радость через зимнюю помощь» или «Зимняя помощь немецкого народа. Твоя жертва приносит радость»⁶⁹⁸. Не были «забыты» и дети. Дизайнеры ВХВ разрабатывали специальные игрушки, включая фигурки, которые могли «получать пожертвование»⁶⁹⁹.

Активистам «Зимней помощи» поначалу приходилось конкурировать со сборщиками, представлявшими различные объединения, особенно с участниками так называемых «дьяконовских сборов» на нужды церкви, причем результат зачастую оказывался не в пользу первых. С тем, чтобы ликвидировать или ослабить эту конкуренцию, общинным союзам, например, было предложено отказаться от проведения собственных акций сборов и сотрудничать с ВХВ. Особое внимание обращалось на то, чтобы исключить случаи дублирования при распределении помощи среди нуждающихся. В связи с этим циркуляр, принятый Германским съездом общин 5 сентября 1933 г., рекомендовал НСФ работать рука об руку с ВХВ и предоставить в распоряжение последней свою картотеку опекаемых ею лиц⁷⁰⁰.

Приказом министра внутренних дел рейха и Пруссии от 17 августа 1935 г. проведение продуктовых сборов в рамках кампании «Зимней помощи» разрешалось лишь ВХВ и службам, уполномоченным Хилгенфельдтом. Другие же объединения и союзы лишались права на самостоятельную деятельность в этом направлении и могли быть допущены к ней только с разрешения последнего⁷⁰¹. Возможности церкви также были существенно ограничены. Ей пришлось довольствоваться лишь внутрицерковными сборами.

Итоги каждой акции подводились с чисто немецкой скрупулезностью. Отчеты с мест стекались в столицу. Службы, задействованные в сборах, должны были выставлять для участия в них весь свой личный состав, объясняясь по поводу каждого отсутствовавшего. Так, в связи с жалобой берлинского окружного руководства «Национал-социалистической народной благотворительности» на недостаточно активное сотрудничество эсэсовцев с местными отделениями НСФ и ВХВ в зиму 1937/38 г., начальник Главного отдела СС Ост отдал приказ, обязывавший фюреров эсэсовских штурмов сообщать в отдел, «смотря по обстоятельствам», в срок не позднее 8 дней после каждого сбора, подробные данные по следующей схеме: штатный состав, численность участников, количество не принимавших участие по болезни, результаты, достигнутые тем или иным подразделением. Далее в приказе подчеркивалось, что в дни проведения указанных мероприятий «каждый член СС должен быть предоставлен в распоряжение ВХВ, отложив в сторону иные служебные дела. Неучастие в сборах допускается лишь в исключительных случаях»⁷⁰².

Приведем в качестве примера отчет, направленный командиром эсэсовского кавалерийского штурма 2/7 в Главный отдел СС Ост от 6 февраля 1938 г. В нем сообщалось, что из всего наличного состава штурма, насчитывавшего 148 человек, в кампании «Зимней помощи» приняли участие 109 эсэсовцев (2 фюрера и 107 рядовых), остальные же отсутствовали по уважительной причине – «устраивали верховые поездки для детей в зоопарке на 23-х лошадях. Общий результат сборов составил 221,89 рейхсмарки»⁷⁰³.

Как правило, в отчетах проставлялось не только имя сборщика, но и номер его кружки. Рапорт местной группы Шлахтензее руководству гау Берлин об итогах участия ее членов в акции, проводившейся 5-6 ноября 1938 г., содержал следующие данные⁷⁰⁴:

Номер кружки	Имя	Результат в рейхсмарках
15611	Миллевилле	6,62
15619	Шварц	10,30
15716	Фишер, Вальтер	3,69
15717	Мюллер-Гроте	0,20

Сами сборщики столь же тщательно следили за тем, чтобы их результаты точно фиксировались. Так, некий обершарфюрер СС Г.Крессе направил 9 февраля 1939 г. столичному начальству жалобу: «Согласно приказу, я 4 и 5 февраля занимался сборами для «Зимней помощи немецкого народа», - писал он. – В кружке для пожертвований, отправленной мною в адрес Восточной группы Фридрихсштадта, содержалось 20,45 рейхсмарки. В выдаче мне удостоверения Восточной группой было отказано»⁷⁰⁵.

Хотя поначалу деятельность ВХВ официально была призвана способствовать преодолению последствий экономического кризиса путем оказания поддержки терпящим нужду и лишения соотечественникам, в первую очередь, безработным, Гитлер считал целесообразным сохранить организацию и после достижения практически полной занятости населения (в 1937 г., например, свыше 10 млн. человек, или 16% населения, получали денежные субсидии по линии «Зимней помощи»⁷⁰⁶). Теперь из средств «Зимней помощи» финансировались самые различные проекты, первоначально не относившиеся непосредственно к сфере ее деятельности. Выступая на партийном съезде в 1938 г., Геббельс заявил: «Сегодня Зимняя помощь переросла свою изначальную цель. Она стала центральным пунктом нашей социалистической программы. С ее помощью мы решаем все не терпящие отлагательства социальные проблемы, которые преподносятся нам нашей повседневной жизнью»⁷⁰⁷.

Полный отказ от принципа добровольности пожертвований, сочетание при их сборе пропагандистских и репрессивных методов позволили ВХВ оставить далеко позади все, чего удалось добиться ее веймарскому аналогу (хотя здесь, безусловно, следует учитывать краткосрочность существования по-

следнего и то, что его активность пришлась на пик кризиса). Уже в результате первой кампании «Зимней помощи» 1933/34 г., по официальным данным, было собрано 350 млн., а в две последующие зимы – свыше 360 млн. рейхсмарок⁷⁰⁸. Среди денежных поступлений в фонд ВХВ первое место прочно удерживали взносы фирм и организаций: в период с 1933/34 г. по 1939/40 г. они возросли с около 66 млн. до почти 185 млн. рейхсмарок. Вычеты из заработной платы и жалованья за то же время увеличились соответственно с 29 млн. до более 139 млн. имперских марок, а суммы, полученные в результате уличных сборов, с, примерно, 6 млн. до более чем 98 млн. рейхсмарок. В довоенные годы эти капиталы составляли в общей сложности от 0,5 до 0,75% национального дохода⁷⁰⁹.

Роль организации особенно возросла с началом Второй мировой войны. Открывая 10 октября 1939 г. кампанию «Военной зимней помощи», Гитлер провозгласил: «Военная зима, которая нам предстоит, застанет нас готовыми принести все жертвы, необходимые для того, чтобы облегчить нашему народу эту борьбу за существование. Именно «Военная зимняя помощь» должна сделать немецкий народ сильнее, чем когда-либо: сообщество для борьбы, сообщество за победу и, в конце концов, за мир. Чем решительнее и тверже мы примем на себя все жертвы, которые может принести с собой эта война, тем скорее мы достигнем мира, который необходим нашему народу»⁷¹⁰.

В соответствии с установками фюрера участились обсуждения проблем повышения результативности действий ВХВ в ходе ежедневных совещаний в Рейхсминистерстве пропаганды. 1 марта 1940 г. Геббельс распорядился осведомить Хилгенфельдта о том, что Гитлер разрешил продлить кампанию по сбору «Зимней помощи» на лето в качестве «военного дела помощи в пользу Германского Красного Креста»⁷¹¹. На совещании 7 сентября 1940 г. министр поставил перед прессой и радио задачу: «сильными и убедительными словами – без длинных разъяснений – выделить завтрашний первый день «Зимней

помощи», чтобы уже с самого начала добиться максимально возможного результата сбора»⁷¹². Характерно, что «воскресенья одного блюда» теперь получили название «жертвенных», - в соответствии с указом Геббельса от 30 октября 1941 г. В нем же подчеркивалось, что ни церковь, ни другие организации не имеют права использовать данное обозначение для своих сборов⁷¹³.

По мере того, как война принимала затяжной характер, с учетом потребностей армии расширялся и список предметов, которые, помимо денежных средств, подлежали сбору. В канун первой «русской зимы» Геббельс обратился к немецкому народу с призывом «безвозмездно передать вермахту меховые изделия, теплую одежду, свитера и вообще все, что может оказаться полезным для войск, сражающихся на Востоке»⁷¹⁴. (Впрочем, с этим обращением рейхсминистр несколько запоздал: по свидетельству Р. Землера, уже через семь недель после начала Германией военных действий против СССР он пришел к следующему выводу: «Теперь каждому трезвомыслящему наблюдателю ясно, что война не может быть выиграна быстро»⁷¹⁵). На совещании 30 декабря 1941 г., на котором подробно обсуждался вопрос о сдаче населением теплых вещей, Геббельс дал указание немедленно прекратить сбор женских шуб и курток ввиду их непригодности для фронта»⁷¹⁶.

Для достижения выдвинутых целей, как и в случаях с акциями НСФ, власти активно эксплуатировали и религиозные праздники. 21 декабря 1941 г. рейхсминистр обязал средства массовой информации не ограничиваться воззваниями к щедрости населения, но также передавать по радио и публиковать в печати практические советы. Лозунг, заявил он, должен гласить: «Используйте рождественские дни для просмотра всех еще годных к употреблению вещей. Это должно стать вашим рождественским подарком солдатам. Приготовьте все хорошо, чтобы ваш подарок был готов к приходу сборщика 27.12»⁷¹⁷.

Требую от своих сотрудников постоянного наращивания пропагандистских усилий по укреплению жертвенного духа населения рейха, Геббельс

особое внимание уделял Берлину. Будучи гауляйтером последнего, он ревниво относился к случаям отставания столицы от других городов. Если же берлинцы лидировали по показателям сборов, их успехи расписывались средствами массовой информации в самых ярких красках. Так, Л. Гуттерер на совещании 8 марта 1940 г. получил от Геббельса задание при проведении очередных сборов «попытаться более основательной пропагандистской подготовкой» добиться в Берлине повышенных показателей⁷¹⁸.

14 августа того же года он сообщил об имеющихся основаниях рассчитывать на общеимперский результат помощи Германскому Красному Кресту в 208-210 млн. рейхсмарок, в то время как изначально самые оптимистические оценки не превышали суммы в 60 млн. рейхсмарок⁷¹⁹. Когда же на совещании 24 августа 1940 г. подводились итоги и выяснилось, что в Мюнхене было собрано 1003 тыс., а в Берлине – только 84 тыс. рейхсмарок, разгневанный Геббельс приказал Гуттереру установить «были ли эти результаты достигнуты при равных условиях... или же в Мюнхене сбор средств производился под нажимом и путем приписок к ним других денег»⁷²⁰.

В годы войны прессинг, которому подвергались все уличенные в недостаточном сотрудничестве с ВХВ, еще более усилился. Теперь нерадивые жертвователи могли быть обвинены в нежелании поддержать «героические усилия» сражающейся армии по достижению победы. В письме крайсуполномоченного «Зимней помощи» в Калве местному представителю ВХВ от 31 октября 1939 г. высказывалось возмущение тем, что взнос хозяина магазина, снабжавшего лазарет резерва, составил лишь 30 пфеннигов. «По моему мнению, это позор, – негодовал чиновник. – На войне зарабатывают, но пожертвовать не хотят. В подобных случаях, как в зеркале, отображается сущность жертвователя». В заключение письма он указывал подчиненному на необходимость провести соответствующую разъяснительную работу с теми, «кто еще не проникся идеей народного и жертвующего сообщества»⁷²¹.

Выполняя эту установку, последний уже 30 ноября того же года писал одному из фольксгеноссен, призывая его пересмотреть свое пожертвование, сделанное в «день одного блюда», поскольку оно не соответствовало его возможностям. При этом внимание адресата обращалось на то, что на фоне ежедневных кровавых жертв, приносимых солдатами на фронтах, его вклад вызывает стыд⁷²².

Помимо прямого давления, использовались и косвенные проявления «немилости» по отношению к проштрафившимся. 21 ноября 1939 г. Геббельс дал указание одному из своих сотрудников, Фишеру, «позаботиться о том, чтобы партия в будущем не посылала циркуляры плохо или поздно платящим жертвователям «Зимней помощи»⁷²³. В то же время глава пропагандистского ведомства выступал против явных перегибов, допускавшихся некоторыми местными руководителями, опасаясь, что это может привести к негативным последствиям для режима. На совещании 4 декабря 1939 г. он указал на недопустимость утвердившейся в некоторых землях практики, в соответствии с которой продовольственные карточки выдавались лишь в обмен на «жертвенные взносы»⁷²⁴.

Позднее, 21 января 1943 г., в связи с изданным накануне Законом о всеобщей женской трудовой повинности министр, подчеркивая необходимость «апеллировать к национальной солидарности», привел в качестве примера для подражания кампании ВХВ: «Мы не говорили... при сборах зимней помощи: «Вы, проклятые толстяки! У Вас столько денег! Давайте их для бедных!» Напротив, мы говорили: «Национальная солидарность требует того, чтобы мы исполнили свой долг перед общественностью»⁷²⁵.

Были ужесточены уголовные наказания за хищения средств и вещей, предназначенных ВХВ. Наиболее суровые приговоры делались достоянием гласности – в воспитательных целях. Получив 9 января 1942 г. информацию о смертном приговоре, вынесенном за преступление, совершенное во время

сбора теплых вещей, и о том, что ожидается вынесение еще двух подобных приговоров, Геббельс распорядился сразу же по приведении одного из них в исполнение опубликовать сообщение об этом в прессе, обратив внимание читателей на оперативность, с которой виновный был подвергнут наказанию и отметив, что «весь немецкий народ встретит это решение с глубоким удовлетворением»⁷²⁶. Во время войны за казнокрадство был казнен и брат главного имперского ревизора, руководитель финансовой службы главного управления НСФ Карл Яновский⁷²⁷.

Несмотря на утверждение пропаганды о единичности подобных случаев, среди населения устойчивый характер приобрели слухи о коррупции и злоупотреблениях, пустивших глубокие корни в НСФ и особенно в ВХВ. В 1943 г. шведский журналист А. Фредборг писал о том, что люди, отправлявшие солдатам на фронт хорошие кожаные перчатки, нередко видели их позднее на ком-либо из местных руководителей⁷²⁸. Иной раз недовольство поборами принимало более массовый характер, вынуждая власти идти на некоторые уступки. Получив 9 октября 1940 г. сообщение о том, что в связи с подготовкой очередных сборов, курировавшихся Германский трудовым фронтом, заместитель фюрера запретил их проведение на предприятиях и что эта мера вызвана многочисленными жалобами рабочих на нажим со стороны ДАФ, Геббельс распорядился оставить запрет в силе. Однако, поскольку это означало потерю 1 млн. имперских марок в одном только Берлине, министр принял решение отказаться от публикации в печати сравнительных данных, чтобы не создавать у людей впечатления о снижении показателей по сравнению с предыдущим годом⁷²⁹.

В то же время случаи публичного выражения недовольства, особенно на начальном этапе войны, были достаточно редки и не выходили за определенные рамки. Это позволило Гитлеру в речи, посвященной открытию второй кампании «Военной зимней помощи», 4 сентября 1940 г., с насмешкой

отозваться об английских политиках, которые «год назад, после начала войны, заявляли: «У нас есть союзник.... Это - генерал Революция». «Давайте позаботимся о том, - призвал он немцев, - чтобы вновь продемонстрировать всему миру наше неразрывное чувство общности и чтобы они, наконец, поняли, что спекуляция на генерале Революции является идиотизмом и что на место этого генерала заступил другой генерал - генерал общего выполнения долга, который командует всеми нами»⁷³⁰.

1 декабря 1941 г., констатировав рост доходов от последних акций ВХВ на 46%, Геббельс немедленно дал установку руководителям крупнейших печатных изданий в комментариях к этому «блестящему результату» разъяснить: «Немецкий народ последовал призыву фюрера. Родина проходит через трудности, которые приносит с собой война, со здравым осознанием фактов.... Немецкий народ полон решимости продолжать эту войну до окончательной победы». Далее в стенограмме совещания записано: «Министр постановляет создать сюжет о «Зимней помощи» для еженедельного обзора, рассчитанного на заграницу. Следует показать, как считают деньги, горы различных монет и ассигнаций..., картины детских домов, отправку детей в местности, где нет угрозы воздушных налетов, и т.п., чтобы разъяснить, куда идут деньги. Этот сюжет можно использовать также для еженедельного кинообзора в Германии».

Тут же Геббельс обрушился с критикой в адрес руководства Гамбургской области, которая «при всех сборах в последнее время... поразительно отстает», что «не может быть объяснено лишь британскими воздушными налетами.... Тогда как Берлин пожертвовал на душу населения 35 пфеннигов, на Гамбург приходится только 14 пфеннигов»⁷³¹. 6 октября 1942 г., знакомясь с первыми результатами сборов, министр обратил внимание на то, что в соревновании, развернувшемся среди 45-ти районов, Берлин скатился с 17-го на 22-е место (30,25 пфеннига с головы), и потребовал, чтобы «столица снова

стала образцовой», для чего распорядился «сейчас же собрать правительственные круги и руководителей местных групп и поручить им позаботиться об изменении положения»⁷³².

Давление усиливалось и на некоторые элитные круги. На одном из совещаний конца 1942 г. (точной даты в деле нет. – Е.П.) Геббельс высказал мнение о необходимости заставить лиц с высокими доходами проявлять побольше щедрости в пожертвованиях. «Ему кажется недостойным, – заявил он, – когда в артистических кругах люди с гонорарами в 120-150 тыс. марок жертвуют в пользу ВХВ 5 марок». В связи с этим «следует, чтобы ответственный представитель партии как-нибудь заявил бы заведующим кинопродукцией, что продукция эта будет оцениваться и с точки зрения того, в какой мере киноартисты и персонал будут жертвовать в пользу ВХВ»⁷³³.

Все эти усилия позволили достигнуть в зиму 1942/43 г. рекордного результата денежных поступлений - 1,6 млрд. рейхсмарок⁷³⁴. В целом же акции сборов в пользу ВХВ проводились вплоть до января 1945 г.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что пропагандистское значение «Зимней помощи» как «социализма дела» доминировало над экономическим и социальным. Один из девизов, под которыми проводились кампании сборов, гласил: «Мы не жертвуем больше из милости, а даем из чувства чести»⁷³⁵. В действительности ВХВ, как и НСФ, не являлась чисто благотворительной организацией. Она была одним из инструментов проведения социальной политики режима. Ее главная цель состояла не в оказании поддержки нуждающимся индивидуумам, но в сплачивании нации биологически и политически с целью обеспечения ей мирового доминирования. Геббельс недвусмысленно высказался по этому поводу на партийном съезде 1938 г.: «Наш исходный пункт – не индивидуум, и мы не разделяем точку зрения, согласно которой следует накормить голодных, напоить жаждущих или одеть нагих, – не в этом заключаются наши цели. Наши цели диаметрально противоположны».

ны. Они могут быть наиболее четко сформулированы следующим образом: мы должны иметь здоровый народ, чтобы господствовать в мире»⁷³⁶.

Таким образом, тоталитарный характер нацистской системы социального обеспечения и благотворительности проявился в том, что, в значительной степени, она функционировала на средства самих граждан, большая часть которых изымалась у них в принудительном порядке в виде различных взносов. Последние фактически представляли собой форму дополнительного налогообложения, позволяя снять финансовое бремя с плеч государства. Достижению той же цели способствовало и исключение ряда значительных по численности категорий населения (расово неполноценных, душевнобольных, асоциальных) из числа тех, кому оказывалась подобная поддержка. Власти же вкладывали в осуществление указанных программ не столько финансовые средства, сколько пропаганду. В основу этой политики была положена не идея милосердия, как прежде, а соображения целесообразности – расчет на укрепление государства и сохранение расы, для чего требовалась здоровая нация.

«Каждый общественный строй, – подчеркивал в своей, ставшей классической, работе В. Райх, – создает в массах своих членов психологическую структуру, которая необходима ему для достижения своих основных целей»⁷³⁷. Среди многочисленных факторов, обеспечивавших психологическую мобилизацию немцев на поддержку режима, деятельность благотворительных организаций играла далеко не последнюю роль. И если, убрав излишне категорическое «лишь», нельзя не согласиться с мнением Грилла о том, что на практике «германский социализм» НСФ был «программой расового воспитания и инструментом политической социализации»⁷³⁸, то приходится констатировать, что этот инструмент оказался достаточно эффективным: большинство из тех, кто в той или иной ситуации стал объектом «заботы» НСФ или ВХВ, как правило, испытывало чувство благодарности, не задумываясь о

пропагандистской подоплеке ее акций и своем собственном подневольном участии в их финансировании.

* * *

Что касается нацистской социально-демографической политики в целом, то следует признать, что в довоенный период национал-социалисты, используя средства морального и материального стимулирования, пропагандистского и иного давления, сумели добиться определенной позитивной динамики в этой сфере. Они смогли:

1. Обеспечить части немецкой молодежи, главным образом, мужского пола, социальную мобильность, которая, как показали современные исследования, была более высокой, чем когда-либо отмечавшаяся у прежних поколений немцев⁷³⁹, а в начале войны обозначить увлекшую многих питомцев Гитлерюгенд перспективу ее дальнейшего расширения, связанную с оккупационной политикой: ожидавшееся появление многочисленных руководящих постов в административных органах оккупированных Германией территорий обещало предоставить им дополнительные возможности социального и профессионального продвижения (по понятным причинам этим надеждам не суждено было сбыться).

При этом важным психологическим фактором, привязывавшим молодежь к режиму, явилось то, что, широко привлекая ее к решению тех или иных государственных задач, в том числе и социально-политических, национал-социалисты способствовали некоторому ослаблению зависимости юношей и девушек от своих родителей. В связи с этим часть молодого поколения Германии получила собственное социальное положение или, по крайней мере, видимость такового.

2. Путем предоставления супружеским парам брачных ссуд, соответствующих пособий и льгот, поощрения внебрачного зачатия детей и патронирования матерей-одиночек добиться некоторого улучшения статистики

рождаемости. При этом достаточно высоким показателем пронаталистской политики режима, направленной на поддержку многодетных семей, если не считать довольно многочисленными и разнообразными формами помощи последним, включая ссуды, дававшиеся им на получение образования детьми мужского пола, являлось то, что с рождением четвертого ребенка брачная ссуда считалась полностью погашенной (для сравнения, во Франции 1982 года, с ее развитой системой государственной поддержки семьям, направленной, в частности, на стимулирование рождения в них третьего и четвертого ребенка, в последнем случае списывалось лишь 90% ссуды, дававшейся супругам на приобретение предметов домашнего обихода)⁷⁴⁰.

Что же касается мобильности женского населения Германии, то даже в период войны, когда происходит значительная активизация профессиональной активности женщин, она была весьма ограниченной и носила в основном профессиональный характер.

3. Охватить соответствующие группы «арийского» населения мерами социального обеспечения и благотворительности, которые, будучи соответствующим образом поданы средствами массовой информации, приобретали в глазах немцев значительно больший масштаб, нежели их реальное содержание, наличие которого безусловно нельзя отрицать.

Было бы неправильно игнорировать и тот факт, что достаточно широкий комплекс мер социальной поддержки определенных категорий населения осуществлялся режимом и в годы войны. К их числу относятся рассмотренные выше меры по поддержке многодетных семей, матерей, беременных, предоставление возможности поступления в вузы на льготных условиях инвалидам войны и военным служащим, выплата денежных пособий иждивенцам последних.

В то же время указанных мер, выглядевших значительными на фоне кризисного периода, катастрофические последствия которого были еще свежи в памяти многих немцев, но зачастую уступавших социальным достиже-

ниям Веймарской республики, было недостаточно для решения стоявших перед страной демографических проблем. Более того, взамен нацистское государство потребовало от своих граждан жертв, зачастую несоизмеримых с социальными затратами режима. Это в полной мере проявилось как в мирные годы Третьего рейха, так и, в еще большей степени, в период войны, особенно в ее тотальной фазе, когда мотив жертвенности во имя «народного сообщества» стал доминировать в повседневной пропаганде.

Различные виды трудовой повинности, вводимые для молодежи и поначалу способствовавшие рассасыванию безработицы в ее среде, в дальнейшем, несмотря на официально провозглашавшийся нацистской пропагандой воспитательный характер этих мероприятий, фактически превратились в средство завуалированной эксплуатации юношей и девушек, вынужденных работать за мизерную оплату труда или за кров и стол.

Семейная жизнь подверглась строжайшей регламентации, полностью утратив свою автономность. При этом в основу социально-политических мероприятий, имевших прямое или косвенное влияние на нее, включая меры социального обеспечения, были положены как внутри, – так и внешне-политические интересы режима.

С началом войны, продолжая отдавать приоритет задачам повышения рождаемости, нацисты сделали все, чтобы совместить их с экономическими потребностями, побуждавшими власти к вовлечению все большего числа немцев в производственную сферу. В связи с этим значительная часть женского населения рейха вынуждена была взвалить на свои плечи двойную нагрузку. При этом меры по стимулированию рождаемости с самого начала находились в прямой взаимосвязи с экспансионистскими планами нацистского государства. Это в полной мере проявилось на заключительном этапе существования последнего, когда власти пошли на привлечение к военным действи-

ям самых юных гитлерюнген, разумеется, не спрашивая у матерей их согласия на подобную жертву.

Таким образом, в конечном итоге режим spolна взыскал с фольксгеноссен и фольксгеноссинен плату за меры «социальной заботы», которые были осуществлены в рамках проводившейся им социальной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение социальной истории Третьего рейха показывает, что, получив в наследство от Веймарской республики социальное государство и существенно деформировав его, нацисты создали специфический вариант тоталитарно-социального государства. Его фундамент зиждился как на средствах, которые в распоряжение национал-социалистов предоставляли однопартийная система, тотальный террор и пропаганда, позволившие им подавить инакомыслие и ликвидировать политическую оппозицию в стране, так и на проведении активной социальной политики, в ходе которой добропорядочные и полноценные (с нацистской точки зрения) граждане Германии получали от государства определенные материальные и социальные гарантии. Эта политика, наряду с мощным идеологическим и пропагандистским обеспечением, способствовала укреплению легитимности нацистского правления, оправдывая в глазах масс карательные меры, направленные против лиц, уличенных в нелояльности к новой власти, и представителей «чуждых рас».

Уже на стадии борьбы Национал-социалистической германской рабочей партии за власть ее идеологи разработали обширную программу социальных мероприятий, отражавших интересы различных социальных слоев и групп немецкого общества. В нацистской партийной программе и в выступлениях лидеров национал-социализма были представлены требования «обеспечения работой и средствами граждан государства», уравнивания последних в правах и обязанностях, «ликвидации нетрудовых доходов и освобождения от процентного налогового рабства», национализации картелей и допуска рабочих, занятых на крупных предприятиях, к участию в распределении прибыли, «экстенсивного развития обеспечения в старости», предоставления каждому «способному и трудолюбивому немцу» возможности получения высшего образования, поддержки материнства, а

также призывы мелкобуржуазного характера, касавшиеся «создания и сохранения здорового среднего класса».

Таким образом, нацистами были в полной мере учтены те катастрофические последствия, которые для последних правительств Веймарской республики имело ставшее следствием экономического спада резкое сокращение расходов на социальные нужды. Это обстоятельство в значительной степени обусловило их успех на выборах начала 30-х гг. и предопределило приход к власти. После 30 января 1933 г. национал-социалисты энергично приступили к реализации основных требований своей социальной политики.

В Третьем рейхе была создана государственно-патерналистская модель социальной политики, в рамках которой национал-социалистам удалось разработать систему достаточно эффективных мер, позволивших им обеспечить своему режиму стабильность на всех этапах его существования.

Социальная политика нацизма являлась важнейшим рычагом модернизации германского общества. Ее главной целью было декларирование создания общества «немецкого социализма», своеобразного варианта «гитлеровского государства благоденствия». Однако из-за тоталитарного характера нацистского режима и военных авантюр реализовать эту программу не удалось.

Социальная политика нацизма, будучи составной частью внутренней политики Третьего рейха, воплощалась в его социальных программах и реализации их на практике в интересах правящей верхушки. Эта политика была основана на таких принципах, выражавших характер гитлеровского режима, как: преемственность, системность, непрерывность, сбалансированность целей и возможностей по времени и ресурсам, адресность мер, а также социальная справедливость в нацистском понимании.

Социальная политика, наряду с террором и пропагандой, являлась одним из решающих инструментов укрепления гитлеровского режима. Она

использовалась в качестве важнейшего средства социального контроля и повышения социальной мобильности в Третьем рейхе.

С этой точки зрения нацистами особое значение придавалось проблеме обеспечения лояльности режиму со стороны рабочего класса, который стал важнейшим объектом социальной политики, проводившейся в годы национал-социалистического правления. С этой целью властные структуры Третьего рейха предприняли энергичные усилия по внедрению на производстве новой трудовой морали, свободной от «эгоистических» интересов. В соответствии с нею официально в основу мотивации трудовых достижений «синих воротничков» было положено понятие долга перед «производственным сообществом», объявлявшимся составной частью «трудового сообщества», которое, в свою очередь, представлялось уменьшенной моделью «народного сообщества», и перед «фюрером предприятия», который рассматривался не только как предприниматель, но и как полномочный представитель государства на производстве.

Добиться достижения указанной цели национал-социалистам во многом удалось благодаря осуществлению целого комплекса мер. С одной стороны, – путем решения проблемы безработицы, создания сети благотворительных организаций, деятельность которых в значительной степени была ориентирована на малоимущие слои населения, осуществления жилищного строительства, рассчитанного на рабочие семьи. С другой стороны, – путем использования средств тотальной пропаганды и тотального террора, позволивших ликвидировать свободные профсоюзы, в силу своей природы изначально нацеленные на конфронтацию с властями и работодателями, и заменить их суррогатной организацией – Германским трудовым фронтом, действовавшим под контролем НСДАП, в связи с чем трудовые отношения в Третьем рейхе были полностью лишены договорной основы. Это, кроме того, дало возможность упразднить крупнейшие рабочие партии – социал-демократическую и коммунистическую, ликвидировав, таким

образом, рабочее движение в Германии; законодательно закрепить проведение забастовок и иных форм классовой борьбы, а также использовать репрессивные меры по отношению к нарушителям трудовой дисциплины. Дисциплинировавшим рабочих инструментом, облегчавшим властям регулирование рабочей силы, являлось введение трудовых книжек.

Таким образом, чисто тоталитарные методы регулирования трудовых отношений сочетались с мерами социального характера. При этом первые явно доминировали над вторыми.

В условиях, когда руководство СДПГ и КПП лишилось возможности оказывать влияние на «синих воротничков», нацистам довольно-таки быстро удалось добиться того, что под воздействием повседневной пропагандистской риторики классовый подход к оценке трудовых отношений, являвшийся для немецких промышленных рабочих нормой в период Веймарской республики, стал все больше вытесняться в их сознании эрзац-чувством национальной солидарности, которое нацисты определяли, как «социализм чувства».

Этому в значительной степени способствовали успешно осуществлявшиеся рейхсминистром пропаганды Геббельсом кампании по идеологической поддержке социальных мероприятий и мифологизации общественной жизни в Третьем рейхе. В частности, национал-социалистами была предпринята попытка создания монолитного общества путем эксплуатации мифа о принадлежности всех немцев к бесклассовому расово гомогенному «народному сообществу», в котором все равны вне зависимости от своего социального статуса.

Тоталитарно-социальный характер нацистского государства как нельзя больше подходил для внедрения этой идеи в массовое сознание.

Особенно позитивно частью рабочих воспринималось осуществление в Третьем рейхе широкомасштабных мер по обеспечению занятости, которые, наряду с милитаризацией экономики, позволили кардинально из-

менить социально-экономическую ситуацию в этой сфере: с началом реализации второго четырехлетнего плана на смену проблеме массовой безработицы пришла проблема острого дефицита квалифицированной рабочей силы. Созданная с целью ее решения по инициативе режима система профессионального обучения и переподготовки открывала перед прошедшими через нее рабочими перспективы профессиональной мобильности, следствием которой в отдельных случаях был и социальный подъем.

В то же время нет сколько-нибудь веских оснований говорить о наличии заметных структурных изменений, которые бы привели к увеличению числа служащих, вышедших из среды квалифицированных рабочих.

Конечно же, среди рабочих, особенно занятых в отраслях, не игравших особой роли в военном производстве, было немало таких, которые сохраняли определенный внутренний иммунитет и даже враждебность к нацистскому политическому влиянию, что, впрочем, никак не отражалось на их отношении к труду. В то же время большинство «синих воротничков», в отношении которых к режиму преобладал прагматизм, было готово поступиться классовым сознанием ради стабильности своего экономического положения, тем более что любые коллективные формы выражения протеста были запрещены законом и немедленно влекли за собой вмешательство гестапо и заключение в концлагерь.

Иными словами, уже в довоенный период нацистам в основном удалось интегрировать немецких рабочих в политическую систему Третьего рейха. Однако в конечном итоге национал-социалисты не смогли устранить классовые барьеры, в связи с чем значение тезиса о «народном сообществе» так и не вышло за пропагандистские рамки. Но, добившись определенного улучшения положения основных групп «синих воротничков» по сравнению с периодом кризиса, сделав доступными для части рабочих определенные суррогаты мелкобуржуазной жизни, что, пусть зачастую лишь потенциально, означало для последних появление возможностей, которых

у них прежде не было; предложив им новые формы признания и надежды на повышение в перспективе их социального статуса (многие рабочие действительно считали, что грань, отделявшая их от буржуа, стала уже), нацисты смогли добиться установления «классового мира» на производстве.

Средние слои населения, являвшиеся важным элементом социальной структуры германского общества, составляли ядро социальной базы национал-социализма. В этой связи гитлеровский режим учитывал специфические потребности различных групп мелкой и средней буржуазии, чиновничества, крестьянства. На первых порах в Третьем рейхе был осуществлен ряд социально-политических мер, направленных на обеспечение их интересов. Идя навстречу пожеланиям ремесленников и мелких торговцев, нацисты приняли «Закон о защите розничной торговли» и «Закон о потребительских товариществах». В более жесткие рамки была поставлена деятельность крупных предприятий розничной торговли, подвергшихся определенным ограничениям. Часть ремесленников, главным образом из строительной сферы, получила доступ к участию в проектах, осуществлявшихся по линии программы «общественных работ». Так как согласно мифическому культу «крови и почвы» крестьянство было провозглашено и «источником крови нации», в аграрной сфере был создан элитный слой крестьян-владельцев «наследственных дворов», которым были предоставлены налоговые льготы.

Это поначалу привело к определенному улучшению материального положения части старого среднего класса и, как следствие, – к смягчению антикапиталистических настроений в его среде, а главное, – укрепило убежденность мелких ремесленников, розничных торговцев и крестьян в том, что государство взяло их под свою защиту.

В то же время некоторые содержащиеся в программе НСДАП основополагающие обещания мелкой буржуазии остались невыполненными. Полная национализация универмагов, магазинов единых цен, потребитель-

ских кооперативов так и не была осуществлена. Соответствующие меры носили узконаправленный антиеврейский характер. Однако от ариизации еврейской собственности выиграли, главным образом, крупные предприниматели.

Если в прежние времена положение основных групп среднего класса зависело, в первую очередь, от рыночной стихии, то теперь, в значительной степени обуздав последнюю, поставив ее под свой контроль, государство присвоило себе функции Провидения, определяя, какие предприятия ремесла и розничной торговли должны были продолжить существование, а каким предстояло исчезнуть. С особой силой по части мелкого бизнеса ударила милитаризация экономики, сопровождавшаяся политикой «вычесывания» ремесла и устранения перегруженности в розничной торговле. Кроме того, торговцы несли убытки от валютных и кредитных ограничений, лишивших их возможности свободно проводить коммерческие операции; многие мелкие предприниматели пострадали от политики принудительного картелирования, благоприятствовавшей крупному капиталу. Жесткая регламентация коснулась также всех стадий аграрного производства и сбыта сельскохозяйственной продукции. Это тяготило многих grosсбауэров, которые к тому же утратили право свободно распоряжаться своей недвижимостью.

Известно, что для мелких буржуа и крестьян независимость и возможность самостоятельно принимать решения составляет одну из высших ценностей. Но с созданием Имперского продовольственного сословия и осуществлением других нацистских мер в Третьем рейхе они лишились этой возможности.

Что касается основной массы чиновников, то для нее главное значение имели карьерные перспективы вне зависимости от характера режима. Значительная часть государственных служащих, безусловно, выгадала от дискриминации «неарийцев» и тех, чья политическая лояльность ставилась

властями под сомнение. Однако в большинстве случаев освободившиеся подобным образом должности были зарезервированы для ветеранов национал-социалистического движения, нередко не имевших требуемой для этого квалификации. Приход последних в систему государственного управления способствовал дальнейшему укреплению здесь влияния нацистской партии, которая с самого начала претендовала на тотальный контроль над чиновничьим корпусом. Кадровое чиновничество было вынуждено проглотить эту пилюлю, а также смириться с недостаточно высоким, по его мнению, жизненным уровнем. В то же время, будучи носителем власти, чиновничество в значительной степени оставалось социально привилегированным слоем.

В конечном итоге национал-социалистам путем осуществления мер политического и правового давления, процесса нацификации чиновничьего корпуса удалось тесно привязать подавляющее большинство государственных служащих к своему режиму. Здесь, безусловно, сказалась и характерная для любой профессиональной бюрократии способность к мимикрии.

Определяя социально-политическую стратегию в целом, нацисты огромное внимание уделяли демографической политике, превратив ее в важнейший инструмент реализации целей режима. В этой связи ими был создан механизм регулирования рождаемости, заключения браков, аборт, разводов и пр., действовавший под тотальным контролем государства.

Сделав в значительной степени ставку на молодое поколение немцев, представлявшее в глазах национал-социалистов особую ценность в силу своей динамичности и наличия нерастроченной энергии, которую лишь предстояло направить в нужное русло, режим, находившийся в стадии развития и нуждавшийся в «идеологических солдатах», обеспечил части молодежи, в том числе из малоимущих, но расово полноценных семей, возможности восходящей социальной мобильности.

Для многих важной ступенью к таковой стал фюрерский корпус Гит-

лерюгенд. Кроме того, была создана сеть элитных учебных заведений, выпускники которых рассматривались как реальные кандидаты на замещение руководящих должностей в различных звеньях партийного и государственного аппарата, а в первые годы войны – и в административных органах оккупированных германскими войсками территорий. Для многих юношей и девушек, хорошо зарекомендовавших себя за время членства в «Гитлеровской молодежи», был открыт путь в вузы, а это, в свою очередь, создавало возможности для их дальнейшего профессионального и социального продвижения. Правда, применительно к Третьему рейху нельзя однозначно говорить о росте значения образования как предпосылки для достижения более высокого положения в обществе. При этом следует учитывать, что часто по пути получения высшего образования охотнее шли дети служащих, следуя примеру своих родителей, нежели дети рабочих.

Понимая, что у молодежи политико-экономическое сознание в большей степени подвержено влиянию, чем у других групп населения, нацисты добились того, что воспитание подрастающего поколения было в значительной степени изъято из семейной сферы и в основном осуществлялось Гитлерюгенд, в рамках которой молодежная жизнь подвергалась все возраставшей регламентации, и в нацифицированной школе. Национал-социалисты смогли в полной мере использовать потенциал молодежи в собственных целях – для решения внутри – и внешнеполитических задач режима. В то же время национал-социалистическому государству не удалось осуществить тотальный контроль за молодежной средой, в частности, устранить влияние церкви на часть молодого поколения и покончить с существованием «диких» молодежных групп.

В Третьем рейхе государственному контролю и регламентации подверглась не только общественная, но и личная жизнь граждан. Были, в частности, ликвидированы границы, охранявшие внутренний мир семьи. Брак и материнство в значительной степени были лишены своего интимно-

го характера и стали рассматриваться как исключительно государственная задача. Проводя в первые годы своего правления, когда остро стояла проблема массовой безработицы, политику, направленную против женской эмансипации, нацисты использовали ролевой стереотип женщины – матери и домохозяйки, характерный для традиционной семейной идеологии мелкой буржуазии, объявив важнейшей репродуктивную функцию женщины. Введя для фольксгеноссинен запрет на определенные виды трудовой деятельности и ограничив возможности реализации ими своих профессиональных устремлений, нацисты установили особый порядок регулирования трудового дня для работающих немецких женщин и осуществили целый комплекс мер по охране материнства, цель которых заключалась в том, чтобы превратить Германию в «нацию многодетных семей».

Однако скрытый антифеминизм национал–социалистов, носивший антимодернизаторский характер, в конечном итоге вынужден был уступить требованиям экономики. По мере рассасывания безработицы и обострения проблемы дефицита рабочей силы пропаганда перешла к воспеванию образа работающей фрау, с которой при этом не снимался груз семейных забот. Впрочем, для многих представительниц низших социальных слоев, чьи мужья зарабатывали недостаточно для того, чтобы полностью обеспечивать семью, эмансипация с самого начала была вынужденной. При этом для большинства женщин, если не считать членства в нацистских организациях, единственным путем к социальной мобильности по-прежнему оставалось удачное замужество.

Таким образом, социальная мобильность в Третьем рейхе носила ограниченный характер. Задача нацистского государства заключалась не в том, чтобы предоставить свободное развитие и безграничный профессиональный рост отдельным социальным слоям, а в том, чтобы добиться поддержки ими тех или иных мероприятий гитлеровского режима.

Что же касается германской системы социального страхования, как

одной из составляющих социальной политики, то она в указанный период лишилась своих демократических основ, в первую очередь принципа самоуправления, и функционировала, главным образом, за счет широкого привлечения средств населения, носившего принудительный характер. Доля собственно государственных затрат в этой сфере была не столь велика. Властям удалось превратить эту систему в одно из средств сплочения общества, хотя при этом отдельные группы населения лишились государственного вспомоществования и солидарности.

Исключение душевнобольных, а также расово и физически «неполноценных» из числа тех, кому оказывалась поддержка по линии социального обеспечения и благотворительности (Д. Пьюкерт охарактеризовал подобную дискриминацию как «социальный расизм») позволило государству значительно сократить численность опекаемых. При этом, несмотря на неоднократно высказывавшиеся намерения, нацисты не смогли унифицировать систему социального обеспечения, сделав ее единой для рабочих и служащих.

В целом же на фоне значительного сокращения финансирования социальных программ, которое происходило в последние годы Веймарской республики и затронуло широкие слои населения Германии, социально-политические мероприятия национал-социалистов в глазах многих немцев выглядели выигрышно. В сочетании с политикой мифологизации действительности, способствовавшей адаптации к последней массового сознания, и подавления инакомыслия, они позволили нацистам уже к 1939 г. добиться достаточно высокой степени консолидации общества.

Вторая мировая война во многом стимулировала расширение сферы социальной политики и возрастание в ней роли государства, хотя финансовые возможности для ее реализации были резко сокращены. Мобилизация всех национальных ресурсов, регулирование рынка рабочей силы, изменение форм социального обеспечения населения, введение карточной систе-

мы распределения продовольствия и промышленных товаров, декларированное стремление к справедливому распределению тягот войны между всеми социальными группами – все это открыло двери для активизации роли государства в социальной сфере. В то же время война, сама по себе, выступала в роли интегративного фактора, который формировался в первые военные годы благодаря поступлению продовольствия и других товаров из оккупированных стран, на заключительном этапе войны – в силу страха перед поражением и общей ответственностью за совершенные преступления.

Ни один из социальных слоев не стал исключительным объектом социальной политики Третьего рейха. Между тем сущность тоталитарно-социального государства такова, что, проводя те или иные мероприятия в интересах всех социальных слоев, оно одновременно требовало от них конкретных, часто весьма значительных жертв во имя общего блага, которому в нацистском варианте придавалась форма «народного сообщества» как важнейшего элемента национал-социалистической идеологии.

Нацисты не смогли добиться полного устранения конфликта интересов между социальными группами и слоями, но им удалось адаптировать социальные запросы основных групп населения к социальным потребностям режима. Используя комплекс социально-политических мер, пропагандистский прессинг, мощь карательного аппарата, они обеспечили себе поддержку одной части населения, лояльность – другой. В результате даже те немцы, которые чувствовали себя ущемленными в социальном или экономическом отношении, продолжали участвовать в реализации политики нацистского режима, крах которого наступил не только в силу внутривнутриполитических причин, но и в результате военного поражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Пленков О.Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера. (Очерк истории и идеологии). СПб, 2004. С. 14.
- ² Joes A.G. Fascism. The Past and the Future // Comparative Political Studies 1974. V. 7. N 1. P. 133.
- ³ Theorien über den Faschismus. Koln; Berlin (West), 1967. S. 15.
- ⁴ XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934. С. 589.
- ⁵ Димитров Г. Избранные произведения: В 3-х т. М., 1983. Т. 2. С. 65.
- ⁶ См.: Германикус. Германский национал-фашизм. М.-Л., 1931; Оттвальд Э. Путь Гитлера к власти. История национал-социализма. М., 1933.
- ⁷ См : Дворкин И. Экономическая программа германского национал-социализма. М., 1933.
- ⁸ См.: Гольдштейн И. Крестьянское сословие в социальной демагогии германского фашизма // Вестник коммунистической академии. 1934. № 4.
- ⁹ См.: Steinberger N. Die Agrarpolitik des Nationalsozialismus. М. – Л., 1935.
- ¹⁰ Сегаль Н.М. Аграрная политика германского фашизма. М., 1938. С. 49-55.
- ¹¹ См.: Гернле Э. Положение крестьянских масс в фашистской Германии. М., 1941.
- ¹² Сидоров А.Н. Фашизм и городские средние слои в Германии. М.-Л., 1936. С. 124.
- ¹³ См : Трайнин И П. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942. С. 32.
- ¹⁴ См.: Петрушов А.М. Аграрные отношения в Германии. М., 1945. С. 156-157.
- ¹⁵ См.: Галактионов Ю.В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века. Кемерово, 1999. С. 10.
- ¹⁶ См.: там же. С. 11.
- ¹⁷ См.: Ежегодник Германской истории. М.: Наука, 1969-1991.
- ¹⁸ См.: Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972; Размеров В.В. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии. 1933-1935. М., 1958; Розанов Г.Л. Германия под властью фашизма (1933-1939гг.). 2-е изд., доп. М., 1964; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933-1939. М., 1963 и др.
- ¹⁹ Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967; Изд. 2-е, доп. М. 1989.
- ²⁰ . Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967. С. 396.
- ²¹ Галкин А.А. Социология неофашизма. М., 1971. С. 68.
- ²² См.: там же. С. 41.
- ²³ См : История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 5.

- ²⁴ См.: там же.
- ²⁵ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). Ростов-на-Дону, 1979; он же. Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. Ростов на-Дону, 1990.
- ²⁶ См.: *Faschismus Forschung. Positionen, Probleme, Polemik.* В., 1980.
- ²⁷ См.: Руге В. Как Гитлер пришел к власти. М., 1985; Gossweiler K. *Aufsätze zum Faschismus.* В., 1986.
- ²⁸ См.: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.
- ²⁹ Галактионов Ю.В. Указ соч. С. 67.
- ³⁰ См.: Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933-1939. Свердловск, 1991; он же. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах. 1939-1945 (идейно-политические проблемы). Екатеринбург, 1994.
- ³¹ См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. Томск, 1993.
- ³² См.: Ерин М.Е., Ермаков А.М. «Имперская трудовая повинность» в нацистской Германии (1933-1945). Ярославль, 1998.
- ³³ См.: Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь, 2000.
- ³⁴ См.: Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт искупления тоталитарного общества? М., 1999.
- ³⁵ См.: Пленков О.Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004; он же. Третий Рейх. Социализм Гитлера; он же. Третий Рейх. Арийская культура. СПб., 2005; он же. Третий Рейх. Война: до критической черты. СПб., 2005; он же. Третий Рейх. Война: кризис и крах. СПб., 2005.
- ³⁶ Пленков О.Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера. С. 14.
- ³⁷ Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления. Материалы международной научной конференции (г. Кемерово, 18-20 сентября 2001 г.). Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 3. Кемерово, 2003. С. 38.
- ³⁸ См.: Hiden J., Farguharson J. *Explaining Hitler's Germany. Historians and the Third Reich.* Totowa; New Jersey, 1983. P. 156.
- ³⁹ O'Sullivan N. *Fascism.* L.; Melbourne, 1983. P. 17.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 18 - 19.
- ⁴¹ Nipperday T. 1933 and the Continuity of German History // In: Koch H.W. (Ed.). *Aspects of*

the Third Reich. N.Y., 1985. P. 493.

⁴² См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

⁴³ Bracher K.D. *Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie.* Munchen, 1976. S. 47.

⁴⁴ Hofer W. Fifty Years On: Historians and the Third Reich // *Journal of Contemporary History.* 1986. V. 21. N. 2. P. 231.

⁴⁵ См.: Schoenbaum D. *Hitler's social revolution: class and status in Nazi Germany. 1933-1939.* N. Y., 1966.

⁴⁶ Ellus J. *Autopsy of Revolution.* N.Y., 1971. P. 288.

⁴⁷ Trevor-Roper H.R. *The Phenomenon of Fascism* // In: Woolf S J. (Ed.). *Fascism in Europe.* L ; N.Y., 1981. P. 32.

⁴⁸ Payne S. *Fascism: Comparison and Definition.* Madison (Wisconsin), 1980. P. 99.

⁴⁹ Hofer W. *Op. cit* P. 240.

⁵⁰ Weber E. *Revolution? Counterrevolution? What Revolution* // In: Laqueur W. (Ed.). *Fascism. A Reader's Guide Analyses, Interpretations, Bibliography.* Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 435, 444 - 445.

⁵¹ *Ibid.* P. 451 - 452.

⁵² Noakes J. *Nazism and Revolution* // In: O'Sullivan N. (Ed.). *Revolutionary Theory and Political Reality.* Brighton, 1983. P. 96.

⁵³ См.: Kater M.H. *The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders, 1919 - 1945.* Cambridge, 1983. P. 238.

⁵⁴ См.: Schweitzer A. *Big Business in the Third Reich.* L., 1964. P. 18.

⁵⁵ См.: Kershaw I. *The Nazi Dictatorship. Problems and Perspectives of Interpretation.* L., 1985. P. 144, 146.

⁵⁶ См.: Gregor A. *Fascism and Modernisation: Some Addenda* // *World Politics.* 1973. V. 26. N 3. P. 370 - 384; O'Sullivan N. *Op. cit.* P. 152.

⁵⁷ Payne S. *Op. cit.* P. 187.

⁵⁸ См.: Turner H. *Fascism and Modernisation* // *World Politics.* 1972. V. 24. N. 4. P. 547 - 564; Turner H. (Ed.). *Reappraisals of Fascism.* N.Y., 1975. P. 117 - 139.

⁵⁹ См.: Stachura P.D. *Gregor Strasser and the Rise of Nazism.* L., 1983. P. 120.

⁶⁰ См.: Herf J. *The Engineer as Ideologue: Reactionary Modernists in Weimar and Nazi Germany* // *Journal of Contemporary History.* 1984. V. 19. N. 4. P. 631-648; Herf J. *Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich.* Cambridge etc.,

1986.

⁶¹ См.: Cassels A. Janus: The Two Faces of Fascism // Canadian Historical Papers. 1969. P. 166-184; Cassels A. The Two Faces of Fascism // In: Turner H. (Ed.). Reappraisals of Fascism. P. 69-92. Cassels A. Fascism. N.Y., 1975.

⁶² См.: Wippermann W. Faschismustheorien. Zum Stand den gegenwärtigen Diskussion. Darmstadt, 1975.

⁶³ См.: Wippermann W. Faschismustheorien. Zum Stand den gegenwärtigen Diskussion. Darmstadt, 1972. S. 96.

⁶⁴ Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск. 2001. С. 35.

⁶⁵ Kitchen M. Ernst Nolte and the phenomenologia of fascism // Science and Society. 1974. V. 38. N. 2. P. 137.

⁶⁶ См.: Payne S. Op. cit. P. 181.

⁶⁷ См.: Theorien uber den Faschismus. S. 449 ff.

⁶⁸ См.: Sauer W. National Socialism: Totalitarianism or Fascism? // The American Historical Review. 1967. V. 73. N. 2. P. 417.

⁶⁹ См.: Kitchen M. Fascism. N.Y. etc., 1976.

⁷⁰ См.: Payne S. Op. cit. P. 181.

⁷¹ См.: Schieder W. (Hrsg) Faschismus als Soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich Hamburg, 1976.

⁷² См.: Херстер-Филиппс У. «Спор историков» в ФРГ // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 48-55.

⁷³ См.: Nolte E. Between Myth and Revisionism. The Third Reich in the Perspective of the 1980' s // In: Koch H.W. (Ed.) Aspects of the Third Reich. P. 36.

⁷⁴ См.: Maier C.S. Immoral Equivalence. Revising the Nazi Past for the Kohl Era // The New Republic. 1986. December 1. P. 39-40; Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison. Cambridge, 1997; русский перевод: Коммунизм и национал-социализм: сравнительный анализ М, 2000.

⁷⁵ См.: Черкасов Н.С. «Спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 171-184.

⁷⁶ См.: Nazism and the Third Reich. N.Y., 1972; Turner H. (Ed.). Reappraisals of Fascism; Larsen S U., Haqtvet B , Myklebust J.P. (Eds.). Who were the Fascists? Social Roots of European Fascism. Bergen etc , 1980; Woolf S J. (Ed.). Fascism in Europe; Der Führerstaat: Mythos und Realitat. Stuttgart, 1981; The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. L., 1983; Hiden

J., Farguharson J. Op. cit.; Welch D. (Ed.). Nazi Propaganda. The Power and the Limitations. L. etc., 1983; Burleigh M. (Ed.). Confronting the Nazi Past. New Debates on Modern German History. L., 1996; Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison.

⁷⁷ См.: Aycoberry P. Social History of the Third Reich. N.Y., 2000; Burleigh. M. The Third Reich. A New History. L., 2001; Crew D.F. (Ed.). Nazism and German Society, 1933 - 1945. L.; N.Y., 2003.

⁷⁸ См.: Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 3.

⁷⁹ См.: Lampert H. Staatliche Sozialpolitik im Dritten Reich // En: Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hrsg.) Nationalsozialistische Diktatur. 1933 - 1945. Düsseldorf, 1983.

⁸⁰ См.: Бланк А.С. В сердце «третьего рейха». Из истории антифашистского Народного фронта в подполье. М., 1974; Гинцберг Л.И. Советские историки об истории фашизма и антифашистской борьбы в Германии (60-е - начало 80-х годов) // Новая и новейшая история 1985. № 2. С. 33- 48; он же. Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939-1945. М., 1987; Mason T. The Worker's Opposition in Nazi Germany // History Workshop. 1981. N 11. P. 120-137; Salter S. Structures of Consensus and Coercion: Worker's Morale and the Maintenance of Work Discipline, 1939-1945 // In: Welch D. (Ed.). Nazi Propaganda. The Power and the Limitations. P. 116; Burleigh M. Op. cit. P. 665-728.

⁸¹ См.: РГВА. Ф. 1235. Оп. 2. Д.4 б. Л.1., - 4 об.

⁸² См.: РГВА. Ф. 720.Оп. 7. Д. 35. Л. 239-240.

⁸³ См.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686.

⁸⁴ См.: РГВА. Ф. 720.Оп. 4. Д. 25. Л. 20, 22-22 об., 24-24 об., 27.

⁸⁵ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 3-20, 22,, 24-28,30.

⁸⁶ См.: РГВА. Ф. 501. Оп. 3. Д. 505. Л.168-169, 193.

⁸⁷ См.: ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 1;. Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 11-12.

⁸⁸ См.: Hofer W. Der nationalsozialismus. Dokumente 1933 - 1945. Frankfurt am Main, 1957; Lubasz H. Fascism. Three Major Regimes. N.Y. etc., 1973; Noakes J., Pridham G. Documents on Nazism, 1919 - 1945. N.Y , 1975; Ruge W., Schumann W. (Hrsg.). Dokumente zur deutschen Geschichte 1942 - 1945. B , 1977.

⁸⁹ Jahnke K N , Buddrus M. Deutsche Jugend 1933 - 1945. Eine Dokumentation. Hamburg, 1989, Klose W. Generation im Gleichrett. Ein Dokumentarbericht. Oldenburg - Hamburg, 1964.

⁹⁰ Vorlander H. Die NSV. Darstellung und Dokumentation einer nationalsozialisten Organisation Boppard am Rhein, 1988.

⁹¹ См : Reichsgesetzblatt (в дальнейшем - RGBL). 1934. Teil 1. N 7. S. 45-56.

- ⁹² Gesetz zum Schutze des Einzelhandels. Vom 12. Mai 1933 // En: Heuen W. Deutsches Handelsrecht. Ein Handbuch für den praktischen Gebrauch mit Anmerkungen aus der Rechtsprechung. B.; Munchen, 1944. S. 1278 - 1280, 1282 - 1283, 1296 - 1299.
- ⁹³ См.: RGBL. 1937. Teil 1. S. 41 - 70.
- ⁹⁴ См.: Begründung zum Deutschen Beamtengesetz vom 26. Januar 1937 // Deutscher Reichsanzeiger und Preußischer Staatsanzeiger. N 22. Vom 28. Januar 1937. S. 1. - РГВА. Ф. 1275. Оп. 5. Д. 378. Л. 4.
- ⁹⁵ RGBL. 1933. Teil 1. S. 326 - 327; RGBL. 193. Teil 1. S. 1158 - 1159; RGBL. 1943. Teil 1. S. 67.
- ⁹⁶ См.: Гитлер А. Моя борьба. ИТФ «Т-Око», 1992; Domarus M. Hitler: Reden und Proklamationen deutschen Zeitgenossen. Bd. 1. Wuerzburg, 1962; Domarus M. (Hg.) Hitler. Reden und Proklamationen 1932 - 1945. Bd. 2. München, 1965; The Speeches of Adolf Hitler. April 1922 - August 1939. V. 1. L.; N.Y., 1942; Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993; Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера 1941 - 1944. М., 2004.
- ⁹⁷ Розенберг А. Миф XX века Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Tallinn, 1998.
- ⁹⁸ См.: Schirach B. von. Die Hitler Jugend. Idee und Gestalt. B., 1934.
- ⁹⁹ См.: Scholtz - Klink G. Die Frau im Dritten Reich. Tübingen, 1978.
- ¹⁰⁰ См.: Lotz W. Beauty of Work in Germany. B., 1941.
- ¹⁰¹ См.: Гюнтер Г.Ф.К. Избранные работы по расологии. М., 2002; Крик Э. Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики. М., 2004; Knorr W. Kinderreicherungsauslese durch das Rassenpolitische Amt der NSDAP in Sachsen // Volk und Rasse. 1936. Jg. 11. N. 7; Knorr W. Das Ehrenkreuz der Deutschen Mutter // Volk und Rasse. 1939. Jg. 14. N. 3.
- ¹⁰² См.: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1933-1944. B., 1933-1944; Statistisches Handbuch von Deutschland (1928 - 1944). Munchen, 1949.
- ¹⁰³ См.: Шпеер А. Воспоминания. Смоленск; М., 1997.
- ¹⁰⁴ См.: Papen F. von. Memoirs. L. 1952; русский перевод: Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933-1947. М., 2005.
- ¹⁰⁵ См.: Hoffmann H. Hitler was my friend. L., 1955.
- ¹⁰⁶ См.: Юнге Т. Воспоминания секретаря Гитлера. До последнего часа. М., 2005.
- ¹⁰⁷ См.: Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск. 2003; Видеман Ф. Гитлер глазами его адъютанта // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 197-219; 1999. № 1. С. 208-228.
- ¹⁰⁸ См.: The Memoirs of Bridget Hitler. L., 1979.

- ¹⁰⁹ См.: Kersten F. The Kersten Memoirs 1940 - 1945. N.Y., 1957.
- ¹¹⁰ См.: Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. N.Y., 1981; Shirer W.L. The Nightmare Years. 1930 - 1940. V. 2. Boston; Toronto, 1984.
- ¹¹¹ См.: Gay P. My German Question. Growing up in Nazi Berlin. New Haven; L., 1998; Schmitt H.A. Lucky Victim. An Ordinary Life in Extraordinary Times 1933 - 1946. Baton Rouge, 1989.
- ¹¹² См.: Duncan J. What I Saw in Germany L., 1936; The long generation. Germany from Empire to Ruin, 1913 - 1945. N.Y., etc., 1973.
- ¹¹³ См.: Геббельс И. Последние записи. Смоленск. 1993; Агапов А.Б. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». Второе издание. М., 2004.
- ¹¹⁴ См.: Adolf Hitler. The Medical Diaries. The Private Diaries of Dr. Theo Morell. L., 1983.
- ¹¹⁵ См.: Дневник посла Додда. М., 1961.
- ¹¹⁶ См.: Fromm V. Blood and Banquets. A Berlin Social Diary. N.Y., 1942.
- ¹¹⁷ См.: The Berlin Diaries 1940 - 1945 of Marie «Missie» Vassiltchikov. L., 1987.
- ¹¹⁸ См.: The Bormann Letters: the private correspondence between Martin Bormann and his Wife from January 1943 to April 1945. L., 1954.
- ¹¹⁹ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 458.
- ¹²⁰ См.: Мининков Н.А. Методология истории. Ростов-на-Дону, 2004. С. 223-232.
- ¹²¹ См.: Жуков В И Российские реформы социология, экономика, политика. М., 2002. С. 306.

РАЗДЕЛ I

- ¹ Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах правления // Политические исследования. 1995. № 2. С. 10.
- ² Гитлер А. Моя борьба. М., 2000. С. 376.
- ³ Цит. по: Пленков О.Ю. Третий рейх. Социализм Гитлера. (Очерк истории и идеологии). СПб., 2004. С. 5.
- ⁴ См.: Nachtmann R. Industriearbeit im «Dritten Reich». Gottingen, 1989. S.32; Lampert H. Staatliche Sozialpolitik im Dritten Reich // En: Bracher K.-D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hrsg.). Nationalsozialistische Diktatur. 1933-1945. Düsseldorf, 1983. S. 190.
- ⁵ См.: Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 195.
- ⁶ Начало и исток (лат.).
- ⁷ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany // Politics and Society. 1985. V. 14. N 1. P. 41, прим. 29.

- ⁸ См.: Spohn W. Zur «Betriebsverfassung» im nationalsozialistischen Deutschland // Gewerkschaftliche Monatshefte. 1984. Jg. 35. N 9. S. 546-547.
- ⁹ См.: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit // Reichsgesetzblatt (в дальнейшем - RGLB). 1934. Teil I. S 45.
- ¹⁰ Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. Op. cit. P. 9.
- ¹¹ См.: Spohn W. Op. cit. S. 548.
- ¹² См.: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. S. 45.
- ¹³ См.: ebenda. S. 46.
- ¹⁴ См.: ebenda. S. 47.
- ¹⁵ См.: ebenda.. S. 53.
- ¹⁶ См.: ebenda S. 46.
- ¹⁷ См.: ebenda.S. 50.
- ¹⁸ См.: ebenda. S. 47.
- ¹⁹ См.: ibidem..
- ²⁰ См : Siegel T. Die gekaufte Arbeiterklasse? - Lohnpolitik im nationalsozialistischen Deutschland // Gewerkschaftliche Monatshefte. 1984. Jg. 35. N 9. S. 536; Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 10.
- ²¹ Цит. по: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. S. 50.
- ²² См.: ebenda. S. 46.
- ²³ См.: ebenda. S. 53.
- ²⁴ См.: Галкин А.А. Германский фашизм. С. 195.
- ²⁵ См.: Siegel T. Die gekaufte Arbeiterklasse? S. 537; Hachtmann R. Op. cit. S. 31.
- ²⁶ Schoenbaum D. Hitler's social revolution: class and status in Nazi Germany. 1933-1939. N.Y., 1966. P. 93.
- ²⁷ См.: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. S. 49.
- ²⁸ См.: ebenda. S. 47-48.
- ²⁹ См.: ebenda. S. 49.
- ³⁰ См.: ebenda S. 48.
- ³¹ См.: Hachtmann R. Op. cit. S. 33; Галкин А.А. Германский фашизм. С. 196.
- ³² См.: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. S. 48.
- ³³ См.: ebenda. S. 49.
- ³⁴ См.: Hachtmann R. Op. cit S. 32.
- ³⁵ См.: Spohn W. Op. cit. S. 553.
- ³⁶ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 11.

- ³⁷ Schoenbaum D. Op. cit. P. 93.
- ³⁸ См.: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. S. 50.
- ³⁹ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 95.
- ⁴⁰ См.: Hachtmann R. Op. cit. S. 33.
- ⁴¹ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 11.
- ⁴² См.: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. S. 52.
- ⁴³ Schoenbaum D. Op. cit. P. 94-95.
- ⁴⁴ См.: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. S. 51.
- ⁴⁵ См.: Lampert H. Op. cit. P. 190.
- ⁴⁶ См.: Stolleis M. The Law Under the Swastika. Studies on Legal History in Nazi Germany. Chicago; L., 1998. P.77.
- ⁴⁷ Spohn W. Op. cit. S. 546.
- ⁴⁸ См.: Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit. S. 46.
- ⁴⁹ Kershaw I. The Nazi Dictatorship. Problems and Perspectives of Interpretations. L., 1985. P. 141.
- ⁵⁰ Kershaw I. How Effective Was Nazi Propaganda? // In: Welch D. (Ed). Nazi Propaganda The Power and the Limitations. L.; Canberra, 1983. P. 188.
- ⁵¹ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. Oxford, 1984. P. 84-85.
- ⁵² Цит. по: Spohn W. Op. cit. S. 549.
- ⁵³ Siegel T. Die gekaufte Arbeiterklasse? S. 537.
- ⁵⁴ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 10.
- ⁵⁵ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 103.
- ⁵⁶ См.: Hachtmann R. Op. cit. S. 36.
- ⁵⁷ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 17.
- ⁵⁸ См.: ibid. P. 45, прим. 79.
- ⁵⁹ См.: ibid. P. 45, прим. 74.
- ⁶⁰ См.: Salter S. Structures of Consensus and Coercion: Workers' Morale and the Maintenance of Work Discipline, 1939-1945 // In: Welch D. (Ed.). Op. cit. P. 104.
- ⁶¹ См.: Siegel T. Die gekaufte Arbeiterklasse? S. 538.
- ⁶² См.: Salter S. Op. cit. P. 108.
- ⁶³ См.: Hachtmann R. Op. cit. S. 42-43.
- ⁶⁴ См.: ebenda. S. 43.
- ⁶⁵ См.: Bry G. Wages in Germany. 1871-1945. Princeton, 1960. P. 237.

- ⁶⁶ См.: Nachtmann R. Op. cit. S. 44.
- ⁶⁷ См.: ebenda. S. 43.
- ⁶⁸ См.: Bry G. Op. cit. P. 237, прим. 60; Галкин А.А. Германский фашизм. С. 198.
- ⁶⁹ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 16.
- ⁷⁰ См.: ibid. P. 45, прим. 75.
- ⁷¹ См.: ibid. P. 16.
- ⁷² См.: Nachtmann R. Op. cit. S. 43-44.
- ⁷³ Ерин М Е , Ермаков А М. «Имперская трудовая повинность» в нацистской Германии (1933-1945). Ярославль, 1998. С. 43.
- ⁷⁴ См : там же. С. 60-62, 151.
- ⁷⁵ См.: Nachtmann R. Op. cit. S. 46; Lampert H. Op. cit. S. 188.
- ⁷⁶ См.: Nachtmann R. Op. cit. S. 44; Lampert H. Op. cit. S. 188.
- ⁷⁷ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 44, прим. 70.
- ⁷⁸ См.: ibid. P. 44, прим. 71; P. 45, прим. 72.
- ⁷⁹ См.: Воропаев С. (Сост.). Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 231.
- ⁸⁰ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 45, прим. 80.
- ⁸¹ См.: ibid. P. 45, прим. 81.
- ⁸² Цит. по: Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии: легенды и действительность. М., 1962. С. 263.
- ⁸³ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany P. 9.
- ⁸⁴ См.: Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь, 2000. С. 170-171.
- ⁸⁵ См.: Воропаев С. (Сост.). Указ. соч. С. 149.
- ⁸⁶ Shirer W. The Nightmare Years: 1930-1940. V. II. Boston; Toronto, 1984. P. 202.
- ⁸⁷ Linz J.J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective // In: Laqueur W. (Ed.). Fascism A Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography. Berkeley; Los Angeles, 1978. P. 74.
- ⁸⁸ Lubasz H. Fascism: Three Major Regimes. N. Y.; Sydney; Toronto, 1973. P. 102-103.
- ⁸⁹ См.: Snyder L L. National Socialist Germany: Twelve Years that Shook the World. Malabar; Florida, 1984. P. 42.
- ⁹⁰ Цит. по: Noakes J, Pridham G. Documents on Nazism, 1919-1945. N.Y., 1975. P. 434. Doc. 10.
- ⁹¹ Lotz W. Beauty of Work in Germany. B., 1941. P. 57.
- ⁹² ТФ ГАРО. Ф. Р - 604. Оп. 1. Д. 12. Л. 155.

- ⁹³ См.: Grunberger R. The 12 – Year Reich. A Social History of Nazi Germany 1933-1945. N.Y. etc., 1971. P. 51.
- ⁹⁴ Цит. по: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. С. 395.
- ⁹⁵ Цит. по: Noakes J, Pridham G. Op. cit. P. 435. Doc. 11.
- ⁹⁶ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 80.
- ⁹⁷ См.: Aycoberry P. The Social History of the Third Reich. N. Y., 2000. P. 164.
- ⁹⁸ См.: В.Р. (статья подписана лишь инициалами). Nürnberg und die deutsche Sozialpolitik // Volk im Werden. 1935. Jg. 3. N. 7. S. 441.
- ⁹⁹ См.: Hachtmann R. Op. cit. S. 119.
- ¹⁰⁰ См.: ebenda. S. 31.
- ¹⁰¹ Smelser R. von. Die sozialplanung der deutscher Arbeitsfront // En: Prinz M., Zitelmann R. (Hrsg). Nationalsozialismus und Modernisierung. Darmstadt, 1991. S. 73.
- ¹⁰² Loeffler L. Rassen und Siedlungspolitik // Reichsplanung. 1936. N 10. S. 297.
- ¹⁰³ См : В.Р. Socialpolitische chronik // Volk im Werden. 1935. Jg. 3. N 8. S. 503.
- ¹⁰⁴ См.: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.). М., 1997. С. 215.
- ¹⁰⁵ См.: Aycoberry P. Op. cit. P. 161.
- ¹⁰⁶ См.: Prinz M. Op. cit. S. 292.
- ¹⁰⁷ См.: ebenda S. 217.
- ¹⁰⁸ См : Gillingham J. The «Deproletarianization» of German Society. Vocational Training in the Third Reich // Journal of Social History. Pittsburgh, 1986. V. 19. N 3. P. 423.
- ¹⁰⁹ См.: ibid P 424-425.
- ¹¹⁰ См.: Smelser R. von. Op. cit. S. 75.
- ¹¹¹ См.: Lampert H. Op. cit. S. 188.
- ¹¹² См.: Gillingham J. Op. cit. P. 424.
- ¹¹³ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 101.
- ¹¹⁴ См.: Smelser R. von. Op. cit. S. 75-76.; Prinz M. Op. cit. S. 213.
- ¹¹⁵ См.: РГВА. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 4^б. Л. 1.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 1 об.
- ¹¹⁷ См.: там же. Л. 2-2 об.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 3.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 4.
- ¹²⁰ Там же. Л. 4 об.

- ¹²¹ См.: Фрезе М. От «образцового национал-социалистического предприятия» к образцовому военному предприятию // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований М., 1997. С. 306.
- ¹²² См.: там же. С. 308.
- ¹²³ См.: там же. С. 307.
- ¹²⁴ См.: Prinz M. Op. cit. S. 204.
- ¹²⁵ См.: Пленков О.Ю. Указ. соч. С. 109.
- ¹²⁶ См.: Buchholtz W. Die Nationalsozialistische Gemeinschaft "KdF". Freizeitgestaltung und Arbeiterschaft im Dritten Reich. Inaug. Diss. Munchen, 1976. S. 23-24.
- ¹²⁷ РГВА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 7. Л. 85-86.
- ¹²⁸ См.: там же. Л. 87.
- ¹²⁹ B.R. Nurnberg und die deutsche Sozialpolitik. S. 442.
- ¹³⁰ См.: Merritt M A Strength through Joy: Regimented Leisure in Nazi Germany // In: Nazism and Common Man: Essays in German History (1929-1939). Washington, 1981. P. 74-76.
- ¹³¹ См.: Rutherford W. Hitler's Propaganda Machine. L., 1978. P. 167.
- ¹³² См.: Merritt M.A. Op. cit. P. 75.
- ¹³³ Цит. по: Schoenbaum D. Op. cit. P. 111.
- ¹³⁴ РГВА. Ф. 500. Оп. 4. Д. 330. Л. 7.
- ¹³⁵ РГВА. Ф. 501. Оп. 3. Д. 505. Л. 168-169.
- ¹³⁶ Там же. Л. 193.
- ¹³⁷ См.: Aycoberry P. Op. cit. P. 166-167.
- ¹³⁸ См.: Merritt M.A. Op. cit. P. 73.
- ¹³⁹ См.: Berghahn V.R. Modern Germany. Society, economy and politics in the twentieth century. Cambridge etc., 1982. P. 141.
- ¹⁴⁰ См.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 441. Doc. 16.
- ¹⁴¹ См.: ibid. P. 439-440; Merritt M.A. Op. cit. P. 78-79.
- ¹⁴² См.: Merritt M.A. Op. cit. P. 80.
- ¹⁴³ См.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 440. Doc. 14.
- ¹⁴⁴ См.: Пленков О.Ю. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁴⁵ Lotz W. Op. cit. P. 14.
- ¹⁴⁶ Цит. по: Schoenbaum D. Op. cit. P. 112.
- ¹⁴⁷ Lotz W. Op. cit. P. 14.
- ¹⁴⁸ Цит. по: Grunberger R. Op. cit. P. 50.

- ¹⁴⁹ РГВА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 7. Л. 89-91.
- ¹⁵⁰ Цит. по: Peukert D.J.K. Inside Nazi Germany: Conformity, opposition, and nazism in everyday life. New Haven; L., 1987. P. 195.
- ¹⁵¹ См.: Fromm B. Blood and Banquets. A Berlin Social Diary. N.Y., 1942. P. 258-259.
- ¹⁵² Цит. по: The long generation. Germany from Empire to Ruin, 1913-1945. N.Y. etc., 1973. P. 239.
- ¹⁵³ См.: ibid. P. 236.
- ¹⁵⁴ Shirer W.L. The Nightmare Years. P. 203.
- ¹⁵⁵ См.: Snyder L L. Op. cit. P. 199.
- ¹⁵⁶ См.: Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. N.Y., 1981. P. 266
- ¹⁵⁷ См.: Buchholtz W. Op. cit. S. 216.
- ¹⁵⁸ См.: Fromm B. Op. cit. P. 237.
- ¹⁵⁹ См.: Koonz C. Mothers in the Fatherland. Women, the Family and Nazi Politics. N.Y., 1987. P. 199.
- ¹⁶⁰ РГВА. Ф. 501. Оп. 3. Д. 505. Л. 89.
- ¹⁶¹ См.: там же. Л. 90 об.
- ¹⁶² См.: РГВА. Ф. 500. Оп. 4. Д. 330. Л. 49.
- ¹⁶³ См.. там же. Л. 49 об.
- ¹⁶⁴ РГВА. Ф. 501. Оп. 3. Д. 505. Л. 197.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 199.
- ¹⁶⁶ ТФ ГАРО. Ф. Р - 604. Оп. 1. Д. 12. Л. 163 об.
- ¹⁶⁷ См.: Пленков О.Ю. Указ соч С. 112.
- ¹⁶⁸ См.: Kater M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders, 1919-1945. Cambridge, 1983. P. 80.
- ¹⁶⁹ См.: Nelson W.H. Small Wonder. The Amazing Story of Volkswagen. Boston; Toronto, 1970. P. 66.
- ¹⁷⁰ См.: ibid. P. 40, 46-47, 67.
- ¹⁷¹ См.: Speer A. Spandau. The Secret Diaries. N.Y., 1977. P. 172.
- ¹⁷² Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С. 209.
- ¹⁷³ См.: Shirer W. L. The Rise and Fall of the Third Reich. P. 267; Nelson W.H. Op. cit. P. 59.
- ¹⁷⁴ Цит. по: Nelson W.H. Op. cit. P. 69-70.
- ¹⁷⁵ См.: Kater M.H. Op. cit. P. 80-81.
- ¹⁷⁶ Шпеер А. Воспоминания. Смоленск; М., 1997. С. 98.
- ¹⁷⁷ Цит. по: O'Sullivan N. Fascism. L; Melbourne, 1983. P. 110.

- ¹⁷⁸ См.: Prinz M. Op. cit. S. 203.
- ¹⁷⁹ См.: Aycoberry P. Op. cit. P. 165-166.
- ¹⁸⁰ Шпеер А. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁸¹ См.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 438; Buchholtz W. Op. cit. P. 83.
- ¹⁸² Lotz W. Op. cit. P. 12, 15-16.
- ¹⁸³ Ibid. P. 28.
- ¹⁸⁴ Ibid. P. 59.
- ¹⁸⁵ Ibid. P. 60.
- ¹⁸⁶ См.: Rabinbach A. The Aesthetics of Production in the Third Reich // Journal of Contemporary History. 1976. V. 11. N 4. P. 49.
- ¹⁸⁷ Цит. по: Prinz M. Op. cit. S. 218.
- ¹⁸⁸ См.: ebenda. S. 223.
- ¹⁸⁹ См.: ebenda. S. 219-220.
- ¹⁹⁰ См.: ebenda. S. 222.
- ¹⁹¹ См.: Kater M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders, 1919-1945. P. 79.
- ¹⁹² См.: ibid. P. 80.
- ¹⁹³ Peukert D.J.K. Op. cit. P. 109.
- ¹⁹⁴ См.: Buchholtz W. Op. cit. S. 30.
- ¹⁹⁵ Цит. по: Merritt M.A. Op. cit. P. 72.
- ¹⁹⁶ Neumann F. Behemoth The Structure and Practice of National Socialism. 1933-1944. N.Y., 1963. P. 429.
- ¹⁹⁷ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 110.
- ¹⁹⁸ См.: Rabinbach A. Op. cit. P. 64.
- ¹⁹⁹ См.: Mosse G.L. Nazi Culture. Intellectual, Cultural and Social Life in the Third Reich. N.Y., 1968. P. 342.
- ²⁰⁰ Цит. по: Overy R.J. Goering. The «Iron Man». L. etc., 1984. P. 84.
- ²⁰¹ См.: Nelson W.H. Op. cit. P. 18, 68.
- ²⁰² Lüdtke A. The «Honor of Labor»: Industrial workers and the power of symbols under National Socialism // In: Crew D.F. (Ed.). Nazism and German Society, 1933-1945. L.; N. Y., 2003. P. 69-70.
- ²⁰³ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 28.
- ²⁰⁴ См.: Siegel T. Die gekaufte Arbeiterklasse? S. 536.
- ²⁰⁵ См.: Grill J.H. The Nazi Movement in Baden, 1920-1945. Chapel Hill, 1983. P. 308.

- ²⁰⁶ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 309-310.
- ²⁰⁷ См.: Salter S. Op. cit. P. 103-104.
- ²⁰⁸ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 309.
- ²⁰⁹ Цит. по: Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft, 1939-1945. Bd. II: 1941-1943. B., 1985. S. 251.
- ²¹⁰ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 311.
- ²¹¹ Smelser R. von Op. cit. S. 80.
- ²¹² См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 15. Л. 15.
- ²¹³ Там же. Л. 21.
- ²¹⁴ РГВА. Ф. 1363 Оп. 3. Д. 27. Л. 20.
- ²¹⁵ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-2.
- ²¹⁶ РГВА. Ф. 1363 Оп. 3. Д. 4. Л. 28.
- ²¹⁷ См.: Buchholtz W. Op. cit. S. 313-314.
- ²¹⁸ РГВА Ф. 1363. Оп. 3. Д. 4. Л. 1.
- ²¹⁹ См.: Buchholtz W. Op. cit. S. 318.
- ²²⁰ См.: ebenda. S. 315.
- ²²¹ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 4. Л. 18.
- ²²² См.: Harrison T. The Theory and Practice of National Socialism // European History Quarterly. 1988. V. 18. N 3. P. 375-376.
- ²²³ См.: Overy R.J. Goering The "Iron Man". 1984. P. 99.
- ²²⁴ См.: Siegfried K.J. Racial Discrimination At Work: Forced Labour In The Volkswagen Factory, 1939-1945 // In: Burleigh M. (Ed.). Confronting The Nazi Past. New Debates on Modern German History. L , 1996. P. 38.
- ²²⁵ См.: Smelser R. von. Op. cit. S. 73.
- ²²⁶ Ibid. S. 76-77.
- ²²⁷ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 303.
- ²²⁸ См.: Berghahn V.R. Op. cit. P. 141.
- ²²⁹ См.: Merson A. Nazis and monopoly capital // Our History. Pamphlet 57. Summer 1973. P. 7.
- ²³⁰ См.: Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany. P. 9.
- ²³¹ См.: Kitchen M. Fascism. L., 1976. P. 53.

- ²³² Пленков О.Ю. Указ. соч С. 94.
- ²³³ Herbert U. «The Real Mystery in Germany». The German Working Class During the Nazi Dictatorship // In: Burleigh M. (Ed.). *Confronting the Nazi Past*. P. 28-29.
- ²³⁴ ТФ ГАРО. Ф. Р-604. Оп. 1. Д. 12. Л. 158.
- ²³⁵ Цит. по: Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945*. P. 373.
- ²³⁶ Lampert H. Op cit. S. 191.
- ²³⁷ Burleigh M. *The Third Reich. A New History*. L., 2001. P. 67.
- ²³⁸ См.: Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945*. P. 311.
- ²³⁹ Гизевиус Б.Г. До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск, 2002. С. 533-534.
- ²⁴⁰ См.: Wulff B. *The Third Reich and the Unemployed: National Socialist Work - Creation Schemes in Hamburg 1933 - 4* // In: Evans R.J., Jeary D. (Eds.). *Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich*. L.; Sydney, 1987. P. 281-282.
- ²⁴¹ Герече Г. Я был королевско-прусским советником Мемуары политического деятеля. М, 1977. С. 212, 216.
- ²⁴² См.: Lampert H Op cit. S. 179.
- ²⁴³ См.: Silverman D P. *Fantasy and Reality in Nazi Work - Creation Programs, 1933-1936* // *Journal of Modern History*. 1993. V. 65. N 1. P. 117-118.
- ²⁴⁴ См.: Wulff B. Op. cit. P. 283.
- ²⁴⁵ См.: Silverman D P. Op cit. P. 118.
- ²⁴⁶ См.: Wulff B. Op. cit. P. 283.
- ²⁴⁷ См.: Silverman D.P. Op. cit. P. 118.
- ²⁴⁸ См.: *ibidem*.
- ²⁴⁹ См.: Wulff B. Op. cit. P. 283.
- ²⁵⁰ См.: *ibid*. P. 287.
- ²⁵¹ См.: Berghahn V.R. Op cit P. 147.
- ²⁵² См : Silverman D.P. Op. cit P. 121, 126-127.
- ²⁵³ См.: Lampert H. Op. cit. S. 186.
- ²⁵⁴ См.: Milward A. *War, Economy and Society, 1939-1945*. L., 1977. P. 24.
- ²⁵⁵ См.: Overy R.J. *Transportation and Rearmament in the Third Reich* // *Historical Journal*. 1973. V. 16. N 2. P. 390-393.
- ²⁵⁶ См.: Silverman D.P. Op. cit. P. 114-115.

- ²⁵⁷ См.: *ibid.* P. 115-116.
- ²⁵⁸ См.: Overy R.J. *The Nazi Economic Recovery. 1932-1938.* L., 1982. P.47.
- ²⁵⁹ См.: Whaley B. *Covert Rearmament in Germany 1919-1939: Deception and Misperseption // The Journal of Strategic Studies.* 1982. V. 5. N 1. P. 19.
- ²⁶⁰ Гизевиус Г.Б. Указ соч. С. 344.
- ²⁶¹ См.: Berghahn V.R. *Op. cit.* P. 147.
- ²⁶² См.: Overy R J. *The Nazi Economic Recovery.* P. 54.
- ²⁶³ Цит. по: Noakes J., Pridham G. *Op. cit.* P. 380.
- ²⁶⁴ Цит. по: Silverman D.P. *Op. cit.* P. 115, прим. 9.
- ²⁶⁵ Цит. по: *ibid.* P. 115-116, прим. 9.
- ²⁶⁶ См · Noakes J., Pridham G. *Op cit.* P. 381.
- ²⁶⁷ См.: Berghahn V.R. *Op. cit.* P. 147.
- ²⁶⁸ См.: Гизевиус Г.Б. Указ соч С. 344.
- ²⁶⁹ Цит. по: Гереке Г. Указ. соч. С. 232-233.
- ²⁷⁰ См.: Видеман Ф. Гитлер глазами его адъютанта // *Новая и новейшая история.* 1998. N 5. С. 215; 1999. N 1. С. 222-223.
- ²⁷¹ Fromm В. *Op. cit.* P. 182.
- ²⁷² Цит. по: Воропаев С. (Сост.). Указ. соч. С. 15.
- ²⁷³ Цит. по: Shand J.D. *The Reichsautobahn: Symbol for the Third Reich // Journal of Contemporary History.* 1984. V. 19. N 2 P. 197.
- ²⁷⁴ См.: Overy R.J. *The Nazi Economic Recovery.* P. 48-49.
- ²⁷⁵ См.: Schweitzer A. *Big Business in the Third Reich.* L., 1964. P. 297.
- ²⁷⁶ См.: Overy R.J. *The Nazi Economic Recovery.* P. 50.
- ²⁷⁷ См.: Freeman M. *Atlas of Nazi Germany.* L.;Sydney, 1987. P. 116.
- ²⁷⁸ См.: Noakes J., Pridham G. *Op. cit.* P. 50.
- ²⁷⁹ См.: Overy R. J. *Transportation and Rearmament in the Third Reich.* P. 399.
- ²⁸⁰ См.: Silverman D.P. *Op. cit.* P. 119-120.
- ²⁸¹ Цит. по: Herf J. *Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich.* Cambridge etc., 1986. P. 204-205.
- ²⁸² См.: Lampert H. *Op. cit.* S. 186.
- ²⁸³ См.: Silverman D.P. *Op. cit.* P. 121.
- ²⁸⁴ См.: *ibid.* P. 128,129, прим. 46.
- ²⁸⁵ См.: Wulff В. *Op. cit.* P. 285.

- ²⁸⁶ См.: *ibid.* P. 299, 129, прим. 12.
- ²⁸⁷ См.: *ibid.* P. 286, 289.
- ²⁸⁸ См.: Overy R.J. «Unemployment in the Third Reich» // *Business History*. 1987. V.29. P. 272.
- ²⁸⁹ См.: Klein B.H. *Germany's Economic Preparations for War* // In: Koch H.W. (Ed.). *Aspects of the Third Reich*. N.Y., 1985. P. 362.
- ²⁹⁰ См.: Hachtmann R. *Op. cit.* S. 38-39; Lampert H. *Op. cit.* S. 186.
- ²⁹¹ См.: Lampert H. *Op. cit.* S. 187.
- ²⁹² См.: Overy R.J. *The Nazi Economic Recovery*. P. 28-29.
- ²⁹³ См.: Silverman D.P. *Op. cit.* P. 113.
- ²⁹⁴ См.: Mason T.W. *Sozialpolitik im Dritten Reich*. Opladen, 1977. S. 127-128, 134, 138-139.
- ²⁹⁵ См.: Silverman D.P. *Op. cit.* P. 114.
- ²⁹⁶ См.: Hachtmann R. *Op. cit.* S. 37.
- ²⁹⁷ См.: Silverman D.P. *Op. cit.* P. 114, прим. 7.
- ²⁹⁸ См.: Aycoberry P. *Op. cit.* P. 161.
- ²⁹⁹ См.: Lampert H. *Op. cit.* S. 185.
- ³⁰⁰ См.: Nicholls A.G. *Germany* // In: Woolf S.J. (Ed.). *Fascism in Europe*. L.; N.Y., 1981. P. 81.
- ³⁰¹ См.: Mason T.W. "The legacy of 1918 for National Socialism" // In: Nicholls A., Mathias E. (Eds.) *German Democracy and Triumph of Hitler. Essays on Recent German History*. L., 1971. P. 230.
- ³⁰² См.: Hachtmann R. *Op. cit.* S. 41-42.
- ³⁰³ См.: Mason T.W. *The Worker's Opposition in Nazi Germany* // *History Workshop*. 1981. Issue 11. P. 122.
- ³⁰⁴ См.: Hachtmann R. *Op. cit.* S. 42.
- ³⁰⁵ См.: *ebenda.* S. 42-43.
- ³⁰⁶ См.: *ebenda.* S. 44.
- ³⁰⁷ См.: Lampert H. *Op. cit.* S. 188.
- ³⁰⁸ Цит. по: Hachtmann R. *Op. cit.* S. 46.
- ³⁰⁹ См.: Grunberger R. *Op. cit.* P. 188; Mason T.W. *The Workers' Opposition in Nazi Germany*. P. 126.
- ³¹⁰ См.: Siegel T. *Wage Policy in Nazi Germany*. P. 6.
- ³¹¹ См.: Milward A.S. *Fascism and the Economy* // In: Laqueur W. (Ed.). *Op. cit.* P. 391.
- ³¹² См.: Overy R.J. *The Nazi Economic Recovery*. P. 34.
- ³¹³ См.: Mason T.W. *The Worker's Opposition in Nazi Germany*. P. 124.
- ³¹⁴ См.: Aycoberry P. *Op. cit.* P. 168.
- ³¹⁵ См.: Kater M.H. *The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders, 1919-1945*. P. 118.

- ³¹⁶ См.: Mason T.W. The Worker's Opposition in Nazi Germany. P. 129.
- ³¹⁷ См.: Bry G. Op. cit. P. 236.
- ³¹⁸ См.: Aron R. Is there a Nazi Mystery?//Encounter. 1980. V. 54. N6. P. 31.
- ³¹⁹ См.: Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich. P. 264.
- ³²⁰ См.: Freeman M. Op. cit. P. 125.
- ³²¹ См.: Berghahn V.R. Op. cit. P. 139.
- ³²² См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 87.
- ³²³ См : Berghahn V.R. Op. cit. P. 139; Grunberger R. Op. cit. P. 192; Sator K. Grosskapital im Faschismus: Dargestellt am Beispiel der IG - Farben. Frankfurt a. M., 1978. S. 35.
- ³²⁴ См.: Фолькманн Х.-Э. Советский Союз в экономических расчетах «третьего рейха». 1933-1941 годы // Отечественная история. 1997. №2. С.78.
- ³²⁵ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 204; Schoenbaum D. Op. cit. P. 105.
- ³²⁶ См.:ibid.P.204.
- ³²⁷ См.: Overy R.J. The Nazi Economic Recovery. P. 59.
- ³²⁸ Ibid. P. 60.
- ³²⁹ См.: Bry G. Op cit. P. 234.
- ³³⁰ См.: Полян П. Жертвы двух диктатур. М., 2002. С. 61.
- ³³¹ См.: Nachtmann R. Op. cit. S. 54.
- ³³² См : ebenda. S. 62.
- ³³³ См.: Herbert U. «The Real Mystery in Germany». The German Working Class During the Nazi Dictatorship // In: Burleigh M. (Ed.). Confronting the Nazi Past. P. 31.
- ³³⁴ См.: Gillingham J. Op. cit. P. 428.
- ³³⁵ Полян П. Указ. соч. С. 59.
- ³³⁶ См.: Herbert U. Arbeit und Vernichtung. Okonomisches Interesse und Primat der «Weltanschauung» im Nationalsozialismus // En: Herbert U. (Hg.). Europa und der «Reichseinsatz». Ausländische Zivilarbeiter Kriegesefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938-1945. Essen, 1991. S. 398-399.
- ³³⁷ РГВА. Ф 720. Оп. 4. Д 25. Л. 20.
- ³³⁸ Там же. Л. 22.
- ³³⁹ Там же. Л. 22 об.
- ³⁴⁰ Там же. Л. 24.
- ³⁴¹ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 28. Л. 161-162.

- ³⁴² РГВА. Ф. 720. Оп. 4. Д. 25. Л. 24. об.
- ³⁴³ См.: Sullik A. Volkstumspolitik und Arbeitseinsatz. Zwangsarbeiter in der Großindustrie Oberschlesiens // En: Herbert U. (Hg.). Europa und der «Reichseinsatz». S. 120.
- ³⁴⁴ См.: Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. С. 264-265; Штрайт К. Советские военнопленные – массовые депортации – принудительные рабочие // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований С. 593.
- ³⁴⁵ Цит. по: Штрайт К. Указ. соч. С. 595.
- ³⁴⁶ См.: Bry G. Op. cit. P. 253.
- ³⁴⁷ См.: Sullik A. Op. cit. S. 119.
- ³⁴⁸ См.: ebenda. S. 120
- ³⁴⁹ ТФ ГАРО. Ф. Р - 604. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.
- ³⁵⁰ ТФ ГАРО. Ф. Р - 513. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.
- ³⁵¹ ТФ ГАРО. Ф. Р - 604. Оп. 1. Д. 12. Л. 62 об.
- ³⁵² См.: Полян П. Указ. соч. С. 131.
- ³⁵³ См.: там же. С. 93.
- ³⁵⁴ Цит. по: Muller R.J. Die Rekrutierung sowjetischer Zwangsarbeiter für die deutsche Kriegswirtschaft // En: Herbert U. (Hg.). Europa und der «Reichseinsatz». S. 237.
- ³⁵⁵ См.: РГВА Ф. 720. Оп. 4. Д. 25. Л. 22.
- ³⁵⁶ См.: Muller R J. Op. cit. S. 238-239
- ³⁵⁷ См.: ebenda. S. 241.
- ³⁵⁸ См.: ebenda. S. 240.
- ³⁵⁹ ТФ ГАРО. Ф. Р - 513. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.
- ³⁶⁰ РГВА Ф. 720. Оп. 4. Д. 25. Л. 27.
- ³⁶¹ См.: Dokumente zur deutschen Geschichte 1942-1945. В., 1977 S. 90. Док. 59.
- ³⁶² См.: Штрайт К. Указ. соч. С. 595-596; Muller R.J. Op. cit. S. 234.
- ³⁶³ Манчестер У. Стальная империя Круппов. М., 2003. С. 481.
- ³⁶⁴ См.: Bry G. Op. cit. P. 252-253.
- ³⁶⁵ См.: Eichholtz D. Op. cit. S. 270.
- ³⁶⁶ См.: Siegfried K.-J. Op. cit. P. 39-40,42-43.
- ³⁶⁷ См.: Herbert U. «The Real Mystery in Germany». The German Working Class During the Nazi Dictatorship. P. 32; Пингель Ф. Узники концлагерей: уничтожение и принудительный труд // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты иссле-

дований. С. 626.

³⁶⁸ Цит. по: Полян П. Указ. соч. С. 63.

³⁶⁹ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 201.

³⁷⁰ См.: Stachura P.D. National Socialism and the German Proletariat, 1925-1935: Old Myths and New Perspectives // The Historical Journal. 1993. V. 36. N. 3. P. 717.

³⁷¹ Цит. по: Манчестер У. Указ. соч. С. 466.

³⁷² См.: Herbert U. Arbeit und Vernichtung Okonomisches Interesse und Primat der «Weltanschauung» im Nationalsozialismus. S. 407.

³⁷³ См.: Homze E.L. Foreign Labor in Nazi Germany. Princeton (N.J.), 1967. P. 247.

³⁷⁴ См.: Bry G. Op. cit. P. 253.

³⁷⁵ См.: Homze E.L. Op. cit. P. 246.

³⁷⁶ См.: Eichholtz D. Op. cit S. 279.

³⁷⁷ См.: Herbert U. Arbeit und Vernichtung Ökonomisches Interesse und Primat der «Weltanschauung» im Nationalsozialismus. S. 409-410.

³⁷⁸ См.: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 2000. С. 430.

³⁷⁹ См.: там же. С. 462.

³⁸⁰ Цит. по: Соколов В.Б. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 262.

³⁸¹ См : Homze E.L. Op. cit. P. 233.

³⁸² См.: Bry G. Op. cit. P. 252.

³⁸³ См.: Berghahn V.R. Op. cit. P. 276.

³⁸⁴ См.: Herbert U. «The Real Mystery in Germany». The German Working Class During the Nazi Dictatorship. P. 31.

³⁸⁵ См.. Homze E L. Op. cit. P. 234.

³⁸⁶ См.: Siegfried K.-J. Op. cit. P. 45.

³⁸⁷ См : Nachtmann R. Op. cit S. 49.

³⁸⁸ См.: Пингель Ф. Указ. соч. С. 626.

³⁸⁹ См.: Dokumente zur deutschen Geschichte 1942-1945. S. 80.

³⁹⁰ См · Nachtmann R. Op. cit S. 49-50.

³⁹¹ См : Мюллер Р.Д. Насильственное рекрутирование «восточных рабочих» 1941-1944гг. //В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 617.

³⁹² См.: Gillingham J. Op. cit. P. 428.

³⁹³ См : Kater M.H. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders, 1919-1945. P. 117.

³⁹⁴ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д 28. Л. 186.

- ³⁹⁵ Там же. Л. 187.
- ³⁹⁶ В декабре этого года заработная плата рабочих горнорудной промышленности была увеличена (см.: Eichholtz D. *Op. cit.* S. 257).
- ³⁹⁷ См.: Grunberger R. *Op. cit.* P. 204.
- ³⁹⁸ См.: РГВА. Ф. 720. Оп. 7. Д. 35. Л. 597 об.
- ³⁹⁹ См.: Grunberger R. *Op. cit.* P. 31.
- ⁴⁰⁰ Цит. по: Herbert U. «The Real Mystery in Germany». *The German Working Class During the Nazi Dictatorship.* P. 31.
- ⁴⁰¹ См.: Grunberger R. *Op. cit.* P. 201.
- ⁴⁰² См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 28. Л. 56.
- ⁴⁰³ См.: Eichholtz D. *Op. cit.* S. 254.
- ⁴⁰⁴ См.: Berghahn V.R. *Op. cit.* P. 272.
- ⁴⁰⁵ См.: Grunberger R. *Op. cit.* P. 191; Hachtmann R. *Op. cit.* S. 53.
- ⁴⁰⁶ См.: Bry G. *Op. cit.* P. 275.
- ⁴⁰⁷ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 16. Л. 9.
- ⁴⁰⁸ См.: Siegel T. *Wage Policy in Nazi Germany.* P. 31.
- ⁴⁰⁹ См.: Salter S. *Op. cit.* P. 108.
- ⁴¹⁰ ШМИДТ П. Переводчик Гитлера. Смоленск., 2001. С. 72-73.
- ⁴¹¹ Purcell H. *Fascism.* L., 1977. P. 40.

РАЗДЕЛ II

- ¹ См.: Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972; Руге В. Как Гитлер пришел к власти: Германский фашизм и монополии. М., 1985; Burleigh M. *The Third Reich. A New History.* L., 2001.
- ² См.: Kater M.H. *The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders, 1919-1945.* Cambridge, 1983. P. 38-39, 57-58; Lepsius M.R. *From Fragmented Party Democracy to Government by Emergency Decree and National Socialist Takeover: Germany* // In: Linz J.J., Stephan A. (Eds.). *The Breakdown of Democratic Regimes.* Baltimore; L., 1978. P. 57.
- ³ См.: Hagtvet B. *The Theory of Mass Society and the Collapse of the Weimar Republic: A Re-Examination* // In: Larsen S.U., Hagtvet B., Myklebust J.P. (Eds.). *Who Were the Fascists. Social Roots of European Fascism.* Bergen etc., 1980. P. 100-101; Kater M.H. *Op. cit.* P. 56-57.
- ⁴ См.: Сидоров А.Н. Ремесленники в фашистской Германии. М.-Л., 1936. С. 46; Schweitzer A. *Big Business in the Third Reich.* L., 1964. P. 231.

- ⁵ См.: Leppert-Fogen A. Die deklassierte Klasse: Studien zur Geschichte und Ideologie des Kleinbürgertums. Frankfurt a. M., 1974. S. 205.
- ⁶ Цит. по: Lubasz H. Fascism. Three Major Regimes. N. Y. etc., 1973. P. 78.
- ⁷ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 161.
- ⁸ См.: Nicholls A.G. Germany // In: Woolf S.J. (Ed.). Fascism in Europe. L.; N. Y., 1981. P. 82-83.
- ⁹ См.: Schoenbaum D. Hitler's Social Revolution: class and status in Nazi Germany. 1933-1939. N. Y., 1966. P. 137.
- ¹⁰ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 160-161.
- ¹¹ См.: Grunberger R. The 12 - Year Reich. A Social History of Nazi Germany 1933-1945. N Y.etc., 1971. P. 169.
- ¹² См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 235.
- ¹³ См.: ibid. P. 161,226-227.
- ¹⁴ См.: Пленков О.Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004. С. 364.
- ¹⁵ См.: Keller B. Das Handwerk in faschistischen Deutschland. Zum Problem des Massenbasis. Köln, 1980. S. 88.
- ¹⁶ См.: Taylor S. Prelude to Genocide. Nazi Ideology and the Struggle for Power. L., 1985. P. 162.
- ¹⁷ См.: Grill J.H. The Nazi Movement in Baden, 1920-1945. Chapel Hill, 1983. P. 296.
- ¹⁸ См.: Gesetz zum Schutze des Einzelhandels. Vom 12. Mai 1933 // En: Heuen W. Deutsches Handelsrecht. Ein Handbuch für den praktischen Gebrauch mit Anmerkungen aus der Rechtsprechung. B.; Munchen, 1944. S. 1280.
- ¹⁹ См.: Keller B. Op. cit. S. 105.
- ²⁰ См.: Gesetz zum Schutze des Einzelhandels. Vom 12. Mai 1933. S. 1278.
- ²¹ См.: ebenda. S. 1279.
- ²² См.: Taylor S. Op. cit. P. 173.
- ²³ См.: Keller B. Op. cit. S. 106.
- ²⁴ См.: Taylor S. Op. cit. P. 164.
- ²⁵ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 140.
- ²⁶ См.: ibid. P. 136.
- ²⁷ См.: ibid. P. 158.
- ²⁸ См.: Keller B. Op. cit. S. 106.
- ²⁹ См.: ebenda. S. 108-109.
- ³⁰ См.: ebenda. S. 123.
- ³¹ См.: ebenda. S. 124-125.

- ³² См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 143.
- ³³ Цит. по: Noakes J., Pridham G. Documents on Nazism. 1919-1945. N. Y., 1975. P. 378.
- ³⁴ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 297.
- ³⁵ См.: Taylor S. Op. cit. P. 161.
- ³⁶ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 298.
- ³⁷ См.: Keller B. Op. cit. S. 115.
- ³⁸ См.: ebenda. S. 107; Schweitzer A. Op. cit. P. 120; Taylor S. Op. cit. P. 163.
- ³⁹ См.: Keller B. Op. cit. S. 108.
- ⁴⁰ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 173.
- ⁴¹ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 120, Taylor S. Op. cit. P. 165.
- ⁴² См.: Keller B. Op. cit. S. 109.
- ⁴³ См.: ebenda. S. 126-128
- ⁴⁴ Цит. по: ebenda S. 129-130.
- ⁴⁵ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 147.
- ⁴⁶ См.: Сидоров А.Н. Фашизм и городские средние слои в Германии. М.; Л., 1936. С. 134.
- ⁴⁷ См.: Keller B. Op. cit. S. 110-111.
- ⁴⁸ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 144-145.
- ⁴⁹ См.: Taylor S. Op. cit. P. 167.
- ⁵⁰ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 145.
- ⁵¹ См.: Keller B. Op. cit. S. 112
- ⁵² См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 146.
- ⁵³ См.: Keller B. Op. cit. S. 112-113; Schoenbaum D. Op. cit. P. 145.
- ⁵⁴ См.: Keller B. Op. cit. S. 114-115.
- ⁵⁵ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 122
- ⁵⁶ См.: Keller B. Op. cit. S. 113.
- ⁵⁷ См.: Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 252, 257-258.
- ⁵⁸ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 163.
- ⁵⁹ См.: Keller B. Op. cit. S. 138.
- ⁶⁰ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 164.
- ⁶¹ См.: ibid. P. 169-170.
- ⁶² См.: ibid. P. 158-159, 161.
- ⁶³ РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 250. Л. 19-20.
- ⁶⁴ См.: там же. Л. 23.

- ⁶⁵ См.: там же. Л. 20-21.
- ⁶⁶ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 171.
- ⁶⁷ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 231.
- ⁶⁸ См.: Keller B. Op. cit. S. 145.
- ⁶⁹ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 235.
- ⁷⁰ См.: Keller B. Op. cit. S. 142.
- ⁷¹ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 174.
- ⁷² См.: Keller B. Op. cit. S. 92-93.
- ⁷³ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 165-166; Hachtmann R. *Industriearbeit im "Dritten Reich"*. Göttingen, 1989. S. 45.
- ⁷⁴ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 172, 182.
- ⁷⁵ См.: Keller B. Op. cit. S. 143-144; Schweitzer A. Op. cit. P. 233-234.
- ⁷⁶ См.: Keller B. Op. cit. S. 93.
- ⁷⁷ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 166.
- ⁷⁸ См.: *ibid.* P. 174; Schoenbaum D. Op. cit. P. 137; Keller B. Op. cit. S. 93.
- ⁷⁹ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 178-179.
- ⁸⁰ См.: *ibid.* P. 172-173.
- ⁸¹ См.: Keller B. Op. cit. S. 90, Schoenbaum D. Op. cit. P. 140; Taylor S. Op. cit. P. 163.
- ⁸² См.: Keller B. Op. cit. S. 89, 91; Schweitzer A. Op. cit. P. 184-186.
- ⁸³ См.: Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945*. Oxford, 1984. P. 127-128.
- ⁸⁴ Schweitzer A. Op. cit. P. 165.
- ⁸⁵ См.: Keller B. Op. cit. S. 91-92.
- ⁸⁶ См.: Залесский К. А. *Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь*. М., 2002. С. 185.
- ⁸⁷ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 186, 189-190.
- ⁸⁸ См.: *ibid.* P. 190.
- ⁸⁹ См.: *ibid.* P. 192-193.
- ⁹⁰ Gesetz zur Durchführung des Vierjahresplans – Bestellung eines Reichskommissars für die Preisbildung. Vom 29. Oktober 1936 // En: Heun W. Op. cit. S. 1296-1297.
- ⁹¹ См.: *ebenda.* S. 1297-1298.
- ⁹² См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 233.
- ⁹³ См.: Verordnung über das Verbot von Preiserhöhungen. Vom 26. November 1936 // En: Heun

W. Op. cit. S. 1298.

⁹⁴ См.: ebenda. S. 1298-1299.

⁹⁵ См.: ebenda. S. 1299.

⁹⁶ См.: Keller B. Op. cit. S. 91.

⁹⁷ См.: Schweitzer A. Op. cit P. 268-269, 193.

⁹⁸ Mosse G. L. Nazi Culture Intellectual, Cultural and Social Life in the Third Reich. N. Y., 1968. P. 364.

⁹⁹ См.: Schweitzer A. Op. cit P. 270, 272-273.

¹⁰⁰ См : Keller B. Op. cit. S. 119-120.

¹⁰¹ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 271.

¹⁰² См.: Keller B. Op. cit. S. 122; Schweitzer A. Op cit. P. 272.

¹⁰³ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 274.

¹⁰⁴ См.: ibid. P. 281; Grunberger R. Op. cit. P. 170.

¹⁰⁵ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 146-147.

¹⁰⁶ См.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 22. Л. 25-26.

¹⁰⁷ Там же. Л. 29.

¹⁰⁸ См.: там же Л. 30-31.

¹⁰⁹ См : там же. Л. 31.

¹¹⁰ См.: там же. Л. 33.

¹¹¹ См.: там же. Л. 35.

¹¹² См.: там же. Л. 36.

¹¹³ См.: там же. Л. 37-38.

¹¹⁴ См.: там же. Л. 38-39.

¹¹⁵ См.: Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. N.Y., 1981. P. 262.

¹¹⁶ См.: Keller B. Op. cit. S. 139.

¹¹⁷ См.: Verordnung zur Beseitigung der Übersetzung im Einzelhandel. Vom 16. März 1939 // RGBL. – 1939. – Teil 1. – S. 498.

¹¹⁸ См.: Kitchen M. Fascism. N.Y , 1976. P. 55.

¹¹⁹ См.: Erste Anordnung zur Durchführung der Verordnung zur Beseitigung der Übersetzung im Einzelhandel. Vom 16. März 1939 // En: Heun W. Op. cit. S. 1284.

¹²⁰ Ebenda. S. 1285.

¹²¹ Ebenda. S. 1287.

- ¹²² CM.: Zweite Anordnung zur Durchführung der Verordnung zur Beseitigung der Übersetzung im Einzelhandel. Vom 23. Dezember 1939 // RGBl – 1939. – Teil 1. – S. 2504.
- ¹²³ CM.: Milward A. *Fasism and the Economy* // In: Laqueur W. (Ed.). *Fascism. A Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography*. Berkeley; Los Angeles, 1978. P. 395; Milward A.S. *Towards a Political Economy of Fascism* // In: Larsen S.U., Hagtvet B., Myklebust J.P. (Eds.). *Op. cit.* P. 58.
- ¹²⁴ CM.: Schoenbaum D. *Op. cit.* P. 138.
- ¹²⁵ CM.: Aycoberry P. *The Social History of The Third Reich. 1933-1945*. N.Y., 2000. P. 148.
- ¹²⁶ CM.: Schoenbaum D. *Op. cit.* P. 139; Grunberger R. *Op. cit.* P. 170.
- ¹²⁷ CM.: Schweitzer A. *Op. cit.* P. 232.
- ¹²⁸ CM.: ПГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 22 Л. 27.
- ¹²⁹ CM.: Keller B. *Op. cit.* S. 141.
- ¹³⁰ Kuhn A., Rothe V. *Frauen im deutschen Faschismus*. Bd. 2.: *Frauenarbeit und Frauenwiderstand im NS-Staat*. Dusseldorf, 1987. S. 104.
- ¹³¹ CM.: ПГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 22. Л. 28.
- ¹³² Mosse G.L. *Op. cit.* P. 362.
- ¹³³ CM : Peukert D J K. *Inside Nazi Germany: Conformity, opposition and racism in everyday life*. New Haven; L , 1987. P. 88.
- ¹³⁴ CM : Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945*. P. 153.
- ¹³⁵ CM.: *ibid.* P. 120-121, 141-142, 144-146.
- ¹³⁶ CM.: *ibid.* P. 153-154.
- ¹³⁷ CM : Hachtmann R. *Op. cit.* S. 48.
- ¹³⁸ CM : Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945*. P. 316.
- ¹³⁹ CM : Grill J.H. *Op. cit.* P. 298.
- ¹⁴⁰ CM.: Kater M.H. *Op. cit.* P. 120.
- ¹⁴¹ CM.: Aycoberry P. *Op. cit.* P. 148-149.
- ¹⁴² CM.: Kater M.H. *Op. cit.* P. 85-87; Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945*. P. 315-317.
- ¹⁴³ CM.: *ibid.* P. 318-319.
- ¹⁴⁴ CM.: ПГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 7. Л. 43-44.
- ¹⁴⁵ Цит. по: там же. Л. 44-45.
- ¹⁴⁶ CM.: *Verordnung über Preisbindungen*. Vom 23. November 1940 // En: Heun W. *Op. cit.* S. 1300.
- ¹⁴⁷ Ebenda S. 1301.

¹⁴⁸ Ebenda. S. 1302.

¹⁴⁹ См.: Kater M.H. Op. cit. P. 119.

¹⁵⁰ См.: Winkler H.A. From Social Protectionism to National Socialism: The German Small -Business Movement in Comparative Perspective // The Journal of Modern History. 1976. V.48. N 1. P. 12-13.

¹⁵¹ См.: Керль Г. Военная экономика и военная промышленность // В кн.: Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.; М., 1998. С. 377.

¹⁵² Keller B. Op. cit. S. 145-146.

¹⁵³ См.: Verordnung zur Änderung und Ergänzung von Vorschriften auf dem Gebiete des Handelsrechts. Vom 24. Januar 1940 // En: Heun W. Op. cit. S. 1623.

¹⁵⁴ См.: Keller B. Op. cit. S. 150

¹⁵⁵ См.: ebenda. S. 145.

¹⁵⁶ См.: Verordnung zur Durchführung der Marktaussicht in der gewerblichen Wirtschaft und zur Vereinfachung des Organisationswesens auf dem Gebiete der Marktregelung (Marktaussichtsverordnung). Vom 20. Oktober 1942 // En: Heun W. Op. cit. S. 1275, 1277.

¹⁵⁷ См.: ebenda. S. 1276-1277.

¹⁵⁸ См.: Реккер М.-Л. Между социальным умиротворением и материальной эксплуатацией // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 351, прим. 17.

¹⁵⁹ См.: Kater M H. Op. cit. P. 120.

¹⁶⁰ См.: Keller B. Op. cit. S. 146.

¹⁶¹ См.: Реккер М.-Л. Указ. соч. С. 351, прим. 19.

¹⁶² См.: Prinz M. Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen. Die Entwicklung des sozialen status der Angestellten von der Weimarer Republik bis zum Ende des NS-Zeit. Munchen, 1986. S. 278.

¹⁶³ См.: Реккер М.-Л. Указ. соч. С. 344; Keller B. Op. cit. S. 146.

¹⁶⁴ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 181.

¹⁶⁵ См.: Keller B. Op. cit. S. 117-118.

¹⁶⁶ См.: ebenda. S. 146.

¹⁶⁷ См.: Grill J H. Op. cit. P. 270-271.

¹⁶⁸ См.: ibid. P. 298; Merson A. Nazis and monopoly capital // Our History. 1973. P. 7; Salter S. Structures of Consensus and Coercion: Workers' Morale and the Maintenance of Work Discipline, 1939-1945 // In: Welch D. (Ed.). Nazi Propaganda. The Power and the Limitations. L.; Canberra, 1983. P. 95; Noakes J. Nazism and Revolution // In: O'Sullivan N. (Ed). Revolutionary

Theory and Political Reality. Brighton; Sussex, 1983. P. 91.

¹⁶⁹ См.: Keller B. Op. cit. S. 151.

¹⁷⁰ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 36.

¹⁷¹ См.: Farguharson J.E. The plough and the swastika. The NSDAP and Agriculture in Germany 1928-45. L ; Beverly Hills, 1976. P. 282.

¹⁷² См.: Lubasz H. Op. cit. P. 78.

¹⁷³ См.: Farguharson J.E. Op cit. P. 26.

¹⁷⁴ См.: Munkel D. Bauerliche Interessen Versus NS-Ideologie // Vierteljahrshrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Jg. 44. N. 4. S. 549-550.

¹⁷⁵ См.: Gessner D. The Dilemma of German Agriculture During the Weimar Germany // In: Social Change and Political Development in Weimar Germany. L.; Totowa (New Jersey), 1981. P. 151.

¹⁷⁶ См : Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). Ростов-на-Дону, 1979. С. 52.

¹⁷⁷ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 12.

¹⁷⁸ См.: Passchier N. The Electoral Geography of the Nazi Landslide. The Need for Community Studies // In: Larsen S.U., Hagtvet B., Myklebust J.P. (Eds.). Op cit P. 290.

¹⁷⁹ См.: Heberle R Landvolkerurg und Nationalsozialismus: Eine soziologische Untersuchung der politischen Willensbildung in Schleswig - Holstein, 1918 bis 1932. Stuttgart, 1963. S. 46.

¹⁸⁰ См : Tilton T. Nazism, neo-Nazism and the Peasantry. Bloomington; L., 1975. P. 46.

¹⁸¹ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 43-44; Hiden J., Farguharson J. Explaining Hitler's Germany. Historians and the Third Reich Totowa; New Jersey, 1983. P. 100.

¹⁸² Подробнее см.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945гг.). С. 61-66.

¹⁸³ См.: Бросцат М. Тысячелетний рейх. М., 2004. С. 314.

¹⁸⁴ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 198.

¹⁸⁵ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 57-58.

¹⁸⁶ Lovin C.R. Agricultural Reorganization in the Third Reich: The Reich Food Corporation (Reichsnahrstand), 1933-1936 // Agricultural History. 1969. V. 43. N 4. P. 448-449.

¹⁸⁷ Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 77.

¹⁸⁸ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 154.

¹⁸⁹ Lovin C.R. Op. cit P. 450.

¹⁹⁰ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945гг.). С. 78.

¹⁹¹ Бросцат М. Указ. соч. С. 321.

- ¹⁹² См.: Grunberger R. Op. cit P. 155.
- ¹⁹³ См.: Lovin C.R. Op. cit P 459.
- ¹⁹⁴ См.: *ibid.* P. 448.
- ¹⁹⁵ Подробнее см.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945гг.) С. 79-80.
- ¹⁹⁶ См.: Lovin C.R. Op. cit P. 453-454.
- ¹⁹⁷ См.: *ibid.* P. 456-457.
- ¹⁹⁸ См.: *ibid.* P. 458-459.
- ¹⁹⁹ См.: *ibid.* P. 458.
- ²⁰⁰ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 60.
- ²⁰¹ См.: *ibid.* P. 66.
- ²⁰² См.: Munkel D. Op. cit S. 550.
- ²⁰³ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 163
- ²⁰⁴ См.: *ibid.* P. 177.
- ²⁰⁵ См.: Lovin C.R. Op. cit. P. 459-460.
- ²⁰⁶ См.: Farguharson J E Op. cit. P. 178.
- ²⁰⁷ См.: *ibid.* P. 176.
- ²⁰⁸ См.: *ibid.* P. 179. В скобках приведены данные по: Barkai A. Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus. Der historische und ideologische Hintergrund 1933-36. Köln, 1977. S. 182. По мясу, жирам, хлебу цифры в обоих источниках сходятся.
- ²⁰⁹ РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686. Л. 55-56.
- ²¹⁰ См.: Farguharson J E. Op. cit. P. 177.
- ²¹¹ См.: *ibid.* P. 166.
- ²¹² См.: *ibid.* P. 171-172. '
- ²¹³ См.: *ibid.* P. 162.
- ²¹⁴ См.: *ibid.* P. 177.
- ²¹⁵ См.: Milward A S. Towards a Political Economy of Fascism // In: Larsen S.U., Hagtvet B., Myklebust J.P. (Eds.). Op. cit. P. 58.
- ²¹⁶ См : Farguharson J.E. Op. cit. P. 180.
- ²¹⁷ См.: *ibid.* P. 239.
- ²¹⁸ См.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686. Л. 60-61 об.
- ²¹⁹ См.: там же. Л. 62-62 об.
- ²²⁰ См.: там же. Л. 62 об.- 63.
- ²²¹ См : РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д 22. Л. 8.

- ²²² См.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686. Л. 64.
- ²²³ См.: там же. Л. 72.
- ²²⁴ См.: там же. Л. 63 об.
- ²²⁵ См.: там же. Л. 56 об. - 57.
- ²²⁶ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 177.
- ²²⁷ См.: ibid P. 181.
- ²²⁸ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P 170.
- ²²⁹ См.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686. Л. 56-57.
- ²³⁰ См.: там же. Л. 64-64 об.
- ²³¹ См.: Abelshauer W. Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1999. Jg. 47. N4. S. 525.
- ²³² См.: Barkai A. Op. cit. S. 118.
- ²³³ См.: Lovin C.R. Op. cit. P. 460.
- ²³⁴ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 300.
- ²³⁵ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 51.
- ²³⁶ См.: Barkai A. Op. cit. S. 362.
- ²³⁷ См.: ebenda S. 121.
- ²³⁸ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 169-171.
- ²³⁹ См.: ibid. P. 180.
- ²⁴⁰ См.: Schweitzer A Op. cit P. 193-194.
- ²⁴¹ См.: ibid. P. 195.
- ²⁴² См.: Hiden J., Farguharson J. Op. cit. P. 100.
- ²⁴³ См.: Lovin C.R. Op. cit. P. 461.
- ²⁴⁴ Ibid. P. 450.
- ²⁴⁵ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 165.
- ²⁴⁶ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945гг.). С. 87.
- ²⁴⁷ См.: Dr. Kuhn. Agrarpolitik und Landflucht // Reichsplanung. 1936. N 6. S. 179.
- ²⁴⁸ См.: Roos H.S. von. Zum Problem der deutschen Landarbeiterschicht // Reichsplanung. 1937. Jg. 3. N 5/6. S. 118.
- ²⁴⁹ См.: ebenda. S. 119.
- ²⁵⁰ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 157.
- ²⁵¹ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 178.
- ²⁵² См.: Roos H.S. von. Op. cit. S. 120.

- ²⁵³ Bardow E. Landarbeitswohnungsbau (vergleichende Ruckschau und Ausblick) // Reichsplanung. 1937. Jg. 3.N 5/6. S. 115.
- ²⁵⁴ Schroeter E. Volksbiologische Forderungen der Landarbeitersiedlung // Ebenda. S. 121.
- ²⁵⁵ CM.: ebenda. S. 122.
- ²⁵⁶ CM.: ebenda. S. 124.
- ²⁵⁷ CM.: ebenda. S. 125-126.
- ²⁵⁸ CM.: ebenda. S. 122.
- ²⁵⁹ CM.: Grunberger R. Op. cit. P. 158; Schoenbaum D. Op. cit. P. 178.
- ²⁶⁰ CM.: Schoenbaum D. Ibidem.
- ²⁶¹ CM.: Grunberger R. Op. cit. P. 157.
- ²⁶² CM.: ibidem.
- ²⁶³ CM.: Barkai A. Op. cit. S. 117.
- ²⁶⁴ CM.: Grill J.H. Op. cit. P. 302.
- ²⁶⁵ CM.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 58-59.
- ²⁶⁶ CM.: Grunberger R. Op. cit. P. 162.
- ²⁶⁷ CM : Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 59.
- ²⁶⁸ CM · Schoenbaum D. Op. cit. P. 186.
- ²⁶⁹ CM ibid P. 182-183.
- ²⁷⁰ РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 22. Л. 1-2.
- ²⁷¹ CM.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 226.
- ²⁷² CM.: РГВА. Ф. 519. Оп. 4. Д. 63. Л. 10.
- ²⁷³ CM.: там же. Л. 10 об.
- ²⁷⁴ CM.: там же. Л. 11.
- ²⁷⁵ CM.: там же. Л. 26.
- ²⁷⁶ Kuhn A., Rothe V. Op. cit. Bd. 2. Q. 91. S. 76.
- ²⁷⁷ CM.: Barkai A. Op. cit. S. 118.
- ²⁷⁸ CM.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 456-457.
- ²⁷⁹ CM.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686. Л. 26.
- ²⁸⁰ CM.: Taylor S. Op. cit. P. 170-171; Schoenbaum D. Op. cit. P. 184.
- ²⁸¹ CM.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686. Л. 33 об.
- ²⁸² CM.: там же. Л. 34.

- ²⁸³ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 174.
- ²⁸⁴ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 153.
- ²⁸⁵ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 175; Schoenbaum D. Op. cit. P. 174.
- ²⁸⁶ См.: ПГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 22. Л. 2.
- ²⁸⁷ См.: Kater M.H. Op. cit. P. 106; Milward A.S. Fascism and the Economy. P. 35.
- ²⁸⁸ Kuhn A., Rothe V. Op. cit. Bd. 2. Q. 92. S. 79.
- ²⁸⁹ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 173.
- ²⁹⁰ См.: Lovin C.R. Op. cit. P. 461.
- ²⁹¹ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 171.
- ²⁹² См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 80-81.
- ²⁹³ См.: Kater M.H. Op. cit. P. 89.
- ²⁹⁴ См.: Lovin C.R. Op. cit. P. 456, прим. 31.
- ²⁹⁵ См.: Barkai A. Op. cit. S. 336.
- ²⁹⁶ См.: Grundmann F. Agrarpolitik im Dritten Reich. Anspruch und Wirklichkeit des Reichserbhofgesetzes. Hamburg, 1979. S. 36-37.
- ²⁹⁷ Ebenda. S. 39.
- ²⁹⁸ См.: ebenda. S. 41.
- ²⁹⁹ См.: Munkel D. Op. cit. S. 551.
- ³⁰⁰ Grundmann F. Op. cit. S. 43.
- ³⁰¹ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм крестьянство (1933-1945 гг.). С. 96.
- ³⁰² См.: Wunderlich F. Farm Labor in Germany. 1810-1945. Princeton, 1961. P. 173.
- ³⁰³ См.: Loeffler L. Rassen - und Siedlungspolitik // Reichsplanung. 1936. N10. S. 296.
- ³⁰⁴ См.: Grundmann F. Op. cit. S. 45-46.
- ³⁰⁵ См.: ebenda. S. 49.
- ³⁰⁶ См.: Munkel D. Op. cit. S. 555-556.
- ³⁰⁷ Grundmann F. Op. cit. S. 48.
- ³⁰⁸ Farguharson J.E. Op. cit. P. 62.
- ³⁰⁹ См.: Munkel D. Op. cit. S. 561.
- ³¹⁰ См.: ebenda. S. 563.
- ³¹¹ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 130-131.
- ³¹² См.: Wunderlich F. Op. cit. P. 164.
- ³¹³ См.: Munkel D. Op. cit. S. 564.
- ³¹⁴ См.: ebenda. S. 565-566.

- ³¹⁵ См.: ebenda. S. 568.
- ³¹⁶ См.: Grundmann F. Op. cit. S. 46-47.
- ³¹⁷ См.: Munkel D. Op. cit. S. 568.
- ³¹⁸ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм крестьянство (1933-1945 гг.). С. 97.
- ³¹⁹ См · Munkel D. Op. cit. S. 551.
- ³²⁰ См · Grundmann F. Op. cit S. 52.
- ³²¹ См.: ebenda. S. 49.
- ³²² См.: Munkel D. Op. cit S. 571-573.
- ³²³ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 165.
- ³²⁴ См.: ibid. P. 121-122.
- ³²⁵ См.: Munkel D. Op. cit. S. 553.
- ³²⁶ См : Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 43
- ³²⁷ См.: Wunderlich F. Op. cit. P. 172.
- ³²⁸ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 115.
- ³²⁹ Dr. Kuhn Op. cit. S. 178
- ³³⁰ См.: Farguharson J.E. Op cit P. 114.
- ³³¹ См.: Barkai A. Op. cit. S. 116.
- ³³² См.: Munkel D. Op. cit. S. 558.
- ³³³ См.: ebenda S. 573-574.
- ³³⁴ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 136.
- ³³⁵ См.: Munkel D. Op. cit. S. 575.
- ³³⁶ См.: ebenda. S. 576.
- ³³⁷ См.: Wunderlich F. Op cit. P. 169-170.
- ³³⁸ См.: Munkel D. Op. cit S. 556-557.
- ³³⁹ См.: ebenda. S. 555.
- ³⁴⁰ См.: Farguharson J.E. Op cit. P. 133.
- ³⁴¹ См.: Munkel D. Op. cit. S. 577.
- ³⁴² См.: ebenda. S 560.
- ³⁴³ См.: Wunderlich F. Op. cit. P. 171.
- ³⁴⁴ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 119-120.
- ³⁴⁵ См.: Munkel D. Op. cit. S. 566.
- ³⁴⁶ См : Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 43.
- ³⁴⁷ См.: Grundmann F. Op. cit. S. 56-57.

- ³⁴⁸ См.: ebenda. S. 59-60.
- ³⁴⁹ См.: Münkler D. Op. cit. S. 559.
- ³⁵⁰ См.: Wunderlich F. Op. cit. P. 171.
- ³⁵¹ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 100-101.
- ³⁵² См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 144.
- ³⁵³ Гитлер А. Моя борьба. ИТФ «Т-Око», 1992. С. 556-557.
- ³⁵⁴ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 202-204.
- ³⁵⁵ Dr. Kuhn. Op. cit. S. 177-178.
- ³⁵⁶ Loeffler L. Op. cit. S. 299.
- ³⁵⁷ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 203.
- ³⁵⁸ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 156.
- ³⁵⁹ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 300-301.
- ³⁶⁰ Farguharson J.E. Op. cit. P. 253.
- ³⁶¹ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 205; Farguharson J.E. Op. cit. P. 155; Taylor S. Op. cit. P. 171.
- ³⁶² См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 104.
- ³⁶³ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 166.
- ³⁶⁴ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 148-149.
- ³⁶⁵ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 169.
- ³⁶⁶ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 204.
- ³⁶⁷ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 150, 154.
- ³⁶⁸ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 206
- ³⁶⁹ См.: ibid. P. 205.
- ³⁷⁰ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 155.
- ³⁷¹ См.: ibid. P. 158.
- ³⁷² См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 105.
- ³⁷³ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 151.
- ³⁷⁴ Grundmann F. Op. cit. S. 60-61.
- ³⁷⁵ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 181.
- ³⁷⁶ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 66-67.
- ³⁷⁷ См.: Taylor S. Op. cit. P. 169.
- ³⁷⁸ Ibid. P. 170.
- ³⁷⁹ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 303.
- ³⁸⁰ См.: Kuhn A., Rothe V. Op. cit. Bd. 2. S. 74-75.

- ³⁸¹ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 300.
- ³⁸² См.: Peterson E N. The Limits of Hitler's Power. Princeton; New Jersey, 1969. P. 420.
- ³⁸³ См.: Barkai A. Op. cit. S. 181.
- ³⁸⁴ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 168.
- ³⁸⁵ См.: Freeman M. Atlas of Nazi Germany. L.; Sydney, 1987. P. 108.
- ³⁸⁶ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 171-172; Taylor S. Op. cit P 168.
- ³⁸⁷ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 184.
- ³⁸⁸ См.: Schweitzer A. Op. cit. P. 210.
- ³⁸⁹ См.: Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. Ростов-на-Дону, 1990. С. 19-20, 23.
- ³⁹⁰ См.: там же. С 28, 31.
- ³⁹¹ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 149-150.
- ³⁹² См.. Staatsarchiv Potsdam. Reichsministerium für Ernährung und Landwirtschaft. Abt. I-II. Akten betreffend Verwaltungsvorschriften. Kriegswirtschaft usw. von 1.9. 1939 bis 17 pr. 1941. Bd. 1. s. Fortsetzung Bd. 2. Nr. 24.941. Л. 76-77.
- ³⁹³ См.: ebenda. Л. 77-78.
- ³⁹⁴ Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 175.
- ³⁹⁵ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 234.
- ³⁹⁶ См.: ibid. P. 232; Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 283.
- ³⁹⁷ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 302.
- ³⁹⁸ См.: Керль Г. Указ. соч. С. 369.
- ³⁹⁹ См.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 22. Л. 2.
- ⁴⁰⁰ См.: там же. Л. 3.
- ⁴⁰¹ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 235.
- ⁴⁰² См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 286.
- ⁴⁰³ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 170.
- ⁴⁰⁴ См.: Homze E. Foreign Labor in Nazi Germany. Princeton, 1967. P. 235.
- ⁴⁰⁵ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 283; 287-288.
- ⁴⁰⁶ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 302.
- ⁴⁰⁷ РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 55. Л. 41.

- ⁴⁰⁸ Там же. Л. 42.
- ⁴⁰⁹ Там же. Л. 43.
- ⁴¹⁰ Там же. Л. 44-45.
- ⁴¹¹ См.: Kuhn A., Rothe V. Op. cit. Bd. 2. S. 74.
- ⁴¹² См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 291.
- ⁴¹³ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 175.
- ⁴¹⁴ См.: Kutz M. Kriegsfahrung und Kriegsvorbereitung. Die agrarwirtschaftliche Vorbereitung Hintergrund der Weltkrieg I - Erfahrung // Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. 1984. Jq. 32. N. 1 S. 17.
- ⁴¹⁵ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 231; Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 283.
- ⁴¹⁶ См.: Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. С. 80.
- ⁴¹⁷ См.: Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.) С. 172.
- ⁴¹⁸ Lehmann J. Agrarpolitik, Land - und Ernährungswirtschaft in Deutschland 1939 bis 1945 // Studia Historiae Oeconomicae, 1982. Poznan, 1983. V. XVII. S. 174, 181.
- ⁴¹⁹ См.: Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны С. 80-81.
- ⁴²⁰ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 288.
- ⁴²¹ См.: Freeman M. Op. cit. P. 109.
- ⁴²² См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 231; Lehmann J. Op. cit. S. 186-187.
- ⁴²³ См. Lehmann J. Op. cit. S. 187.
- ⁴²⁴ Рике Г.-И. Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время войны // В кн.: Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. С. 462.
- ⁴²⁵ Там же. С. 449.
- ⁴²⁶ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 222.
- ⁴²⁷ См.: ibid. P. 227.
- ⁴²⁸ См.: ibid. P. 225.
- ⁴²⁹ Рике Г.-И. Указ. соч. С. 464-465.
- ⁴³⁰ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 228.
- ⁴³¹ См.: Kutz M. Op. cit. S. 4, 11-12.

- ⁴³² См.: Milward A.S. War, Economy and Society. 1939-1945. L., 1977. P. 261.
- ⁴³³ См.: Мюллер Р.-Д. «Народное сообщество»: продовольственная проблема, эксплуатация и уничтожение // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 193.
- ⁴³⁴ Рике Г.-И. Указ. соч. С. 457.
- ⁴³⁵ См.: Gassner G. Zwischen Kindern, Kuche und Kanonen. Die Arbeit der Munchnerinnen im Zweiten Weltkrieg // En: Kraft S. (Hg.). Zwischen der Fronten Munichner Frauen in Krieg und Frieden 1900-1950. Munchen, 1995. S. 228-229.
- ⁴³⁶ См.: Milward A.S. War, Economy and Society. 1939-1945. P. 288.
- ⁴³⁷ См.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686. Л. 90.
- ⁴³⁸ См.: Farguharson J.E. Op. cit P. 242.
- ⁴³⁹ Рике Г.-И. Указ. соч. С. 465, 468.
- ⁴⁴⁰ См.: РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 686. Л. 86 об.
- ⁴⁴¹ См.: там же. Л. 87 об.
- ⁴⁴² См.: там же. Л. 87.
- ⁴⁴³ См.: там же. Л. 88-89.
- ⁴⁴⁴ См.: там же. Л. 89.
- ⁴⁴⁵ См.: Рике Г.-И. Указ. соч С. 452.
- ⁴⁴⁶ См.: Farguharson J.E. Op cit. P. 231, 238-239.
- ⁴⁴⁷ См.: Statistisches Handbuch von Deutschland (1928-1944). Munchen, 1949. S. 215.
- ⁴⁴⁸ См.: Milward A S. War, Economy and Society. 1939-1945. P. 261-263.
- ⁴⁴⁹ Рике Г.-И. Указ. соч. С. 465-466.
- ⁴⁵⁰ См.: РГВА. Ф. 503. Оп. 1. Д. 438. Л. 15.
- ⁴⁵¹ См.: Grunberger R. Op. cit. P. 164.
- ⁴⁵² Рике Г.-И. Указ. соч. С. 451.
- ⁴⁵³ См.: Kater M.H. Op. cit. P. 122; Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 283-284.
- ⁴⁵⁴ См.: Farguharson J E. Op cit. P. 230.
- ⁴⁵⁵ Рике Г.-И. Указ соч. С. 465.
- ⁴⁵⁶ См.: Анিকেев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). С. 182.
- ⁴⁵⁷ См.: Farguharson J.E. Op. cit. P. 239.
- ⁴⁵⁸ См.: Lehmann J. Op. cit. S. 189.
- ⁴⁵⁹ См.: Рике Г.-И. Указ. соч. С. 461.

- ⁴⁶⁰ См.: Kutz M. Op. cit. S. 28.
- ⁴⁶¹ См.: Statistisches Handbuch von Deutschland (1928-1944). S. 527.
- ⁴⁶² См.: Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. С. 70.
- ⁴⁶³ См.: Munkel D. Op. cit. S. 552, 567; Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. С. 71.
- ⁴⁶⁴ См.: Welch D. The Third Reich. Politics and Propaganda. L.; N. Y., 2002. P. 145.
- ⁴⁶⁵ См.: Burleigh M. The Third Reich. A New History. L., 2001. P. 766.
- ⁴⁶⁶ См.: Юнге Т. Воспоминания секретаря Гитлера. До последнего часа. М., 2005. С. 58.
- ⁴⁶⁷ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 303.
- ⁴⁶⁸ См.: Kershaw I. The «Hitler Myth». Image and Reality in the Third Reich. Oxford, 1987. P. 213-214.
- ⁴⁶⁹ Kater M.H. Op. cit. P. 123.
- ⁴⁷⁰ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 291.
- ⁴⁷¹ См.: ibid. P. 295.
- ⁴⁷² См.: Stachura P.D. Who Were the Nazis? A Socio-Political Analysis of National-Socialist Machtubernahme // European Studies Review. 1981. V. 1. N 3. S. 296; Nicholls A.J. Germany // In: Woolf S.J. (Ed.) Fascism in Europe. L.; N.Y., 1981. P. 77-78; Winkler H.-A. German Society, Hitler and the Illusion of Restoration 1930-33 // Journal of Contemporary History. 1976. V.11. N4. P. 2.
- ⁴⁷³ Grill J.H. Op. cit. P. 265.
- ⁴⁷⁴ Winkler H.-A. From Social Protectionism to National Socialism: The German Small - Business Movement in Comparative Perspective. P. 10.
- ⁴⁷⁵ См.: Stachura P.D. Who Were the Nazis? P. 317.
- ⁴⁷⁶ См.: Галкин А.А. Указ. соч. С. 233.
- ⁴⁷⁷ Jarausch K.H. The Crisis of German Professions 1918-33 // Journal of Contemporary History. 1985. V. 20. N 3. P. 389.
- ⁴⁷⁸ См.: ibid. P. 391.
- ⁴⁷⁹ См.: ibid. P. 392.
- ⁴⁸⁰ См.: Stachura P.D. Who Were the Nazis? P. 302.
- ⁴⁸¹ См.: Noakes J. Nazism and Revolution. P. 80-81.
- ⁴⁸² См.: Галкин А.А. Указ. соч. С. 232.
- ⁴⁸³ См.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 228.
- ⁴⁸⁴ См.: ibid. P. 229.
- ⁴⁸⁵ См.: Carr W. Hitler. A Study in Personality and Politics. N.Y., 1979. P. 69.

- ⁴⁸⁶ Noakes J., Pridham G. Op cit. P. 229-230.
- ⁴⁸⁷ Ibid P. 230.
- ⁴⁸⁸ См.: Caplan J. Civil Service Support for National Socialism. P. 179.
- ⁴⁸⁹ См.: Noakes J., Pridham G Op. cit. P. 231.
- ⁴⁹⁰ См.: ibid. P. 230.
- ⁴⁹¹ См.: Muhl-Benninghaus S. Das Beamtentums in der NS-Diktatur bis zum Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. Düsseldorf, 1996. S. 33-34.
- ⁴⁹² Эта оппозиционная Гитлеру организация так называемых «левых» национал-социалистов с центром в Праге, возглавляемая Отто Штрассером и Вальтером Штенне-сом, была создана в мае 1930 года.
- ⁴⁹³ См.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 37.
- ⁴⁹⁴ См.: ebenda. S. 34-35.
- ⁴⁹⁵ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 143.
- ⁴⁹⁶ См.: Muhl-Benninghaus S. Op cit. S. 107-108.
- ⁴⁹⁷ См.: Kershaw I. Popular and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 118.
- ⁴⁹⁸ См.: Muhl-Benninghaus S Op cit. S. 40-41.
- ⁴⁹⁹ См.: Kershaw I Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 140.
- ⁵⁰⁰ См.: Muhl-Benninghaus S. Op cit. S. 36, 38.
- ⁵⁰¹ См.: ebenda. S. 57, 59.
- ⁵⁰² См.: ebenda. S. 41-43.
- ⁵⁰³ См.: ebenda. S. 44.
- ⁵⁰⁴ См.: ebenda. S. 48-52.
- ⁵⁰⁵ См.: ebenda. S. 53-54.
- ⁵⁰⁶ См.: ebenda. S. 75.
- ⁵⁰⁷ См.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 230-231.
- ⁵⁰⁸ См.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 49, 76
- ⁵⁰⁹ См.: ebenda. S. 69.
- ⁵¹⁰ См.: Grill J H. Op. cit. P. 266.
- ⁵¹¹ Lampert H. Staatliche Sozialpolitik im Dritten Reich // En: Bracher K.D., Funke M, Jacobsen H. – A. (Hrsg.) Nationalsozialistische Diktatur. 1933-1945. Düsseldorf, 1983. S. 714, прим. 44.
- ⁵¹² См.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 60-61.
- ⁵¹³ См.: ebenda. S. 62-63.

- ⁵¹⁴ CM.: ebenda. S. 64.
- ⁵¹⁵ CM.: ebenda. S. 65.
- ⁵¹⁶ Broszat M. The Hitler State: the foundation and development of the internal structure of the Third Reich. L.; N.Y., 1981. P. 245.
- ⁵¹⁷ Begründung zum Deutschen Beamtengesetz vom 26. Januar 1937 // Deutscher Reichsanzeiger und Preussischer Staatsanzeiger. N 22. vom 28. Januar 1937. S. 1. – ПГВА. Ф.1275. Оп. 5. Д. 378. Л. 4.
- ⁵¹⁸ CM.: Mommsen H. Beamtentum im Dritten Reich. Stuttgart, 1966. S. 62; Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 58-59.
- ⁵¹⁹ Burleigh M. Op. cit. P. 212
- ⁵²⁰ CM.: Mommsen H. Op. cit S 70, Jannen W. National Socialists and Social Mobility // Journal of Social History. 1976. V. 9. N 3. P. 346.
- ⁵²¹ CM.: Mommsen H. Op. cit. S. 63-64.
- ⁵²² CM. ebenda. S. 71.
- ⁵²³ CM.: Jannen W. Op. cit. P. 346.
- ⁵²⁴ CM : Orlow D. The History of the Nazi Party: 1933-1945. V. 2. Pittsburgh, 1973. P. 367-368,433.
- ⁵²⁵ CM.: Grunberger R. Op. cit. P. 131-132.
- ⁵²⁶ CM : Lampert H. Op. cit. S. 714, прим. 44.
- ⁵²⁷ CM · Mommsen H. Op. cit S. 73.
- ⁵²⁸ Silverman D.P. Nazification of the German Bureaucracy Reconsidered: A Case Study //Journal of Modern History. 1988. V. 60. N 3. P. 524.
- ⁵²⁹ CM.: Lampert H. Op. cit. S. 187.
- ⁵³⁰ CM.: Grill J.H. Op. cit. P. 283.
- ⁵³¹ CM.: Peukert D.J.K. Op. cit P. 97-98
- ⁵³² CM.: Broszat M. Op. cit. P. 242.
- ⁵³³ Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 86.
- ⁵³⁴ Broszat M. Op. cit. P. 244.
- ⁵³⁵ CM.: Mommsen H. Op. cit. S. 74.
- ⁵³⁶ Jannen W. Op. cit. P. 346.
- ⁵³⁷ CM.: Caplan J. Civil Service Support for National Socialism: An Evaluation // En: Der "Führerstaat": Mythos und Realität. Stuttgart, 1981. S. 175.
- ⁵³⁸ CM.: Grunberger R. Op. cit. P. 56.
- ⁵³⁹ Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S.109-110.
- ⁵⁴⁰ CM.:ebenda. S. 110.

- ⁵⁴¹ См.: Caplan J. Op. cit. P. 181.
- ⁵⁴² РГВА. Ф. 1363. Оп. 2. Д 100. Л. 2об.
- ⁵⁴³ Там же. Л. 3.
- ⁵⁴⁴ См.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 114.
- ⁵⁴⁵ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 269-270.
- ⁵⁴⁶ См.: Broszat M. Op. cit. P. 248.
- ⁵⁴⁷ См.: Orlow D. Op. cit. P. 146-147.
- ⁵⁴⁸ См.: Mommsen H. Op. cit. S. 79; Broszat M. Op. cit. P. 249.
- ⁵⁴⁹ См.: Mommsen H. Op. cit. S. 80-81.
- ⁵⁵⁰ См.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 110-111.
- ⁵⁵¹ Ebenda S. 67.
- ⁵⁵² См.: ebenda. S. 45.
- ⁵⁵³ См.: Caplan J. Op. cit. P. 187-188.
- ⁵⁵⁴ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 270.
- ⁵⁵⁵ Broszat M. Op. cit. P. 245.
- ⁵⁵⁶ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 141.
- ⁵⁵⁷ Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 258.
- ⁵⁵⁸ См.: Silverman D.P. Op. cit. P. 529.
- ⁵⁵⁹ См.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 259.
- ⁵⁶⁰ См.: Соколов А.Н. Правовое государство. Идея, теория, практика. Курск, 1994. С. 112.
- ⁵⁶¹ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 271-272
- ⁵⁶² См.: ibid. P. 272-273.
- ⁵⁶³ См.: ibid. P. 274.
- ⁵⁶⁴ См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 7.
- ⁵⁶⁵ См.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 59.
- ⁵⁶⁶ См.: Mommsen H. Op. cit. S. 92; Буллок А. Указ. соч. Т. 2. С. 8.
- ⁵⁶⁷ RGBL. 1937. Teil 1. S. 41.
- ⁵⁶⁸ См.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 162.
- ⁵⁶⁹ См.: RGBL. 1937. Teil 1. S. 41.
- ⁵⁷⁰ См.: ebenda. S. 42.
- ⁵⁷¹ См.: ebenda. S. 43.
- ⁵⁷² См.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 162.

⁵⁷³ CM.: RGBL. 27. 1937. Teil 1. S 44.

⁵⁷⁴ Idem.

⁵⁷⁵ Ebenda. S. 45.

⁵⁷⁶ CM.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 163.

⁵⁷⁷ CM.: RGBL. 1937. Teil 1. S 45.

⁵⁷⁸ CM.: ebenda. S. 46.

⁵⁷⁹ CM.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 164.

⁵⁸⁰ CM : RGBL. 1937. Teil 1. S 46-47.

⁵⁸¹ Ebenda S 48

⁵⁸² Ebenda. S. 55.

⁵⁸³ Ebenda. S. 49.

⁵⁸⁴ Ebenda. S. 50-51.

⁵⁸⁵ Ebenda. S. 67.

⁵⁸⁶ Ebenda. S. 52-53.

⁵⁸⁷ Ebenda. S. 53.

⁵⁸⁸ Ebenda S. 54.

⁵⁸⁹ Ebenda S. 66

⁵⁹⁰ Ebenda S. 68.

⁵⁹¹ CM.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 38, 160.

⁵⁹² Begründung zum Deutschen Beamtengesetz vom 26. Januar 1937 // Deutscher Reichsanzeiger und Preußischer Staatsanzeiger. N 22. vom 28. Januar 1937. S. 1. - ПГВА. Ф.1275. Оп. 5. Д. 378. Л. 4.

⁵⁹³ Mommsen H. Op. cit. S. 95.

⁵⁹⁴ Begründung zum Deutschen Beamtengesetz vom 26. Januar 1937. S. 1. – ПГВА. Ф.1275. Оп. 5 Д. 378. Л. 4.

⁵⁹⁵ CM.: RGBL. 1937. Teil 1. S. 55.

⁵⁹⁶ Ebenda. S. 42; Begründung zum Deutschen Beamtengesetz. S. 2. – ПГВА. Ф. 1275. Оп 5. Д. 378. Л. 4об.

⁵⁹⁷ CM.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 161.

⁵⁹⁸ Fromm E. Fascism as lower-middle - class psychology // In: Allardyce G. (Ed). The Place of Fascism in European History. Prentice Hall, 1971. P. 47.

⁵⁹⁹ CM.: Caplan J. Op. cit. P. 186.

⁶⁰⁰ CM.: Grunberger R. Op. cit. P. 131.

⁶⁰¹ CM.: Aycoberry P. Op. cit. P. 151.

- ⁶⁰² CM.: Grunberger R. Op. cit. P. 129-130.
- ⁶⁰³ CM.: Caplan J. Op. cit. P. 185.
- ⁶⁰⁴ CM.: ibidem.
- ⁶⁰⁵ CM.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 324.
- ⁶⁰⁶ CM.: Kater M.H. Op. cit. P. 124.
- ⁶⁰⁷ Broszat M. Op. cit. P. 257; Kater M.H. Op. cit. P. 94.
- ⁶⁰⁸ CM.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 142.
- ⁶⁰⁹ Ibid. P. 144.
- ⁶¹⁰ Ibid. P. 146.
- ⁶¹¹ CM . Grunberger R. Op. cit P. 50.
- ⁶¹² CM.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 323-324.
- ⁶¹³ CM : Grunberger R. Op. cit. P. 133.
- ⁶¹⁴ CM.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 326.
- ⁶¹⁵ Ibid P. 324.
- ⁶¹⁶ Kersten F. The Kersten Memoirs 1940-1945. N.Y., 1957. P. 52-53.
- ⁶¹⁷ Broszat M. Op. cit. P. 257-258.
- ⁶¹⁸ CM.: Caplan J. Op cit. P. 189.
- ⁶¹⁹ KaterM.H. Op. cit. P. 124-125.
- ⁶²⁰ Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. P. 327.
- ⁶²¹ Ibid. P. 326.
- ⁶²² Prinz M. Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen. S. 263-264.
- ⁶²³ CM.: Grunberger R. Op. cit. P. 192.
- ⁶²⁴ Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 92.
- ⁶²⁵ CM.: ebenda. S. 90.
- ⁶²⁶ CM.: ebenda. S. 93.
- ⁶²⁷ CM.: Muhl-Benninghaus S. Op. cit. S. 55.
- ⁶²⁸ CM.: Prinz M. Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen. S. 281.
- ⁶²⁹ Ebenda. S. 208.

РАЗДЕЛ III

¹ Kater M.H. Hitlerjugend und Schule im Dritten Reich // Historische Zeitschrift. 1979. Bd. 228.

№ 3. S. 579.

² См.: Klaus M. Madchen im Dritten Reich. Der Bund Deutschen Madel (BDM). Koln, 1983.

³ Цит. по: Koonz C. Mothers in the Fatherland. Women, the Family and Nazi Politics. N.Y., 1987. P. 190.

⁴ См.: Leonardt H. «Wir arbeiten auf lange Sicht». Der Bund Deutscher Madel (ВДМ) in der Hitler-Jugend (HJ) auf dem «Marsch» in den Zweiten Weltkrieg // En: Kraft S. Zwischen den Fronten. Munichner Frauen in Krieg und Frieden 1900-1950. Munchen, 1995. S. 192.

⁵ См.: Burleigh M., Wippermann W. The Racial State: Germany 1933-1945. Cambridge, 1992. P. 202; Leonardt H. Op. cit. S. 190.

⁶ См.: Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 733.

⁷ Koch H.W. Geschichte der Hitlerjugend. Ihre Ursprunge und ihre Entwicklung 1922-1945 Percha am Starnberger See, 1975 S 146.

⁸ РГВА. Ф. 500. Оп. 3. Д. 395. Л. 24.

⁹ Цит. по: Koch H. W. Op. cit S 144-145.

¹⁰ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 202; Fest I. The Face of the Third Reich. Portraits of the Nazi Leadership. N.Y., 1970. P. 332.

¹¹ См.: Воропаев С. (Сост.)Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 184.

¹² См.: Kater M.H. Op. cit. S. 572. Fußnote 8.

¹³ См.: Klose W. Generation im Gleichrett. Ein Dokumentarbericht. Oldenburg; Hamburg, 1964. S. 272.

¹⁴ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 155.

¹⁵ Schirach B. von Die Hitler Jugend. Idee und Gestalt. B., 1934. S. 66-67.

¹⁶ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 154-155.

¹⁷ См.: Паламарчук Е.А. Место «Закона о предотвращении наследственно больного потомства» и «Закона об охране наследственного здоровья немецкого народа» в планах нацистского руководства по «оздоровлению нации» //Северо-Кавказский юридический вестник. 2002.№ 1. С. 136-152.

¹⁸ Schirach B. von. Op. cit. S. 212, 218.

¹⁹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 172.

²⁰ Noakes J., Pridham G. Documents on Nazism, 1919-1945. N. Y., 1975. P. 357.

²¹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 173.

²² Schirach B. von. Op. cit. S. 68-69.

- ²³ Цит. по: Leonardt H. Op. cit. S. 198.
- ²⁴ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 188.
- ²⁵ Цит. по: Bartow O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich. N.Y.; Oxford, 1991. P. 111.
- ²⁶ Hoffmann H. Hitler was my friend. L., 1955. P. 142.
- ²⁷ См.: Leonardt H. Op. cit. S. 200.
- ²⁸ Klaus M. Op. cit. S. 51-52.
- ²⁹ Ebenda S. 53-54.
- ³⁰ См.: Schirach B. von. Op. cit. S. 130.
- ³¹ Гитлер А. Моя борьба. Т-Око, 1992. С. 198, 212, 342.
- ³² Там же. С. 357.
- ³³ Там же. С. 358.
- ³⁴ Leonardt H. Op. cit. S. 190.
- ³⁵ Ebenda. S. 192.
- ³⁶ РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 53. Л. 15.
- ³⁷ The Speeches of Adolf Hitler. April 1922 – August 1939. V. 1. L.; N.Y., 1942. P. 542-543.
- ³⁸ Цит. по: Fest I. Op. cit. P. 341.
- ³⁹ Цит. по: Kater M.H. Op. cit. S. 582
- ⁴⁰ Цит. по: Koch H.W. Op. cit. S. 250.
- ⁴¹ См.: Schirach B. von. Op. cit. S. 130.
- ⁴² Крик Э. Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики. М., 2004. С. 224-225.
- ⁴³ Schirach B. von. Op. cit. S. 169.
- ⁴⁴ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 586.
- ⁴⁵ Schirach B. von. Op. cit. S. 173-174.
- ⁴⁶ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 585.
- ⁴⁷ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 255.
- ⁴⁸ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 600-602.
- ⁴⁹ См.: Baumer-Schleinkofer A. Biologie unter dem Hakenkreuz. Biologie und Schule im Dritten Reich // Universitas. 1992. Jg. 47. N 547. S. 50.
- ⁵⁰ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 594, 603.
- ⁵¹ См.: ebenda. S. 595-597.
- ⁵² Цит. по: ebenda. S. 617.
- ⁵³ См.: ebenda. S. 572-573; Koch H.W. Op. cit. S. 254.

- ⁵⁴ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 574.
- ⁵⁵ См.: ebenda. S. 588; Koch H.W. Op. cit. S. 159.
- ⁵⁶ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 191-192.
- ⁵⁷ См.: Huebsch N.A. The «Wolf Cubs» of the New Order: The Indoctrination and Training of the Hitler Youth // In: Nazism and the Common Man: Essays in German History (1929-1939). Washington, 1980. P. 98.
- ⁵⁸ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 215; Klaus M. Op. cit. S. 89.
- ⁵⁹ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 576.
- ⁶⁰ Цит. по: ebenda. S. 575.
- ⁶¹ См.: ebenda. S. 589.
- ⁶² Подробно см.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 228-230.
- ⁶³ См.: Гитлер А. Указ. соч. С. 352.
- ⁶⁴ См.: Baumer-Schleinkofer A. Op. cit. S. 49; Koch H.W. Op. cit. S. 261-262.
- ⁶⁵ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 213-214.
- ⁶⁶ Schmitt H.A. Lucky Victim. An Ordinary Life in Extraordinary Times 1933-1946. Baton Rouge, 1989. P. 56-58.
- ⁶⁷ Цит. по: Baumer-Schleinkofer A. Op. cit. S. 51-52.
- ⁶⁸ Цит. по: ebenda. S. 55.
- ⁶⁹ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 214.
- ⁷⁰ Цит. по: ibid. P. 232.
- ⁷¹ Цит. по: ibidem.
- ⁷² Цит. по: Huebsch N.A. Op. cit. P. 103.
- ⁷³ См.: Weindling P. Understanding Nazi Racism: Precursors and Perpetrators // In: Burleigh M. (Ed) Confronting the Nazi Past. New Debates on Modern German History. L., 1996. P. 91-92.
- ⁷⁴ Цит. по: ibid. P. 93.
- ⁷⁵ Цит. по: Leonardt H. Op. cit. S. 198.
- ⁷⁶ Цит. по: Koch H.W. Op. cit. S. 174.
- ⁷⁷ Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками / Сборник материалов в семи томах. Т. IV. М., 1959. С. 861-862.
- ⁷⁸ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 173.
- ⁷⁹ Цит. по: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 234. Doc. 14.
- ⁸⁰ См.: Leonardt H. Op. cit. S. 206.
- ⁸¹ Цит. по: Koch H.W. Op. cit. S. 190.

- ⁸² Schirach B. von. Op. cit. S. 132-133.
- ⁸³ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 194.
- ⁸⁴ См.: Schirach B. von. Op. cit. S. 97.
- ⁸⁵ Цит. по: ebenda S. 100.
- ⁸⁶ Цит. по: ebenda. S. 199.
- ⁸⁷ Цит. по: ebenda. S. 202-203.
- ⁸⁸ См.: Koch H.W. S. 159.
- ⁸⁹ Цит. по: Leonardt H. Op. cit. S. 205.
- ⁹⁰ Цит. по: Klaus M. Op. cit. S. 48.
- ⁹¹ Schirach B. von. Op. cit. S. 101.
- ⁹² См.: ebenda. S. 97, 99.
- ⁹³ См.: Leonardt H. Op. cit. S. 197.
- ⁹⁴ См.: Klaus M. Op. cit. S. 92-93.
- ⁹⁵ См.: Leonardt H. Op. cit. S. 204.
- ⁹⁶ См.: Klaus M. Op. cit. S. 94-95.
- ⁹⁷ Цит. по: Huebsch N.A. Op. cit. P. 109.
- ⁹⁸ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 343-346; Klose W. Op. cit. S. 96-97; Fest I. Op. cit. P. 341.
- ⁹⁹ См.: Klaus M. Op. cit. S. 97.
- ¹⁰⁰ Цит. по: Fest I. Op. cit. P. 340.
- ¹⁰¹ См.: Huebsch N.A. Op. cit. P. 109.
- ¹⁰² См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. Томск, 1993. С. 51.
- ¹⁰³ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 174-175.
- ¹⁰⁴ См.: Fest I. Op. cit. P. 340.
- ¹⁰⁵ См.: Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1989. С. 200-201.
- ¹⁰⁶ См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. С. 70.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Koch H.W. Op. cit. S. 346.
- ¹⁰⁸ См.: РГВА. Ф. 503. Оп. 1. Д. 431. Л. 29.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 29 об.
- ¹¹⁰ См.: там же. Л. 30.
- ¹¹¹ См.: там же.
- ¹¹² Там же. Л. 42-42 об.
- ¹¹³ Там же. Л. 42 об.
- ¹¹⁴ См.: там же. Л. 60-61.

- ¹¹⁵ См.: Peukert D J.K. Inside Nazi Germany: Conformity, opposition and racism in everyday life. New Haven; L., 1987. P. 152-153.
- ¹¹⁶ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 347.
- ¹¹⁷ Цит. по: Rempel G. Hitler's Children. The Hitler Youth and the SS. Chapel Hill; L., 1989. P. 121.
- ¹¹⁸ См.: ibid. P. 115-116.
- ¹¹⁹ См.: ibid. P. 136.
- ¹²⁰ См.: ibid. P. 120.
- ¹²¹ См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. С. 72.
- ¹²² См.: Kuhn A., Rothe V. Frauen im deutschen Faschismus Bd. 1. Düsseldorf, 1987. S. 126. Q 49
- ¹²³ Цит. по: ebenda. S. 125. Q. 48.
- ¹²⁴ См.: Klaus M. Op. cit. S. 93.
- ¹²⁵ См.: Залесский К.А. Указ. соч. С. 696.
- ¹²⁶ Цит. по: The long generation. Germany from Empire to Ruin, 1913-1945. N.Y. etc., 1973. P. 230.
- ¹²⁷ Цит. по: Ерин М.Е., Ермаков А.М. Имперская трудовая повинность в нацистской Германии (1933-1945). Ярославль, 1998. С. 43.
- ¹²⁸ См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. С. 71.
- ¹²⁹ См. Ерин М.Е., Ермаков А.М. Указ. соч. С. 46.
- ¹³⁰ См. там же. С. 119.
- ¹³¹ См.. там же. С. 57.
- ¹³² Цит. по: Kuhn A., Rothe V. Op. cit. Bd. 1. S. 120.
- ¹³³ См.: Ерин М.Е., Ермаков А.М. Указ. соч. С. 60.
- ¹³⁴ См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. С. 71.
- ¹³⁵ Dekker. Sozialistische Erziehung im Arbeitsdienst und Siedlungswille // Reichsplanung. 1936. N 10. S. 290.
- ¹³⁶ Цит. по: ebenda. S. 292.
- ¹³⁷ Цит. по: Ерин М.Е., Ермаков А.М. Указ. соч. С. 77.
- ¹³⁸ См.: там же С. 81.
- ¹³⁹ The long generation. Germany from Empire to Ruin, 1913-1945. P. 230-233.
- ¹⁴⁰ См.: Ерин М.Е., Ермаков А.М. Указ. соч. С. 139-140.
- ¹⁴¹ См.: там же. С. 141-142.
- ¹⁴² См.: там же. С. 145.
- ¹⁴³ Цит.: Kuhn A., Rothe V. Op. cit. Bd. 1. S. 121. Q. 44.
- ¹⁴⁴ См.: ebenda. S. 120.

- ¹⁴⁵ Цит. по: ebenda. S. 122-123. Q. 46.
- ¹⁴⁶ См.: Klaus M. Op. cit. S. 65.
- ¹⁴⁷ См.: ebenda. S. 58.
- ¹⁴⁸ Цит. по: ebenda. S. 59.
- ¹⁴⁹ См.: RGBL. 1939. Teil 1. S. 1693.
- ¹⁵⁰ См.: Klose W. Op. cit. S. 249.
- ¹⁵¹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 158, 161.
- ¹⁵² См.: ebenda. S. 157.
- ¹⁵³ См.: Schirach B. von. Op. cit. S. 138.
- ¹⁵⁴ Цит. по: Koch H.W. Op. cit. S. 158.
- ¹⁵⁵ См.: Jahnke K H., Buddrus M. Deutsche Jugend 1933-1945. Eine Dokumentation. Hamburg, 1989. S. 135. Dok. 82.
- ¹⁵⁶ См.: Schirach B. von. Op. cit. S. 135.
- ¹⁵⁷ См.: Klose W. Op. cit. S. 68; Koch H.W. Op. cit. S. 159.
- ¹⁵⁸ См.: Schirach B. von. Op. cit. S. 136.
- ¹⁵⁹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 159.
- ¹⁶⁰ См.: Klaus M. Op. cit. S. 63.
- ¹⁶¹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 162-163.
- ¹⁶² См.: ebenda. S. 163.
- ¹⁶³ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 269.
- ¹⁶⁴ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 217.
- ¹⁶⁵ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 270-271, 281.
- ¹⁶⁶ Цит. по: ebenda. S. 277-279.
- ¹⁶⁷ См.: ebenda. S. 271, 274-275, 281.
- ¹⁶⁸ См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. С. 66.
- ¹⁶⁹ Цит. по: Koch H.W. Op. cit. S. 276.
- ¹⁷⁰ См.: ebenda. S. 277, 281, 284.
- ¹⁷¹ См.: ebenda. S. 285.
- ¹⁷² См.: ebenda. S. 291.
- ¹⁷³ См.: ebenda. S. 286, 293.
- ¹⁷⁴ См.: ebenda. S. 295-298.
- ¹⁷⁵ См.: ebenda. S. 299.
- ¹⁷⁶ См.: ebenda. S. 300-301, 303; Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 217.

- ¹⁷⁷ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 301-304.
- ¹⁷⁸ РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 18. Л. 260.
- ¹⁷⁹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 154.
- ¹⁸⁰ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 205.
- ¹⁸¹ См.: Leonardt H. Op. cit. S. 198.
- ¹⁸² См.: Laqueur W. Young Germany. A History of the German Youth Movement. L., 1962. P. 207.
- ¹⁸³ См.: Horn D. The Struggle for Catholic Youth in Hitler's Germany: An Assessment // The Catholic Historical Review. 1979. V. LXV. N 4. P. 569.
- ¹⁸⁴ См.: ibid. P. 571.
- ¹⁸⁵ Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 205-206.
- ¹⁸⁶ См.: Horn D. Op. cit. P. 564.
- ¹⁸⁷ См.: по: Laqueur W. Op. cit. P. 211.
- ¹⁸⁸ Цит. по: Schirach B. von. Op. cit. S. 47.
- ¹⁸⁹ См.: Jahnke K.H., Buddruss M. Op. cit. S.121. Dok. 69.
- ¹⁹⁰ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 587.
- ¹⁹¹ РГВА. Ф. 500. Оп. 3. Д. 313. Л. 12.
- ¹⁹² См.: Thornton M J. Nazism 1918-1945. Oxford, 1966. P. 88.
- ¹⁹³ См.: Peukert D. J.K. Op. cit. P. 150.
- ¹⁹⁴ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 202.
- ¹⁹⁵ См.: Wolff J. Hitlerjugend und jugendgerichtsbarkeit. 1933-1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1985. Jg. 33. N 4. S. 646.
- ¹⁹⁶ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 575. Note 8.
- ¹⁹⁷ См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. С. 41.
- ¹⁹⁸ См.: Fest I. Op. cit. P. 337.
- ¹⁹⁹ См.: Klaus M. Op. cit. S. 98.
- ²⁰⁰ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 174.
- ²⁰¹ См.: Klose W. Op. cit. S. 48.
- ²⁰² См.: Biddiscombe P. «The Enemy of our Enemy»: A View of the Edelweiss Piraten from the British and American Archives // Journal of Contemporary History. 1995. V. 30. P. 37.
- ²⁰³ См.: Horn D. Op. cit. P. 575.
- ²⁰⁴ Ibid. P. 577.
- ²⁰⁵ См.: ibid. P. 579.
- ²⁰⁶ См.: Rempel G. Op. cit. P. 90-91.

- ²⁰⁷ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 222, 224.
- ²⁰⁸ Цит. по: Peukert D.J.K. Op. cit. P. 158-159.
- ²⁰⁹ Цит. по: *ibid.* P. 164; Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 227.
- ²¹⁰ Horn D. Op. cit. P. 581; Peukert D.J.K. Op. cit. P. 161-162.
- ²¹¹ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 227.
- ²¹² Цит. по: Lubasz H. *Fascism. Three Major Regimes* N.Y. etc., 1973. P. 78-79.
- ²¹³ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 264.
- ²¹⁴ См.: Ерин М.Е., Ермаков А.М. Указ. соч. С. 124.
- ²¹⁵ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 264.
- ²¹⁶ См.: Ерин М.Е., Ермаков А.М. Указ. соч. С. 124.
- ²¹⁷ Цит. по: Koch H.W. Op. cit. S. 267.
- ²¹⁸ Цит. по: Noakes J. *The ivory tower under siege: German universities in the Third Reich*// *Journal of European Studies Literature and ideas from the renaissance to the present.* 1993. V. 23. Part 4. N 92. P. 394.
- ²¹⁹ *Ibid.* P. 378.
- ²²⁰ *Ibid.* P. 381.
- ²²¹ Цит. по: *Ibid.* P. 382-383.
- ²²² Noakes J. Op. cit P. 396-397
- ²²³ См.: Giles G.J. *The Rise of the National Socialist Students' Association and the Failure of Political Education in the Third Reich* // In: Stachura P.D. (Ed.). *The Shaping of the Nazi State.* L.; N.Y. 1978. P. 178.
- ²²⁴ См.: Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. *НСДАП: идеология, структура и функции.* Ставрополь, 2000. С. 165.
- ²²⁵ См.: Noakes J. Op. cit. P. 379, 395.
- ²²⁶ См.: Giles G.J. *University Government in Nazi Germany: Hamburg* // *Minerva. A Review of Science, learning and policy.* 1978. V. XVI. N 2. P. 198-199; Noakes J. Op. cit. P. 379.
- ²²⁷ См.: Noakes J. Op. cit. P. 378
- ²²⁸ См.: Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. Указ соч. С. 164.
- ²²⁹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 266.
- ²³⁰ Цит. по: Bramstedt E.K. *Goebbels and National-Socialist Propaganda 1925-1945.* L., 1965. P. 68.
- ²³¹ Mahner G. *Die politische Erziehungsarbeit in den Schulungslagern des N.S.D. Studentenbundes* // *Volk im Werden.* 1935. Jg. 3. N 2. S. 95.
- ²³² *Ebenda.* S. 96-98.

- ²³³ Kremer H. Die kulturpolitischen Aufgaben des N.S.D. Studentenbundes // Ebenda. S. 99.
- ²³⁴ Derichsweiler A. Student der Bewegung // Ebenda. S. 84.
- ²³⁵ Groß W. Vom neuen Kämpfertum des Studenten // Ebenda. S. 93.
- ²³⁶ Moritz H. Das Fachschulstudentum // Ebenda. S. 108-110.
- ²³⁷ Streit H. Das Reichsstudentenwerk // Ebenda. S. 131, 133-135
- ²³⁸ Gaensecke R. Die Entwicklung des Frauenstudiums und seine Aufgabe im heutigen Staat // Ebenda. S. 114
- ²³⁹ См.: Klose W. Op. cit. S. 249; Koch H.W. Op. cit. S. 351
- ²⁴⁰ См.: Klose W. Op. cit. S. 238, 240-241; Koch H.W. Op. cit. S. 349-350.
- ²⁴¹ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 620.
- ²⁴² См.: Klose W. Op. cit. S. 241.
- ²⁴³ См.: РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 42. Л. 40.
- ²⁴⁴ См.: там же. Л. 33 об.
- ²⁴⁵ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 348.
- ²⁴⁶ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 575-576, 620; Klaus M. Op. cit. S. 106; Klose W. Op. cit. S. 241-242, 260; Koch H.W. Op. cit. S. 359.
- ²⁴⁷ См.: The Berlin Diaries 1940-1945 of Marie «Missie» Vassiltchikov. L., 1987. P. 123.
- ²⁴⁸ Цит. по: Nationalsozistisches Jahrbuch. 1941. München, 1941. S. 205.
- ²⁴⁹ Цит. по: Koch H.W. Op. cit. S. 359.
- ²⁵⁰ Цит. по: Klaus M. Op. cit. S. 99.
- ²⁵¹ Nationalsozistisches Jahrbuch. 1941. S. 212.
- ²⁵² См.: Klose W. Op. cit. S. 243.
- ²⁵³ Цит. по: Rempel G. Op. cit. P. 143-144.
- ²⁵⁴ Цит. по: *ibid.* P. 142-143.
- ²⁵⁵ Цит. по: *ibid.* P. 144.
- ²⁵⁶ См.: Klose W. Op. cit. S. 246.
- ²⁵⁷ См.: Rempel G. Op. cit. P. 144, 149.
- ²⁵⁸ См.: Григорьянц Т.Ю. Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939-1945 гг.) (попытки германизации и колонизации «присоединенных» польских земель). М., 1979. С. 81.
- ²⁵⁹ См.: Rempel G. Op. cit. P. 133.
- ²⁶⁰ См.: Klose W. Op. cit. S. 246.
- ²⁶¹ См.: Rempel G. Op. cit. P. 150.

- ²⁶² См.: Klaus M. Op. cit. S. 62.
- ²⁶³ См.: Klose W. Op. cit. S. 248, Rempel G. Op. cit. P. 150.
- ²⁶⁴ РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 42. Л. 31-31 об.
- ²⁶⁵ Там же. Л. 31 об. – 32.
- ²⁶⁶ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 592.
- ²⁶⁷ См.: Klonne A. Jugend im Dritten Reich // En: Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A (Hrsg.). Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Düsseldorf, 1992. S. 227.
- ²⁶⁸ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 591.
- ²⁶⁹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 360-362.
- ²⁷⁰ См.: ebenda. S. 362.
- ²⁷¹ См.: Kater M.H. Op. cit. S. 618.
- ²⁷² См.: Noakes J. Op. cit. P. 397.
- ²⁷³ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 6. Л. 6.
- ²⁷⁴ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 10. Л. 44.
- ²⁷⁵ РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.
- ²⁷⁶ См.: там же.
- ²⁷⁷ См. там же. Л. 1 об.
- ²⁷⁸ Цит. по: Giles G.J. The Rise of National Socialist Students' Association. P. 179.
- ²⁷⁹ См. ibid P. 180.
- ²⁸⁰ Das Jugendwohnheim. Januar / Februar 1944. Folge 4. S. 2-3. – РГВА. Ф. 519. Оп. 4. Д. 65. Л. 1 об. – 2.
- ²⁸¹ Цит. по: ebenda. S. 2. Л. 1 об.
- ²⁸² См.: ebenda. S. 2. Л. 1 об.
- ²⁸³ См.: ebenda. S. 1. Л. 1.
- ²⁸⁴ См.: Германия: фашизм, неофашизм и молодежь. С. 52.
- ²⁸⁵ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 364-365; Klose W. Op. cit. S. 256.
- ²⁸⁶ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 369.
- ²⁸⁷ Цит. по: Jahnke K.H., Buddrus M. Op. cit. S. 388-390. Dok. 262.
- ²⁸⁸ См.: Klose W. Op. cit. S. 252-253.
- ²⁸⁹ См.: Koch H.W. Op. cit. S. 358.
- ²⁹⁰ См.: ebenda. S. 370.
- ²⁹¹ См.: Klose W. Op. cit. S. 251.

- ²⁹² См.: Koch H.W. Op. cit S 374.
- ²⁹³ Klose W. Op. cit. S. 250.
- ²⁹⁴ Цит. по: ebenda. S. 265; Koch H.W. Op. cit. S. 360 (полный текст цитаты воспроизводится по двум изданиям, взаимодополняющим друг друга).
- ²⁹⁵ Цит. по: Нюрнбергский процесс. Т. VII. М., 1961.С. 165.
- ²⁹⁶ См.: Klose W. Op. cit. S. 266-267.
- ²⁹⁷ Stephenson J. Women in Nazi Society. L., 1975. P. 3.
- ²⁹⁸ См.: Lubasz H. Op. cit. P. 79.
- ²⁹⁹ Schoenbaum D. Hitler's Social Revolution: class and status in Nazi Germany. 1933-1939. N. Y., 1966. P. 187.
- ³⁰⁰ Цит. по: Зигмунд А.М. Женщины нацистов. М., 2001. С. 9.
- ³⁰¹ Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллин, 1998. С. 369.
- ³⁰² Там же. С. 373.
- ³⁰³ The Speeches of Adolf Hitler. April 1922- August 1939. V. 1. L. etc., 1942. P. 527-528.
- ³⁰⁴ См.: ibid. P. 528.
- ³⁰⁵ РГВА. Ф. 1363. Оп. 5. Д. 45. Л. 21.
- ³⁰⁶ Цит. по: Rupp L.J. Mobilizing Women for War. German and American Propaganda 1939-1945 Princeton (N J.), 1978 P.17.
- ³⁰⁷ Цит. по: Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 35.
- ³⁰⁸ Цит. по. Fromm В. Blood and Banquets. A Berlin Social Diary. N. Y.; L., 1942. P. 210.
- ³⁰⁹ См.: Knost F.R. Familienrecht im Umbruch // Familie, Sippe, Volk. Berlin, 20 April 1938. Jg. 4. N.4. S.70. - РГВА. Ф. 519. Оп. 4. Д. 71. Л. 62 об.
- ³¹⁰ Strutz M. Die Aufgaben der Frau in Sippenkunde und Sippenflege // Ebenda. S. 89. Л. 72.
- ³¹¹ Гитлер А. Указ. соч. С. 211.
- ³¹² РГВА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 7. Л. 105.
- ³¹³ См.: Mason T. Women in Germany, 1925-1940: Family, Welfare and Work. Part 1 // History Workshop. 1976. N 1. P. 96.
- ³¹⁴ См.: ibid. P. 91.
- ³¹⁵ Hoffmann H. Op. cit. P. 142.
- ³¹⁶ Цит. по: Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 84.
- ³¹⁷ Fest I. The Face of the Third Reich. Portraits of the Nazi Leadership. N. Y., 1970. P. 391.
- ³¹⁸ The Speeches of Adolf Hitler. April 1922-August 1939. V. 1. P. 529-530.

- ³¹⁹ Цит. по: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 363.
- ³²⁰ См. Rupp L J. Op. cit. P. 18-20.
- ³²¹ Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 364.
- ³²² См.: Rupp L.J. Op. cit. P. 21.
- ³²³ Ibid. P. 24-25.
- ³²⁴ Цит. по: *ibid.* P. 17.
- ³²⁵ Цит. по: Stephenson J. *Women in Nazi Society*. P. 49.
- ³²⁶ Цит. по: Rupp L J. Op. cit. P. 35.
- ³²⁷ Дневник посла Додда. М., 1961. С. 179-180.
- ³²⁸ См.: Koonz C. *Mothers in the Fatherland*. P. 11.
- ³²⁹ Цит. по. *The Memoirs of Bridget Hitler*. L., 1979. P. 154.
- ³³⁰ Цит. по: Юнге Т. Воспоминания секретаря Гитлера. До последнего часа. М, 2005 С. 109-110.
- ³³¹ Цит. по: Мазер В Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 351.
- ³³² См.: Kuhn A., Rothe V. Op. cit. Bd. 1. Dusseldorf, 1987. S. 91.
- ³³³ См.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 365.
- ³³⁴ По данным Мейсона, в среднем, ссуда составляла 600 имперских марок, что было эквивалентно четырех-пятимесячной заработной плате промышленных рабочих [См.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 95]. Согласно расчетам Брая еженедельные заработки женщин в 22 отраслях промышленности в 1936 г. колебались от 15 до 27 рейхсмарок (См.: Bry G. *Wages in Germany. 1871-1945*. Princeton, 1960. P. 457-460). Таким образом, средний размер брачной ссуды был равен шести-десятикратной месячной заработной плате этих работниц, в то время как заработок женщин - банковских служащих составлял в феврале 1934 г. 176 рейхсмарок [См.: Stephenson J. *Women in Nazi Society*. P. 54, прим. 71].
- ³³⁵ Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 365
- ³³⁶ См.: Stephenson J. *Women in Nazi Society*. P. 46.
- ³³⁷ См.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 95, 111, прим. 54.
- ³³⁸ См.: Peukert D.J.K. Op. cit. P. 217.
- ³³⁹ Гюнтер Г.Ф.К. Избранные работы по расологии. М., 2002. С. 299, 303.
- ³⁴⁰ Loeffler L. *Rassen – und Siedlungspolitik // Reichsplanung*. 1936. N 10. S. 294.
- ³⁴¹ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit.. P. 250.
- ³⁴² См.: Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. Указ. соч. С. 168.
- ³⁴³ См.: Kuhn A., Rothe V. Op. cit. S. 91-92. Q. 28.
- ³⁴⁴ См.: *ibid.* S. 92-93.

- ³⁴⁵ Stephenson J. «Reichsbund der Kinderreichen»: the League of Large Families in the Popular Policy of Nazi Germany // *European Studies Review*. 1979. V.9. N. 3. P. 352.
- ³⁴⁶ См.: *ibid.* P. 353.
- ³⁴⁷ См.: Mason T. *Op. cit.* P. 99.
- ³⁴⁸ См.: Noakes J., Pridham G. *Op. cit.* P. 366.
- ³⁴⁹ См.: Burleigh M., Wippermann W. *Op. cit.* P. 250.
- ³⁵⁰ См.: Milward A.S. *Fascism and the Economy* // In: Laqueur W. (Ed.) *Fascism. A Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography*. Berkeley; Los Angeles, 1978. P. 395.
- ³⁵¹ См.: Wulff B. *The Third Reich and the Unemployed: National Socialist Work-Creation Schemes in Hamburg 1933-4* // In: Evans R. J., Jeary D. (Eds.). *The German Unemployed. Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich*. L.; Sydney, 1987. P. 290.
- ³⁵² См.: *ibid.* P. 291-292.
- ³⁵³ См.: Noakes J., Pridham G. *Op. cit.* P. 366.
- ³⁵⁴ Loeffler L. *Op. cit.* S. 298.
- ³⁵⁵ РГВА. Ф. 720. Оп. 7. Д. 35. Л. 239-239 об.
- ³⁵⁶ Там же. Л. 240.
- ³⁵⁷ См.: *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich*. 1938. B., 1938. S. 47.
- ³⁵⁸ См.: Stephenson J. «Reichsbund der Kinderreichen». P. 356.
- ³⁵⁹ См.: Stephenson J. *Women in Nazi Society*. P. 47.
- ³⁶⁰ См.: Mason T. *Op. cit.* Part 1. P. 96-97.
- ³⁶¹ См.: *ibid.* P. 98.
- ³⁶² Burleigh M., Wippermann W. *Op. cit.* P. 250; Stephenson J. *Women in Nazi Society*. P. 48.
- ³⁶³ Цит. по: *Ehrentag der deutschen Familie* // *Volk und Rasse*. 1936. Jg. 11. N. 7. S. 275.
- ³⁶⁴ См.: Kuhn A., Rothe V. *Op. cit.* Bd 2 Dusseldorf, 1987. S. 134; Mason T. *Op. cit.* Part 1, P. 101.
- ³⁶⁵ Knorr W. *Das Ehrenkreuz der Deutschen Mutter* // *Volk und Rasse*. 1939. Jg. 14. N. 3. S. 54-55.
- ³⁶⁶ См.: *ebenda.* S. 55.
- ³⁶⁷ Knorr W. *Kinderreichenauslese durch das Rassenpolitische Amt der NSDAP in Sachsen* // *Volk und Rasse*. 1936. Jg. 11. N. 7. S. 269.
- ³⁶⁸ См.: *ebenda.* S. 275.
- ³⁶⁹ Kuhn A., Rothe V. *Op. cit.* Bd. 2. S. 135.
- ³⁷⁰ См.: *ebenda.* S. 136.
- ³⁷¹ См.: Stephenson J. *Women in Nazi Society*. P. 49-50.

- ³⁷² См.: Knorr W. Das Ehrenkreuz der Deutschen Mutter. S. 54-55.
- ³⁷³ См.: Ebenda. S. 57.
- ³⁷⁴ См.: Stephenson J. "Reichsbund der Kinderreichen". P. 358.
- ³⁷⁵ Гитлер А. Указ. соч. С. 336.
- ³⁷⁶ Цит. по: Koonz C. Mothers in the Fatherland. P. 189.
- ³⁷⁷ Цит. по: Fest I. Op. cit. P. 390.
- ³⁷⁸ Цит. по: Fromm В. Op. cit. P. 181.
- ³⁷⁹ Цит. по: Fest I. Op. cit. P. 395.
- ³⁸⁰ См.: RGBL. 1935. Teil 1. S. 1246.
- ³⁸¹ См.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 102.
- ³⁸² См.: Stephenson J. Women in Nazi Society. P. 45.
- ³⁸³ Цит. по: Hermand J. All Power to the Women: Nazi Concepts of Matriarchy // Journal of Contemporary History. 1984. V. 19. N 4. P. 662.
- ³⁸⁴ 1938. Teil 1. S. 1893-1896.
- ³⁸⁵ Koonz C. Mothers in the Fatherland. P. 187.
- ³⁸⁶ См.: Stephenson J. Women in Nazi Society. P. 44.
- ³⁸⁷ См.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 96.
- ³⁸⁸ См.: ibid. P. 105.
- ³⁸⁹ См.: Koonz C. Mothers in the Fatherland. P. 192.
- ³⁹⁰ См.: Пикер Г. Указ. соч. С. 35.
- ³⁹¹ См.: Koonz C. Ethical Dilemmas and Nazi Eugenics: Single - Issue Dissent in Religious Contexts // The Journal of Modern History. Supplement. December, 1992. V. 64. P. 14.
- ³⁹² См.: Mason T. Op. cit. Part 2 //History Workshop. 1976. N 2. P. 31, прим. 57; Koonz C. Mothers in the Fatherland. P. 192.
- ³⁹³ См.: Stephenson J. "Reichsbund der Kinderreichen". P. 367.
- ³⁹⁴ См.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 99.
- ³⁹⁵ См.: ibid. P. 82.
- ³⁹⁶ См.: ibid. P. 103.
- ³⁹⁷ См.: Stephenson J. Women in Nazi Society. P. 47.
- ³⁹⁸ См.: Castell A.G. zu. Deutsche Bevolkerrungspolitik. Geburtenruckgang und Politik // Journal für Geschichte. Jan. / Febr. 1984. N 1. S. 40.
- ³⁹⁹ См.: Stephenson J. "Reichsbund der Kinderreichen". P. 368.
- ⁴⁰⁰ Розенберг А. Указ. соч. С. 432-433.

- ⁴⁰¹ См.: Stephenson J. *Women in Nazi Society*. P. 192.
- ⁴⁰² См.: Koonz C. *Mothers in the Fatherland*. P. 197.
- ⁴⁰³ Цит. по: Fromm В. *Op. cit.* P. 210-211.
- ⁴⁰⁴ Rupp L. J. *Op. cit.* P. 134.
- ⁴⁰⁵ Fromm В. *Op. cit.* P. 210.
- ⁴⁰⁶ См.: Burleigh M., Wippermann W. *Op. cit.* P. 249.
- ⁴⁰⁷ См.: Mason T. *Op. cit.* Part 1. P. 103.
- ⁴⁰⁸ Ширер У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. М., 2002. С. 248, прим. 1.
- ⁴⁰⁹ См.: Stephenson J. «Reichsbund der Kinderreichen». P. 368.
- ⁴¹⁰ См.: Adolf Hitler. *The Medical Diaries. The Private Diaries of Dr. Theo Morell*. L., 1983. P. 121.
- ⁴¹¹ Цит. по Пикер Г. Указ. соч. С. 94.
- ⁴¹² См.: Stephenson J. *The Nazi Organisation of Women*. L., 1980. P. 202.
- ⁴¹³ *The Bormann Letters: the private correspondence between Martin Bormann and his Wife from January 1943 to April 1945*. L., 1954. P. 45.
- ⁴¹⁴ Цит. по: Winkler D. *Frauenarbeit im "Dritten Reich"*. Hamburg, 1977. S. 145.
- ⁴¹⁵ Цит. по: Fest I. *Op. cit.* P. 398.
- ⁴¹⁶ См.: Kersten F. *The Kersten Memoirs 1940-1945*. N.Y., 1957. P. 176.
- ⁴¹⁷ *Ibid.* P. 178.
- ⁴¹⁸ Цит. по: Fest I. *Op. cit.* P. 401.
- ⁴¹⁹ Цит. по: *ibid.* P. 400-401.
- ⁴²⁰ Hoffmann H. *Op. cit.* P. 97
- ⁴²¹ См.: Stephenson J. *The Nazi Organisation of Women*. P. 164.
- ⁴²² См.: *ibid.* P. 158.
- ⁴²³ См.: Burleigh M., Wippermann W. *Op. cit.* P. 250.
- ⁴²⁴ Цит. по: Ган Н. Ева Браун. Жизнь, любовь, судьба. М., 2000. С. 135.
- ⁴²⁵ См.: Mason T. *Op. cit.* Part 1. P. 100-101; Stephenson J. *The Nazi Organisation of Women*. P. 163.
- ⁴²⁶ См.: Rupp L.J. *Op. cit.* P. 102.
- ⁴²⁷ Kuhn A., Rothe V. *Op. cit.* Bd. 1. S. 101. Q. 101.
- ⁴²⁸ *Ebenda*. S. 27. Q. 68.
- ⁴²⁹ См.: *ebenda*. S. 29. Q. 70.
- ⁴³⁰ См.: Mason T. *Op. cit.* Part 1. P. 101.

- ⁴³¹ CM.: Stephenson J. The Nazi Organisation of Women P. 164-165; Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 250.
- ⁴³² CM.: Stephenson J. The Nazi Organisation of Women. P. 165.
- ⁴³³ РГБА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 7. Л. 106.
- ⁴³⁴ CM.: Aycoberry P. Op. cit. P. 174.
- ⁴³⁵ CM.: Gassner G. Zwischen Kindern, Küche und Kanonen. Die Arbeit der Munchnerinnen im Zweiten Weltkrieg // En: Kraft S. Op. cit. S. 212.
- ⁴³⁶ The Speeches of Adolf Hitler. April 1922 – August 1939. V. 1. P. 528.
- ⁴³⁷ CM.: Schoenbaum D. Op. cit P. 190.
- ⁴³⁸ РГБА. Ф. 1355. Оп. 1 Д. 7. Л. 102.
- ⁴³⁹ CM.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 192.
- ⁴⁴⁰ CM.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 365.
- ⁴⁴¹ CM.: *ibid.* P. 367.
- ⁴⁴² CM.: Aycoberry P. Op. cit. P. 173.
- ⁴⁴³ CM.: Gassner G. Op. cit. S. 212.
- ⁴⁴⁴ CM.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 366.
- ⁴⁴⁵ CM.: *ibid.* P. 366-367.
- ⁴⁴⁶ CM.: Koonz C. Mothers in the Fatherland P. 201.
- ⁴⁴⁷ CM.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 368.
- ⁴⁴⁸ CM.: Stephenson J. The Nazi Organisation of Women. P. 165.
- ⁴⁴⁹ CM.: Mason T. Op. cit. Part 2. P. 11.
- ⁴⁵⁰ Smelser R von. Die Sozialplanung der deutschen Arbeitsfront // In: Prinz M., Zitelmann R. (Eds.). Nationalsozialismus und Modernisierung. Darmstadt, 1991. S 84.
- ⁴⁵¹ CM.: Grunberger R. Op. cit P. 189.
- ⁴⁵² CM.: Mason T. Op. cit. Part 2. P. 9.
- ⁴⁵³ CM.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 94.
- ⁴⁵⁴ CM.: Rupp L. J. Op. cit. P. 44.
- ⁴⁵⁵ CM.: Sachse C. Fabrik, Familie und kein Feierabend. Frauenarbeit im Nationalsozialismus // Gewerkschaftliche Monatshefte. 1984. Jg 35. N 9. S. 568-569.
- ⁴⁵⁶ CM : Gesetz zur Verminderung der Arbeitslosigkeit // RGBL. 1933. Teil 1. S. 326-327.
- ⁴⁵⁷ CM.: "Drittes Gesetz zur Änderung des Gesetzes über die Forderung der Eheschliessungen" // RGBL. 1937. Teil 1. S. 1158-1159.
- ⁴⁵⁸ CM.: Stephenson J. Women in Nazi Society. P. 46.

- ⁴⁵⁹ См.: Schoenbaum D. Op. cit. P. 196.
- ⁴⁶⁰ См.: ibidem.
- ⁴⁶¹ Цит. по: Aycoberry P. Op. cit. P. 162.
- ⁴⁶² См.: Noakes J, Pridham G. Op. cit. P. 368.
- ⁴⁶³ Bry G. Op. cit. P. 247.
- ⁴⁶⁴ См.: Berghahn V. R. Modern Germany. Society, economy and politics in the twentieth century. Cambridge etc., 1982. P. 141.
- ⁴⁶⁵ См.: Gassner G. Op. cit. S. 214.
- ⁴⁶⁶ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 81-82.
- ⁴⁶⁷ См.: Gassner G. Op. cit. S. 214.
- ⁴⁶⁸ См.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 97.
- ⁴⁶⁹ См.: ibid. Part 2. P. 5, 29, прим. 11.
- ⁴⁷⁰ См.: Gassner G. Op. cit. S. 213.
- ⁴⁷¹ См.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 94.
- ⁴⁷² См.: ibid. Part 2. P. 15.
- ⁴⁷³ См.: Bry G. Op. cit. P. 246.
- ⁴⁷⁴ См.: Winkler D. Op. cit. S. 196.
- ⁴⁷⁵ См.: Mason T. Op. cit. Part 2. P. 6.
- ⁴⁷⁶ См.: Sachse C. Op. cit. S. 577.
- ⁴⁷⁷ См.: Mason T. Op. cit. Part 2. P. 7-8.
- ⁴⁷⁸ См.: Overy R.J. Goering. The «Iron Man». L.; Boston, 1984. P. 84.
- ⁴⁷⁹ См.: Hermand J. Op. cit. P. 664.
- ⁴⁸⁰ См.: Hachtmann R. Industriearbeit im Dritten Reich. Göttingen, 1989. S. 85-86.
- ⁴⁸¹ Gassner G. Op. cit. S. 215.
- ⁴⁸² См.: Ерин М.Е., Ермаков А.М. Указ. соч. С. 151.
- ⁴⁸³ Domarus M. (Hg) Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945. Bd. 2. München, 1965. S. 1317.
- ⁴⁸⁴ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 115.
- ⁴⁸⁵ См.: Zilbert E.A. Albert Speer and the Nazi Ministry of Arms. L., 1981. P. 38.
- ⁴⁸⁶ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 108, 134.
- ⁴⁸⁷ См.: ibid. P. 129, 131.
- ⁴⁸⁸ См.: ibid. P. 105-106.
- ⁴⁸⁹ См.: Sachse C. Op. cit. S. 571.
- ⁴⁹⁰ См.: Stephenson J. «Emancipation» and its Problems. P. 353.

- ⁴⁹¹ Gassner G. Op. cit. S. 220.
- ⁴⁹² См.: Mason T. Op. cit. Part 2. P. 19-20.
- ⁴⁹³ Ibid. P. 20.
- ⁴⁹⁴ Цит. по: Gassner G. Op. cit. S. 215.
- ⁴⁹⁵ Hachtmann R. Op. cit. S. 49.
- ⁴⁹⁶ См.: РГВА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 7. Л. 114.
- ⁴⁹⁷ См.: РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 37. Л. 20.
- ⁴⁹⁸ См.: там же. Л. 20 об. – 21.
- ⁴⁹⁹ См.: Stephenson J. The Nazi Organisation of Women. P. 184.
- ⁵⁰⁰ См.: *ibid.* P. 187.
- ⁵⁰¹ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 102-104, 123.
- ⁵⁰² См.: *ibid.* P. 128.
- ⁵⁰³ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 10. Л. 38.
- ⁵⁰⁴ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 15. Л. 10.
- ⁵⁰⁵ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 17. Л. 16.
- ⁵⁰⁶ См.: Рисс К. Геббельс. Адвокат дьявола. М., 2000. С. 402.
- ⁵⁰⁷ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 22. Л. 11-12.
- ⁵⁰⁸ См.: там же. Л. 56.
- ⁵⁰⁹ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 28. Л. 161-162.
- ⁵¹⁰ См.: там же. Л. 136-137.
- ⁵¹¹ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 83-84.
- ⁵¹² Цит. по: Шпеер А. Воспоминания. Смоленск; М., 1997. С. 307-308.
- ⁵¹³ См.: Stephenson J. «Emancipation» and its Problems. P. 355-357.
- ⁵¹⁴ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 124-125.
- ⁵¹⁵ См.: RGBL.1943. Teil 1. S. 67.
- ⁵¹⁶ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 82.
- ⁵¹⁷ См.: Mason T. Op. cit. Part 2. P. 21.
- ⁵¹⁸ См.: Winkler D. Op. cit. S. 137.
- ⁵¹⁹ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 84-85.
- ⁵²⁰ См.: Gassner G. Op. cit. S. 217.
- ⁵²¹ См.: Stephenson J. «Emancipation» and its Problems. P. 352.
- ⁵²² См.: Winkler D. Op. cit. S. 137.
- ⁵²³ См.: Шпеер А. Указ. соч. С. 208.

- ⁵²⁴ См.: Rupp L.J. Op. cit. P. 109.
- ⁵²⁵ Stephenson J. «Emancipation» and its Problems. P. 347.
- ⁵²⁶ См.: Gassner G. Op. cit. S. 225.
- ⁵²⁷ См.: Winkler D. Op. cit. S. 141.
- ⁵²⁸ См.: Gassner G. Op. cit. S. 218.
- ⁵²⁹ Цит. по: Mason T. Op. cit. Part 2. P. 21.
- ⁵³⁰ См.: ibidem; Gassner G. Op. cit. S. 218.
- ⁵³¹ См.: Stephenson J. «Emancipation» and its Problems. P. 350-351.
- ⁵³² См.: Sachse C. Op. cit. S. 572.; Bock G. Antinatalism, Maternity And Paternity In National Socialist Racism // In: Crew D.F. (Ed). Nazism and German Society, 1933-1945. N. Y., 2003. P. 128.
- ⁵³³ См.: Gassner G. Op. cit. S. 221.
- ⁵³⁴ См.: Rupp L. J. Op. cit. P. 107.
- ⁵³⁵ Gassner G. Op. cit. S. 219.
- ⁵³⁶ РГВА. Ф. 503. Оп. 1. Д. 485. Л. 1.
- ⁵³⁷ См.: там же. Л. 4.
- ⁵³⁸ См.: Gassner G. Op. cit. S. 222.
- ⁵³⁹ Цит. по: Siegel T. Die gekaufte Arbeiterklasse? - Lohnpolitik im nationalsozialistischen Deutschland // Gewerkschaftliche Monatshefte. 1984. Jg. 35. N 9. S. 543.
- ⁵⁴⁰ См.: ibidem; Bry G. Op. cit. P. 237.
- ⁵⁴¹ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 5. Л. 32.
- ⁵⁴² См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 11. Л. 53.
- ⁵⁴³ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 12. Л. 35-36.
- ⁵⁴⁴ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 5. Л. 24.
- ⁵⁴⁵ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 12. Л. 13.
- ⁵⁴⁶ Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 267.
- ⁵⁴⁷ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 7. Л. 28.
- ⁵⁴⁸ См.: Gassner G. Op. cit. S. 228-229.
- ⁵⁴⁹ См.: Kuhn A., Rothe V. Op. cit. Bd. 2. S. 31. Q. 71.
- ⁵⁵⁰ См.: Wilke G., Wagner K. Family and Household: Social Structures in a German Village Between the Two World Wars // In: Evans R. J., Lee W.R. (Eds.). The German Family. Essays on the social history of the family in nineteenth - and - twentieth - century Germany. L.;Totowa (N J.), 1981. P. 143.
- ⁵⁵¹ Gassner G. Op. cit. S. 230.

- ⁵⁵² См.: Stephenson J. The Nazi Organisation of Women. P. 189.
- ⁵⁵³ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.
- ⁵⁵⁴ См.: Stephenson J. Women in Nazi Society. P. 47.
- ⁵⁵⁵ РГВА. Ф. 720. Оп. 7. Д. 35. Л. 599-599 об.
- ⁵⁵⁶ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 4. Л. 13.
- ⁵⁵⁷ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 7. Л. 34.
- ⁵⁵⁸ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 4. Л. 16.
- ⁵⁵⁹ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 5. Л. 19.
- ⁵⁶⁰ Там же. Л. 27.
- ⁵⁶¹ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 7. Л. 32.
- ⁵⁶² Там же. Л. 43.
- ⁵⁶³ См.: Mason T. Op. cit. Part 1. P. 111, прим. 60.
- ⁵⁶⁴ Цит. по: Scholtz-Klink G. Die Frau im Dritten Reich. Tubingen, 1978. S. 339.
- ⁵⁶⁵ Ibid. S. 340-341.
- ⁵⁶⁶ См.: ibid. S. 342-344.
- ⁵⁶⁷ См.: ibid. S. 345.
- ⁵⁶⁸ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 19. Л. 53.
- ⁵⁶⁹ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 4. Л. 17.
- ⁵⁷⁰ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 14. Л. 12.
- ⁵⁷¹ Stephenson J. «Reichsbund der Kinderreichen». P. 362.
- ⁵⁷² См.: ibid. P. 364-366.
- ⁵⁷³ См.: Gassner G. Op. cit. S. 225.
- ⁵⁷⁴ РГВА. Ф. 500. Оп. 4. Д. 83. Л. 3.
- ⁵⁷⁵ Там же. Л. 5.
- ⁵⁷⁶ Там же. Л. 8.
- ⁵⁷⁷ Там же. Л. 7.
- ⁵⁷⁸ Там же. Л. 13, 14 об.
- ⁵⁷⁹ Там же. Л. 15.
- ⁵⁸⁰ Маррабини Ж. Повседневная жизнь Берлина при Гитлере. М., 2003. С. 153.
- ⁵⁸¹ См.: Orlow D. The History of Nazi Party. 1933-1945. V. II. Pittsburgh, 1973. P. 415, 425-426, 456
- ⁵⁸² РГВА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 55. Л. 33.
- ⁵⁸³ РГВА. Ф. 1372. Оп. 6. Д. 79. Л. 14 об.
- ⁵⁸⁴ Гизевиус Г.Б. До горького конца. Записки заговорщика. Смоленск, 2002. С. 384.

- ⁵⁸⁵ См.: Campbell d'Ann. *Women in Combat: The World War II Experience in the United States, Great Britain, Germany and the Soviet Union* // *The Journal of Modern History*. 1993. V. 57. N. 2. P. 314-316.
- ⁵⁸⁶ Цит. по: *ibid.* P. 317.
- ⁵⁸⁷ См.: *ibid.* P. 317; Stephenson J. *The Nazi Organisation of Women*. P. 206.
- ⁵⁸⁸ См.: Gersdorf U. von. *Frauen im Kriegsdienst, 1914-1945*. Stuttgart, 1969. S. 74.
- ⁵⁸⁹ См.: Campbell d'Ann. *Op. cit.* P. 315.
- ⁵⁹⁰ Геббельс Й. *Последние записи*. Смоленск, 1993. С. 59.
- ⁵⁹¹ См : Campbell d'Ann. *Op. cit.* P. 318.
- ⁵⁹² Цит. по: Nolan M. *Work, Gender and Everyday Life in twentieth - century Germany* // In: *Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison*. Cambridge, 1997. P. 334.
- ⁵⁹³ См.: Sachse C. *Op. cit.* S. 571.
- ⁵⁹⁴ См : Rupp L J. *Op. cit.* P. 75.
- ⁵⁹⁵ См.: Koonz C. *Mothers in the Fatherland*. P. 188.
- ⁵⁹⁶ См.: Stephenson J. "Reichsbund der Kinderreichen". P. 367.
- ⁵⁹⁷ См : Winkler D. *Op. cit.* S. 193.
- ⁵⁹⁸ См.: Зигмунд А М. *Указ. соч.* С. 9, 115.
- ⁵⁹⁹ Цит. по: Lubasz H. *Op. cit.* P. 78.
- ⁶⁰⁰ См.: Lampert H. *Op. cit.* S. 192.
- ⁶⁰¹ См.: *ibid.* S. 193-194.
- ⁶⁰² РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 2454. Л. 5.
- ⁶⁰³ Цит по: Prinz M. *Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen. Die Entwicklung des sozialen status der Angestellten von der Weimarer Republik bis zum Ende des NS – Zeit*. München, 1986. S.283-284.
- ⁶⁰⁴ См.: *ebenda.* S. 285, 289-290.
- ⁶⁰⁵ См.: *ebenda.* S. 292.
- ⁶⁰⁶ См.: *ebenda.* S. 297.
- ⁶⁰⁷ Цит. по: *ebenda.* S.298-299.
- ⁶⁰⁸ Цит. по: *ebenda.* S. 301.
- ⁶⁰⁹ РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 2475. Л. 32.
- ⁶¹⁰ См.: *там же.* Л. 32-33.
- ⁶¹¹ См.: *там же.* Л. 35-36.
- ⁶¹² См.: *там же.* Л. 44.

- ⁶¹³ Там же. Л. 46.
- ⁶¹⁴ Гитлер А. Указ. соч. С. 265.
- ⁶¹⁵ RGBL. 1937. Teil 1. S. 55-56.
- ⁶¹⁶ См.: Muhl-Benninghaus S. Das Beamtentums in der NS – Diktatur bis zum Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. Düsseldorf, 1996. S. 55.
- ⁶¹⁷ См.: Kater M.H. The Nazi Party. A. Social Profile of Members and Leaders, 1919-1945. P. 736.
- ⁶¹⁸ См.: Diehl J.M. Change and Continuity in the Treatment of German Kriegsopfer // Central European History. 1985. V. 18. N 2. P. 173.
- ⁶¹⁹ См.: Diehl J.M. Victors or Victims? Disabled Veterans in the Third Reich // Journal of Modern History. 1987. V. 59. N 4. P. 720-721.
- ⁶²⁰ См.: Diehl J.M. Change and Continuity in the Treatment of German Kriegsopfer. P. 174; Diehl J.M. Victors or Victims? P. 732.
- ⁶²¹ См.: Diehl J.M. Victors or Victims? P. 733-734.
- ⁶²² См.: Залесский К.А. Указ соч. С. 694.
- ⁶²³ См.: Stephenson J. The Nazi Organisation of Women. P. 147.
- ⁶²⁴ См.: Snyder L.L. Encyclopedia of the Third Reich. L., 1976. P. 245.
- ⁶²⁵ Vorlander H. Die NSV. Darstellung und Dokumentation einer nationalsozialisten Organisation Vorpard am Rhein, 1988. S. 324; S. 201-203. Dok. N 19.
- ⁶²⁶ В политическом отношении подчинялась главной службе народного здравоохранения НСДАП
- ⁶²⁷ См.: Vorlander H. Op. cit. S. 321-324. Dok. N 128.
- ⁶²⁸ См.: Grill J.H. The Nazi Movement in Baden, 1920-1945. Chapel Hill, 1983. P. 366-367.
- ⁶²⁹ См.: Snyder L.L. Op. cit. P. 324-326.
- ⁶³⁰ См.: Vorländer H. Op. cit. S. 218-219. Dok. N 39.
- ⁶³¹ См.: ebenda. S. 386-387. Dok. N 184.
- ⁶³² См.: Lampert H. Op. cit. S. 200.
- ⁶³³ Цит. по: Vorländer H. Op. cit.. S. 382-383. Dok. N 180.
- ⁶³⁴ РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 279^a. Л. 2-4.
- ⁶³⁵ См.: РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 637. Л. 1^a.
- ⁶³⁶ См.: Milton S. Vorstufe zur Vernichtung. Die Zigeunerlager nach 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1995. Jg. 43. N 1. S. 121, 124.
- ⁶³⁷ См.: Noakes J. Social Outcasts in Nazi Germany // History Today. December 1985. V. 35. P. 18.
- ⁶³⁸ РГВА. Ф. 1372. Оп. 5. Д. 251. Л. 77.

- ⁶³⁹ См.: там же. Л. 61.
- ⁶⁴⁰ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 372.
- ⁶⁴¹ См.: ibid. P. 370.
- ⁶⁴² Цит. по: Vorländer H. Op. cit. S. 331-332. Dok. N 132.
- ⁶⁴³ Ebenda S. 270-271. Dok. N 79.
- ⁶⁴⁴ См.: ebenda. S. 278-280. Dok. N 87.
- ⁶⁴⁵ См.: ebenda. S. 464-465. Dok. N 261.
- ⁶⁴⁶ См.: ebenda. S. 466-468. Dok. N 262.
- ⁶⁴⁷ См.: ebenda. S. 407-409. Dok. N 207.
- ⁶⁴⁸ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1938. B., 1938. S. 590.
- ⁶⁴⁹ The Berlin Diaries 1940-1945 of Marie «Missie» Vassiltchikov. P.82.
- ⁶⁵⁰ См.: Kershaw I. The «Hitler Myth». Image and Reality in the Third Reich. Oxford; N.Y., 1987. P.162; Grill J.H. Op. cit. P.367.
- ⁶⁵¹ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 12. Л. 23.
- ⁶⁵² РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 20. Л. 40-41.
- ⁶⁵³ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 10. Л. 43.
- ⁶⁵⁴ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 12. Л. 47.
- ⁶⁵⁵ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 37. Л. 166.
- ⁶⁵⁶ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 33. Л. 219-219об.
- ⁶⁵⁷ Подразделение КППГ.
- ⁶⁵⁸ См.: Noakes J., Pridham G. Op. cit. P. 298.
- ⁶⁵⁹ Цит. по: Engelmann B. In Hitler's Germany. Daily Life in the Third Reich. N.Y., 1986. P. 189.
- ⁶⁶⁰ The Berlin Diaries 1940-1945 of Marie "Missie" Vassiltchikov P. 123.
- ⁶⁶¹ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 377.
- ⁶⁶² См.: Wir wollen helfen! Erfahrungen und ergebnisse des Winterhilfswerkes 1931/1932. B., 1932. S. 70. – РГВА. Ф. 519. Оп. 5. Д. 26. Л. 36.
- ⁶⁶³ См.: Vorlander H. Op. cit. S. 44.
- ⁶⁶⁴ Ibid. S. 226. Dok. N 45.
- ⁶⁶⁵ Цит. по: ibid. S. 228-229. Dok. N 47.
- ⁶⁶⁶ См.: Prinz M. Op. cit. S. 155.
- ⁶⁶⁷ См.: Vorländer H. Op. cit. S. 55, 51.
- ⁶⁶⁸ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 378.
- ⁶⁶⁹ См.: Vorlander H. Op. cit. S. 50, 52.

- ⁶⁷⁰ См.: Snyder L.L. Op. cit. P. 381.
- ⁶⁷¹ См.: Burleigh M. Op. cit. P. 224.
- ⁶⁷² См.: Vorlander H. Op. cit. S. 51-52.
- ⁶⁷³ Cassels A. Fascism. N.Y., 1975. P. 136.
- ⁶⁷⁴ См.: Koonz C. Mothers in the Fatherland P.180.
- ⁶⁷⁵ См.: Prinz M. Op. cit. S. 155. Эти вычеты, начиная с 1935 г., составляли 10% доходов «рабочих ума и кулака» (Vorländer H. Op. cit. S. 50).
- ⁶⁷⁶ См.: Engelmann B. Op. cit P. 177.
- ⁶⁷⁷ См.: РГВА. Ф. 1372. Оп. 5. Д. 251. Л. 15.
- ⁶⁷⁸ См.: Grill J.H. Op. cit. P. 378-379.
- ⁶⁷⁹ Vorlander H. Op. cit. S. 50.
- ⁶⁸⁰ Shirer W. L. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. N.Y., 1981. P. 264.
- ⁶⁸¹ Jaud R. J. Der Landkreis Aachen in der NS – Zeit. (Politik, Wirtschaft und Gesellschaft in einem Katholischen Grenzgebiet 1929-1944). Frankfurt a. M., 1997. S. 569, прим. 129.
- ⁶⁸² Ibid. S. 568, прим. 120.
- ⁶⁸³ См.: Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945. Oxford, 1984. P. 85.
- ⁶⁸⁴ См.: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 68.
- ⁶⁸⁵ См.: РГВА. Ф. 501. Оп.3. Д. 505. Л. 10.
- ⁶⁸⁶ См.: Vorlander H. Op. cit. S. 53, 55.
- ⁶⁸⁷ РГВА. Ф. 1372. Оп.6. Д. 3. Л. 174.
- ⁶⁸⁸ См.: там же. Л. 173.
- ⁶⁸⁹ См.: там же. Л. 138.
- ⁶⁹⁰ Papen F. von. Memoirs. L., 1952. P. 489.
- ⁶⁹¹ Шпеер А. Указ соч. С. 180.
- ⁶⁹² См.: Snyder L.L. Op. cit. P. 381.
- ⁶⁹³ См.: Barkai A. The German Volksgemeinschaft from the Persecution of the Jews to the «Final Solution» // In. Burleigh M. (Ed.). Confronting the Nazi Past. P. 88.
- ⁶⁹⁴ См.: РГВА. Ф. 500. Оп.1. Д. 279^a. Л. 2.
- ⁶⁹⁵ См.: Vorlander H. Op. cit. S. 250-253 . Dok. N 65.
- ⁶⁹⁶ См.: ibid. S. 58.
- ⁶⁹⁷ См.: ibid. S. 52.
- ⁶⁹⁸ РГВА. Ф. 1372. Оп.6. Д. 3. Л. 170-172.

- ⁶⁹⁹ См.: Peukert D. J. K. Op. cit. P. 194.
- ⁷⁰⁰ См.: Vorlander H. Op. cit. S. 53, 57, 49.
- ⁷⁰¹ См.: ibid. S. 227. Dok. N 46.
- ⁷⁰² РГВА. Ф. 1372.Оп.5. Д. 251. Л. 109.
- ⁷⁰³ Там же. Л. 106.
- ⁷⁰⁴ См.: там же. Л. 34.
- ⁷⁰⁵ Там же. Л. 45.
- ⁷⁰⁶ См.: Grunberger R. The 12-Year Reich. A Social History of Nazi Germany 1933-1945. N.Y. etc., 1971. P.190.
- ⁷⁰⁷ Цит. по: Hansen E. Wohlfahrtspolitik im NS – Staat. Motivationen, Konflikte und Machtstrukturen im «Sozialismus der Tat» des Dritten Reiches. Augsburg, 1991. S. 25.
- ⁷⁰⁸ См · Vorlander H. Op. cit S. 58.
- ⁷⁰⁹ См.: ibid. S. 52, 57-58.
- ⁷¹⁰ Ibid S. 393. Dok. N 191.
- ⁷¹¹ РГВА. Ф. 1363. Оп.3. Д. 6. Л. 1.
- ⁷¹² РГВА. Ф. 1363.Оп.3. Д. 12. Л. 12.
- ⁷¹³ См.: Vorländer H. Op. cit. S. 396-397. Dok. N 196.
- ⁷¹⁴ Цит. по: Герцштейн Р.Э. Указ. соч. С. 104.
- ⁷¹⁵ Цит. по: Semmler R. Goebbels – The Man Next to Hitler. L., 1947. P. 51.
- ⁷¹⁶ РГВА. Ф. 1363.Оп.3. Д. 27. Л. 230.
- ⁷¹⁷ Там же. Л. 175.
- ⁷¹⁸ РГВА. Ф. 1363.Оп.3. Д. 3. Л. 8.
- ⁷¹⁹ См.: РГВА. Ф. 1363.Оп 3. Д. 11. Л. 20.
- ⁷²⁰ Там же. Л. 45.
- ⁷²¹ Vorlander H. Op. cit. S. 395. Dok. N 193.
- ⁷²² См.: ibidem. Dok. N 194.
- ⁷²³ РГВА. Ф. 1363. Оп.3. Д 2. Л. 18.
- ⁷²⁴ См.: РГВА. Ф. 1363.Оп.3. Д. 3. Л. 3.
- ⁷²⁵ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 38. Л. 177.
- ⁷²⁶ РГВА. Ф. 1363.Оп.3. Д. 28. Л. 212-213.
- ⁷²⁷ См.: Vorländer H. Op. cit. S. 57.
- ⁷²⁸ См.: Grill J. H. Op. cit. P. 382.
- ⁷²⁹ См.: РГВА. Ф. 1363. Оп.3. Д. 13. Л. 17.

⁷³⁰ Цит. по: Vorländer H. Op. cit. S. 394. Dok. N 192.

⁷³¹ РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 27. Л. 2-3.

⁷³² РГВА. Ф. 1363. Оп. 3. Д. 35. Л. 45-45 об.

⁷³³ Там же. Л. 244.

⁷³⁴ См.: Hansen E. Op. cit. S. 25.

⁷³⁵ Vorländer H. Op. cit. S. 55.

⁷³⁶ Цит. по: Burleigh M., Wippermann W. Op. cit. P. 69.

⁷³⁷ Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. С. 48-49.

⁷³⁸ Grill J. H. Op. cit. P. 364.

⁷³⁹ См.: Jannen W. National Socialists and Social Mobility // Journal of Social History. 1976. V. 9 № 3. P. 345.

⁷⁴⁰ См.: Социально-демографическая политика в развитых странах Запада. Реферативный сборник. М., 1992. С. 28-29.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Российский государственный военный архив (РГВА, Москва).
Фонд 500. Главное управление имперской безопасности (РСХА, Берлин).
Оп. 1. Д. 250, 279^а, 637.
Оп. 3. Д. 313, 395.
Оп. 4. Д. 83, 330.
Фонд 501. Управление гестапо.
Оп. 3. Д. 505.
Фонд 503. Управление гестапо.
Оп. 1. Д. 431, 438, 485.
Фонд 519. Национал-социалистическая германская рабочая партия (НСДАП).
Оп. 1. Д. 18, 37, 42, 53, 55.
Оп. 4. Д. 63, 65, 71.
Оп. 5. Д. 26.
Фонд 720. Министерство внутренних дел Германии.
Оп. 4. Д. 25.
Оп. 7. Д. 35.
Фонд 1235. Имперская канцелярия.
Оп. 2. Д. 4^б.
Фонд 1275. Документальные материалы, собранные имперским архивом в г. Потсдаме (коллекция).
Оп. 5. Д. 378.
Фонд 1355. Личная канцелярия Гитлера (Берлин).
Оп. 1. Д. 7.
Фонд 1363. Министерство просвещения и пропаганды Германии.
Оп. 2. Д. 100.

Оп. 3. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 22, 27, 28, 33, 35, 37, 38.

Оп. 5. Д. 45.

Фонд 1372. Документальные материалы управлений СС и материалы по пенсионному обеспечению германских военнослужащих, служащих войск СС, добровольцев иностранных легионов войск СС и их семей (коллекция).

Оп. 5. Д. 251.

Оп. 6. Д. 3, 79.

Фонд 1458. Министерство хозяйства Германии (Берлин).

Оп. 3. Д. 22, 686, 2454, 2475.

2. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО).

Фонд Р-513. Таганрогское городское управление бургомистра.

Оп. 1. Д. 11, 12.

Фонд Р-604. Газета «Новое слово». 1941-1942 гг.

Оп. 1. Д. 1.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

3. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах / Под общей ред. Р.А. Руденко. – М.: Госюриздат, 1957-1961.

Т. 1. – 800 с.; Т. 2. – 863 с.; Т. 3. – 816 с.; Т. 4. – 896 с.; Т. 5. – 884 с.;

Т. 6. – 748 с.; Т. 7. – 760 с.

4. СС в действии. Документы о преступлениях СС. – М.: СВЕТОТОН, 2000. – 624 с.

5. Jahnke K. H., Buddrus M. Deutsche Jugend 1933-1945. Eine Dokumentation. – Hamburg: VSA – Verlag, 1989. – 496 s.

6. Klose W. Generation im Gleichschritt. Ein Dokumentarbericht. Oldenburg; Hamburg: Stalling, 1964. – 296 s.
7. Kuhn A., Rothe V. Frauen im deutschen Faschismus. – Bd. 1: Frauenpolitik im NS – Staat. Eine Quallensammlung mit fachwissenschaftlichen und fachdidaktischen Kommentaren. – 3 Aufl. – Düsseldorf: Schwann, 1987. – 142 s.
8. Kuhn A., Rothe V. Frauen im deutschen Faschismus. – Bd. 2: Frauenarbeit und Frauenwiderstand im NS – Staat. – 3 Aufl. – Düsseldorf: Schwann, 1987. – 205 s.
9. Noakes J., Pridham G. Documents, 1919-1945. – New York: The Viking Press, 1975. – 704 p.
10. Ruge W., Schumann W. (Hrsg.). Dokumente zur deutschen Geschichte 1942-1945. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1977. – 142 s.
11. Vorländer H. Die NSV. Darstellung und Dokumentation einer nationalsozialistischen Organisation. – Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag, 1988. – 544 s.

III. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

12. Begründung zum Deutschen Beamtengesetz. Vom 26. Januar 1937 // Deutscher Reichsanzeiger und Preußischer Staatsanzeiger. – N 22. – Vom 28. Januar 1937.
13. Deutsches Beamtengesetz. Vom 26. Januar 1937 // Reichsgesetzblatt. – Teil 1. – S. 41-70.
14. Drittes Gesetz zur Änderung des Gesetzes über die Förderung der Eheschließungen // Reichsgesetzblatt. – 1937. – Teil 1. – S. 1158-1159.
15. Erste Anordnung zur Durchführung der Verordnung zur Beseitigung der Übersetzung im Einzelhandel. Vom 16. März 1939 // En: Heun W. Deutsches Handelsrecht. – Ein Handbuch für den praktischen Gebrauch mit Anmerkungen aus der Rechtsprechung. – Berlin; München: Schweitzer Verlag, 1944. – S. 1283-1289.

16. Gesetz zum Schutze des Einzelhandels. Vom 12. Mai 1933 // En. Heun W. Deutsches Handelsrecht. – S. 1277-1280.
17. Gesetz zur Durchführung des Vierjahresplans – Bestellung eines Reichskommissars für die Preisbildung. Vom 29. Oktober 1936 // En: Heun W. Deutsches Handelsrecht. – S. 1296-1298.
18. Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit // Reichsgesetzblatt. – 1934. – Teil 1. – S. 45-56.
19. Gesetz zur Verminderung der Arbeitslosigkeit // Reichsgesetzblatt. – 1933. – Teil 1. – S. 326-327.
20. Verordnung zur Änderung und Ergänzung von Vorschriften auf dem Gebiete des Handelsrechts. Vom 24. Januar 1940 // En: Heun W. Deutsches Handelsrecht.– S. 1623-1624.
21. Verordnung zur Beseitigung der Übersetzung im Einzelhandel. Vom 16. März 1939 // Reichsgesetzblatt. – 1933. – Teil 1. – S. 498.
22. Verordnung zur Durchführung der Marktaussicht in der gewerblichen Wirtschaft und zur Vereinfachung des Organisationswesens auf dem Gebiete der Marktregelung (Marktaussichtsverordnung). Vom 20. Oktober 1942 // En: Heun W. Deutsches Handelsrecht. – S. 1275-1277.
23. Verordnung über das Verbot von Preiserhöhungen. Vom 26. November 1936 // En: Heun W. Deutsches Handelsrecht. – S. 1299.
24. Verordnung über Preisbindungen. Vom 23. November 1940 // En: Heun W. Deutsches Handelsrecht. – S. 1299-1304.
25. Zweite Anordnung zur Durchführung der Verordnung zur Beseitigung der Übersetzung im Einzelhandel. Vom 23. Dezember 1939 // Reichsgesetzblatt. – 1934. – Teil 1. – S. 2504.

IV. КНИГИ, СТАТЬИ, РЕЧИ ЛИДЕРОВ И ИДЕОЛОГОВ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

26. Гитлер А. Моя борьба: Пер. с нем. – «Т-Око», 1992. – 598 с.

27. Гюнтер Г.Ф.К. Избранные работы по расологии: Пер. с нем. – М.: Белые альвы, 2002. – 480 с.
28. Крик Э. Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики: Пер. с нем. – М.: Белые альвы, 2004 – 432 с.
29. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1993. – 496 с.
30. Раушинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М.: «МИФ», 1993. – 382 с.
31. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени: Пер. с нем. – Tallinn: «Shildex», 1998. – 526 с.
32. Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941-1944 гг.: Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 655 с.
33. Bardow E. Landarbeitswohnungsbau (vergleichende Ruckschau und Ausblick) // Reichsplanung. – 1937. – Jg. 3. – N 5/6. – S. 113-118.
34. B.R. Sozialpolitisihe Chronik // Volk im Werden. – 1935. – Jg. 3. – N 8. – S. 502-505.
35. Dekker (без инициалов). Sozialistische im Arbeitsdienst und Siedlungswille // Reichsplanung. – 1936. – Jg. 2. – N 10.– S. 290-292.
36. Derichsweiler A. Student der Bewegung // Volk im Werden. – 1935. – Jg. 3. – N 2. – S. 80-84.
37. Domarus M. (Hg.). Reden und Proklamationen deutschen Zeitgenossen. – Bd. 1. – Wuerzburg, 1962.
38. Domarus M. (Hg.). Reden und Proklamationen 1932-1945. – Bd. 2. – München, 1965.
39. Ehrentag der Familie // Volk und Rasse. – 1936. – Jg. 11. – N. 7. – S. 275.
40. Gaensecke R. Die Entwicklung des Frauenstudiums und seine Aufgabe im heutigen Staat // Volk im Werden. – 1935. – Jg. 2. – N 2. – S. 112-116.
41. Groß W. Von neuen Kämpfertum des Studenten // Ebenda. S. 91-93.

42. Kaufmann G. Die Hitler-Jugend im Kriegsjahr 1939/40 // Nationalsozialistisches Jahrbuch. 1941. – München: Zentralverlag der NSDAP, 1941. – S. 204-206.
43. Knorr W. Kinderreihenauslese durch das Rassenpolitische Amt der NSDAP in Sachsen // Volk und Rasse. – 1936. – Jg. 11. – N 7. – S. 269-275.
44. Knorr W. Das Ehrenkreuz der Deutschen Mutter // Volk und Rasse. – 1939. – Jg. 14. – N 3. – S. 269-275.
45. Kremer H. Die Kulturpolitischen Aufgaben des N.S.D. Studentenbundes // Volk im Werden. – 1935. – Jg. 3. – N 2. – S. 99-103.
46. Kuhn (без инициалов). Agrarpolitik und Landflucht // Reichsplanung. – 1936. – N 6. – S. 177-180.
47. Knost F.R. Familienrecht im Umbruch // Familie, Sippe, Volk. – Berlin, 20. April 1938. Jg. 4. – N 3. – S. 66-70.
48. Loeffler L. Rassen – und Siedlungspolitik // Reichsplanung. – 1936. – N 10. – S. 292-299.
49. Lotz W. Beauty of Work in Germany. – Berlin. H. Bütter, 1941. – 60 p.
50. Mähner G. Die politische Erziehungsarbeit in den Schulungslagern des N.S.D. Studentenbundes // Volk im Werden. – 1935. – Jg. 2. – N 2. – S. 112-116.
51. Moritz H. Das Fachschulstudentum // Ebenda. – S. 108-112.
52. Nürnberg und die deutsche Sozialpolitik // Volk im Werden. – 1935. – Jg. 3. – N 7. – S. 441-444.
53. Roos H.S. von. Zum Problem der deutschen Landarbeiterschicht // Reichsplanung. – 1937. — Jg. 3. – N 5/6. – S. 118-121.
54. Schirach B. von. Die Hitler Jugend. Idee und Gestalt. – Berlin: Zeitgeschichte, 1934. – 250 s.
55. Schroeter E. Volksbiologische Forderungen der Landarbeitersiedlung // Reichsplanung. – 1937. – Jg. 3. – N 5/6. – S. 121-126.

56. Scholtz-Klink G. Die Frau im Dritten Reich. – Tübingen: – Grabert-Verlag, 1978. – 546 s.
57. Strutz M. Die Aufgaben der Frau in Sippenkund und Sippenflege // Familie, Sippe, Volk. – Berlin, 20. April 1938. – Jg. 4. – N 4. – S. 89-91.
58. Streit H. Das Reichsstudentewerk // Volk im Werden. – 1935. – Jg. 3. – N 2. – S. 130-135.
59. The Speeches of Adolf Hitler. April 1922 – August 1939. – V. 1. – London; New York; Toronto, 1942. – 987 p.

V. СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

60. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1933. – Berlin: Verlag der Reimar Hobbing, 1933.
61. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1934. – Berlin: Verlag der Reimar Hobbing, 1934.
62. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1935. – Berlin: Verlag der Reimar Hobbing, 1935.
63. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1936. – Berlin: Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1936.
64. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1937. – Berlin: Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1937.
65. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1938. – Berlin: Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1938.
66. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1939. – Berlin: Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1939.
67. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1940. – Berlin: Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1940.
68. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1941. – Berlin; Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1941.

69. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1942. – Berlin: Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1942.
70. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1943. – Berlin: Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1943.
71. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1944. – Berlin: Verlag für Sozialpolitik, Wirtschaft und Statistik, Paul Schmidt, 1944.
72. Statistisches Handbuch von Deutschland (1928-1944). – München: Franz Ehrenwirth Verlag, 1949. – 640 s.

VI. МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

73. Агапов А.Б. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы»: Пер. с нем.: – 2-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004. – 504 с.
74. Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера: Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 2003. – 528 с.
75. Васильчикова М.И. Берлинский дневник, 1940-1945: Пер. с англ. – М.: Журнал «Наше наследие»: Полиграфресурсы, 1994. – 319 с.
76. Видеман Ф. Гитлер глазами его адъютанта // Новая и новейшая история. – 1998. – N 5. – С. 215; 1999. – N 1. – С. 222-223.
77. Геббельс Й. Последние записи: Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1993. – 416 с.
78. Гереке Г. Я был королевско-прусским советником. Мемуары политического деятеля: Пер. с нем. – М.: «Прогресс», 1977. – 368 с.
79. Гизевиус Г.Б. До горького конца. Записки заговорщика: Сокр. пер. с нем. – Смоленск: Русич, 2002. – 688 с.
80. Дневник посла Додда: Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1961.
81. Керстен Ф. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940-1945 гг.: Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 430 с.

82. Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933-1947: Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 590 с.
83. Шмидт П. Переводчик Гитлера: Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 400 с.
84. Ширер У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента: Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. – 508 с.
85. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: Пер. с англ. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 928 с.
86. Шпеер А. Воспоминания: Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1997. – 696 с.
87. Юнге Т. Воспоминания секретаря Гитлера. До последнего часа: Пер. с нем. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 221 (3)с.
88. Adolf Hitler: The Medical Diaries. The Private Diaries of Dr. Theo Morell. – London: Sidgwick and Jackson, 1983. – 310 p.
89. Duncan J. What I saw in Germany. – London: The Churchman Publishing co., Ltd., 1936. – 132 p.
90. Fromm B. Blood and Banquets. A Berlin Social Diary. – New York; London: Harper and Brothers Publishers, 1942. – 332 p.
91. Gay P. My German question: Growing up in Nazi Berlin. – New Haven; London: Yale University press, 1998. – XIII, 208 p.
92. Hoffmann H. Hitler was my friend. – London: Burke, 1995. – 256 p.
93. Kersten F. The Kersten Memoirs 1940-1945. – New York: The Macmillan Company, 1957. – 314 p.
94. Papen F. von. Memoirs. – London: Andre Deutsch, 1952. – 630 p.
95. Schmitt H.A. Lucky Victim. An Ordinary Life in Extraordinary Times 1933-1946. – Baton Rouge; London: Louisiana State University Press, 1989. – 254 p.

96. Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. – New York: Simon and Schuster, 1981. – 1245 p.
97. Shirer W.L. The Nightmare Years: 1930-1940. – V. 2. – Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1984. – 654 p.
98. Speer A. Spandau. The Secret Diaries. – New York: Pocket Books, 1977. – 514 p.
99. The Berlin Diaries 1940-1945 of Marie «Missie» Vassiltchikov. – London: Chatto and Windus, 1987. – 324 p.
100. The Bormann Letters: the private correspondence between Martin Bormann and his wife from January 1943 to April 1945. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1954. – XXIII, 200 p.
101. The long generation. Germany from Empire to Ruin, 1913-1945. – New York etc.: Harper and Row, 1973. – 359 p.
102. The Memoirs of Bridget Hitler. L., 1979.

**VII. МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, ДИССЕРТАЦИИ,
АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ**

103. Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР // Новая и новейшая история. – 2002. – N. 6. – С. 62-89.
104. Аникеев А.А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1979. – 224 с.
105. Аникеев А.А. Аграрная политика германского фашизма и ее крах. – Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1981. – 40 с.
106. Аникеев А.А. Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1990. – 208 с.
107. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – 323 с.
108. Арендт Х. Истоки тоталитаризма: Пер. с англ. – М.: Центр Ком, 1996. – 672 с.
109. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – 303 с.

110. Бланк А.С. В сердце «третьего рейха». Из истории антифашистского Народного фронта в подполье. – М.: Мысль, 1974. – 237 с.
111. Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт искупления тоталитарного общества. – М., 1999.
112. Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Т. 1: Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 1994. – 528 с.
113. Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Т. 2: Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 1994. – 672 с.
114. Бросчат М. Тысячелетний рейх: Пер. с нем. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. – 352 с.
115. Бросчат М. Закат тысячелетнего рейха: Пер. с нем. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 288 с.
116. Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах. 1939-1945 (идейно-политические проблемы). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. – 168 с.
117. Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933-1939. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 164 с.
118. Буханов В.А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах. 1939-1945 (идейно-политические проблемы). – Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Свердловск: Урал. ун-т, 1991. – 35 с.
119. Войтенко Е.А. Холокост на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.). – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь: СГУ, 2005. – 25 с.
120. Гаврилов А.В. Католицизм и национал-социализм в Германии (1933-1945). – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль: Яросл. ГУ, 2001. – 28 с.
121. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма (20-е годы – первая половина 90-х годов). – Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Томск: ТГУ, 1997. – 42 с.

122. Галактионов Ю.В. Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945-90-х годов. – Кемерово: Кемеровск. гос. ун-т, 1999. – 100 с.
123. Галкин А.А. Германский фашизм. – М.: Наука, 1967. – 399 с.
124. Галкин А.А. Германский фашизм. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
125. Галкин А.А. Социология неофашизма. – М.: Наука, 1971. – 198 с.
126. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. – 1995. N 2. – С. 6. – 15.
127. Ган Н. Ева Браун: жизнь, любовь, судьба. – М.: «Изд-во Астрель», АСТ, 2000. – 224 с.
128. Германикус. Германский национал-фашизм. – М.; Л., 1931.
129. Германия: фашизм, неофашизм и молодежь/ Под ред. Н.С. Черкасова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. – 176 с.
130. Гернле Э. Положение крестьянских масс в фашистской Германии. – М., 1941.
131. Герцштейн Р.Э. Война, которую выиграл Гитлер: Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 1996. – 608 с.
132. Гинцберг Л.И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. – М.: Наука, 1972. – 455 с.
133. Гинцберг Л.И. Советские историки об истории фашизма и антифашистской борьбы в Германии (60-е – начало 80-х гг.) // Новая и новейшая история. – 1985. – N 2. – С. 33-48.
134. Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939-1945. – М.: Наука, 1987. – 336 с.
135. Гольдштейн И., Левина Р. Германский империализм. – М.: Госполитиздат, 1947. – 478 с.

136. Григорьянц Т.Ю. Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939-1945 гг.) (попытки германизации и колонизации «присоединенных» польских земель). – М.: Наука, 1979. – 221 (3) с.
137. Дворкин И. Экономическая программа германского национал-социализма. – М., 1933.
138. Дрие ла Рошель П. Фашистский социализм. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 245 с.
139. Ерин М.Е. Политический крах немецкой партии Центра (1924-1933 гг.). – Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М.: МГУ, 1988. – 55 с.
140. Ерин М.Е., Ермаков А.М. «Имперская трудовая повинность» в нацистской Германии (1933-1945). – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1998. – 195 с.
141. Жуков В.И. Российские реформы: социология, экономика, политика. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. – 508 с.
142. Зигмунд А.М. Женщины нацистов: Пер. с нем. – М.: Ладомир, 2001. – 230 с.
143. Зигмунд А.М. Женщины Третьего рейха: Г. Борман, Л. Гейдрих, Ю. Митфорд, Х. Рейч, В. Вагнер, К. Рашер: Пер. с нем. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 281 (7) с.
144. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.): Пер. с нем. – М., 1997. – 302 с.
145. История фашизма в Западной Европе. – М.: Наука, 1978. – 613 с.
146. Кершоу Я. Гитлер: Пер. с англ. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – 320 с.
147. Кноп Г. «Дети» Гитлера: Пер. с нем. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2004. – 285 с.
148. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 483(13) с.

149. Кольга Г.И. Роль НСДАП в формировании политической системы «третьего рейха». – Автореф. дис... канд. ист. наук. – Ставрополь: СГПУ, 1998. – 19 с.
150. Коммунизм и национал-социализм: сравнительный анализ. – М., 2000.
151. Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. Пер. с фр. – М.: «Текст», 2003. – 687 с.
152. Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – 608 с.
153. Макарова Л.М. Идеология германского национал-социализма: социально-политический анализ. – Автореф. дис... докт. ист. наук. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 46 с.
154. Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани, Ставрополья). – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. – 28с.
155. Манчестер У. Стальная империя Круппов. История легендарной оружейной династии: Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 702 с.
156. Маррабини Ж. Повседневная жизнь Берлина при Гитлере: Пер. с фр. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 308(12) с.
157. Милза П. Что такое фашизм? // Полис. – 1995. – N 2. – С. 156-163.
158. Мининков Н.А. Методология истории. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2004.
159. Моссе Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма: Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 446 с.
160. Мюллер Р.Д. Насильственное рекрутирование «восточных рабочих». 1941-1944 гг. // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: Пер. с нем. – М.: Весь мир., 1997. – С. 609-618.

161. Нольте Э. Фашизм в его эпохе: Пер. с нем. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 568 с.
162. Ольшанский В.В. Становление социально-политической мифологии фашизма (по материалам гитлеровской Германии). – Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону: СКНЦВШ, 2002. – 21 с.
163. Орлов Ю.Я. Антисемитизм как основополагающей компонент нацистского «мифа почвы, крови и расы» // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 10, Журналистика. – 1994. – № 3. – С. 70-82.
164. Оттвальд Э. Путь Гитлера к власти. История национал-социализма. – М., 1933.
165. Оувери Р. Геринг. «Железный человек»: Пер. с англ. – Минск: ООО «Попурри», 2003. – 480 с.
166. Петрушов А.М. Аграрные отношения в Германии. – М., 1945.
167. Пингель Ф. Узники концлагерей: уничтожение и принудительный труд // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – С. 619-630.
168. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. – СПб: РХГИ, 1997. – 576 с.
169. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. – СПб: Издательский Дом «Нева», 2004. – 480 с.
170. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). – СПб: Издательский Дом «Нева», 2004. – 480 с.
171. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Арийская культура. – СПб: Издательский Дом «Нева», 2005. – 480 с.
172. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Война: до критической черты. – СПб: Издательский Дом «Нева», 2005. – 384 с.
173. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Война: кризис и крах. – СПб: Издательский Дом «Нева», 2005. – 512 с.

174. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РОССПЭН, 2002. – 896 с.
175. Пуховская Н.Е. Формирование и реализация культурной политики в Третьем рейхе. – Дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1999.
176. Пуховская Н.Е. Формирование и реализация культурной политики в Третьем рейхе. – Автореф. дис.... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1999. – 28 с.
177. Размеров В.В. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии (1933-1935 гг.) – М.: Изд-во ИМО, 1958. – 174 с.
178. Райх В. Психология масс и фашизм: Пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 381 с.
179. Рахшмир П.Ю. Буржуазная историография западноевропейского фашизма. – Дис. ... докт. ист. наук. – Пермь: Пермск. гос. ун-т, 1975. – XXXII, 374 с.
180. Реккер М.-Л. Между социальным умиротворением и материальной эксплуатацией // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – С. 341-352.
181. Рисс К. Адвокат дьявола: Пер. с англ. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 492 с.
182. Розанов Г.Л. Германия под властью фашизма (1933-1939 гг.) – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 1964. – 518 с.
183. Руге В. Как Гитлер пришел к власти: Германский фашизм и монополии. – М.: Мысль, 1985. – 320 с.
184. Рудая О.И. Британская интеллигенция и фашизм в 20-30-е годы XX века. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. – 26 с.
185. Сидоров А.Н. Ремесленники в фашистской Германии. – М.; Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1936. – 77 с.

186. Сидоров А.Н. Фашизм и городские средние слои в Германии. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. – 166(2) с.
187. Соколов А.Н. Правовое государство. Идея, теория, практика. – Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 1994. – 427 с.
188. Соколов В.Б. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ – Пресс Книга, 2002. – 352 с.
189. Социально-демографическая политика в развитых странах Запада. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1992. – 202 с.
190. Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных: Пер. с нем. – М., СПб.: Полигон – АСТ, 1998. – 634 с.
191. Трайнин И.П. Механизм немецко-фашистской диктатуры. – Ташкент: Госиздат УЗ СССР, 1942. – 231 с.
192. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. – М.: Наука, 1996. – 540 с.
193. Тоталитаризм как исторический феномен. – М.: Философское общество СССР, 1989. – 395(1) с.
194. Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. – М.: Вузовская книга, 1999. – 140 с.
195. Фест И. Адольф Гитлер: Биография: В 3 т.: Пер. с нем. – Пермь: Культурный центр Алетейа, 1993. – Т. 1. – 386 с.; Т. 2. – 480 с.; Т. 3. – 544 с.
196. Фолькманн Х.-Э. Советский Союз в экономических расчетах «третьего рейха». 1933-1941 годы // Отечественная история. – 1997. – N 2. – С. 74-86.
197. Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. – М.: Наука, 1978. – 327 с.
198. Фришауэр В. Взлет и падение Геринга. Хроника жизни на фоне истории: Пер. с англ. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 428 с.

199. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
200. Херстер-Филиппс У. «Спор историков» в ФРГ // Новая и новейшая история. – 1988. – N 3. – С. 48-55.
201. Черкасов Н.С. «Спор историков» продолжается? // Новая и новейшая история. – 1990. – N 1. – С. 171-184.
202. Шварцкопф К.Э. Образ внешнего мира в национал-социалистической пропаганде (1933-1941 гг.). – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар: Куб. ГУ, 2004. – 26 с.
203. Штрайт К. Советские военнопленные – массовые депортации - принудительные рабочие // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – С. 589-600.
204. Abelshauser W. Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 1999. – Jg. 47. – N 4. – S. 503-538.
205. Aron R. Is there a Nazi Mystery? // Encounter. – 1980. – V. 54. – N 6. – P. 29-41.
206. Aycoberry P. The Social History of The Third Reich. 1933-1945. – New York: The new press, 2000. – VI, 380 p.
207. Baldwin P. Social Interpretations of Nazism: Renewing a Tradition // Journal of Contemporary History. – 1990. – V. 25. – N 1. – P. 5-37.
208. Barkai A. Das Wirtschaftssystem des Nationalsozialismus. Der historische und ideologische Hintergrund 1933-1936. – Köln: Wissenschaft und Politik, 1977. – 215 s.
209. Barkai A. The German Volksgemeinschaft from the Persecution of the Jews to «Final Solution» // In: Burleigh M. (Ed.). Confronting the Nazi Past. New Debates on Modern German History. – London: Collins and Brown, 1996. – P. 84-97.
210. Bartow O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. – 238 p.

211. Bäumer-Schleinkofer Ä. *Biologie unter dem Hakenkreuz. Biologie und Schule im Dritten Reich // Universitas.* – Januar, 1992. – Jg. 47. – N 547. – S. 48-61.
212. Berghahn V.R. *Modern Germany. Society and politics in the twentieth century.* – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1982. – XI, 314 p.
213. Biddiscombe P. «The Enemy of Our Enemy»: A View of the Edelweiss Piraten from the British and American Archives // *Journal of Contemporary History.* – 1995. – V. 30. – P. 37-63.
214. Bock G. *Antinatalism, Maternity And Paternity In National Socialist Racism // In: Crew D.F. (Ed.). Nazism and German Society, 1933-1945.* – London; New York: Routledge, 2003. – P. 110-140.
215. Bock G. *Die Frauen und der Nationalsozialismus. Bemerkungen zu einem Buch von Claudia Koonz // Geschichte und Gesellschaft.* – 1989. – Jg. 15. – N 4. – S. 563-579.
216. Bracher K.D. *Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie.* – München, 1976.
217. Bramstedt E.K. *Goebbels and National-Socialist Propaganda 1925-1945.* – London, 1965.
218. Broszat M. *The Hitler State: the foundation and development of the internal structure of the Third Reich.* – London; New York: Longman, 1981. – XVII, 378 p.
219. Bry G. *Wages in Germany. 1871-1945.* – Princeton: Princeton University Press, 1960. – 486 p.
220. Buchholtz W. *Die Nationalsozialistische Gemeinschaft: «KdF». Freizeitgestaltung und Arbeiterschaft im Dritten Reich. Inaug. – Diss.* – München, 1976. – VI, 431 s.
221. Burleigh M., Wippermann W. *The Racial State: Germany 1933-1945.* – Cambridge: University Press, 1992. – 386 p.
222. Burleigh M. *The Third Reich. A New History.* – London: Pan Books, 2001. – 965 p.

223. Calleo D. *The German Problem Reconsidered: Germany and the World Order, 1870 to the Present.* – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1978. – XI, 239 p.
224. Campbell d'Ann. *Women in Combat: The World War II Experience in the United States, Germany and the Soviet Union* // *The Journal of Modern History.* – 1993. – V. 57. – N. 2. – P. 301-323.
225. Caplan J. *Civil Service Support for National Socialism: An Evaluation* // *En: Der «Führerstaat»: Mythos und Realität.* – Stuttgart: Klett Cotta, 1981. – S. 167-193.
226. Carr W. *Hitler. A Study in Personality and Politics.* – New York: St. Martin's Press, 1979. – 200 p.
227. Cassels A. *Janus. The Two Faces of Fascism* // *Canadian Historical Papers.* – 1969. – P. 166-184.
228. Cassels A. *The Two Faces of Fascism* // *In: Turner H. (Ed.). Reappraisals of Fascism.* – New York: Franclin Watts Inc., 1975. – P. 69-92.
229. Cassels A. *Fascism.* – New York: Thomas G. Crowell Company, 1975. – XIV, 401 p.
230. Castell A.G. *zu. Deutsche Bevölkerungspolitik. Geburtenrückgang und Politik* // *Journal für Geschichte.* – Jan. / Febr. 1984. – Dm. 8. – N 1. – S. 37-43.
231. Diehl J.M. *Change and Continuity in the Treatment of German Kriegsopfer* // *Central European Hiatory.* – 1985. – V. 18. – N 2. – P. 170-187.
232. Diehl J.M. *Victors or Victims? Disabled Veterans in the Third Reich* // *The Journal of Modern History.* – 1987. – V. 59. – N. 4. – P. 705-736.
233. Dorpalen A. *German history in Marxist perspective: the East German approach.* – Detroit, 1985. – 542 p.
234. Eichholtz D. *Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939-1945. Bd. II: 1941-1943.* – Berlin: Akademie – Verlag, 1985. – 713 s.
235. Ellus J. *Autopsy of Revolution.* – New York, 1971.

236. Engelmann B. In *Hitler's Germany. Daily Life in the Third Reich.* – New York: Pantheon Books, 1986. – XIII, 335 p.
237. Evans R.J.; Geary D. *The German Unemployed. Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich.* – London; Sydney: Croom Helm, 1987. – 314 p.
238. Farguharson J.E. *The plough and the swastika. The NSDAP and agriculture in Germany 1928-45.* – London; Beverly Hills: SAGE, 1976. – VIII, 312 p.
239. *Faschismus Forschung. Positionen, Probleme, Polemik.* – Berlin: Akademie-Verlag, 1980. – 459 s.
240. Fest I. *The Face of the Third Reich. Portraits of the Nazi Leadership.* – New York: Ace Books, 1970. – 605 p.
241. Freeman M. *Atlas of Nazi Germany.* – London; Sydney: Helm, 1987. – 205(11) p.
242. Fromm E. *Fascism as lower-middle – class psychology // In: Allardyce G. (Ed.). The Place of Fascism in European History.* – Prentice Hall, 1971. – P. 36-49.
243. Gassner G. *Zwischen Kindern, Küche und Kanonen. Die Arbeit der Münchnerinnen im Zweitkrieg // En: Kraft S. (Hg.). Zwischen der Fronten. Münchner Frauen in Krieg und Frieden 1900-1950.* – München: Buchendorfer Verlag, 1995. – S. 212-231.
244. Geary D. *Image and Reality in Hitler's Germany // European History Quarterly.* – 1989. – V. 19. – N 3. – P. 385-390.
245. Geary D. *European Labour Protest 1848-1939.* – New York: St. Martin's Press, 1981. – 195 p.
246. Gersdorf U. *Frauen im Kriegsdienst, 1914-1945.* – Stuttgart: Deutsche Verlagenstalt, 1969.
247. Gessner D. *The Dilemma of German Agriculture During the Weimar Republic // In: Social Change and Political Development in Weimar Germany.* – London: Croom Helm; Totowa (New Jersey): Barnes and Noble Books, 1981. – P. 134-154.

248. CM.: Giles G.J. The Rise of the National Socialist Students' Association and the Failure of Political Education in the Third Reich // In: Stachura P.D. (Ed.). The Shaping of the Nazi State. – London: Croom Helm; New York: Barnes and Noble Books, 1978. – P. 160-185.
249. CM.: Giles G.J. University Government in Nazi Germany: Hamburg // *Minerva. A Review of Science, learning and policy.* – 1978.– V.16. – N 2. – P. 196 – 221.
250. Gillingham J. Industry and Politics in the Third Reich. Ruhr coal, Hitler and Europe. – London: Methuen, 1985. – XII, 183 p.
251. Gillingham J. The «Deproletarianization» of German Society. Vocational Training in The Third Reich // *Journal of Social History.* – 1986. – V. 19. – N 3. – P. 423-429.
252. Gregor A. Fascism and Modernisation: Some Addenda // *World Politics.* – 1973. – V. 26. – N 3. – P. 370-384.
253. Grill J.H. The Nazi Movement in Baden, 1920-1945. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1983. – XV, 720 p.
254. Grundmann F. Agrarpolitik im «Dritten Reich». Anspruch und Wirklichkeit des Reichserbhofgesetzes. –Hamburg: Hoffmann und Campe, 1979. – 233 s.
255. Gruberger R. The 12-Year Reich. A Social History of Nazi Germany 1933-1945. – New York etc.: Holt, 1971. – 535 p.
256. Hachtmann R. Industriearbeit im «Dritten Reich». – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1989. – 464 s.
257. Hagtvet B. The Theory of Mass Society and the Collapse of the Weimar Republic: A Re-Examination // In: Larsen S.U., Hagtvet B., Myklebust J.P. (Eds.). Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism. – Bergen etc: Universitetsforleg, 1980. P. 66-117.
258. Hansen E. Wohlfahrtspolitik im NS - Staat. Motivationen, Konflikte und Machtstrukturen im «Sozialismus der Tat» des Dritten Reiches. –Augsburg: Marlo – Verlag, 1991. – 495 s.

259. Harrison T. The Theory and Practice of National Socialism // *European History Quarterly*. – 1988. – V. 18. – N 3. – P. 369-377.
260. Heberle R. Landvölkerung und Nationalsozialismus. Eine soziologische Untersuchung der politischen Willensbildung in Schleswig – Holstein, 1918 bis 1932. – Stuttgart: Deutsche Verlagenstalt, 1963. – 171 s.
261. Herbert U. Arbeit und Vernichtung Ökonomisches Interesse und Primat der «Weltanschauung» im Nationalsozialismus // En: Herbert U. (Hg.). Europa und der «Reichseinsatz» Ausländische Zivilarbeiter Kriegesfangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938-1945. – Essen: Klartext, 1991. – S. 385-425.
262. Herbert U. «The Real Mystery in Germany». The Germany Working Class During the Nazi Dictatorship // In: Burleigh (Ed.). *Confronting the Nazi Past New Debates on Modern German History*. – London: Collins and Brown, 1996. – P. 23-36.
263. Herf J. The Engineer as Ideologue: Reactionary Modernists in Weimar and Nazi Germany // *Journal of Contemporary History*. – 1984. – V. 19. – N. 4. – P. 631-648.
264. Herf J. *Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich*. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1986. – 251 p.
265. Hermand J. All Power to the Women: Nazi Concepts of Matriarchy // *Journal of Contemporary History*. – 1984. – V. 19. – N 4. – P. 649-667.
266. Hiden J., Farguharson J. *Explaining Hitler's Germany. Historians and the Third Reich*. – Totowa (New Jersey): Barnes and Noble Books, 1983. – 237 p.
267. Hofer W. Fifty Years On: Historians and the Third Reich // *Journal of Contemporary History*. – 1986. – V. 21. – N. 2. – P. 225-251.
268. Homze E.L. *Foreign Labor in Nazi Germany*. – Princeton: Princeton University Press, 1967. – 350 p.

269. Horn D. The Struggle for Catholic Youth in Hitler's Germany: An Assessment // *The Catholic Historical Review*. – 1979. – V. 65. – N 4. – P. 561-582.
270. Huebsch N.A. The «Wolf Cubs» of the New Order: The Indoctrination and Training of the Hitler Youth // In: *Nazism and the Common Man: Essays in German History (1929-1939)*. – Washington: University Press of America Inc., 1981. – P. 93-111.
271. Jannen W. National Socialists and Social Mobility // *Journal of Social History*. – 1976. – V. 9. – N 3. – P. 339-366.
272. Jarausch K.H. The Crisis of German Professions 1918-33 // *Journal of Contemporary History*. – 1985. – V. 20. – N 3. – P. 379-398.
273. Jaud R. J. *Der Landkreis Aachen in der NS - Zeit (Politik, Wirtschaft und Gesellschaft in einem Katholischen Grenzgebiet, 1929-1944)*. Frankfurt am. Main etc.: Peter Lang, 1997. – 791 s.
274. Joes A.G. Fascism. The Past and the Future // *Comparative Political Studies*. – 1974. – V. 7. – N 1. – P. 107-133.
275. Kaelble H. Social Mobility in Germany, 1900-60 // *The Journal of Modern History*. – 1978. – V. 50. – N 3. – P. 439-461.
276. Kater M.H. *Hitlerjugend und Schule im Dritten Reich* // *Historische Zeitschrift*. – 1979. – Bd. 228. – N 3. – S. 572-623.
277. Kater M.H. *The Nazi Party. A. Social Profile of Members and Leaders, 1919-1945*. – Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1983. – 415 p.
278. Keller B. *Das Handwerk im faschistischen Deutschland. Zum Problem des Massenbasis*. – Köln: Pahl – Rugenstein, 1980. – 157 s.
279. Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933-1945*. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 425 p.
280. Kershaw I. How Effective Was Nazi Propaganda? // In: Welch D. (Ed.). *Nazi Propaganda. The Power and the Limitations*. – London; Canberra:

- Croom Helm; Totowa (New Jersey): Barnes and Noble Books, 1983. – P. 180-205.
281. Kershaw I The Nazi Dictatorship. Problems and Perspectives of Interpretation. – London: Edward Arnold, 1985. – IX, 164 p.
282. Kershaw I. The «Hitler Myth». Image and Reality in the Third Reich. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1987. – 297 p.
283. Kitchen M. Ernst Nolte and the phenomenologia of fascism // Science and Society. – 1974. – V. 38. –N. 2. – P. 130-149.
284. Kitchen M. Fascism. – London: The Macmillan Press Ltd., 1976. – 106 p.
285. Kitchen M. Europe Between the Wars. A Political Hisfory. – London; New York: Longman, 1988. – 350 p.
286. Klaus M. Madchen im Dritten Reich. Der Bund Deutschen Mädcl (BDM). – Köln: Pahl – Rugenstein, 1983. – 219 s.
287. Klein B.H. Germany's Economic Preparations for War // In: Koch H. W. (Ed.). Aspects of the Third Reich. –New York: St. Martin's Press, 1985. – P. 360-370.
288. Klönne A. Jugend im Dritten Reich // En: Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1992. – S.218-239.
289. Koch H.W. Geschichte der Hitlerjugend. Ihre Ursprünge und ihre Entwicklung 1922-1945. – Percha am Starnberger See: Verlag R.S. Schultz, 1975. – 488 s.
290. Koch H.W. A Constitutional History of Germany in the nineteenth and twentieth centuries. – London; New York: Longman, 1984. – XIV, 400 p.
291. Koonz C Mothers in the Fatherland. Women, the Family and Nazi Politics. – New York: St. Martin's Press, 1987. – 556 p.

292. Koonz C. Ethical Dilemmas and Nazi Eugenics: Single – Issue Dissent in Religious Context // *The Journal of Modern History. – Supplement.* – December, 1992. – V. 64. – P. 8-31.
293. Kutz M. Kriegserfahrung und Kriegsvorbereitung. Die agrarwirtschaftliche Vorbereitung Hintergrund der Weltkrieg I – Erfahrung // *Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie.* – 1984. –Jg. 32. – N 1. – S. 59-82.
294. Lampert H. Staatliche Sozialpolitik im Dritten Reich // *En: Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H. -A. (Hrsg.). National – Sozialistische Diktatur. 1933-1945.* – Düsseldorf: Droste Verlag, 1983. – S. 177-205.
295. Laqueur W. *Young Germany. A History of the German Youth Movement.* – London: Routledge and Kegan Paul, 1962. – 253 p.
296. Lehmann J. Agrarpolitik, Land – und Ernährungswirtschaft in Deutschland 1939 bis 1945 // *Studia Historiae Oeconomicae.* 1982. – Poznan, 1983. – V. 17. – S. 173-194.
297. Leonardt H. «Wir arbeiten auf lange Sicht». Der Bund Deutscher Mädel (BDM) in der Hitler-Jugend (HJ) auf dem «Marsch» in den Zweiten Weltkrieg // *En: Kraft S. Zwischen den Fronten. Münchner Frauen in Krieg und Frieden 1900-1950.* – München: Buchendorfer Verlag, 1995. – S. 188-211.
298. Leppert-Fögen A. *Die deklassierte Klasse: Studien zur Geschichte und Ideologie des Kleinbürgertums.* – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1974. – 217 s.
299. Lepsius M.R. From Fragmented Party Democracy to Government by Emergency Decree and National Socialist Takeover: Germany // *In: Linz J.J., Stephan A. (Eds.). The Breakdown of Democratic Regimes.* – Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1978. – P. 34-79.
300. Linz J.J. Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective // *In: Laqueur W. (Ed.). Fascism. A Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography.* – Berkeley; Los Angeles, 1978. – P. 3-121.

301. Lovin C.R. Agricultural Reorganization in the Third Reich: The Reich Food Corporation (Reichsnährstand), 1933-1936 // *Agricultural History*. – 1969. – V. 43. – N 4. – P. 447-461.
302. Lüdtke A. The «Honor of Labor». Industrial workers and the power of symbols under National Socialism // In: Crew D.F. (Ed.). *Nazism and German Society, 1933-1945*. – London; New York: Routledge, 2003. – P. 67-109.
303. Mai G. «Warum steht der deutsche Arbeiter zu Hitler? Zur Rolle der Deutschen Arbeitsfront im Herrschaftssystem des Dritten Reiches // *Geschichte und Gesellschaft*. – 1986. – Jg. 12. – N 2. – S. 212-234.
304. Maier C.S. Immoral Equivalence (Revising the Nazi Past for the Kohl Era) // *The New Republic*. – 1986. – December 1. – P. 36-41.
305. Maier C.S. Some Recent Studies of Fascism // *The Journal of Modern History*. – 1976. – V. 48. – N 3. – P. 506-521.
306. Marchand S. Nazi Culture: Banality or Barbarism? // *The Journal of Modern History*. – 1998. – V. 70. – N 1. – P. 108-118.
307. Mason T.W. «The legacy of 1918 for National Socialism» // In: Nicholls A., Mathias E. (Eds.). *German Democracy and Triumph of Hitler. Essays on Recent German History*. – London: George Allen and Unwin Ltd., 1971. – P. 215-239.
308. Mason T.W. *Sozialpolitik im Dritten Reich: Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft*. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. – 374 s.
309. Mason T.W. The Worker's Opposition in Nazi Germany // *History Workshop*. – 1981. – Issue 11. – P. 120-137.
310. Mason T. W. Women in Germany, 1925-1940: Family, Welfare and Work. Part 1 // *History Workshop*. – Spring, 1976. – N 1. – P. 74-113.
311. Mason T. W. Women in Germany, 1925-1940: Family, Welfare and Work. Part 2 // *History Workshop*. – Autumn, 1976. – N 2. – P. 5-32.

312. Merritt M.A. Strength through Joy: Regimented Leisure in Nazi Germany // In: Nazism and Common Man: Essays in German History (1929-1939). – Washington: University Press of America, Inc., 1981. – P. 67-90.
313. Merson A. Nazis and monopoly capital // Our History. – Pamphlet 57. – Summer 1973. – P. 3-19.
314. Milton S. Vorstufe zur Vernichtung. Die Zigeunerlager nach 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 1995. – Jg. 43. – N 1. – S. 115-130.
315. Milward A. War, Economy and Society, 1939-1945. – London: Allen Lane, Penguin Books Ltd., 1977. – XIII, 395 p.
316. Milward A. Fascism and the Economy // In: Laqueur W. (Ed.). Fascism A Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography. – P. 379-412.
317. Milward A. Fascists, Nazis, and Historical Method // History. – 1982. – V. 67. – N 219. – P. 47-62.
318. Milward A. Towards a Political Economy of Fascism // In: Larsen S.U., Hagtvet B., Myklebust J.P. (Eds.). Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism. – P. 56-65.
319. Mommsen H. Beamtentum in Dritten Reich. Mit ausgewählten. Quellen zur nationalsozialistischen Beamtenpolitik. – Stuttgart: 1966. – 246 s.
320. Mosse G.L. Nazi Culture. Intellectual, Cultural and Social Life in the Third Reich. – New York: Grosset and Dunlap, 1968. – 386 p.
321. Mosse G.L. Masses and Man. Nationalist and fascist perceptions of reality. – New York: Howard Fertig, 1980. – 315 p.
322. Mühl- Benninghaus S. Das Beamtentums in der NS-Diktatur bis zum Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. – Düsseldorf: Droste, 1996. – XVII, 212 s.
323. Müller RJ. Die Rekrutierung sowjetischer Zwangsarbeiter für die deutsche Kriegswirtschaft // In: Herbert U. (Hg.). Europa und der «Reichseinsatz» Ausländische Zivilarbeiter, Kriegesfangene und KZ – Häftlinge in Deutschland 1938-1945. – Essen: Klartext, 1991. – S. 234-251.

324. Münkel D. Bäuerliche Interessen Versus NS-Ideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 1996. – Jg. 44. – N 4. – S. 549-579.
325. Nelson W.H. Small Wonder. The Amazing Story of the Volkswagen. – Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1970. – 311 p.
326. Neumann F. Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism. 1933-1944. – New York: Octagon Books, Inc., 1963. – 431 p.
327. Nicholls A. G. Germany // In: Woolf S.J. (Ed.). Fascism in Europe. – London; New York: Methuen, 1981. – P. 65-91.
328. Nipperday T. 1933 and the Continuity of German History // In: Koch H.W. (Ed.). Aspects of the Third Reich. – P. 489-508.
329. Noakes J. Nazism and Revolution // In: O'Sullivan N. (Ed). Revolutionary Theory and Political Reality. – Brighton; Sussex: Wheatsheaf Books, 1983. – P. 73-100.
330. Noakes J. Social Outcasts in Nazi Germany // History Today. – December, 1985. – V. 35. – P. 15-19.
331. Noakes J. The ivory tower under siege: German universities in the Third Reich// Journal of European Studies. Literature and ideas from the renaissance to the present. – 1993. – V. 23. – Part 4. – N 92. – P. 371-407.
332. Nolan M. Work, Gender and Everyday Life in Twentieth – Century Germany // In: Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison. – Cambridge: University Press, 1997.
333. Nolte E. Between Myth and Revisionism. The Third Reich in the Perspective of the 1980 s // In: Koch H.W. (Ed.). Aspects of the Third Reich. – P. 17-38.
334. Orlow D. The History of the Nazi Party: 1933-1945. – V. 2. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1973. – 538 p.
335. Overy R.J. Transportation and Rearmament in the Third Reich // The Historical Journal. – 1973. – V. 16. – N 2. – P. 389-409.

336. Overy R.J. Class and Community in the Third Reich // *The Historical Journal*. – 1979. – V. 22. – N 2. – P. 493-503.
337. Overy R.J. *The Nazi Economic Recovery. 1932-1938*. – London: Basingstoke Macmillan, 1982. – 76 p.
338. Overy R.J. Goering. The «Iron Man». – London; Boston: Routledge and Keagan Paul, 1984. – 310 p.
339. Overy R.J. «Unemployment in the Third Reich» // *Business History*. – 1987. – V. 29.
340. Passchier N. The Electoral Geography of the Nazi Landslide. The Need for Community Studies // In: Larsen S.U., Hagtvet B., Myklebust J.P. (Eds.). *Who Were the Fascists?* – P. 283-300.
341. Payne S.G. *Fascism: Comparison and Definition*. – Madison (Wisconsin): The University of Wisconsin Press, 1980. – 234 p.
342. Payne S.G. *A History of Fascism, 1914-1945*. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1995. – 613 p.
343. Peterson E.N. *The Limits of Hitler's Power*. – Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1969. – 472 p.
344. Prinz M. Vom neuen Mittelstand zum Volksgenossen. Die Entwicklung des sozialen Status der Angestellten von der Weimarer Republik bis zum Ende des NS-Zeit. – München: R. Oldenbourg Verlag, 1986. – 362 s.
345. Peukert D.J.K. *Inside Nazi Germany: Conformity, opposition, and nazism in everyday life*. – New Haven; London: Yale University Press, 1987. – 288 p.
346. Purcell H. *Fascism*. – London: Hamish Hamilton, 1977. – 95 p.
347. Rabinbach A. The Aethetics of Production in The Third Reich // *Journal of Contemporary History*, – 1976. – V. 11. – N 4. P. 43-74.
348. Reich W. *The mass psychology of fascism*. – New York: Penguin Books, 1975. – 430 p.

349. Rempel G. Hitler's Children. The Hitler Youth and the SS. – Chapel Hill; London: The University of North Carolina Press, 1989. – 354 p.
350. Rupp L.J. Mobilizing Women for War. German and American Propaganda 1939-1945. – Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1978. – 243 p.
351. Rutherford W. Hitler's Propaganda Machine. – London: Bison Books, 1978. – 192 p.
352. Sachse C. Fabrik, Familie und kein Feierabend. Frauenarbeit im Nationalsozialismus // Gewerkschaftliche Monatshefte. – 1984. – Jg. 35. – N 9. – S. 566-579.
353. Salter S. Structures of Consensus and Coercion: Workers' Morale and the Maintenance of Work Discipline, 1939-1945// In: Welch D. (Ed.) Nazi propaganda. The Power and the Limitations, – London; Canberra: Croom Helm; Totowa (New Jersey): Barnes and Noble Books, 1983. – P. 88-116.
354. Sator K. Grosskapital im Faschismus: Dargestellt am Beispiel der IG - Farben. – Frankfurt am Main: Verlag Marxistische Blätter, 1978. – 117 s.
355. Sauer W. National Socialism: Totalitarianism or Fascism? // The American Historical Review. – 1967. – V. 73. – N 2. – P. 404-424.
356. Schieder W. (Hrsg.). Faschismus als Soziale Bewegung. Deutschland und Italien im Vergleich. – Hamburg, 1976.
357. Schmidt M. Albert Speer: The end of a myth. – New York: St. Martin's Press, 1984. – XI, 276 p.
358. Schoenbaum D. Hitler's social resolution: class and status in Nazi Germany. 1933-1939. – New York: Doubleday and Company inc., 1966. – 336 p.
359. Schweitzer A. Big Business in the Third Reich. – London: Eyre a Spottiswoode, 1964. – 739 p.
360. Semmler R. Goebbels – The man next to Hitler. – London: Westhouse, 1947. – 234 p.
361. Shand J.D. The Reichsautobahn: Symbol for the Third Reich // Journal of Contemporary History. – 1984. – V. 19. – N 2. – P. 189-200.

362. Sheehan J.J. National Socialism and German Society. Reflections on Recent Research // *Theory and Society*. – 1984. – V. 13. – N 6. – P. 851-867.
363. Siegel T. Die gekaufte Arbeiterklasse? – Lohnpolitik im nationalsozialistischen Deutschland // *Gewerkschaftliche Monatshefte*. – 1984. – Jg. 35. – N 9. – S. 533-545.
364. Siegel T. Wage Policy in Nazi Germany // *Politics and Society*. – 1985. – V. 14. – N 1. – P. 1-51.
365. Siegfried K.J. Racial Discrimination At Work: Forced Labour In The Volkswagen Factory, 1939-1945 // In: Burleigh. M. (Ed.). *Confronting The Nazi Past*. – P. 37-50.
366. Silverman D.P. Nazification of the German Bureaucracy Reconsidered: A Case Study // *The Journal of Modern History*. – 1988. – V. 60. – N 3. – P. 496-539.
367. Silverman D.P. Fantasy and Reality in Nazi Work - Creation Programs, 1933-1936 // *The Journal of Modern History*. – 1993. – V. 65. – N 1. – P. 113-151.
368. Smelser R. Die Sozialplanung der deutschen Arbeitsfront // En: Prinz M., Zitelmann R. (Eds.). *Nationalsozialismus und Modernisierung*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991. – S. 71-92.
369. Smith W.D. *The Historical Origins of Nazi Imperialism*. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1986. – 333 p.
370. Snyder L.L. *National Socialist Germany: Twelve Years that Shook the World*. – Malabar; Florida: Robert R. Krieger Publishing Company, 1984. – 209 p.
371. Spohn W. Zur «Betriebsverfassung» im nationalsozialistischen Deutschland // *Gewerkschaftliche Monatshefte*. – 1984. – Jg. 35. – N 9. – S. 545-555.
372. Stachura P.D. Who Were the Nazis? A Socio-Political Analysis of National-Socialist Machtübernahme // *European Studies Review*. – 1981. – V. 11. – N 3. – P. 293-324.

373. Stachura P.D. Gregor Strasser and the Rise of Nazism. – London: George Allen and Unwin, 1983. – 178 p.
374. Stachura P.D. National Socialism and the German Proletariat, 1925-1935: Old Myths and New Perspectives // *The Historical Journal*. – 1993. – V. 36. – N 3. – P. 701-718.
375. Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison – Cambridge: University Press, 1997. – 369 p.
376. Steinberger N. Die Agrarpolitik des Nationalsozialismus. – M.; L., 1935.
377. Stephenson J. Women in Nazi Society. – New York: Barnes and Noble Books, 1975. – 223 p.
378. Stephenson J. Girls' Higher Education in Germany in the 1930 // *Journal of Contemporary History*. – 1975. – V. 10. – N 1. – P. 41-69.
379. Stephenson J. «Reichsbund der Kinderreichen»: the League of Large Families in the Popular Policy of Nazi Germany // *European Studies Review*. – 1979. – V. 9. – N 3. – P. 351-375.
380. Stephenson J. The Nazi Organization of Women. – London: Croom Helm; Totowa (New Jersey): Barnes and Noble Books, 1980. – 246 p.
381. Stephenson J. «Emancipation» and its Problems: War and Society in Württemberg 1939-45 // *European History Quarterly*. – 1987. — V. 17. – N 3. – P. 345-365.
382. Stolleis M. The Law Under the Swastika. Studies on Legal History in Nazi Germany. – Chicago; London: Chicago University Press, 1998. – XVI, 263 p.
383. Sulik A. Volkstumspolitik und Arbeitseinsatz. Zwangsarbeiter in der Großindustrie Oberschlesiens // En: Herbert U. (Hg.). Europa und der «Reichseinsatz». – S. 106-126.
384. O'Sullivan N. Fascism. – London; Melbourne: Dent, 1983. – 223 p.
385. Taylor S. Prelude to Genocide. Nazi Ideology and the Struggle for Power. – London: Duckworth, 1985. – 228 p.

386. Theorien über den Faschismus. – Köln; Berlin (West): Athenäum, 1967. – 513 s.
387. Thornton M.J. Nazism 1918-1945. – Oxford etc.: Pergamon Press, 1966. – 181 p.
388. Tilton T. Nazism, neo-Nazism and the Peasantry. – Bloomington; London: Indiana University Press, 1975. – 186 p.
389. Toland J. Adolf Hitler. – New York: Doubleday Company, 1976. – 1035 p.
390. Trevor-Roper H.R. The Phenomenon of Fascism // In: Woolf S.J.(Ed.). Fascism in Europe.
391. Turner H. Fascism and Modernisation // World Politics. – 1972. – V. 24 – N 4. – P. 547-564.
392. Turner H. (Ed.). Reappraisals of Fascism. – New York: Franklin Watts Inc., 1975. – 238 p.
393. Weber E. Revolution? Counterrevolution? What Revolution // In: Laqueur W. (Ed.). Fascism. A Reader's Guide. Analyses, Interpretations, Bibliography.
394. Weindling P. Understanding Nazi Racism: Precursors and Perpetrators // In: Burleigh M. (Ed.). Confronting the Nazi Past. New Debates on Modern German History. – P. 66-83.
395. Welch D. The Third Reich. Politics and Propaganda. – London; New York: Routledge, 2002. – 246 p.
396. Whaley B. Covert Rearmament in Germany 1919-1939: Deception and Misperception // The Journal of Strategic Studies. – 1982. — V. 5. – N 1. – P. 3-39.
397. Wilke G., Wagner K. Family and Household: Social Structures in a German Village Between the Two World Wars // In: Evans R. J., Lee W.R. (Eds.). The German Family. Essays on the social history of the family in nineteenth - and - twentieth - century Germany. – London: Croom Helm; Totowa (New Jersey): Barnes and Noble Books, 1981. – P. 120-147.

398. Winkler D. Frauenarbeit im «Dritten Reih». – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1977. – 253 s.
399. Winkler H.A. From Social Protectionism to National Socialism: The German Small-Business Movement in Comparative Perspective // *The Journal of Modern History*. – 1976. — V. 48. – N 1. – P. 1-18.
400. Winkler H.A. German Society, Hitler and the Illusion of Restoration 1930-33 // *Journal of Contemporary History*. – 1976. – V. 11. – N 4. – P. 1-16.
401. Wippermann W. Faschismustheorien. Zum Stand den gegenwärtigen Diskussion. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972.
402. Wippermann W. Faschismustheorien. Zum Stand den gegenwärtigen Diskussion. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975.
403. Wolff J. Hitlerjugend und jugendgerichtsbarkeit. 1933-1945 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. – 1985. – Jg. 33. – N 4. – S. 640-667.
404. Wulff B. The Third Reich and the Unemployed: National Socialist Work - Creation Schemes in Hamburg 1933 - 4 // In: Evans R.J., Jeary D. (Eds.). *Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich*. – P. 281-302.
405. Zibert E.A. Albert Speer and the Nazi Ministry of Arms. – London, 1981.

VIII. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

406. Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2003. – 942 с.
407. Краткая философская энциклопедия. – М.: Издат. группа «Прогресс», «Энциклопедия», 1994. – 576 с.
408. Энциклопедия Третьего рейха / Сост. Воропаев С. – М.: ЛОКИД – МИФ, 1996. – 587 с.

409. Kehr H., Langmaid J. The Nazi Era: A Select Bibliography of published works from the early roots to 1980. – London: Manswell Publishers Ltd., 1982. – XVI, 621 p.
410. Snyder L.L. Encyclopedia of the Third Reich. – New York: Mc Graw-Hill, 1976. – XXII, 410 p.